

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

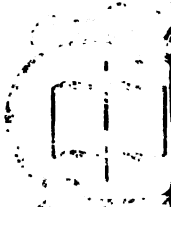
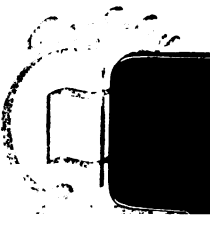
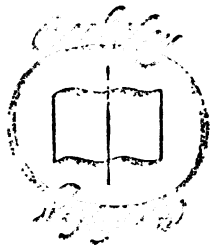
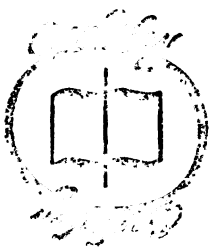
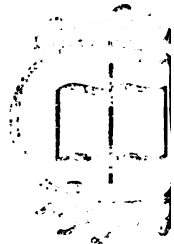
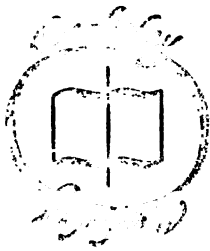
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

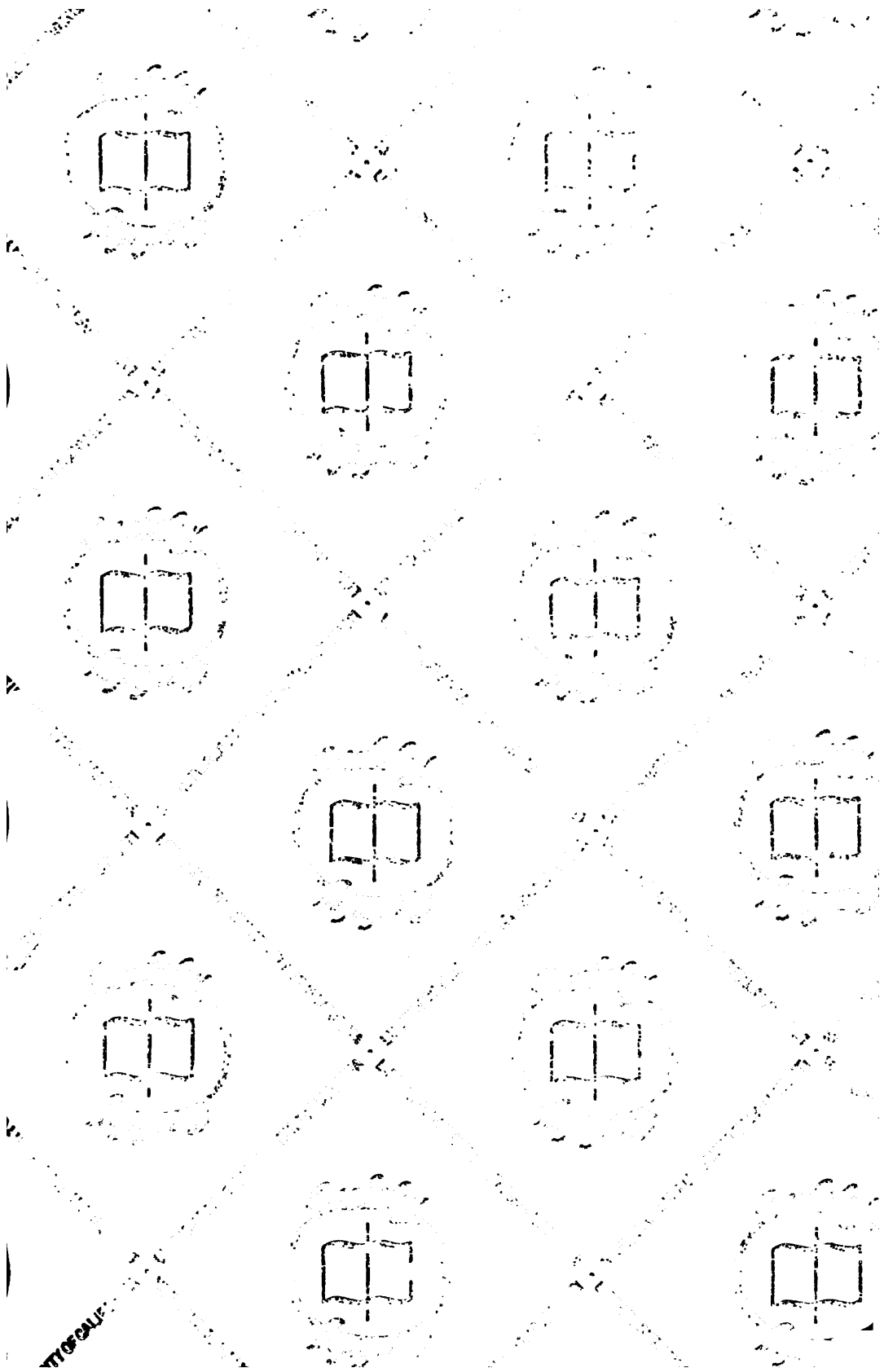
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

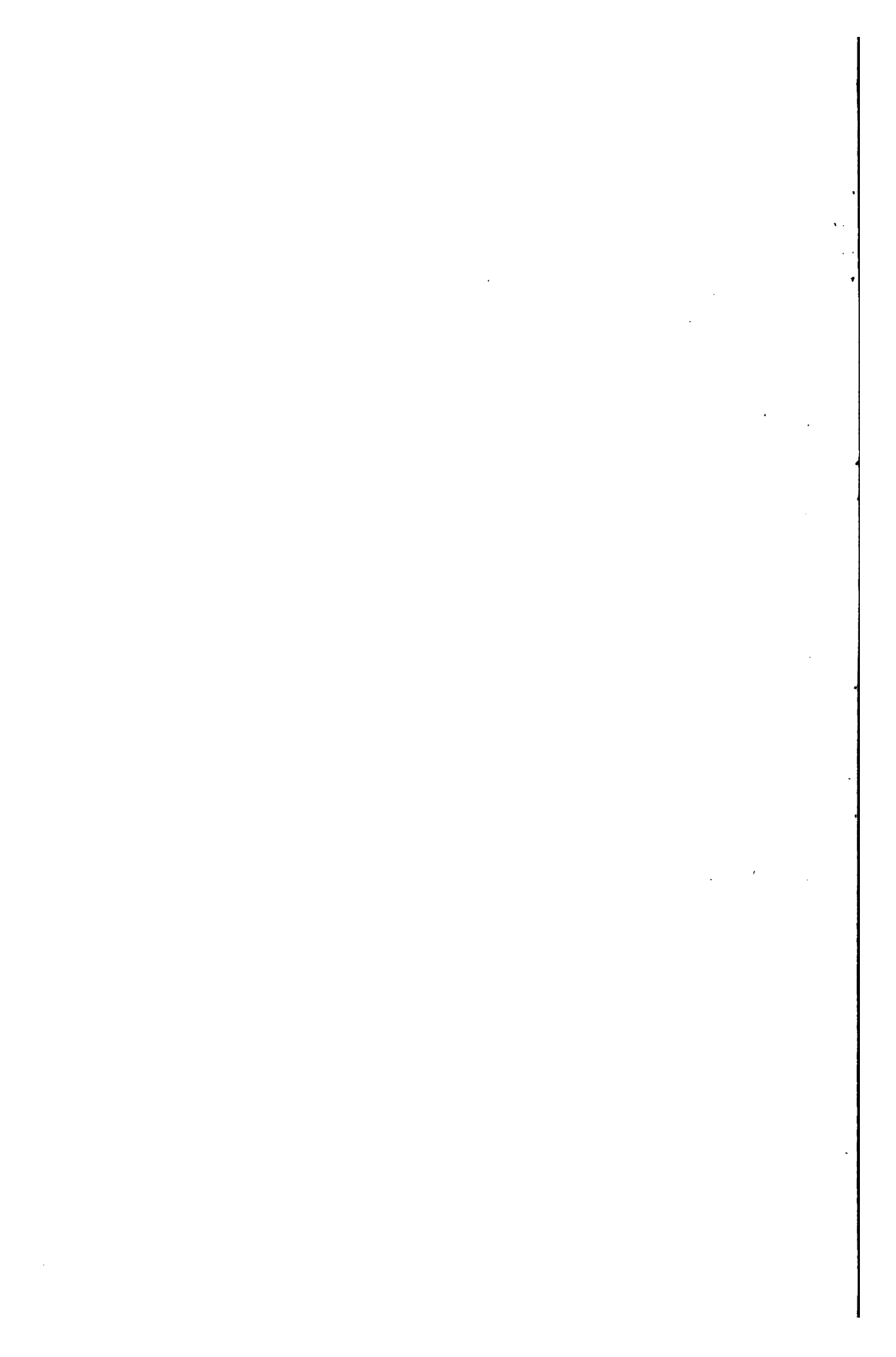
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

TIPOGRAFIA

1186 № 79

к. н. - 11

Проф. Евгений Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

~~~~~ (БОВРОВЪ)

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВЫПУСКЪ I.

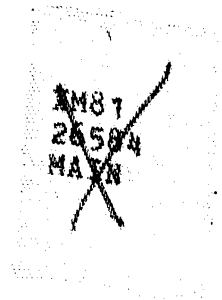
КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1899.

67600121

64658454

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Импе-
раторскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

B4201
B6
1899
v. 1-3
MAIN

Отъ автора.

Предлагаемый томъ содержитъ рядъ этюдовъ детальной разработки первоисточниковъ по исторіи философіи въ Россіи. Не по силамъ одного человѣка, да и рановременно еще ожидать цѣльной и связной исторіи философіи въ Россіи и всѣхъ ея эпизодовъ, разработанныхъ столь же детально, когда соприкасающіяся и сосѣднія съ нею области, както исторія русской литературы XIX в., исторія просвѣщенія, журналистики, исторія русскаго общества за тотъ же періодъ либо еще совсѣмъ не затронуты, либо находятся еще почти въ зародышѣ.

Большинство отдѣльныхъ этюдовъ, находящихся въ моей книгѣ, связано нѣкоторою общою мыслию и касается различныхъ сторонъ одного и того же явленія: шеллинговой философіи на русской почвѣ. Таковы этюды о московскихъ шеллинговцахъ М. Г. Павловѣ и Д. В. Веневитиновѣ, о петербургскомъ послѣдователѣ той же школы Д. М. Велланскомъ; къ этому присоединяется І. Шадъ, дѣйствовавшій въ Харьковѣ, и обыкновенно, причисляемый къ тому же направленію.

Биографіями и трудами поименованныхъ лицъ я занимаюсь въ широкихъ размѣрахъ, и настоящіе этюды суть лишь первые опыты разработки относящихся сюда матеріаловъ, весьма обширныхъ.

Въ виду полного почти отсутствія какихъ-либо подготовительныхъ работъ по исторіи философіи на Руси (въ смыслѣ

IV

детальнаго изученія первоисточниковъ) приходится заниматься и побочными отраслями исторической науки, както библиографією. Вотъ почему въ книгу вошли этюды о философскихъ книгахъ въ провинціи и о сочиненіяхъ Козлова, носящіе, по преимуществу, библиографическій характеръ. Трудъ мой не оканчивается на этомъ второмъ выпускѣ. Уже печатается третій томъ, за которымъ послѣдуютъ еще другіе, если автору силы его и здоровье позволятъ систематизировать и подготовить къ печати собранные имъ весьма многочисленные матеріалы изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать благодарность тѣмъ лицамъ, которые любезно и охотно помогали мнѣ въ разысканіи нужныхъ книгъ, а именно, библіотекарямъ: *В. П. Ламбину* въ Петербургѣ, *Э. А.* и *Г. А. Шумьцамъ* въ Юрьевѣ, *Н. Л. Трубникову* и *Г. С. Володину* въ Казани.

23. II. 98.

Казань.

Проф. Евгеній Бобровъ.

Поправки и дополненія.

Стр. 2 (перваго выпуска) надобно: „Московскихъ Вѣдомостяхъ“..... „Вѣстникъ Промышленности“ (строки 4 и 3 снизу).

Стр. 5 (сего выпуска) надобно: сочиненіи (прим. I).

Стр. 22 надобно: Проф. Каритара рѣчь: De pexu etc.

Къ стр. 23 и 43. Рѣчь *Рейта* Geist и т. д. перепечатана у Шада, *Deutsche Chestomathie*, Харьковъ, 1813, стр. 285—297. Туда же, стр. 240—284—вошла проповѣдь самого Шада (по его списку на стр. 43—№ 6) *Beruhigungsgründe* etc.

Стр. 24. Надобно: Учителя Любовскаго Логива etc.

Стр. 27. Надо: 1839 г. (а не 1838 г.).

Къ 1809 г. (стр. 45—46) надо прибавить: Латинскій переводъ Высочайше утвержденнаго 5-го ноября 1804 г. Устава Университета, сдѣланный проф. Стойковичемъ и *Шадомъ* (Фойгтъ, стр. 141).

Колупановъ (Біографія Кошелева, I, 2, стр. 298) неправильно цитируетъ по Фойгту, рѣчь Шада: О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи *всѣмъ нужно*; у Фойгта, стр. 143 и выше (у меня), стр. 23—*весьма нужно*.

Къ стр. 55—60. О *Гриневичъ* есть свѣдѣнія еще въ Біограф. словарь проф. и преп. Императорскаго Унив. св.

VI

Влад. (*В. С. Иконникова*), стр. 139—141 и у *Барсукова*, Жизнь Погодина, V т., стр. 49—50, 500 и VI т., стр. 252.

Стр. 74—нужно *Le Figet*.

Стр. 79, 83, 85 и 87 надо въ заглавіи труда В-аго: „магнитизмъ“. „Животный магнитизмъ заключаетъ: титулъ + посв. + VIII (предисловіе) + 404 + 6 нenum. (5^{1/2}, оглавленіе содержаній + ¹/₂ стр. печати). Цензурное разрѣшеніе *Ив. Тимковскаго* отъ 30 марта 1818 года.—Безсмертной, блаженной памяти Доктора Антона Месмера, открывшаго животный магнитизмъ, и удержавшаго оный съ непоколебимою твердостью противъ нападокъ и гоненій! *Посвящается отъ издателя.*

Стр. 86, прим. I. надобно: *F. Weisse*.

Стр. 110: надобно: редакція „Молвы“.

Къ стр. 110: Въ пансіонѣ Павлова воспитывался также Дм. Александр. *Валуевъ*, видный членъ младшаго (второго) кружка славянофиловъ (см. *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, VII, стр. 422).

Къ стр. 239—240. „Атеней“—„Благонамѣренный Московскій“—стихъ *Языкова*.

Къ стр. 247 и 255. Некрологъ *Я. А. Дружинина* (1771—1849), почитателя Велланскаго, помѣщенъ въ „Отчетахъ Имп. Акад. Наукъ по отд. р. л. и сл.“ (Платнева), СПБ., 1852 г., стр. 246—248 (Отчетъ за 1849 г., V).

Предисловіе.

Занимаясь параллельно философіею и исторіею русской словесности XVIII и XIX столѣтій, я естественно натолкнулся на вопросъ о судьбахъ философіи, какъ науки, и какъ предмета преподаванія, въ Россіи. Не удовлетворяясь имѣющимися очерками, я обратился къ изученію источниковъ, и самъ сталъ собирать матеріалы для такой исторіи—по очень широкой программѣ, какъ изъ напечатанныхъ источниковъ такъ и по архивнымъ даннымъ; современемъ я убѣдился, что обработать всю исторію философіи на Руси не въ видѣ какого-либо поверхностнаго *raisonnement*, а документально и научно—дѣло весьма нелегкое, исполнителю котораго приходится, помимо трудностей, лежащихъ въ сущности предпріятія, бороться еще съ побочными и случайными препятствіями, какъ-то: крайнимъ несовершенствомъ русской библіографіи, рѣдкостью старыхъ русскихъ философскихъ книгъ, разбросанностью нужныхъ датъ по всевозможнымъ архивамъ (рукописныхъ) и (печатныхъ) по разнообразнѣйшимъ русскимъ и иноязычнымъ сочиненіямъ: богословскимъ, общеисторическимъ, естественнонаучнымъ, историко-литературнымъ, юридическимъ и даже по медицинскимъ изданіямъ. Это дѣло требуетъ не одного, а многихъ работниковъ,—работниковъ энергическихъ и трудолюбивыхъ, и притомъ требуетъ не одного года, а многихъ лѣтъ. Окончательной разработкѣ всей исторіи философіи въ Россіи должна предшествовать моногра-

II

фическая разработка отдѣльныхъ вопросовъ. Не желая, чтобы собранный мною довольно обширный матеріалъ оставался втунѣ, я и рѣшился обработывать его именно въ видѣ монографій.

Сначала все настоящее изданіе предполагалось въ одномъ томѣ. Но такъ какъ онъ вышелъ бы весьма большого объема, то во многихъ отношеніяхъ оказалось удобнѣе разбить его на отдѣльные выпуски. Библиографія сочиненій Козлова, обѣщанная на стр. 24 перваго выпуска, появится во второмъ выпускѣ.

Казань,
23 сентября 1898 г.

Проф. Евгеній Бобровъ.

I.

Жизнь и труды А. А. Козлова.

Wer hat gestrebt wie ich? Wo ist der Pfad
Der Kunst, der Wissenschaft den ich nicht schritt?
Weit ferner, kühner (ohne Rühmen darf
Ich's sagen) drang ich darauf fort als alle
Die Herren, die beim ersten Meilenstein
Umkehrten, voll von ihrer Reise Wundern
Und als gelehrte, selbstzufriedne Thoren
Von grössern Thoren angestaunt sich brüsten.
Ich aber wanderte und wanderte...

(*Grabbe*, Don Juan und Faust, актъ I, сцена II,
монологъ Фауста).

Алексѣй Александровичъ Козловъ родился 9 января 1831 года въ Москвѣ и выросъ среди очень скудной обстановки. Воспитаніе его было чрезвычайно и чрезмерно суровое. Съ ранняго дѣтства онъ отличался большой любознательностью и до страсти любилъ чтеніе. Благодаря отличной памяти, онъ легко запоминалъ прочитанное, а то, что ему особенно нравилось (какъ напр., описанія битвъ и побѣдъ русскаго оружія), воспроизводилъ въ лицахъ съ увлекательностью и съ жаромъ. Съ 1843 г. Козловъ сталъ учиться въ I-ой Московской гимназіи и сразу занялъ среди своихъ товарищей выдающееся мѣсто. По окончаніи курса въ гимназіи онъ съ 1850—56

учился на словесномъ факультетѣ Московскаго Университета. Особеннаго интереса къ философіи онъ тогда не обнаруживалъ, что немудрено; съ 1850 г. именно и были упразднены философскія кафедръ во всѣхъ русскихъ университетахъ (кромѣ Дерптскаго), а преподаваніе логики и эмпирической психологіи было поручено законоучителямъ. Такимъ образомъ въ это время въ Московскомъ университетѣ не было спеціалиста—преподавателя философіи; этому предмету обучалъ протоіерей *Герновскій*. Козловъ читалъ по своей охотѣ всякія философскія книги, напр., „Критику чистаго разума“ Канта во французскомъ переводѣ *Тиссо*; но это чтеніе не дало большихъ результатовъ. Приобрѣтши степень кандидата, Козловъ поступилъ въ Москвѣ же преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Константиновскій межевой институтъ и въ этой должности пробылъ 4 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности. Но онъ писалъ тогда не по философіи, а по политической экономіи (которая преподавалась на историко-филологическомъ факультетѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Юрьевскомъ университетѣ до нашихъ дней: пишущій эти строки самъ прослушалъ въ теченіи 2¹/₂ лѣтъ полный курсъ политико-экономическихъ наукъ у проф. *Дейцеля*). Козловъ готовился даже стать ученымъ спеціалистомъ именно по этой наукѣ. Тогда же онъ вмѣстѣ со своимъ закадычнымъ другомъ Вас. Иван. *Покровскимъ* (нынѣ извѣстнымъ статистикомъ) перевелъ на русскій языкъ первый томъ соч. *Roscher*, *Grundlagen der Volkswirtschaft*; этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1860 г. Статьи Козлова (напр., „о кредитѣ въ банкахъ“, „о хозяйственномъ управленіи города Москвы“, „о финансовомъ положеніи Россіи“ печатались въ различныхъ журналахъ: „Московскихъ Извѣстіяхъ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Днѣ“, „Финансовомъ Вѣстникѣ“ и т. д. Въ этотъ же періодъ своей жизни онъ ознакомился съ сочиненіями Шарля Фурье, и это чтеніе произвело глубокое впе-

чатлївнїе на молодого челоуѣка. Что касается его философскихъ убѣжденїй за это время, то слѣдуя общему теченїю русской мысли, А. А. Козловъ былъ тогда позитивистомъ съ матеріалистической окраскою. Особеннымъ авторитетомъ пользовался тогда въ его глазахъ Л. Фейербахъ. Съ начала 60-хъ годовъ въ Россїи журналисты съ *Чернышевскимъ* и *Писаревымъ* во главѣ усердно пропагандировали среди русской интеллигенціи антропологизмъ Фейербаха и матеріализмъ Бюхнера. Къ этимъ влїянїямъ присоединялись черезъ журналистику же влїяніе англїйскаго позитивизма и эволюціонизма. Чрезвычайно мѣткую характеристику умственныхъ вѣяній въ Россїи 60-хъ годовъ даетъ самъ нашъ авторъ въ книгѣ „Религія графа Л. Н. Толстого, его ученїе о жизни и любви“, II изд. стр. 71. „Матеріализмъ вошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Бюхнеромъ, Фохтомъ, Мошоттомъ и т. п., а главное съ распространенїемъ естественныхъ наукъ, относительно которыхъ, благодаря жалкому состоянїю у насъ философскаго мышленїя, еще и теперь господствуетъ предразсудокъ, будто ихъ выводы представляютъ безусловную истину, между тѣмъ, какъ они условны... Антропологизмъ, то явно и сознательно, то тихомолкомъ и бессознательно дѣлающїй челоуѣка средоточїемъ всего существующаго, вошелъ къ намъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ. Изъ Англїи онъ пришелъ къ намъ въ видѣ тамошняго сенсуализма и ассоціанизма и въ доктринѣ относительности всякаго знанїя (Льюїсъ, Милль, Бэнъ, Спенсеръ и пр.); изъ Франціи по преимуществу въ видѣ различныхъ философско-соціальныхъ и политическихъ ученїй (сенъ-симонизма, фурьеризма Пьера Леру, Луи Блана, Огюста Конта и т. п.); изъ Германїи въ видѣ философіи Фейербаха, поставившаго челоуѣка in abstracto на мѣсто, прежде занимаемое Богомъ, или природою. Соціализмъ пришелъ къ намъ со всѣхъ сторонъ: изъ Франціи въ видѣ вышеупомянутыхъ и другихъ не названныхъ нами доктринъ, изъ Англїи въ видѣ ученїя Р. Оуена,

изъ Германіи въ видѣ ученій Маркса, Лассала и т. п. Кромѣ общей подкладки антропологизма, по которой всяческое развитіе и прогрессъ не могутъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ счастья человѣка вообще, социалистическія теоріи проповѣдывали исключительную заботу, преимущественно, о счастьи низшихъ классовъ народа, для осуществленія котораго не слѣдуетъ останавливаться передъ какими бы то ни было жертвами (передъ погибелью цивилизаціи, культуры, просвѣщенія и т. п.). Во Франціи изъ социализма возникло даже нѣчто въ родѣ культа пролетаріямъ и черни, въ подражаніе которому и у насъ появилось идолопоклонство передъ *мужикомъ*; на него надѣялись, какъ на новаго мессію, который, выступивши на историческую сцену, принесетъ откровеніе, имѣющее разрѣшить въ общему удовольствію и счастью всѣ нравственныя, правовыя, общественныя и экономическія затрудненія, съ которыми не можетъ до сихъ поръ справиться ни религія, ни наука, ни общество. Эволюціонизмъ пришелъ къ намъ съ системою Спенсера и потомъ съ дарвинизмомъ, и наконецъ позитивизмъ, отрицающій метафизику и возможность познанія сущности и причины міра, міровыхъ законовъ, цѣли и т. п. возникъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Изъ Англіи онъ явился въ общемъ духѣ англійскаго эмпиризма, сенсуализма и скептицизма; изъ Франціи онъ перенесенъ къ намъ въ видѣ позитивизма Конта, поскольку онъ выраженъ только въ его „Курсѣ положительной философіи“. Изъ Германіи онъ пришелъ въ видѣ отголосковъ отъ „Критики чистаго разума“ Канта. Таковы были царившія тогда на Руси доктрины, почти не встрѣтившія серьезнаго отпора. Сомнѣваться въ истинности ихъ считалось глупымъ, даже безчестнымъ и навлекало подозрѣніе въ шпіонствѣ.....

Оставивши казанное учительство, А. А. Козловъ былъ воспитателемъ и учителемъ въ различныхъ богатыхъ домахъ, а потомъ обратился къ практической дѣятельности, а именно,

переселился окончательно въ деревню и занялся сельскимъ и лѣснымъ хозяйствомъ. И только теперь онъ начинаетъ постепенно переходить къ тому дѣлу, которое должно было поглотить всю его остальную жизнь, т. е. къ философіи.

Долгіе зимніе вечера въ деревнѣ А. А. Козловъ проводилъ за разнообразнымъ чтеніемъ. Между прочимъ случайно попала ему въ руки книга *Фрауэнштедта* „*Briefe über die Schopenhauersche Philosophie*“. Чтеніе этой увлекшей его книги стало для Козлова началомъ его специально философскихъ студій. Онъ съ восторгомъ изучаетъ Шопенгауера и становится „пессимистомъ“. Долгое время онъ носился съ мыслью перевести на русскій языкъ главное сочиненіе Шопенгауера „*Миръ, какъ воля и представленіе*“, но это по цензурнымъ условіямъ было невозможно. Тогда онъ удовольствовался обработкою сочиненія *Гартмана* „*Философія безсознательнаго*“, которое онъ частью перевелъ, частью изложилъ. Эта переработка Гартмана появилась въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ въ 1873—75 гг. подъ заглавіемъ „*Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго*“. Она нашла себѣ въ публикѣ огромное распространеніе и сразу сдѣлала имя А. А. Козлова извѣстнымъ. Покойный Дьяковъ въ одной изъ своихъ повѣстей изображаетъ нигилистку въ часы досуга штудирующею, лежа на диванѣ, именно Гартмана въ обработкѣ Козлова, и выписывающею на бумажку оттуда всѣ мудренныя слова съ цѣлью потомъ хвастнуть ими. Книга эта дѣйствительно сразу стала модною.

Освободившись, благодаря изученію Шопенгауера, отъ позитивизма, и видя въ философіи науку возможную и самостоятельную, Козловъ обратился къ ея изученію съ тою же беззаветною страстью, какою и раньше онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ занятіяхъ. Плодами его мышленія явились, кромѣ двухъ журнальныхъ статей (въ „*Знаніи*“): „*Критика „Историческихъ Писемъ“ Миртова (П. Л. Лаврова) и „Владимиръ*

Соловьевъ, какъ философъ“, (по поводу его книги „Кризисъ западной философіи“), гдѣ онъ уличаетъ Соловьева въ смѣшеніи понятій религіи, богословія и философіи,—оригинальное сочиненіе „Философскіе Этюды“, т. I, Кіевъ 1876, въ которомъ Козловъ является рѣшительнымъ защитникомъ правъ философіи. Исходя изъ факта сомнѣнія въ томъ, что философія обладаетъ опредѣленными задачами и методою и приноситъ какою бы то ни было пользу, Козловъ задается цѣлью изслѣдовать предметъ философіи, ея методу, направленія, ея значеніе въ человѣческой жизни и наконецъ ея отношенія къ прочимъ наукамъ. Эти вопросы должны были быть рѣшены индуктивно на основаніи обобщенія тѣхъ данныхъ, какія представляетъ исторія философіи. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома Козловъ на основаніи содержанія философскихъ ученій и опредѣленной философіи, данныхъ ея представителями, приходитъ къ заключенію, что предметъ философіи есть понятіе міра, какъ цѣлаго, какъ системы вещей. Второй отдѣлъ трактуетъ о философской методѣ и различныхъ направленіяхъ въ философіи, начиная съ Фалеса и до Сократа. Въ предисловіи Козловъ высказываетъ руководящія идеи своего труда въ такихъ положеніяхъ: 1) Философія съ самаго начала и всегда имѣла свой особенный предметъ, который не можетъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ предметами другихъ наукъ. Хотя нѣкоторые философы и не сознавали этого ясно и иногда впадали въ подобное смѣшеніе задачъ, но и у нихъ всетаки можно выдѣлить доктрины собственно философскія отъ побочныхъ. А чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится сознаніе философовъ относительно предмета ихъ науки, въ будущемъ же врядли уже возможны колебанія мнѣній на этотъ счетъ. 2) Если философія за время своей исторіи обладала собственнымъ предметомъ, то, разумѣется, былъ у нея и соотвѣтственный методъ. Попадающіяся ошибки объясняются чрезмѣрной трудностью предмета.

Ибо, хотя философскій методъ и во многомъ отличается отъ методовъ прочихъ наукъ, но не настолько, чтобы не имѣть съ ними ничего общаго, и даже имѣть много важныхъ общихъ чертъ. Далѣе различіе содержанія системъ и порою даже ихъ существенныя противорѣчія зависятъ не отъ произвола въ примѣненіи метода, а отъ возможности различныхъ направленій и точекъ зрѣнія на предметъ философскаго познанія.

3) Философія имѣетъ большое практическое значеніе и всегда будетъ имѣть его, потому что она удовлетворяетъ той потребности человѣка, которая не можетъ быть и въ приближительной степени удовлетворена какою-либо другой наукою.

4) Философія есть наука, потому что она имѣетъ всѣ характеристичныя признаки науки вообще, а по своему предмету она—самая трудная и наивысшая наука. Она всегда шла наряду съ другими науками, зависела отъ ихъ успѣховъ и страдала отъ ихъ несовершенствъ. Эта связь между философіею и другими науками неизбежна и необходима; она приноситъ свои плоды для обѣихъ стороцъ.

Это сочиненіе Козлова обратило на себя вниманіе читающей публики силою діалектики и горячею убѣжденностью тона. О немъ заговорили уже какъ о специалистѣ, философскомъ авторѣ. Это и подало мысль нѣкоторымъ изъ его университетскихъ друзей попытаться пристроить Козлова при университетѣ; такъ его близкій другъ А. А. *Котляревскій*, проф. славяновѣдѣнія при Кіевскомъ университетѣ (а ранѣе того—предшественникъ Павла Александр. Висковатова по кафедрѣ русской словесности при дерптскомъ университетѣ) приглашалъ его извѣдать свое счастье въ Кіевѣ. Возможность академической карьеры весьма улыбалась Козлову; но различныя обстоятельства препятствовали, повидимому, исполненію этого плана; притомъ ему было уже за 40 лѣтъ. Хотя онъ и не питалъ особенныхъ надеждъ, но онъ воспользовался про-

ѣздомъ черезъ Кіевъ за границу, чтобы выяснитъ положеніе дѣль.

Здѣсь сначала не оказалось благопріятствующихъ обстоятельствъ. Котляревскій былъ тяжело боленъ; кромѣ него, у Козлова не было друзей въ этомъ университетѣ. Многое зависело также и отъ отзыва о немъ спеціалиста. Профессоромъ философіи былъ тогда въ Кіевѣ довольно извѣстный Сильвестръ Сильв. *Гогоцкій*, 63-лѣтній старикъ, изъ духовнаго званія, воспитанникъ и бакалавръ мѣстной духовной академіи, перебравшійся потомъ на службу въ университетъ, несмотря на упорное противодѣйствіе нѣмецкой партіи. Гогоцкій преподавалъ въ академіи, и потомъ въ университетѣ различные предметы: польскій языкъ (отъ знанія котораго онъ впоследствии по политическимъ соображеніяхъ отвергивался), нѣмецкій языкъ, богословскія дисциплины и философію. Онъ писалъ довольно много, но извѣстенъ, преимущественно, своимъ „Философскимъ Лексикономъ“ въ 4 томахъ. По упраздненіи философскихъ кафедръ въ російскихъ университетахъ онъ былъ переименованъ въ проф. педагогіи, а въ 1867 году Министръ Народнаго Просвѣщенія вернулъ ему его прежнюю кафедру. Держась болѣе всего философіи Гегеля, онъ считался среди своихъ молодыхъ коллегъ „отсталымъ“; притомъ онъ не обладалъ достаточной твердостью характера, чтобы завоевать себѣ какой-либо авторитетъ и уваженіе. Поэтому большинство профессоровъ вообще не имѣли ничего противъ того, чтобы наряду съ Гогоцкимъ дѣйствовалъ въ Кіевскомъ университетѣ преподаватель сравнительно помоложе и болѣе моднаго направленія. Гогоцкій былъ уже знакомъ съ работами Козлова, принялъ его дружественно, просилъ и впредь „похаживать“ къ нему, но обѣщаться ничего не могъ. Повидимому, не оставалось надеждъ. Но у Гогоцкаго Козловъ встрѣтилъ проф. русской словесности Александра Ив. *Селина*, тогдашняго декана историко-филологическаго факультета и

весьма вліятельнаго чоловіка. Селинъ, одинъ изъ старыхъ могоканъ романтизма (à la Красовъ), былъ чрезвычайно увлекающеюся и энтузіастической натурою. Козловъ всею своею манерою произвелъ на него блестящее впечатлѣніе, а прекрасное изложеніе теоріи „потенцій“ романтика Шеллинга привело Селина въ неистовый восторгъ, такъ что онъ навѣрняка обѣщаль Козлову устроить его дѣло и честно сдержалъ свое обѣщаніе. „Философскіе Этюды“ были публично защищены въ качествѣ диссертации pro venia legendi, затѣмъ Козловъ прочелъ требующіяся уставомъ пробныя лекціи, одна изъ которыхъ была напечатана подъ заглавіемъ „Два основныхъ положенія философіи Шопенгауера“. Козловъ развивалъ здѣсь ту мысль, что Шопенгауеръ обладаетъ полною и законченною системою, сущность которой заключается въ развѣтвѣннѣи двухъ положеній, примѣняемыхъ къ природѣ, искусству и нравственности: 1) Шопенгауеръ вмѣстѣ съ Кантомъ заключаетъ, что, если отнять мыслящій субъектъ, т. е. носителя міра, то весь чувственный и объективный міръ со всѣми солнцами и планетами есть не болѣе, какъ наше представленіе; 2) независимо отъ Канта, Шопенгауеръ выработалъ положеніе, что міръ есть воля, и притомъ воля единая и необусловленная.

Такимъ образомъ въ 1876 году Козловъ былъ допущенъ въ качествѣ приватъ-доцента къ преподаванію философіи при Киевскомъ университетѣ. Гогоцкій уступилъ ему обязательные курсы логики и исторіи философіи, оставивъ за собою психологію и педагогію. Такіе же предметы читалъ Козловъ на открытыхъ при университетѣ женскихъ высшихъ курсахъ.

Его появленіе на философской кафедрѣ не прошло незамѣченнымъ. На него одновременно напали печатно два позитивиста, его коллега по университету, доцентъ Пав. *Аландскій*, даровитый филологъ, рано погибшій для отечественной науки, и проф. философіи при Нѣжинскомъ Институтѣ

Н. Я. Гротъ. Аландскій хотѣлъ показать, что философія не есть наука, и что ее можно замѣнить другими, спеціальными науками. Но Козловъ доказалъ ему въ своемъ отвѣтѣ, что онъ велъ всю свою полемику противъ философіи именно съ точки зрѣнія философіи же, а не отдѣльныхъ наукъ, что подъ различными несопредѣленными выраженіями, както: „наука“, „система наукъ“, „связь теорій спеціальныхъ наукъ“ и т. д. онъ подразумѣваетъ, собственно говоря, ту дѣятельность духа, которая именно образуетъ философію, что какъ только онъ пытается указать тѣ науки, которыя исполняютъ то, на что претендуетъ философія, онъ обнаруживаетъ либо ложное пониманіе предмета спеціальныхъ наукъ, либо недостаточно точно разграничиваетъ родственныя науки, а слѣдовательно, злоупотребляетъ словомъ „наука“. Абстрактное понятіе науки, какъ таковой, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго представленія о формулированіи ученія. Въ этомъ случаѣ мы отвлекаемся ото всякаго опредѣленнаго содержанія и мыслимъ только самое знаніе и общіе признаки наукъ, напр., систематическую и логическую обработку и т. д. А если какое-либо опредѣленное содержаніе дѣйствительно не принадлежитъ никакой отдѣльной наукѣ, то оно будетъ не „наукою вообще“, а особенною, частною наукою, которая и носить названіе философіи.

Всѣхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Грота, и Аландскаго, Козловъ жестоко отдѣлалъ въ своемъ сочиненіи „Философія, какъ наука“, служащемъ уничтожающимъ отвѣтомъ на всѣ появившіяся рецензіи его труда. Спеціально Гроту и его трудамъ „Психологія чувствованій“ (магистерская диссертация) и „Къ реформѣ науки логики“ (докторская дисс.) Козловъ посвятилъ еще два „Критическихъ этюда“, гдѣ онъ доказывалъ научную несостоятельность этихъ диссертаций Грота, съ чѣмъ послѣдній и самъ потомъ отчасти согласился.

Съ тѣхъ поръ Козловъ все свое время посвятилъ фило-

софіи. Плодомъ и свидѣтельствомъ его занятій служили многочисленныя обширныя рецензіи различныхъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій, появлявшіяся въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (о книгахъ Лассвица, Гёринга, Крауса, Румпеля и т. д.). Въ 1879 году, т. е. 48 лѣтъ отъ роду Козловъ сдалъ магистерскій экзамень у Гогоцкаго.

Еще одному появившемуся въ это время сочиненію Козлова суждено было привлечь на себя живое вниманіе общества и молодежи. Мы разумѣемъ быстро раскупленную и нынѣ очень рѣдкую книгу „Философія дѣйствительности“, посвященную критическому обзору и обсужденію философской системы знаменитаго Евгенія Дюринга.

„Философія дѣйствительности“ заключаетъ въ себѣ 4 части, изъ которыхъ три изображаютъ ученіе Дюринга, а четвертая содержитъ „критическія замѣчанія“. I часть опредѣляетъ „основныя формы бытія по Дюрингу“, вторая трактуетъ объ „основныхъ принципахъ его ученія о природѣ“; въ III части сдѣланъ сводъ его „ученія о человѣкѣ“, а именно: 1) элементы сознанія, 2) нравственность, право и усовершенствованіе человѣчества, 3) общественный бытъ и исторія, 4) повышеніе цѣнности жизни и 5) общая характеристика социализованной общественной жизни. „Критическія замѣчанія“ содержатъ: § 1—личный характеръ Дюринга и выставленный имъ принципъ, по которому философія является выраженіемъ нравственнаго настроенія, § 2—замѣчанія на его гносеологію, метафизику и философію природы, § 3—критику этики, социологіи и другихъ частей Дюринговой системы и § 4—общее сужденіе о философіи Дюринга. Эта система въ цѣломъ, по мнѣнію Козлова, неудовлетворительна, потому что ей недостаетъ главнаго признака системы, а именно—единого принципа. Отдѣльныя части ея связаны не единымъ принципомъ, а только единствомъ субъективнаго настроенія самаго Дюринга. Этимъ то и объясняется основной ея грѣхъ:

части системы, которая обыкновенно выводятся изъ основъ ея, у Дюринга получаютъ надъ послѣдними перевѣсъ. Центръ тяжести лежитъ у него не въ теоріи познанія и не въ метафизикѣ, даже не въ этикѣ, которыя все же ближе къ нимъ, а въ *ученіи объ общество*, которое собственно должно бы основываться на этикѣ. Этотъ недостатокъ единства системы Дюринга не сумѣлъ прикрыть важными открытіями и оригинальными концепціями. Впрочемъ, нельзя отказать Дюрингу въ относительной оригинальности и талантѣ. Специальное значеніе теоретической дѣятельности Дюринга лежитъ въ попыткѣ представить социализмъ въ качествѣ полного и единого мировоззрѣнія, основывающагося, съ одной стороны, на данныхъ современныхъ положительныхъ наукъ, а съ другой стороны,—на результатахъ нынѣшняго философскаго мышленія. Хотя эта попытка и не удалась (потому что Дюрингъ пытался сблизить совершенно непримиримыя направленія, какъ матеріализмъ и раціоналистическій идеализмъ), но знакомство съ философіею Дюринга, несомнѣнно, будетъ, какъ полагаетъ по мнѣнію Козлова, небезполезнымъ для всякаго.

Козлову предлагали представить эту интересную книгу въ факультетъ въ качествѣ магистерской диссертациі, но для этой цѣли онъ написалъ особую книгу, а именно, второй томъ „Философскихъ Этюдовъ“ въ которомъ онъ занимается „методомъ и философіею Платона“ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: I) о методѣ Платона. Въ построеніи философскаго познанія Платонъ употребилъ, какъ логическіе методы вообще (индукцію, аналогію, опредѣленіе, классификацію), такъ и въ особенности—гипотезу; основаніемъ послѣдней служила критика и анализъ основныхъ понятій, данныхъ предшествовавшимъ періодомъ философскаго развитія. Главнымъ орудіемъ при построеніи системы служилъ Платону логическій законъ противорѣчія. Этотъ законъ рѣшалъ дѣло въ процессѣ „очищенія“; онъ же служилъ пробнымъ оселкомъ

въ критикѣ философскихъ системъ и преобразованіи ихъ понятій. Очевидно, что онъ былъ послѣднею инстанціей въ вопросѣ объ истинѣ философскаго знанія, которое можетъ осуществиться только въ системѣ, абсолютно законченной. Такая система предполагаетъ до малѣйшихъ подробностей единство и согласіе съ самой собою, т. е. не содержитъ ни малѣйшихъ противорѣчій. Наконецъ, необходимымъ условіемъ выработки философской гипотезы и діалектической борьбы съ другими системами Платонъ ставитъ „Эросъ“ въ его высшей формѣ, какъ влеченіе къ абсолютной красотѣ, истинѣ и высшему добру. II) О направленіи Платоновой философіи: философія Платона есть,—во первыхъ, наивный реализмъ (ибо Платонъ принималъ полное соотвѣтствіе познанія бытію),—во вторыхъ, раціонализмъ (потому что главнымъ факторомъ познанія является у него разумъ и его дѣятельность, мышленіе),—въ третьихъ, апіорисмъ (ибо познающій субъектъ строитъ познаніе собственными силами),—въ четвертыхъ, плюрализмъ (потому, что сущихъ принимается множество), въ пятыхъ, спиритуализмъ (потому что эти сущія непространственны и нематеріальны),—въ шестыхъ, эстетическій эвдемонизмъ, ибо послѣдняя цѣль, если не міра, макрокосма, то, по крайней мѣрѣ, полнаго его представителя, человѣка, микрокосма, есть полное блаженство, состоящее въ обладаніи совершеннѣйшею красотою, истиной и гармоніею.

На основаніи магистерской степени Козловъ въ 1881 году былъ выбранъ въ штатные доценты философіи. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ заграничную ученую командировку для дальнѣйшаго усовершенствованія въ философіи и провелъ полгода въ Парижѣ, гдѣ между прочимъ читалъ для тамошней русской колоніи курсъ о философіи Шопенгауера. Когда вышелъ въ отставку Гогоцкій, то Козловъ остался единственнымъ представителемъ философіи при университетѣ св. Владимира.

Къ этому времени относится между другими работами уничтожающая критика Козлова на трудъ позитивиста проф. М. М. Троицкаго „Наука о духѣ“. Кроме того, подъ редакціею Козлова появился переводъ французскаго учебника исторіи философіи Вебера. Въ 1884 году вышла докторская диссертация Козлова подъ заглавіемъ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“.

„Генезисъ теоріи“ etc былъ защищаемъ на диспутѣ въ Петербургскомъ университетѣ у Мих. Ив. Владиславлева. Ученая степень доктора философіи дала Козлову возможность получить экстраординарнаго и въ скоромъ времени ординарнаго профессора.

Но служебныя повышенія не имѣли на Козлова, какъ частенько водится за русскими профессорами, вліянія въ смыслѣ ослабленія энергіи къ научному труду. Напротивъ того, этой энергіи въ старикѣ все какбы прибывало. Не довольствуясь обычною журнальною дѣятельностью, Козловъ чувствуетъ потребность создать органъ для выраженія своихъ собственныхъ все болѣе и болѣе окрѣпавшихъ взглядовъ въ области умозрительной философіи. Такимъ образомъ Козловъ совершаетъ первый на Руси опытъ чисто философскаго спеціальнаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“, наполнявшійся самимъ Козловымъ безъ сотрудниковъ по всѣмъ рубрикамъ вплоть до хроники и обзорѣнія журналовъ. Важнѣйшія и лучшія статьи въ этомъ журналѣ суть: „Религія графа Л. Н. Толстого (надѣлавшая много шума, нынѣ имѣющаяся съ дополненіями во второмъ изданіи отдѣльною книгой), „Философія мистики“ (К. Дюпрель), „Тардъ“, „О множественности состояній сознанія“, „Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики“ и т. д. Журналъ приобрѣталъ уже (правда, немногочисленный) кругъ вѣрныхъ, интересующихся читателей. Хотя онъ не приносилъ Козлову никакой матеріальной выгоды, но неутомимый философъ имѣлъ твердое намѣреніе продолжать изданіе и добиваться

распространенія среди русскаго общества знакомства съ философіею.... Въ силу непредвидѣннаго и ужаснаго обстоятельства всѣмъ планамъ нашего мыслителя суждено было остаться невыполненными.

Въ 1886 г. Козловъ былъ разбитъ параличемъ. Хотя его лѣчили со всѣми новѣйшими научными приѣмами, но онъ остался неизлѣчимымъ парализованнымъ, и лишился употребленія цѣлой половины тѣла. Къ счастью мозгъ не потерпѣлъ отъ удара, и мыслительная сила, какъ и прочія духовныя способности, не ослабли. Зато Козлову пришлось выйти въ отставку на пенсію. Съ этого момента начинается уже только философская жизнь Козлова: тѣлесный, внѣшній человѣкъ, плоть отмерла, остался лишь внутренній человѣкъ, философъ. Лучшія и важнѣйшія работы Козлова появились послѣ этого событія.

Къ этому же времени относится окончательная выработка и ясная формулировка собственныхъ философскихъ воззрѣній Козлова. Удалившись отъ Канта и Шопенгауера, онъ сдѣлался приверженцемъ той философіи, которая была основана Лейбницемъ, и которую Козловъ называетъ *панпсихизмомъ* (по моему названію—*критическій индивидуализмъ*). Тогда же онъ основательно ознакомился съ сочиненіями лучшаго представителя этого направленія въ современной Европѣ, покойнаго профессора Дерптскаго университета Густава Тейхмюллера, моего учителя, а также съ сочиненіями Лопце, философскіе взгляды котораго имѣютъ нѣкоторое, хотя и небольшое, родство съ *персонализмомъ* Тейхмюллера. Съ послѣднимъ Козловъ ознакомился сначала, какъ съ историкомъ философіи, именно съ его сочиненіями о Платонѣ (когда Козловъ заканчивалъ собственное изслѣдованіе о Платонѣ, ср. тамъ же стр. 138—141). Уже завершивши выработку своего міровоззрѣнія, Козловъ ознакомился и съ системой Тейхмюллера и, какъ онъ неоднократно заявлялъ и устно, и печатно, съ благодарностью поучился

у него кой-чему. И Лопце (напр., въ теоріи пространства), и Тейхмюллеръ не остались безъ нѣкотораго вліянія на Козлова.

О своихъ отношеніяхъ къ Тейхмюллеру Козловъ говоритъ въ статьѣ: „Густавъ Тейхмюллеръ“, которая, къ слову сказать, представляетъ собою, вѣроятно, наилучшее изъ всего до сихъ поръ написаннаго о Тейхмюллерѣ. Тейхмюллеръ былъ важенъ для Козлова, во первыхъ, своими классическими работами по „исторіи понятій“. Затѣмъ еще и другіе пункты его теорій были приняты Козловымъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій, напр., ученіе о пространствѣ и времени, о сознаніи, движеніи, матеріи, „я“ и т. д. Нѣкоторое преимущество Лопце передъ Тейхмюллеромъ Козловъ видитъ въ томъ, что первый разсматриваетъ проблемы гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ второй.

Послѣ паралича Козловъ почти не могъ уже писать собственноручно и принужденъ былъ диктовать. Но литературная производительность его не уменьшалась въ количествѣ и все выигрывала въ качествѣ. Онъ выпустилъ въ свѣтъ четвертую и послѣднюю тетрадь „Философскаго Трехмѣсячника“, а послѣ двухлѣтняго перерыва началъ вмѣсто него издавать философско-литературный сборникъ „Свое Слово“, котораго уже вышло 4 тома; въ непродолжительномъ будущемъ появится и пятый томъ. Главное мѣсто въ этомъ изданіи занимаютъ „Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ“. Здѣсь въ формѣ изящнаго діалога Козловъ подъ псевдонимомъ „Платона Калужскаго“ излагаетъ сущность своихъ собственныхъ философскихъ воззрѣній. Діалоги ведетъ въ качествѣ главной persona dramatis неутомимый, остроумный діалектикъ, Петербургскій чиновникъ, истинно русскій человекъ по рѣчи и складу души, получившій за свою страсть къ философіи шуточное прозвище „Сократа“.

Къ положительной задачѣ сборника, изложенію собственной системы въ духѣ Лейбница, присоединяется и соотвѣтствующая ей отрицательная, состоящая въ полемикѣ или въ борьбѣ съ направленіями, враждебными направленію „Своего Слова“, именно съ *позитивизмомъ* и обыкновенно тѣсно съ нимъ связаннымъ *материализмомъ*. Большая часть этихъ полемическихъ статей написано по поводу критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ разными лицами противъ „Своего Слова“.

Первая книжка представляетъ нѣчто вродѣ введенія въ систему, излагаемую въ „Бесѣдахъ“. При указаніи основныхъ понятій системы: *субстанцій* и *акциденцій* защищается мысль, что субстанціи не находятся въ пространствѣ и сами по себѣ недоступны внѣшнимъ чувствамъ; а такъ какъ существуютъ только субстанціи со своими акциденціями, то дѣйствительное бытіе есть духовное, а не матеріальное; при этомъ оспариваются два противоположныя мнѣнія: 1) будто бы матеріальные атомы суть субстанціи, и что 2) будто бы вообще субстанцій не существуетъ. Авторъ подкрѣпляетъ свое опроверженіе объясненіемъ, что матеріальныя тѣла суть не болѣе, какъ видимость, или значки, символы, подъ которыми для насъ, существъ несовершенныхъ, является какъ дѣятельность дѣйствительныхъ духовныхъ субстанцій, такъ отношеніе и связь ихъ другъ съ другомъ и съ нами.

Вторая книга трактуетъ объ *основѣ* всей философіи,—понятіи бытія, причѣмъ критически разсматриваются не только ходячія и популярныя опредѣленія бытія или существованія, но и опредѣленія нѣкоторыхъ знаменитыхъ философовъ, напр., Канта, Юма, Шопенгауера, Декарта. Затѣмъ предлагается собственное опредѣленіе понятія бытія.

Главное содержаніе третьей книжки касается понятія *времени*; по поводу его снова затрагивается—понятіе бытія, а также понятія религіи и причинности. Относительно понятія времени развивается основное положеніе, что міръ въ его

дѣйствительномъ бытіи безвременень, чего однако не должно смѣшивать съ предположеніемъ безконечнаго времени. *Безвременность* или вѣчность міра нужно понимать такъ, что дѣйствительное міровое бытіе не имѣетъ никакого отношенія ко времени, потому что время не есть нѣчто реальное, а существуетъ лишь въ нашей мысли вслѣдствіе ограниченности природы человѣческаго существа. Время есть только точка зрѣнія, съ которой наше мышленіе *располагаетъ* и *упорядочиваетъ* акты, какъ нашей собственной субстанціи, такъ и всѣхъ другихъ субстанцій, съ которыми мы связаны въ мірѣ. Далѣе указывается по поводу какихъ реальныхъ актовъ наше мышленіе образуетъ идею времени, и черезъ какія стадіи развитія проходитъ эта идея. Здѣсь же дѣлаются замѣчанія относительно воззрѣній на время нѣкоторыхъ мыслителей, напр., блаж. Августина, Канта, Шопенгауера.

Четвертая книжка трактуетъ о третьемъ основномъ философскомъ понятіи—пространствѣ. Здѣсь прежде всего оспариваются мнѣнія, что оно есть о себѣ сущая *реальность*, что оно есть чистая апріорная форма созерцанія, и что идея пространства образуется изъ ощущеній. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ доказывается, что пространство, подобно времени, не реально и само по себѣ не существуетъ, но что оно представляетъ точку зрѣнія, съ которой люди, въ качествѣ мыслящихъ существъ, распредѣляютъ и упорядочиваютъ акты своей ощущающей дѣятельности, сперва мускульно-осязательной и зрительной, а потомъ постепенно и другихъ дѣятельностей. Къ этому отрицанію реальности пространства самого по себѣ, присоединяется и отрицаніе реальности разныхъ пространствъ *кривыхъ* и болѣе, чѣмъ трехъ измѣреній, о которыхъ говорятъ такъ называемыя метагеометрическія и пангеометрическія доктрины ученыхъ математиковъ, но которыя не имѣютъ никакого реального значенія. Эти доктрины представляютъ только условное и символическое

математическое ученіе, которое можетъ имѣть приложеніе въ разрѣшеніи чисто математическихъ задачъ. Кромѣ вопроса о природѣ пространства, въ четвертой книгѣ объясняются нѣкоторыя тѣсно связанныя съ нимъ понятія, особенно же относящіяся къ философіи Канта, както понятія: созерцанія, представленія, апіорности, вещи самой въ себѣ и проч. Въ той же книгѣ по поводу критическаго разбора одного сочиненія есть объяснительная статья о понятіи бытія и времени.

Вотъ краткій перечень важнѣйшаго содержанія четырехъ книжекъ „Своего Слова“. Каждая книга содержитъ въ себѣ по нѣскольку полемическихъ и объяснительныхъ статей, рецензій, разборовъ и т. д. Все написано исключительно самимъ издателемъ. О содержаніи печатающейся пятой книжки мы не замедлимъ оповѣстить читателей, какъ только она появится.

Когда былъ основанъ второй философскій журналъ „Вопросы философіи и психологіи“ въ Москвѣ, ставившій себѣ задачею соединить разбросанныя силы русскихъ философовъ, то Козловъ принялъ въ этомъ журналѣ очень живое участіе, особенно въ началѣ. Не выходило почти ни одной книжки, которая не заключала бы въ себѣ хотя бы одной статьи или рецензіи Козлова, иногда даже нѣсколько. Большой и разслабленный, престарѣлый мыслитель оказался куда ретивѣе и производительнѣе многихъ своихъ здоровыхъ и младшихъ собратьевъ по предмету.

Въ 1891 Козловъ со своимъ семействомъ переселился изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ проживаетъ и до сихъ поръ. Большую часть дня ему приходится проводить на одрѣ болѣзни. Недостатокъ движенія физическаго по неволѣ приходится возмѣщать усиленнымъ движеніемъ мысли. Онъ почти постоянно занятъ чтеніемъ. Держась стариннаго правила *nulla dies sine linea*, онъ почти ежедневно что-нибудь диктуетъ. Этою правильностью и объясняется поразительная для старика производительность философскаго творчества.

Среди его многочисленныхъ философскихъ трудовъ окончательнымъ выраженіемъ его воззрѣній, какъ извѣстно, долженъ считаться, по преимуществу, оригинальный сборникъ „Свое Слово“.

Въ помѣщенныхъ тамъ „Бесѣдахъ съ петербургскимъ Сократомъ“ почтенный авторъ излагаетъ свои убѣжденія въ систематическомъ видѣ, пользуясь для того формою *dialogi*. Эта литературная форма обыкновенно считается уже нѣсколько устарѣлою, но А. А. Козловъ мастерски владѣеть ею и отлично пользуется всѣми преимуществами, какія она представляетъ именно для философскаго изложенія ¹⁾, давая представлять и развивать различные *puncta controversiae*.

Нельзя не отмѣтить, что въ этихъ „бесѣдахъ“ авторъ выказалъ себя и большимъ мастеромъ философскаго стиля, и большимъ *художникомъ*. Діалоги эти, приписываемые авторомъ мнѣческому псевдониму „Платону Калужскому“, не только могутъ претендовать на званіе строго философскихъ произведеній, но и смѣло могутъ быть причислены къ художественнымъ діалогамъ: они обладаютъ несомнѣнными эстетическими достоинствами, которыя обличаютъ въ авторѣ натуру, совмѣщающую въ себѣ выдающуюся способность къ логическому философскому мышленію съ поэтическимъ дарованіемъ. Всѣ совопросники Сократа очерчены очень живо и представляютъ собою не манекеновъ, а подлинныхъ живыхъ людей, обладающихъ каждый своимъ особеннымъ складомъ ума, темпераментомъ, выказывающихъ особенности званія, пола, возраста и, что всегда интересно,—національности. Собесѣдники петербургскаго Сократа—русскіе настолько же, какъ

---

¹⁾ Надобно замѣтить, что и на Западѣ нѣкоторые философы прибѣгаютъ къ этой же діалогической формѣ для изложенія своихъ задушевныхъ мыслей: такъ, напр., поступалъ почтенный старецъ *Secrétan* и др. Ср. *Teichmüller, Weise in den Himmel*.

всѣ собесѣдники заправскаго, Платонова Сократа—настоящіе эллины. Одинаковыми эстетическими достоинствами обладаютъ какъ персонажи, заимствованные А. А. Козловымъ у *Достоевскаго* (Красоткинъ, Карамазовъ), такъ и лица, созданныя его собственною фантазією. У лицъ заимствованныхъ поддерживается и дорисовывается обликъ, данный имъ Достоевскимъ; самъ же *Сократъ съ Песковъ* (равно и кое-кто изъ окружающихъ его) есть новый, чрезвычайно любопытный и оригинальный типъ, введенный авторомъ въ русскую литературу и тоже настоящій русскій по духу, по способу выраженія, по манерамъ и по образу жизни.

Сократъ осторожно и послѣдовательно развиваетъ свою метафизическую точку зрѣнія. Ему приходится бесѣдовать съ лицами самого разнообразнаго характера, направленія и образованія, случается иногда разговаривать и съ вовсе неподготовленными къ философской бесѣдѣ, которые подчасъ игнорируютъ философію или вообще,—или же во имя „точной“ науки; иногда ему попадаются, наконецъ, лица, вообразившія себя даже знатоками философіи, но въ своей невѣжественной нетерпимости презирающія въ частности то „ненаучное“ направленіе философіи, къ коему примыкаетъ Сократъ, наивно предполагая, что философію знать и о достоинствѣ каждаго философскаго направленія разсуждать можно, не посвятивши себя *спеціальному* изученію философіи. Какъ извѣстно, это—самый непріятный для настоящаго философа классъ людей, къ сожалѣнію, довольно многочисленный у насъ на Руси. На ихъ нападки приходится отвѣчать и защищаться довольно энергично: вѣдь и противники не щадятъ Сократа, стараются изловить его въ противорѣчіяхъ и, не сочувствуя его странной философіи, не церемонятся въ выраженіяхъ. Сократъ же не только побиваетъ противниковъ съ формально-логической стороны, но пытается еще привести оппонентовъ къ сознанію ихъ собственной философской неправоты, а лучшихъ изъ

нихъ и наименѣе затемненныхъ разными предразсудками нами́рывается даже склонить на свою сторону, завербовать въ свои ряды.

Этимъ обусловливаются два неопѣненные свойства діалоговъ Козлова, дѣлающія ихъ особенно пригодными для чтенія начинающими:

1) *Популярность*—не въ дурномъ смыслѣ банальности, а въ смыслѣ рациональной доступности и убѣдительности, необходимой философу, говорящему со слушателями, непосвященными и не прошедшими строгой школы философскаго мышленія (философской гимнастики), не обладающими специальными свѣдѣніями по исторіи философіи,

и 2) *Критическая обоснованность*, застрахованность отъ возраженій съ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія, философскихъ и внѣфилософскихъ, научныхъ и ненаучныхъ: они всѣ уже предусмотрѣны и безповоротно опровергнуты, отвергнуты—съ тактомъ и основательно. Этими качествами отличаются и бесѣды о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, какъ, напр., о понятіи бытія (во II и III книгахъ „Своего Слова“).

Тейхмюллеръ и Козловъ часто касаются однихъ и тѣхъ же проблемъ и рѣшаютъ ихъ въ одинаковомъ духѣ. Но даже и знакомому съ сочиненіями Тейхмюллера весьма поучительно бываетъ вникнуть въ изложеніе Козлова и проштудировать его; равно и наоборотъ. Можно даже сказать, что для большинства читателей „Свое Слово“ Козлова, не говоря уже о большей доступности, гораздо полезнѣе сочиненій Тейхмюллера, которыя (за исключеніемъ немногихъ) предназначены для ученыхъ спеціалистовъ.

Козловъ излагаетъ проблемы *ab ovo*, обстоятельно, спокойно, медлительно; онъ постоянно снабжаетъ свое изложеніе историко-философскими справками и полными исчерпывающими контроверсами. Оцѣнить Тейхмюллера и наслаждаться его сочиненіями можетъ только спеціалистъ, получившій философ-

ское образованіе, притомъ еще сродный ему по натурѣ,—кто самъ такой же неугомонный боецъ и обладаетъ пылкостью духа, кто склоненъ къ язвительному персифляжу. Эти свойства изложенія сразу возстановляютъ противъ себя многихъ при чтеніи Тейхмюллера. Козловъ тоже страстный боецъ, но онъ не налетаетъ на врага блестящею кавалерійскою атакою, а даетъ ему развернуться полнымъ фронтомъ; онъ выслушиваетъ врага съ тонкою сократическою ироніей и хитро заводитъ его въ такія дебри и пропасти, что, очутившись въ нихъ, его противникъ самъ ужасается, вполне сознавая въ то же время смѣшную сторону своего положенія.

„Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“; Козловъ и Тейхмюллеръ идутъ въ философіи къ одной цѣли, но Козловъ идетъ *своею* дорогой. Его манера письма и изложенія, самый способъ изслѣдованія совершенно разнятся отъ Тейхмюллера. Послѣдняго можно уподобить смѣлому географу-путешественнику, который, впервые ступая на нехоженныя пути и проникая въ невѣдомыя дотолѣ страны, весь поглощенъ созерцаніемъ открывающихся предъ нимъ перспективъ и въ первомъ восторгѣ набрасываетъ бѣглый, но весьма точный абрисъ пройденной дороги и пунктовъ, важныхъ съ его точки зрѣнія. Этотъ маршрутъ, эта съемка мѣстности на глазъ, эти наброски карандашомъ, не прибѣгая къ чертежнымъ и съемочнымъ инструментамъ, съ помощью одной лишь подзорной трубки или полевого бинокля, драгоценны: они даютъ вѣрное понятіе о духѣ мѣстности; но они могутъ страдать еще пробѣлами, т. е. они могутъ казаться не безусловно убѣдительными. Разныя критики, правда, спокойно сидящіе дома и не отваживающіеся послѣдовать его смѣлому примѣру, могутъ ехидно придратъся и заподозрить точность наблюденій и записей. Козловъ же, продолжая сравненіе, это—трудолюбивый и спокойный землѣръ-топографъ, который, получивъ первыя записи, идетъ въ ту же страну провѣрять перваго смѣльчака-путешественника, направ-

лявшего „руль къ землѣ, еще не открытой, но уже посредствомъ вѣрныхъ умозаключеній познанной“ ¹⁾, и благополучно вступившаго на берегъ этой открытой имъ новой земли. Козловъ идетъ уже съ цѣлымъ тяжелымъ обозомъ, онъ производитъ подробную геометрическую и геодезическую съемку и старается собственными соображеніями и указаніями подтвердить и доказать вѣрность первоначальнаго чертежа, защитить его отъ пустыхъ нападокъ злобныхъ, но не всегда справедливыхъ критиковъ, которые изъ своего угла не видятъ „прекраснаго далека“ и „первоначальную похвальную скромность превращаютъ въ нестерпимую тираннію ограниченныхъ головъ“ ²⁾.

Библиографическія и прочія приложенія къ этой статьѣ читатель найдетъ въ концѣ книги.

---

¹⁾ «Безсмертіе души» *Тейхмюллера*, русскій переводъ, стр. 196.

²⁾ Тамъ же, стр. 68.

II.

Воспоминаніе о Г. Тейхмюллерѣ.

Lass'nicht ungerühmt mich zu den
Schatten hinabgehn!

(Goethe).

Хотя Г. Тейхмюллеръ и не писалъ по русски, и потому не можетъ въ прямомъ смыслѣ быть причисленъ къ русскимъ философамъ, но онъ имѣлъ въ Россіи множество учениковъ по дерптскому университету, гдѣ онъ состоялъ 18 лѣтъ профессоромъ философіи. Изъ числа его учениковъ нѣкоторые стали спеціалистами и сами дѣйствуютъ нынѣ въ качествѣ профессоровъ философіи въ Императорскихъ Россійскихъ университетахъ, какъ Я. Ф. Осе въ Юрьевѣ, пишущій эти строки—въ Казани (ранѣе въ Юрьевѣ) и до него въ Казани же В. Ф. Лютославскій (нынѣ въ Испаніи). Вотъ почему я и рѣшился дать Г. Тейхмюллеру мѣсто въ своей книгѣ по исторіи философіи въ Россіи.

Когда я болѣе, чѣмъ добрыхъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ собирался въ Дерптъ (куда меня манила возможность всецѣло посвятить себя изученію философіи на существовавшемъ тогда спеціальномъ отдѣленіи философіи при историко-филологическомъ факультетѣ) и естественно интересовался, кто въ тамошнемъ университетѣ философъ, который станетъ моимъ руко-

водителемъ въ занятіяхъ, то я услыхалъ въ отвѣтъ совершенно мнѣ неизвѣстное и чуждое имя Тейхмюллера. А я и тогда уже не считалъ себя совершеннымъ профаномъ въ философіи. Еще въ гимназіи я читалъ философскія и богословскія книги (между прочимъ проштудировалъ Куно Фишера „Исторію новой философіи“ въ переводѣ покойнаго Н. Н. Страхова), прослушалъ курсъ философіи въ Казанскомъ университетѣ у нынѣшняго моего уважаемаго сотоварища по кафедрѣ, проф. А. И. Смирнова, не пропускалъ ни одной философской статьи въ журналахъ, состоялъ подписчикомъ перваго на Руси философскаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“ А. А. Козлова, зналъ имена разныхъ германскихъ профессоровъ философіи Рила, Лааса, Авенариуса, Горвича и присныхъ, но о Тейхмюллерѣ не слыхивалъ. Теперь дѣло обстоитъ иначе: въ обращеніе среди русской читающей публики уже пущено около полутысячи экземпляровъ переводовъ сочиненій Тейхмюллера, о немъ появились цѣлыя статьи, выходятъ книги его учениковъ. Теперь русскій читатель, слѣдящій за философской литературою даже и на одномъ русскомъ языкѣ, имѣетъ возможность услышать о Тейхмюллерѣ и даже ознакомиться съ его ученіемъ. И мнѣ пріятно думать, что этотъ успѣхъ въ нѣкоторой степени обязанъ моимъ личнымъ усиліямъ.

Изо всѣхъ чисто русскихъ специалистовъ по философіи я—единственный личный ученикъ Тейхмюллера. Всякая подробность жизни замѣчательнаго человѣка заслуживаетъ почтительнаго и заботливаго сохраненія. Я давно уже чувствую потребность и какбы нравственный долгъ изложить мои воспоминанія о Тейхмюллерѣ, моемъ незабвенномъ учителѣ. Въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда мнѣ удастся выполнить свое намѣреніе болѣе обстоятельно, я пользуюсь настроеніемъ, навѣяннымъ на меня 10-мъ маемъ с. г., годовщиной его смерти, чтобы набросать кое-что изъ того, чтѣ хранится въ моей памяти относительно Тейхмюллера. Прежде чѣмъ

коснусь своихъ личныхъ отношеній къ нему, я напомню несколько общихъ біографическихъ данныхъ.

Густавъ Августовичъ Тейхмюллеръ родился въ Брауншвейгѣ 19 ноября 1832 г. Его отецъ былъ офицеръ, его мать происходила изъ семейства, глава котораго имѣлъ какое-то мѣсто въ придворномъ штатѣ. Любопытно, что это родство несомнѣнно отражалось въ нашемъ мыслителѣ, своеобразно сказываясь въ немъ его невольнымъ и глубокимъ почтеніемъ предъ титулами и званіями. Онъ получилъ очень хорошее воспитаніе, проявлявшееся въ свѣтскости и изяществѣ его манеръ. Учился Тейхмюллеръ сначала въ гимназій своего родного города и еще на школьной семьѣ заинтересовался философскими вопросами, а именно теорією эстетики, съ которою первоначально ознакомился по Гегелю, а потомъ слѣдуя совѣту учителя, и по первоисточнику—по Аристотелю. Съ 1852 года молодой Тейхмюллеръ посвятилъ себя специальному изученію философіи въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго Тренделенбурга, автора „Логическихъ изслѣдованій“. Эта встрѣча имѣла рѣшающее значеніе для направленія занятій студента и для первыхъ шаговъ его литературной карьеры.

Адольфъ Тренделенбургъ, одинъ изъ преемниковъ положедрѣ Гегеля, принадлежалъ къ числу жестовыхъ противниковъ его. Съ другой стороны, не будучи въ силахъ создать собственнаго философскаго направленія, онъ былъ замѣчательнымъ знаткомъ философской литературы и по справедливости долженъ считаться однимъ изъ основателей выпѣшней точной историко-философской методы (столь прославленный въ наши дни трудами Эдуарда Целлера), которую онъ прилагалъ, преимущественно, къ изученію Аристотеля и отношенія его мыслей къ позднѣйшимъ доктринамъ („исторія категорій“). Если принять во вниманіе, что въ Германіи, да и въ другихъ странахъ среди представителей философіи нынѣ господствуетъ

пристрастіе къ занятіямъ *исторію* философіи предпочтительнѣе передъ философскимъ оригинальнымъ творчествомъ въ противоположность системнымъ увлеченіямъ философовъ, современниковъ Гегеля и Шеллинга, то намъ станетъ ясно, какую большую роль игралъ въ этомъ поворотѣ интересовъ философскаго изслѣдованія—Тренделенбургъ, смѣнившій на Берлинской, вліятельной кафедрѣ и Гегеля, и Шеллинга. Сообразивъ направленію своего учителя, и Тейхмюллеръ засѣлъ за Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ мудрецовъ, за изученіе фактовъ. Но весьма интересно, что Тренделенбургъ самъ человекъ факта, не былъ одностороннимъ. Онъ направилъ вниманіе своего ученика, кромѣ филологіи, также на естественныя науки и посовѣтовалъ ему заниматься анатоміею, физиологіею и проч. Благодаря такому руководительству, изъ Тейхмюллера выработался съ одной стороны усидчивый классикъ-филологъ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи почетное имя (имя Тейхмюллера занесено въ спеціальнѣйшій списокъ нѣмецкихъ филологовъ); съ другой стороны, Тейхмюллеръ вышелъ большимъ любителемъ и (для неспеціалиста) знатокомъ естествовѣдѣнія: его лекціи изобиловали примѣрами изъ области естественныхъ наукъ. Намъ извѣстно, что Тейхмюллеръ вплоть до самой смерти усердно посѣщалъ нѣкоторыя лекціи по естественнымъ и медицинскимъ наукамъ.

Въ 1856 г. Тейхмюллеръ получилъ въ Халле степень „доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ“. Но періодъ беззаботнаго изученія наукъ безъ необходимости практической дѣятельности окончился для него еще ранѣе. По смерти отца онъ остался безъ денегъ и принужденъ былъ зарабатывать себѣ средства къ существованію, долженъ былъ искать мѣста. Подобно весьма многимъ нѣмецкимъ философамъ, онъ началъ съ мѣста домашняго учителя и воспитателя дѣтей.

Въ 1855 г. онъ поступилъ на службу въ домъ генерала Вертера, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ въ

Петербургъ германскимъ посланникомъ. Вмѣстѣ съ семействомъ Тейхмюллеръ пріѣхалъ въ Россію. Черезъ 2 года онъ покинулъ свое мѣсто и поступилъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ училище при лютеранской церкви св. Анны. Въ женскомъ отдѣленіи того же училища молодой докторъ философіи преподавалъ педагогику; и вотъ одна изъ ученицъ, плѣненная его краснорѣчіемъ и эрудиціею, стала его женою. Въ 1860 г. Тейхмюллеръ вернулся за границу и поступилъ приватъ-доцентомъ въ Гёттингенскій университетъ, гдѣ свелъ дружбу со знаменитымъ философомъ Г. Р. Лодде и съ Г. Риттеромъ, извѣстнымъ въ свое время авторомъ многоютомной исторіи философіи.

Жизнь приватъ-доцентовъ при германскихъ университетахъ, не получающихъ, кромѣ гонорара отъ слушателей, никакого пособія или жалованья, вообще не красна, если они, подобно Тейхмюллеру, не имѣютъ собственныхъ средствъ. Ушли дѣти, а начинающему ученому приходилось ютиться съ семьей въ одной комнатѣ. Онъ самъ рассказывалъ намъ, какъ бывало за однимъ и тѣмъ же столомъ и за одною лампою его жена убаюкивала младенца, а онъ сидѣлъ съ неизмѣнною книгою, по большей части, съ греческими текстами Аристотеля, котораго онъ проштудировалъ отъ доски до доски. Потомъ, когда средства явились, и его тесть, очень богатый помѣщикъ, сталъ помогать Тейхмюллеру, новое тяжелое горе постигло его: умерла его нѣжно и горячо любимая молоденькая жена...

Потрасенный этой смертію Тейхмюллеръ, предпринялъ для разсѣянія въ 1862 г. большое путешествіе на востокъ, которое длилось около 1½ лѣтъ. По возвращеніи въ Гёттингенъ онъ возобновилъ свою педагогическую дѣятельность, пользовавшуюся большимъ успѣхомъ. Но только въ 1867 г. онъ добился званія экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ приглашеніе ординарнымъ про-

фессоромъ въ Базель, гдѣ онъ завязалъ многочисленныя пріятныя сношенія. О базельской порѣ своей жизни онъ всегда въ послѣдствіи вспоминалъ, какъ о пріятнѣйшее время.

Въ 1870 году совѣтомъ дерптскаго университета Теихмюллеръ былъ выбранъ на кафедру философіи на мѣсто послужившаго 25 лѣтъ и провалившагося на вторичныхъ выборахъ гербартовца Штрюмпеля, нынѣ доживающаго свой долгій вѣкъ въ Лейпцигѣ почетнымъ профессоромъ. Въ Юрьевѣ Теихмюллеру суждено было уже оставаться до конца своихъ дней. Здѣсь онъ написалъ всѣ свои наиболѣе замѣчательныя труды. Скончался онъ 10 мая 1888 года послѣ долговременнохъ жесточайшихъ страданій. Вскрытіе показало ракъ желудка и расширеніе послѣдняго. Если не ошибаюсь, желудокъ его былъ сохранимъ въ числѣ препаратовъ юрьевскаго университетскаго патолого-анатомическаго театра.

Теихмюллеръ былъ очень плодовитымъ писателемъ. Онъ написалъ всего около 20 томовъ сочиненій (не все написанное имъ издано и напечатано), не считая мелкихъ статей, рецензій въ повременныхъ изданіяхъ. Но его сочиненія (кромя „Безсмертія души“) не приносили ему почти никакого матеріальнаго заработка.

Его литературная дѣятельность распадается на три періода. Сначала, онъ, повидимому, не думалъ стать системнымъ философомъ. Все написанное имъ до Юрьева вѣрно тренделенбургской традиціи и посвящено Аристотелю. Затѣмъ онъ расширяетъ лишь область своихъ занятій по исторіи философіи на досократиковъ и Платона. Въ этомъ направленіи онъ, какъ извѣстно, достигъ блестящихъ результатовъ; онъ разбилъ господствовавшее целлерово пониманіе платонизма и возсоздалъ философію Анаксимандра и Гераклита. Мало по малу онъ переходитъ и къ системной философіи, правда, высказываясь по случайнымъ поводамъ. Такъ „Безсмертіе ду-

ши“, „Сущность любви“, „Эмансипація женщин“—циклы публичныхъ лекцій съ благотворительной цѣлью; „Дарвинизмъ и философія“,—актовая рѣчь, возникшая изъ споровъ и собесѣдованій съ великимъ естествовѣдомъ К. Э. Баромъ, который жилъ въ Дерптѣ на покой. Только въ своей „Метафизикѣ“ Тейхмюллеръ выходитъ на настоящую дорогу. Хотя онъ и послѣ этого отвлекается въ сторону исторіи философіи (преимущественно, по вопросу о хронологіи платоновыхъ діалоговъ) но онъ успѣлъ самъ еще издать „Философію религіи“, гдѣ представилъ весьма оригинальную систему раздѣленія религій. Въ послѣдніе годы онъ работалъ надъ обширнымъ трудомъ „Теологікою“ или философскимъ ученіемъ о Богѣ съ точки зрѣнія истинно-христіанской метафизики. Этой задачи онъ не успѣлъ выполнить. Часть этого труда, касающаяся „Новыхъ основоположеній психологіи и логики“ была издана послѣ его смерти однимъ изъ его учениковъ. Нынѣ готовится къ изданію другая часть этого посмертнаго труда, оставшаяся почти въ окончателно обработанномъ видѣ, именно „Философія исторіи“.

Со стороны внутренней или со стороны содержанія литературныхъ произведеній Тейхмюллера, онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ историкъ философіи, и какъ системный мыслитель. Эти двѣ стороны его дѣятельности идутъ параллельно и довольно независимо другъ отъ друга, хотя и имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Какъ историкъ философіи, онъ, выступивши первоначально ученикомъ Тренделенбурга и приверженцемъ его методы, разработалъ и усовершенствовалъ ее, придавъ ей характеръ „исторіи понятій“. Научная извѣстность Тейхмюллера за границей покоится, преимущественно, на этихъ историческихъ работахъ. Ни одно изслѣдованіе, появляющееся о Платонѣ и Аристотелѣ, либо объ Анаксимандрѣ и Гераклитѣ, не обойдется безъ расчета съ теоріями Тейхмюллера. Но знающіе Тейхмюллера, какъ исто-

рика философіи, подчасъ совершенно не знаютъ его же, какъ мыслителя.

Гораздо менѣе (сравнительно) извѣстна его система. И здѣсь первоначально сказалось вліяніе Тренделенбурга, правда, отрицательно—въ смыслѣ предохраненія Тейхмюллера отъ увлеченія модною тогда Гегелевщиной и прочими оттѣнками универсализма. Но уже въ „Безсмертіи души“ онъ заявляетъ себя членомъ „той вольной общины, направленіе которой обозначается именами Лейбница и Лопце“. Я не стану здѣсь характеризовать его философскаго направленія, отчасти потому, что я уже касался этого вопроса въ своей книгѣ „О понятіи искусства“, а отчасти и потому, что въ моей статьѣ „О главнѣйшихъ философскихъ направленіяхъ“ („Философія и литература“ томъ I, № 2) это направленіе охарактеризовано мною подъ именемъ „критическаго индивидуализма“ (самъ Тейхмюллеръ называетъ его „персонализмомъ“). Для популярнаго ознакомленія очень удобна книжка самаго Тейхмюллера „Безсмертіе души“, вышедшая въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ подъ моею редакціей. Самое лучшее, что написано о Тейхмюллерѣ, это—статья нашего высокоуважаемаго русскаго мыслителя А. А. Козлова въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, въ 24-й и 25-й книжкахъ за 1894 годъ. Тамъ представленъ краткій сводъ ученій Тейхмюллера, какъ мыслителя, и какъ историка, и блестяще охарактеризовано значеніе его дѣятельности. Для знакомыхъ съ итальянскимъ языкомъ я могу указать еще (не совсѣмъ удовлетворительную) монографію Filippo Masci—Un metafisico antievolutionista, Napoli, 1887.

Послѣ этого краткаго очерка, составленнаго нами отчасти по официальнымъ и печатнымъ даннымъ, отчасти же по рассказамъ самаго Тейхмюллера и его устнымъ намъ сообщеніямъ, мы позволимъ себѣ обратиться къ запасу своихъ лич-

ныхъ воспоминаній—на сей разъ, главнымъ образомъ, о дѣятельности Тейхмюллера, какъ преподавателя.

Тейхмюллеръ читалъ общіе курсы по исторіи философіи и логикѣ (также и педагогикѣ) въ самой большой аудиторіи № 5 для студентовъ двухъ факультетовъ: богословскаго и историко-филологическаго. Но и эта самая обширная аудиторія не вмѣщала въ себѣ всѣхъ желающихъ, несмотря на не особенно удобный, послѣобѣденный часъ (4—5 пополудни). На этихъ лекціяхъ намъ случалось видѣть (и очень часто) студентовъ другихъ факультетовъ, медиковъ, юристовъ, естественниковъ, аккуратно посѣщавшихъ курсы и не пропускавшихъ ни одной лекціи. Тейхмюллеръ читалъ, или вѣрнѣе, „сказывалъ“ свои лекціи, стоя на кафедрѣ, вѣроятно, по причинѣ своего малаго роста, не позволявшаго ему сидѣть, ибо въ противномъ случаѣ кафедра закрывала бы его лицо отъ слушателей. Читалъ (по крайней мѣрѣ, общіе, неспеціальные курсы) безо всякихъ конспектовъ или тетрадей въ силу совершеннаго обладанія и предметомъ, и рѣчью. Лекціи обильно пересыпались объяснительными примѣрами изъ области естественныхъ наукъ, исторіи или изъ обыденныхъ отношеній, а также шутками и остротами. По своему живому и непосредливому характеру и изъ желанія лучше видѣть своихъ слушателей Тейхмюллеръ постоянно перебѣгалъ отъ одной стороны кафедры къ другой, причѣмъ обѣ руки держалъ въ карманахъ брюкъ. Эта поза въ соединеніи съ постоянною улыбкой на устахъ придавала ему такой видъ, какъ будто свое трудное дѣло чтенія популярно-философской лекціи онъ дѣлаетъ шутя, „играючи“. Это даже шокировало нѣкоторыхъ,—преимущественно, тѣхъ людей, которые привыкли видѣть въ философѣ нѣкоего іерофанта, съ подобающею важностью и серьезомъ изрекающаго какія-то темныя, высокоумѣрныя и непонятныя рѣчи. Такіе люди, несомнѣнно, предпочли бы на мѣстѣ Тейхмюллера видѣть казого - либо пеланта, неподвижно возсѣдающаго на

каедрѣ и торжественно возглашающаго свою мнимую мудрость, недоступную непосвященнымъ. Съ этой стороны и создана была, вѣроятно, Тейхмюллеру вличка „der Begriffsspieler“ (игрокъ понятіями), и отсюда же исходило мнѣніе о Тейхмюллерѣ, какъ о человѣкѣ безъ всякихъ убѣжденій, и только необычайно ловкомъ діалектикѣ (на манеръ скептика Карнеада), готоваго что-угодно защищать и pro, и contra—тогда какъ трудно было найти человѣка, обладавшаго болѣе оригинальными и ясно формулированными мнѣніями, и болѣе убѣжденнаго въ правотѣ ихъ, какъ именно Тейхмюллеръ.

Съ внѣшней стороны чтеніе Тейхмюллера было прекрасно и доставляло положительное наслажденіе. Чтеніе было очень естественно, ударенія были логичны, строй рѣчи весьма простой. Немного непріятно дѣйствовалъ только голосъ—крикливое фистульное сопрано (въ общественномъ разговорѣ у Тейхмюллера былъ хрипловатый жиденькій тенорокъ); но и это сопрано поражало только въ началѣ.

Съ внутренней стороны изложеніе философскихъ доктринъ было безупречно и отличалось необычайною ясностью и общепонятностью. Хотя общіе курсы въ нѣмецкихъ университетахъ читаются вообще доступно и элементарно, но изложеніе Тейхмюллера выдавалось, какъ своею популярностью, такъ и глубокимъ содержаніемъ, не страдавшимъ отъ популяризаціи, что обличало большой талантъ оратора.

Въ старомъ дерптскомъ университетѣ не водилось литографированныхъ курсовъ: каждый студентъ велъ свою записку, свою тетрадь (Heft). Хотя я по пріѣздѣ въ Дерптъ и достаточно хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но всетаки не былъ еще въ состояніи записывать слышанное прямо по нѣмецки. Поэтому я дѣлалъ въ умѣ моментальный переводъ на русскій языкъ и записывалъ по русски главныя мысли лекціи въ ихъ постепенномъ развитіи, не пропуская ничего существ-

веннаго. По счастливой случайности въ моихъ бумагахъ сохранилось начало перваго слышаннаго мною у Тейхмюллера курса по исторіи новой философіи. Учѣлѣвшій листъ содержитъ вступленіе въ этотъ курсъ: объясненіе значенія и цѣли изученія философіи и ея исторіи и общія понятія объ историческихъ и историко-философскихъ методахъ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ изящной легкости и доступной даже ребенку образцовой популяризаціи философіи, я приведу нѣсколько отрывковъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были записаны мною на лекціяхъ Тейхмюллера въ первый семестръ моихъ занятій въ Юрьевскомъ университетѣ.

Первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію въ началѣ этого курса, есть: какое значеніе имѣетъ философія, и для чего ее изучать? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что знанія вообще—раздѣляются на 1) знанія спеціальныя, нужныя для того, чтобы занять какое-либо положеніе, и 2) знанія общеобразовательныя. Знанія послѣдняго рода подраздѣляются въ свою очередь на 4 разряда: I) знанія *религіозныя*. Человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ, преимущественно, тѣмъ, что имѣетъ религію; у животныхъ нѣтъ религіи. Человѣкъ же немислимъ безъ религіи, или онъ есть просто животное, скотина. II) Знанія *этическія*, регулирующія отношенія человѣка къ подобнымъ и самому себѣ. Продуктомъ этихъ знаній является характеръ: образованный человѣкъ немислимъ безъ характера. III) *Искусство*, какъ выраженіе жизни или отношенія человѣка къ жизни. Правда, не всякій можетъ и самъ быть художникомъ. Продуктомъ изученія искусствъ является *вкусъ*. Вкусъ сказывается въ отношенія къ произведеніямъ искусства. Кто съ одинаковымъ чувствомъ читаетъ Гёте и какого-нибудь прямо-

плёта, тотъ не имѣетъ вкуса, и стало быть, необразованъ. IV) Такъ какъ человѣкъ—существо познающее, то нарождаются спеціальныя науки. Но есть одна наука, принимающая въ расчетъ требованія всѣхъ наукъ и занимающаяся изслѣдованіемъ всѣхъ научныхъ методовъ и основныхъ понятій. Частныя науки, употребляя общія понятія, не изслѣдуютъ ихъ сами, а берутъ ихъ изъ общей сокровищницы языка, такъ сказать, на прокатъ. Этими „леммами“ и занимается наука-философія. Отсюда понятна важность изученія философіи. Изучивъ эту науку, мы уже сознательно будемъ употреблять общія понятія и въ жизни, и въ спеціальныхъ наукахъ, будемъ знать ихъ настоящее значеніе и способъ ихъ происхожденія въ разумѣ. Замѣтимъ, что въ составъ воспитанія и обученія всегда и во всѣ времена входятъ нѣкоторые элементы случайные и переменные, какъ уступка модѣ и духу эпохи. Но перечисленные четыре элемента постоянны, встрѣчаются вездѣ и всегда, во всякомъ настоящемъ воспитаніи и не могутъ быть исключаемы изъ него.

Но не замѣняетъ ли религію философія, или наоборотъ? Находятся люди, считающіе одновременное существованіе религіи и философіи излишнею роскошью. Одни полагаютъ, что религія уже даетъ отвѣтъ на философскія задачи; другіе думаютъ, что философское изслѣдованіе упраздняетъ вѣру. Но дѣло въ томъ, что религіи безъ богословія и богоученія не встрѣчается (развѣ лишь у квакеровъ). Богословіе же есть совокупность двухъ элементовъ: религіи и философскаго изслѣдованія. Обыкновенно: нѣтъ религіи, нѣтъ и богословія,— нѣтъ богословія, нѣтъ и религіи; эти элементы неразрывны,— и несправедливо сравненіе религіи и философіи съ ягненкомъ и волкомъ, запертыми въ одну овчарню. Мы видимъ на протяженіи исторіи цѣлые вѣка, когда философія была покорною служанкой религіи. Самая богословская догматика есть продуктъ философіи. Да и понынѣ въ католическихъ стра-

нахъ религія предписываетъ законы и наукѣ, и философіи. Такимъ образомъ, если уже говорить о главенствѣ и подавленіи, то скорѣе религія можетъ подавлять философію, а не наоборотъ. Но религія иногда и не можетъ обходиться безъ услугъ философіи. Такъ въ наше время скептицизмъ и невѣріе все выше и выше поднимаютъ голову. Иной и хотѣлъ бы вѣрить, да вѣра не подчиняется одной лишь волѣ. На какой же почвѣ можетъ религія бороться со скептицизмомъ, какъ не на почвѣ философіи, какъ не путемъ доказательствъ отъ разума? Итакъ, религія не должна отгонять отъ себя философію, а скорѣе для своихъ же цѣлей ей слѣдуетъ привлекать философію къ себѣ.

Философія и религія не могутъ конкурировать еще и потому, что источники ихъ познанія совершенно различны. Вѣдь философія имѣетъ источникомъ одинъ только „чистый разумъ“. Если намъ возразятъ: почему, если дѣло только за разумомъ, въ философіи до и при Рождествѣ Христовомъ не было такихъ же понятій, что теперь, то мы отвѣтимъ, что и философія развивается. Сравнимъ героевъ Гомера съ собою: какаѣ разница между ихъ чувстваваніями и нашими! Но какъ развиваются чувства, такъ развивается и разумъ. Культура ранѣе не представляла для разума такихъ объектовъ, какъ теперь. Но дѣло культуры шло впередъ, явились высшіе объекты, народилась и соотвѣтственная философія.

Рѣшимъ теперь второй вопросъ: зачѣмъ изучать *исторію* вообще и исторію философію въ частности? На это замѣтимъ: во первыхъ, только зная исторію, индивидъ можетъ жить жизнью сознательною; во вторыхъ, полезнымъ гражданиномъ человекъ можетъ быть лишь при знаніи исторіи. Приступая къ обсужденію какого бы то ни было общественнаго вопроса, мы можемъ только съ помощью исторіи достигнуть правильнаго сужденія. Не зная исторіи предмета, „какъ было дѣло“, мы не знаемъ, какъ и отнестись къ тому или другому явле-

нію. Итакъ, изученіе исторіи для насъ полезно непосредственно практически, ибо съ ея помощью мы упрачиваемъ свое общественное положеніе.

Далѣе. Обратимся къ исторіи философіи. Какъ существуетъ не одна только религія, такъ есть и не одна философія. Религію мы принимаемъ въ дѣтствѣ, безъ участія нашей собственной воли; вступая въ зрѣлый возрастъ, мы начинаемъ относиться къ ней уже сознательно и дѣлаемъ свой выборъ. Точно также безсознательно и съ дѣтскихъ лѣтъ мы воспринимаемъ и какую-либо извѣстную философію черезъ другія науки, черезъ языкъ и т. д. Вездѣ, въ томъ числѣ и во всѣхъ наукахъ мы находимъ какія-либо философскія партіи. Чтобы судить правильно объ одной партіи, надобно знать всѣ партіи, а такое знаніе доставляетъ намъ исторія философіи. Итакъ, исторію философіи мы изучаемъ для того, чтобы ориентироваться среди философскихъ школъ и умѣть, напр., любую попавшую намъ въ руки книгу причислить къ извѣстному философскому направленію. Если скажутъ, что составитель этой книги (лекція вторая) не задавался философскими задачами, т. е. былъ натурою не философскою, то это — неправда. Всякій образованный человѣкъ употребляетъ массу понятій, въ которыхъ абстрактно выражается его отношеніе къ жизни, его философское направленіе. Всякое образованіе имѣетъ философскую почву. Всякая книга есть отпечатокъ такъ называемаго духа времени: а этотъ „духъ времени“ и есть философія соотвѣтственной эпохи. Кто желаетъ опредѣлить духъ какого-либо времени, тотъ долженъ охарактеризовать философію этого періода. Исторія философіи даетъ намъ возможность, между прочимъ, судить о книгахъ и производить надлежащій выборъ ихъ для чтенія и изученія: какъ при оцѣнѣ лошадей мы называемъ расу ея (несмотря на то, что всегда есть нѣсколько степеней достоинства въ каждой расѣ), и этимъ приблизительно опредѣляемъ цѣну ло-

шади, такъ, причисляя книгу къ извѣстному философскому направленію, мы предрѣшаемъ ея оцѣнку. Наше изложеніе исторіи философіи будетъ *аристократично*, т. е. мы будемъ заниматься изученіемъ системъ однихъ только крупныхъ философовъ, опуская мелкихъ. Въ исторической наукѣ есть вообще два направленія: одно (Бэконъ и др.) предполагаетъ, что историческія событія суть результаты совокупности безконечно малыхъ единичныхъ дѣятельностей; въ историческомъ движеніи главную роль играютъ де массы. Другое—аристократическое (Ранке, Карлейль) учитъ, что въ историческомъ процессѣ главная роль принадлежитъ гениямъ. При этомъ нѣтъ надобности отрицать, что также имѣетъ мѣсто и вліяніе окружающихъ обстоятельствъ или среды; но всѣхъ вліаній не было бы достаточно, чтобы произвести событіе, не явись гения: такъ реформація—дѣло Лютера. Первое мнѣніе неудовлетворительно, ибо даетъ просторъ случайности,—простому механическому воздѣйствію, не направляемому разумомъ. По второму—въ мірѣ господствуетъ разумъ, личная воля, субъективный починъ. Человѣкъ по своему образованію всегда—дитя своего вѣка; но главный факторъ въ немъ—субъективный разумъ, реагирующий на воздѣйствія внѣшняго міра. Такъ, извѣстно, что у Шекспира было не мало предшественниковъ, обрабатывавшихъ нерѣдко тѣ же самые сюжеты. Кто же скажетъ, однако, что де его гениальныя драмы—не дѣло его субъективнаго личнаго гения, а просто продуктъ среды, явившійся въ силу независившихъ отъ самого Шекспира обстоятельствъ. Источникъ всѣхъ творческихъ силъ заключается въ ниспосланной отъ Бога природѣ или психической организаціи человѣка. Гений пролагаетъ новые пути. Бисмаркъ единолично воссоединилъ Германію въ одно государство. Исторія наукъ представляетъ также разительные примѣры значенія личности: что было бы съ астрономіею и математикою безъ Ньютона и Лей-

бница? Итакъ, обстоятельства даютъ для нашей дѣятельности только тему или предметъ.

Полное изложеніе всѣхъ данныхъ исторіи философіи было бы уже не философскимъ, а филологическимъ или историко-литературнымъ. Для изученія всесторонняго особенно рекомендую *Риттера* „Исторію христіанской философіи“. Обращаю ваше вниманіе на ошибку въ заглавіи: эпитетъ „христіанская“ долженъ обозначать здѣсь философію, бывшую послѣ Рождества Христова; а мало ли было за это время философскихъ системъ, ничего общаго не имѣвшихъ съ христіанствомъ? Кромѣ того, послѣ Возрожденія вошелъ въ моду греческій языкъ, „изобрѣтеніе дьявола,“ а вмѣстѣ съ нимъ и греческая философія, имѣвшая чрезвычайно большое вліяніе на новыхъ мыслителей, такъ что при объясненіи новыхъ философовъ намъ зачастую придется прибѣгать къ доктринамъ древнегреческимъ.

Конечно, мы будемъ изучать исторію философіи *критически*. Но какіе же будутъ у насъ критеріи? I) Не взять ли намъ критерій *церковно-христіанскій*? Но тогда у насъ получится не философское изученіе, а богословское. Нужно замѣтить, что а) богословіе имѣетъ свою особенную точку зрѣнія на философскія явленія, и б) что есть системы, которыя вовсе отрицали церковь и ея авторитетъ. Справедливо ли будетъ прилагать къ нимъ такой критерій? II) Можно взять критерій, общій съ Риттеромъ. Такъ какъ партійная или полемическая критика, которую приверженецъ другой партіи не станетъ признавать, не годится, то, быть можетъ, удобнѣе взять критеріемъ *общественное мнѣніе*, *allgemeine Meinung*, *opinion publique*. Такое мнѣніе образуетъ какбы выводъ изъ частныхъ мнѣній даннаго времени. Для большинства это — самая высшая точка зрѣнія, своего рода „Св. Духъ“: вѣдь иные менѣе преклоняются предъ предписаніями религіи, чѣмъ предъ модою или общимъ мнѣніемъ. Этотъ критерій неудобенъ, глав-

нымъ образомъ, — тѣмъ, что весьма трудно опредѣлить „общее“ мнѣніе по одному какому-либо спеціальному, и тѣмъ болѣе философскому вопросу. Неученыхъ и некомпетентныхъ людей считать нечего, а ученые далеко не всегда рѣшаются высказать свое мнѣніе. Рѣшительныя, но не всегда справедливыя мнѣнія высказываются только въ газетныхъ передовицахъ. Какъ же тутъ поступить? Не считать же голоса общимъ плебисцитомъ! Вѣдь люди неравны разумомъ. Одинъ голосъ бываетъ иногда правильнѣе десятеа тысячъ голосовъ; одинъ человекъ измѣняетъ подчасъ мнѣнія многихъ тысячъ. До Коперника надъ пифагорейцами смѣялись всѣ, не исключая Аристотеля и Птолемея. Какъ, напр., руководясь общественнымъ мнѣніемъ, рѣшить вопросъ объ историческомъ значеніи реформаціи? Католики будутъ яро отрицать всякую пользу ея, а протестанты стануть защищать великое значеніе реформаціи въ исторіи западно-европейскихъ народовъ.... Остается III) критерій Тренделенбурга или такъ называемая *имманентная* критика. Въ этомъ случаѣ изыскиваютъ, какую задачу ставилъ себѣ самъ философъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, а затѣмъ опредѣляютъ, насколько каждый философъ выполнилъ эту свою задачу. Такой критерій кажется намъ наиболѣе пригоднымъ и справедливымъ. Для контроля и провѣрки хорошо обращать особенное вниманіе на полемику противниковъ. Всякое замѣчательное произведеніе вызываетъ полемику. А полемизировать начинаютъ лишь тогда, когда замѣчаютъ у противника ошибку, или недочетъ, или внутреннее противорѣчіе. Этими полемическими указаніями задача историка въ нѣкоторыхъ случаяхъ упрощается и облегчается. При оцѣнкѣ какой-либо философской доктрины въ видахъ большаго безпристрастія необходимо пользоваться *сравнительно-критическимъ* методомъ (лекція III). Мы сравниваемъ философа, во первыхъ, съ мыслителями, ему современными, и такимъ образомъ устанавливаемъ его относительную величину, т. е. насколько онъ пре-

восходилъ своихъ современниковъ. Затѣмъ, чтобы опредѣлить, такъ сказать, абсолютное значеніе какого-либо новаго философа, мы сравниваемъ его ученіе съ ученіемъ греческихъ философовъ; тогда мы видимъ, далеко ли онъ ушелъ отъ нихъ. Вѣдь у грековъ имѣлись уже всѣ существующія нынѣ ученія, хотя нѣкоторыя и въ зачаточномъ состояніи. Вся новая философія испытала, напр., величайшее вліяніе со стороны Аристотеля: безъ него не было бы догматики, патристики, схоластики. Такимъ образомъ для всякой доктрины мы получаемъ генетическое объясненіе. Мы можемъ прослѣдить возникновеніе и развитіе всякаго понятія, мы можемъ изобразить „исторію понятій“. Посредствомъ сравненія же мы можемъ подмѣтить односторонность въ дѣлѣ философіи, проявляющуюся иногда у нѣкоторыхъ народовъ: въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ одинъ народъ занимается излюбленною философскою дисциплиною (какъ англичане—моралью).

Наконецъ *четвертымъ*, тоже важнымъ критеріемъ будетъ наше собственное мнѣніе. При всякомъ обсужденіи мы въ значительной степени руководствуемся собственнымъ вкусомъ, т. е. тѣмъ, нравится ли намъ извѣстное положеніе. Эта субъективная точка зрѣнія не всегда вѣрна, но неизбежна. Ею объясняется тотъ странный, повидимому, фактъ, что иногда и докажешь, а не убѣдишь. Относиться къ философіи безъ всякаго чувства, съ однимъ разумомъ—граничило бы съ полнымъ безразличіемъ: т. е. мы тогда не *интересовались бы* философіею. Чувство придаетъ изученію философіи особый личный, индивидуальный интересъ.

Кромѣ обязательныхъ и публичныхъ курсовъ, Тейхмюллеръ читалъ въ университетѣ же по вечерамъ (7—8) и спеціальныя, необязательныя курсы—для слушателей, ближе интересующихся философіею. На этихъ лекціяхъ бывало народу

меньше, но всетаки обыкновенно не меньше человекъ 15—20. Такіе курсы обыкновенно посвящались тѣмъ вопросамъ и дисциплинамъ, которые въ данный моментъ интересовали самого Тейхмюллера, и о которыхъ онъ подготовлялъ сочиненіе. Такимъ образомъ я слушалъ въ числѣ этихъ курсовъ между прочимъ „философію христіанства“ (съ *разборомъ и критикою Евангелій*) и „философію исторіи“.

Третій разрядъ лекцій Тейхмюллера состоялъ въ его практическихъ занятіяхъ—у себя на дому, обыкновенно по текстамъ Аристотеля (иногда Платона), а именно, самыхъ труднѣйшихъ мѣстъ, напр., „Метафизики“ и „Физики“, или „Парменида.“ Тейхмюллеръ строго поддерживалъ тренделенбургскую традицію и ни одного семестра не оставлялъ безъ Aristotelisches Practicum (эту традицію, къ слову сказать, и я лично до сихъ поръ поддерживалъ за все время моей преподавательной дѣятельности). Далѣе, когда эти практическія занятія посвящались другимъ предметамъ, напр., философскому коллоквиуму, образовывался четвертый разрядъ философскихъ занятій—по аристотелевымъ текстамъ для наиболѣе подготовленныхъ. Практическія занятія велись Тейхмюллеромъ на дому обыкновенно по субботамъ съ 5—7. Участники этихъ вечеровъ, навѣрное, не разъ съ восхищеніемъ вспоминаютъ объ нихъ и о нашемъ учителѣ, за сѣдавшемъ посреди насъ у того же передиваннаго стола въ залѣ съ сигарою или длинною трубкой въ рукахъ. Напряженныя занятія смѣнялись иногда непринужденною бесѣдою о постороннихъ предметахъ, особенно въ серединѣ, когда подавался чай или кофе. Всякій велъ себя непринужденно, высказывался весь, безъ заднихъ мыслей.

Какое чувство всего естественнѣе вызывается въ насъ образомъ нашего любимаго умершаго учителя? Сожалѣніе объ его утратѣ, сожалѣніе о томъ, что пользовался его уроками гораздо меньше времени, чѣмъ хотѣлось бы. Это чувство я неоднократно испытывалъ, стоя на старомъ нѣмецкомъ клад-

бищѣ въ Юрьевѣ у маленькой могилы, почти закрытой деревьями, надъ которой водруженъ простой полированный мраморный крестъ—съ незатѣйливою, но многознаменательною надписью: *Gustav Teichmüller*. 1832—1888.

Ниже мы приводимъ списокъ сочиненій и статей Г. Тейхмюллера. Замѣтимъ, что многое еще не издано и хранится въ рукописи у дѣтей покойнаго. Биографическій очеркъ его составленъ моимъ товарищемъ *В. Ф. Лютославскимъ* и помѣщенъ въ *Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft begründet von Conrad Bursian herausgegeben von Iwan v. Müller, ord. öffentl. Prof. der classischen Philologie an der Universität Erlangen. Siebenundfünfzigster Band. Bibliotheca philologica classica 1889.—Biographisches Jahrbuch 1888.—Anzeigebblatt. Berlin. 1890 (Verlag von S. Calvary и С° W. Unter den Linden 17).—Biographisches Jahrbuch. (Gustav Teichmüller) стран. 13—14.*

Списокъ сочиненій и статей Г. Тейхмюллера.

- 1) Die Aristotelische Eintheilung der Verfassungsformen. St. Petersburg, 1859.
- 2) Die Einheit der Aristotelischen Eudämonie. St. Petersburg, 1859.
- 3) Zur Frage über die Reihenfolge der Bücher in der Aristotelischen Politik (im *Philologus* 1860, 4, S. 164 ff.).
- 4) Aristotelische Forschungen. Bd. I. Beiträge zur Erklärung der *Poëtik* des Aristoteles. Breslau 1867.
- 5) Ueber die Differenz von Tragödie und Epos bei Aristoteles (in den *Verh. deutsch. Phil. und Schulm. in Halle*. October 1867 S. 48 ff.)
- 6) Aristotelische Forschungen. Bd. II. Aristoteles' Philosophie der Kunst. Breslau 1869.
- 7) Aristotelische Forschungen. Bd. III. Geschichte des Begriffs der *Parusie*. Breslau 1873.

- 8) Die Unsterblichkeit der Seele. Leipzig 1874 u II. A. 1879.
- 9) Studien zur Geschichte der Begriffe, 667, IX S. Frankfurt a. M. 1874.
- 10) Ungedruckte Briefe von Kant und Fichte (Z. f. Ph. u. ph. Kr. 1874.)
- 11) Ueber den Ursprung des Terminus *επαγωγή* (im Philologus 1875 S. 567.)
12. Die Platonische Frage, eine Strictschrift gegen Zeller. Breslau 1876.
- 13) Neue Studien zur Geschichte der Begriffe. 3 Bde. Breslau 1876—1879.
- 14) Der Begriff des Raumes bei Lucrez (Rhein. Mus. 1877. S. 309 ff.).
- 15) Frauenemancipation. Leipzig 1877.
- 16) Darwinismus und Philosophie. Leipzig 1877.
- 17) Wahrheitsgetreuer Bericht über meine Reise in den Himmel, von Immanuel Kant. Breslau 1877.
- 18) Die Gemäldeausstellung in Dorpat: Ueber Landschaftsmalerei. Neue Dörptsche Zeitung, Januar 1878.
- 19) Zur Pädagogik der Elementarschulen. Baltische Monatsschrift 1878.
- 20) Pädagogische Fragen. Baltische Monatsschrift. 1879.
- 21) Charakteristik der Araber. Baltische Monatsschrift 1879.
- 22) Die Reihenfolge der Platonischen Dialoge. Leipzig 1879.
- 23) Das Wesen der Liebe. Leipzig. 1880.
- 24) Pädagogisches. Leipzig 1881.
- 25) Ueber *επαναγωγή* und *επαγωγή*, *επαναφέρειν* und *επιφέρειν*. Philologus 1881.
- 26) Literarische Fehden im IV. Jahrh. v. Chr. Breslau 1881.
- 27) Zur Erwiderung (auf eine anonyme Recension der L. F.) Philol. Rundschau, II. Jahrg. 1882 S. 958.

28) Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik. Breslau 1882.

29) Ueber den Ursprung des Bewusstseins (Z. f. Ph. u. Kr. 1883).

30) Literarische Fehden im IV. Jahrh. v. Chr. II. Bd. Breslau 1884.

31) Religionsphilosophie. Breslau 1886.

Рецензии и Selbstanzeigen.

32) Thilo. Die theologisirende Rechts-und Staatslehre. Gött. gel. Anz. 1862. S. 131.

33) Trendelenburg. Naturrecht. Gött. gel. Anz. 1863.

34) Piderit. Gehirn und Geist. Gött. gel. Anz. 1864. S. 1154.

35) Hanne. Bekenntnisse oder drei Bücher vom Glauben. Allg. kirchl. Zeitschrift, 1865. S. 143.

36) Taine. Les philosophes français. Gött. gel. Anz. 1866. S. 401.

37) Teichmüller. Aristotelische Forschungen, I. Selbstanzeige. Gött. gel. Anz. 1866. S. 1935.

38) Eucken. De dicendi ratione. Gött. gel. Anz. 1866. S. 2027.

39) Trendelenburg. Historische Beiträge, III. Gött. gel. Anz. 1869. S. 1841.

40) Teichmüller. Geschichte des Begriffs der Parusie. Gött. gel. Anz. 1872. S. 2049.

41) Teichmüller. Studien zur Geschichte der Begriffe. Gött. gel. Anz. 1874. S. 1157.

42) Harms. Begriff der Psychologie. Gött. gel. Anz. 1875. S. 402.

43) Ritter und Preller. Historia philosophiae graec. et roman. Gött. gel. Anz. 1875. S. 1185.

44) Bywater. Heraclit. Gött. gel. Anz. 1877. S. 825.

45) Teichmüller. Ueber die Reihenfolge der Platon. Dialoge. Gött. gel. Anz. 1879. S. 1313.

46) Tocco. Ricerche Platoniche. Gött. gel. Anz. 1880. S. 257.

47) Tannery. Thales et ses emprunts à l'Égypte. Gött. gel. Anz. 1880. S. 1063.

48) Porter. Physiological Metaphysics. Gött. gel. Anz. 1880. S. 1139.

49) Ritter. Dr. B. Die Grundprincipien der Aristotelischen Seelenlehre. Phil. Rundsch. 1880. S. 98.

50) Mettig. Katharina von Siebenbürgen. Lit. Centr. Mai 1880.

51) Sillén. Platonis de antiquissima philosophia testimonia. Phil. Rundschau 1882. S. 45.

52) Friesendorff. Grundriss der Unterrichtslehre. Rigasche Zeitung, April 1883.

53) Lutostawski. Erhaltung und Untergang der Staatsverfassungen nach Plato, Aristoteles und Machiavelli. Lit. Centr. 1888. April.

Посмертные труды.

54) Neue Grundlegung der Psychologie und Logik, herausgegeben von J. Ohse. Breslau. 1889.

55) „Трактатъ о Богѣ и мирѣ“ — напечатанъ въ „приложеніяхъ“ къ сочиненію Я. Θ. Осе: „Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лопце“. 1896, стр. 462—467.

Биографическій очеркъ Г. Тейхмюллера былъ мною помѣщенъ: а) въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ за 1888 г. № 137 отъ 20 мая (некрологъ), б) въ моей книгѣ „О понятіи искусства,“ стр. 16—23, и с) въ качествѣ послѣсловія-прибавленія въ редактированному мною переводу сочиненія Тейхмюллера „Безсмертіе души“, стр. 198—200.

Проф. Евгений Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

~~~~~  
МАТЕРІАЛЫ,
ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

—————
~~~~~  
ВЫПУСКЪ I.

Изданіе второе, исправленное.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1900.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

Жизнь и труды А. А. Козлова.

Алексѣй Александровичъ Козловъ родился 9 января 1831 года въ Москвѣ и выросъ среди очень скудной обстановки. Воспитаніе его было чрезвычайно и чрезмѣрно суровое. Съ ранняго дѣтства онъ отличался большой любознательностью и до страсти любилъ чтеніе. Благодаря отличной памяти, онъ легко запоминалъ прочитанное. Съ 1843 г. Козловъ сталъ учиться въ I-ой Московской гимназіи и сразу занялъ среди своихъ товарищей выдающееся мѣсто. По окончаніи курса въ гимназіи онъ съ 1850—56 г. учился на словесномъ факультетѣ Московскаго университета. Особеннаго интереса къ философіи онъ тогда не обнаруживалъ, что немудрено; съ 1850 г. именно и были упразднены философскія кафедры во всѣхъ русскихъ университетахъ (кромя Дерптскаго), а преподаваніе логики и эмпирической психологіи было поручено законоучителямъ. Такимъ образомъ въ это время въ Московскомъ университетѣ не было специалиста-преподавателя философіи; этому предмету обучалъ протоіерей *П. М. Терновскій*. Козловъ читалъ по своей охотѣ философскія книги, напр., „Критику чистаго разума“ Канта во французскомъ переводѣ *Тиссо*; но это чтеніе тогда не дало большихъ результатовъ. Приобрѣтши степень кандидата, Козловъ поступилъ въ Москвѣ преподавателемъ

русскаго языка и словесности въ Константиновскій межевой институтъ и въ этой должности пробылъ 4 года. Къ тому же времени относится начало его литературной дѣятельности. Но онъ писалъ тогда не по философіи, а по политической экономіи. Козловъ готовился даже стать ученымъ специалистомъ именно по этой наукѣ. Тогда же онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Вас. Ивап. *Покровскимъ* перевелъ на русскій языкъ первый томъ соч. *Roscher, Grundlagen der Volkswirtschaft*. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ ознакомился съ сочиненіями Шарля *Фурье*, и это чтеніе произвело глубокое впечатлѣніе на молодого человѣка. Что касается его философскихъ убѣжденій за это время, то слѣдуя общему теченію русской мысли, А. А. Козловъ былъ тогда позитивистомъ съ матеріалистической окраскою. Особеннымъ авторитетомъ пользовался тогда въ его глазахъ *Л. Фейербахъ*. Съ начала 60-хъ годовъ въ Россіи журналисты съ *Чернышевскимъ* и *Писаревымъ* во главѣ усердно пропагандировали среди русской интеллигенціи антропологизмъ Фейербаха и матеріализмъ *Бюхнера*. Къ этимъ вліяніямъ присоединялось черезъ журналистику вліяніе англійскаго позитивисма и эволюціонисма.

Оставивши казенное учительство, А. А. Козловъ былъ воспитателемъ и учителемъ въ различныхъ богатыхъ домахъ, а потомъ обратился къ практической дѣятельности, а именно, переселился окончательно въ деревню и занялся сельскимъ и лѣснымъ хозяйствомъ. И только теперь онъ начинаетъ постепенно переходить къ тому дѣлу, которое долженствовало поглотить всю его остальную жизнь, т. е. къ философіи.

Долгіе зимніе вечера въ деревнѣ А. А. Козловъ проводилъ за разнообразнымъ чтеніемъ. Между прочимъ случайно попала ему въ руки книга *Фраунштедта* „*Briefe über die Schopenhauersche Philosophie*“. Чтеніе этой увлекшей его книги стало для Козлова началомъ специально философскихъ штудій. Онъ съ восторгомъ изучаетъ Шопенгауера и стано-

вѣтятся „пессимистомъ“. Долгое время онъ носился съ мыслію перевести на русскій языкъ главное сочиненіе Шопенгауера „Мірѣ, какъ воля и представленіе“, но это по цензурнымъ условіямъ было невозможно. Тогда онъ удовольствовался обработкою сочиненія *Гартмана* „Философія безсознательнаго“, которое онъ частью перевелъ, частью изложилъ. Эта переработка Гартмана появилась въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ въ 1873—75 гг. подъ заглавіемъ „Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго“.

Освободившись, благодаря изученію Шопенгауера, отъ позитивизма, и видя въ философіи науку возможную и самостоятельную, Козловъ обратился къ ея изученію съ тою же беззаветною страстью, какою и раньше онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ занятіяхъ. Плодами его мышленія явились, кромѣ двухъ журнальныхъ статей (въ „Знаніи“): „Критика „Историческихъ Писемъ“ Миртова (*П. Л. Лаврова*) и „Владимиръ Соловьевъ, какъ философъ“, (по поводу его книги „Кризисъ западной философіи“), гдѣ онъ указываетъ Соловьеву на смѣшеніе понятій религіи, богословія и философіи,—оригинальное сочиненіе „Философскіе Этюды“, т. I, Кіевъ 1876, въ которомъ Козловъ является рѣшительнымъ защитникомъ правъ философіи. Исходя изъ факта сомнѣнія въ томъ, что философія обладаетъ опредѣленными задачами и методою и приносить какую бы то ни было пользу, Козловъ задается цѣлью изслѣдовать предметъ философіи, ея методу, направленія, ея значеніе въ человѣческой жизни и наконецъ ея отношенія къ прочимъ наукамъ. Эти вопросы должны были быть рѣшены индуктивно на основаніи обобщенія тѣхъ данныхъ, какія представляетъ исторія философіи. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома Козловъ на основаніи содержанія философскихъ ученій и опредѣленій философіи, данныхъ ея представителями, приходитъ къ заключенію, что предметъ философіи есть понятіе міра, какъ цѣлаго, міра, какъ системы вещей. Второй отдѣлъ трактуетъ

о философскомъ методѣ и различныхъ направленіяхъ въ философіи, начиная съ Фалеса и до Сократа. Въ предисловіи Козловъ высказываетъ руководящія идеи своего труда въ такихъ положеніяхъ: 1) Философія съ самаго начала и всегда имѣла свой особенный предметъ, который не можетъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ предметами другихъ наукъ. 2) Если философія за время своей исторіи обладала особеннымъ предметомъ, то, разумѣется, былъ у нея и соответственный методъ. Ибо, хотя философскій методъ и во многомъ отличается отъ методовъ прочихъ наукъ, но не настолько, чтобы не имѣть съ ними ничего общаго, и даже имѣть много важныхъ общихъ чертъ. Далѣе различіе содержанія системъ и порою даже ихъ существенныя противорѣчія зависятъ не отъ произвола въ примѣненіи метода, а отъ возможности различныхъ направленій и точекъ зрѣнія на предметъ философскаго познанія. 3) Философія имѣетъ большое практическое значеніе и всегда будетъ имѣть его, потому что она удовлетворяетъ той потребности человѣка, которая не можетъ быть и въ приблизительной степени удовлетворена какою-либо другой наукою. 4) Философія есть наука, потому что она имѣетъ всѣ характеристичныя признаки науки вообще, а по своему предмету она—самая трудная и наивысшая наука.

Это сочиненіе Козлова обратило на себя вниманіе читающей публики силою діалектики и горячею убѣжденностью тона. О немъ стали говорить уже какъ о спеціалистѣ, философскомъ авторѣ. Это и подало мысль нѣкоторымъ изъ его университетскихъ друзей попытаться пристроить Козлова при университетѣ; такъ его близкій другъ А. А. *Котляревскій*, проф. славяновѣдѣнія при Киевскомъ университетѣ, приглашалъ его извѣдать свое счастье въ Киевѣ.

„Философскіе Этюды“ были въ Киевскомъ университетѣ публично защищены въ качествѣ диссертациі *pro venia legendi*;

затѣмъ Козловъ прочелъ требующіяся уставомъ пробныя лекціи, одна изъ которыхъ была напечатана подъ заглавіемъ „Два основныхъ положенія философіи Шопенгауера“. Козловъ развивалъ здѣсь ту мысль, что Шопенгауеръ обладалъ полною и законченною системою, сущность которой заключается въ развитіи двухъ положеній, примѣняемыхъ къ природѣ, искусству и нравственности: 1) Шопенгауеръ вмѣстѣ съ Кантомъ заключаетъ, что, если отнять мыслящій субъектъ, т. е. носителя міра, то весь чувственный и объективный міръ со всѣми солнцами и планетами есть не болѣе, какъ наше представленіе; 2) независимо отъ Канта, Шопенгауеръ выработалъ положеніе, что міръ есть воля, и притомъ воля единая и несловленная.

Такимъ образомъ въ 1876 году Козловъ былъ допущенъ въ качествѣ приватъ-доцента къ преподаванію философіи при Киевскомъ университетѣ. Ему были предоставлены обязательные курсы логики и исторіи философіи. Такіе же предметы читалъ Козловъ на открытыхъ при университетѣ женскихъ высшихъ курсахъ.

Его появленіе на философской кафедрѣ не прошло незамѣченнымъ. На него одновременно напали печатно два позитивиста, его коллегa по университету, Пав. Ив. *Аландскій*, даровитый филологъ, и проф. философіи при Нѣжинскомъ Институтѣ *Н. Я. Гротъ*, оба рано погибшіе для отечественной науки. Аландскій хотѣлъ показать, что философія не есть наука, и что ее можно замѣнить другими, спеціальными науками. Но Козловъ доказалъ ему въ своемъ отвѣтѣ, что онъ велъ всю свою полемику противъ философіи именно съ точки зрѣнія философіи же, а не отдѣльныхъ наукъ, что подъ различными неопредѣленными выраженіями, както: „наука“, „система наукъ“, „связь теорій спеціальныхъ наукъ“ и т. д. онъ подразумѣваетъ, собственно говоря, ту дѣятельность духа, которая именно образуетъ философію. Абстрактное понятіе науки,

какъ таковой, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго представленія о формулированномъ ученіи. А если какое-либо опредѣленное содержаніе дѣйствительно не принадлежитъ никакой отдѣльной наукѣ, то оно будетъ не „наукою вообще“, а особенною, частною наукою, которая и носить названіе философіи.

Сочиненіе „Философія, какъ наука“ служитъ отвѣтомъ на всѣ появившіяся рецензіи I ч. „Этюдозъ“.

Съ тѣхъ поръ Козловъ все свое время посвятилъ философіи. Плодомъ и свидѣтельствомъ его занятій служили многочисленныя обширныя рецензіи различныхъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій, появлявшіяся въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (о книгахъ Лассвица, Гёринга, Крауса, Ренана и т. д.). Въ 1879 году, т. е. 48 лѣтъ отъ роду Козловъ сдалъ магистерскій экзамень у Гогоцкаго.

Еще одному появившемуся въ это время сочиненію Козлова суждено было привлечь на себя живое вниманіе общества и молодежи. Мы разумѣемъ быстро раскупленную и нынѣ очень рѣдкую книгу „Философія дѣйствительности“, посвященную критическому обзору и обсужденію философской системы знаменитаго *Дюринга*.

„Философія дѣйствительности“ заключаетъ въ себѣ 4 части, изъ которыхъ три изображаютъ ученіе Дюринга, а четвертая содержитъ „критическія замѣчанія“. I часть опредѣляетъ „основныя формы бытія по Дюрингу“, вторая трактуетъ объ „основныхъ принципахъ его ученія о природѣ“; въ III части сдѣланъ сводъ его „ученія о человѣкѣ“, а именно: 1) элементы сознанія, 2) нравственность, право и усовершенствованіе человѣка, 3) общественный бытъ и исторія, 4) повышение цѣнности жизни и 5) общая характеристика социализованной общественной жизни. „Критическія замѣчанія“ содержатъ: § 1—личный характеръ Дюринга и выставленный имъ принципъ, по которому философія является выраженіемъ

нравственнаго настроенія, § 2—замѣчанія на его гносеологию, метафизику и философію природы, § 3—критику этики, социологии и другихъ частей Дюринговой системы и § 4—общее сужденіе о философіи Дюринга. Эта система въ цѣломъ, по мнѣнію Козлова, неудовлетворительна, потому что ей недостаетъ главнаго признака системы, а именно—единаго принципа. Отдѣльныя части ея связаны не единымъ принципомъ, а только единствомъ субъективнаго настроенія самого Дюринга. Этимъ то и объясняется основной ея грѣхъ: части системы, которыя обыкновенно выводятся изъ основъ ея, у Дюринга получаютъ надъ послѣдними перевѣсъ. Центръ тяжести лежитъ у него не въ теоріи познанія и не въ метафизикѣ, даже не въ этикѣ, которыя все же ближе къ нимъ, а въ *ученіи объ обществѣ*, которое само собственно должно основываться на этикѣ. Этотъ недостатокъ единства системы Дюрингъ не сумѣлъ прикрыть важными открытіями и оригинальными концепціями. Специальное значеніе теоретической дѣятельности Дюринга лежитъ въ попыткѣ представить социализмъ въ качествѣ полнаго и единаго міровоззрѣнія, основывающагося, съ одной стороны, на данныхъ современныхъ положительныхъ наукъ, а съ другой стороны,—на результатахъ нынѣшняго философскаго мышленія.

Козлову предлагали представить эту интересную книгу въ факультетъ въ качествѣ магистерской диссертациі, но для этой цѣли онъ написалъ особую книгу, а именно, второй томъ „Философскихъ Этюдовъ“, въ которомъ онъ занимается „методомъ и философіею Платона“ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: I) о методѣ Платона. Въ построеніи философскаго познанія Платонъ употребилъ, какъ логическіе методы вообще (индукцію, аналогію, опредѣленіе, классификацію), такъ и въ особенности—гипотезу. Главнымъ орудіемъ при построеніи системы служилъ Платону логическій законъ противорѣчія. Онъ былъ послѣднею инстанціей въ вопросѣ объ ис-

тинѣ философскаго знанія, которое можетъ осуществиться только въ системѣ, абсолютно законченной. Необходимымъ условіемъ выработки философской гипотезы и діалектической борьбы съ другими системами Платонъ ставитъ „Эросъ“ въ его высшей формѣ, какъ влеченіе къ абсолютной красотѣ, истинѣ и высшему добру. II) О направленіи Платоновой философіи: философія Платона есть,—во первыхъ, наивный реализмъ (ибо Платонъ принималъ полное соотвѣтствіе познанія бытію),—во вторыхъ, раціонализмъ (потому что главнымъ факторомъ познанія является у него разумъ и его дѣятельность, мышленіе),—въ третьихъ, апріорисмъ (ибо познающій субъектъ строитъ познаніе собственными силами),—въ четвертыхъ, плюрализмъ (потому что сущихъ принимается множество), въ пятыхъ, спиритуализмъ (потому что эти сущія непространственны и нематеріальны),—въ шестыхъ, эстетическій эвдемонизмъ, ибо послѣдняя цѣль, если не міра, макрокосма, то, по крайней мѣрѣ, полнаго его представителя, человѣка, микрокосма, есть полное блаженство, состоящее въ обладаніи совершеннѣйшею красотой, истиной и гармоніею.

На основаніи магистерской степени Козловъ въ 1881 году былъ выбранъ въ штатные доценты философіи. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ заграничную ученую командировку для дальнѣйшаго усовершенствованія въ философіи и провелъ полгода въ Парижѣ, гдѣ между прочимъ читалъ для тамошней русской колоніи курсъ о философіи Шопенгауера. Когда вышелъ въ отставку Гогоцкій, то Козловъ остался единственнымъ представителемъ философіи при университетѣ св. Владимира.

Къ этому времени относится между другими работами критика Козлова на трудъ позитивиста проф. *М. М. Троицкаго* „Наука о духѣ“. Кроме того, подъ редакціею Козлова появился переводъ французскаго учебника исторіи философіи *Вебера*. Въ 1884 году вышла докторская диссертация Козлова

подъ заглавіемъ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“.

„Генезисъ теоріи“ etc былъ защищаемъ на диспутѣ въ Петербургскомъ университетѣ у *Мих. Ив. Владиславлева*. Ученая степень доктора философіи дала Козлову возможность получать экстраординарнаго и въ скоромъ времени ординарнаго профессора.

Но служебныя повышенія не имѣли на Козлова вліянія въ смыслѣ ослабленія энергіи къ научному труду. Напротивъ, этой энергіи въ немъ все какъбы еще прибывало. Не довольствуясь обычною журнальною дѣятельностью, Козловъ чувствуетъ потребность создать органъ для выраженія своихъ собственныхъ взглядовъ въ области умозрительной философіи. Такимъ образомъ Козловъ совершаетъ первый на Руси опытъ чисто философскаго спеціальнаго журнала „Философскій Трехмѣсячникъ“, который наполнялся самимъ Козловымъ безъ сотрудниковъ по всѣмъ рубрикамъ вплоть до хроники и обзорѣнія журналовъ. Важнѣйшія и лучшія статьи въ этомъ журналѣ суть: „Религія графа Л. Н. Толстого (надѣлавшая много шума, нынѣ имѣющаяся съ дополненіями во второмъ изданіи отдѣльною книгой), „Философія мистики“ (К. Дюпреля), „Тардъ“, „О множественности состояній сознанія“, „Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики“ и т. д. Журналъ пріобрѣталъ уже (правда, немногочисленный) кругъ вѣрныхъ, интересующихся читателей. Хотя онъ не приносилъ Козлову никакой матеріальной выгоды, но неутомимый философъ имѣлъ твердое намѣреніе продолжать изданіе и добиваться распространенія среди русскаго общества знакомства съ философіею... Въ силу непредвидѣннаго обстоятельства всѣмъ планамъ нашего мыслителя суждено было остаться невыполненными.

Въ 1886 г. Козловъ былъ разбитъ параличемъ. Хотя его лѣчили со всѣми новѣйшими научными приѣмами, но онъ остался неизлѣчимымъ паралитикомъ и лишился употребле-

нія цѣлой половины тѣла. Къ счастью мозгъ не потерпѣлъ отъ удара, и мыслительная сила, какъ и прочія духовныя способности, не ослабли. Зато Козлову пришлось выйти въ отставку на пенсію. Съ этого момента начинается уже только философская жизнь Козлова: тѣлесный, внѣшній человекъ плоть отмерла, остался лишь внутренній человекъ, философъ. Лучшія и важнѣйшія работы Козлова появились послѣ этого происшествія.

Къ этому же времени относится окончательная выработка и ясная формулировка собственныхъ философскихъ воззрѣній Козлова. Удалившись отъ Канта и Шопенгауера, онъ сдѣлался приверженцемъ той философіи, которая была основана Лейбницемъ, и которую Козловъ называетъ *панпсихизмомъ* (по моему названію—*критическій индивидуализмъ*). Тогда же онъ основательно ознакомился съ сочиненіями лучшаго представителя этого направленія въ современной Европѣ, покойнаго профессора Дерптскаго университета Густава Тейхмюллера, а также съ сочиненіями Германа Рудольфа Лодце, философскіе взгляды котораго имѣютъ нѣкоторое, хотя и не очень большое родство съ *персонализмомъ* Тейхмюллера. Съ послѣднимъ Козловъ ознакомился сначала, какъ съ историкомъ философіи, именно съ его сочиненіями о Платонѣ (когда Козловъ заканчивалъ собственное изслѣдованіе о Платонѣ, ср. тамъ же стр. 138—141). Уже завершивши выработку своего мировоззрѣнія, Козловъ ознакомился и съ системой Тейхмюллера: какъ Козловъ неоднократно заявлялъ и устно, и печатно, онъ съ благодарностью поучился кой-чему у Тейхмюллера. И Лодце (напр., въ теоріи пространства), и Тейхмюллеръ не остались безъ нѣкотораго вліянія на Козлова.

О своихъ отношеніяхъ къ Тейхмюллеру Козловъ говоритъ въ статьѣ: „Густавъ Тейхмюллеръ“, которая, къ слову сказать, представляетъ собою, вѣроятно, наилучшее изъ всего до сихъ поръ написаннаго о Тейхмюллерѣ. Тейхмюллеръ

былъ важенъ для Козлова, во первыхъ, своими классическими работами по „исторіи понятій“. Затѣмъ еще и другіе пункты его теорій были приняты Козловымъ (хотя подчасъ не безъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій), напр., ученіе о бытіи, пространствѣ и времени, о сознаниі, движеніи, матеріи, объ „я“ и т. д. Нѣкоторое преимущество Лопце предъ Тейхмюллеромъ Козловъ видитъ въ томъ, что первый рассматриваетъ проблемы гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ второй.

Послѣ паралича Козловъ почти не могъ уже писать собственноручно и принужденъ былъ диктовать. Но литературная производительность его не уменьшалась въ количествѣ и все выигрывала въ качествѣ. Онъ выпустилъ въ свѣтъ четвертую и послѣднюю тетрадь „Философскаго Трехмѣсячника“, а послѣ годового перерыва началъ вмѣсто него издавать философско-литературный сборникъ „Свое Слово“, котораго уже вышло 5 томовъ. Главное мѣсто въ этомъ изданіи занимаютъ „Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ“. Здѣсь въ формѣ изящнаго діалога Козловъ подъ псевдонимомъ „Платона Калужскаго“ излагаетъ сущность своихъ собственныхъ философскихъ воззрѣній. Діалоги ведетъ въ качествѣ главной persona dramatis неутомимый, остроумный діалектикъ, петербургскій чиновникъ, истинно русскій человѣкъ по рѣчи и складу души, получившій за свою страсть къ философіи шуточное прозвище „Сократа“.

Къ положительной задачѣ сборника, изложенію собственной системы въ духѣ Лейбница, присоединяется и соответствующая ей отрицательная, состоящая въ полемикѣ или въ борьбѣ съ направленіями, враждебными направленію „Своего Слова“, именно, съ идеализмомъ, съ позитивизмомъ и обыкновенно тѣсно съ нимъ связаннымъ материализмомъ. Большая часть полемическихъ статей написана по поводу критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ разными лицами противъ „Своего Слова“.

Въ 1891 г. Козловъ со своимъ семействомъ переселился

изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ проживаетъ и до сихъ поръ. Большую часть дня ему приходится проводить на одрѣ болѣзни. Недостатокъ движенія физическаго по неволѣ приходится возмѣщать усиленнымъ движеніемъ мысли. Онъ почти постоянно занятъ чтеніемъ. Держась стариннаго правила *nulla dies sine linea*, онъ почти ежедневно что-нибудь диктуетъ. Этому правильностью и объясняется поразительная для больного старика производительность философскаго творчества.

Первая книга „Своего Слова“ представляетъ нѣчто вродѣ введенія въ систему. Разъясняются основныя понятія *субстанціи* и *акциденціи*. Дѣйствительное бытіе есть духовное, а не матеріальное; субстанціи не находятся въ пространствѣ и недоступны внѣшнимъ чувствамъ. Матеріальные атомы—не субстанціи. Тѣла же суть видимость или значки, подъ которыми являются намъ (несовершеннымъ существамъ) духовныя субстанціи въ ихъ отношеніяхъ между собою и съ нами.

Вторая книга трактуетъ объ *основѣ* всей философіи—понятіи бытія, которое опредѣляется послѣ критическаго разсмотрѣнія опредѣленій бытія, сдѣланныхъ разными философами (см. мою брошюру: „О понятіи бытія“, Каз. 1898).

Главное содержаніе *третьей* книги касается понятія *времени*; по поводу его снова затрагиваются понятіе бытія, а также понятія религіи и причинности. Міръ въ дѣйствительномъ бытіи *безвремененъ*, чего не должно смѣшивать съ предположеніемъ *безконечнаго* времени. Время не есть нѣчто реальное; существуя лишь въ нашей *мысли* (въ силу *ограниченности* человѣка), время есть только точка зрѣнія, съ которой мое „я“ въ мышленіи *располагаетъ* и упорядочиваетъ акты и собственной субстанціи, и другихъ существъ, съ которыми „я“ связано въ мірѣ. Далѣе указывается генезисъ идеи времени (по поводу какихъ реальныхъ актовъ оно образуется) и стадіи ея развитія.

Четвертая книга посвящена понятію *пространства*. И оно, подобно времени, нереально. Не существуя по себѣ, пространство есть точка зрѣнія, съ которой мыслящее „я“ *располагаетъ* акты своей ощущающей дѣятельности (сперва мускульно-осязательной, потомъ и другихъ). Нереальны также пространства кривыя и болѣе 3 измѣреній. Здѣсь объясняются и понятія созерцанія, представленія, апріорности, вещи въ себѣ (преимущественно, относящіяся къ философіи Канта). Тамъ же есть большая полемическая статья о понятіяхъ бытія и времени.

Пятая книжка трактуетъ, преимущественно, о понятіяхъ *движенія*, а также матеріи и причинности. Движеніе, подобно пространству и времени, не будучи реальностью, можетъ быть понимаемо, какъ символъ различныхъ отношеній реальностей; образованіе его идеи также проходитъ три фазы: субъективную, объективную и абстрактную. Движеніе можно разсматривать трояко: 1) *метафизическое* движеніе состоитъ изъ актовъ общенія и взаимодѣйствія моего „я“ съ другими субстанціями, 2) *психологическое* движеніе есть смѣна сознаваемыхъ нами ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ и съ другими психическими состояніями, и 3) *физическое* движеніе есть перемѣна положенія и мѣста въ пространствѣ. Первое понятіе движенія есть источникъ II-го, а II-е—III-яго. „Движеніе“ обыкновенно прилагается къ третьему роду, а въ первыхъ 2-хъ употребленіе этого термина—метафорическое; узость и недостаточная интенсивность человѣческаго сознанія, наша ограниченность не позволяютъ отражаться въ насъ самому метафизическому общенію „я“ съ міромъ. Непосредственно мы сознаемъ только свое существованіе, а чужое—мы познаемъ лишь по аналогіи съ собою. И первичныя, и вторичныя качества вещей—*наша* принадлежность. Матерія (противорѣчивое понятіе) нереальна: нѣтъ реального пространства, гдѣ бы она могла существовать

и двигаться. Причину нельзя смѣшивать съ внѣшнимъ міромъ и матеріальными вещами. Идея причины не ведетъ къ признанію внѣшнихъ дѣятелей.

Въ той же книгѣ имѣется замѣчательная статья „Мысли о философскихъ направленіяхъ“, которая даетъ опредѣленіе сущности панпсихизма въ его сравненіи съ другими направленіями. Попутно въ этой монографіи (какъ и во всемъ „Своемъ Словѣ“) разсѣяно много цѣнныхъ историко-философскихъ замѣчаній.

Касательно подробнаго содержанія пятой книжки „Своего Слова“ я позволю себѣ отослать къ особой брошюрѣ, написанной мною по этому поводу (Каз. 1899).

Наконецъ нельзя не упомянуть о многихъ интересныхъ и важныхъ статьяхъ и рецензіяхъ Козлова въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, ревностнымъ сотрудникомъ котораго Козловъ былъ съ самаго основанія этого философскаго органа. Помѣщенные здѣсь статьи поясняютъ многія страницы „Своего Слова“.

Важнѣйшія библиографическія данныя о литературной дѣятельности А. А. Козлова сгруппированы мною въ статьѣ, помѣщенной во II-мъ томѣ сего сочиненія, стр. 88—105. Тамъ перечислены всѣ труды этого мыслителя, поскольку они мнѣ извѣстны.

Проф. Евгений Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,
ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВЫПУСКЪ II.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

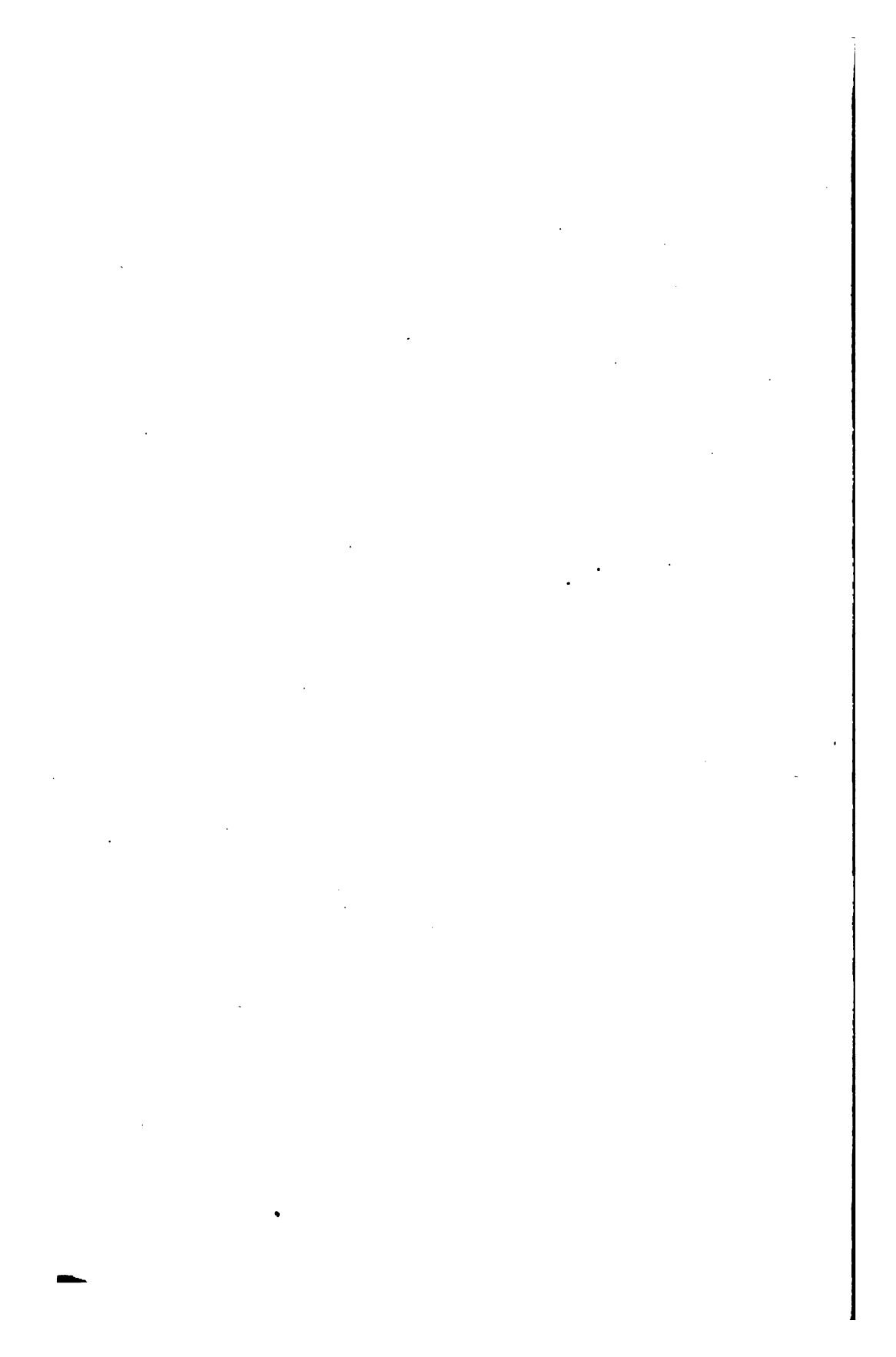
Деканъ *Смирновъ.*

О г л а в л е н і е .

I. Философскія произведенія Д. В. Веневитинова . . .	1
II. Философскія книги въ провинціи	19
III. Изъ біографіи Іоанна Шада	38
Прибавленіе. Гриневичъ	55
IV. Замѣтки о Д. М. Велланскомъ	61
V. О сочиненіяхъ А. А. Козлова	88
VI. Натурфилософія М. Г. Павлова	106
VII. Прибавленія. Письма Д. М. Велланскаго . . .	220
Къ стр. 84—87	231
Къ стр. 126—129	235
Rawłowiana	239
Н. И. Розановъ	244

I.

Философскія произведенія Д. В. Веневитинова.

...Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты....

(Д. В. Веневитиновъ, соч., стр. 117).

Предлагаемая статья есть краткое извлечение изъ специальной монографіи о Д. В. Веневитиновѣ, рассматривающей его жизнь, поэзію, его философскіе и литературно-историческіе труды. Статьи изложены почти вездѣ собственными словами автора. Ссылки сдѣланы на лучшее и полнѣйшее до сихъ поръ изданіе полного собранія сочиненій Д. В. Веневитинова, сдѣланнаго Пятевскимъ (нынѣшнимъ редакторомъ журнала „Наблюдатель“) въ 1862 въ Петербургѣ, стр. 263, гдѣ стр. 1—60 занимаетъ вступительная статья издателя „О жизни и сочиненіяхъ“ поэта (весьма важный матеріалъ, собранный изъ неизданныхъ источниковъ), стр. 63—118 оригинальныя стихотворенія, стр. 121—148 переводы въ стихахъ,—оригинальная проза стр. 151—226 и прозаическіе переводы—стр. 229—260.

Развитіе философіи въ Россіи, какъ извѣстно, текло по двумъ русламъ. Съ одной стороны, существовала *школьная философія*, которая преподавалась въ университетахъ, гимназіяхъ, духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Философскія направленія, находившія себѣ мѣсто въ этомъ руслѣ, были схоластика, вольфіанство и различные оттѣнки универсализма. Эта философія школьная почти не выходила за предѣлы лекцій и экзаменовъ, не переступала училищнаго порога; она была, такъ сказать, искусственнымъ насажденіемъ и служила лишь практическимъ цѣлямъ обученія и воспитанія. Представители этого теченія философіи въ Россіи зачастую не были даже специалистами представляемой ими науки; они были *чиновниками*, которые нерѣдко преподавали совсѣмъ другіе предметы и наряду съ ними—философію, когда имъ начальство поручало философскую кафедру. Эта школьная философія была безжизненна и оставалась почти безъ всякаго отклика и вліянія на общество.

Съ другой стороны были философскія направленія, которыя отъ времени до времени увлекали собою, какъ бурнымъ потокомъ, почти всю русскую интеллигенцію.—Таковую роль философіи всѣхъ образованныхъ играли въ XVIII вѣкѣ въ Россіи матеріализмъ („вольтеріанство“), а также мистика и франмасонство; во вторую половину XIX вѣка то же самое значили матеріализмъ, соціализмъ, позитивизмъ, спиритизмъ. Хотя представители подобныхъ направленій и появлялись иногда на кафедрахъ, но въ общемъ перечисленные міровоззрѣнія принадлежали къ тѣмъ, которыя изгоняли изъ школы. Главнымъ орудіемъ пропаганды этой нешкольной философіи служила не кафедра, а печатное слово и аффилиація личныхъ знакомыхъ въ кружки.

Въ исторіи русской культуры эти кружки играютъ важную роль. По своему характеру они были весьма разнообразны. Сначала членовъ кружка единили, по преимуществу, интересы философскіе и литературные. Въ послѣдствіи стали образо-

ываться кружки съ иными цѣлями и задачами: не ограничиваясь уже совмѣстнымъ изученіемъ философіи, или иныхъ какихъ-либо наукъ (какъ, напр., общественныхъ), стали задаваться планами нравственнаго перевоспитанія себя, друзей, наконецъ, всего общества—на свой образецъ, даже не отступая для достиженія своихъ предначертаній передъ насиліемъ и общественно-политическимъ переворотомъ.

Однимъ изъ первыхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ мирныя цѣли занятій литературою и философіею, былъ московскій кружокъ послѣдователей философіи Шеллинга.

Шеллингу въ Россіи посчастливилось: онъ нашелъ себя почитателей гораздо болѣе, чѣмъ какой-либо другой *нѣмецкій* философъ до него. Его ученіе проповѣдывалось, распространялось, какъ въ журналахъ, такъ и устной пропагандою, даже проникло отчасти въ школу. Шеллинга излагалъ въ Петербургской медико-хирургической академіи *Д. М. Велланскій*, а въ Петербургскомъ университетѣ и Педагогическомъ институтѣ злосчастный *А. И. Галичъ*. Въ Московскомъ университетѣ ту же философію преподавали *И. И. Давыдовъ*, *Н. И. Надеждинъ* и *М. Г. Павловъ*.

Кружокъ молодыхъ людей, сплотившихся во имя Шеллинга, состоялъ изъ даровитыхъ и высокообразованныхъ людей. Изъ него вышли замѣчательные дѣятели, если не спеціально науки философіи, то—литературы, критики, исторіи. Достаточно указать на имена *М. П. Погодина*, *Ивана Вас. Кирьевскаго*, князя *Владимира Ѳед. Одоевскаго*. Къ нему же принадлежалъ и юноша-поэтъ *Д. В. Веневитиновъ*, къ которому судьба была менѣе благосклонна, чѣмъ къ его только-что поименованнымъ товарищамъ по кружку и убѣжденіямъ: ему не дано было развить свои таланты во всей ихъ красотѣ и силѣ. А способности его были выдающіяся и очень разнообразны. Онъ выступалъ и какъ поэтъ, и какъ литературный критикъ, и какъ мыслитель-философъ. Общимъ обзорѣніемъ его философскихъ трудовъ мы и намѣрены теперь заняться.

Въ высшей степени было бы интересно прослѣдить, какіе именно философскіе вопросы трактовались въ этой первой на Руси по времени философской компаніи, а также опредѣлить тѣ способы и методы, какіе прилагались въ разрѣшенію интересовавшихъ юношей вопросовъ.

Удовлетворить нашему желанію, отчасти, могутъ сохранившіяся статейки нашего поэта - философа, читанныя и заслушанныя на общихъ товарищескихъ собраніяхъ. Эти статьи были предлагаемы авторомъ на общее обсужденіе. Таковы: „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень и вечеръ“ и „Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ (см. стр. 15 и 151).

„Скульптура, живопись и музыка“ ¹⁾.

Эта статья написана необыкновенно цвѣтистымъ языкомъ и въ формѣ аллегоріи. Три божественныя дѣвы—сестры, царствующія во вселенной, промѣняли небо, колыбель свою, на долину желаній и усилій. Но не имъ принадлежитъ вѣнецъ безсмертной славы; онъ будетъ вѣчно на главѣ ихъ матери. Онѣ же украсили все видимое. Первая сестра была послана матерью оживить вселенную въ очахъ человѣка; она указала ему на солнце, небо, разсѣяла горы и утесы; ея искусный рѣзецъ образовалъ каждое дерево, листъ и жемчужину, собранную въ глубинѣ раковины.

Вторая сестра внесла разнообразіе на землю безцвѣтную; она разлила по небу чистую лазурь, одѣла долины и лѣса зеленымъ цвѣтомъ и т. д. Третья внесла въ міръ жизнь и нарушила мертвую тишину своимъ вздохомъ; все огласилось криками радости, и всѣ эти звуки слились въ общую гармонію.

Затѣмъ первая сестра внушила смертному похитить огонь, дающій жизнь, и вручила ему рѣзецъ, оживившій мраморъ. Человѣкъ окружилъ себя собственнымъ міромъ и получилъ

---

¹⁾ Стр. 157—160.

средство сохранять памятники своей славы от всеистребляющей косы времени.

Вторая дала человѣку вѣсть; черезъ нее стало для него возможнымъ вылить свои чувства на холстъ и сдѣлать себѣ мысль о безконечномъ понятною.

Третья сестра вложила въ человѣка таинственную арфу, которой струны дрожатъ при всякомъ впечатлѣніи и, унося человѣка какъ бы въ иной міръ, дополняютъ то, что чувствуешь въ природѣ.

Въ заключеніе сестры заявляютъ, что весь міръ есть престолъ ихъ матери—поэзіи, недостигаемой для чувствъ смертнаго; вѣчность—ея слава, вселенная—ея изображеніе.

„Утро, полдень, вечеръ и ночь“ ¹⁾

написаны по тому же рецепту. Въ предыдущей аллегоріи мы съ трудомъ можемъ добраться до основной, глубоко-мистической мысли о сотвореніи міра и промышленіи его согласно эстетическимъ (поэтическимъ) законамъ и о зависимости всѣхъ родовъ искусства отъ основнаго, въ глубинѣ ихъ лежащаго—поэзіи ²⁾. Вторая статья имѣетъ цѣлю подъ образомъ четырехъ временъ дня показать ходъ и смѣну четырехъ возрастовъ человѣка. Самой аллегоріи или „сну воображенія“ предшествуетъ маленькое философское вступленіе. Мечты о будущемъ и боязнь разрушенія суть де два основныя чувства человѣка. Послѣднее чувство такъ противно человѣческой природѣ, что онъ создаетъ себѣ особый міръ—безсмертія, который представляетъ собой самый утѣшительный предметъ для поэта и самый назидательный для мыслителя. Здѣсь Д. В. Веневитиновъ опять возвра-

¹⁾ Стр. 160—164.

²⁾ О стремленіи универсалистической эстетики, трактуя объ искусствѣ вообще, имѣтъ въ виду одну лишь поэзію, искусство слова, и его законы возводятъ въ законы всей эстетики, см. въ моемъ сомнѣніи «О понятіи искусства» стр. 138 и 139.

щается къ своей любимой мысли: не *изгонять изъ области разсудка фантазіи*, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни; и не для того ли созданы *всѣ чувства чловѣка*, чтобъ *на богатомъ древѣ жизни породить мысль*, сей божественный плодъ, приготавлиаемый цвѣтами фантазіи?

За растолкованіемъ сдѣланныхъ намъ природою внушеній нужно обращаться къ ней самой съ вѣрнымъ о ней понятіемъ. Тогда все пояснится; *всякое явленіе—эмблема, всякая эмблема—самое чшло*. Этимъ положеніемъ Шеллинга, конечно, уже открыта для поэта дорога къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ „эмблемъ“.

„*Утромъ*“ чловѣкъ, плѣненный красотой вселенной, хочетъ достигнуть недостижимаго, но на бѣду познаётъ полную невозможность своего предпріятія и рѣшается создать свой міръ; но онъ открываетъ вездѣ строгій законъ необходимости, неуклонно управляющій міромъ. *Днемъ* чловѣкъ, сознавая и чувствуя въ себѣ силу, хочетъ поработить природу; но и въ бурю страстей чловѣкъ не забываетъ своего высокаго предназначенія. Подъ *вечеръ* страсти гаснутъ. Любви жертвуетъ сила своими подвигами и получаетъ цвѣтокъ изъ рукъ прелестной подруги—вѣнецъ героя.

Ночью тишина склоняетъ его ко сну—къ воззрѣнію на самого себя. Теперь душа его свободна. Чловѣкъ познаётъ истинную гармонию. Съ какимъ восторгомъ пробудится онъ, когда новый лучъ денницы воззоветъ его къ новой жизни, и онъ перенесетъ чувство изъ міра желаній въ міръ наслажденій!

Почти въ томъ же духѣ написанъ и отрывокъ изъ неоконченнаго романа, представляющій психологическій анализъ:

„Три эпохи любви“¹⁾.

Первая—это эпоха восторговъ. Первая любовь, подобно пламени, чиста и на все равно свѣтитъ.

---

¹⁾ Стр. 170—173.

Любовница юноши—одна вселенная. Какъ бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. *Вторая*—одинъ мигъ, но лучшій мигъ въ жизни. Душа упилась, и взоры устали разбѣгаться; имъ надобно успокоиться на одномъ предметѣ. Таковымъ является обыкновенно „чистая дѣва“. Какою прелестью облекаетъ ее молодое воображеніе! *Третья* эпоха любви—эпоха думъ. Мы недолго любимъ свои созданія, и природа приковываетъ насъ къ дѣйствительности. Дорого платитъ юноша за восторги второй любви своей. Онъ молчаливъ и задумчивъ. И если онъ подслушаетъ сердце, бьющееся согласнo съ его сердцемъ,—съ какою радостью подаетъ онъ руку существу родному! Это—анализъ мастерской и, несомнѣнно, имѣющей автобіографическую поделку.

Изложенныя статейки даютъ намъ нѣкоторыя данныя для характеристики Венивитинова, какъ мыслителя. Но несравненно важнѣе для насъ въ этомъ отношеніи его также читанная въ кружкѣ друзей

„Беседа Платона съ Анаксагоромъ“,

которая написана по образцу многолюбимаго имъ Платона въ формѣ діалога ¹⁾. Замѣтимъ, что Анаксагоръ, выступающій въ діалогѣ, не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ философомъ Анаксагоромъ. Платонъ рѣшаетъ сомнѣнія Анаксагора, также ученика Сократа, за рѣшеніемъ коихъ Анаксагоръ прибѣгаетъ къ нему. Анаксагоръ читалъ описаніе золотого вѣка и сожалѣетъ о томъ, зачѣмъ человѣку дана способность „мучить себя игрою воображенія“. На это Платонъ даетъ ему разъясненіе психической сущности поэта. „Поэтъ“ не вымышляетъ, онъ выражаетъ свои чувства, а всѣ чувства не въ воображеніи, а въ самой природѣ; онъ наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, его мысль внѣ себя ничего не

---

¹⁾ Стр. 151—156

ищетъ; слѣдственно, поэтъ уклоняется отъ цѣли всеобщаго (нравственно-политическаго) усовершенствованія.

„Философія есть высшая поэзія“ ¹⁾.

Итакъ здѣсь авторъ опять возвращается съ прежнею настойчивостью къ своей любимой мысли о коренномъ единствѣ дѣятельности разсудка и воображенія. Характеристиченъ навѣянный изученіемъ Шеллинга взглядъ на философію, какъ на нѣчто поэтическое.

Анаксагоръ проситъ Платона пояснить ему выраженіе „золотой вѣкъ“. Платонъ въ своемъ разъясненіи исходитъ изъ сократова обозначенія человѣка, какъ „малаго міра“ — вѣрнаго изображенія вселенной, — „эмблемы“ всякаго цѣлаго, и слѣдственно, всего человѣчества. На этомъ основаніи опять берутся различные возрасты человѣка. Всякій человѣкъ рожденъ счастливымъ, но чтобы познать свое счастье, душа его осуждена къ боренію съ противорѣчіями міра. Душа младенца еще въ совершенномъ согласіи съ природою; но ему недостаетъ еще одного чувства — совершеннаго самопознанія. Причина всѣхъ дѣйствій юноши и человѣка возмужалаго — въ надеждѣ достигнуть той степени, на которой человѣкъ познаетъ самого себя. Старецъ видитъ, что путь трудовъ привелъ его къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! онъ снова возвращается къ своему началу. Отсюда, если приложить то же правило къ ходу человѣчества, необходимо слѣдуетъ, что золотой вѣкъ и былъ, и будетъ еще.

Человѣкъ первобытный въ золотомъ вѣкѣ былъ „царемъ природы“, т. е. покорилъ ее. Чтобы познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ, — отсюда *расколъ между мыслию и чувствами*. Примѣръ: художникъ пораженъ идеею: хотя въ душѣ его тишина, но эта тишина

¹⁾ Ср. «Bruno» *Schelling'a*, изд. II, стр. 23:

Nachdem wir die höchste Einheit der Schönheit und der Wahrheit bewiesen haben, so scheint mir auch die der Philosophie mit der Poesie bewiesen.

предвѣтница бури. А когда онъ побѣдилъ всѣ трудности выполнения и выразилъ свою идею, тогда онъ позналъ свою силу и наслаждается истиннымъ спокойствіемъ.

Такъ и все человѣчество: познавъ свою силу, оно вторично станетъ царемъ природы, и наступитъ золотой вѣкъ. Жить есть ничто иное, какъ творить будущее, нашъ идеаль. Но будущее есть произведеніе настоящаго, т. е. нашей собственной мысли.

Изложенный трактатъ отличается стройностью построения, строгостью проведенія основной идеи и можетъ дать высокое понятіе о философскихъ способностяхъ Веневитинова. Такое же пріятное впечатлѣніе производить и философское

„Письмо къ графинѣ NN“,

собственно, къ его пріятельницѣ, княгинѣ А. И. Трубецкой, женѣ декабриста, которой поэтъ намѣревался въ рядѣ писемъ изложить цѣлую систему философіи ²⁾. Начавши съ разбора нѣмецкихъ стихотворцевъ, поэтъ общалъ княгинѣ, сознававшей, что съ нею недостаточно одного ощущенія чувства прекраснаго, а хочется и дать себѣ отчетъ въ этомъ чувствѣ, узнать, какъ оно возникаетъ и съ чѣмъ связано въ общей психической системѣ,—„представить въ краткомъ и простомъ изложеніи, такую науку, которая совершенно удовлетворитъ ея любопытству“. Но онъ проситъ ее не забывать одного условія: если онъ хоть на одну минуту перестанетъ быть яснымъ, то пусть она изорветъ его письма и запретитъ ему писать объ этомъ предметѣ: требованіе, въ устахъ шеллинговца очень странное, ибо они то всего менѣ заботились именно о ясности и простотѣ и даже находили въ философскомъ „примракѣ“ особенный смакъ. Развитие идеи въ письмѣ начинается съ разрѣшенія вопроса: „можетъ ли быть наука,

---

¹⁾ Стр. 174—181.

²⁾ Стр. 174.

называемая философией, и какъ родилась она?“ Это и составляетъ содержаніе перваго и единственнаго письма. Чтобы признать философію наукой, надобно сначала опредѣлить, что такое—наука. На примѣрахъ ариѳметики и исторіи авторъ показываетъ, что основными условіями всякой науки служатъ два слѣдующія: 1) стремленіе привести частные случаи въ теорію; 2) каждая наука имѣетъ отдѣльный, ея только собственный предметъ; другими словами, эти два условія суть форма и содержаніе. Форма, т. е. приведеніе частныхъ случаевъ въ общую систему, присуща всѣмъ наукамъ, и онѣ различествуютъ между собою только по содержанію. „Форма“ выражаетъ общій законъ, которому наука необходимо слѣдуетъ. Остается только подвести и философію подъ это опредѣленіе науки; но для того надо предварительно разсмотрѣть, какъ родилась философія, такъ какъ мы еще не знаемъ, что такое философія. Подобно развитію понятій каждаго отдѣльнаго человѣка, постепенно развивались и науки, исходя отъ наблюденія частныхъ случаевъ, и подчиняя ихъ общимъ законамъ. Чѣмъ болѣе наука привела частные случаи въ общую систему, тѣмъ ближе она къ совершенству. Слѣдовательно, совершеннѣйшая изъ наукъ будетъ та, которая приведетъ всѣ случаи, или всѣ частныя познанія человѣка, т. е. всѣ науки, къ одному началу; это и есть философія или наука наукъ, долженствующая имѣть своимъ предметомъ нѣчто общее всѣмъ наукамъ, т. е. общую ихъ форму. Итакъ, философія есть наука, такъ какъ имѣетъ и форму, и содержаніе: своимъ содержаніемъ она имѣетъ познаніе, какъ познавательную способность духа, а формою—присущее всякой наукѣ стремленіе къ общей теоріи. Въ слѣдующихъ письмахъ авторъ обѣщается показать, какъ всѣ науки (и эстетика) сводятся на философію, и изъ нея обратно выводятся, обѣщается показать, какъ философія, несмотря на то, что обыкновенно была достояніемъ немногихъ, имѣла рѣшительное вліяніе на цѣлыя народы, какъ, напр., у грековъ.

Читая это письмо, приходится, по-неволѣ, удивляться краткости, отчетливости и простотѣ изложенія, ясности основ-

ной мысли, достоинству возрѣній на предметъ. Авторъ стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, которую защищаютъ и донынѣ

Всякому убѣжденному человѣку, весьма естественно, хочется имѣть возможность высказать свои завѣтныя идеи, хочется создать органъ для выраженія таковыхъ. И дѣйствительно: кружокъ шеллинговцевъ создалъ себѣ печатный органъ, точно такъ же, какъ позднѣе кружокъ гегелевцевъ овладѣлъ „Отечественными Записками“, какъ впоследствии и „Современникъ“, и „Русское Слово“, и „Дѣло“, и „Отечественныя Записки“, и „Слово“ уже ближайшаго къ намъ періода служили, каждое изданіе, органомъ извѣстной партіи, кружка изъ единомышленниковъ извѣстнаго направленія. Этимъ, какъ намъ кажется, журнальное дѣло у насъ по своей исторіи глубоко разнится отъ журнальнаго дѣла на Западѣ, гдѣ оно имѣетъ, по преимуществу, коммерческій характеръ, и гдѣ рѣдки изданія, являющіяся органомъ выраженія извѣстной системы принциповъ (каковыми были *Gallische Jahrbücher* въ рукахъ Лѵвогегелевцевъ). Лишь въ позднѣйшее время и у насъ начинаютъ нарождаться безразличныя, аферистическія изданія. Принципіальный, пропангаторскій характеръ нашихъ журналовъ, конечно, стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ дидактическимъ характеромъ нашей русской литературы, стремившейся всегда быть впереди общества и стать для него проповѣдницею и указательницей „дугей лучшихъ“. Можно сказать больше: такъ какъ почти всякій журналъ у насъ являлся до сихъ поръ носителемъ извѣстныхъ принциповъ и убѣжденій, и борьба между ними носила гораздо менѣе, и даже почти вовсе не носила характера экономической конкуренціи, а была, въ сущности, выраженіемъ происходившей въ обществѣ борьбы различныхъ умственныхъ теченій, то и исторія русской литературы новѣйшаго періода заключается, преимущественно, въ исторіи журналовъ и ихъ взаимныхъ отношеній; ибо вокругъ редакціи каждаго журнала и группировались писатели извѣстнаго лагера, даже представители изящной литературы, какъ беллетристы и поэты.

И среди кружка юных шеллинговцев возникла мысль о созданіи своего печатнаго органа, который являлся бы проводникомъ ихъ идей. Предвѣстницей такого органа была выходившая въ 1824—25 г. подъ редакціей кн. Вл. Ѳед. Одоевскаго, у котораго сначала и собирались молодые люди во имя „Любомудрія“, — „Мнемозина“ въ четырехъ книжкахъ ¹⁾). Неизвѣстно, кому принадлежитъ первая концепція, но Веневитиновъ составилъ и прочиталъ на вечерахъ программу будущаго журнала подъ заглавіемъ:

„Нѣсколько мыслей въ планъ журнала ²⁾).

Исходною мыслию служитъ то положеніе, что страсть къ познанію и необходимое желаніе дѣйствовать влекутъ чело-вѣка къ „самопознанію“. Науки и искусства суть развитіе этой начальной идеи. Исторія убѣждаетъ, что сія цѣль чело-вѣка есть цѣль всего человѣчества, а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы. Съ этой точки зрѣнія каж-дый народъ является отдѣльнымъ лицомъ, который всѣ свои нравственныя усилія, носящія особый, племенной характеръ, направляетъ къ самопознанію. Просвѣщеніе есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія. У всѣхъ народовъ *само-стоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала отечест-веннаго*; ихъ произведенія, даже входящія въ составъ всемір-ныхъ приобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Примѣняя всѣ эти условія къ Россіи, мы получимъ, что рос-сійское просвѣщеніе есть *заимствованное*: отсюда это чувство подражательности и раболѣпство, отсюда совершенное отсут-ствіе свободы и истинной дѣятельности. Что же служитъ при-чиной такого печальнаго явленія?—Та быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла

¹⁾ Т. I. соч. Кирѣевскаго, стр. 8.

²⁾ Стр. 164—169.

литературы. Если бы развитіе русской мысли шло естественнымъ путемъ, то характеръ народа развился бы собственной своею силою и привялъ бы направленіе самобытное; мы получили форму литературы прежде ея сущности. Мы не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго энтузіасма и истинной страсти къ наукѣ. Современные журналы служатъ пищею нашему невѣжеству.

Затѣмъ Веневитиновъ высказываетъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и чрезвычайно глубокихъ мыслей о ходѣ развитія и общемъ характерѣ исторіи русской литературы. Псевдоклассицизмъ палъ; его слѣды остались лишь въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ бессильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Но мы отбросили французскія правила не оттого, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою; правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствии мысли.

Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. *Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрныйшій признакъ его лежкомыслія.* У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ и дѣлается орудіемъ безсилія; у насъ чувство освобождаетъ отъ обязанности мыслить и отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія. Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели, когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. При такомъ положеніи дѣла представляется одно лишь средство къ возвращенію русской словесности на путь правильнаго развитія—совершенно остановить нынѣшній ходъ ея развитія и заставить ее болѣе думать, чѣмъ производить. Для сей цѣли надлежало бы *устранить* Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, и *опираясь на твердыя начала философіи*, представить ей полную картину развитія ума челоувѣческаго, въ которой бы она видѣла свое предназначеніе. Такой цѣли

удовлетворило бы сочиненіе, въ которомъ разнообразіе предметовъ представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы—т. е. *журналъ*, раздѣленный на двѣ части: теоретическую—изслѣдованія ума и свойствъ его (философскій отдѣлъ), и практической—примѣненіе общихъ началъ къ исторіи наукъ и искусствъ, причемъ надобно обратить особенное вниманіе на пропзведенія древняго міра,—ибо духъ древняго искусства представляетъ обильную жатву мыслей, безъ которыхъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны ¹⁾. Въ философіи и въ философской критикѣ изящныхъ произведеній найдетъ Россія залогъ своей самобытности и нравственной свободы въ литературѣ.

Такова, въ общихъ чертахъ, программа, намѣченная поэтомъ для предполагаемаго журнала. Вся она проникнута одною строго и блестяще проведенною мыслию: будущій журналъ, въ противность другимъ существующимъ, долженъ имѣть исключительно общественно-воспитательное значеніе. При ознакомленіи съ этою программою положительно приходишь въ удивленіе передъ зрѣлостью сужденій едва лишь двадцатилѣтняго юноши, предъ глубокимъ значеніемъ и пониманіемъ, какъ общей исторіи мысли, такъ и положенія литературы и хода умственнаго развитія въ Россіи; мы поражаемся этою невѣроятною въ юношѣ основательностью мысли, но мы обязаны отдать и дань признанія благороднымъ патріотическимъ стремленіямъ поэта. Двадцатилѣтній юноша правильно рѣшаетъ вопросъ, надъ которымъ бились и мучились послѣ него нѣсколько поколѣній и лучшія русскія головы; по его смерти уже появятся „люди безсонные“: Чаадаевы, Хомяковы, Герцены, Бѣлинскіе, которые, всякъ по своему, будутъ стараться разрѣшить непосильную задачу объ отношеніяхъ Россіи и русскихъ къ Западу. Эти люди потратятъ на рѣшеніе вопроса всю свою энергію и силы. Счастливо

---

¹⁾ Это даетъ Скабичевскому («Сорокъ лѣтъ русской критики») поводъ считать В-а предвѣстникомъ классицизма на Руси. (Соч. т. 1, стр. 351).

избѣгая всѣ одностороннія заблужденія, въ какія впадали его преемники, Веневитиновъ находитъ единственно вѣрную разгадку—учиться у Запада, чтобъ догнать его.

Журналъ и на самомъ дѣлѣ родился: это былъ „Московский Вѣстникъ“, начавшій выходить въ 1827 году. Журналъ, дѣйствительно, раздѣлялся на двѣ части. Официальнымъ редакторомъ былъ извѣстный впоследствии историкъ М. П. Погодинъ, который, впрочемъ, самъ заявилъ, что „журналъ издается не однимъ имъ, а многими, занимающимися русскою литературою, кои рѣшились соединить свои усилія и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія“¹⁾. Принималъ въ журналъ участіе весь кружокъ, между прочимъ и И. Кирѣевскій. Самъ Веневитиновъ, хотя и называетъ себя въ маленькой замѣткѣ о второй пѣсни Онѣгина²⁾ однимъ изъ издателей („мы, издатели“), но прямого участія почти не принималъ. Переѣхавши къ тому времени въ Петербургъ, онъ, однако, горячо слѣдитъ за журналомъ и даетъ редакціи постоянные совѣты. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ пригласить Мицкевича,³⁾ и, несмотря на свою полемику съ Полевымъ, рекомендовалъ быть осторожнѣе съ его журналомъ „Телеграфъ“, вполне и по достоинству оцѣняя значеніе „Телеграфа“ въ исторіи русской словесности, и тѣмъ опять-таки высказывая глубокое пониманіе ея судьбы.

Но журналъ шеллинговцевъ не пошелъ, несмотря на коллегіальное устройство редакціи, несмотря на участіе столькихъ замѣчательныхъ по своимъ талантамъ и образованію людей, несмотря на участіе самого Пушкина. Причины этого неуспѣха самыя разнообразны: редакція состояла изъ молодыхъ, неопытныхъ въ журнальномъ дѣлѣ людей, самъ главный редакторъ Погодинъ вовсе не былъ созданъ быть журнали-

---

¹⁾ Стр. 16.

²⁾ Стр. 225.

³⁾ Стр. 16.

стомъ, какъ Н. Полевой, и т. д. „Московскій Вѣстникъ“ не выдержалъ конкуренціи и зачахъ. Главною же причиною неуспѣха является, конечно, черезчуръ серьезное, философское направленіе журнала, пришедшаго не по плечу современному обществу; для серьезнаго чтенія тогдашняя Россія, въ общемъ, не созрѣла: философія сосредоточивалась въ небольшихъ, тѣсныхъ кружкахъ особенно даровитыхъ людей.

Литературная дѣятельность Д. В. Веневитинова, подобно дѣятельности многихъ русскихъ писателей, оборвалась въ силу случайныхъ и непредвидимыхъ причинъ (раною смертію), не дойдя и до начала расцвѣта.

Хотя и нельзя согласиться вполне съ характеристикю Пятковскаго, будто Веневитиновъ былъ главнымъ двигателемъ перваго философскаго кружка въ Россіи и основателемъ журнала, честно служившаго философской пропагандѣ¹⁾, ибо онъ является не главнымъ двигателемъ кружка, а однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ его, и не основателемъ журнала, а только лицомъ, выработавшимъ программу,—то все-таки для двадцатилѣтняго юноши останется еще очень много. Дѣйствительно, странное явленіе представляетъ собой этотъ юноша, почти мальчикъ—по годамъ, и философъ—по уму и умственному развитію. „Письмо къ графинѣ NN“ заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ Ив. Кирѣевскаго, что Веневитиновъ былъ для философіи еще болѣе рожденъ, чѣмъ для поэзіи. Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что это письмо является одною изъ лучшихъ философскихъ статей на русскомъ языкѣ даже до настоящаго времени.

„Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ тоже сдѣлала бы честь любому зрѣлому мыслителю. Въ послѣдней статьѣ есть одно любопытное мѣсто, котораго мы сейчасъ и коснемся.

---

¹⁾ Стр. 39.

„Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь“, убѣждаетъ Платонъ, „она снова будетъ, эта эпоха счастья, о которой мечтаютъ смертные (золотой вѣкъ). Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ, всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ, всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени? Насъ давно не станетъ,—но меня утѣшаетъ эта мысль. *Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее*“¹⁾. Эти слова вводятъ насъ во „Святая Святыхъ“ поэта. Онъ твердо вѣритъ, что наука и ея развитіе идетъ рука объ руку съ расширеніемъ нравственной свободы и съ приближеніемъ блаженной эпохи всеобщаго счастья, новаго золотого вѣка. На глубокого гуманное направленіе его образа мыслей указываетъ и заключеніе его стихотворенія „Къ любителю музыки“²⁾, гдѣ онъ обращается къ нѣкому любителю съ его ложными и напускными восторгами:

„Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ!
Когда бъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,—
.....Тогда бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты бъ въ углу уединенномъ
Таилъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Ты бъ въ тайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ!

Должно замѣтить, что произносить какой бы то ни было окончательный приговоръ надъ философскою дѣятельностью

¹⁾ Стр. 156.

²⁾ Стр. 100—101.

Веневитинова невозможно. Мы присутствуемъ, разбирая его произведенія, лишь при нарожденіи великаго таланта, видимъ лишь начинанія. Намъ кажется, можно только присоединиться къ мнѣнію современниковъ, что Веневитиновъ выказалъ замѣчательныя дарованія.

Что бы онъ сдѣлалъ съ ними, какъ бы употребилъ ихъ въ будущемъ, неизвѣстно,—хотя можно поручиться, что подобный человѣкъ, какъ Д. В., привыкшій къ постоянному умственному труду, всегда остался бы вѣренъ себѣ и не позволилъ бы заглушить въ себѣ высшее призваніе служебными или иными какими интересами. Съ довольно большимъ основаніемъ можно бы ожидать отъ него громаднаго вліянія на ходъ нашей литературы. Быть можетъ, онъ предвосхитилъ бы значеніе Бѣлинскаго. Но, по слову Некрасова, *русскій гений издавна вѣнчаетъ тѣхъ, которые мало живутъ!*

II.

Философскія книги въ провинціи.

Философскія книги въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣковъ начинаютъ у насъ печатать не только въ столичныхъ, но и въ провинціальныхъ городахъ. Полная библиографія всѣхъ философскихъ книгъ на русскомъ языкѣ (хотя бы за первую половину этого вѣка) составляетъ пока еще *primus desiderium*. Перепись не сдѣлана еще и для книгъ, изданныхъ въ столицахъ; тѣмъ менѣе можно этого ожидать относительно книгъ провинціальныхъ, изъ которыхъ многія представляютъ собою величайшую рѣдкость.

Образованіе въ провинціяхъ ютилось, преимущественно, вокругъ университетовъ и въ университетскихъ городахъ. Зачастую книги печатались въ университетскихъ типографіяхъ, если таковыя имѣлись.

Не лишенный значенія библиографическій матеріалъ касательно философскихъ книгъ, изданныхъ въ провинціи, можно отыскать (по крайней мѣрѣ, для Казани и Харькова) въ официальныхъ изданіяхъ:

1) Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета съ 1800—1896 г. Казань, 1896 и

2) *К. Фойтц*, Историко-статистическая записка объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г., Харьковъ, 1859, гдѣ приведены свѣдѣнія и о книгахъ, напечатанныхъ въ Харьковской университетской типографіи.

По этимъ изданіямъ (хотя и не всегда съ достаточною точностью, особенно, что касается харьковскихъ книгъ) можно прослѣдить библиографію философскихъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ Казани и Харьковѣ, и отпечатанныхъ въ университетскихъ типографіяхъ.

Содержаніе этихъ сочиненій и оригинальныхъ, и переводныхъ довольно разнообразное. Сначала это почти исключительно официальные изданія, вызванныя служебными обстоятельствами (рѣчи на актѣ, диссертациа и т. п.) но потомъ оказываются уже и самостоятельные труды.

Сочиненія цитируются мною по указаннымъ источникамъ съ буквальною точностью и съ указаніемъ страницъ источника. Харьковское изданіе не указываетъ числа страницъ книгъ и не всегда точно приводитъ заглавія; иногда заглавія печатаются въ переводѣ, а фамиліи транскрибируются.

Наряду съ русскими печатались въ университетскихъ типографіяхъ и философскія книги на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—главнымъ образомъ, профессорами-иностранцами, пока таковые еще водились въ Харьковѣ и Казани. Эти книги въ большинствѣ случаевъ не указаны въ иностранныхъ библиографіяхъ философскихъ книгъ, а потому перечень ихъ послужитъ дополненіемъ послѣднихъ.

Нижеприведенныя книги не всѣ были составлены специалистами-представителями философіи, или же ихъ учениками. Въ числѣ авторовъ фигурируютъ какъ профессора другихъ предметовъ, такъ и посторонніе университету лица. Что касается специалистовъ, то въ росписъ ради полноты обзоренія ихъ дѣятельности включены и тѣ труды ихъ, кои не имѣютъ прямого отношенія въ философіи.

Харьковъ.

1805 г.

Пр. Рижскаго рѣчь: „Объ изящныхъ искусствахъ“.
стр. 138.

Пр. Балленъ де Баллю рѣчь: Qu'on doit se préparer par l'étude des sciences au maniement des armes et al-lier la philosophie à l'art des combats.

1806 г.

Пр. Рижскаго рѣчь: „О познаніи, свойственномъ воображенію“.

Пр. Шада рѣчь: „О верховной цѣли человѣчества“.

Пр. Шумлянскаго рѣчь: „О физическихъ способахъ жизни“.
стр. 139.

Рижскаго Введеніе въ кругъ словесности.

„ Опытъ риторикѣ.

1807 г.

Рижскаго Рѣчь о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 г.

Балленъ де Баллю рѣчь: Sur l'éducation publique comparée à l'éducation privée.

Осиповскаго рѣчь: „О пространствѣ и времени“.

К о п и т а р а рѣчь: De nexu studii medicinae cum studio philosophiae.

Ш а д а De vi philosophiae in reliquis scientiis.

1808 г.

Р и ж с к а г о рѣчь: О состояніи славянскаго языка въ древнія времена. стр. 140.

Т и м к о в с к а г о рѣчь: О примѣненіи знаній въ состоянію и цѣли государства.

Я к о б а рѣчь Ueber den Einfluss der Universitäten auf die Cultur und den Wohlstand eines Volkes.

Д е г у р о в а рѣчь Critique et défense de l'histoire.

1809 г.

Р и ж с к а г о рѣчь: „О томъ, что внимательное упражненіе въ російскомъ словѣ внушаетъ любовь къ отечеству“.

Н у т т рѣчь: De eruditorum gloria.

С т о й к о в и ч ъ. Начальныя основанія умозрительной и опытной физики.

1810 г.

П а к и д е С о в и н ѣ и рѣчь: „О степени совершенства, которую приобрѣтаютъ молодые люди обоого пола отъ упражненія въ изящныхъ искусствахъ. стр. 141.

Я с о б Grundriss der allgemeinen Logik für die Gymnasien des russischen Reiches. стр. 142.

1811 г.

Р о м м е л рѣчь De eruditionis verae ac perfectae vi et praestantia.

Ш а д ъ. Institutiones logicae.

Нѣмецкая христоматія, составленная по порученію Совѣта университета Ш а д о м ъ и Р о м м е л е м ъ.

1812 г.

Ш а д а р ѣчь: „О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи весьма нужно“. стр. 143.

Лекторъ Борзенковъ. О физическомъ воспитаніи дѣтей и о вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ.

Срезневскаго рѣчь: О происхожденіи и причинѣ различія дарованій въ людяхъ.

Рейта рѣчь: Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents.

Адъюнкта Кальвау Introductio ad studia medica.

Тимковскаго. Опытный способъ въ философическому познанію російскаго языка.

Продолженіе нѣмецкой христоматіи.

1813 г.

Осиповскаго рѣчь: „О динамической системѣ Канта“.

Стойковичъ. Система физики. стр. 144.

Проф. Книгинъ. Разсужденіе о медленномъ горѣніи, составляющемъ органическую жизнь.

Окончаніе нѣмецкой христоматіи.

M. T. Ciceronis opera philosophica ed. Rommel.

1814 г.

Ш а д а р ѣчь De libertate Europae vindicata.

Адъюнктъ Дудровичъ De philosophiæ genuino conceptu nec non necessitate ejus absoluta.

Шада Philosophia juris sive jus naturæ purum.
стр. 145.

1815 г.

Рѣчи Шада, Дудровича и др. на торжественномъ актѣ университета.

Маг. Гевлича и Ковалевскаго диссертациі на русскомъ языкѣ.

Шада Латинская христоматія. De viris illustribus Romæ etc.

Краткое обзорѣніе нравственной физиологіи (?)
стр. 146.

Риторика на латинскомъ языкѣ (?).

1816 г.

Адъюнкта Архангельскаго рѣчь „О точныхъ наукахъ“.

Мизко, дир. Екат. гимн., рѣчь: „О вліяніи Закона Божія на нравственное образованіе человѣка“. стр. 147.

Кандидата Гриневича. Переводъ изъ Цицерона „О естествѣ боговъ“.

1817 г.

Проф. Каменскаго рѣчь: „О качествахъ добраго наставника“. стр. 148.

Проф. Совиньи рѣчь „Объ изящномъ“ (на лат. яз.).

Канд. Гриневича. Переводъ первой рѣчи Цицерона противъ Катилины.

Учителя Любовскаго. Логика или умоученіе.

1818 г.

Учителя Есикорскаго рѣчь: „О единственной или верховной цѣли просвѣщенія“. стр. 149.

Гриневича. Переводъ изъ Цицерона рѣчи за стихотворца Архія.

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковского университета.

1819 г.

Проф. Джунковскаго рѣчь: „Объ изящныхъ искусствахъ у Грековъ и вліяніи ихъ на нравственность“.

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковского университета. стр. 150.

1820 г.

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковского университета.

1821 г.

Проф. Павловскаго рѣчь: „О вѣроятности“. стр. 151.

Адъюкта Филомаѣитскаго рѣчь: „Объ истинной цѣли образованія человѣка посредствомъ науки и изящныхъ искусствъ“.

1822 г.

Рижскаго. Введеніе въ кругъ словесности.

Его же. Опытъ риторики.

1824 г.

Проф. Могилевскаго. Риторика. стр. 152.

1825 г.

Проф. Богородицкаго рѣчь „О физическомъ воспитаніи дѣтей“.

1826 г.

Адъюкта Затеплянскаго рѣчь „Объ успѣхахъ ума въ астрономіи“.

стр. 153.

1830 г.

Проф. Венедиктова рѣчь „О динамическомъ способѣ изъясненія образованія явленій органической жизни“.

стр. 154.

1832 г.

Проф. Чанова и Дорна рѣчи на торж. актѣ унив. *Luciani libellus de somnio ed. prof. Mauger.*

1833 г.

Проф. Степанова рѣчь „О сущности, важности и назначеніи политическихъ наукъ“.

стр. 155.

Маг. Гринберга диссертация.

Адъюкта Цыха диссертация „Объ улучшеніи способа преподаванія исторіи“.

1834 г.

Адъюкта Якимова рѣчь „О краспорѣчи“.

1839 г.

Проф. Калениченка рѣчь „О вліяніи возрастовъ челоѳической жизни на умственные и нравственные способности“.

стр. 157.

Адьюкта Метлинскаго диссертация. „О сущности цивилизации и значенія ея элементов“.

1841 г.

Проф. Протопопова рѣчь: „Какое собственно мѣсто принадлежитъ философіи въ системѣ движеній человѣчества, опредѣляющихъ полную сферу его умственнаго развитія“.

стр. 158.

1843 г.

Ад. Метлинскаго рѣчь: „Объ истинномъ значеніи поэзіи“.

стр. 159.

1846 г.

Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ Харьковскаго университета.

стр. 161.

1847 г.

Учителя Кованьки. Старинная пословица во вѣки не сломится, или опытыя основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрословія.

стр. 162.

То же во II изд. въ 1848 г.

стр. 163.

1850 г.

Учит. Кованьки. Попытка не пытка, спросъ не бѣда, или полное изложеніе основаній самобытнаго русскаго народнаго мудрословія.

стр. 164.

1857 г.

Н. Цытовича. Предметива, наука объ устройствѣ и движеніи умственныхъ способностей.

стр. 168.

Казань.

1813 г.

Начальный курсъ философіи. Сочиненіе Г. Снелля. Съ нѣмецкаго на російскій перевели и съ нѣкоторыми примѣчаніями и прибавленіями издали Императорскаго Казанскаго университета адъюнкты: умозрительной и практической философіи Александръ Лубкинъ и политической экономіи и историческихъ наукъ Петръ Кондыревъ. 8°. Пять частей: 1-я эмпирическая психологія или наблюдательное душесловіе, 134 стр., 2-я логика и краткая метафизика, 132 стр.; 3-я эстетика или критика вкуса, 78 стр., 4-я нравоученіе и право естественное, 134 стр., и 5-я нравственное вѣроученіе и обзорѣніе исторіи философіи, 56 стр. Части 3, 4, 5 вышли въ 1814 г. стр. 3.

1815 г.

Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи. А. Лубкина. 4°, 40 стр. стр. 7.

Слово о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ, говоренное по случаю годичнаго торжества, учрежденнаго въ воспоминаніе открытія Императорскаго Казанскаго университета, Іоан. Фед. Эрмана, перев. съ латинскаго І. Срезневскій. стр. 8.

Oratio de fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus in memoriam anniversariam inaugurationis Caesareae litterarum universitatis Casanensis die V mens. Jul. A. 1815. habita a Prof. Erdmann. стр. 7.

1816 г.

Рѣчь въ возбужденіи страстей (?). Соч. Тульской семинаріи риторики ученика Щепетева.

Слово о пользѣ математики, говоренное в. о. проф. Никольскимъ. 4°. 29—58 стр.

Естественное право, содержащее въ себѣ 1) Собственно, такъ называемое естественное право чистое, 2) Право прикладное, т. е. право частное, публичное и народное, Ф. Х. Рейнгаарда. Перев. съ латинск. Иванъ Сичуговъ. 8°. 124 стр.

Разсужденіе о возбужденіи страстей, сочиненное и говоренное при открытыхъ испытаніяхъ по классу словесности въ Тульской семинаріи ученикомъ словесности Василиемъ Щепетовымъ 5 іюля 1815 г. 8°. 31 стр. (см. выше) стр. 9.

Естественное частное, публичное и народное право. Переводъ съ нѣмецк. I. X. Финке, 8°. XII+312.

1817 г.

Разсужденіе о разныхъ системахъ правоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ, говоренное в. проф. Іосифомъ Срезневскимъ. 4°. 28 стр. стр. 10.

Рѣчь о пользѣ математики, говоренная въ торж. собр. Казан. унив. 5 іюля 1816 г. проф. Никольскимъ (см. 1816 г).

1818 г.

Мораль или правила нравственности, основанныя на природѣ чловѣка, живущаго въ обществѣ. Издаѣ Карлъ Сентъ-Андре. 12°. 29 стр.

Начертаніе метафизики, соч. проф. Лубкина, ч. I.
стр. 11.

1821 г.

Слово о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на вѣрѣ христіанской. Рѣчь проф. Никольскаго. 12°. 64 стр.
стр. 12.

1823 г.

Разсужденіе о метафизикѣ исчисленія безконечныхъ, соч. Карнота. Пер. В. Шицацкаго. 4°. стр. 14.

Василія Баженова. Рѣчь о необходимости чтенія книгъ Св. Писанія и древнихъ св. отцовъ церкви, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 7 іюня 1823 г. 12°. 41 стр.

1825 г.

Краткая рѣчь въ Казанскому университету, произнесенная Попечителемъ онаго (Магвицкимъ) въ заключеніе публичнаго акта въ высокоторжественный день помазанія на царство Его Императорскаго Величества, 15 сентября 1825 года. 8° 16 стр.
стр. 15.

Описаніе торжества, бывшаго въ Казанскомъ университетѣ 15 сентября. 8°, 152 стр. *Vera philosophia Religioni Christianae non repugnat.* 20 стр.

1826 г.

Рѣчь, произнесенная г. Попечителемъ Михаиломъ Маг-

нищимъ въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета 17-го января, установленномъ по случаю Высочайше дарованныхъ въ сей день инструкцій Директору и Ректору. 8°. 11 стр. стр. 16.

1831 г.

Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ Григорія Городчанинова. 8°, 552 стр. стр. 18.

Историческое описаніе памятника, сооруженнаго въ воспоминаніе убиенныхъ при взятіи Казани воиновъ на Зилантовой горѣ. Соч. архимандрита Гавріила. 8°. 25 стр.

То же, изданіе 2-е съ рисунками и съ прибавленіемъ слова на день взятія Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, говореннаго Гавріиломъ. 12°, 45 стр.

1832 г.

Историко-критическій взглядъ на философію. Переведено съ франц. Г. Городчаниновымъ. 12°, 55 стр. стр. 19.

1833 г.

Историческое описаніе памятника, сооруженнаго въ воспоминаніе убиенныхъ при взятіи Казани воиновъ на Зилантовой горѣ. Арх. Гавріила. 8°. 95 стр. стр. 20.

Слово въ день взятія Казанскаго царства Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ по освященіи храма, сооруженнаго въ памятникъ, говоренное Гавріиломъ 2 окт. 1832 г. 12°. 21 стр.

Историческое описаніе Казанскаго Успенскаго второкласснаго Зилантова монастыря. Архим. Гавріила. 8°. 54 стр.

Отчетъ Императ. Казан. унив. Сбоева. 4°. 41 стр.

Слово на день Пресвятыя Богородицы, говоренное настоятелемъ Казан. второкласнаго Успенскаго Зилантова монастыря преподавателемъ богословскихъ и философскихъ наукъ при Императорскомъ Казан. унив. арх. Гавриломъ, 12°. 12 стр.

Слово на день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Арх. Гаврила. 16°. 8 стр.

1844 г.

Н. Скандовскаго: Объ отличіяхъ животной жизни отъ пластической. стр. 34.

Берви. Отрывки изъ записокъ путешественника.

О подлежательной реальности познаній человѣческихъ. Сбоева. 8°. 72 стр. (въ 1845 г. ср. стр. 36).

Понятіе о церковномъ правѣ и его исторіи. Арх. Гаврила. 8°. 32 стр.

Его же. Исторія восточной философіи.

Его же. Исторія російской философіи.

Отчетъ Имп. Казан. унив. и учебнаго округа за 17 л. съ 1827 г. по 1-е янв. 1844 г. Составленъ ордин. проф. Фойгтомъ, 8°. 512 стр. стр. 35.

1846 г.

Рѣчь о значеніи внѣшности человѣка (при обозрѣніи преподаваній) 4°. стр. 37.

1847 г.

Рѣчь при открытіи памятника Г. Р. Державину. Арх. Гаврила. 8°. 7 стр. стр. 38.

Объ отличіяхъ пластической жизни отъ животной. Орд. проф. С в а н д о в с к а г о. 8°. 22 стр. (отд. оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Каз. унив.“ за 1847 г. кн. I, стр. 81—100).

De Politia Timaeo Critia, ultimo platonico ternione, librum de legibus praecipua ratione habita. Scr. С. V. Т h o г з e w s k i. 8°. 88 стр. (отд. отт. изъ „Учен. Зап. Каз. унив.“ за 1847 г. кн. II. стр. XII+188. стр. 39.

Отчетъ о состояніи университета. В. С б о е в а. 4°. 52 стр.

1848 г.

Отчетъ о состояніи унив. за 1847—48 г. С б о е в а. 4°. 32 стр.

Арх. Г а в р і я л а. На открытіе банка и дома немущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ.

Prolegomena in encyclopaediam et methodologiam medicinae. Г. I. Б л о с ф е л ь д а. 8°. стр. 40.

1850 г.

Отчетъ о состояніи Казан. унив. въ 1849 и 1850 акад. годахъ. С б о е в а. 4°. 38 стр. стр. 43.

Поучительныя слова. 2 части. Арх. Г а в р і я л а. 8°. 191 стр.

Обозрѣніе главныхъ непосредственныхъ причинъ и условий бытія и жизни организмовъ. Л е н т о в с к а г о.

1852 г.

Отчетъ о состояніи Казанскаго унив. за 1851—52 акад. г., произнесенный въ торж. собр. 5 окт. 1852 г. адъюнкта Н. Б у л и ч а. 4°. 34 стр. стр. 45.

1854 г.

Pangéometrie N. L o b a t c h e w s k i, 8°. 56 стр. (отд. отт. изъ „Уч. Зап. Каз. унив.“ за 1855 г., кн. I, стр. 1—56).
стр. 48.

1855 г.

Отчетъ о состояніи Имп. Каз. унив. за 1854—55 учебный годъ, сост. орд. проф. Н. И в а н о в ы м ъ. 8°. 89 стр.
Сод. рѣчь Н. Н. Б у л и ч а: Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы (введеніе въ изученіе его сочиненій) 8°. 74 стр., + I ненум. стр. стр. 49.

1856 г.

Ислѣдованіе объ инородцахъ Казанской губ. Василія С б о е в а (Письма къ ред. „Казан. Губ. Вѣдомостей“). Изд. книгопр. Дубровина. 8°. 188 стр. стр. 51.

Е г о ж е. О бытѣ крестьянъ Казан. губ., изд. II-е. 8°. 36 стр.

1858 г.

Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. В. Б е р в и. 8°. 83 стр.
стр. 55.

1861 г.

Вступительная лекція въ энциклопедію и методологію медицины. О. Проф. Г. I. Б л о с ф е л ь д а. 8°. 34 стр. (Отд. отт. изъ „Уч. Зап. Каз. унив.“ за 1861 г., кн. II, стр. 82—113).
стр. 60.

1865 г.

Декартъ и его философія. В. Я. Рожанскаго. 8°. 46 стр. (отд. отт. изъ „Уч. Зап. Казан. унив.“ за 1865 г., стр. 341—384). стр. 65.

1869 г.

Слово и природа чловѣка. А. Некрасова. 8°. 35 стр. (отд. отт. изъ II и III кв. „Прав. Соб.“ за 1869). стр. 78.

III.

Изъ біографіи Іоанна Шада.

Die Menschengeschichte stellt uns zuweilen Individuen auf, die, gleich der Wasserlilie, auf dunklem, unreinem Boden entsprossen und gewurzelt, in eigener Kraft alle Hindernisse des auf ihnen lastenden Elements durchdringen, ihre Blütenkronen zu einer Höhe heben, wo sie das volle Licht der Sonne trinken, ja im reinen Glanze ihres Wesens es wieder ausstrahlen können, während sie immer noch mit einigen Fäden desselben an der dunkeln Tiefe ihrer Geburtsstätte hängen; welche Fäden auch nicht eher reissen, als bis ihr lichtvollerer Theil sich gänzlich aus seinen irdischen Formen löst.

(Neuer Nekrolog, 34, I. S. 34)

I. B. Schad.

Іоаннъ Шадъ, бѣглый бенедиктинскій монахъ Романъ, первый профессоръ философіи при Харьковскомъ университетѣ, очень интересная личность, не разъ уже служилъ въ русской ученой литературѣ предметомъ изслѣдованій. Помимо спеціальнаго труда, исторіи Харьковского университета, обрабатываемой проф. *Багатемъ*, гдѣ неоднократно упоминается о Шадѣ, и статьи *С. Гогоцкаго* въ его „Философскомъ лексиконѣ“ ¹⁾, извѣстны еще: монографія *Н. А. Лавровскаго*

---

¹⁾ Томъ IV, выпускъ II, Кіевъ 1873 г., стр. 170, 171.

„Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета“, гдѣ разсказана на основаніи документовъ исторія удаленія Шада отъ должности русскаго профессора, а также передано содержаніе труда Шада, который послужилъ тому причиной, и статья *Θ. А. Зеленогорскаго* (одного изъ преемниковъ Шада по кафедрѣ¹⁾), гдѣ подробно разобраны нѣкоторыя сочиненія Шада, написанныя имъ въ Харьковскій періодъ его жизни.

Намъ удалось открыть еще одинъ источникъ для жизнеописанія I. Шада, а именно его автобіографію или *curriculum vitae*, помѣщенный въ книгѣ *Annales Academiae Jenensis*. Edidit Henr. Carolus Abr. *Eichstadius*. Volumen *primum* continens historiam instaurationis academiae vitas doctorum actaque et scripta a. c. n. MDCCCXXI. Jenae in libraria Croekeria, 1823. Эта автобіографія, которою, повидимому, никто еще не пользовался, довольно любопытна, ибо Шадъ здѣсь не разъ высказываетъ свой взглядъ на свою жизнь и разныя постигавшія его невзгоды, а также и на столь блестяще начатую, но столь несчастно окончившуюся карьеру въ Россіи. Автобіографія занимаетъ въ означенной книгѣ (in 4°) стр. 67—70; въ ней перечислены подробно труды его. Мы приведемъ здѣсь почти цѣликомъ эту автобіографію въ переводѣ съ удержаніемъ наиболѣе характеристичныхъ латинскихъ мѣстъ подлинника. Шадъ числится здѣсь въ VIII главѣ: *Professores philosophiae extraordinarii. Joannes Schad, philos. D. et prof. publ. extraord.*

---

¹⁾ Вопросы философіи и психологіи, за 1895 годъ, книга 2 (27), стр. 160—169 и книга 5 (30), стр. 574—591. Проф. *Θ. А. Зеленогорскій* пользовался и статью Гогоцкаго, сочиненіе котораго онъ неправильно цитируетъ не «Лексикономъ», а «Словаремъ» (стр. 162), тогда какъ у Гогоцкаго это два разные труда.

„Родился я, говоритъ Шадъ, въ 1758 г. въ деревнѣ Mürsbach близъ Бамберга; мой родъ—землепашцы и мельники (pistoriae rei). Изучалъ humaniora и философію въ тогдашнемъ Бамбергскомъ университетѣ. Въ 1777 году принятъ въ орденъ бенедиктинцевъ въ знаменитомъ монастырѣ *Банцъ*. Здѣсь опять занимался философіею 2 года, кромѣ того, богословіемъ и правами 5 лѣтъ; моими руководителями были Ильдефонсъ *Шварцъ* и Беда *Людвигъ*. По окончаніи занятій сдѣлался священникомъ и проповѣдникомъ (orator sacer). Въ 1788 г. при посѣщеніи монастыря Виртебергскимъ принцемъ Карломъ-Евгеніемъ я держалъ рѣчь и получилъ отъ него приглашеніе исполнять должность придворнаго проповѣдника (concionatoris) въ Штутгардѣ въ его aula. Но я отказался отъ приглашенія по совѣту Франциска-Людвига, князя Бамбергскаго и Вюрцбургскаго; который обѣщалъ мнѣ первую вакансію на подходящую профессуру въ своихъ университетахъ: либо въ Бамбергѣ, либо въ Вюрцбургѣ. Но князь умеръ раньше, чѣмъ исполнилъ свое обѣщаніе. По смерти Ильдефонса Шварца, профессора философіи въ монастырѣ Банцъ, я поступилъ на его мѣсто обучать молодыхъ монаховъ философскимъ наукамъ. Но за либеральный образъ мыслей, обнаруженный и въ преподаваніи, и въ сочиненіяхъ своихъ, подпалъ ненависти (odium et invidiam) и преслѣдованію монаховъ и другихъ католическихъ священниковъ ¹⁾. Поэтому я составилъ планъ оставить монастырь, что и выполнилъ въ 1798 г.

Покинувъ монастырь, я прибылъ въ Іену, гдѣ получилъ степень доктора философіи; по защитѣ диссертациі *De nexu etc* (Iena apud Prager, 1799) получилъ приватъ-доцентуру (licentia docendi) и преподавалъ философію до 1804 г.

Въ 1804 г. я былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ теоретической и практической философіи въ Харьков-

---

¹⁾ Стр. 68.

скій университетъ ¹⁾. Въ томъ же году я отправился въ Харьковъ съ женой ²⁾ и двумя дѣтьми. Въ 1807 г. мнѣ поручено, кромѣ философіи, преподаваніе нѣмецкаго языка и литературы. Въ 1813 г. по уходѣ проф. Роммеля, преподавателя латинской литературы, и эта вакантная должность была передана совѣтомъ университета мнѣ съ значительнымъ увеличеніемъ годового оклада. Кромѣ того, 8 лѣтъ я состоялъ секретаремъ совѣта и часто былъ назначаемъ членомъ въ университетское правленіе. Въ 1810 г. я получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, который въ Россіи даетъ потомственное дворянство, а наконецъ въ 1816 г. въ Петербургѣ я былъ уже произведенъ въ статскіе совѣтники. Но это не спасло меня отъ гоненія. Нѣкоторые „Галлы“, ненависть которыхъ я навлекъ на себя рѣзкими замѣчаніями (acerbis animadversionibus) въ моихъ сочиненіяхъ относительно Наполеона и противъ magna nationem (т. е. la grande nation) возвели на меня клевету (criminationibus suis prolatis), основываясь на моихъ сочиненіяхъ,—у Петербургскаго правительства (curiae petropolitanae administratos) и достигли того, что я былъ удаленъ отъ должности безъ объясненія причинъ (indicta caussa). И до сихъ поръ (hucusque) я не могъ добиться, хотя и пустилъ въ ходъ всѣ средства (omnem movi lapidem), чтобы выслушали мои объясненія противъ тѣхъ клеветъ. Удивительная, право, вещь! (Mira sane res). Вскорѣ послѣ моего осужденія, постановленнаго безо всякихъ основаній (absque ulla allata caussa) черезъ

---

¹⁾ Стр. 69.

²⁾ Это не противорѣчитъ разсказу Роммеля (Пять лѣтъ etc. стр. 66) и слѣдующаго ему Лавровскаго (Чтенія, стр. 32): «несчастный бракъ, состоявшійся въ Курскѣ, на пирушкѣ, съ женщиною сомнительной репутаціи и скупюю, не то русскою, не то нѣмкою, ускорила его домашнюю катастрофу». Дѣло въ томъ, что это былъ уже в т о р о й бракъ Шада. Въ первый разъ онъ женился по выходѣ изъ монастыря на кобургской уроженкѣ, въ которую былъ влюбленъ еще монахомъ (А. Д. В., т. XXX., стр. 493—494, статья о Шадѣ).

нѣсколько мѣсяцевъ Царствующая Императрица Елизавета за тѣ же книги, которыя французы оклеветали, прислала мнѣ драгоценный подарокъ со Всемилюстивѣйшимъ письмомъ (*humanissime scriptis*), въ которомъ она говоритъ, что изданныя мною въ Россіи книги по сужденію ученыхъ прекрасны (*praestantes*), чрезвычайно полезны для общественнаго поученія и такъ составлены, что доставятъ мнѣ похвалу, гдѣ бы ихъ ни читали.

Возвратившись изъ Россіи ¹⁾ въ Германію въ началѣ 1817 г., я прибылъ въ Берлинъ, чтобы вести свой процессъ (*causam meam*) у тамошняго русскаго посла. Не желая даромъ тратить время, я просилъ Берлинскій университетъ о позволеніи читать философскія лекціи и легко получилъ его. Цѣлый годъ я читалъ тамъ ²⁾, но убѣдившись, что по своему дѣлу я отъ русскаго посланника ничего не добьюсь, въ 1818 г. я возвратился на старое мѣсто въ Іену, гдѣ въ 1820 г. получилъ должность экстраординарнаго профессора. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ семестровъ я читалъ лекціи по логикѣ, метафизикѣ, естественному праву и психологіи. Лѣтній семестръ 1821 г. не читалъ лекціи по причинѣ здоровья (*valetudinis caussa*).

---

¹⁾ Стр. 70.

²⁾ Этимъ разрѣшается споръ между Колюпановымъ и Сухомлиновымъ: первый (Биографія Кошелева, I, 2, стр. 299) говоритъ: «Сухомлиновъ неправильно утверждаетъ, что Шадъ, возвратившись изъ Россіи, по расположенію Гуфеланда, получилъ кафедру въ Берлинѣ. Шадъ занялъ мѣсто профессора философіи въ Іенѣ. Шадъ былъ и въ Берлинѣ (но не имѣлъ кафедры тамъ), и въ Іенѣ (сначала опять-таки не профессоромъ).

Свои сочиненія Шадъ перечисляетъ такимъ образомъ:

A. ВЪ Банцъ.

1. *Institutio confessionariorum pro sacro tribunali. Duo tomi. Opus ex gallico in latinum translatum. Bambergae. 1787.*

2. *Lebensbeichreibungen der Heiligen auf jeden Tag des Jahres, aus den reinsten Quellen geschöpft und kritisch geprüft. 2 Bde. Bamberg. 1788—89.*

3. *Meine Apologie wegen dieser Schrift in der Mainzer Monatschrift von geistlichen Sachen. 1789.*

4. *Uebersetzung und Erklärung der heiligen Schrift alten und neuen Testamentes, in Gemeinschaft mit Burkard Vollert herausgegeben. 18 Bände. Augsburg. 1788—98.*

5. *Handbuch der christlichen Religion von Ildephons Schwarz. 3 Bände. Von diesem Werke habe ich die zweite Ausgabe mit vielen Zusätzen besorgt. Bamberg. 1797.*

6. *Beruhigungsgründe des gemeinen Mannes mit seinem Stande (gegen die französische Revolution gerichtet.) Coburg. 1794.*

7. *Trauerlied auf Ludwig den XVI von mir zugleich in Musik gesetzt. Coburg. 1794.*

8. *Leben und Schicksale des ehrwürdigen Vaters Sincerus. 1 Band. Coburg. 1798.*

Auch war ich als Mönch Mitarbeiter der Litteratur des katholischen Deutschlandes, der Würzburger gelehrten Anzeigen, und der allgemeinen Litteraturzeitung (Erlanger) (Rezensionen).

B. Вз Іенъ.

9. Gemeinfaſſliche Darstellung des Fichtiſchen Systems und der daraus hervorgehenden Religionstheorie. 3 Bände. Jena. gr. 8° Erfurt. 1799—1801. Hennigs in Gotha.

10. Geist der Philosophie unserer Zeit. 1 Band. Jena. 1799—1800. Kröker.

11. Ob Kants Kritik Metaphysik enthalte? Eine Abhandlung in dem philosophischen Journal, herausgegeben von Fichte und Niethammer. 1799.

12. Grundriss der Wissenschaftslehre. 1 Band. Jena. 1800. Hennigs.

13. Transscendentale Logik, 1 Band. Coburg. 1802.

14. Meine Lebens- und Klostersgeschichte. 1 Band. Erfurt. 1803.

15. Gefahren des Staates und der Religion von Seiten des Mönchthums. 1 Band. Erfurt. 1803.

16. System der Natur- und Transscendentalphilosophie in Verbindung dargestellt. 2 Bände. Landshut. Gr. 8°. 1803—1804. Krüll.

17. Das Paradies der Liebe, ein Klosterroman. 2 Tle. 8°. Erfurt. 1804 u. Gotha. 1813. Hennigs.

C. Вз Харьковъ.

18. De fine hominis supremo. Oratio publice habita 1807.

19. In memoriam Professoris Kalkau: oratio funebris publice habita 1810.

20. De vindicata libertate Europae. Oratio 1814 habita.

21. De vindicata religione. Oratio 1815 habita.

22. De existentia supremi Numinis. Dissertatio edita 1812.

23. De immortalitate animorum. Dissertatio. 1814.

24. De studio philosophiae, ejusque genuina natura. Dissertatio, 1815.

25. De libertate mentis humanae. Dissertatio. 1815.

26. Institutiones Logicae. Unus tomus. 1812. Halle (Schvetscke u. S.)

27. Deutsche Chrestomathie, vermöge Auftrages der Universität zum Gebrauch für Vorlesungen auf der Universität und den Gymnasien herausgegeben. 1 Band. 1813.

28. Institutiones juris naturae ¹⁾. Unus tomus. 1814.

29. De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum, liber ex auctoribus classicis excerptus et auctoritate Senatus academici in usum gymnasiorum editus. 1815.

Шадъ умеръ 13 января 1834 г. въ Іенѣ, а не въ 1830 г. какъ указываетъ *Голоцкий* ²⁾. Его портретъ (работы *Nettling* а) приложенъ въ I тому его автобіографіи (Lebens- und Klostergeschichte).

Въ вышеприведенный списокъ не вошли еще слѣдующія сочиненія Шада.

1. Ueber die Wichtigkeit des Studiums der kritischen Philosophie въ *Magazin für Katholiken*. Coburg, 1796—98.

2. Geständnisse aus dem Kloster въ *Wieland's Neuer deutscher Mercur* за 1797 г., St. 2, стр. 142—147.

---

¹⁾ У *Kauser* неправильно: natural.

²⁾ *Фалос*. Лексиконъ, IV, 2, стр. 171.

3. *Dissertatio exhibens nexum intimum inter philosophiam theoreticam et practicam. Jenae, 1880. 8°* ¹⁾.

4. *Absolute Harmonie des Fichtischen Systems mit der Religion, gr. 8°. Erfurt. 1802. Hennigs.*

5. *Neuer Grundriss der transcendentalen Logik und der Metaphysik nach den Principien der Wissenschaftslehre, gr. 8°. Jena u. Coburg. 1801. Sinner.*

Гогоцкій ²⁾ указываетъ что Шаде вмѣстѣ съ знаменитымъ Игнатіемъ Фесслеромъ будто бы издавалъ журналъ *Eunomia*.

Надо думать, что это указаніе ошибочно. *Kauser* ³⁾ говорить:

Eunomia, eine Zeitschrift des XIX Jahrhunderts, herausgegeben von Ign. Fessler, I. G. Rhode.... *Schade* u.... Fischer. 1 r.—3 r. Jahrgang, gr. 8°. Berlin, 1801—3, Maurers B., 4 r. u. 5 r. Jahrg. von Fessler *allein*, gr. 8°, Berlin. 1804—1805. Sander. Здѣсь упоминается не Шаде, а Шаде, следовательно, другое лицо. Который это изъ многихъ Шаде, за отсутствіемъ граепомен опредѣлить трудно. Я перелистовалъ имѣвшіеся у меня подъ руками 4 года „Эвномія“ (украшенной эпитафой *Omnibus aequa* ⁴⁾) съ 1802—1805 года, но никакихъ указаній на нашего Іоанна Шада не нашелъ. Впрочемъ, и Шаде, повидимому, за эти годы не участвовалъ въ журналѣ. Не значитъ онъ сотрудникомъ въ подписанныхъ статьяхъ за первый годъ журнала, насколько можно видѣть изъ списка статей за 1801 годъ, помѣщенного въ январской книжкѣ 1802 года, въ статьѣ I-ой: *Was hat die Eunomia geleistet, und was sie wird leisten, von den Herausgebern* (стр.

---

¹⁾ У *Kauser* (V, 41) неправильно: 4°.

²⁾ Фил. Лекс. IV, 2, стр. 59.

³⁾ А. В. Л., II, р. 170.

⁴⁾ *Eunomia* значить справедливость, законность.

1—7), каковыми на обложкѣ помѣчены Фесслеръ и Фишеръ (последній съ 1802—1805 г.); ни Шаде, ни Роде не упомянуты на обложкѣ 1802 года; Роде—на I полутомѣ 1801 года, Фесслеръ одинъ на II-мъ полутомѣ того же 1801 г.

Кромѣ того, I. Шадъ издалъ еще сочиненія своего учителя въ философіи *Ильдефонса Шварца*.

1. Anleitung zur Kenntniss derjenigen Bücher, welche den Candidaten der Theologie, den Stadt-und Landpredigern, Vicariaten u. s. w. in der katholischen Kirche wesentlich nothwendig und nützlich sind. 2 Bde, Coburg. 1803—4.

Kayser ¹⁾ указываетъ изданіе въ 3-хъ томахъ гр. 8°. Coburg 1804—6, Sinner, причемъ третій томъ (1806) носятъ заглавіе также:

Handbibliothek für angehende Theologen, Hofmeister, Erzieher und Schullehrer der katholischen Kirche.

2) помѣченный въ спискѣ № 5:

Handbuch der christlichen Religion, 3 Bde, gr. 8° (первое изданіе 1793, а второе подъ редакцію Шада 1797 г.; III изданіе вышло въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1800, Wesché, а IV-е исправленное, дешевое изданіе въ 3-хъ частяхъ 1804, V-е съ указателемъ—въ 1819 г.

Подъ № 2 въ спискѣ приведена книга *Matth. Vogel*. Lebensbeschreibungen der Heiligen Gottes auf alle Tage des Jahres mit heilsamen Lesestücken u. s. w. kritisch geprüft u. v. verschiedenen Unrichtigkeiten gesäubert u. s. w. 2 Tle. Gr. 4°.

---

¹⁾ A. B. L., V, 199.

Bamberg. 1788. Wesché въ Франкфуртѣ выпустилъ еще издавiе въ 1802, Mayer въ Aachen'ѣ—въ 1823 г. ¹⁾).

Подъ № 4:

De Sacy Royaumont le Maitre, Die ganze heilige Schrift, erklärt aus den heiligen Büchern und anderen Schriftstellern der Kirche nach den neuesten französischen Ausgaben, übersetzt durch einige Benedictiner in Banz (B. Vollert, R. Schad und Andere). Des alten Bundes—15 Bde. in 8°. Augsburg 1783—1818. Wolff. Des Neuen Testaments—12 Bde in 8°, тамъ же 1793—1803 ²⁾).

Подъ № 8:

Leben..... Sincerus, herausgegeben von einem seiner Freunde. Mit Kupfern. Coburg, 1798 in 8. Sinner ³⁾).

№№ 14 и 15-й составляютъ одно сочиненiе, № 15-й носить заглавiе:

Die Mönche am Ende des achtzehnten Jahrhunderts, oder Gefahren des Staates und der Religion von seiten des Mönchthumes: Fürsten, Staatsmännern, Religionslehrern, Erziehern, und allen denen, die einen wirksameren Einfluss auf die Schicksale der Menschheit haben, zur Beherzihung dargestellt von J. B. Schad, Doctor der Philosophie in Jena. Ein Nachtrag zur seinen Lebens- und Klostersgeschichte, Erfurt, in der Hennigschen Buchhandlung, 1804. На другой страницѣ рядомъ: J. B. Schads, Doctors der Philosophie zu Jena, ehemaligen Benedictiners zu Banz, Lebens- und Klostersgeschichte, von ihm

---

¹⁾ Kayser, VI, 91.

²⁾ Ibidem, V, 6.

³⁾ Ibidem, III, 497.

selbst geschrieben. Mit einer freyen Characteristik der Mönche zu Banz und des Mönchthumes überhaupt in Ansehung seines verderblichen Einflusses auf Erziehung, Staat und Religion. Zweyter und letzter Band.

Послѣ переѣзда изъ Россіи обратно на родину Шадъ сдѣлалъ новое изданіе своей автобіографіи въ трехъ томахъ: Altenburg и Leipzig, 1828, gr. 8°, Lehnhold; вторая часть также подъ заглавіемъ Die Mönche des XVIII. Jahrhunderts.

Противъ нападокъ на монаховъ въ біографіи Шада монастырь Банцъ возражалъ въ Theologische Nachrichten, Rinteln, 1803, V—VI, стр. 57—66.

№ 26 носитъ заглавіе Institutiones Philosophiae universae. Tomus primus, logicam puram et applicatam continens.

К. Фойтц ¹⁾ указываетъ, что въ типографіи Харьковскаго университета печатались, кромѣ вышеназванныхъ, еще слѣдующія рѣчи Шада:

Въ 1807 г. De vi philosophiae in reliquis scientiis.

Въ 1812 г. „О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи весьма нужно“.

Такъ какъ ни самъ Шадъ, ни другой кто-нибудь еще о нихъ не упоминаютъ, то о принадлежности ихъ Шаду нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Очевидно, впрочемъ, что списокъ Шада не совсѣмъ полонъ, ибо, какъ указано выше, онъ пропустилъ и еще нѣкоторые свои труды. Проф. Зеленогорскій на мѣстѣ въ Харьковѣ не могъ найти всего изданнаго Шадомъ въ Харьковѣ же ²⁾, какъ напр., De existentia sum-

---

¹⁾ Историко-статистическая записка объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія Университета до 1859 г., стр. 139 и 143, или выше стр. 22 и 23.

²⁾ Рѣчь de fine hominis (какъ вездѣ Зеленогорскій цитируетъ (стр. 160) d. f. h. ultimo (?). Также Schade's Lebensgeschichte (вмѣсто Schads)—стр. 162.

mi(?) Numinis (вмѣсто *supremi*) ¹⁾, *De immortalitate*, *De studio*. Изложены у него: Логика, *De libertate Europae*, и *De studio philosophiae*, но не по подлинной брошюрѣ Шада, а по сохранившейся въ библіотекѣ Харьковскаго Университета диссертациі Гриневича ²⁾, ученика Шада, подъ тѣмъ же заглавіемъ, относительно которой засвидѣтельствовано комиссіею изъ членовъ Совѣта университета ³⁾, что она дословно списана съ неизданныхъ записокъ Шада. „Игнорируя Гриневича, какъ ложнаго автора“, проф. Зеленогорскій пользуется его диссертациею, какъ сочиненіемъ Шада.

Приведемъ теперь нѣсколько добавочныхъ справокъ касательно біографіи Шада.

1) *Bamitz* (Bantum), бенедиктинскій монастырь, гдѣ обучался и профессорствовалъ Шадъ, лежитъ на берегу Майна около Лихтенфельса въ Баваріи. Онъ былъ основанъ въ 1060 г. ⁴⁾ Альберадою, супругою Альберта Бабенберга. Монастырь достигъ процвѣтанія въ XIV вѣкѣ при аббатѣ Конрадѣ III Редвицѣ. Во время великой крестьянской войны монастырь былъ разрушенъ, и монахи выгнаны; возобновленъ онъ былъ въ 1529 г. аббатомъ Александромъ Ротенханомъ. При немъ и было основано учебное заведеніе и библіотека. Впослѣдствіи монастырь постигали опять бѣды, но онъ поправлялся, пока наконецъ—во время тридцатилѣтней войны онъ опять не былъ разрушенъ до основанія. Потомъ онъ былъ восстановленъ и

---

¹⁾ Гогоцкій цитируетъ правильно заглавія рѣчей.

²⁾ Стр. 163.

³⁾ Н. А. Лавровскій, Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ, 1873. Апрель—Іюнь. книга II, отдѣлъ V. Смѣсь. «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета», II, Шадъ, стр. 40.

⁴⁾ Мы слѣдуемъ въ цифрѣ основанія прямому указанію *Oesterley*, *Historisch-geographisches Wörterbuch des deutschen Mittelalters*, 1883, стр. 42. *Büsching*, *Erdbeschreibung*, VII, 1790, стр. 859, даетъ 1071 годъ. Нѣмецкое изданіе энциклопедическаго словаря Брокгауза, 14-е изд., т. II, стр. 385—указываетъ 1096 г., а русскій переводъ того же словаря—(почему?)—1058 г.

окончательно закрытъ лишь въ 1802 г., причемъ библіотека была перенесена въ Бамбергъ, а на мѣстѣ остались лишь естественнаучныя коллекціи. Зданіе было приобрѣтено въ собственность баварскими герцогами, избравшими его своею лѣтней резиденціею ¹⁾).

Учителями Шада въ Банцѣ были—по богословію Беда *Людвигъ*, а по философіи Ильдефонсъ *Шварцъ*.

2) Беда *Людвигъ*, бенедиктинскій монахъ, родился въ Вюрцбургѣ 16 февраля 1750 г., въ 1787 г. князь-епископъ Вюрцбургскій назначилъ его профессоромъ богословія. Умеръ онъ въ 1792 г. Изъ его трудовъ, кромѣ рецензій ²⁾, извѣстны:

Nabakuk der Prophet, nach dem Ebräischen Text übertragen und erläutert. Francf. u. Lpz. 1779, in 8°.

Exegesis psalmi CIX, Hebraeis CX de Messia Jesu Nazareno, vero Deo, Rege et Sacerdote ex veritate Hebraica et antiquissimis versionibus adornata et ut psalterii πρόδρομος proposita. Bamberg. et Wirceb. 1779, in 8°.

3) Илдефонсъ *Schwarzъ*, бенедиктинецъ, родился въ Бамбергѣ 4 ноября 1752 г., умеръ въ Банцѣ 10 июня 1794 г. Сынъ бамбергскаго профессора медицины Христіана Вильгельма Шварца, учился у бамбергскихъ іезуитовъ. 15 марта 1769 г. поступилъ въ Банцъ послушникомъ, 15 августа 1770 г. принялъ постригъ и перемѣнилъ свое крестное имя Карлъ-Іозефъ на орденское Ильдефонсъ. Окончивши въ монастырѣ философскія и богословскія занятія, въ 1779 году сталъ профессоромъ философіи и математики, а потомъ богословія, и также вторымъ библіотекаремъ. Онъ отклонялъ приглашенія

---

¹⁾ О Банцѣ существуетъ нѣсколько специальныхъ монографій, какго Ширенгера, Эстеррейхера, Теодора.

²⁾ *Meusel*, L. d. t. Schr., 1808, т. VIII, стр. 392.

быть профессоромъ въ разныхъ университетахъ, равно какъ и приглашенія вюртембергскаго герцога Карла-Евгенія привагь-мѣсто его придворнаго проповѣдника. Умеръ 41 года отъ удара.

Онъ издалъ:

1) *Betrachtungen über einige der wichtigsten Wahrheiten der christlichen Religion*, 1793.

2) *Handbuch der christlichen Religion*, 1793, 94—въ трехъ томахъ; V-е изданіе вышло въ 1818. Это—апологетическое сочиненіе, имѣющее въ виду и Кантову философію.

Шварцъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ газеты *Literatur des katholischen Teutschlands*, основанной его орденскимъ братомъ и учителемъ Плацидусомъ Шпренгеромъ.

Кромѣ того, онъ издалъ:

Rev. A. Geddes de vulgariis Scripturae versionum vitiis eorumque remediis libellus, 1787, составляющее переводъ сочиненія шотландскаго священника Александра Geddes'a *Prospectus of a new translation of the Holy Bible from corrected texts of the original*, 1786. Шварцъ снабдилъ переводъ собственными примѣчаніями.

Послѣ его смерти были изданы труды:

1) Новое, расширенное изданіе неаполитанца Антоніо Дженовези (*Antonius Genuensis*) *Elementa artis logicae*, 1796.

2) Переводъ проповѣдей *Jacob's Archer's Predigten, aus dem Englischen* въ 2 т. 1795, 96. Изданіе было докончено его орденскимъ братомъ и ученикомъ *Othmar Frank*, который оставилъ и свои воспоминанія о немъ подъ заглавіемъ:

Andenken an Ildephons Schwarz von einem seiner Schüler, 1796.

Надо полагать, что И. Шварцъ производилъ сильное

впечатлѣніе на своихъ учениковъ; и самъ Шадъ посвятилъ ему воспоминанія во II-мъ томѣ изданнаго имъ посмертнаго труда И. Шварца:

Anleitung zur Kenntniss derjenigen Bücher, welche den Kandidaten der Theologie... in der Katholischen Kirche nothwendig und nützlich sind въ 2 т., 1803, 04.

4) Шадъ читалъ рѣчь, посвященную памяти профессора Калькау.

Абрамъ Яковлевичъ *Калькау* ¹⁾ былъ сынъ московскаго аптекаря, обучался въ университетахъ Московскомъ, Іенскомъ и Виттенбергскомъ, гдѣ получилъ степень доктора философіи. Будучи уже опредѣленъ на службу при Харьковскомъ университетѣ, онъ получилъ дозволеніе продолжать свое заграничное путешествіе и слушалъ медицинскія лекціи въ Гёттингенѣ, гдѣ получилъ вторую степень—доктора медицины и хирургіи. Еще годъ пробылъ онъ въ Берлинѣ, а потомъ возвратился въ Харьковъ и вступилъ въ должность 2-го сентября 1807 года. Въ 1808 г. Совѣтъ за недостаткомъ слушателей поручилъ ему въ замѣнъ лекцій заняться обработкой энциклопедіи и методологіи медицины. Въ 1812 г. этотъ его трудъ *Introductio ad studia medica* былъ напечатанъ въ университетской типографіи ²⁾. *Роммель* ³⁾ приписываетъ этому „русскому“ адыонету тонкое пониманіе лучшихъ писателей нѣмецкой литературы: Жанъ-Поль былъ его любимымъ авторомъ.

---

¹⁾ *Н. А. Лагровскій*, Василій Назарьевичъ Карзинъ и открытіе Харьковского университета, стр. 237—238, въ Журналѣ Мнистерства Народнаго Просвѣщенія, часть СЛХ, февраль 1872 года.

²⁾ *Фойтцъ*, Записка, стр. 143, или выше, стр. 23.

³⁾ *Роммель*, Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго Университета, стр. 61.

5) Графъ Давидъ Максимовичъ *Алопеусъ*, русскій посланникъ, у котораго Шада добивался въ Берлинѣ восстановленія своихъ правъ, родился въ Выборгѣ въ 1769 г., воспитывался въ военной школѣ въ Штутгартѣ, а по окончаніи въ ней курса поступилъ на дипломатическую службу подъ руководствомъ своего брата Максима Максимовича, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, затѣмъ и самъ былъ русскимъ посланникомъ при шведскомъ королѣ Густавѣ IV. Въ 1808 году во время войны Швеціи съ Россіею былъ посаженъ въ тюрьму. По удаленіи Густава IV Алопеусъ въ награду получилъ графское достоинство. Въ 1811 году Алопеусъ сдѣлался посланникомъ при Вюртембергскомъ дворѣ, затѣмъ въ 1813 генеральнымъ комиссаромъ при союзной арміи, потомъ военнымъ губернаторомъ Лотарингіи, а по заключеніи мира русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Здѣсь онъ оставался вплоть до смерти своей 13 іюня 1831 года.

Разсказываютъ, что въ 1817 году у Шада была мысль обнародовать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и о тамошнихъ скандалахъ; но крайняя нищета заставила его незадолго до смерти продать свою тайну русскому посланнику въ Берлинѣ, Алопеусу ¹⁾).

Любопытно указаніе *Колупанова* ²⁾), что „еще въ сороковыхъ годахъ онъ самъ началъ учиться по книгѣ Шада „*De viris illustribus*“, которая не миновала рукъ ни одного изъ учившихся въ то время“. Неправильно только, будто Шада издавалъ латинскія христоматіи, вводившіяся, какъ обязательное руководство во всѣ среднія учебныя заведенія (тамъ же). Шада издалъ всего лишь *одну* латинскую христоматію и одну нѣмецкую (вмѣстѣ съ Роммелемъ). Защита нравственнаго характера Шада свидѣтельствуемъ о болѣе глубокомъ пониманіи натуры Шада со стороны Колупанова.

---

¹⁾ Роммель, стр. 66.

²⁾ Біографія Кошелева. I, 2, стр. 299.

Прибавленіе.

Гриневичъ.

Упоминаемый на стр. 50 *Гриневичъ*, повидимому, есть то же самое лицо, которое впоследствии служило профессоромъ въ Одесскомъ лицей и въ Кіевскомъ Университетѣ.

Михневичъ ¹⁾ сообщаетъ, что Илья Федоровичъ Гриневичъ съ 1821 г. до 1826 г. служилъ при Ришельевскомъ лицей. Онъ былъ магистромъ *Харьковскаго* Университета, 24 января 1821 г. утвержденъ профессоромъ латинской и російской словесности, а исправляющимъ должность проф. *законо-вѣденія* и политической экономіи онъ же состоялъ съ 18 апрѣля по 1 сентября 1825 года. Кромѣ того, состоялъ библіотекаремъ при лицей и членомъ правленія лица по учебной части.

Дальнѣйшія любопытныя свѣдѣнія о немъ предлагаетъ историкъ Кіевскаго Университета ²⁾.

---

¹⁾ Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея. Одесса, 1857, стр. 74.

²⁾ Стр. 223.

17 июня 1839 г., бывший профессор Ришельевского лицея и директор Бессарабских училищ Гриневицъ подалъ прошеніе ректору, въ которомъ, прилагая экземпляръ переведенной имъ рѣчи Цицерона pro Milone и экземпляръ своихъ писемъ о философскихъ предметахъ, просилъ предложить „именитѣйшему совѣту“ Университета объ избраніи его ординарнымъ профессоромъ латинской словесности. Сверхъ представленныхъ сочиненій, онъ ссылаясь на нѣсколько изданныхъ имъ или приготовленныхъ переводовъ и статей. Въ засѣданіи совѣта 17 августа 1839 г. ректоръ словесно заявилъ, что разсмотрѣніе сочиненій Гриневица онъ поручалъ пр. Нейкирху, и предъявилъ поданное ему Нейкирхомъ письменное мнѣніе о нихъ; совѣтъ по разсмотрѣніи послѣдняго опредѣлилъ объявить Гриневицу, что предъявленные имъ сочиненія по своему объему и содержанию не могутъ послужить достаточнымъ основаніемъ къ удовлетворенію его просьбы. Но сентября 2-го того же года Гриневицъ подалъ новое прошеніе, въ которомъ просилъ предложить *благолюбивѣйшему совѣту и именитѣйшихъ проф. сего университет.* о порученіи ему вакантной кафедры латинской словесности, впредь до большаго удостовѣренія въ его познаніяхъ и способностяхъ, съ жалованьемъ, какое совѣтъ признаетъ справедливымъ. Такая настойчивость оказалась полезною для него; найдено было необходимымъ справиться съ мнѣніемъ цѣлаго факультета, а не одного И. Я. Нейкирха. Мнѣніе этого послѣдняго дѣйствительно было проверено, при чемъ факультетъ, при полномъ составѣ своихъ членовъ, нашелъ, что хотя въ представленномъ Нейкирхомъ мнѣніи и означены нѣкоторыя погрѣшности Гриневица, которыя признаетъ факультетъ, но въ сочиненіяхъ его видно и основательное знаніе древнихъ римскихъ писателей, и знакомство съ римскими древностями, вообще Гриневицъ, *вполнѣ обладая русскимъ языкомъ*, можетъ свободно изяснять; въ заключеніе большинствомъ всѣхъ голосовъ, кромѣ одного голоса проф. Нейкирха, положено просить

совѣтъ Университета о допущеніи Гриневича къ преподаванію латинскаго языка ¹⁾). Въ подчеркнутыхъ словахъ факультетскаго опредѣленія содержится явный намекъ на самого рецензента. 7 октября 1839 г. совѣтъ засѣдалъ въ присутствіи попечителя учебнаго округа и его помощника; тогда читана была Гриневичемъ пробная лекція: „О жизни и сочиненіяхъ Тацита“, изложенная, частью по латини, частью по русски. Совѣтъ призвалъ лекцію и по содержанію, и по изложенію удовлетворительною и рѣшилъ ходатайствовать о допущеніи Гриневича къ временному преподаванію латинскаго языка и его словесности съ содержаніемъ адъюнкта, доколѣ или онъ вполне окажется способнымъ занять кафедру этого предмета, или не явится другой способнѣйшей. Но управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія (26 декабря того же года) сдѣлалъ больше, чѣмъ просилъ совѣтъ, именно разрѣшилъ допустить Гриневича къ преподаванію въ Университетѣ съ производствомъ ему жалованья, положеннаго экстраординарному профессору (т. е. по 3 тыс. ассигн. въ годъ). Здѣсь выразился первый пріемъ борьбы двухъ національныхъ партій, оставшихся въ университетѣ св. Владиміра, т. е. русской и нѣмецкой. Но Гриневичъ недолго послужилъ въ Университетѣ. Въ сентябрѣ 1840 г. профессоръ Нейкирхъ вошелъ съ представленіемъ въ Совѣтъ о назначеніи на вакантную кафедру римской словесности адъюнкта Дѣллена, съ повышеніемъ его въ званіе экстраординарнаго проф., ссылаясь на то, что хотя Дѣлленъ издалъ только два сочиненія *De vita Livii Andronici* и *De fabula Livii Andronici*, но и въ нихъ показалъ способность самостоятельно обрабатывать науку и свободно владѣть латинскимъ языкомъ, и что къ этому присоединяется въ немъ даръ ясно и отчетливо передавать свои познанія. Благолюбивѣйшій совѣтъ именитѣйшихъ профессоровъ, какъ титуловалъ его Гриневичъ, рѣшилъ подвергнуть Дѣллена избранію и избралъ 10-ю голосами противъ одного, а Гриневича увѣ-

¹⁾ Стр. 224.

ломилъ, что его услуги уже больше не нужны. Гриневицъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Счастливымъ соперникъ Гриневица, дерптскій нѣмецъ Делленъ, обнаружилъ, по мнѣнію „Исторіи“, знанія латинской филологіи, далеко оставившія за собою старомодную южно-русскую латынь Гриневица ¹⁾.

Итакъ въ періодъ между профессурою въ Одессѣ и преподаваніемъ въ Кіевскомъ Университетѣ Гриневицъ, надо полагать, занималъ должность Директора Бессарабскихъ училищъ. О дальнѣйшей судьбѣ его и о кончинѣ мы свѣдѣній не имѣемъ.

Скандалъ въ Харьковѣ происходилъ въ 1815—1816 годахъ. Въ концѣ 1815 года Дегуровъ донесъ Совѣту, что диссертациі докторантовъ Ковалевскаго и Гриневица буквально списаны съ печатнаго сочиненія Шада и буквально сходны съ записками студентовъ (Гриневицъ уже успѣлъ защитить свою диссертацию). Назначенная Совѣтомъ Коммиссія изъ профессоровъ Шумлянскаго, Успенскаго и Нельдехена подтвердила донесеніе Дегурова. Рѣшено было донести о томъ министру, который и потребовалъ къ себѣ обѣ диссертациі, а также рукописныя тетради Шада, по которымъ онъ читалъ философію (засѣданіе 16 февраля 1816 года). Последнія не могли быть отправлены, такъ какъ Шадъ на запросъ Совѣта отозвался, что онъ Метафизику читалъ безъ записокъ (*ex tempore tradit*), а остальное (логику) по изданному руководству; вмѣсто нихъ были отправлены студентскія записки ²⁾. И въ министерствѣ, какъ видно изъ доклада министра въ совѣтѣ министровъ, признали, что диссертациі

---

¹⁾ Стр. 225.

²⁾ Лавровскій. Чтенія., стр. 40.

Гриневича и Ковалевскаго оказались подложными и списанными съ записокъ(?) сочиненія(?) Шада ¹⁾.

8 декабря по предписанію министра полиціи Шадъ былъ постыжно вывезенъ изъ Харькова и препровожденъ за границу ²⁾.

Михневичъ упоминаетъ, что Гриневичъ издалъ ³⁾: 1) нѣсколько рѣчей Цицерона въ русскомъ переводѣ, и 2) Жизнь Римлянъ, какъ руководство при изученіи римскихъ древностей.

Фойгтъ сообщаетъ, что въ университетской типографіи въ 1815 г. печатались диссертациі *Ковалевскаго* и магистра Гевлича на русскомъ языкѣ.

Въ 1816 г. кандидатъ Гриневичъ напечаталъ переводъ изъ Цицерона „О естествѣ боговъ“.

Въ 1817 г. Гриневичъ печатаетъ переводъ первой рѣчи Цицерона противъ Катилины.

Въ 1818 г. Гриневичъ печатаетъ переводъ изъ Цицерона рѣчи за стихотворца Архія ⁴⁾.

Въ Кіевскомъ Университетѣ Гриневичъ, какъ сказано выше (стр. 56), представлялъ еще переводъ рѣчи Цицерона за Милона и „философскія письма“. Что это были за письма, и была ли то печатная книга, какъ это слѣдуетъ, повидимому, предполагать изъ слова „экземпляръ“, мы не знаемъ.

„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза ⁵⁾ перечисляетъ труды Гриневича: 1) О естествѣ боговъ, 2) Первая рѣчь противъ Катилины, 3) Рѣчь за стихотворца Авла Лицинія Архія, 4) Рѣчь въ оправданіе Милона, 5) *Письма о фило-*

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 45.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

³⁾ Л. с.

⁴⁾ Л. с., стр. 145, 147, 148, или выше, стр. 24, 25.

⁵⁾ Полутомъ 18-й, стр. 736.

собскихъ предметахъ, 6) Жизнь древнихъ римлянъ отъ основанія Рима до Константина Великаго, Одесса, 1846, и пр. Изъ статьи не видно, пользовался ли авторъ какими иными источниками, кромѣ указанныхъ нами, и описаны ли книги Гриневича по автопси.

Д. И. Нагуевскій ¹⁾ цитируетъ: 157. бесѣда(ы?) Цицеронова *о естество богозъ*, часть I. перев. *Илья Гриневичъ*, Харьковъ, 1817. 158. Рѣчь за *стихотворца Архія* перев. *Илья Гриневичъ*. Харьковъ, 1818. 160. Рѣчь Цицеронова въ *справед. Т. Аннія Милона*, перев. *Илья Гриневичъ*. Одесса, 1833.

---

¹⁾ Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 годъ, съ введеніемъ и указателемъ, Казань, 1889, § 13. М. Туллію Цицеронъ, II, переводы, стр. 10.

IV.

Замѣтки о Д. М. Велланскомъ.

Vielleicht wird das nachfolgende Geschlecht gerechter sein, und auch ihm den Ehrenplatz in der Gelehrtenhalle Europa's anweisen, den oft Missgunst und Unverstand den grössten Gelehrten auf eine Zeitlang zu versagen wagen.

Max. Heine (Nekrolog. W—s).

Основнымъ источникомъ для біографіи перваго и наиболѣе жаркаго послѣдователя Шеллинговой натурфилософіи въ Россіи, профессора и академика Данила Михайловича Велланскаго является статья *Николая Розанова*: „Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ“, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1867 годъ, томъ 72, ноябрь, стр. 99—137 ²⁾). Тамъ Розановъ не только далъ мѣсто своимъ личнымъ воспоминаніямъ (на ряду съ автобіографическими указаніями самого Розанова ³⁾), но и попытался сгруппировать все, чтò до того

---

¹⁾ *Геннади*, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, т. I, стр. 139 неправильно указываетъ вмѣсто «Русскаго Вѣстника»—«Вѣстникъ Европы», т. 72, за 1867 г., № 11.

²⁾ Стр. 130—135.

времени появилось о Велланскомъ. Изъ этой статьи Розанова почти всецѣло почерпнуты новыя обработки біографіи Велланскаго, помѣщенныя въ Энциклопедическомъ словарѣ *Брокгауза* (подписана *Н. Елоровымъ*) ¹⁾ и въ критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ *С. А. Венгера* ²⁾—статья *В. К.*

Другимъ, тоже важнымъ источникомъ для біографіи Велланскаго является официальная книга: Академическіе акты. Матеріалы для исторіи Императорской санктпетербургской медико-хирургической академіи, въ память пятидесятилѣтія ея собранные ординарнымъ профессоромъ Григоріемъ *Прозоровымъ*, СПб. 1850.

Сгруппировать матеріалъ о Велланскомъ и различныя официальныя даты о немъ, разбросанныя въ этой книгѣ (къ сожалѣнію, какъ и большинство русскихъ книгъ, она не имѣетъ указателя, что дѣлаетъ пользованіе ею весьма неудобнымъ) первый попытался Розановъ въ своей статьѣ ³⁾. Просмотрѣвши всю книгу Прозорова страницу за страницей, мы убѣдились въ томъ, что Розановъ кое-чего не замѣтилъ и кое-что пропустилъ. Поэтому мы вознамѣрились еще разъ собрать во едино все данныя о Велланскомъ, имѣющіяся у Прозорова съ указаніемъ страницъ (чего нѣтъ у Розанова).

„Изъ учащихся во времени до 1808 года принадлежитъ... Данилъ *Велланскій*.... и другіе (стр. 32). Студентъ Велланскій въ 1799 году перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ: 1) Начальныя основанія Всеобщей медицины, *Мешера*; 2) въ 1801 г., будучи кандидатомъ медицины и хирургіи, перевелъ съ нѣмецкаго же практическую медицину *Селле*; 3) а въ 1805 году уже въ званіи лѣкаря сочинилъ на русскомъ языкѣ

---

¹⁾ X, стр. 851—852.

²⁾ Томъ V, стр. 215—221.

³⁾ Стр. 135—136.

„Пролюзію къ медицинѣ“ (стр. 83). Каедрa патологіи и терапіи. Преподаватель адъюнктъ-профессоръ Иванъ *Смѣловскій*. Репетиторомъ при немъ по представленію Смѣловскаго утвержденъ 31-го октября 1801 года кандидатъ С.-Петербургскаго сухопутнаго госпиталя Даниль Велланскій, а потомъ 29 декабря 1801 года, студентъ 4-го класса Яковъ *Кайдановъ* (стр. 23). Скорая перемѣна въ репетиторахъ произошла отъ того, что... указомъ Государственной медицинской Коллегіи 28 Іюня 1801 года было назначено послать за границу трехъ лекарей или кандидатовъ въ чужіе края съ наставленіемъ отъ коллегіи; для чего конференція избрала бывшихъ репетиторовъ: Семена *Гаевскаго* ¹⁾, Михаила *Крамарева* и Данила Велланскаго (стр. 24, 25). Посланные за границу по окончаніи назначеннаго трехлѣтняго срока возвратились: въ 1805 году—Гаевскій и Велланскій Крамаревъ, возвращаясь въ Россію, умеръ въ Копенгагенѣ (стр. 67, и тамъ же примѣчаніе), а въ 1806 *Громовъ*, *Германъ*, *Домонтъ* и Ясонъ *Петровъ*, и по предписанію Министра они поступили помощниками профессоровъ (стр. 68). На степень доктора написано разсужденіе Данила Велланскаго „О реформѣ медицинской и физической теоріи“ (стр. 84). 16 генваря 1806 года по представленію конференціи разрѣшено пріискать преподавателей для латинскаго и нѣмецкаго языковъ... Преподаваніе... нѣмецкаго поручено адъюнктъ-профессору Велланскому съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ (стр. 99).

По каедрѣ ботаники и фармакологіи профессоромъ былъ коллежскій совѣтникъ *Рудольфъ* (стр. 144). Адъюнктомъ опредѣленъ къ нему экстраординарный профессоръ Даниль Велланскій. По смерти Рудольфа на вакантную каедрu подаль прошеніе адъюнктъ-профессору анатоміи и физиологіи Ясонъ

---

¹⁾ Будущаго лейбъ-медика и директора медицинскаго департамента.

Петровъ , представляя о вредномъ влияніи анатомическихъ работъ на его здоровье. Президентъ (*Вилліе*) предложилъ конференціи сдѣлать экзаменъ между послѣднимъ и Велланскимъ; но конференція, объясняя, что ей неизвѣстны оба кандидата опытами ихъ знаній въ наукахъ вакантной каведры, предложила объявить конкурсъ для всѣхъ желающихъ; чрезъ нѣсколько времени Президентъ далъ знать конференціи, что Министръ утвердилъ, по его представленію, Ясона Петрова преподавателемъ ботаники и фармакологіи, а Данила Велланскаго, по его прошенію, адъюнктомъ анатоміи и фізіологіи (стр. 145).

Каведра анатоміи и фізіологіи; профессоромъ ея оставленъ коллежскій совѣтникъ *Загорскій*; адъюнктомъ его сначала былъ Ясонъ Петровъ, а черезъ годъ—Данилъ Велланскій (стр. 145).

По анатомическому кабинету (стр. 167): прозекторъ *Яворскій* предложилъ президенту 4 восковыхъ препарата черепа и позвоночнаго столба, за которые по отзывамъ профессоровъ *Загорскаго*, *Буша* и *Велланскаго* Яворскій заслуживалъ поощреніе.

Въ 1809 году, іюня 3-го при участіи графа *Аракчеева* поступилъ инспекторомъ Академіи статскій совѣтникъ *Энегольмъ*, бывший главнымъ докторомъ арміи и уволившийся изъ службы съ пенсіономъ. Помощниками инспектора были: экстраординарные профессора *Гаевскій* и *Велланскій* и адъюнктъ-профессоръ *Германъ* (стр. 170). *Велланскій* значится имъ до 1823 г. (стр. 231). Въ періодъ съ 1810—1822 года *Велланскій* значится членомъ конференціи (стр. 190).

Въ 1812 году, по распоряженію конференціи было возложено на *Велланскаго* читать лекціи анатоміи воспитанникамъ упраздненнаго фармацевтическаго отдѣленія, перемѣщеннымъ въ отдѣленіе медицинское.

Экстраординарный профессоръ *Велланскій* перевелъ 1-ю

часть Россійской полевой фармакопеи, принятой въ руководство по опредѣленію конференціи и съ согласія президента (стр. 176). Каѳедра анатоміи и фізіологіи: преподавателемъ былъ академикъ *Петръ Загорскій*; при немъ адъюнктъ, экстраординарный профессоръ *Даніилъ Велланскій* преподавалъ первыя части анатоміи и за выслугу лѣтъ произведенъ въ 1814 г. ординарнымъ профессоромъ (стр. 192).

Въ 1819 г. фізіологія (соединявшаяся прежде съ анатоміею) выѣстъ съ патологіей составили особую каѳедру; профессоромъ ея назначенъ академикъ *Даніилъ Велланскій*, бывшій въ качествѣ адъюнкта по каѳедрѣ анатоміи и фізіологіи. Въ преподаваніи предметовъ онъ слѣдовалъ по общей фізіологіи *Окени*, выдавая записки свои, представлявшія въ сокращеніи *Naturgeschichte*, и по частной фізіологіи — *Вальтеру*, также въ запискахъ; кромѣ того, по распоряженію конференціи, назначалась въ руководство фізіологія *Прохаски*, переведенная Велланскимъ 1822 года ¹⁾. Патологія преподавалась по собственнымъ запискамъ профессора (стр. 197).

Въ періодъ съ 1823—1839 г. значитса, что Велланскій преподавалъ фізіологію общую по собственнымъ запискамъ, а частную по фізіологіи профессора *Прохаски*, имъ переведенной; патологію по сочиненію профессора *Гартмана*, также имъ переведенному (стр. 269).

Каѳедра фізіологіи и патологіи за тотъ же періодъ: занималъ эту каѳедру съ начала ея образованія до 1837 г. заслуженный профессоръ Велланскій; по увольненіи его преподаваніе предметовъ поручено адъюнктъ-профессору *Александру Загорскому*, произведенному въ слѣдующемъ году ординарнымъ профессоромъ. Въ 1823 г. въ должности адъюнкта при про-

---

¹⁾ Среди почетныхъ членовъ медицинской Петербургской Академіи за періодъ отъ 1810—1822 г. значатся вѣнскіе профессора *Георгій Прохаска* и *Филиппъ Гартманъ* (Прозоровъ, стр. 185 и 187).

фессоръ Велланскомъ состоялъ докторъ Германъ *Килманъ*, который въ томъ же году уволился. Въ 1825 г. посланъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ этой каедрѣ кончившій въ академіи курсъ наукъ съ отличіемъ лѣкаръ *Савченко*, который, возвратившись въ своему мѣсту, въ 1831 году умеръ. Въ 1834 году опредѣленъ адъюнктомъ Александръ Загорскій, который при новомъ распредѣленіи каедръ опредѣленъ къ каедрѣ Гинекопедіатріи, а по увольненіи Велланскаго изъ академіи переведенъ на мѣсто его исправляющимъ должность профессора (стр. 255).

Въ 1834 г. Велланскій былъ членомъ правленія академіи (стр. 289).

Въ 1818 г. на мѣсто Василя *Джунковскаго*, поступившаго въ Харьковскій Университетъ профессоромъ, поступилъ бібліотекаремъ академикъ Велланскій (стр. 220). Съ 11-го генваря 1839 года академическая бібліотека находилась въ завѣдываніи бібліотекаря *Лобачевскаго* (стр. 393). Въ числѣ разныхъ лицъ, дарившихъ книги въ эту бібліотеку значится и проф. Велланскій (стр. 223). Въ періодъ состоянія академіи въ вѣденіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Даниилъ Велланскій, заслуженный проф. „здѣшной академіи“, числится между почетными членами ея (стр. 244).

Литературныя указанія сообщаютъ объ изданіи Велланскимъ „Біологическаго изслѣдованія природы“ въ 1813 году,¹⁾ „Физиологіи“ *Прохаски* въ 1822 г. (стр. 238) и перевода *Кленке* о лѣченіи кожи по Присницу (стр. 435).

---

¹⁾ Ошибочно, вмѣсто 1812 г.

О томъ, какъ смотрѣлъ Велланскій на лѣченіе больныхъ своими коллегами, сохранился слѣдующій рассказъ.

Однажды представлялись Вилліе по какому то случаю всѣ профессора академіи, и онъ спросилъ Велланскаго: ка-кимъ считаетъ онъ своего зятя, доктора Соколова? „Онъ *мчитъ*“, отвѣчалъ спрошенный, „*больныхъ*“, а въ наукѣ ни-сколько не опередилъ другихъ: *знаетъ* столько же, сколько и каждый“. Вилліе улыбнулся и сказалъ: „Вы неизмѣнны, Даниилъ Михайловичъ!“

О преподаваніи Велланскаго имѣются такія свидѣтель-ства. „Смотря на физиологію и общую патологию съ точки зрѣнія шеллинговой и оеновой философіи, этотъ величайшій изъ русскихъ натурфилософовъ выработалъ изъ содержанія физиологіи абстрактъ и до того умѣлъ завлечь имъ молодые умы своихъ слушателей, что на его лекціи смотрѣли, какъ на какое то откровеніе и восхищались ими до самозабвенія. Курсъ его былъ, можно сказать, непрерывнымъ экстазомъ, о которомъ бывшіе ученики его не могли вспомнить безъ восторга даже черезъ 20 лѣтъ по выходѣ изъ академіи. За-мѣчательно при этомъ, что Велланскій не любилъ анатоміи и никогда не занимался ею практически, хотя и первоначально и считался адъюнктомъ при каедрѣ анатоміи. Можетъ быть, это отчужденіе отъ анатоміи и было причиною крайняго увле-ченія его въ отвлеченныя сферы“²⁾.

¹⁾ Стр. 129 въ статьѣ Николая Розанова.

²⁾ А. Я. Цистовичъ, И. Я. Буяльскій, Русская Старина за 1876 г., февраль (289—310) и мартъ (599—616),—см. стр. 295, 296.

„Студенты слушали его съ такимъ вниманіемъ, что, если бы профессоръ умолеъ, то въ тишинѣ стало бы, кажется, слышно движеніе паутины въ воздухѣ. Во время лекціи 400 глазъ слушателей не сводили съ него взгляда“¹⁾).

Недурную характеристику Велланскаго мы находимъ у *А. М. Левина*²⁾).

Нѣкоторые изъ сочиненій Велланскаго были рѣдкостью еще при жизни автора³⁾. Немудрено, что до сихъ поръ еще нѣтъ вполне точнаго и надежнаго библиографическаго описанія всѣхъ трудовъ философа. Ниже читатель увидитъ, насколько разногласятъ въ своихъ показаніяхъ писавшіе о Велланскомъ, что касается его сочиненій. Особенно неряшлива въ указаніяхъ статья *В. К.* въ словарѣ Венгерова: библиографическія данныя либо совсѣмъ невѣрны, либо такъ недостаточны и неточны, что заставляютъ терять понапрасну при отысканіи и трудъ, и время; такъ, напр., о статьѣ *Розанова*, изъ которой извлечена самая статья *В. К.*, не сказано даже, *гдѣ* она помѣщена (стр. 215).

---

¹⁾ Розановъ, стр. 107.

²⁾ «Д. М. Велланскій и шеллинизмъ въ русской медицинѣ начала XIX вѣка». «Врачъ» за 1895 годъ, томъ XVI, первое полугодіе, № 26, стр. 725—728 и второе полугодіе, № 27, стр. 763, 764 и № 28, стр. 788—791. У Венгерова (стр. 215) неправильно: № 28—30.

³⁾ Розановъ, стр. 105.

Оригинальные труды.

(отдѣльныя изданія).

1) *Пролозія* въ медицинѣ, какъ основательной наукѣ, отъ Давида Велланскаго, СПБ, 1805, 8°. Предувѣдомленіе, текста 79 стр. и „опечатки“. Рецензія (неблагопріятная) на этотъ трудъ: „Лицей“, періодическое изданіе Ивана Мартынова на 1806 г. часть первая, книжка первая ¹⁾, отдѣлъ V, Критика, стр. 65—73. Въ оглавленіи ошибка: вмѣсто „критика“—V. Политика—стр. 63, и VI. Исторія—тоже стр. 63.

2) *Dissertatio physico-medica de reformatione theoriae medicae et physicae auspicio philosophiae naturalis ineunte*, Petropoli, 1807.

3) *Біологическое изслѣдованіе природы* въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія ²⁾ всеобщей физиологіи. Сочиненіе Давида Велланскаго, СПБ, 1812, 8°. Титулъ, посвященіе Императору Александру I.—2 листка нумерованы, „Предувѣдомленіе“ XVI стр. и 446 стр. текста. Общее показаніе содержаній 447—464 (цифра 6—опечатка вмѣсто 5, всего страницъ не 464, а 454) и 2 нenum. страницы „опечатки“.

---

¹⁾ У Венгерова только: «Лицей», 1806, № 1.

²⁾ По указанію Розанова, 15 печатныхъ листовъ (стр. 136). У Венгерова—1806.

³⁾ У Венгерова невѣрно: очертанія и стр. XVI+464.

4) *Физиологическая программа* о внѣшнихъ чувствахъ, внутреннихъ дѣйствіяхъ мозга ¹⁾ и наружныхъ очертаніяхъ головы для руководства въ частныхъ лекціяхъ изъ органической физики. СПБ., 1819. 8°, стр. 10.

5) *Конспектъ* главныхъ содержаній общей физики. СПБ., 1830, in 8°, стр. 16. „Конспектъ“ воспроизведенъ у *Колотанова*, „Біографія Александра Ивановича Кошелева“ ²⁾ подъ заглавіемъ „Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.“ Равнымъ образомъ „Конспектъ“ былъ весь воспроизведенъ въ свое время (безъ соблюденія орфографіи автора) и съ указаніемъ на объявленіе № 2 „*Сѣверной Пчелы*“ въ журналѣ „*Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*“, на 1831 г., т. XVII (Сына Отечества 139-й, а Сѣвернаго Архива 53-й), № I, отд. III, физика, стр. 37—49. Въ оглавленіи опечатка: 137 вмѣсто 37 ³⁾.

Рецензія на „Конспектъ“ имѣется въ журналѣ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 годъ, часть 37-я, № 2, январь. Отдѣлъ: „Современная бібліографія“, — „Русская литература“, стр. 259—262 ⁴⁾.

6) *Опытная, наблюдательная и умозрительная физика*, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и зиждущихъ началахъ неорганическаго міра—составляющая первую половину энциклопедіи физическихъ познаній. Сочиненіе Даниіла Велланскаго. Съ четырьмя гравированными таблицами. СПБ. 1831. 8°. Титулъ и посвященіе (2 листа)

---

¹⁾ Мозга нѣтъ у В. К. въ слов. Венгерова (стр. 248—249).

²⁾ Томъ I, книга II, стр. 434—438.

³⁾ Венгерова Словарь указываетъ эту статью просто: Сынъ etc., за 1834 г., № 1 и ошибочно считаетъ ее *отзывомъ* о «Конспектѣ», тогда какъ тутъ только репродукція текста, и нѣтъ ни малѣйшаго отзыва.

⁴⁾ У Венгерова просто: «Московскій Телеграфъ». 1831 г., № 2 (январь или февраля?).

не нумерованы. „Предисловіе“ IV стр. „Оглавленіе содержанія“ 2 стран. нenum. Текстъ 900 стр., опечатки 2 нenum. „Имена господъ пренумерантовъ по времени ихъ подписки“ — 6 нenum. стр.

Одна глава изъ „Физики“ появилась въ журналѣ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 г., часть 40-я, августъ, № 15, стр. 321—334. „Солнце“, отрывокъ изъ новаго сочиненія Д. М. Велланскаго. Редакція оговаривается въ примѣчаніи: „Замѣтимъ здѣсь, что по желанію автора въ предлагаемомъ читателямъ отрывкѣ мы въ точности соблюдаемъ его правописаніе“. Статья напечатана безъ подраздѣленій, а въ отдѣльномъ изданіи „Физики“ занимаетъ два §§ 136 и 137—на стр. 152—163 ¹⁾).

О близкомъ выходѣ въ свѣтъ „Физики“ оповѣщали вратцѣ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 г. часть 38-я, мартъ, № 6, Смѣсь, стр. 290—291 и „Московскій Вѣстникъ“ за 1830 г., часть II, № VIII, Литературныя Новости, стр. 397. Послѣдній пишетъ: „Его (Велланскаго) сочиненіе обнимаетъ всю природу и, слѣдовательно, его физикѣ дано другое значеніе, а не то, въ которомъ она обыкновенно принимается. Говорятъ, что философъ-натуралистъ нашъ намѣренъ здѣсь начала принимаемой имъ теоріи приложить въ самымъ частнымъ явленіямъ и развить подробно. Любопытно увидѣть, какъ исполнить онъ сіе предпріятіе“.

„Физика“ вызвала „Разборъ физики г. Велланскаго и другихъ новѣйшихъ авторовъ“. Часть первая, СПб. 1834., нenum. 8 [титулъ, оглавленіе (даже и второй части, *не вышедшей* въ свѣтъ) 4 стр., предисл. 2 стр.], текста 127 стр., на особомъ листѣ опечатки, вравшіяся въ *нѣкоторыя* (?) экземпляры. Въ началѣ книги грав. таблица со стихами: Взглядъ

---

¹⁾ Венгерова Словарь приводит ее, какъ особую журнальную статью (стр. 221).

на величіе, устройство мірозданья Мысль смертных цѣплетъ, волнуеъ грудь—сердца. О! недостойнъ тотъ и наименованья, Кто въ немъ не познаеъ величія Творца.

7) Основное начертаніе общей и частной *физиологии*, или физики органическаго міра. Для руководства въ преподаванію физиологическихъ лекцій. СПБ., 1836, 8°, стр. VI нenum. + X + 4 оглав. + 502. Посвящается Юнымъ Россіянамъ, занимающимся Физическими и Психическими науками, и желающимъ имѣть высшее, истинное познаніе органической Природы и существа человѣческаго! Эпиграфъ изъ Henrich Steffens'a: Die Atomenlehre unserer Tage verliert sich, bey der Erklärung physischer Kräfte, in die wildesten Hypothesen, welche den zukünftigen Zeiten als merkwürdiges Denkmal der Verirrungen des menschlichen Verstandes erscheinen werden!

Оригинальныя журнальныя статьи.

1. „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ“. Вѣстникъ Европы, издаваемый Владиміромъ *Измайловымъ*, 1814 г., часть 75-я, май, № 9, отд. II. Науки. Стр. 16—29. Датировано 1 марта 1814 г. ¹⁾.

Статья написана по поводу статьи въ академическомъ мѣсяцословѣ. См. „Санктпетербургскій карманный мѣсяцословъ“. Печатано при Императорской Академіи Наукъ на лѣто 1814, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней; XXIV стр. + 312.

„Разныя сочиненія“ заключаютъ:

1) Продолженіе „Начертанія системы міра“—„Солнце“ (Въ оглавленіи ошибка: не съ 1, а со 2), стр. 1—128.

---

¹⁾ У Венгерова ошибочно: 1814, № 4.

Это „Краткое начертаніе системы міра“, написанное очень популярно и удобопонятно, притомъ вполне литературнымъ и весьма хорошимъ языкомъ, тянется черезъ много лѣтъ мѣсяцеслововъ. Такъ въ „Мѣсяцесловѣ“ за 1812 г. находимъ: „Краткое начертаніе системы міра“, стр. 35—206, заключающее слѣдующія статьи: О суточномъ движеніи земли, стр. 37; Годовое движеніе земли, 54. Система міра, 81, Кеплеровы законы, 108, Физическая астрономія, 135, Законъ не дѣйственности, 137, О средоклонной силѣ солнца, 141, Законъ средоклонной силы, 143, Притягательная сила есть общее свойство вещества, 148, Она то же, что и тяжесть, 151, О всеобщемъ тяготѣніи, 156, О вѣсѣ небесныхъ тѣлъ, 164, Эллиптическое движеніе планетъ, 181, О возмущеніяхъ эллиптическаго движенія, 187, О колебаніи земли и луны, 190, О приливѣ и отливѣ, 193, О воздушныхъ камняхъ, 197, О погодѣ, 202.

Мѣсяцесловъ на 1813 г. включаетъ въ себѣ: I). Краткое начертаніе системы міра (продолженіе), стр. 25—134, а именно: Топографія неба, 37, Земля, 38, Луна, 50. Мѣсяцесловъ на 1815 г. посвящаетъ той же статьѣ (продолженіе), стр. 1—100; Венера—стр. 13, Меркурій—71 и Марсъ—84. На 1816 годъ: стр. 1—115, а именно, Юпитеръ—1, Сатурнъ, 47, Ураній, 95, О четырехъ новѣйшихъ планетахъ, 102. На 1817 годъ—стр. 25—200: О кометахъ—25, Число кометъ, 32, О кутяхъ кометъ, 59, О физическомъ состояніи кометъ, 126. Мѣсяцесловъ на 1818 г. даетъ подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ статью: Планетная система, стр. 1—190. 1819 г. вмѣщаетъ „продолженіе“ той же статьи и трактуетъ „О неподвижныхъ звѣздахъ“, стр. 1—114.

Статья Велланскаго вызвала рѣзкую отповѣдь въ Мѣсяцесловѣ за 1815 г.: Смѣсь. Ни мало не отвѣтъ на критику, стр. 185—216. Авторъ не называетъ В-аго по имени: (стр. 188) „критикъ нашъ (воего мы для избѣжанія всякой лич-

ности, означимъ ученою буквою Д.....)“... Докторъ?—6 точекъ послѣ Д?

3) Замѣчанія на статью литературнаго французскаго журнала *Le Faget*. „Литературная Газета“ за 1830 г., № 16. ¹⁾).

4) Что же касается статьи: „Краткое извлечение изъ физики“, то она *не подписана*, но насчетъ авторства Велланскаго свидѣтельствуеъ его объявленіе въ № 133 „Сѣверной Пчелы“ за 1832 г., воспроизведенное въ „Московскомъ Телеграфѣ“ за 1832 г., № 6, мартъ, Смѣсь, „Вызовъ, сдѣланный Академикомъ Д. М. Велланскимъ (стр. 303—305) см. стр. 305: ...„Авторъ составилъ краткое извлечение“ etc. Озаглавлена она такъ: „Краткое извлечение изъ физики академика Велланскаго, 1831 г., С.-Петербургъ“. Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ за 1832 г., томъ 28-й (Сына Отечества ч. 150-я, Сѣвернаго Архива ч. 64-я), XXIV, отд. III. физика, стр. 212—243 (окончаніе впредь), XXV, II, физика,—продолженіе, стр. 268—295 (опять: окончаніе впредь), XXVI, II, физика,—окончаніе, стр. 349—358 ¹⁾).

5) Статья „Солнце“ была указана выше, при сочиненіи „Физика“, всего отрывокъ она составляетъ.

---

¹⁾ У Венгерова, стр. 221.

²⁾ У Венгерова просто: Сынъ Отеч., за 1832 г., 150.

Переводы Д. М. Велланскаго.

1) Начальныя основанія всеобщихъ частей врачебныя науки. Учебная книга сочиненная Д. Іоанномъ Даниломъ *Мешеромъ*, ¹⁾ надворнымъ совѣтникомъ и врачебнаго искусства ординарнымъ профессоромъ. Въ Кенигсбергѣ 1792 г. Перевелъ съ нѣмецкаго С.П. Медико-Хирургической Академіи студентъ *Данило Веллански* ²⁾. Иждивеніемъ Государственной Медицинской Коллегіи. Въ Санктпетербургѣ, 1799 ³⁾ года. Его Превосходительству Господину Тайному Совѣтнику, Его Императорскаго Величества дѣйствительному каммергеру, Государственной Медицинской коллегіи Президенту и Кавалеру *Василію Николаевичу Зиновьеву*, Милостивому Государю посвящается сей трудъ въ знакъ глубочайшаго почитанія, благодарности и преданности отъ переводчика.—Малая 8^о, стр. 222 + 2 ⁴⁾ нenum. „оглавленіе содержанія“.

2) Практическая медицина или книга о познаніи и лѣченіи болѣзней человѣческихъ. Соч. Д. Христіана Готтлиба

---

¹⁾ А не *Мацгера*, какъ невѣрно у Венгерова, V, 221.

²⁾ По польскому образцу.

³⁾ А не 1792, какъ у *Колупанова*, Біографія Кошелева, I, 2, стр. 298.

⁴⁾ А не 222+4, какъ у Венгерова.

Селле. Перевелъ съ нѣмецкаго, изъ седмаго изданія С.П. Медико-хирургической Академіи кандидатъ медицины и хирургіи *Данило Велланскій*. СПб, 1802, 8°, 16¹) + 792 + 12 стр. нен. „оглавленіе“. Второе изданіе вышло въ 1806 г., in 8°.

3) Описаніе главныхъ цѣлительныхъ водъ въ Германіи, основанное на собственныхъ опытахъ. Соч. *Гуфеланда*. Пер. съ нѣм. СПб, 1816 г., 8°.

4) Общая патологія Филиппа ²) Карла *Гартмана*, доктора и профессора медицины въ Вѣнскомъ Университетѣ. Переведена съ нѣмецкаго академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и Кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПб, 1825 года, 8°. Титуль, 3 нен. стр. „Предисловіе“, 1 пустая стр., „оглавленіе содержаній“ 6 нен., текста 650 стр., „погрѣшности“— 2 нен.

5) *І. Голуховскій*. Философія, относящаяся къ ³) жизни цѣлыхъ народовъ и каждого человѣка. Переводъ съ нѣм. СПб, 1834, 8°.

6) Физиологія или наука о естествѣ человѣческомъ. Сочиненіе доктора и профессора Георгія ⁴) *Прохаски*, переведено съ нѣмецкаго, изъ послѣдняго изданія 1820 года, академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПб., 1822, 8°, Титуль, „Оглавленіе содержаній“—2 нен.

---

¹) У Венгерова ошибочно: 16+982+22 стр.

²) У Венгерова невѣрно: **Ф.** Гартмана. У Колюпанова: патологія.

³) У Розанова: *относительно* (стр. 137), Колубовскій въ переводѣ «Ист. нов. Фил.», Ибервега-Гейпце (стр. 524 прим.) цитируетъ сочиненіе опять иначе: «Философія въ ея отношеніи къ цѣли народовъ и отдѣльныхъ людей»,—очевидно, невѣрно, потому что нѣмецкое заглавіе труда Голуховскаго: Die Philosophie in ihrem Verhältniss zum Leben ganzer Völker und einzelner Menschen; «цѣли» нѣтъ!

⁴) У Венгерова—только 634 стр. и **Гр.** Прохаски; у Колюпанова (стр. 298) *перра(?)* Прохаски!

· стр., „Предисловіе“— 4 нен., текста—634 стр., „Опечатки“— 2 ненум.

В. К. положительно ошибается, увѣряя ¹⁾, что Прозоровъ приписываетъ этотъ переводъ Я. В. Петрову. Наоборотъ, вотъ что говоритъ Прозоровъ:

I) По распоряженію конференціи назначалась въ руководство физиологія Прохаски, *переведенная Велланскимъ* 1822 года ²⁾.

II) Перевелъ *Велланскій* сочиненіе Прохаски, Физиологія или наука.... и т. д. въ 1822 г. ³⁾

III) Частную физиологію преподавалъ Велланскій по физиологіи проф. Прохаски, *имъ переведенной* ⁴⁾.

Такимъ образомъ Прозоровъ *трижды* приписываетъ этотъ переводъ Велланскому.

Наконецъ, въ титулѣ перевода 1822 года прямо сказано: „Пер. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія 1820 г. Д. Велланскимъ“. Нельзя предполагать тутъ подлога!

Что же касается книги: Наставленія естествословія человѣческаго для руководства при преподаваніи. Сочин. Г. Прохаски. Переводъ съ лат. 2 ч. СПб. 1809. 8°. 290 + 241 стр., то ее нужно, повидимому, исключить изъ списковъ работъ Велланскаго, ибо Прозоровъ ⁵⁾ указываетъ: „Ясонъ Петровъ перевелъ съ *латинскаго* языка на русскій физиологію Прохаски въ 2-хъ частяхъ, за что получилъ 470 руб. награжденія“. Что здѣсь рѣчь идетъ объ нашей книгѣ, ясно потому, что это упоминаніе относится къ періоду „состоянія Академіи до присоединенія ея къ Министерству народнаго просвѣщенія, 22 мая 1810 года“ ⁶⁾, книга же вышла въ 1809-

¹⁾ У Венгерова, стр. 221.

²⁾ Академическіе акты, стр. 197.

³⁾ Тамъ же, стр. 238.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 269.

⁵⁾ Стр. 177.

⁶⁾ Стр. 117—181.

году, а переведенная Велланскимъ въ 1822 году. Кромѣ того, говорится о *двухъ* частяхъ и о переводѣ съ латинскаго, тогда какъ вышедшій въ 1822 году переводъ—съ нѣмецкаго.

Прохаска ¹⁾ издалъ свое руководство сначала по латыни подъ заглавіемъ *Institutiones physiologiae humanae in usum praelectionum conscriptae* въ 2 томахъ, Вѣна, 1805 и 1806. Нѣмецкій текстъ того же сочиненія вышелъ подъ заглавіемъ *Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen*, 2 Bd. 1797, II-е и III издания—1802 и 1810. Полная переработка руководства Физиологіи вышла въ 1820 г. на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Physiologie oder Lehre von der Natur des Menschen*, съ которой и былъ сдѣланъ переводъ Велланскимъ. То, что Прозоровъ, говоря о переводѣ Петрова, упоминаетъ о „*физиологіи*“, не должно смущать, ибо и латинская редакція, и нѣмецкая, обѣ въ подлинникахъ именуется „физиологіями“, только Петровъ не удержалъ этого термина, а перевелъ его словомъ „естествословіе“.

Въ предисловіи къ изд. 1822 г. Велланскій ни слова не упоминаетъ о переводѣ латинскаго изданія.

7) О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента. Соч. Окена. Перев. съ нѣм. СПб. 1816, 8^о ²⁾).

8) *Кленке* „Анатомическое строеніе и физиологическое дѣйствіе кожи, изслѣдованной посредствомъ микроскопа, и лѣченіе хроническихъ болѣзней одною водою по способу

---

¹⁾ Кстати, и Геннади (стр. 138, 139). и Розановъ (стр. 136, 137), и В. К. (стр. 224) ошибаются, ставя предъ именемъ Прохаски: Гр.—Прохаска былъ *Георгій*, а не Григорій.

²⁾ У Венгерова показанъ 1814 г.

Приснида“. Переводъ съ нѣмецкаго профессора Велланскаго. „Военно-медицинскій журналъ“ за 1843 годъ, часть 41, ¹⁾ 2,3.

Словарь Венгерова цитируетъ этотъ переводъ сокращенно: *Анатомія и физиологія кожи и леченіе ея по Присницу.*

9) Какъ связано выше (стр. 64, 65) Велланскій перевелъ первую часть полевой фармакопей ²⁾.

Въ эту же рубрику трудовъ Велланскаго можно еще отнести:

10) Животный магнетизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи. Первые двѣ части переведены изъ нѣмецкаго сочиненія профессора *Клуге*, а третью сочинилъ Данило Велланскій. СПБ., 1818, 8°. VIII + 404 + 6 нумерованныхъ—оглавленіе содержаній и печати. Часть третья „Теорія животнаго магнетизма“, въ 4 отдѣленіяхъ—оригинальный трудъ Велланскаго занимаетъ 291—404 стр. ³⁾.

Рецензія на „Животный магнетизмъ“: „Благонамѣренный“, ежемѣсячный журналъ, издаваемый *А. Измайловымъ*, съ эпиграфомъ: *On fait ce qu'on peut Et non ce qu'on veut*, Часть IV, за 1818 г., октябрь, X, стр. 116—118, Извѣстія о новыхъ русскихъ книгахъ. Рецензія подписана: Дръ Яковъ Гвръ ⁴⁾.

11) Обзорѣніе главныхъ содержаній философическаго ⁵⁾ естествознанія, начертанное изъ сочиненій *Огена Д. Велланскимъ*. СПБ., 1815, § 93, стр. 41.

---

¹⁾ *Прозоровъ* (стр. 435), повидимому, ошибочно цитируетъ часть 51.

²⁾ *Прозоровъ*, стр. 176.

³⁾ У *Розанова* (стр. 137) невѣрно: теоретическомъ, у Венгерова (стр. 221): теоритическомъ, и притомъ число страницъ указано всего лишь 291, т. е. только первая двѣ переводныя части.

⁴⁾ У Венгерова раскрыто: «Я. Говоровъ».

⁵⁾ У *Розанова*: философскаго.

Что касается перевода фармакопей, то мы не знаемъ, былъ ли напечатанъ, и гдѣ именно, переводъ Велланскаго. У Виллие имени Велланскаго не упоминается. Первое изданіе вышло въ 1808 г. подъ заглавіемъ *Pharmacopoeia castrensis Ruthenica auctore Jacobo Wylie, Petropoli* и посвящено: *Excellentissimo ac illustrissimo Domino Alexio Andreadi comiti de Araktschejew senatori etc... viro de patria ejusdem in primis militari re, meretissimo levidenses hasce pagellas d. d. d. auctor. Praefatio* занимаетъ XIV стр., потомъ слѣдуютъ 12 нenum. стр. (мѣры вѣса, второй титулъ, опечатки съ русской просьбою объ исправленіи), текста 434 + 38 стр.—русское „Мнѣніе Медицинскаго Совѣта“, подписанное: Деванъ докторъ Валеріанъ, членъ и ученый (sic) С. Уденъ. *Третье* изд. вышло въ 1818 г. *auctore J. W. equite Baronetto editio tertia auctior jussu augusti imperatoris*. Посвящено уже не Аракчееву, а *Serenissimo et potentissimo Principi ac Domino Alexandro I... ea, qua par est, devotione animique submissione subditissimus auctor*. Четвертое изданіе 1840 г. посвящено уже *Serenissimo et excellentissimo Principi ac Domino Nicolao I... Recti justique cultori, scientiarum et artium fautori, caesari bellipotentissimo*. Фармакопея Виллие была замѣнена новою въ 1866 году.

Баронетъ Яковъ Васильевичъ *Виллие* происходилъ изъ Шотландіи, родился въ 1765 г., изучалъ медицину въ Эдинбургѣ и Абердинѣ, прибылъ въ Россію съ графомъ Строгановымъ около 1794 года ¹⁾, служилъ сначала врачомъ при одномъ гусарскомъ полкѣ, былъ рекомендованъ Императору Павлу I и сталъ извѣстенъ Наслѣднику престола Александру Павловичу, въ царствованіе коего и сдѣлалъ блестящую карьеру, каковую въ Россіи дѣлали многіе англійскіе медики, начиная съ Роджерсона, лейбъ-медика Екатерины II (Крейтонъ, Лейтонъ, Род-

---

¹⁾ Розановъ, стр. 108, прим.;—по другимъ въ 1790 г.

жерсь и т. д.). Въ 1799 г. Вилліе былъ уже лейбъ-хирургою, въ 1809 г. сталъ президентомъ Медико-хирургической Академіи въ Петербургѣ и пробылъ въ этомъ званіи до 1838 года. При Александрѣ I. Вилліе завѣдывалъ всею медицинскою частью въ Россійскомъ Государствѣ. Онъ же почти безотлучно находился при Императорѣ и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ, былъ на конгрессахъ и въ походахъ. Умеръ Вилліе главнымъ инспекторомъ медицинской части арміи. Свое громадное, миллионное состояніе онъ завѣщалъ на учебно-воспитательныя цѣли (по медицинскою части). На его деньги построена при Военно-Медицинской Академіи большая клиника его имени, и тамъ же ему поставленъ памятникъ (передъ зданіемъ Академіи).

Вилліе сначала высоко цѣнилъ молодого Велланскаго по возвращеніи его изъ-за границы. Онъ такъ любилъ видѣть его подлѣ себя, что даже, когда самъ бывалъ въ гостяхъ по приглашенію, то и тутъ при немъ находился его любимецъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ подобныя отношенія прекратились, — потому что Велланскій не согласился принимать участіе въ интригахъ Вилліе противъ его предшественника по президентству въ Академіи, ¹⁾ Петра Франка, и не скрывалъ своего высокаго мнѣнія о послѣднемъ. Съ тѣхъ поръ отношенія между Вилліе и Велланскимъ приняли оффиціальныя характеръ, и Велланскій являлся къ нему только вмѣстѣ съ другими профессорами, какъ подчиненный, въ мундирѣ—по праздникамъ для поздравленія. Вилліе, охладѣвши къ Велланскому, не щадилъ и его увлеченія натурфилософіею, открыто смѣялся надъ всею школою и надъ Велланскимъ, какъ ея послѣдователемъ. Но онъ все-таки не разъ говорилъ, что Медико-хирургическая Академія двинулась бы и еще впередъ, если бы въ ней былъ *не одинъ* Велланскій ²⁾.

¹⁾ Розановъ, стр. 110, прим.

²⁾ Розановъ, стр. 108, 109.

Самъ Велланскій говорилъ о Вилліе, если не съ похвалой, какъ о человѣкѣ мало ученомъ, то умѣренно и снисходительно, считая Вилліе „царедворцемъ, который долженъ жить сообразно съ обстоятельствами, какъ всѣ служащіе при дворахъ“. Однажды только Велланскій замѣтилъ Розанову, что Вилліе поступаетъ противъ Божественнаго предписанія „Не угашайте духа!“ „Однако, чтò тамъ себѣ ни говори“, прибавилъ Велланскій, „духа моего не угасить ему!“¹⁾.

~~~~~

П и с ь м а.

1) Письмо г. профессора *Велланскаго* къ г. профессору *Павлову*. СПбургъ, мая 29-го 1834 г. „*Молва*“. Ученая корреспонденція, стр. 345—349, за 1834 годъ, № 23, при „*Телескопѣ*“, т. XXI (отъ 8 іюня 1834 года)²⁾.

2) По смерти Велланскаго было опубликовано одно письмо его къ князю Владим. Ѳедоровичу *Одоевскому* въ Русскомъ Архивѣ за 1864 годъ, столбцы 804—806 въ статьѣ „Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго“. І. Д. М. Велланскаго. Письмо датировано 17 іюля 1824 года. Почти цѣликомъ (кромя об-

¹⁾ Розановъ, стр. 129.

²⁾ У Венгерова просто: «Телескопъ», 1834, ч. 21., стр. 483 и **безъ** указанія «Молвы». Совершенно неправильное указаніе страницы объясняется тѣмъ, что 482—последняя страница соответствующаго № «Телескопа» (имѣющаго особенную пагинацію), а начальная страница «Молвы» не имѣетъ №. (на оборотѣ 346). Съ 483 стр. начинается слѣдующій № «Телескопъ», статья «О словенахъ и Руси» *М. Скуридина* (отъ 15 іюня 1834 г.).

ращенія и съ сокращеніемъ званія въ подписи) оно воспроизведено въ статьѣ Розанова ¹⁾.

У Венгерова оно цитировано неправильно ²⁾: 25) Письма въ кн. В. Θ. О—му (вакъ будто дѣло идетъ о цѣлой коллекціи писемъ).

3) Еще одно цѣлое письмо Велланскаго къ Николаю Розанову (не считая записки отъ 14 янв. 1832 г. въ нему же—стр. 130) отъ 15 декабря 1833 года приведено въ его статьѣ ³⁾.

Одинъ трудъ Велланскаго „Живогный магнетизмъ или теллуризмъ“ остался неопубликованнымъ, потому что былъ запрещенъ цензурою. Исторія его рассказана у Розанова ⁴⁾. Н. Егоровъ ⁵⁾ и В. К. ⁶⁾ увѣряютъ, что рукопись этого труда хранится въ библиотекѣ Военно-Медицинской Академіи. Она тамъ не хранится ⁷⁾ Правленіе библиотекы Военно-Медицинской Академіи официально увѣдомило меня, что тамъ не имѣется никакихъ рукописей Велланскаго.

Куда дѣвались прочіе труды Велланскаго (напр., онъ, будучи уже слѣпцомъ, по свидѣтельству Розанова ⁸⁾, диктовалъ женѣ переводъ „Логикъ“ Шеллинга), неизвѣстно. Дочь Велланскаго, бывшая замужемъ за докторомъ Андреемъ Филипповичемъ Соколовымъ, передала „многія изъ записокъ“ лѣкарю Никитину, библиотечарю Московской Медико-Хирургической Академіи ⁹⁾.

¹⁾ Стр. 105—106.

²⁾ Стр. 221.

³⁾ Стр. 123.

⁴⁾ Стр. 114—117.

⁵⁾ Стр. 852.

⁶⁾ Стр. 220.

⁷⁾ См. мой Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1897 года, стр. 3.

⁸⁾ Стр. 112.

⁹⁾ Стр. 117.

Описание наружности Велланскаго находится у Розанова ¹⁾. Портретъ его, подаренный имъ самимъ Розанову, былъ переданъ послѣднимъ вмѣстѣ съ подлинными письмами Велланскаго къ нему въ хирургическій музей при бывшей Московской медико-хирургической Академіи ²⁾. Портретъ его былъ изданъ въ Москвѣ (цензурное дозволеніе 26 іюля 1867 г.) литографіею Бахмана съ факсимиле: Академикъ, Статскій Совѣтникъ Даниилъ Михайловичъ Велланскій. Родился 11 декабря 1774 года въ Борзнѣ. Списанъ (М. Теребеневымъ) въ Санктъ-Петербургѣ 27-го марта 1830 года. Этотъ портретъ былъ воспроизведенъ въ „Иллюстрированной Газетѣ“ ³⁾.

Въ заключеніе приведемъ и разберемъ нѣкоторыя иностранныя (нѣмецкія) извѣстія о Велланскомъ.

1) *Callisen* ⁴⁾ сообщаетъ слѣдующее:

1240. *Wellánsky* (Дан.) въ СПБ, мед. и хир. Дг. въ Петгор. 1806, дѣйствит. статскій сов., засл. проф. Медико-Хир. Академіи; бібліотекаръ при ней и Академикъ съ 1819 г., кавалеръ разныхъ орденовъ, изъ дворянской семьи ⁵⁾, нѣкоторое время посѣщаль лекціи Кіевской дух. Акад., съ 1796 г. питомецъ Медико-хирург. Акад. въ СПБ., съ 1800 репетиторъ патологіи и терапіи, съ 1801 по экзамену кандидат. медіц. и хир. и лек. пом. при сухопутн. военномъ госпит., въ 1802 г. врачъ, совершилъ загр. пут., въ 1805 г. адъюнктъ физиологіи,

¹⁾ Стр. 126.

²⁾ Стр. 123, примѣчаніе I.

³⁾ 1871 годъ, № 44, отъ 11 ноября, стр. 689.

⁴⁾ *Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Verfasser von Dr Adolph Carl Peter Callisen*, томъ 33-й, Altona, 1845, Nachtrag (Th—Z) стр. 259 и 260.

⁵⁾ Велланскій былъ родомъ простой казакъ.

патологіи и гігіены, въ 1806 г. колл. ассес., ордин. проф. и ординаторъ при сухопутн. госпит., въ 1807 г. былъ посланъ въ Псковъ на епідемію, въ 1808 г. адъюнктъ ботаники и фармаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ до 1819 г. былъ помощникомъ инспектора при акад.; въ 1809 г. адъюнктъ анат. и фізіол., и вскорѣ послѣ того орд. проф. этихъ предметовъ. Награждаемъ былъ за службу брилліантовымъ перстнемъ, большими денежными подарками, и пряжкой за 35 лѣтъ безпорочной службы (*Verdienstschnalle*). Въ 1837 г. пораженъ былъ рожистымъ воспаленіемъ головы (*Kopfgrose*), оставившимъ катаракты на обоихъ глазахъ; по выздоровленіи уволенъ съ пенсією въ 8000 р.

Свѣдѣнія эти, не всегда точныя, заимствованы, повидимому, Каллисеномъ отъ кого-либо изъ русскихъ своихъ корреспондентовъ. Изъ сочинен. перечисляются (заглавія переведены): 1) Прогнозія (*Prognose der Med., als einer Realwissenschaft*), 2) диссертация (*Reform der med. und physic. Theorie*) 1806—вм. 1807. 3) Біологическое изслѣдованіе въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ (*Untersuchung der schaffenden und erschaffenden Natur*), 1811 вм. 1812. 4) *Uebersicht der wichtigsten Gegenstände philos. Naturforschung*, 1814 и 5) *Uebersicht des allg. Inhalts der philos. Naturkunde. Nach Oken bearbeitet*, 1815. Это, повидимому, два разные перевода заглавія: Обзорѣніе главныхъ содержаній филос. естествознанія, начерт. изъ соч. Окена; изъ этого соч. Каллисенъ сдѣлалъ два. 6) Животн. магнетизмъ; 1818, 7) Конспектъ главныхъ содер. *физиологіи*, 1830, 8) *Grundriss der allg. und spec. Physiologie, od. Physik der organ. Welt*, 1836. Рецен. Th. v. Stürmer zur Vermittelung der Extreme der Heilk., B. 3, 1843, S. 203—219 (Ausz.). „Физика“, главное произведеніе Велланскаго, пропущена. Переводы: 1) *Meier* (вмѣсто Metzger), 2) Hufeland, 3) Prochaska, учебн. физ. 1822,

4. Ph. Hartmann, общая пат., *verbessert und ergänzt*. 5) Selle, 6) *Oken*, 7) *Goluchowsky*.....

2) На „Животный магнетизмъ“ Велланскаго - Клуге появилась рецензія *Вейссе* ¹⁾, въ которой была изложена теоретическая часть (принадлежащая Велланскому), а на стр. 130—131 приведены о немъ свѣдѣнія, добытыя авторомъ рецензіи отъ одного изъ учениковъ Велланскаго, дра *Спасскаго* (*Spasski*). На стр. 131 Вейссе замѣчаетъ: Достаточно удивительно (*auffallend*), что въ Россіи могутъ слѣдить (*nachdenken der d. Ph.*) за нѣмецкою философіею новѣйшаго времени, тогда какъ англичане и французы, даже сами нѣмцы ея не понимаютъ“ Но вѣдь не даромъ „самъ Шеллингъ обратилъ вниманіе на воспримчивый умъ русскаго ученаго и поощрялъ его въ философскимъ занятіямъ“ ²⁾.

Какъ цѣнили Велланскаго Петербургскіе нѣмцы, ближе, чѣмъ заграничныя, стоявшіе въ Россіи и лучше понимавшіе положеніе дѣла, свидѣтельствуютъ слова одного изъ самыхъ видныхъ врачей того времени М. Гейне, издателя „Русской медицинской газеты“ на нѣм. языкѣ.

3) Максимилианъ Гейне (*Heine*) пишетъ въ некрологѣ Велланскаго ³⁾:

15 марта сего года наука потеряла въ Петербургѣ человека, который долго дѣйствовалъ и былъ полезнымъ въ

¹⁾ *I. G. Weiss*. *Archiv für den thierischen Magnetismus*, Halle, 1819, V Band, Drittes Stück., стр. 129—135.

²⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1847 г., часть 54-я, отдѣлъ VII, Новости и смѣсь, стр. 13, некрологъ Д. М. Велланскаго.

³⁾ *Medicinische Zeitung Russlands*, redigirt und herausgegeben von den *Dr. M. Heine, R. Kriebel und H. Thielmann* in St. Petersburg, *Vierter Jahrgang*. 1847, April, № 15, p. 120.

качествѣ учителя и писателя.... Самое ретивое прилежаніе и наиглубочайшее изученіе посвятилъ онъ заграницею лекціямъ Шеллинга, сочиненія котораго до самой смерти были у него въ наибольшемъ почетѣ. *Самъ Шеллингъ далъ ему лестное свидѣтельство, что Велланскаго онъ считаетъ однимъ изъ своихъ наиболее знающихъ и совершеннѣйшихъ учениковъ.* Такимъ образомъ Велланскій сталъ для Россіи Шеллингомъ. Но онъ не былъ столь удачливъ, какъ пережившій его великій учитель: Велланскаго не оцѣнили у насъ по достоинству. Быть можетъ, слѣдующее поволеніе будетъ справедливѣе; оно уважетъ Велланскому почетное мѣсто среди европейскихъ ученыхъ,—мѣсто, въ какомъ и великимъ ученымъ неблаговоленіе (Missgunst) и неразуміе (Unverstand) осмѣливаются на нѣкоторое время отказывать....

Какъ человекъ. Велланскій пользовался у своихъ современниковъ большимъ уваженіемъ за свою строгую честность (Redlichkeit) и благородныя добродѣтели....

Сочиненія его, богатая эрудиціею и замѣчательныя по своему духу, гораздо краснорѣчивѣе говорятъ о заслугахъ Велланскаго, чѣмъ всѣ похвалы самаго справедливаго біографа. Его труды снова показываютъ, что какъ бы ни малò было у насъ число истыхъ жрецовъ науки,—въ Россіи не было недостатка въ великихъ талантахъ, которые жили на славу своему отечеству и для красоты науки.

Перечисляя сочиненія Велланскаго, Гейне замѣчаетъ, что онъ создалъ въ Россіи натурфилософскій языкъ. Такъ какъ онъ много диктовалъ за годы своей слѣпоты, то, вѣроятно, остались многочисленныя рукописи. „Биологическія изслѣдованія“ стали де очень рѣдки на книжномъ рынкѣ. Особенно интересно сочиненіе о животномъ магнетизмѣ, которому Велланскій первый посвятилъ въ Россіи научное вниманіе.

V.

О сочиненіяхъ А. А. Козлова

(въ дополненіе къ статьѣ въ I выпускѣ).

Полной библиографіи сочиненій А. А. Козлова нигдѣ не имѣется. Неполнымъ будетъ и настоящее (наиболѣе полное изъ имѣющихся) сопоставленіе; да исчисленіе *всего* напечатаннаго этимъ философомъ, вообще, невозможно, ибо онъ самъ позабылъ многое изъ того, что было имъ писано (особенно, въ первый періодъ его литературной дѣятельности), а нѣкоторыя статьи были или не подписаны, или подписаны одними инициалами, которые могли принадлежать и другимъ лицамъ.

Литературная дѣятельность А. А. Козлова въ общемъ распадается на два большіе періода: I-й составляютъ раннія статьи въ различныхъ журналахъ и газетахъ по вопросамъ общественнымъ и политико-экономическимъ (когда авторъ ихъ еще не занимался специально философіею); II-й періодъ представляютъ статьи и сочиненія философскія, которыя либо выходили отдѣльными изданіями, либо помѣщались въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, потомъ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, или наконецъ въ собственныхъ журналахъ: „Философскій трехмѣсячникъ“ и „Свое слово“.

Въ автобіографическомъ очеркѣ ¹⁾, относительно перваго періода сказано огульно, что въ 1858—62 гг. помѣщались статьи по различнымъ, особенно финансовымъ и политико-экономическимъ вопросамъ въ повременныхъ изданіяхъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „Днѣ“, „Вѣстникѣ Промышленности“ и „Московскомъ Вѣстникѣ“ (о „кредитѣ и банкахъ“, о „городскомъ хозяйствѣ Москвы“, о „финансовомъ положеніи Россіи“).

Не довольствуясь этими глухими упоминаніями, я хотѣлъ разыскать, по возможности, самыя статьи. Для этого я прибѣгъ къ помощи самого автора. Я просилъ его, если онъ не помнитъ точно годовъ, изданій и №№, указывать мнѣ ихъ приблизительно, описывать какія-либо побочныя обстоятельства и примѣры въ нихъ, которые могли бы содѣйствовать отысканію его статей, а также пересказывать мнѣ содержаніе, или отдѣльныя мѣста изъ статей, поскольку и изъ тѣхъ, что онъ хоть сколько-нибудь помнитъ. Затѣмъ я бралъ указанныя изданія и перелистывалъ ихъ страница за страницю. Не все свои раннія статьи помнилъ авторъ; многое, разумѣется, ускользало и отъ моего вниманія при перелистываніи, но я останавливался на подходящемъ и пересказывалъ найденное автору, который, будучи прикованъ къ одру болѣзни, не могъ лично разыскивать свои статьи въ бібліотекахъ и не могъ получать старыя, рѣдкія газеты и журналы на домъ. Если авторъ подтверждалъ подлинность статьи, и если находились еще какія-либо объективныя данныя, то я заносилъ статью въ списокъ. Но и изъ числа указанныхъ мнѣ не удалось разыскать нѣкоторыя. Такъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ около 1861 года должна имѣться статья о „соціализмѣ“; около того же вре-

¹⁾ Біографическій Словарь профессоръ и преподавателей Унив. Св. Владиміра (1834—1884); составленъ и изданъ подъ редакцію орд. проф. В. С. Иконникова, Кіевъ, 1884, стр. 269, 270.

мени въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ полемика съ И. Арсеньевымъ и съ газетою „Наше Время“; затѣмъ въ одной изъ московскихъ газетъ, статья о „ломбардахъ“ (monts-de-piété). Быть можетъ, кто-либо изъ записныхъ библиографовъ заинтересуется и отыщетъ эти статьи, не разысканныя мною.

Вѣстникъ Промышленности. Редакторы *Θ. Чижовъ и И. Бабстъ.* Москва. Въ типографіи Бахметева на Малой Дмитровкѣ. Томъ III, за 1859 г., Мартъ, № 3, стр. 370 (на слѣд. страницѣ печатка 171 вм. 371) — 393., Отечественное производство сырыхъ матеріаловъ и реальный (имущественный) кредитъ. I. Общія отношенія производства сырыхъ матеріаловъ въ нынѣшней Европѣ. („Продолженіе въ слѣд. книжкѣ“). Примѣчаніе гласитъ: „переводъ брошюры извѣстнаго политико-экономна *Pau Die ländliche Urproduction und der Realcredit*“.

Если принимать это за первый печатный опытъ А. А. Козлова, то сорокалѣтній юбилей его дѣятельности былъ въ мартѣ сего года.

Вѣстникъ Промышленности, т. VIII за 1860 г., № 4, Апрель, отдѣлъ V, критика и библиографія. Стр. 1—16, рецензія А. Козлова на В. Безобразова: Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ съ приложеніемъ уставовъ ипотечныхъ кредитныхъ учреждений въ Германіи, Царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ.

Вѣстникъ Промышленности, томъ IX, за 1860 г., Сентябрь, № 9, отдѣлъ III, науки, А. Козловъ. Кредитъ и банки, стр. 183—206. Касательно начала въ сноскѣ указанъ № 3 за 1859 г.

Система народнаго хозяйства. Руководство для учащихся и для дѣловыхъ людей. *Вильгельма Рошера.* Томъ I. Начала народнаго хозяйства. Переводъ *И. Бабста.* Томъ первый, отдѣленіе первое. Москва, типографія В. Грачева и К^о, 1860, стр. XVI

+346. Цѣна 1 р. 50 к. Въ предисловіи переводчика (подписанномъ: И. Бабстъ): Считаю своимъ долгомъ принести мою глубочайшую признательность кандидатамъ нашего университета *А. А. Козлову и В. И. Покровскому*, принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ... (стр. XII) Москва, 17 октября. Отдѣленіе второе вышло въ Москвѣ, въ той же типографіи, въ 1862 г. и заключаетъ въ себѣ 8 нев. стр. + 340. Цѣна 1 р. 50 к.

По воспоминанію самого *А. А. Козлова*, первое отдѣленіе было *цѣликомъ* переведено имъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ нынѣ петербургскимъ статистикомъ *В. И. Покровскимъ*.

Принималъ участіе *А. А. Козловъ* и въ переводѣ Всеобщей исторіи *Шлоссера*, но какихъ именно томовъ, не помнитъ.

Также принималъ участіе въ редактированіи „Московского Вѣстника“ за 1859 годъ. Но статьи, подписанныя *А. К.* (напр. въ № 12, отъ 24 и 25 апрѣля 1859 г.— „О денежныхъ рынкахъ“, могутъ принадлежать, по мнѣнію Козлова, не ему, а *А. Корсаку*.

Неврологъ Хомякова, „Московский Вѣстникъ“ за 1860 г. № 41, стр. 659—660.

Московскія Вѣдомости за 1861 годъ, № 132, 17 іюня, суббота. Литературный отдѣлъ. *А. Козловъ*.

I. Замѣтки о текущей экономической жизни въ Россіи. Стр. (трехстолбцовая) 1064— $\frac{1}{2}$ столбца и 1065— $2\frac{1}{2}$ столбца.

№ 165, суббота, 29 іюля 1861 г.

II. Замѣтки etc. Стр. 1328 ($\frac{1}{2}$, + 2 столбца) и 1329—(2 столбца). Любопытна въ заключеніи статьи горячая филиппика противъ собакъ. „Другое дѣло—собаки: это окончательно предметъ роскоши. Собаки въ Москвѣ составляютъ сущій бичъ Божій. Подъ вечеръ на улицахъ собаки бѣгаютъ цѣлыми стаями и представляютъ для прохожихъ гораздо болѣе опас-

ности, чѣмъ мошенники, отъ которыхъ якобы онѣ предохраняютъ васъ. Тѣ же стаи не дадутъ вамъ возможности войти во всякое время дня въ ворота любого дома. На квартирахъ та же бѣда: комнатныя собаки и сченки угрожаютъ искушать васъ или, по крайней мѣрѣ, изорвать ваше платье. Мы охотно подаемъ голосъ за большой налогъ на собакъ комнатныхъ и уличныхъ“.

„Московскія Вѣдомости“, газета политическая и литературная, годъ 107-й. 10 іюля 1862 г., вторникъ, № 150. Литературный отдѣлъ. Библиографическія замѣтки. Стр. 1201 (2¹/₂ столбца) и 1202 (1¹/₂ столбца). I. Исторія цивилизаціи въ Англіи, соч. *Бокля*, томъ I-й, выпускъ первый, переводъ *Буйницкаго* и *Ненарокова*. СПб. 1862. Рецензія подписана: А. Козловъ.

11 сентября 1862 года, № 198, вторникъ. Литературн. отдѣлъ. *Бокль*. Исторія etc., т. I, выпускъ второй, переводъ etc, СПб, 1862. Стр. 1584 (3/4 столбца), 1585 и 1586.

„День“,—20-го января 1862 г., № 15, Смѣсь. „Письмо“. О подпискѣ, состоявшейся на университетскомъ обѣдѣ. Подписано: бывший студентъ Московскаго Университета Алексѣй *Козловъ*; стр. 11, 1/2 + 1 столбецъ (изъ трехъ). На обѣдѣ воспитанниковъ Московскаго Университета была собрана подписка на предметъ отсылки студентами по своему выбору одного изъ своихъ товарищей за границу для занятій наукою. Основная мысль письма; „Выборъ профессоровъ иногда могъ и не совпадать съ оцѣнкою, которую дѣлали студенты своимъ товарищамъ. Иначе и быть не можетъ: никогда высшіе и старшіе не могутъ такъ вѣрно опредѣлить заслуги и способности человѣка, какъ его равные. Если они со временемъ и увидятъ свою ошибку, то трудно будетъ отступить отъ своего избранника, который съ грѣхомъ пополамъ дѣлается наставникомъ и руководителемъ юношества“. О томъ же обѣдѣ см. „День“ за 1 янв. 1862 г., № 12, стр. 20.

„День“, 16-го февраля 1862 г., № 19. „Замѣчанія на статью № 14 Дня“. О финансовомъ положеніи Россіи. А. К. стр. 7 ($\frac{1}{4}$ столбца), 8 и 9 ($2\frac{1}{2}$ стр). Примѣч. ред.: Мы очень благодарны г. К. за то, что онъ отозвался на наше приглашеніе—доставить намъ замѣчанія и возраженія на нашу статью въ 14-мъ №. Его замѣчанія способствуютъ къ уясненію и къ правильной постановкѣ самаго вопроса объ экономическомъ положеніи Россіи, и со многими изъ нихъ мы не можемъ не согласиться.

„Еще о Московскомъ Университетѣ“ за 1862 годъ, отъ 1 апрѣля, № 127 и отъ 8 апрѣля, № 128.

На занятія Козлова политической экономіею имѣли вліяніе прежде всего полученныя имъ отъ проф. *Грановскаго* сочиненія французской писательницы *Gatti de Gamonde* (Zoé de G.) ¹⁾, родившейся въ Брюсселѣ 2 февр. 1812 г. и умершей около 1854; служила она inspectrice des salles d'asile (надзирательницею при приютѣ для бѣдныхъ дѣтей). Она издала сочиненія (списокъ сочиненій составленъ нами).

1) *Abrégé de l'histoire sainte*, in 18°. Vanderborcht, 1846, Bruxelles.

2) *Fièvres de l'âme*, in 8°, avec 21 lith. 1844. Delahaye, 10 fr.

3) *Grammaire élémentaire de la langue française, destinée à l'enseignement des classes laborieuses. Ouvrage posthume*, in 16°. 1854. Tournai, Castermann, 60 cent.

4) *Lectures historiques belges*, in 12°, ib., 1860, 1 fr. 80 c.

¹⁾ *Lorenz*, т. II., стр. 403.

5) Manuel des salles d'asile, suivi du Questionnaire pour les écoles primaires, d'après la méthode de Pestalozzi, contenant les notions les plus élémentaires des sciences naturelles. Nouvelle édition, revue par le dr. *Th. Olivier*, in 12°. 1864. 2 fr.

6) Le monde invisible, in 18°, 1864, Bruxelles, Perichon.

7) Notices pratiques des sciences naturelles appliquées aux usages de la vie, in 12°, 1854, Tournai, Castermann, 1 fr. 50 c.

8) Les oeuvres de miséricorde, ou Histoire de Louis et de Louise, in 12°, 1856, ib., 1 fr. 20 c.

9) Paupérisme et association, in 18°, 1847, Lecoffre, 1 fr. 50 c.

10) Réalisation d'une commune sociétaire d'après la théorie de Ch. Fourier, in 8°, 1840, Rue de la Harpe, 81, 5 fr.

11) De l'éducation sociale des femmes au XIX siècle, de leur éducation politique et privée, Bruxelles, 1833, in 8°.

12) Esquisses sur les femmes, Brux., 1836, 2 vol.

13) Des devoirs de la femme et des moyens les plus propres d'assurer son bonheur, Brux., 1838, in 8°.

14) Fourier et son système. Paris, 1838, in 8°.

15) Le roi des paysans. Paris, 1838, 2 vol. in 8°, въ сотрудничествѣ съ Сзынск'имъ.

Ея дочь Изабелла (род. въ 1849 г.) была директрисой въ *École normale d'institutrices de la ville de Bruxelles*. Она сочинила книгу:

Cours d'éducation pour les jeunes filles, Paris, 1879, 2 vol. in 8° ¹⁾.

¹⁾ La grande encyclopédie, т. XVIII, стр. 599.

Второй (философский) периодъ литературной дѣятельности.

Чисто философскія занятія Козлова приводятъ къ изданію книги:

Э: Гартманъ, Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. По нѣмецкому изданію полное изложеніе системы *А. А. Козлова*, 2 т.; М., 1873—75 г.

Рецензїи въ „Знанїи“.

Разборъ „Историческихъ писемъ“ *Миртова* (П. Л. Лаврова) за 1871 г., III, 169—197.

Вл. Соловьевъ, какъ философъ (по поводу его магистерской диссертациі)—за 1875 г., I, стр. 1—18 и II, стр. 1—29.

Философскіе этюды. Ч. I, СПб. 1876. Диссертациа pro venia legendi.

Философскіе этюды. Ч. II. Методъ и направленіе философіи Платона (и Аристотеля—въ „Извѣстіяхъ“), Кіевъ, 1880. Печаталось въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1878 г., XI, 580—592, за 1879, I, 20—32, III, 137—154, VI, 317—335, VIII, 379—396, IX, 415—441, X, 469—495, XII, 511—525, за 1880 г., I, 20—44, III, 135—¹⁾ 170. Магистерская диссертациа.

Два основныя положенія философіи Шопенгауера (Пробная лекціа), „Кіев. Унив. Изв.“ за 1877 г., I, 83—93.

Философіа, какъ наука, Кіевъ, 1877—или Кіев. Унив. Изв. за 1877 г., IV, 266—282, V, 333—364, VII, 509—536, VIII, 597—636. (Отвѣты П. Аландскому, Н. Гроту и П. Никитину на рецензїи I-го тома „Фил. Этюдовъ“).

¹⁾ Въ оглавленїи опечатка: 113 вмѣсто 135.

Философія дѣйствительности. Изложеніе и критика системы *Евг. Дюринга*, Кіевъ, 1878. Въ Кіевск. Унив. Изв. за 1877 г., II, 117—134, III, 187—204, IV, 229—242, VI, 419—435, VII, 437—447, IX, 694—701, XI, 787—823, и за 1878 г., II, 83—101, III, 179—198, V, 404—432.

Генезисъ теоріи пространства и времени *Канта*, Кіевъ, 1884. Въ „Изв.“ за 1882 г., VIII, 111—143, IX, 197—209; за 1883 г., IV, 205—222, VI, 309—322, VIII, 383—404, IX, 480—499, XI, 567—585; за 1884 г., I, 62—87, ¹⁾ II, 101—128, III, 129—152, IV, 179—233 + VIII (послѣсловіе). Докторская диссертация.

Джордано Бруно. Двѣ публичныя лекціи профессоромъ Унив. Св. Владиміра: И. В. Лучицкаго 21 апрѣля и А. А. Козлова 28 апрѣля 1885 г. (вырученныя деньги пойдутъ на памятникъ Д. Бруно). Цѣна 50 коп. Кіевъ, 1885, стр. 35, изъ нихъ: лекція А. А. Козлова съ 21—35 стр.; она же въ Кіев. Унив. Изв., за 1885 г., VI, 103—118.

Рѣчь, произнесенная профессоромъ Университета Св. Владиміра А. А. Козловымъ по случаю кончины профессора того же университета П. А. Аландскаго. 6 стр. in 16°. Цензурное разрѣшеніе 5 ноября 1883 г. Кіевъ, типографія И. Н. Кушнерева и К^о.

Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная, Кіевъ, 1887 г. или Кіев. Унив. Изв. за 1885 г. VI, 1—24, VII, 25—48, VIII, 49—64, и за 1887 г. VII, 64—88.

Мэонизмъ г. Минскаго. „Кіевское слово“, за 1890 г., № 900 и 901, 1 и 2 марта, четвергъ и пятница.

¹⁾ Въ оглавленіи опечатка: 61—88.

О журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, „Кіевское Слово“, за 1889 г., № 828, 28 ноября, вторникъ.

Критическій этюдъ о „Психологіи чувствованій“ Н. Я. Грота, Кіевъ, 1881, или Кіев. Унив. Изв., за 1881 г., VIII, 282—301, IX, 341—356, X, 389—404, XI, 447—454.

Гротъ отвѣчалъ въ брошюрѣ: „Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій“. Кіевъ, 1881 или „Изв. истор.-филол. инст. вн. Безбородко“, за 1881 г., стр. 1—38.

„Къ вопросу о реформѣ логики“ Николая Грота СПб, 1885, или „Русское Богатство“, за 1885 г., мартъ, 536—578 и апрѣль 171—177 (научный отдѣлъ). Въ мартѣ же и Грота „Отвѣтъ на критику А. А. Козлова“, стр. 578—598.

Замѣчанія на статью Н. Я. Грота. „Заря“, за 1883 г., № 52 и 53, 8 и 9 марта. Отвѣтъ на рѣчь Грота передъ докторскимъ диспутомъ „Объ отношеніи философіи въ наукѣ и искусству“ (въ „Зарѣ“ же № 27, 28 или отдѣльно, Кіевъ, 1883).

Замѣчанія, высказанныя на докторскомъ диспутѣ Н. Я. Грота, „Заря“, 1883, за 14 марта (?).

Эта статья вызвала:

Отвѣтъ А. А. Козлову. „Заря“, за 1883 г., № 60, 17 марта, четвергъ:

Глухой отголосокъ этой полемики см. въ статьѣ Н. Грота „Изъ міра науки. Загадки знанія“. Отвѣтъ г. Александру Свентоховскому. „Заря“, за 1883 г., № 108, 10 мая, пятница, фельетонъ.

Литографированный курсъ *Логики* (имѣется въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ).

Литографированный курсъ *Исторіи Философіи*.

А. А. Козловъ редактировалъ переводъ:

Исторія Европейской философіи Альфреда Вебера (со II франц. изд.) *И. Линиченко и Вл. Подвысоцкаго*, Кіевъ, 1882 г. Титуль + IX + 409 стр. Предисловіе редактора I—IV; подписано: 3 сентября 1881 г.

Вмѣстѣ съ Юліаномъ Кулаковскимъ редактировалъ смертное изданіе труда *П. И. Аландскаго*, Исторія Греціи; Кіевъ, 1885. Титуль + предисловіе III стр., + 271 + оглавленіе. Предисловіе подписано: Юліанъ Кулаковскій, Алексѣй Козловъ. Издано по распоряженію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра. Въ К. У. Изв. за 1884 г., IX, 1—48, X, 49—80, XI, 81—112, XII, 113—168 и за 1885 г., I, 168—208, II, 209—264, IV, 265—271 и I—III (послѣсловіе).

Современныя направленія въ философіи (по Erdmann'y *Zur Charakteristik der Philosophie der Gegenwart in Deutschland* въ *Deutsche Rundschau*). „Заграничный Вѣстникъ“ за 1881 г., т. I, октябрь, СПБ. Учено-литературный журналъ, издаваемый В. Коршемъ, I, стр. 226—232 (двухстолбцовыя in 4°). II статья въ ноябрѣ, 449—458—кантианизмъ (Cohen, Lange). Окончаніе въ декабрѣ, т. I за 1881 г., стр. 660—699. Дальнѣйшія статьи: III (послѣдователи Фихте, Шеллинга и Гегеля, старо- и новогегельянцы, Фортляге, Бергманъ, IV (Идеальный реализмъ-Ульрици), V (герbartіанизмъ), VI (школа Шопенгауера, Гартманъ, Банзенъ), VII (матеріализмъ), VIII (системы Фехнера и Лотце), тамъ же за 1882 г., мартъ, 730—736 и іюнь, 581—594.

О послѣднемъ сочиненіи проф. *М. Троицкаго* „Наука о духѣ“, „Русская Мысль“, за 1883 г, IV, 1—27.

**Рецензії въ „Кіевскихъ Университетскихъ
Извѣстіяхъ“.**

1) Dialogues et fragments philosophiques par Ernest Renan. Paris, 1876—за 1877 г., III, 31—60.

2) *Лесевичъ*. Опытъ критическаго изслѣдованія основначаль позитивной философіи. СПб. 1877 г.,—за 1877 г., XI, 367—371.

3) Raum und Stoff. Ideen zu einer Kritik der Sinne. Von Wilhelm Goering. Berlin, 1876,—за 1877 г., VIII, 279—297.

4) Обь основныхъ противорѣчій въ нашихъ знаніяхъ о вселенной. Публичная лекція Юліана *Охоровича*, читанная въ Варшавѣ въ 1873 г. Перевелъ съ польскаго Александръ *Ельскій*. Минскъ, 1877—тамъ же, XI, 371—372 ¹⁾.

5) Atomistik und Kriticismus. Von Kurd Lasswitz, Braunschweig, 1878 г., III, 73—81.

6) Der Ursprung der Vernunft. Eine kritische Studie über Lazarus Geiger's Theorie von Julius Keller, 1884—за 1884 г., IX, стр. 205—210.

7) Die Psychologie des Verbrechens. Von D. A. Krauss, 1884 (Психологія преступленія) за 1885, VII, 263—280.

Отзывъ о сочиненіи на тему „О сенсуализмѣ Кондильяка“ (студ. III к. и.-ф. фак. Кирилла Царевскаго—сер. мед.)—за 1885 г., IV, 1—2 (оффиц. отд.).

Объявленіе объ имѣющемъ выходить въ Кіевѣ съ разрѣшенія предварительной цензуры специальномъ философскомъ журналѣ „Философскій Трехмѣсячникъ“ подъ ред. проф. *А. А. Козлова*, К. У. Изв. за 1885 г., VI, прибавленіе, I—III; написано: 1885 г. 20 іюня.

Въ „Педагогической Библіотекѣ“ редакція на „Логикѣ“ *Струве* и „Философскую пропедевтику“ *Румпеля* за 1878 г.

¹⁾ Въ оглавленіи книжки, равно и въ годичномъ указателѣ эта статья Козлова пропущена.

Статьи въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“.

Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія I, стр. 51—82.

Очеркъ жизни и философіи Лейбница по сочиненію Мерца, III, 36—64. (спец. отд.)

Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого. „О жизни“, V, 1—33, VI, 68—96, VII, 69—102, VIII, 77—109.

Новѣйшее изслѣдованіе о Платонѣ, XI, 46—59.

Позитивизмъ Конта, XV, 53—70, XVI, 41—70.

Некрологъ П. Е. Астафьева XVIII, 122—126.

Французскій позитивизмъ (Тэнъ, Рибо, Поланъ), XIX, 55—93.

Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты. I) Альфредъ Фуллье, XXI, 8—35, II) Гюйо и Тардъ. XXII, 121—140.

Густавъ Тейхмюллеръ, XXIV, 523—536, XXV, 661—681 (спеціальн.)

Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера (Е. Бобровъ. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ 1894), XXVII, 178—189.

Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого. „Хозяинъ и работникъ“, XXVIII, 313—330.

Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ. Воспоминаніе объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія. XXIX, 445—460, XXX, 558—567.

Рецензій:

Archiv für Geschichte der Philosophie, I Band, 1888. I, 45—60.

K. Uphues, Ueber die Erinnerung. Untersuchungen zur empirischen Psychologie, Lpz. 1889, IV. 109—118.

Замѣчанія на статью г. *Иванцова*, Отношеніе между философіей и наукой, V, 124—136.

Письмо въ редакцію, VI, 59.

И. С. Андреевскій, Генезисъ науки, ея принципы и методы, Ч. I. М. 1890, VII, 56—62.

М. Гюйо, Происхожденіе идеи времени. Пер. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ, 1891. IX, 88—93.

В. Серебрянниковъ, Ученіе Локка о природныхъ началахъ знанія и дѣятельности. СПб. 1892. XIII, 49—59.

W. Lutostawski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie des dialogues de Platon. Paris, 1896, вн. XXXIV (за 1896 г.), стр. 472—474.

Съ 1885—1887 г. А. А. Козловъ издавалъ свой журналъ „*Философскій Трехмѣсячникъ*“ въ 4 выпускахъ. Главныя статьи изъ этого журнала вышли отдѣльно:

1) Религія графа Л. Н. Толстого, 1887. Вторымъ изданіемъ вышла въ Петербургѣ, 1888. Затѣмъ она же вошла въ книгу: Религія графа Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви. Второе изданіе, исправленное и дополненное, въ 2-хъ частяхъ, СПб., 1895, куда включены и (вышедшія въ 1891 г.) „Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“ изъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ за 1890 и 91 г.

2) Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики, Кіевъ, 1887, стр. 42.

3) Тардъ и его теорія общества, Кіевъ, 1887.

Въ томъ же журналѣ нужно обратить вниманіе на статью „О множественности состояній сознанія“; рецензію „Философіи мистики“ *Дюпреля* и хроніку философскихъ статей въ русскихъ журналахъ.

„Мнѣніе объ источникахъ самообразованія по предмету философіи“ въ отдѣлѣ „Вопросы самообразованія“ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1896 г., II, 209—217.

„Свое Слово.“ Философско-литературный сборникъ, издаваемый (вмѣсто „Философскаго Трехмѣсячника“) профессоромъ А. А. Козловымъ. № 1, Кіевъ, 1888. Титуль, оглавленіе, 144 стр. Предисловіе -1, Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ: 3—81 (бесѣда I—3, II—24, III—47), замѣтка о книгѣ г. Штейна (Артуръ Шопенгауеръ), 82, Нѣчто о „научной философіи“ и научномъ философѣ (Лесевичѣ)—89, Отвѣтъ на рецензію г. Мокіевскаго,—125, Отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“ —136.

„Свое Слово“, № 2, Кіевъ. 1889. Титуль, оглавленіе, 158 стр, опечатки. Предисловіе—1, Бесѣды съ Пет. Сократомъ 5—109 (бесѣда IV—5, V—37, VI—58), Библиографическія замѣтки 110—133 (I Leçons de philosophie par Élie Rabier, 111, Опытъ построения теоріи матеріи А. Введенскаго—129), Опять нѣчто о „научной философіи“ и такомъ же философѣ —134, Объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ—139, Опять нѣсколько словъ о г. рецензентѣ „Русской Мысли“—154.

„Свое Слово“, № 3. Кіевъ, 1890. Титуль, оглавленіе, 156 стр. Предисловіе -1, Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ, 5—115 (VII-я,—7, VIII—22, IX—57, X—87), Объявленіе по поводу статьи Мокіевскаго—115, Два слова по поводу статьи П. Е. Астафьева —150, О „научной философіи“ и такомъ же философѣ —153, Научный ли рефератъ? иль почтовый рожокъ—155.

„Свое Слово“, № 4. СПБ, 1892. 8 нен. стр. (Тит., опечатки, оглавленіе, предисловіе —всѣ съ пустыми оборотами) + стр. 167. Предисловіе I, Бесѣды: 1—122 (XI—1, XII—22, XIII—47, XIV—69), Прибавленіе къ XIII бесѣдѣ —123, Понятія бытія и времени (по поводу книги Л. Лопатина „Положительныя задачи философіи“) —131.

„Свое Слово“, № 5. СПБ, 1898. 8 нен. стр. (2 титула предисловіе, опечатки—съ пустыми оборотами). + 165 стр. +

оглавление. Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ: 1—73 (XV—1, XVI—19, XVII—33, XVIII—55), Мысли о нѣкоторыхъ философскихъ направленіяхъ, преобладающихъ въ современной русской литературѣ и объ одномъ возможномъ въ будущемъ: 73—160, Глава I. Матеріализмъ экономической—76, глава II, Матеріализмъ научный и традиціонный—82, глава III, Дуализмъ и позитивизмъ—89, глава IV, Идеализмъ—100, глава V, Панпсихизмъ; его преимущества передъ вышеразсмотрѣнными направленіями—121, глава VI, Настоящее положеніе панпсихизма, истиннаго преемника идеализма въ развитіи философскаго знанія—154. Объясненіе съ моими критиками: I. Объясненіе съ Вл. С. Соловьевымъ—161, II. Объясненіе съ Е. И. Челпановымъ—164.

„Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ“, изложеніе философской системы самого А. А. Козлова, трактуютъ о слѣдующихъ предметахъ: I, II и III содержатъ предварительное развитіе основныхъ понятій, IV, V и VI — о понятіи бытія, VII и VIII — о понятіи времени, IX— понятіе религіи, бытія и причинности, X—понятіе времени, XI и XII—понятіе пространства, XIII—вопросъ о пространствѣ кривомъ и болѣе, чѣмъ трехъ измѣреній, XIV—понятіа, находящіяся въ тѣсной связи съ идеей пространства: созерцаніе, представленіе, понятіе, апіорность, вещь сама въ себѣ и проч., XV, XVI—понятіе движенія, XVII—понятіе матеріи, XVIII—понятіе матеріи и причинности.

О Козловѣ писали довольно много. Спеціальныя очерки были посвящаемы ему авторомъ этихъ строкъ—1) въ I выпускѣ подлежащаго сочиненія „Философія въ Россіи“, стр. 1—24¹⁾, и 2) въ книгѣ „О понятіи бытія. Ученіе Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова“, гдѣ послѣднему посвящены стр. 47—72. Автобіографія А. А. Козлова помѣщена у *Иконникова*, Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Универ-

¹⁾ Спѣшимъ исправить недосмотръ въ I вып., стр. 2: Вѣстн. Промышленности вм. Финансовый Вѣстн.

ситета св. Владимира (1834—1884), стр. 269—270. Имѣются еще статьи *Колубовскаго*, біографическая въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Брокгауза, стр. 605, т. 30-го, и въ приложеніи къ русскому переводу „Исторіи новой философіи“ Ибервега-Гейнце, стр. 577. Изложеніе мыслей Козлова въ послѣдней замѣткѣ сплошь невѣрно. На одну грубую ошибку было мною уже указано на стр. 59 (прим.) книги „О понятіи бытія“.

Кромѣ того, можно указать еще на нѣоторыя (далеко не всѣ имѣющіяся) рецензіи о соч. А. А. Козлова:

Аландскій, Философія и наука, Киевскія Унив. Изв., 1877, I, 94—115 и II, 135—159.

Н. Гротъ, О I части „Фил. этюдовъ“ Киевъ, 1877 или Извѣстія Ист.-филол. Инст. Кн. Безбородко, за 1877 г., стр. 3—68.

Ө. Ө. Гусѣвъ. Къ вопросу о философіи (по поводу диспута pro venia legendi А. А. Козлова), Прав. обозрѣніе, за 1876 г., XII, стр. 767—798.

Д. Философскія ожиданія. Вѣстникъ Европы, за 1876 г., VII, 415—427.

П. Никитинъ, О пользѣ философіи. „Дѣло“, за 1877 г., V, 66—95.

Н. Гротъ, Русскій философскій журналъ (о „Фил. Трехмѣс.“), „Одесскій Вѣстникъ“, за 1886 г., № 3, 4 января, суббота.

В. Лесевичъ, О чемъ поетъ вукушва? Сѣв. Вѣстникъ за 1886 г., февр., отд. II, VII, стр. 216—223 (по поводу выхода первой кн. спец. фил. журн.) Перепечатано въ „Этюдахъ и очеркахъ“, СПБ, 1886, стр. 355—364.

Библіографическія Новости, за 1886 г. 6 (18) янв. 1886 г. вторникъ, № 3541 „Новое Время“. (о I вып. „Трехм.“) „Заря“, за 1887 г., № 165, 24 августа, воскресенье (о III вып. „Трехм.“)

„*Кіевлянинъ*“ за 1887 г., 22 августа, № 182, стр. 3 (о брошюрѣ „Тардъ“).

„*Кіевское Слово*“, за 1889 г., 21 декабря, № 847, четвергъ. „Философскія бесѣды. Случай и Разумъ.“ (О „Размышленіяхъ“ въ I книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“).

С. Сычевскій, „Одесскій Листокъ“, за 1889 г., 11 ноября, Суббота, № 301, рецен. на I книгу „Вопросовъ“ (о томъ же—непозволительно рѣзкая статья противъ Козлова).

В. Буренинъ, „Новое Время“, Пятница, 29 марта 1891 г., № 5417, изд. первое (о томъ же,—о Козловѣ одобрительно).

Ю. Николаевъ, „Новый философскій журналъ (о I книгѣ „Вопросовъ“) „Московскія Вѣдомости“, № 323 и 324, за 1889 годъ, 22 и 23 Ноября, среда и четвергъ. О Козловѣ одобрительный отзывъ въ III отдѣлѣ въ № 323, въ добавочномъ листѣ.

П. Е. Астафьевъ, Рецензія на „Свое Слово“, „Русское Обозрѣніе“, за 1890 г., I, стр. 449—463.

Е. А. Бобровъ, Рецензія на книгу А. А. Козлова: Религія графа Л. Н. Толстого, II изданіе, въ „Вопросахъ“, за 1895 годъ, вн. XXIX, стр. 503—508.

VI.

Натурфилософія М. Г. Павлова.

Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?»

(А. И. Герценъ, Сочиненія, т. VII, стр. 119).

Образованіе есть главнѣйшая польза ученья, и это, какъ при воспитаніи вообще, такъ и при преподаваніи каждой науки, должно поставлять главною цѣлію; свѣденія забываются, образованіе остается навсегда.

М. Г. Павловъ. Основанія физики, часть I, (второго изд.), стр. 43).

Одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ шеллинговцевъ, Павловъ, любимый учитель многихъ питомцевъ Московской *alma mater*, до сихъ поръ не дождался подробной біографіи. Главнымъ источникомъ для ознакомленія съ его жизнью и дѣятельностью все еще продолжаетъ служить „Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета“, Москва, 1855, часть II, гдѣ біографическій очеркъ М. Г. Павлова находится на стр. 183—199. Эта статья составлена тремя авторами: *Щуровскимъ, Румъ и Калинов-*

ским¹⁾). Быть можетъ, именно по этой причинѣ статья страдаетъ нѣкоторою безсвязностью и отсутствіемъ плана. Притомъ, изъ 16 стр.—цѣлыя 9 стр. заняты „Конспектами полнаго курса“ „минералогіи“ (191—195) и „сельскаго хозяйства“ (195—199).

Оставляя въ сторонѣ перечень чиновъ и регалій, мы узнаемъ, что Павловъ происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1793²⁾ г., и первоначальное образованіе получилъ въ Воронежской семинаріи, въ которой окончилъ полный курсъ³⁾.

Уволившись изъ званія, онъ 30 августа 1813 г. поступилъ студентомъ въ Харьковскій Университетъ, а черезъ годъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію (Московское отдѣленіе). Не увлекаясь медицинскою практикою, и не собираясь быть врачомъ, Павловъ переходитъ въ Московскій Университетъ, гдѣ штудируетъ сразу по двумъ факультетамъ: медицинскому и математическому и съ особеннымъ усердіемъ занимается естественными науками. Смѣлость, энергія и огромныя способности сдѣлали Павлову возможнымъ въ 1815 г. блистательно окончить курсъ университета по обоимъ отдѣленіямъ, и въ добавокъ получить еще за свои диссертациі по медалямъ; отъ математическаго выдана ему золотая, отъ медицинскаго—серебряная медаль. Такіе успѣхи обратили на него вниманіе Университетскаго начальства. Павловъ пристроился при Университетѣ, получивъ мѣсто при Кабинетѣ Натуральной ис-

¹⁾ См. часть I, стр. XI. Щуровскій занималъ кафедру минералогіи и геогнозіи, Рулье—зоологія, а Калиновскій—сельскаго хозяйства (тамъ же, стр. XVII). Замѣтимъ, что біографическій очеркъ М. Г. Павлова въ книгѣ «Русскіе люди. Жизнеописанія соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы» въ 2 ч. Изд. М. О. Вольфа, СПб. и М. 1866, въ II т., стр. 207—214, представляетъ дословную перепечатку изъ статьи «Біогр. словаря» стр. 183—190. Ксен. Полевой въ своихъ «Запискахъ» упоминаетъ о Павловѣ на стр. 85—86, 89, 152.

²⁾ Колюпановъ, Біографія Кошелева, I, 1, стр. 472, неправильно ставитъ годами жизни Павлова (?—1849).

³⁾ Стр. 183.

торіи. Въ 1818 г. онъ получилъ степень доктора медицины по защитѣ диссертациі:

Dissertatio inauguralis physiologica-obstetrica de nutritio-
ne foetus hominis. Mosquae, 1818; въ большую 8-^о.

Въ томъ же году при содѣйствіи своего всегдашняго покровителя, тогдашняго Московскаго генераль-губернатора, князя *Д. В. Голицина*, основавшаго Общество Сельскаго Хозяйства, Павловъ былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ естествовѣденіи и особенно въ Сельскомъ Домоводствѣ. Павловъ слушалъ лекціи знаменитыхъ ученыхъ; особенно онъ привязался къ славному тогда *Тэру* ¹⁾. Въ Москву М. Г. возвратился въ 1820 г. и сталъ читать лекціи минералогіи и сельскаго домоводства съ 26 декабря 1820 г. въ званіи экстраординарнаго, а съ 3 августа 1824 г.—ординарнаго профессора. Въ послѣдствіи былъ избранъ въ Члены училищнаго Комитета, Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, въ члены Комиссіи для охраненія Университета и его учреждений отъ холеры. Кромѣ указанныхъ предметовъ. Павловъ преподавалъ еще попеременно физику, технологію, лѣсоводство и сельское хозяйство. Онъ дослужился до статскаго совѣтника, былъ членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ ²⁾. По Высочайше утвержденному проекту предположено было устроить при Московскомъ Университетѣ Агрономическій Институтъ на 14 человекъ студентовъ, которые по окончаніи курса могли бы преподавать агрономію въ учебныхъ заведеніяхъ или (лучшіе) отправиться за границу для продолженія образованія. Въ руководители институтскихъ занятій предназначался Павловъ. Но въ ночь подъ 3-е апрѣля 1840 г. М. Г. почувствовалъ сильный приступъ крови къ верхней части груди и черезъ часъ померъ, на 47-омъ году отъ

¹⁾ Стр. 185.

²⁾ Стр. 183.

роду, оставивъ большую семью. Его утрату близко приняли къ сердцу Университетъ и Общество сельскаго хозяйства. Князь Д. В. Голицынъ выразился о памяти Павлова: „Въ лицѣ основателя теоріи земледѣлія въ Россіи, въ лицѣ покойнаго Павлова мы понесли великую потерю. Оставляя портретъ его въ залахъ засѣданія (Московскаго Общ. с. хозяйства), мы отдадимъ ¹⁾ торжественную дань признательности памяти покойнаго профессора, такъ много трудившагося для нашего Общества, для науки, для отечества“.

И практическая дѣятельность Павлова, и его литературно-научная дѣятельность весьма разнообразны и показываютъ богатую разносторонность и выпучесть его натуры. Его лекціи привлекали множество слушателей, и въ его аудиторіи часто трудно было отыскать мѣстечко. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ читалъ публичные курсы ²⁾ сельскаго хозяйства, которыя усердно были посѣщаемы любителями и даже лицами высшаго свѣта. Императорское Общество сельскаго хозяйства пригласило его на постъ директора состоявшей при Обществѣ земледѣльческой школы и поручило ему учебный опытный хуторъ. На хуторѣ онъ распространилъ травосѣяніе и разведеніе корнеплодовъ, сѣвообороты и даже изобрѣлъ особый плужокъ (приспособленный къ мѣстнымъ потребностямъ), который носилъ его имя. Отказавшись отъ завѣдыванія хуторомъ (за нѣсколько лѣтъ до смерти), онъ на свой счетъ завелъ земледѣльческое училище для крѣпостныхъ мальчиковъ, которыхъ обучалъ современному хозяйству, сообразно русскому быту и потребностямъ ³⁾.

Ко всему этому надобно прибавить еще, что Павловъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ готовляли къ поступленію въ Университетъ.

Любопытно, что въ пансіонѣ Павлова воспитывался

¹⁾ Стр. 191.

²⁾ Нѣсколько этихъ лекцій было напечатано въ «Моск. Вѣд.» (Б. Слов., II, стр. 188).

³⁾ Стр. 189.

будущій профессоръ философіи и шеллинговецъ (стяжавшій извѣстность, впрочемъ, на другомъ поприщѣ)—Михаилъ Никифоровичъ *Катковъ*. „На философское развитіе личности Каткова оказалъ, можетъ быть, еще большее вліяніе, чѣмъ Надеждинъ, профессоръ М. Г. Павловъ ¹⁾“. Пансіонъ Павлова отличался какъ общимъ устройствомъ, такъ и учебною частью ²⁾.

Кромѣ Каткова, изъ пансіона Павлова вышелъ еще человекъ, сыгравшій очень большую роль въ московскихъ кружкахъ: это былъ Станкевичъ, котораго Герценъ ³⁾ называетъ продолжателемъ дѣла Павлова, завершившимъ то, чего не могъ докончить его учитель и воспитатель.

Въ октябрѣ 1831 г. листокъ „Москвы“ (№ 40, 1831 г.) извѣщалъ объ открытіи пансіона М. Г. Павлова на основаніяхъ строго обдуманной системы воспитанія. Обладавшій многостороннимъ знаніемъ, профессоръ уже былъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ; онъ нѣсколько лѣтъ сряду имѣлъ подъ надзоромъ своимъ „Благородный пансіонъ“, учрежденный при Московскомъ университетѣ. Объ экзаменахъ въ его новомъ и скоро прославившемся учебномъ заведеніи, С. Т. Аксаковъ прислалъ нѣсколько разъ въ редакцію „Москвы“ самые лестные отзывы.

Въ 1830 г. Станкевичъ переѣхалъ въ Москву, въ домъ и семейство извѣстнаго профессора М. Г. Павлова, откуда и держалъ экзаменъ на поступленіе въ университетъ. М. Г. Павловъ, который тогда еще не содержалъ пансіона, столь

¹⁾ С. *Невѣднскій*, Катковъ и его время, СПб., 1888, стр. 6—7. Отрывокъ изъ этой книги появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1888 г. т. 196-й, іюнь, стр. 16—54. «Катковъ и Бѣлинскій», подписано С. См. тамъ стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 2

³⁾ См. соч., т. VII, стр. 119.

извѣстнаго потомъ всей Москвѣ, и къ которому Станкевичъ былъ рекомендованъ бывшимъ своимъ наставникомъ П. К. *Федоровымъ*, имѣлъ большую долю вліянія на направленіе и развитіе Станкевича. Выдержавъ экзаменъ и поступивъ въ словесное (какъ тогда называлось) отдѣленіе университета, Станкевичъ продолжалъ жить у профессора, пользуясь небольшою комнатою въ его домѣ и общимъ столомъ съ его семействомъ.... Станкевичъ продолжалъ почти до конца курса жить въ домѣ Павлова и состоять подъ его нравственнымъ вліяніемъ.... Станкевичъ жилъ въ квартирѣ Павлова, часто раздѣляя съ нимъ скромную трапезу; онъ нерѣдко имѣлъ случай бесѣдовать у него и съ *Надеждинымъ*; но сколько послѣдній былъ сообщителенъ и готовъ на отвѣтъ при всякомъ запросѣ, столько первый не любилъ дѣлиться своею мыслию и сообщалъ ее только въ ученой формѣ лекціи, хотя оба сходились по разнымъ путямъ къ одному воззрѣнію. Павловъ неохотно отвѣчалъ на пытливые разспросы Станкевича и старался скорѣе уклониться отъ нихъ, чѣмъ дать имъ сильное удовлетвореніе; Станкевичъ, какъ и всѣ другіе, долженъ былъ ограничиться его преподаваніемъ и объясненіемъ прочитаннаго ¹⁾).

Кромѣ этихъ дѣятелей въ области мысли и политики, Павловъ образовалъ въ Университетѣ плеяду специалистовъ, докончивавшихъ свой курсъ въ Петербургѣ и за границею, както: *Н. И. Жельзнова, Ильенкова, Ходецкого и Кочетова*.

Павловъ горячо работалъ для распространенія шеллинговой философіи, какъ въ университетѣ и пансіонѣ, такъ и вообще среди читателей.

Такъ онъ въ продолженіи 1828—30 гг. издавалъ журналъ „Атеней“. Журналъ имѣлъ по преимуществу литературно-

¹⁾ *Ильенковъ*, Н. В. Станкевичъ, Біографія, стр. 23, 24, 37.

научное направлѣніе. Программу его составляли: 1) науки и словесность, 2) стихотворенія, 3) критика и библиографія и 4) смѣсь. Съ 1829 г. къ журналу присоединилось особое приложеніе при каждой книжкѣ подъ заглавіемъ „Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ“. Главными сотрудниками были профессора и другія лица, *Ив. Снегиревъ*, братья *Перевощиковы*, *В. Оболенскій*, *Надеждинъ*, *Кубаревъ*, *Дубенскій*, *Андросовъ*¹⁾, *М. Топильскій*, *А. Зимовьевъ* и проч.²⁾ Здѣсь же имѣется переводъ съ французскаго „О землетрясеніяхъ“, подписанный *Ал. Герценъ* (1830, XI, 289—307).

Павловъ не ограничивался пропагандою печатною; охотно прибѣгалъ онъ для распространенія философіи среди общества и къ устному слову въ видѣ публичныхъ лекцій. Онъ заботливо поддерживалъ сношенія со старѣйшимъ и виднѣйшимъ представителемъ шеллинговой натурфилософіи въ Россіи, съ Д. М. Велланскимъ, о чемъ мы имѣемъ личныя свидѣтельства послѣдняго. Предъ Велланскимъ Павловъ, повидимому, смирялъ свое большое самолюбіе. Вотъ слова Велланскаго:

„Въ Москвѣ прожилъ я также четыре дня, отъ 12 до 16 авг. (1833 г.) Московскіе профессора оказали мнѣ самый лестный и дружественный приемъ. Павловъ дѣлалъ для меня великолѣпный обѣдъ, гдѣ я познакомился со многими университетскими профессорами, особливо съ *Давыдовымъ*, *Надеждинымъ*, *Ювскимъ* и *Альфонскимъ*. Послѣ обѣда, въ физическомъ кабинетѣ Павлова я бесѣдовалъ съ ними *часовъ восемь*. Московскіе ученые чувствуютъ всю важность философскаго есте-

¹⁾ Ксен. *Ползвой*, Записки, стр. 89, свидѣтельствуемъ объ В. А. Андросовѣ: «Отъ общества съ Павловымъ онъ вскорѣ сдѣлался отчаяннымъ шеллингистомъ, и встрѣтившись у Попова съ Николаемъ Алексѣевичемъ (Ползвымъ), чрезвычайно заинтересовалъ его новыми тогда у насъ идеями нѣмецкой философіи». Ср. стр. 86. «Андросовъ первый познакомилъ Н. А-ча съ нѣм. философіей».

²⁾ *Колупановъ*, Біографія А. И. Кошелева, I, 1, стр. 476—480.

ствознанія, хотя *ни одинъ* изъ нихъ *не помялъ* моея „Физики“. Они приглашали меня дать имъ нѣсколько лекцій изъ натуральной философіи, но я не могъ оставаться у нихъ и на пять дней“¹⁾).

Велланскій, уже слѣпой, вспоминая о Москвѣ и о профессорахъ, съ которыми провелъ время у Павлова, не разъ говорилъ Розанову, что Дявдовъ болѣе Павлова способенъ къ философскимъ воззрѣніямъ, и что онъ съ большими свѣденіями по части философіи²⁾).

Впрочемъ, въ личномъ обращеніи къ Павлову Велланскій много любезнѣе.

Въ своемъ письмѣ къ Павлову³⁾ Велланскій (348) „покорно проситъ его увѣдомить: каковымъ показался ему курсъ физиологическихъ лекцій“, посланный Павлову черезъ г. С***. „Намѣреваясь издать въ свѣтъ мою Физиологію, я хотѣлъ показать оную предварительно такимъ лицамъ ученой Россійской публики, которыя могутъ понимать и цѣнить сочиненія сего рода“ (345). Такъ какъ Павловъ хлопоталъ о томъ, чтобы устроить Велланскому публичныя лекціи въ Москвѣ, то Велланскій сообщаетъ; „и ежели въ Москвѣ сыщутся охотники къ слушанію моихъ лекцій, то я будущую зиму могу пріѣхать къ вамъ на цѣлую зиму“ (348). „Любовь Ваша“, обращается онъ къ Павлову, „къ истинному познанію и благородное усиліе къ распространенію физическихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ для меня восхитительны“. Въ заключеніе (349) Велланскій свидѣтельствуетъ „истинное почтеніе и *нелицемерную* любовь“.

Кромѣ специально философскихъ статей, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, Павловъ издалъ „Основанія физики“ въ двухъ

¹⁾ Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 123. Русскій Вѣстникъ, 1867 г., т. 72. Изъ письма Д. М. Велланскаго къ Н. Розанову отъ 15 декабря 1833 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 125.

³⁾ «Молва» за 1834 г., № 23, стр. 345—349 при «Телескопъ» за 1834 г. ч. XXI. Письмо датировано 29 мая 1834 г. въ СПб.

томах¹⁾), „Земледѣльческую химію“, въ 2 томахъ, М., 1833, „Курсъ сельскаго хозяйства“, 2 тома; кромѣ того, нѣсколько лѣтъ онъ издавалъ уже упомянутые журналы „Атений“, „Русскій земледѣлецъ“, а при „Атенеѣ“ — „Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ“. „Земледѣльческую химію“ онъ назвалъ „Приготовительною частью науки сельскаго хозяйства“. „Курсъ сельскаго хозяйства“ остался не оконченнымъ²⁾).

Самостоятельный въ мнѣніяхъ и поступкахъ и раздражительный отъ природы, Павловъ не уклонялся отъ полемики и „немилосердно разилъ своихъ противниковъ“³⁾. Его сочиненія носили печать самобытности и несомнѣннаго дарованія; это не были „рабскіе переводы или безотчетныя подражанія“. Возвратившись изъ-за границы, онъ сразу блестяще зарекомендовалъ себя лекціею „О главныхъ системахъ сельскаго хозяйства съ принаровленіемъ къ Россіи“ (1821) и рѣчью „О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи преимущественно предъ другими вѣтвями народной промышленности и о мѣрахъ, существенно къ тому относящихся“⁴⁾ (1823).

Онъ являлся горячимъ приверженцемъ плодотворной системы, считалъ естествовѣдѣніе основою рациональнаго хозяйства и требовалъ примѣненія его къ мѣстнымъ потребностямъ.

Въ его сочиненіяхъ видно стремленіе подчинить отдѣльныя данныя науки одному общему, здраво обсужденному началу, видна тѣсная связь между частями ея и *необыкновенная*

¹⁾ I томъ, 1833, второе изданіе I-го и II. томъ въ 1836 г. Въ «Словарѣ профессоровъ» (стр. 187, прим. 2-е) ошибочно: 1825 годъ (оба тома).

²⁾ Стр. 187.

³⁾ Стр. 185.

⁴⁾ Стр. 186.

логическая последовательность, ясное и легкое изложеніе предмета.

Лучшая характеристика значенія Павлова для Московскаго Университета и московскаго общества сдѣлана его слушателемъ *А. И. Герценомъ*¹⁾; къ ней нечего прибавлять.

„Учились ли мы при всемъ этомъ чему нибудь, могли ли научиться? Полагаю, что „да“. Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло — поставить человѣка à tête продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло — возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно, это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ¹⁾).

Германская¹⁾ философія была привита Московскому Университету М. Г. Павловымъ. Каедрa философіи была закрыта съ 1826 г. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и остававливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?“.

Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ Университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, но за то совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ *такою пластическою ясностью*, которую нѣкогда не имѣлъ ни одинъ натурфилософъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина

¹⁾ Сочиненія, т. VI, стр. 145, «Былое и думы», глава VI, т. I, ч. I.

²⁾ Герценъ. Соч. VII, «Былое и думы», т. I, ч. IV, глава XXV, стр. 119—

мутности Шеллингова учения. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ дальше введенія и общаго понятія не шель, или по крайней мѣрѣ, не вель другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти дома безъ крыши, фундаменты безъ домовъ и пышныя стѣны, ведущія въ скромное жилье, совершенно въ русскомъ народномъ духѣ. Не оттого ли мы довольствуемся сѣнями, что исторія наша еще стучится въ ворота?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ — Станкевичъ“.

„Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, ясности, нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія“ ¹⁾.

Дополненіемъ въ характеристикѣ А. И. Герцена могутъ служить воспоминанія другихъ учениковъ Павлова.

Студитскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Павловѣ говоритъ: „Слушателей заинтересовывала *необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова.* Каждое выраженіе его зато отливало такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы, первокурсные студенты, удивлялись его логикѣ и не могли надивиться. Этой логикѣ мысли соотвѣтствовалъ внѣшній даръ изложенія. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи, иногда спокойной и льющейся, чаще обрывистой, восторженной, патетической,—все это показывало страстную любовь къ предмету, а можетъ быть, и въ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной

¹⁾ Стр. 122.

холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевление не оставляло профессора ни на миг. И это одушевление переходило всегда въ его слушателей. Мысли Павлова, *мало принесшія намъ пользы въ самой наукѣ*, послужили однако же для насъ путеводною нитью въ другихъ, развили или, по крайней мѣрѣ, послужили къ развитію какого то особеннаго критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе.

Тоже говоритъ другой ученикъ Павлова, проф. *Линовскій*: „Строгая логическая послѣдовательность мыслей, отчетливое ихъ отложеніе, динамическій взглядъ на природу, философскій характеръ его ученія и, наконецъ, умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мышленію—вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей ¹⁾“.

„Случалось, что значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась однимъ этажемъ ниже въ скромную залу физико-математическаго и наполняла ее биткомъ. Это было при лекціяхъ М. Г. Павлова, читавшаго сперва физику, потомъ теорію сельскаго хозяйства, и въ обоихъ случаяхъ распространявшаго границы своихъ предметовъ до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго созерцанія.... Мы имѣемъ свидѣтельство о сущности его преподаванія, благодаря книгѣ, изданной профессоромъ въ 1833 г., „Основаніе физики“: хотя учебная книга, въ обязанность которой вмѣняется сжатость и строгая система,

¹⁾ *Компановъ*, Біографія А. И. Кошелева, I, 1, стр. 475—476. Ярославль Альбертовичъ Линовскій былъ испр. д. экстраордин. проф. сельскаго хозяйства съ 1844—1846 г. въ Московскомъ университетѣ. О немъ см. «Біографическій словарь Импер. Московскаго унив.», т. I, стр. 458—462 и у *Θ. И. Буслаева*, I, «Эпизоды изъ исторіи Московскаго унив.» въ «Починѣ» на 1896 г., стр. 2—5. Линовскій 28-ти лѣтъ былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ слугою (своднымъ братомъ).

разумѣтся, не можетъ передать всѣхъ развитій и поясненій, къ какимъ способно вообще живое слово человѣка¹⁾).

Впрочемъ, была и другая сторона модели. Николай Розановъ, ученикъ и горячій поклонникъ шеллинговца Велланскаго, замѣчаетъ о лекціяхъ Павлова:

„Идеи натуральной школы не столько просвѣщали мало подготовленныхъ молодыхъ людей, сколько сбивали ихъ съ толку. Идеализируя предметы наукъ безъ подготовки въ естествознаніи, молодежь самодовольствовалась мечтами воображенія, думая, что достигла вершины знаній.... не имѣя понятія объ естественныхъ наукахъ, бредили нѣмецкою философіей, ко всему прилагая ея положенія и фразерствуя²⁾“.....

Въ запискѣ³⁾ о профессорахъ Московскаго Университета, которую составилъ помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа графъ Александръ *Н. Панинъ* въ Апрѣлѣ 1831 г. на предметъ представленія ея министру черезъ попечителя, князя *С. М. Голицина*, хотѣвшаго „почистить“ Московскій Университетъ, чтобы избавить его отъ новаго позора, о Павловѣ значится (стр. 217):

Павловъ. Умень и ученъ, но не у мѣста: ему бы слѣдовало возвратить катедру сельскаго хозяйства, а физику отдать по прежнему *Веселовскому*⁴⁾, который и теперь ее преподаетъ въ медико-хирургической Академіи.

¹⁾ Анненковъ, Н. В. Станкевичъ. Биографія, стр. 33, 36.

²⁾ Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 125.

³⁾ Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за 1870 г. октябрь—декабрь, книга четвертая. V, смѣсь, стр. 214—219. «Памятная записка о проф.» etc. (издана О. Бодянскимъ); «Записка»—217—219.

⁴⁾ Иванъ Семеновичъ *Веселовскій* род. въ 1795 г. учился въ Московскомъ университетѣ съ 1813—1816 г., будучи кандидатомъ физико-математическихъ наукъ, сталъ изучать медицину и въ 1823 г. сталъ докторомъ медиц. Служилъ и въ Университетѣ, и въ Академіи, преподавая медикамъ математику

Детальное изученіе сочиненій Павлова вполне подтверждаетъ приведенные отзывы. О содержаніи его лекцій даютъ возможность судить не только напечатанныя сочиненія и статьи, но и вышеупомянутые конспекты курсовъ по сельскому домоводству и минералогіи.

Пособіями по курсу сельскаго хозяйства Павловъ называетъ: 1) *A. Thaër*, Grundzüge der rationellen Landwirthschaft., Berlin, 1809. 8) *L. Trautmann*, Landwirthschaftslehre, Wien, 1816. 3) Le comte *Chaptal*, Chimie, appliquée à l'agriculture, Paris, 1823. 4) *Arthur Young*, Le cultivateur Anglois, traduit de l'Anglois, Paris и 5) *Земледѣльческая химія*, собственное сочиненіе ¹⁾.

Пособіями по минералогіи указаны: 1) *Северинъ*, Первая основанія минералогіи, СПБ. 1798. 2) *Г. Фишеръ*, Ориктогнозія; Москва, 1818. 2) *Hauy*, Traité de Mineralogie, Paris, 1801. 4) *D' Aubuisson de Voisens*, Géognosie, Paris, 1819. 3) *A. de Humboldt*, Essai géognostique sur le gisement des roches dans les deux hémisphères, Paris, 1823 ²⁾.

Сельскимъ домоводствомъ именуется искусство размножать полезныя въ общежитіи растенія и животныя. Такъ какъ они по законамъ Предвѣчнаго производятся естественными силами, то размножать не значить производить, а только содѣйствовать производящей природѣ, понимая подъ природою дѣйствіе естественныхъ силъ, ведущихъ начало отъ творческаго всемогущества ³⁾. Содѣйствіе это всего будетъ удачнѣе, когда мы будемъ знать законы природы, по какимъ свершается произ-

и физику. Съ 1829 г. служилъ въ одной Академіи, а въ 1835 г., продолжая служить въ Академіи, поступилъ въ Университетъ ординарнымъ проф. физики и служилъ до 1839 года (Биограф. словарь, I, стр. 163—165).

¹⁾ Стр. 199.

²⁾ Стр. 195.

³⁾ Стр. 195, 196.

водство (до познанія ихъ доводитъ естествознаніе); заниматься сельскими работами, (т. е. содѣйствовать размноженію полезныхъ намъ растений и животныхъ) съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ можно только, озаряя ихъ свѣтомъ естественныхъ наукъ и направляя ихъ по научнымъ указаніямъ. Такъ мы обратили въ науку искусство сельскаго домоводства. Но не количество размножаемыхъ произведеній, а чистый выигрышъ есть главная цѣль сельскаго домоводства. Верхъ знанія есть устроить, подобно этой цѣли весь механизмъ работъ; способность къ тому приобрѣтается познаніемъ началъ и производства.

Изложенію сельскаго хозяйства должно предшествовать изложеніе началъ, заимствуемыхъ изъ естественныхъ наукъ. Науку Сельскаго Домоводства раздѣляю на *три* части: въ *первой* излагаются начала, во *второй* описываются производства, въ *третьей* говорится объ устройствѣ или организаціи хозяйства. Въ первой части слушатель представляется свидѣтелемъ того, что и какъ производитъ природа, во второй—какъ свѣденія, при разсматриваніи природы приобрѣтаемыя, приспособляются къ сельскимъ занятіямъ; въ третьей раскрываются способы, какъ въ образованіи цѣлости хозяйственныхъ распоряженій можно руководствоваться свѣденіями, предложенными въ первыхъ двухъ частяхъ ¹⁾.

I Часть ²⁾, *Начала*, распадается по числу предметовъ, на *три* отдѣленія: 1) *почвы* земли, 2) *растенія* и 3) *животныя*. II Часть ³⁾, *производства*, тоже по числу изучаемыхъ предметовъ раздѣляется на *три* отдѣленія: 1) *Земледѣліе*, т. е. приведеніе земли въ такое состояніе, чтобы на ней размножить растенія, 2) *Размноженіе растений*, 3) *размноженіе животныхъ*.

Часть III. *Устройство* ⁴⁾. Здѣсь три вопроса: что устраи-

¹⁾ Стр. 196, 197.

²⁾ Стр. 197.

³⁾ Стр. 198.

⁴⁾ Стр. 199.

вать? какими способами? какъ устроенное вести къ своей цѣли? Сообразно этому, и здѣсь *три* отдѣленія: 1) *Обзаеденіе* (земля, работа и строенія), 2) *Способы или системы* и 3) *Управленіе* (книги, распоряженія, исторія хозяйства).

Столь же логично построень и конспектъ лекцій по минералогіи. Оба предмета (и минералогія, и сельское хозяйство) должны были бы читаться въ одинаковомъ объемѣ, но „соображаясь съ тогдашними требованіями и по своимъ исключительнымъ занятіямъ за границею“, Павловъ на минералогію посвящалъ времени менѣе, ограничиваясь общимъ взглядомъ. И сюда онъ умѣлъ внести чрезвычайно много любопытнаго и оригинальнаго. Съ нимъ иногда можно было не согласиться, но „нельзя было не увлекаться его логическимъ и изящнымъ изложеніемъ“¹⁾.

Минералы бываютъ простые и сложные. Послѣдніе состоятъ изъ первыхъ, а тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ материкъ. Поэтому минералогію „раздѣляю“ на *три* части: въ *первой* разсматриваются минералы простые, во *второй*—минералы сложные (горныя породы), въ *третьей*—материкъ (простые и сложные минералы въ совокупности).

I Часть²⁾ подраздѣляется на *три* отдѣленія: въ *первомъ* предлагаются *признаки простыхъ минераловъ*, во *второмъ*—о началахъ, на которыхъ основывается приведеніе ихъ въ систему по указанію признаковъ, т. е. излагается *система простыхъ минераловъ*; *третье* заключаетъ *частное описаніе простыхъ минераловъ*, порознь по принятому порядку (камни, соли, горючія вещества, руды). Часть II³⁾, *Минералы сложные или горныя породы*, подобно первой, раздѣляется на три отдѣленія: 1) *признаки горныхъ породъ*, 2) *система горныхъ породъ*,

¹⁾ Стр. 191.

²⁾ Стр. 192.

³⁾ Стр. 193.

3) *частное описаніе* горныхъ породъ (кристалльнаго образованія, слюстаго, призматическаго, слитковаго). Часть III. *Материкъ*, или простые и сложные минералы въ совокупности ¹⁾). Материкъ можетъ быть разсматриваемъ или самъ по себѣ отдѣльно (притомъ либо 1) въ состояніи бытія, либо 2) въ состояніи дѣйствія), или въ отношеніи къ воздуху и водѣ, вмѣстѣ съ которыми онъ образуетъ планету. Поэтому и третья часть минералогіи раздѣляется тоже на три отдѣленія: 1) *Материкъ въ состояніи бытія* (разсматриваемый въ цѣлости, относительно поверхности, относительно строенія), 2) *Материкъ въ состояніи дѣйствія* (вулканы, землетрясенія, земной магнетизмъ или дѣятельность материка), 3) *Материкъ въ отношеніи къ водѣ и воздуху* (разрушительныя на материкъ вліянія, производительность материка или произрожденіе минераловъ, значеніе материка въ составѣ планеты.

Геогенія же или наука о происхожденіи земли относится не къ Естественной исторіи, а къ *Космогеніи*, а потому не входитъ въ курсъ минералогіи: изъ онаго все метафизическое исключается ²⁾).

Интересующихся этими вонспектами подробнѣе я позволю себѣ отослать въ самому тексту ихъ. Ознакомленіе съ ними, особенно, съ минералогическимъ, окажется намъ полезнымъ при усвоеніи послѣднихъ частей „Физики“.

Библіографія сочиненій Павлова еще не составлена. *Колупановъ* ³⁾ говоритъ: Вотъ перечень журнальныхъ статей Павлова (списокъ—неполный и неточный): Вѣстникъ Европы 1825 г., № 20. „Возможность и польза науки сельскаго хозяйства“.

Мнемовина, ч. IV, стр. 1—34. „О способахъ изслѣдованія природы“—*безъ подписи* ⁴⁾).

¹⁾ Стр. 194.

²⁾ Стр. 195.

³⁾ Біографія А. И. Кошелева, I, 2, стр. 299, 300, прим. 71.

⁴⁾ Ошибочное указаніе, какъ и въ Біографическомъ Словарѣ, стр. 186, прим.—въ I томѣ «Мнемозины». Статья подписана п. п.

Въ „Атенеѣ“ за 1828 г.

„О взаимномъ отношеніи свѣденій опытныхъ и умозрительныхъ“, разговоръ первый, I, 2—15. второй, II, 1—19,

„О различіи между изящными искусствами и науками“, V, 2—11,

„О предметѣ физики“, VI, 129—141.

„Содержаніе и расположеніе физики“, VII, 253—263.

За 1830 г.

„Статьи изъ словаря наукъ: философія трансцендентальная и натуральная“, IV, 386—392.

„Планъ (форма) наукъ“, VIII, 104—110.

„Системы физики атомическая и динамическая“, IX, 185—192.

„Минералогическая система“. X, 248—255.

„Теорія общихъ свойствъ тѣлъ, основанная на динамическомъ понятіи о веществѣ“, отрывки изъ физики, № XIX, 1—50.

„Московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, XIII, 98—101 (за 1828 г.).

„Отвѣтъ на недоумѣніе касательно сходства искусственныхъ минеральныхъ водъ г. *Струве* съ натуральными“. V, 274.

„Отвѣтъ на возраженія „Московского телеграфа“ (въ № VI 1828 г.), XI, 333—356 въ „Атенеѣ“ за 1828 г. за подписью *вл—вз*.

„Общій чертежъ наукъ“ въ „Отечественныхъ запискахъ“ за 1839 г., № 7.

Къ этому нужно присоединить его вышеупомянутую диссертацию *De nutritione foetus hominis*, 1818 и другія статьи, упоминаемыя „Біографическимъ Словаремъ“ и указанныя нами выше на своемъ мѣстѣ.

О средствахъ къ усовершенствованію сельскаго хозяйства. (лекція проф. Павлова) въ „Телескопѣ“ за 1836 г., ч. XXXIV, стр. 501—518, отъ 30 сент. Дат. статья: М. 16 сент. 1836 г.

Вѣроятно, ему же принадлежитъ статья „Толки о сочиненіи Таера“ въ „Атенеѣ“ за 1828 г., VI, № 21, стр. 102—103, смѣсь.

Межовъ въ каталогѣ книгъ *Базунова* (1869)—за время съ 1825—69 г. вовсе не упоминаетъ о „Земледѣльческой химіи“; на стр. 262 подъ № 4231: Курсъ сельскаго хозяйства, 2 т., М., 1837. Цѣна 3 р. Рецензіи:

1) Библіотека для чтенія за 1838 г., т. 26, отд. VI, стр. 26—32.

2) Современникъ, за 1838 г., т. IX, стр. 96.

3) Сѣверная пчела за 1838 г., № 30.

4) Литературныя прибавленія въ Русскому Инвалиду за 1838 г., № 10.

На стр. 522 подъ № 7504; Основанія физики II. ¹⁾ ошибка—вмѣсто М.) Павлова, 2 т. СПб. (ошибка—вмѣсто М.), 1833—36. Цѣна 3 руб. Не указано, что первый томъ былъ перепечатанъ вторымъ изданіемъ въ 1836 г. Рецензіи:

1) Сѣверная пчела, за 1833 г., №№ 192 и 207 (Максимовича).

2) Сынъ отечества, за 1834 г. т. 164 (т. 42), отд. III, стр. 577—589.

3) Московскій наблюдатель, за 1837 г., ч. IX, 340—358.

4) Телескопъ, за 1833 г., т. XV, 103—114.

5) Телескопъ, за 1836 г., т. XXXIII, 554—580 (Надеждина).

Портретъ Павлова можно видѣть, напр., въ „Альбомѣ выставки *Бѣлинскаго*“, М. 1898, стр. 30.

Перейдемъ теперь къ изложенію натурфилософскихъ доктринъ М. Г. Павлова. Въ изложеніи мы будемъ держаться своего всегдашняго принципа—употреблять по возможности слова самого автора, такъ чтобы нашъ рефератъ представлялъ

¹⁾ Та же ошибка и въ указателѣ (стр. 961).

собой маленькую, по совершенно точную модель цѣлаго. Индивидуальность автора всегда интересна, и рефератъ не имѣетъ права стирать ее; тѣмъ болѣе было бы жалко утрачивать особенность стиля Павлова. Смѣло можно сказать, что за включеніемъ немногихъ устарѣлыхъ словъ и оборотовъ сочиненія Павлова до сихъ поръ по мѣткости, краткости и выразительности языка — могутъ считаться образцомъ философскаго стиля; мы затруднились бы назвать другого русскаго писателя, который такъ писалъ бы по русски о философіи. Похвала Герцена, который самъ былъ однимъ изъ величайшихъ мастеровъ русскаго слова, сохраняетъ свою полную силу по отношенію къ Павлову до нашихъ дней.

Характеристика Павлова основана у насъ на изложеніи, главнымъ образомъ, его „Физики“ (теоретическихъ главъ), которому предпосылаются статьи „Общій чертежъ наукъ“ (изъ „Отечественныхъ записокъ“ за 1839 г., т. VI, отдѣлъ II, науки, стр. 97—101) и „О способахъ изслѣдованія природы“¹⁾ (изъ „Мнемозины“, кн. IV, стр. 1—34); эти статьи представляютъ общіе взгляды Павлова. Къ нимъ я присоединилъ еще обзорѣніе теоретической статьи изъ „Атенея“ за 1828 г. ч. II, № 5. Науки, стр. 3²⁾—11 „Различіе между изящными искусствами и науками“.

Ученія Павлова никто не излагалъ. Краткое изложеніе пытался дать Анненковъ въ біографіи Станкевича, на стр. 36. Этимъ краткимъ изложеніемъ захотѣлъ воспользоваться *Невѣднскій* въ своей книгѣ о Катковѣ. Но, очевидно, не будучи особенно знакомъ съ философіею вообще, и съ системою Шеллинга въ частности, и желая быть краткимъ, онъ еще болѣе сократилъ слова Анненкова,—и получилась слѣдующая пародія или карикатура на ученіе шеллинговца Павлова³⁾:

¹⁾ *Миллюковъ*, Главныя теченія русской исторической мысли, т. изд. II, стр. 313, прим. неправильно приписываетъ эту статью кн. *Одоевскому*.

²⁾ Въ оглавленіи опечатка: 1, надо 3.

³⁾ Неточно передается содержаніе «Физики» Павлова у П. Миллюкова, главныя теченія etc., стр. 314—315.

„Сущность міровоззрѣнія Павлова, какъ можно судить по „Основанію Физики“, заключалась въ космогонической теоріи, вытекающей изъ философскаго положенія о сходствѣ или тождествѣ безграничной свободы съ хаосомъ. Отвлеченное понятіе изображено, какъ настоящій источникъ міра, сидлогизмъ и послыки его образуются изъ силъ и стихій природы, вещество объясняется, какъ взаимодействіе свѣта и тяжести и т. д.“¹⁾.

Точно такъ же произвольно утвержденіе Колюпанова, будто бы Павловъ „за точку отправленія своей философіи принималъ систему Канта“....²⁾.

Въ заключеніе не считаемъ лишнимъ указать (если зашла уже рѣчь о пародіяхъ), что манеру Павлова съ замѣчательнымъ искусствомъ перенялъ и чрезвычайно ловко и мѣтко передразнилъ *Лебедевъ*. Касторъ Невѣдоровичъ Лебедевъ (1812 — 1876), студентъ Московскаго университета, былъ потомъ преподавателемъ въ Александровскомъ институтѣ, нач. отд. въ министерст. юстиц., оберъ-прокур., и умеръ въ санѣ сенатора; писалъ спец. юридическія статьи. Будучи еще студентомъ, онъ выпустилъ ѣдкую брошюру: „Подарокъ ученымъ на 1834 годъ. *О царь Горохъ*; когда царствовалъ государь царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ, и какъ царь Горохъ перешелъ, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства“. Москва. Въ Университетской типографіи. 1834, стр. 35. Теперь эта брошюра большая библиографическая рѣдкость. Отрывки ея воспроизведены были въ „Библиографическихъ Запискахъ“ за 1858 г., стр. 17—22 и 187 (нѣсколько отрывковъ). Въ полномъ видѣ она перепечатана въ „Русской Старинѣ“ за 1878 г., т. XXII, стр. 347 — 368³⁾. Эпиграфъ изъ Погодина: „Ergo, мотай себѣ на усь. Стр. 364“. Цензурное разрѣ-

¹⁾ Невѣднскій, стр. 7.

²⁾ Біогр. Кошелева, I; 1. 475.

³⁾ А не за 1876 г., какъ ошибочно указываетъ «Энци Слов.» *Брокгауза*, 33, стр. 416.

шеніе дано было 22 декабря 1833 г. цензоромъ, профессоромъ Иваномъ *Снегиревымъ*, который и самъ былъ не прочь вышутить своихъ коллегъ. Брошюра кончается словами Горация: *credite posteri*.

Въ своей сатирѣ Лебедевъ (прошутившій ученую карьеру и благоволеніе профессоровъ) зло насмѣялся надъ десятью самыми популярными лицами изъ тогдашнихъ профессоровъ и журналистовъ. Крайности теоретическаго увлеченія однихъ, искусственныя и чуждыя духу русскаго языка выраженія другихъ, педантисмъ и напыщенное реторическое краснорѣчіе третьихъ, все это не ушло отъ насмѣшливой наблюдательности автора. Съ замѣчательною переимчивостью онъ усвоилъ манеру каждаго и излагаетъ рѣчи, искусно переплетая подлинныя слова высмѣиваемаго (заимствованныя изъ его сочиненій или лекцій) со своими собственными интерполяціями. Изображены (фамиліи скрыты подъ буквами греческаго алфавита): *А.—М. Т. Каченовскій, В.—Н. И. Надеждинъ, Г.—И. И. Давыдовъ, Д.—Н. А. Полевой, Е.—М. Г. Павловъ, З.—О. И. Сенковскій, Н.—М. П. Погодинъ, Ѡ.—Ѡ. В. Буларинъ, І.—Кн. П. А. Вяземскій, К.—Ушаковъ.*

Означенныя лица будто бы произносятъ рѣчи на „чрезвычайномъ засѣданіи философовъ, историковъ, и „*эстетиковъ*“. Павловъ говоритъ пятымъ.

Е ¹⁾. Милостивые Государи! изъ всѣхъ наукъ, наука природы должна занимать первое мѣсто. Человѣкъ есть природа, и наоборотъ. Съ сихъ яснѣйшихъ и простѣйшихъ началъ, я приступаю къ дальнѣйшему изложенію.

Природа есть соединеніе двухъ противоположныхъ силъ: сжимающей и расширяющей, естественно предполагающихъ по закону тройственности, третью силу, ограничивающую и уравнивающую двѣ первыя. Сія система совершенно соот-

¹⁾ Стр. 361—362.

вѣтствуетъ всѣмъ выводамъ, всѣмъ явленіямъ, всѣмъ причинамъ явленій, совершенно оправдываетъ всеобщее изреченіе: *Наука проста въ своихъ началахъ.*

Три вышеупомянутыя силы дѣйствительны и въ Философіи и въ Поэзій.

Доселѣ господствуетъ совершенное разнородство во всѣхъ областяхъ ума; вездѣ Атомистическая и Динамическая системы сбиваютъ юныя познанія, какъ басня сбила философа.

Наше дѣло говорить о царѣ Горохѣ; горохъ есть растеніе—предметъ естественныхъ наукъ описательныхъ; горохъ пущенный изъ ружья есть сила—предметъ Механики.... Положимъ, что горохъ, или Царь Горохъ, есть явленіе—и здѣсь не моя область, и здѣсь нѣтъ предмета Физики. Гдѣ же мы найдемъ его?—Но это не имѣетъ отношенія съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Моя мысль есть слѣдующая: Царь Горохъ есть описка и замѣщеніе (*substitutio*) другого факта. И вотъ какими путями, вѣрный тремъ силамъ, дохожу я до сего изъясненія.

Атомистики предполагаютъ всю вселенную въ видѣ шариковъ: совершенно ложно! Сіи шарики есть *горохъ* въ объективности или въ осуществленіи. И такъ царь Горохъ есть понятіе Атомистическое. Изложимъ по нашей системѣ.

Предположимъ, допустимъ пустоту: вотъ демаркаціонная линія Динамической системы. Сила расширительная дѣйствуетъ—пустота расширяется, сила сжимательная дѣйствуетъ—пустота сжимается, изъ средостремленія и средобѣжанія сихъ силъ образуется третья, ограничивающая и ту и другую; и такъ произойдетъ: пустота расширяясь и сжимаясь *продолжается*. Теперь не трудно приложить сей способъ къ гороху: онъ сжимается и расширяется, т. е. продолжается, и естественно, что тогда изъ гороха произойдетъ или бобъ или стручекъ, слѣдовательно: Атомистическій царь—Горохъ, по Динамической си-

стемъ совершенно не возможенъ и долженъ преобразоваться въ Царь-Бобъ, или Царь-Стручекъ.

Такъ просты совершенныя начала, такъ легки ясныя положенія науки!

Прежде чѣмъ излагать содержаніе науки физики, надобно выяснитъ себѣ вопросы о способахъ изслѣдованія, о соотношеніи наукъ между собою, о различіи, наконецъ, наукъ отъ другихъ дѣятельностей человѣческаго духа, какъ напр., отъ искусствъ¹⁾. На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаетъ статья Павлова:

Различіе между изящными искусствами и науками.

Изящныя искусства и науки составляютъ два различные рода произведеній человѣческаго ума. Это различіе считается извѣстнымъ, но и вѣжется неопредѣленнымъ. Не довольно знать, что науки не суть искусства, и наоборотъ: нужно еще найти основаніе этого различія.

Каждая наука по своему составу есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Для возможности всякой науки необходимы три условія:

- 1) Предметъ, или понимаемое (objectum),
- 2) Разумѣніе, или понимающее (subjectum),
- 3) Содержаніе, или понятія (conceptus)²⁾.

¹⁾ Ср. въ моемъ сочиненіи «О понятіи искусства», главу II.

²⁾ Стр. 4.

Именем *предмета* означается все дѣйствительное (*reale*), подлежащее нашему изслѣдованію, какъ физическое, такъ и умственное, все, что дѣйствительно есть, и что можетъ быть понимаемо (тѣла, явленія физ. и нравственныя, произведенія искусствъ, самое разумѣніе, какъ предметъ изслѣдованія).

Разумніемъ называется способность познавать; синонимъ его: мыслящій духъ, умъ, разумъ.

Человѣкъ, сіе олицетворенное разумѣніе, стремится къ познанію предметовъ; замѣчая въ предметахъ существенныя принадлежности, опредѣляющія ихъ особность (*individualitas*), видъ, родъ, онъ оставляетъ въ забвеніи частныя изображенія предметовъ и удерживаетъ въ умѣ только общее, отвлеченное отъ каждаго ряда подобныхъ предметовъ; это общее есть *понятіе*; за понятіями слѣдуютъ мысли (*cogitata*). Предметы не привносятся въ разумѣніе дѣйствительно, но изображаются понятіями отвлеченно; предметы измѣняются, исчезаютъ, и возраждаются,—ихъ изображенія, понятія—неизмѣнны.

Познавая предметы, человѣкъ образуетъ новый міръ, гдѣ предметы превращаются въ мысли, понимаемое дѣлается понятіемъ, дѣйствительное является умственнымъ. Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ¹⁾. Науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія. Такъ астрономія въ окончательномъ видѣ составляла бы вѣрный умственный списокъ небснаго механизма, въ коемъ движеніе міровъ было бы представлено въ понятіяхъ такъ точно, какъ оно есть въ дѣйствительности. Геогнозія давала бы картину материка, или самый материкъ, изображенный въ понятіяхъ такъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности. Разумѣніе, какъ особое бытіе, какъ предметъ познанія, при изслѣдованіи тоже превращается въ понятія. Логика, какъ наука о разумѣніи, доведенная до высшей степени совершенства, не другое бы что была,

¹⁾ Стр. 5.

какъ самое разумѣніе, вѣрно изображенное въ понятіяхъ¹⁾. Всѣ науки безъ исключенія суть не другое что, какъ списки своихъ предметовъ, составляемые изъ понятій и мыслей.

Перейдемъ въ изящнымъ искусствамъ. Всякое произведеніе искусствъ (особенно, образовательныхъ) выражаетъ собою какое-либо понятіе или мысль (подъ мыслию разумѣтся и понятіе, а часто и наоборотъ). Картина или статья занимаетъ знатока не веществомъ, изъ коего составлена, но *мыслию*, которая даетъ себя знать посредствомъ вещества или опредѣленнаго образа: отвердѣвъ въ мраморѣ статуи или въ краскахъ картины, мысль получила особое (*individualis*) существованіе, какъ самостоятельный предметъ. То же и въ другихъ искусствахъ. И ораторія Гайдна, и Иліада Гомера и т. п. суть мысли, отпавшія отъ своего творца, отдѣлившіяся отъ ума, своего начала, и посредствомъ звуковъ или слова обращенныя въ предметы,—суть мысли, принявшія особое существованіе²⁾.

Если каждое произведеніе искусствъ изображаетъ собою мысль, то произведенія, взятая вмѣстѣ, подведенныя умственно подъ одну точку зрѣнія, составляютъ особый міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы. Этотъ міръ отличенъ отъ цѣлой вселенной, принадлежащей къ одной эпохѣ творенія. Это—новая природа, позднѣйшее созданіе; ея зиждитель—человѣкъ, отраженіе Зиждителя вселенной, вѣнецъ и краса природы Творческой.

Впрочемъ, мысли человѣка не осуществляютъ по одному его мановенію; какъ же онѣ обращаются въ предметы?

Мы удивляемся человѣку, когда мысленно слѣдуемъ за нимъ на поприще его умственной дѣятельности: занимая только одну точку въ неизмѣримомъ царствѣ творенія, онъ познающимъ духомъ объемлетъ эту неизмѣримость. Успѣхами чело-

¹⁾ Стр. 8.

²⁾ Стр. 9.

вѣка въ мірѣ физическомъ изумлена, кажется, самая природа. Какъ могущественъ человекъ съ этой точки зрѣнія, и какъ слабъ онъ въ отношеніи къ самимъ производящимъ силамъ и веществу! Сей повелитель стихій не въ состояніи произвести вновь ни одного атома вещества, ни одной силы. Для осуществленія своихъ понятій и мыслей, для превращенія ихъ въ предметы и созданія своей природы—изящныхъ искусствъ, онъ долженъ заимствовать нужные элементы изъ природы Творческой ¹⁾.

Цѣль искусствъ достигается тѣмъ лучше, чѣмъ приличнѣе выборъ средствъ, чѣмъ естественнѣе съ помощію ихъ обнаруживается мысль творца-художника. Въ силу этой необходимости выбора приличныхъ средствъ и назвали, кажется, искусство—подражаніемъ природѣ. Художникъ дѣйствительно подражаетъ природѣ (не въ изобрѣтеніи идеаловъ, а) въ употребленіи средствъ, изъ нея заимствуемыхъ, для превращенія мыслей въ предметы, для осуществленія ихъ.

Основаніе изящныхъ искусствъ—мысль; цѣль—обращеніе мысли въ предметъ; главныя средства—звуки, образы и слово. Въ отношеніи къ основанію и цѣли—искусства составляютъ одно (родъ); по отношенію къ средствамъ—три вида, кабы три царства природы: музыку, искусства образовательныя, словесность. Природа, создаваемая человекомъ въ этихъ трехъ видахъ, подобно природѣ Творческой, дѣлается въ свою очередь также предметомъ изслѣдованія, какъ міръ дѣйствительный. Списки этой природы суть словесныя науки и теорія изящныхъ искусствъ вообще. Эти науки настолько же отличны отъ самыхъ искусствъ, насколько прочія науки и ихъ предметы различны ²⁾.

Итакъ разница между науками и изящными искусствами заключается въ слѣдующемъ. Въ наукахъ предметы обраба-

¹⁾ Стр. 10.

²⁾ Стр. 11.

ются въ мысли, въ искусствахъ—мысли дѣлаются предметами. Въ наукахъ дѣйствительное дѣлается идеальнымъ (изъемясь изъ пространства и времени); искусства—идеальное вводятъ въ среду дѣйствительнаго. Умъ производитъ науки изъ предметовъ, а искусства предметы порождаютъ изъ себя. Тамъ все многообразіе сосредоточивается въ умѣ, здѣсь умъ обращается въ многообразіе. Тамъ предметы отражаются въ умѣ, здѣсь умъ отражается въ предметахъ. Въ наукахъ природа дѣйствительная представляется мысленною. Въ искусствахъ—мысли являются природою.

Выяснивъ различіе наукъ отъ искусствъ, мы можемъ перейти къ вопросу о взаимномъ отношеніи наукъ другъ къ другу; этотъ вопросъ рѣшается въ статьѣ:

Общій чертежъ наукъ.

Распредѣлить науки на свои порядки есть потребность, которой пытались удовлетворить многія дѣленія наукъ—съ Аристотеля до нашего времени (дѣленіе по факультетамъ). Но ни одна изъ этихъ классификацій не удовлетворительна; это происходитъ, впрочемъ, не отъ трудности задачи, а отъ неудачнаго выбора начала рѣшенія.

Науки различны; слѣдовательно, должно быть основаніе ихъ различія. Это основаніе должно быть и началомъ дѣленія наукъ. Прежде всего, значитъ, надобно опредѣлить, что служить основаніемъ различія наукъ ¹⁾.

Всякая наука, какъ познаніе, должна имѣть свой предметъ познанія, т. е. не можетъ быть безъ познаваемаго. По-

¹⁾ Стр. 97.

знать значитъ представить въ разумѣніи познаваемое—такъ, какъ оно есть, или какъ кажется, и какъ быть могло.

Представленіе есть списокъ или изображеніе предмета. Наука, какъ познаніе своего предмета, есть списокъ его. Различіе списковъ возможно лишь при различіи подлинниковъ и средствъ списывать или познавать. Различіе наукъ возможно лишь при различіи предметовъ и способовъ познанія; основаніе различія наукъ есть различіе предметовъ и способовъ познанія. Вопросъ „какъ раздѣлять науки“ обращается въ другой: „какъ раздѣляются предметы и способы нашего познанія?“¹⁾

Первый шагъ въ познаніи есть сомнѣніе познающаго въ единствѣ его съ познаваемымъ, вслѣдствіе чего познающее „я“ отдѣляется отъ познаваемаго и ставитъ себя въ противоположность съ нимъ. Что все это, чтѣ не—„я“? и что такое—„я“—среди всего изумляющаго меня многообразія: вотъ второй шагъ. Этимъ опредѣляются два отдѣльные предметы нашего познанія: 1) Разумѣніе или познающее (subjectum) и 2) Природа или познаваемое (objectum).

Человѣкъ, воплощенный мыслящій духъ, не могъ не усумниться съ самаго начала, что видимая имъ природа есть онъ самъ, и сомнѣнія его не могли быть продолжительны. Различіе такъ разительно! Отдѣленный силою мысли отъ массы предметовъ, онъ не могъ потерять ихъ изъ виду: напротивъ, бытіе ихъ стало для него еще оцутительнѣе, чѣмъ прежде. Пораженный величіемъ зрѣлища, человѣкъ былъ увлеченъ природою, вліяніе коей такъ сильно чувствуется; а жажда такъ велика, силы разумѣнія свѣжи! Но проходя отъ одного предмета къ другому, а число ихъ „не смѣти“, человѣкъ не могъ не повторить вопроса и о себѣ: чтѣ въ немъ мыслить, и какою силою онъ постигаетъ неизмѣримость, самъ будучи точкою. Съ теченіемъ времени понятія его о природѣ.

¹⁾ Стр. 98.

и о самомъ себѣ развивались болѣе и болѣе; между тѣмъ приобрѣтались и положительныя свѣдѣнія. Эти понятія составили два разряда наукъ:

- 1) Физическія, которыхъ предметъ—природа,
- 2) Психическія, которыхъ предметъ—самъ познающій духъ, или человѣкъ, какъ существо мыслящее, одаренное разумомъ и волею ¹⁾).

Углубляясь въ изслѣдованіе природы, мы замѣчаемъ, что все въ ней условно, все стоитъ во взаимной зависимости. И мыслящій въ человѣкѣ духъ долженъ отнести себя въ ту же сферу условнаго и зависимаго, которое не можетъ быть самому себѣ началомъ: человѣкъ и природа предполагаютъ Творца, высшее начало, которымъ все обусловлено и все поддерживается. Если такъ величественна природа, и столь дивенъ человѣкъ, то что же Творецъ и природы, и человѣка! разумъ сознаетъ свое безсиліе и, пытаясь его познать, падаетъ изъ одной бездны заблужденій въ другую, пока не загорится заря вѣры. Предъ человекомъ неожиданно развивается цѣлый міръ отраднѣйшихъ вѣрованій, которыя, будучи приведены въ систему, образуютъ *богословскія науки*.

Итакъ Богъ, природа, человѣкъ—вотъ первые предметы нашего познанія; науки богословскія, физическія и психическія—вотъ ихъ списки или изображенія. Но въ числѣ наукъ вообще есть многія, которыя не принадлежатъ ни къ одному изъ названныхъ трехъ разрядовъ; слѣдовательно, есть еще предметы познанія, которые въ поименованныхъ не содержатся и, слѣдовательно, должны быть еще другіе разряды наукъ. Какіе же именно?

Дѣятельность мыслящаго духа имѣетъ два противоположныя направленія: или 1) усиливается все познаваемое сосредото-

¹⁾ Стр. 99.

точить въ себѣ, сводя предметы познанія на понятія, или 2) самъ стремится въ проявленію, обращая свои понятія въ предметы, что знаменуется изящными искусствами ¹⁾. Произведенія искусствъ образуютъ особый міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы, который въ свою очередь тоже дѣлается предметомъ изученія, познаётся: оттуда особый родъ наукъ, называемый вообще *словесными науками*.

Есть еще предметъ изученія, не менѣе обширный и любопытный: это міръ политическій. Изученіе его обусловливаетъ также особый разрядъ наукъ: это—*науки политическія*.

Симъ заключается весь рядъ предметовъ познанія, стоящихъ на одной ступени логической соподчиненности.

Спросятъ: гдѣ жь предметы для Философіи и Математики?

Кромѣ изчисленныхъ, нѣтъ другихъ предметовъ познанія. Но одни и тѣ же предметы могутъ быть познаваемы различно. Всѣхъ способовъ познанія три: откровеніе (*revelatio*), опытность (*experientia*) и умозрѣніе (*speculatio*). Откровеніе господствуетъ въ наукахъ богословскихъ; опытность въ четырехъ остальныхъ разрядахъ; умозрѣніе въ философіи, куда относится и математика. Объяснимся.

Мы познаёмъ предметы двоякимъ образомъ: или 1) въ дѣйствительности, или 2) въ возможности. Познавая предметы въ дѣйствительности, мы представляемъ ихъ такъ, какъ они являются въ пространствѣ и времени; это—область наукъ положительныхъ. Познавая предметы въ возможности, мы усиливаемся постигнуть, какъ они могли явиться въ пространствѣ и времени именно въ томъ видѣ, какъ дѣйствительно являются: эта область философіи, науки умозрительной. Да, умозрительная наука—одна, философія. Постигненіе дѣйствитель-

¹⁾ Объ изящныхъ искусствахъ см. выше, стр. 131. Павловъ здѣсь дословно повторяетъ (стр. 99—100) сказанное въ первой статьѣ на стр. 8—9.

наго въ возможности подраздѣляется: одно имѣетъ предметомъ начало явленія, идею, другое—форму. Наука идей—идеологія, наука формъ—математика; та и другая составляютъ одно цѣлое—философію, науку чисто-умозрительную. Предметъ философіи—всѣ предметы нашего познанія, являющіеся въ пространствѣ и времени; но они разсматриваются въ ней со стороны возможности. Въ идеологіи представляется начало ихъ явленія, идея; въ математикѣ формы ихъ явленія въ пространствѣ и времени, мѣра и число. Итакъ всѣ науки по различію предметовъ и способовъ познанія раздѣляются на шесть разрядовъ:

- 1) Науки богословскія.
- 2) „ физическія.
- 3) „ психическія.
- 4) „ словесныя.
- 5) „ политическія.
- 6) „ философскія.

Каждый разрядъ имѣетъ свои подраздѣленія, но мы предположили ограничиться чертежемъ общимъ ¹⁾.

Выяснивъ взаимоотношеніе наукъ (по Павлову), перейдемъ къ характеристикѣ спеціальныхъ наукъ—естествознанія. Для этой цѣли послужить намъ статья „О способахъ изслѣдованія природы“, помѣщенная въ „Мнемозинѣ“, кн. 4, стр. 1—34, и подписанная двумя греческими *π. π.*

¹⁾ Стр. 101.

О способахъ изслѣдованія природы.

То, что называется природою ¹⁾, есть либо 1) познаваемое только (исключительно *природа*), либо 2) познаваемое и познающее вмѣстѣ (*разумнiе, intelligentia*); второе относится къ познающему въ человѣкѣ духу. Человѣкъ же, съ самаго начала своего появленiя среди природы пораженный ея величiемъ и вмѣстѣ изумленный самимъ собою, невольно долженъ спросить себя: что все это, что внѣ меня? (ср. стр. 134) И что такое я самъ на семъ великомъ зрѣлищѣ? Оставимся на первомъ вопросѣ.

Постигаемые предѣлы вселенныя можно ли принять за дѣйствительные? Природу, какъ вмѣстилище всего сотвореннаго, легче вообразить сферою, которой центръ всюду, а окружность—нигдѣ. Природа, въ семъ значенiи взятая, не есть предметъ изслѣдованiя, но составляетъ только предметъ благоговѣйнаго удивленiя величiю Творца ея.

Неизмѣримое пространство вселенныя неминуемо предполагаетъ и многообразiе существующаго въ ономъ чрезвычайное, какъ въ этомъ можно убѣдиться, разсматривая безчисленные роды растений и животныхъ на поверхности нашей планеты и въ глуби океана. Если стараться постигнуть совокупность всего видимаго и сдѣлать счетъ тѣламъ, составляющимъ природу, то она представляется храмомъ безпредѣльной обширности: въ немъ безчисленные предметы, уже приизведенные—*producta*; съ этой стороны о природѣ можно сказать: она *есть* (*amplexus eorum, quae sunt*), и кажется находящеюся въ покоѣ, какъ нѣчто содержимое ²⁾.

Но при болѣе внимательномъ и глубокомъ проникновенiи—вдали кажущееся покойнымъ находится въ движенiи.

¹⁾ Стр. 1.

²⁾ Стр. 4.

Природа не кажется болѣе произведенною только, но непрерывно измѣняющеюся; и притомъ она остается неизмѣнною: все умираетъ и разрушается, но природа не пустѣетъ. Одно умираетъ, другое рождается. Природа постоянно измѣняется (*производимость* ея) и постоянно остается тѣмъ же, чѣмъ по манію Всемогущаго вышла изъ ничтожества (*пробываемость* природы). Словомъ: въ природѣ мы находимъ всегдашнюю пробываемость при непрерывной производимости. Что это значитъ? Разсматривая, напр., животное тѣло, мы находимъ, что оно *живетъ*. Главнѣйшій признакъ, существеннѣйшее различіе жизни есть пробываемость въ производительности. Такъ и природа: непрерывно разрушается и непрерывно возникаетъ, производится и пробываетъ—она живетъ. Произведеніе всесовершенной Жизни мертво быть не можетъ ¹⁾.

Тѣло наше живетъ, поколику всѣ органы, имѣя собственную жизнь и дѣйствуя отдѣльно, содѣйствуютъ общей жизни и поддерживаютъ цѣлость организма. Такъ цѣлая природа живетъ въ своихъ частяхъ, а части поддерживаются жизнію цѣлаго; такъ живетъ наша планета, основа коей (*partes solidae*)—земля, кровь (*humores*)—воды, дыханіе—воздухъ, воспроизводительные органы—растенія и животныя, органы мышленія—человѣкъ.

При всемъ несмѣтномъ многообразіи существующаго и безчисленности дѣйствій и явленій, мы замѣчаемъ въ ходѣ природы постоянный, непремѣняемый порядокъ и находимъ во множествѣ единство, такъ что природа кажется намъ самою гармоніею.

Открыть главную причину всѣхъ несмѣтныхъ движеній въ сей гармонической машинѣ, образовать общую теорію и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслию погружаться въ дѣла Всесотворшаго—вотъ цѣль нашихъ изслѣдованій. Къ сему то

¹⁾ Стр. 6.

знанію стремится духъ человѣка во всѣхъ вѣкахъ. Стремясь къ своему высокому назначенію, духъ человѣка перелетитъ въ пропасти, какими отдѣляется его отъ искомаго свѣта могучее чудовище невѣжества и прорвется чрезъ всѣ мраки, бездны и хаосъ ¹⁾!

Стремленіе сіе направляется съ двухъ противоположныхъ точекъ (*опытъ и умозрѣніе*). Природа изслѣдывается двумя способами: аналитическимъ-эмпирическимъ (отъ явленій восходятъ къ началамъ, и на опытѣ зиждется все знаніе) и синтетическимъ-умозрительнымъ (отъ началъ къ явленіямъ). Какой способъ превосходнѣе? Большинство на сторонѣ эмпиріи; но большинство не доказательство справедливости; собственное разсужденіе и изслѣдованіе никогда не вредятъ истинѣ.

Въ изслѣдованіи природы познающій духъ силится свести на понятія то, что въ пространствѣ и времени, свести явленія на дѣйствія, силы и законы, силится списать природу. Чтобы оцѣнить естественныя науки, этотъ списокъ природы, надобно изслѣдовать, имѣетъ ли онъ сходство съ своимъ подлинникомъ ²⁾.

Сходство понятій съ познаваемымъ предметомъ называется истиною, это же есть и знаніе, ибо въ (противномъ) случаѣ несходства понятій съ предметомъ мы предмета не знаемъ. Увѣряться же въ истинѣ теоріи можно лишь, убѣдившись въ сходствѣ понятій нашихъ съ внутреннимъ ходомъ явленій, изображеніе коихъ есть теорія.

Истина одна, и это сходство понятій съ предметомъ можетъ быть только одно. Изъ царства истины исключается все съ нею разнородное; гдѣ различныя представленія одного и того же, тамъ ложь.

Естественныя науки имѣютъ одинъ предметъ — природу;

¹⁾ Стр. 8.

²⁾ Стр. 9.

и теорія природы должна быть одна. Многихъ сходствъ быть не можетъ. Всѣ естественныя науки должны образоваться подъ вліяніемъ одной теоріи.

Таковы ли естественныя науки, обрабатываемыя *эмпирически*? Въ этомъ спискѣ природы замѣтна ли гармонія подлиннива? Физика объемлетъ всю природу и должна бы представлять общую теорію; но въ ней самой мы не находимъ единства началъ, а иногда даже на одинъ предметъ имѣются многія теоріи.

Естественная исторія (Естествоописаніе), какъ одно цѣлое, должна была бы быть картиною трехъ царствъ природы, въ прелестнѣйшей связи между собою состоящихъ; но она оказывается картиною безсвязности, ибо раздѣленіе минераловъ, растеній и животныхъ основывается на различныхъ началахъ.

Физиологіи въ медицинѣ принадлежитъ роль физики въ естествознаніи. Но и физиологія, и патологія, и фармакологія, и терапия имѣютъ не одну, а многія теоріи. Такова вывѣска несовершенства въ той наукѣ, которой поборники истощаютъ въ доказательствахъ, что опытъ есть единственное, прочнѣйшее основаніе знанія.

Отъ чегожъ зависитъ такое несовершенство эмпирическихъ наукъ? ¹⁾ Неужели ихъ представители обманываются касательно значенія опыта? Природа, какъ явленіе въ пространствѣ и времени, находится въ непрерывной производимости, состоящей въ превращеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы. А по (совершенно неправильной) атомистической теоріи, природа только кажется производящею, сопоставляя начала, коихъ различное содержаніе причиною различія тѣлъ. Въ органической же природѣ часто, какъ мы убѣждаемся изъ химическихъ опытовъ, совершается образованіе тѣлъ съ такими составными частями, какихъ совсѣмъ не

¹⁾ Стр. 12.

было въ средѣ ихъ образованія. Таковы между многими опыты Шрадера съ растеніями, посаженными въ чистѣйшемъ сѣрномъ порошокѣ, причѣмъ образовывались различныя минеральныя вещества.

Развитіе формъ въ органической природѣ чрезвычайно, вещество для ихъ образованія одно—слизь. Изъ слизи образуются начально и жидкія части, и клѣтчатая плева, основа плотныхъ частей въ органическихъ тѣлахъ.

Очевидно, что многообразіе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самаго вещества: оно одно, непроницаемое въ пространствѣ, и служитъ лишь массою, основою явленія. То, отъ чего зависитъ образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное и ему противоположное. Условное названіе этому нѣчто—*идеальное*. Законъ, по которому идеальное дѣйствуетъ,—*идея* вообще, въ тѣлахъ живыхъ—*идея жизни* ¹⁾. Вещество принимаетъ ту или другую форму, смотря по тому, какаго идеальнаго вліянію подвергается. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но невещественно, а идеально, въ возможности (*in potentia*). По этой внутренней модели (*идеѣ*) матеріалъ питанія растеній превращается въ растительное тѣло, какъ строительный матеріалъ превращается въ зданіе по фигурѣ, родившейся въ головѣ архитектора. И въ тѣлахъ животныхъ, красиваго павлина, огромнаго кита или слона, начало одно—слизь, а различіе формъ, въ которыя слизь превращается, зависитъ отъ идеальнаго.

Формы вещества, случайно подвергающагося дѣйствию то того, то другаго идеальнаго, временны. Существованіе вещественнаго, какъ опредѣленнаго вида, есть только *случайное*, *мнимое*, ибо служитъ лишь отпечаткомъ существованія идеальнаго. Дѣйствительно существуетъ только идеальное, а ве-

¹⁾ Стр. 16.

щественное случайно: в. Если въ чувственномъ видѣ представить себѣ природу подъ образомъ обширнаго моря, на которомъ сильный вѣтеръ вздымаетъ нѣкоторыя волны, то волны—преходящія формы, явленія, вода въ разныхъ формахъ—вещественное, вѣтры—идеальное; все вмѣстѣ взятое—производимость природы; а начальная причина—Богъ. Видимое для насъ есть только мнимое существованіе (φαινομενον—sic) а сущность (ουσιον) скрывается въ идеальномъ. Все видимое движется въ слѣдствіе дѣятельности идеальнаго.

Возвратимся къ способамъ изслѣдованія природы ¹⁾.

Аналитическое или эмпирическое изслѣдованіе утверждается на опытности и можетъ имѣть предметомъ только внѣшнее въ каждомъ видѣ существованія, подлежащее чувствамъ; а сіе есть несущественное въ природѣ. Путемъ опытности можно дойти лишь до понятія о случайномъ, коимъ управляетъ нѣчто постоянное, т. е. идеальное. Идеальное же не подлежитъ опытамъ: его нельзя заключить ни подъ воздушный колоколъ, ни въ папиновъ горшокъ. Поэтому то въ эмпирическихъ наукахъ доселѣ нѣтъ ничего положительнаго; взоръ эмпириковъ ничего не видитъ въ морѣ природы, кромѣ цѣнныхъ колебаній.

Итакъ, природа имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Наружность поражаетъ прежде. Душа, сообщаясь съ міромъ посредствомъ наружныхъ чувствъ, прежде обращается къ внѣшней сторонѣ природы, и находя все многообразіе условнымъ, стремится привести его къ единству, къ безусловному. Единство и безусловное—вотъ цѣль, въ которой во всѣ столѣтія стремится мыслящій въ человѣкѣ духъ.

Тотъ моментъ дѣйствія души, когда она чрезъ наружныя

¹⁾ Стр. 19.

чувства обращаясь къ внѣшней сторонѣ природы, силится свести видимое на безусловное, называемъ *разумомъ*: противоположный—*умомъ*. Вникнемъ: далеко ли простираются дѣйствія разума? Душа поражается многообразіемъ; это есть *воззрѣніе*. Разумъ размѣщаетъ вещи сходныя въ особые ряды, приводитъ ихъ къ единству (*collocatio similitum rerum*), а потомъ разбираетъ, что онѣ имѣютъ между собою общаго, и это послѣднее отвлекаетъ (*abstractio*). *Общее*, отвлеченное отъ подобнаго частныхъ (изображенія коихъ оставляется въ забвеніи), есть *понятіе*. Первый порывъ души въ сведеніи многообразія къ единству есть составленіе понятій, причемъ замѣчаются три момента: 1) совмѣщеніе подобныхъ (*collocatio*), 2) разборъ сходства (*comparatio, analysis*), 3) отвлечение того, что составляетъ сходство (*abstractio*) ¹⁾.

Но и сіи высшія сферы понятій кажутся душѣ еще частными, представляются многообразіемъ, а ея цѣль—*единство*. Потому и сіи сферы она силится подвести подъ общее единство, точно такъ же поступаая, какъ и при составленіи каждаго понятія порознь, снося вмѣстѣ, разбирая сходство и отвлекая общее. Такимъ образомъ отъ понятій *видовъ* душа поступаетъ къ понятію *рода*, порядка и т. д.; самое высшее понятіе есть *бытіе*, отвлеченное отъ всего, о чемъ можно сказать: *есть*. Бытіе есть самое простѣйшее, самое общее, отъ него уже нечего болѣе отвлекать, оно не имѣетъ сказуемаго и само есть подлежащее безъ сказуемаго, все есть его видъ.

Составленіе понятій есть процессъ восхожденія, въ которомъ каждая ступень къ низшему содержится, какъ общее, а къ высшему, какъ частное. Чѣмъ выше восходитъ разумъ, тѣмъ болѣе рѣдѣетъ или утончается съ увеличеніемъ объемлемости сфера понятія: ближайшія къ предметамъ полнѣе, болѣе имѣ-

¹⁾ Стр. 21.

ютъ сказуемыхъ. *Предметы* (особня, individua) и *бытіе* ¹⁾ составляютъ крайности сего восхожденія. Первая ступени— ближайшія къ дѣйствительности (realitas), но и здѣсь, еще въ первой сферѣ отвлеченія предметы (экземпляры) уже исчезаютъ, а остается лишь общее между ними. Восходить далѣе значитъ удаляться отъ предметовъ. Каждая сфера понятій представляется пустою, гдѣ потеряна дѣйствительность: и чѣмъ выше сфера понятія, тѣмъ она пустѣе. Самая высшая сфера есть самая большая пустота, гдѣ все многообразное не къ единству приведено, а обращено въ пустоту.

Разумъ (не одного человѣка, а всѣхъ людей вообще и во всѣхъ вѣкахъ), замѣтивъ такой недостатокъ въ понятіи (здѣсь разумъ какбы олицетворяется; но вѣдь разумъ есть душа, обращенная къ внѣшней сторонѣ природы, а душа есть дѣйствительно нѣчто самостоятельное, живое, дѣйствующее по усмотрѣнію), дѣлаетъ новое усиліе, чтобы пополнить оный. Это есть *сужденіе*, второе дѣйствіе разума, когда онъ общее старается поставить на видъ въ частномъ; общее, какъ нѣчто пустое, онъ спасаетъ на частномъ, какъ существеннѣйшемъ, чтобы общее, исчезнувшее, внѣ дѣйствительнаго, соединить черезъ частное съ дѣйствительнымъ.

Во второмъ дѣйствіи разума также три момента: частное (подлежащее), общее (сказуемое) и моментъ ихъ соединенія, связь (corula). Разумъ во второмъ дѣйствіи, частное подчиняя общему, силится случайно сообщить съ постояннымъ. Онъ силится все многообразіе свести къ единству и не хочетъ удаляться отъ существенности. Въ первомъ дѣйствіи онъ замѣчаетъ ея удаленіе, во второмъ онъ хочетъ къ ней возвратиться, но не достигаетъ своей цѣли: подчиняя частное общему, онъ еще не нисходитъ до самыхъ предметовъ: въ част-

¹⁾ Стр. 23.

номъ не видны особыя (*individua disparent*). И поэтому разумъ дѣлаетъ еще новое усиліе и старается соединить особое съ общимъ посредствомъ частнаго, и это есть *заключеніе*, третье дѣйствіе разума, коего моменты: *общее, частное, особое*.

Разборъ трехъ дѣйствій души, обращенной къ внѣшней сторонѣ природы, есть теорія разума, что обыкновенно называютъ *логику* ¹⁾.

Начиная съ видимаго, съ того, что поражаетъ чувства, мы познаемъ эмпирически, и это естественно. Но не естественно этимъ кончить. Симъ путемъ мы не можемъ дойти до цѣли естествопознанія, до единства, изъ котораго бы можно объяснить видимое.

Единство, до коего доходитъ разумъ, есть *пустота*, въ которой все дѣйствительное (*geale*) исчезаетъ и, откуда нельзя вывести многообразное. А важнѣйшая задача есть: найти единство, какъ внутреннее начало каждаго явленія, единство, изъ котораго можно объяснить внутреннюю сторону природы. Такое единство, котораго внѣшняя сторона служитъ только тѣнью, есть *идея*, а понятіе о ней условно назовемъ *мыслію*: это есть уже понятіе ума, а не разума. Понятіе разума говоритъ о формѣ вещи, а понятіе ума о самой сущности. *Мысль* совершенно противопологается *понятію*. Понятіе есть *формальное* единство, а мысль — *существенное*. Мысль извѣщаетъ о внутренности явленія, а понятіе только о поверхности онаго. Понятіе составляется, мысль рождается и развивается. Понятіе — предметъ *логики*, мысль — *философіи*.

Душа, обращенная къ внѣшней сторонѣ природы, можетъ обогатиться только понятіями. Разумъ не простирается далѣе понятій, и потому ограниченъ: онъ имѣетъ удѣломъ скользить лишь по поверхностямъ явленій, не проникая въ внутренность ихъ.

¹⁾ Стр. 27.

Внѣшняя сторона природы есть область эмпириі, слѣдательно, поприще разума; внутренняя есть область умозрѣнія и поприще ума. Идущіе по первому находятъ только отраженіе, отпечатки идеальнаго. Идущіе по второму силятся созерцать *идею*, самое отражающее ¹⁾.

Начало эмпириі—явленія, начало умозрѣнія—самопознаніе; ходъ эмпириі—наведеніе (*inductio*), ходъ умозрѣнія—выводъ (*deductio, constructio*). Эмпириі отъ окружности устремляется въ центр—на удачу, а умозрѣніе отъ центра поступаетъ въ окружности навѣрное. Эмпирикъ силится привести хаосъ явленій въ порядокъ на основаніи признаковъ, не заботясь о томъ, какое понятіе родитъ его система о природѣ: потому эмпирическія системы такъ сухи, незанимательны. Для эмпирика природа—груда матеріи, которую онъ силится разложить и описать. Для умозрителя признаки тѣлъ суть буквы, коими идеальное, проявляясь въ вещественномъ, даетъ себя разумѣть: его система тѣлъ естественныхъ есть картина развитія царствъ природы ²⁾.

Впрочемъ, умозрѣніе при всѣхъ своихъ преимуществахъ недостаточно безъ эмпириі. Каждое явленіе (и природа—ихъ совокупность) есть соединеніе противоположностей (*synthesis oppositorum*),—совмѣстность идеальнаго съ вещественнымъ. Посему и умозрительное познаніе, и эмпирическое, какъ одностороннее, каждое по отдѣльности—неполно. Умозрители убѣждены въ необходимости обоюднаго познанія (что непонятно эмпирикамъ) и нимало не чуждаются эмпириі, но для нихъ опыты и наблюденія—повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія, а не самыя начала. Вѣдь умозрители пользуются и чужими опытами, и сами ихъ дѣлаютъ.

¹⁾ Стр. 29.

²⁾ Стр. 30.

Мнѣніе, будто наука въ наше время идетъ въ совершенству исполнскими шагами,—мечта! Число то открытій увеличивается, а природа остается по прежнему нерѣшенной задачей. Электричество, разложеніе щелочей, газы, вліаніе гальванизма на магнитную стрѣлку, эти открытія—блестательныя эпохи въ развитіи наукъ; но объяснилась ли съ симъ хотя нѣсколько сама природа? объяснилось ли электричество, гальванизмъ и т. п.?

Эмпирическія открытія умножаютъ число явленій природы и вопросовъ для рѣшенія. Разумъ обогащается; но оставаясь по прежнему въ границахъ случайнаго, онъ въ познаніи природы не поступаетъ далѣе.

Опытъ можетъ довести до открытій, но до знанія оныхъ никогда. Эмпирическія свѣдѣнія не выше обыкновеннаго разсказа, они только матеріалы знанія, разбросанныя въ безпорядкѣ ¹⁾.

Эмпирики выдумываютъ теоріи для устраненія этого хаоса, но смѣна ихъ теорій есть замѣна одной лжи другою. Новое открытіе ведетъ къ новой теоріи; то, что принимали за истину, выдается за ложь. Узнавать теоріи эмпириковъ значитъ переходить отъ старой лжи къ новой. Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія (доступное лишь для ума, а не для разума), и слѣдовательно, не дѣло эмпиріи.

Посему, если для облегченія успѣха въ Естественныхъ наукахъ общая теорія должна быть цѣлью, и если теоріи вообще необходимы, то умозрительный способъ изслѣдованія природы заслуживаетъ большаго вниманія ученыхъ, чѣмъ сколько обыкновенно удостоивается.

¹⁾ Стр. 33.

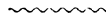
Переходимъ къ сочиненію Павлова, которое доставило ему наибольшую извѣстность, именно, въ его „Основаніямъ физики“. I часть вышла въ Москвѣ, въ 1833 г. Титуль, V стр. оглавленія, 1 пустая стран., второй титуль, текста 3—302 стр. + 3 таблицы чертежей. Въ книгѣ 99 § и въ таблицахъ— 39 чертежей. II-я часть вышла въ 1836 г. въ Москвѣ же, заключаетъ: Титуль, нен. 2 стр. „предисловіе“, второй титуль, текста 3—368 стр. + „оглавленіе“ VII стр. + 3 таблицы. Въ книгѣ § 100—§ 249 и въ таблицахъ 46 чертежей ¹⁾. Третья часть, долженствовавшая излагать органическую физику, совсѣмъ не появилась. Въ 1835 г. вышло „изданіе второе“ I части, заключающее: Титуль, V стр.—„оглавленіе“, 1 пустая, второй титуль и текста 3—311 стр.; чертежей и §§ столько же, какъ въ первомъ изданіи, но текста болѣе на 9 стр. Въ текстъ помѣщены поправки и исправленіе ошибокъ, указанныхъ критиками. Главными критиками были *Лениз* въ *Dopdater Jahrbücher*, которому Павловъ написалъ отвѣтъ (объ этой весьма любопытной и важной полемикѣ будетъ рѣчь ниже) и „Ярославскій ученый“, помѣстившій рецензію въ „Московскомъ Наблюдателѣ“

¹⁾ Экземпляръ Юрьевской унив. библиотекы, которымъ я пользовался, имѣетъ на II г. автографъ автора (размашистымъ почеркомъ): Михайлу Петровичу Розбергу отъ автора, 31 августа 1836 Москва. Розбергъ былъ въ Дерптѣ проф. русской словесности. Воспитываясь въ Московскомъ университетѣ, онъ увлекался философіею и былъ отчаяннымъ шеллинговцемъ, о чемъ см. у Ксен. *Полесого*, Зап., стр. 152—154.

за 1837 г., на которую Павловъ отвѣчалъ въ „Литературныхъ прибавленіяхъ въ Русскому Инвалиду“: „О несомнѣнности математики въ физикѣ“. „Біогр. Словарь“ указываетъ на эти отвѣты Павлова, какъ на примѣръ „немилосерднаго пораженія противниковъ“ ¹⁾).

„Физика“ Павлова производитъ замѣчательно благопріятное впечатлѣніе изяществомъ плана. Сначала вездѣ изложены наблюденія, опыты и описаніе явленій, а потомъ уже предлагается пояснительная, натурфилософская теорія. Въ виду того, что въ своемъ изложеніи „Физики“ мы ограничимся только разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ, теоретическихъ главъ в §§, не будетъ излишнимъ привести общій перечень содержанія ея, дабы дать читателю возможность видѣть и экспериментальный составъ физической системы Павлова.

Къ этому нужно еще добавить, что нѣкоторыя главы изъ „Физики“, имѣющія общій интересъ, помѣщались предварительно въ журналъ „Атеней“. Такъ, напр., въ „Атеней“ за 1828 г., во 2-ой части, были помѣщены: въ № 6, науки, стр. 129—141 „О предметѣ физики“; статья, составляющая I отдѣлъ Введенія въ I-ю часть, а въ № 7, стр. 253—263—„Содержаніе и расположеніе физики“, составляющая VII и VIII отдѣлы того же Введенія.

¹⁾ Стр. 185, прим. 3. Неправильно указаніе на отвѣтъ Павлова Ленду, будто бы въ „Телеграфѣ“ за 1825 г. (т. е. еще до выхода окритикованной „Физики“).

Общій обзоръ содержанія „Физики“ Павлова.

Введеніе: I. Предметъ физики. II. Опредѣленіе физики. III. Средства физики, или способы изслѣдованія. IV. Свѣденія положительныя и теорія. V. Физика положительная и теоретическая. VI. Физика опытная и умозрительная. VII. Содержаніе физики. VIII. Планъ физики.

Физики общей отдѣленіе первое. Свѣтъ.

Глава I. Свѣтъ въ явленіи.

A. Свѣтъ, какъ причина видимости: Раздѣленіе тѣлъ въ отношеніи къ свѣту. Источники свѣта. Распространеніе свѣта. Расходимость лучей свѣта. Яркость свѣта, или степень освѣщенія. Скорость свѣта. Отраженіе, разсѣяніе и поглощеніе свѣта. Законы отраженія свѣта. Отраженіе отъ зеркалъ плоскихъ, сферическихъ, вогнутыхъ, выпуклыхъ. Преломленіе свѣта. Законы преломленія. Преломленіе свѣта въ стеклахъ разной формы, въ стеклахъ плоскихъ, сферическихъ. Двойное преломленіе. Оптическая ось. Направленіе преломленныхъ лучей въ кристаллахъ съ одною и съ двумя оптическими осями. Поляризація свѣта посредствомъ двойнаго преломленія, отраженія, простаго преломленія. Свойства поляризованныхъ лучей. Поляризующія тѣла.

В. Свѣтъ, какъ причина цвѣтности: Случаи оцвѣченія свѣта, а. Преломленіе. а) Преломленіе въ призмѣ. Свойства призматическихъ лучей: 1. Преломляемость. 2. Отражаемость. 3. Неразлагаемость. 4. Соединимость въ бѣлый. 5. Температура. 6. Химическія дѣйствія. 7. Черты въ цвѣтномъ изображеніи. б) Преломленіе въ тонкихъ пластинкахъ; в. Раздробленіе. Цвѣта тѣлъ. Ахроматизмъ.

С. Свѣтъ, кака причина тепла. Термометры: Фаренгейтовъ, Реомюровъ, Делилевъ, Цельсіусовъ, Амонтоновъ, Рутерфордъ à тахіта, Брекетовъ. Термоскопы: Лесливъ и Румфордъ. Пирометры: Веждвудовъ. Состоянія теплоты. 1. Теплота свободная. Теплоемкость. Удѣльная теплота. Калориметръ. Напряженность и проводники свободной теплоты. 2. Скрытая теплота. Количество скрытой теплоты въ жидкостяхъ, въ веществахъ воздухообразныхъ. 3. Лучистая теплота. Свойства лучистой теплоты: 1. Распространеніе въ средахъ прозрачныхъ, 2. Ненагрѣваніе проходимой среды, 3. Отраженіе, 4 Поляризація. Тождество лучистой теплоты и свѣта. Источники теплоты.

Глава II. *Свѣтъ самъ въ себѣ.*

Теорія свѣта Древнихъ, Декарта, Ньютона. Паденіе теоріи Ньютона. Опроверженіе теоріи Декарта. Теорія свѣта Ломоносова, Окена. Опроверженіе теоріи Окена.

Физики общей отдѣленіе второе. Тяжесть.

Глава 1. *Тяжесть въ явленіи.*

Направленіе тяжести. Поверхность земли, уровень моря. Равномѣрность дѣйствія тяжести на тѣла. Законъ тяжести.

Напряженность тяжести. Вѣсъ тѣлъ усобный и удѣльный. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ воздухообразныхъ, текучихъ, твердыхъ. Тѣла легкія и тяжелыя.

Глава II. *Тяжесть сама въ себѣ.*

Физики общей отдѣленіе третіе. Вещество.

Глава I. *Вещество въ явленіи.*

Общія свойства тѣлъ. 1. Зависящія отъ силы разширительной. А. Протяжимость: а) Линейная—очертательность, б) Поверхностная—объятность, с) Кубичная—непроницаемость. В. Дѣлимость: а) Линейная—тягучесть, б) Поверхностная—растяжимость, с) Кубичная—разширяемость, 2. Зависящія отъ силы сжимательной. А. Притяжимость: а) Линейная—цѣпкость, б) Поверхностная—липкость, с) Кубичная—связь. В. Соединимость: а) Линейная—сокращаемость, б) Поверхностная—стяжимость, с) Кубичная—сжимаемость. Частныя свойства тѣлъ, отличающія ихъ состоянія.

Глава II. *Вещество само въ себѣ.*

Теорія вещества Древнихъ, Лейбница, Новѣйшихъ атомическая, Канта динамическая, Окена, Автора вмѣстѣ съ теоріею свѣта и тяжести.

ОСНОВАНІЯ ФИЗИКИ.

Часть II.

Предисловіе. Введеніе.

Физики частной отдѣленіе первое. Силы планетныя невещественныя.

Глава I. *Силы планетныя невещественныя въ явленіи.*

А. Электричество. Раздѣленіе тѣлъ въ отношеніи къ электричеству. Тѣла разобщающія и разобщенныя. Разнородность электричества. Равновѣсіе разнородныхъ электричествъ. Свободное электричество. Электроскопы. Электрометръ. Явленіе электричества на поверхности тѣлъ. Удержаніе электричества на поверхностяхъ. Раздѣленіе электричества по поверхностямъ. Потеря электричества: отъ разобщителей, отъ воздуха. Разстояніе удара и сфера электрическаго дѣйствія. Способы возбуждать электричество: 1. Треніе. Электрическая машина. 2. Вліяніе. Электрофоръ. 3. Сообщеніе: черезъ соприкосновеніе, на разстояніи. 4. Сжатіе. Электрическая стрѣлка Гаю. 5. Нагрѣваніе. 6. Химическій процессъ. 7. Жизнь. Скрытое электричество. Конденсаторъ. Лейденская банка. Мѣсто скрытаго электричества. Электрическая батарея. Всеобщій разрядникъ. Электрическая цѣпь. Распространеніе электричества. Скорость электричества. Дѣйствія электричества: 1. Физическія. а) Притяженія и отторженія. Электрическій звонъ. Электрическій, или франклиновъ паукъ. Электрическій танецъ. Электрическая буря. Вольтовъ градъ. Законъ электрическихъ притяжаній и отторженій. б) Разширеніе. Электрическая мортара. Киннерслеевъ термометръ. Дѣйствія разширенія. с) Освѣщеніе. Различіе свѣта электр. положительнаго и отрицательнаго. Лихтенберговы фигуры. Электрическій свѣтъ въ воздухѣ. Электрическій свѣтъ въ пустотѣ. Цвѣтность электри-

ческаго свѣта. d) Нагрѣваніе. e) Окисленіе. f) Воспламененіе. Вольтовъ пистолеть. Электрическій домикъ. 2. Химическія. 3. Физиологическія. Воздушное электричество. Исторія открытія. Тождество электрической искры и молніи. Постоянное присутствіе электричества въ атмосферѣ. Периодичность воздушнаго электричества. Гроза. Молнія. Громъ. Ударъ грома прямой. Ударъ грома возвратный. Громовыя стрѣлы. Громоотводъ. Градоотводы. Происхожденіе воздушнаго электричества.

В. Магнитизмъ. Опредѣленіе. Сфера магнитнаго дѣйствія. Магнитные полюсы и средняя линія. Послѣдовательныя точки. Способы отыскивать магнитные полюсы. Магнитная полярность. Разнородность магнитной силы. Неутрализація разнородныхъ силъ магнитныхъ. Магнитизмъ положительный и отрицательный. Намагничиваніе. Вещества магнитическія и магнитныя. Сила ограничительная. Способы намагничиванія: 1. Прикосновеніе. 2. Натираніе. Точка насыщенія. Искусственныя магниты. Оправа магнитовъ. Магнитныя фигуры. Мѣсто магнитной силы. Дѣйствіе магнитовъ на всѣ тѣла. Земной магнитизмъ. Направленіе магнитной силы земли. Отклоненіе. Перемѣны отклоненія, годовыя, суточныя. Линіи безъ отклоненія и линіи наибольшаго отклоненія. Наклоненіе. Перемѣны въ наклоненіи, годовыя, суточныя. Магнитный экваторъ земнаго шара. Магнитные полюсы земли. Напряженность земнаго магнитизма. Изодинамическія линіи. Зависимость магнитной напряженности земли отъ температуры странъ. Перемѣны въ напряженности земнаго магнитизма годовыя и суточныя. Дѣйствіе земнаго магнитизма при удаленіи отъ земной поверхности. Вліяніе всѣхъ тѣлъ на магнитизмъ. Вліяніе тѣлъ на магнитизмъ въ состояніи ихъ покоя. Вліяніе тѣлъ на магнитизмъ во время ихъ движенія. Вліяніе теплоты на магнитизмъ. Вліяніе метеоровъ на магнитизмъ. Дѣйствія магнитизма физическія, химическія, физиологическія.

С. Гальанизмъ. Возбужденіе гальанизма. Гальаническая цѣпь и ея сила. Гальаническая цѣпь 1-го рода, 2-го рода и 3-го рода. Дѣйствія гальанической цѣпи. Дѣйствія цѣпи 1-го рода физическія. Произведеніе свѣта и теплоты. Электромагнитизмъ. Гальаническіе токи. Движенія, производимыя токами. Движенія токовъ отъ магнитовъ и земли. Гальанометръ. Термо-электрицизмъ. Дѣйствія цѣпи 1-го рода химическія, физиологическія. Дѣйствія цѣпи 2-го рода. Дѣйствія цѣпи 3-го рода.

Глава II. *Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ.*

Физики частной отдѣленіе второе.

Силы планетныя вещественныя.

Глава I. *Силы вещественныя въ явленіи.*

Точка зрѣнія. А. Воздухъ. 1. Свойства: а) Саморазширимость. Воздушный насосъ. б) Производимость. 2. Отношеніе къ другимъ дѣятелямъ: а) къ свѣту, б) тяжести, с) веществу, д) электричеству, е) магнитизму, ф) гальанизму. 3. Дѣйствія. Давленіе. Измѣреніе атмосфернаго давленія. Барометръ. Средняя высота барометра. Случайныя перемѣны. Періодическія перемѣны. Зависимость барометра отъ мѣстностей. Отношеніе барометра къ воздушному электричеству. Разныя мнѣнія объ атмосферномъ давленіи. В. Земля. 1. Свойства: а) Самосжимаемость. б) Производимость. 2. Отношеніе къ другимъ дѣятелямъ: а) къ свѣту, б) тяжести, с) веществу, д) электричеству, е) магнитизму, ф) гальанизму. 3. Дѣйствія. Всасываніе. С. Вода 1. Свойства. а) Капельность. б) Производимость. 2. Отношеніе къ другимъ дѣятелямъ: а) къ свѣту, б) тяжести,

с) веществу, d) электричеству, е) магнетизму, f) гальванизму.
3. Дѣйствія. Разтвореніе.

Глава II. *Теорія силъ планетныхъ вещественныхъ.*

Физики частной отдѣленіе третье.

Планетный процессъ.

Глава I. *Планетный процессъ въ явленіи.*

Глава II. *Теорія планетнаго процесса.*

Изложеніе „Физики“ Павлова.

I. Предметъ физики.

Физика ¹⁾ значить наука о природѣ. Въ древности этимъ именемъ означали всѣ свѣдѣнія о природѣ, хаосъ естественныхъ наукъ, который впослѣдствіи раздѣлился на многообразныя сферы, разныя науки. Изъ нихъ только одна удержала за собою общее имя, но это имя въ наше время имѣетъ другое значеніе ²⁾.

У всѣхъ естественныхъ наукъ предметъ одинъ—природа. Если же природа служить предметомъ многихъ наукъ, то слѣдуетъ заключить, что она 1) или принимается въ разныхъ значеніяхъ, или 2) рассматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія, или 3) и то, и другое ³⁾.

Природа, дѣйствительно, и въ разныхъ значеніяхъ принимается, и съ разныхъ точекъ зрѣнія рассматривается. Наука есть списокъ своего предмета, а предѣлы списка должны совпадать съ предѣлами подлинника. Каковъ же предметъ физики? Даже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ подъ этимъ названіемъ замѣтно сліяніе предѣловъ наукъ.

Ближайшій родъ, къ коему относится природа, есть существующее. Творецъ и твореніе, вотъ раздѣленіе всего су-

¹⁾ Изложено по II-му изданію

²⁾ Стр. 3.

³⁾ Стр. 4.

ществующаго. Подъ природою мы здѣсь понимаемъ все сотворенное: 1) природа сознательная, міръ духовный, познающее и познаваемое вмѣстѣ и 2) природа безсознательная, міръ физическій, совокупность только познаваемаго; эта послѣдняя и есть предметъ естествовѣдѣнія и рассматривается съ трехъ точекъ зрѣнія (ср. выше, стр. 138):

1) Какъ произведеніе. совокупность тѣлъ (*amplexus eorum, quae sunt*), 2) какъ производимое, совокупность явленій (*amplexus eorum, quae fiunt*). 3) Какъ производящее, совокупность производителей (*amplexus eorum, quae agunt*).

Поэтому есть три разряда естественныхъ наукъ: 1) науки о тѣлахъ (соматологія), 2)—о явленіяхъ (феноменологія) и 3)—о производителяхъ (динаміологія) ¹⁾.

I. *Тѣла*, составляющія природу, раздѣляются на небесныя (космографія—о мірѣ вообще, уранографія—о солнечной системѣ, географія физическая—о земномъ шарѣ) и земныя (наука о нихъ—натуральная исторія: минералогія, фитологія, зоологія). Больше тѣлъ нѣтъ, кромѣ распредѣленныхъ между частями соматологіи. Физикѣ нѣтъ здѣсь мѣста: она не можетъ быть наукою о тѣлахъ.

II. *Явленія*, какъ измѣненія въ состояніи тѣлъ, дѣлятся также на небесныя (астрономія—наука о нихъ) и земныя (о явленіяхъ въ неорганической природѣ—метеорологія,—въ природѣ органической—физиологія). Больше явленій нѣтъ, кромѣ составляющихъ собственность указанныхъ частей феноменологіи. Физика не можетъ быть наукою о явленіяхъ.

III. *Производители* природы суть вещество и силы. Первое, какъ масса, составляетъ предметъ химіи, вторыя остаются въ удѣлѣ физикѣ. Кромѣ физики, нѣтъ другой науки

¹⁾ Стр. 6.

для сего предмета, и наоборотъ, кромѣ сего предмета, нѣтъ для физики другого ¹⁾).

Силы природы, какъ причины естественныхъ явленій, могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ самыхъ явленій, напр., электричество отдѣльно отъ грозы. Но должно ли такъ поступать? При разсматриваніи явленій цѣлю поставляется объясненіе оныхъ, т. е. найти причину и способъ производства ихъ; значитъ, надо предварительно знать силу, производящую явленіе. Если бы каждое явленіе имѣло свою особую причину, тогда бы можно при самомъ объясненіи изслѣдовать и свойства, и законы дѣйствующей причины: отдѣльное изслѣдованіе причины было бы лишнимъ. Но вѣдь одна и та же причина можетъ участвовать въ многоразличныхъ явленіяхъ, а потому должна быть изучена отдѣльно. Объяснить явленіе, если мы знаемъ свойства силъ и законы ихъ дѣйствія, значитъ только рѣшить: *какая* изъ извѣстныхъ силъ въ ходу. Остается лишь показать способъ, какимъ сила, признанная за причину даннаго явленія, производитъ оное ²⁾). Природа при всей безчисленности явленій дѣйствуетъ немногими силами; отдѣльнымъ изслѣдованіемъ послѣднихъ сокращается изученіе природы со стороны явленій и самыхъ тѣлъ, ибо первыя суть перемѣны въ состояніи послѣднихъ.

Итакъ *силы* природы могутъ и должны быть особымъ предметомъ изслѣдованія и предметомъ особой науки—*физики*. Предметомъ физики остается природа въ смыслѣ совокупности силъ дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ ³⁾).

¹⁾ Стр. 7.

²⁾ Стр. 9.

³⁾ Стр. 10.

II. Опредѣленіе физики.

Физика есть наука о силахъ природы. Слову „сила“ дано здѣсь обширнѣйшее значеніе: сила есть всякая причина явленія, будетъ ли она невещественная (напр., тяжесть), вещественная (какъ воздухъ) или это будетъ процессъ, напр., планетный.

Природа вѣчнодѣятельна: вотъ точка зрѣнія физика. Какія средства употребляетъ природа къ поддержанію своей всегдашней дѣятельности? вотъ вопросъ, разрѣшаемый физикомъ. Разнородныя средства, употребляемыя природою, всѣ однородны въ томъ отношеніи, что онѣ служатъ причинами естественныхъ явленій. Средства и силы суть однозначительныя слова. Посему опредѣленіе физики: *наука о силахъ природы*, ни мало не сбивчиво и выражено точно. Подобнаго же опредѣленія придерживается и знаменитый Гей-Люссакъ ¹⁾ (исключая такіе неосновательно дѣлаемые придатки, какъ, напр., метеорологическія явленія, которыя относятся къ метеорологіи, и которыя въ физикѣ только нарушали бы единство предмета).

III. Средства физики или способы изслѣдованія.

Физика для изслѣдованія своего предмета имѣетъ два способа: ²⁾

1) *Опытность* (experientia), которую составляютъ а) *наблюденіе* (observatio), б) *опытъ* (experimentum),

2) *Умозрѣніе* (speculatio).

1. а) *Наблюденіе*. Силы природы обнаруживаются въ ихъ дѣйствіяхъ. Сцена дѣятельности природы и кругъ наблюденія необъятны и безпредѣльны: при взглядѣ на

¹⁾ Стр. 11, 12, 13.

²⁾ Стр. 14.

нихъ наблюдатель, повидимому, долженъ отказаться отъ познанія силъ. Но природа обличаетъ себя въ еденствѣ начала своей дѣятельности—общю гармонію, послѣдовательностью и согласіемъ всѣхъ несмѣтныхъ дѣйствій. Ободрительная мысль: кругъ наблюденія можно ограничить и опредѣлить мѣрою средствъ. Здѣсь аналогія имѣетъ силу и достоинство, ибо цѣлая вселенная есть безчисленное и безконечное повтореніе одного и того же цѣлаго, нашей солнечной системы: открытія въ нашей системѣ могутъ безошибочно вразумлять насъ и насчетъ природы вообще. Далѣе—силы природы лучше познавать тамъ, гдѣ обширнѣе кругъ ихъ дѣйствій, и гдѣ они независимѣе отъ постороннихъ вліяній, т. е. въ самой же природѣ.

Наблюденіе, какъ изслѣдованіе природы въ ея свободныхъ дѣйствіяхъ обширнаго размѣра, есть средство физики значительной важности ¹⁾.

b) *Опытъ*. Сямъ именемъ означается тотъ видъ изслѣдованія, когда мы приводимъ естественныя тѣла и дѣятелей природы въ придуманное нами состояніе, чтобы видѣть, какъ они станутъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать ²⁾. Опытъ есть вопросъ природѣ, на который она вынуждается отвѣчать рѣшительно, если опыты производятся съ осмотрительностью, и если приобрѣтенъ навыкъ понимать языкъ природы. Это средство физики, при всей его ограниченности, весьма важно, особенно при изслѣдованіи такихъ дѣйствій, которыя весьма рѣдко наблюдаются или не встрѣчаются отдѣльно отъ другихъ. Но при разныхъ условіяхъ одинъ опытъ можетъ привести къ разнымъ заключеніямъ.

2) *Умозрѣніе*. По этому способу изслѣдованія въ основаніе принимаютъ начала ума, независимыя отъ опытности, и

¹⁾ Стр. 15.

²⁾ Стр. 16.

отъ нихъ по законамъ мышленія черезъ рядъ послѣдствій поступаютъ къ заключеніямъ, которыя затѣмъ, если подтверждаются опытностію, причисляются къ истинамъ. Умозрительный способъ (отъ началъ къ явленіямъ) называютъ еще познаниемъ a priori—въ противоположность опытному a posteriori (отъ явленія къ началамъ).

Болѣе нѣтъ никакихъ другихъ способовъ изслѣдованія: ихъ два ¹⁾.

Въ философіи вольфіанской, которой извѣстнѣйшая философія Баумейстера долгое время въ нашихъ семинаріяхъ служила послѣднимъ догоровшимъ лучемъ, былъ еще допускаемъ третій способъ познанія—„математическій“, но онъ теперь отринутъ—и вотъ почему. Способы дѣйствія познавательной способности, коихъ два 1) при посредствѣ чувствъ (опытность) и 2) безъ посредства чувствъ собственными своими средствами (умозрѣніе), и называются способами познанія; это только другое названіе: однихъ два—и другихъ два. Математика въ физикѣ, наравнѣ съ другими науками (напр., логикою), можетъ быть лишь весьма значительнымъ пособіемъ.

IV. Свѣденія положительныя и теоріи.

Изслѣдованіе ограничивается познаніемъ предмета: 1) въ явленіи (какъ онъ представляется со стороны свойствъ и дѣйствія) и 2) въ сущности (что онъ есть самъ въ себѣ). Результаты изслѣдованія вообще называются свѣденіями, а въ частности, въ первомъ случаѣ, положительными, а во второмъ, предположительными (теоріями). При однѣхъ и тѣхъ же свѣденіяхъ положительныхъ теоріи могутъ быть различны, что будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія, съ которой разсматриваются положительныя свѣденія ²⁾.

¹⁾ Стр. 17.

²⁾ Стр. 19.

V. Физика положительная и теоретическая.

Положительныя свѣденія въ дѣлѣ познанія составляютъ начало, а теоріи—конецъ: свѣденія безъ теоріи недостаточны, а теоріи безъ свѣденій невозможны. Физика, стремясь къ полному познанію своего предмета, должна быть и положительною, и теоретическою вмѣстѣ.

VI. Физика опытная и умозрительная.

Свѣденія (и теоріи) могутъ быть опытныя, и умозрительныя, смотря по своему происхожденію; и физика можетъ быть либо опытною, либо умозрительною, смотря по тому, изъ чего она состоитъ. Къ идеалу науки (когда предметъ разсматривается съ двухъ возможныхъ сторонъ, явленія и сущности) близка физика, состоящая изъ той и другой. Возможныя ошибки (и въ предѣлахъ опытности, и въ умозрѣніи) зависятъ не отъ способа познанія, а отъ личности познающаго.

VII. Содержаніе физики.

Наука должна быть самостоятельною, т. е. состоять изъ свѣденій только о своемъ предметѣ, не нуждаясь для пополненія своего содержанія въ другихъ свѣденіяхъ (изъ чужихъ наукъ), которыми она можетъ пользоваться лишь для поясненія своего предмета.

Содержаніемъ физики должны быть свѣденія объ ея особомъ предметѣ: причинахъ естественныхъ явленій. Изъ ея области нужно исключить все чуждое, заимствованное не для объясненія предмета, а для пополненія содержанія. Такъ физикѣ начинаютъ трактатомъ объ общихъ свойствахъ тѣлъ

(поскольку они могут быть причиною явленій), но не предлагают этихъ свѣденій въ системѣ, а толкуютъ еще, напр., о движеніи, которое составляетъ предметъ механики, о рычагахъ, блокахъ, маетникѣ. Но вѣдь одинъ и тотъ же предметъ, разсматриваемый въ одномъ и томъ же отношеніи, не можетъ быть предметомъ разныхъ наукъ¹⁾. Въ статьѣ о движеніи предлагаются еще акустика и музыка, хотя звукъ и всѣ его разновидности не принадлежать физикѣ. Если ихъ некуда помѣстить, то и наука физики не складочный магазинъ; въ такомъ случаѣ онѣ—особыя науки, а свѣденія изъ нихъ, напр., о воздухѣ, какъ средѣ распространенія звука, могутъ входить въ физику только для поясненія предмета ея.

Таковъ же отдѣлъ физики подъ заглавіемъ „оптика“, гдѣ трактуются и о свѣтѣ, и о видѣніи предметовъ. Последнее составляетъ предметъ особой науки оптики, относящейся къ феноменологій, тогда какъ физика относится къ динамеологій. Изъ теперешней оптики въ физику должны входить свѣденія о свѣтѣ, его свойствахъ и дѣйствіяхъ²⁾, но никакъ не о видѣніи.

Химія предметомъ имѣетъ тѣла, вещество, какъ матеріалъ, употребляемый природою для различныхъ своихъ произведеній. Свѣденія о тѣлахъ, и почти о всѣхъ предметахъ химіи встрѣчаемъ въ физикахъ (о газахъ и т. п.). Причиною этому необдуманность предмета и желаніе сдѣлать науку физики болѣе занимательною. И химія, трактуя не по принадлежности о свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ и гальванизмѣ (будто бы въ „химическомъ“ отношеніи“), дѣлаетъ похищенія изъ физики. Находя и тамъ, и сямъ одно и то же, нѣкоторые увѣряются, что между этими науками нельзя положить точныхъ предѣловъ, что онѣ сливаются. Можно ли понятіе о наукѣ со-

¹⁾ Стр. 21.

²⁾ Стр. 23.

ставить, сообразно книгамъ, неправильно написаннымъ? Напротивъ, книги должны быть написаны, сообразно понятию науки. Наука, какъ списокъ своего предмета, какъ этотъ предметъ, представленный отвлеченно, должна быть ему равна, и предѣлы ея, не допуская слиянія, означены самимъ предметомъ. Слияніе предѣловъ наукъ есть то же, что и единство ихъ предметовъ. Тогда химія и физика должны бы составить одну науку. Если же предметы ихъ различны, то и слиянія быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ физика будетъ хаосомъ, а не системою. Физика-списокъ долженъ быть правильнъ, какъ правильна природа, ея оригиналь. А потому свѣденія химическія, не служація для поясненія предмета физики, должны быть изъ нея исключены.

Зрѣніе, какъ отправленіе (functio) животнаго организма, принадлежитъ физиологіи, а о недостаткахъ его трактуетъ патологія: Если въ физикѣ говорить о зрѣніи, то почему не говорить и объ остальныхъ однородныхъ отправленіяхъ: пищевареніи, дыханіи и т. п.

Метеорологія, по ближайшему средству съ физикою, можетъ быть (въ видѣ особой науки) присоединена къ физическому курсу.

Ключи, вырываемые изъ разныхъ наукъ и приписываемые къ физикѣ, не составляютъ ея полноты, красоты и совершенства; напротивъ, они вытѣсняють изъ оной самыя существенныя свѣденія, обезображиваютъ ея форму и отнимають у нея достоинство науки самостоятельной ¹⁾.

¹⁾ Стр. 27.

VIII. Планъ физики.

Наука есть система свѣдений, т. е. совокупность оныхъ, построенная по идеѣ цѣлаго. Идеєю цѣлаго требуется: 1) единство предмета, 2) единство начала, 3) логическая послѣдовательность. Чтобы физика была наукою, надо привести ея содержаніе въ систему, т. е. расположить всѣ свѣденія о силахъ природы, сообразно съ идеєю цѣлаго; тогда содержаніе физики приметъ свойственную наукѣ форму, которая (безъ содержанія) называется ея *планомъ*. Планъ еще называется *конспектомъ*. Единственный признакъ науки есть система, и тамъ нѣтъ науки, гдѣ предлагаются только свѣденія. Конспектомъ физики нельзя назвать оглавленія (основанныя на числительномъ порядкѣ), которыя суть лишь нумерація матеріаловъ. Конспектъ физики есть чертежъ, по коему должно послѣдовать приведеніе свѣдений о силахъ природы въ одно стройное цѣлое. Но что должно служить при составленіи этого чертежа руководствомъ? ¹⁾

Наука есть умственный списокъ предмета. Форма списка равна формѣ подлинника. Планъ науки есть ея форма, значить, форма предмета науки должна быть и планомъ ея. Форму предмета науки составляетъ его дѣленіе. Дѣленіе предмета физики будетъ основаніемъ ея конспекта.

Физика есть наука о силахъ природы. Вотъ начальная точка. Силы природы—трехъ родовъ: I) общія или міровыя, II) частныя или планетныя и III) органическія. Посему физика раздѣляется на три части: I) на *физику общую* (о силахъ міровыхъ), II) *физику частную* (о силахъ планетныхъ), III) *физику органическую* (о силахъ органическихъ) ²⁾.

¹⁾ Стр. 29.

²⁾ Стр. 30.

Схема всей физики.

Часть первая.

Силы природы общія или міровыя.

Подъ симъ названіемъ разумѣются причины естественныхъ явленій, коихъ дѣйствія замѣчаются, какъ въ кругѣ нашей планеты, такъ и внѣ оной—въ цѣломъ мірѣ, во вселенной; таковы:

I. Свѣтъ, какъ сила средобѣжная. II. Тяжесть, какъ сила средостремительная. III. Вещество ¹⁾, какъ сила составная изъ двухъ первыхъ. На основаніи сего первую часть физики подраздѣляю на три отдѣленія: предметъ перваго свѣтъ, втораго—тяжесть, третьяго—вещество.

Физики общей отдѣленіе первое.

Глава I. Свѣтъ въ явленіи: А. Какъ причина видимости. В. Какъ причина цвѣтности. С. Какъ причина тепла. Глава II. Свѣтъ самъ въ себѣ, или теорія свѣта.

Физики общей отдѣленіе второе.

Глава I. Тяжесть въ явленіи. Глава II. Тяжесть сама въ себѣ, или теорія тяжести.

¹⁾ Въ химіи вещество разсматривается, какъ матеріалъ произведеній, какъ масса, а въ физикѣ, какъ дѣятель, или сила.

Физики общей отдѣленіе третье.

Глава I. Вещество въ явленіи. А. Общія свойства тѣлъ
В. Относительныя свойства тѣлъ трехъ состояній. Глава II.
Вещество само въ себѣ, или теорія вещества. Приложение
динамической теоріи къ теоріи общихъ свойствъ тѣлъ, также
къ теоріи свѣта и тяжести.

Часть вторая.

Силы частныя или планетныя.

Подъ именемъ силъ планетныхъ, или частныхъ разумѣю
тѣ причины естественныхъ явленій, коихъ дѣйствія ограни-
чиваются кругомъ нашей планеты, какъ части міра; таковы:

I. Силы планетныя невестественныя: 1) электричество,
2) магнитизмъ, 3) гальванизмъ.

II. Силы планетныя вещественныя: 1) воздухъ, 2) земля,
3) вода.

III. Процессъ планетный. На основаніи сего и вторую
часть физики подраздѣляю на три отдѣленія: предметъ
перваго—силы планетныя невестественныя; предметъ втораго—
силы планетныя вещественныя; предметъ третьяго—процессъ
планетный.

Физики частной отдѣленіе первое.

Силы планетныя невестественныя. Глава 1. Силы пла-
нетныя невестественныя въ явленіи. Глава 2. Теорія силъ
планетныхъ невестественныхъ.

Физики частной отдѣленіе второе.

Силы планетныя вещественныя. Глава 1. Силы планет-
ныя вещественныя въ явленіи. Глава 2. Теорія силъ планет-
ныхъ вещественныхъ.

Физики частной отдѣленіе третье.

Процессъ планеты. Глава 1. Процессъ планеты въ явленіи. Глава 2. Теорія планетнаго процесса.

Часть третья.

Силы органическія.

Названіемъ силъ органическихъ означаю тѣ средства природы дѣйствующей, коими она пользуется въ произведеніи органическихъ явленій; таковы органическіе процессы: 1—растительный, 2—животный, и 3—міровый. Вслѣдствіе сего и третью часть физики подраздѣляю на три отдѣленія: предметъ перваго—процессъ растительный, предметъ втораго—процессъ животный, предметъ третьяго—процессъ міровый.

Физики органической отдѣленіе первое.

Растительный процессъ. Глава 1. Растительный процессъ въ явленіи. Глава 2. Теорія растительнаго процесса.

Физики органической отдѣленіе второе.

Животный процессъ. Глава 1. Животный процессъ въ явленіи. Глава 2. Теорія животнаго процесса.

Физики органической отдѣленіе третье.

Міровый процессъ. Глава 1. Міровый процессъ въ явленіи. Глава 2. Теорія міроваго процесса¹⁾.

Вотъ начертаніе плана физики, снятое съ самого ея предмета, или основанное на логическомъ дѣленіи онаго! Въ

¹⁾ Стр. 30—35. Часть третья осталась ненаписанною,—только въ планѣ.

эту форму стоит лишь вложить содержание, самыя свѣденія,—и физика, переставъ быть рапсодією, представитъ систему.

Въ пользу начинающихъ надобно разрѣшить три слѣд. вопроса:

1. Предложенный планъ физики есть ли что-нибудь новое, или это есть планъ обыкновенный, по коему располагаются всѣ физики?

2. Если этотъ планъ отличенъ отъ прочихъ, то что по оному въ составъ физики войдетъ новаго, и сколько останется стараго?

3. Что выигрываетъ наука отъ плана? Стоитъ ли о немъ такъ много заботиться ¹⁾?

Для рѣшенія *перваго* вопроса слѣдовало бы предложенный планъ сравнить съ другими, но ихъ нѣтъ,—не съ чѣмъ и сравнивать! Какъ въ исторіи физики, такъ и въ курсахъ ея—хаосъ разнородныхъ свѣденій: вмѣсто плана въ нихъ лишь оглавленія! Это подтверждается разсмотрѣніемъ физикъ *Депре* (стр. 38), *Биота* (стр. 39), *Гей-Люссака*, *Пулье* (стр. 40).

На *второй* вопросъ можно отвѣтить, что свѣденія научныя приобрѣтаются вѣками, и новыми они по новому плану стать не могутъ, но имъ дѣлается строгій разборъ: постороннія исключаются, а физика органическая по праву возвращается.

На *третій* вопросъ. Зданіе возникаетъ тогда, когда планъ осуществляется посредствомъ матеріаловъ. И свѣденія сами по себѣ не наука, и планъ одинъ—не наука. Наука есть система свѣденій. Какая же польза отъ систематическаго изложенія? Обогащеніе ума свѣденіями не составляетъ еще всего, чего надлежитъ ожидать отъ изученія наукъ, и чѣмъ отъ нихъ пользуются. Науки, образовавъ умъ, дѣлаютъ его на все способнымъ. Люди, прошедшіе курсъ наукъ, и состоящіе

¹⁾ Стр. 36.

на службѣ, не имѣютъ иногда случая приложить свои свѣденія къ дѣлу, но превосходятъ прочихъ. Образование есть главнѣйшая польза и цѣль ученія: свѣденія забываются, образование остается навсегда ¹⁾).

Образующія средства тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе приваровлены къ натурѣ образуемаго предмета, ума, сущность коего состоитъ въ мышленіи. Науки всего лучше направляютъ его, будучи предлагаемы въ систематическомъ порядкѣ, какъ математика, логика. Умъ, ведомый путемъ системы, навикаетъ, настраивается къ правильности и точности, словомъ *образуется*.

Наоборотъ, умъ, обременяемый безъ системы, коснѣетъ въ привычкѣ дѣйствовать безотчетно, непослѣдовательно, остается въ грубости. Это сказывается даже на нѣкоторыхъ ученыхъ, которые при всей обширности свѣденій,—въ дѣлахъ непослѣдовательны, въ разговорахъ неосновательны: ихъ понятія и свѣденія—умственный хаосъ!

Итакъ планъ въ наукѣ необходимъ, ибо отъ него наука очень много выигрываетъ какъ въ образованіи ума, такъ и въ обогащеніи его свѣденіями. И физика болѣе будетъ удовлетворять своему назначенію науки, если будетъ имѣть систему и планъ.

Отъ физики общей польза для образованія ума общая со всѣми науками. Отъ частной физики польза состоитъ въ ея содержаніи, свѣденіяхъ о силахъ природы, источникѣ физическаго міра. Эти свѣденія даютъ намъ возможность извлекать себѣ изъ него несмѣтныя выгоды, потому что наше физическое бытіе нераздѣльно съ физическимъ міромъ. Усваивать же ихъ всего удобнѣе по плану. Физика съ планомъ удерживаетъ за собою всѣ преимущества науки ²⁾.

¹⁾ Стр. 43.

²⁾ Стр. 46.

Дѣя основныя силы.

Теорія Павлова построена на понятіи двухъ взаимоограничивающихъ другъ друга силъ: *расширительной и сжимающей*. Понятіе ихъ выводится такъ (§ 75).

Вещество по указанію *опытности* есть нѣчто *непроницаемое* въ пространствѣ. Быть непроницаемымъ значить *отражать* все постороннее, усиливаясь въ занятомъ собою пространствѣ *расширяться*: непроницаемость есть слѣдствіе расширения или отторженія. Это *дѣйствіе* предполагаетъ *причину*, дѣйствующую *силу*, которую, по ея качеству, надо назвать *расширительною* или *отторгательною* (*vis expansiva, s. repulsiva*).

Если бы вещество было только *одна* расширительная сила, то оно разсѣялось бы въ пространствѣ. Дѣйствительное же состояніе вещества (сгущеннаго, сжатаго въ пространствѣ и удерживаемаго, какъ есть) предполагаетъ *другую* силу, которая, какъ *противоположная*, *ограничиваетъ* расширительную. По ея дѣйствію эту силу (присутствіе коей необходимо по указанію *опытности*) надо назвать *сжимательною* или *притягательною* (*vis contractiva, s. attractiva*).

Вещество при *одной* сжимательной силѣ, сгущаясь до безконечности, осталось бы стремленіемъ сосредоточиться. Если же вещество на самомъ дѣлѣ сжато только до извѣстной степени, то, значить, и сжимательная сила ограничена—силою расширительною.

Итакъ, если расширительная сила, условливающая непроницаемость, является веществомъ, но не иначе, какъ будучи ограничена силою сжимательною, то вещество не другое что есть, какъ сила расширительная и сжимательная, ограниченныя взаимно.

Эти замѣчанія послужатъ намъ путеводною нитью для пониманія всѣхъ теорій Павлова.

Предлагаемая Павловымъ теорія вещества

(вмѣстѣ съ теорією свѣта и тяжести).

Вещество, по указанію опытности, не другое что есть, какъ силы расширительная и сжимательная, ограниченныя взаимно; въ веществѣ силы расширительная и сжимательная находятся въ принужденномъ состояніи. Но принужденіе (ограниченіе) есть результатъ: необходимо ему предшествовало состояніе свободное. Чѣмъ же была бы тогда каждая сила? Въ ограниченности, будучи веществомъ, онѣ связаны съ временемъ и мѣстомъ въ пространствѣ; будучи же свободными, онѣ должны быть внѣ этихъ предѣловъ ¹⁾.

Въ безпредѣльномъ пространствѣ (безъ опредѣленнаго центра) сила сжимательная (центростремительная), будучи сама себѣ предоставлена, и сжимаясь безпрепятственно до безконечности, была бы ничто, уничтожала бы себя въ каждой точкѣ.

Сила расширительная разсѣялась бы въ пространствѣ до нуля, до безконечности; ея участь была бы та же: ничтожество.

Для обѣихъ силъ есть двѣ крайности: ничтожество (состояніе совершенной свободы) и вещество (состояніе принужденное). Первое предшествуетъ второму; силы физическаго міра могли переходить изъ ничтожества въ бытіе, а не наоборотъ.

¹⁾ Стр. 295.

Взаимное вліяніе (ограниченіе) силъ современно самому творенію. Первое движеніе расширительной силы при переходѣ въ бытіе не могло быть противнымъ ея натурѣ: изъ каждой точки пространства (въ безпредѣльной сферѣ центръ находится въ каждой точкѣ), какъ изъ центра, устремляясь въ окружности, она не могла не увлечь въ то же время и сжимательной силы, которая, покоясь въ центрѣ, дотолѣ ничтожествовала ¹⁾. Но при вліяніи сжимательной силы расширительная не могла уже разсѣваться въ безконечность, какъ и обратно, при вліяніи послѣдней на сжимательную силу,—сжимательная, стремясь къ центру, не могла сжиматься до безконечности. Онѣ не обращаются уже въ ничто, но и не составляютъ еще вещества. Это—среднее состояніе *напряженности*: тутъ міръ вещественный только въ возможности. Обѣ силы, переставая теряться въ безконечномъ, входятъ въ предѣлы пространства и времени, становятся протяженными въ первомъ и измѣримыми во второмъ. Здѣсь начинается господство формы, безъ которой ничто не можетъ быть во времени и пространствѣ, здѣсь видъ бытія феноменальнаго, но оно еще не является. Каждая сила, еще не совсѣмъ ограничивши другъ друга, принимаетъ форму, сообразно своей натурѣ. Такъ какъ центръ былъ въ каждой точкѣ, то въ эпоху творенія дѣятельность должна была обнаружиться всюду: въ каждой точкѣ пространства послѣдовало движеніе. Точка, дробясь какбы на множество другихъ, равномерно движущихся по одному направленію отъ центра къ окружности, точка, какбы выходя изъ себя, образуетъ сферу. Вотъ форма силы расширительной. Слѣдъ движущейся точки есть линія; линія, протяженная отъ центра въ сферѣ къ окружности, есть лучъ, радіусъ; лучистость есть самый естественный способъ проявленія силы расширительной въ ея развитіи ²⁾.

¹⁾ Стр. 297.

²⁾ Стр. 299.

Которая изъ силъ физическаго міра имѣеть эту форму, имѣеть признаки вещества (протяжимость и измѣримость), не будучи имъ? Это—свѣтъ въ лучахъ свѣтлыхъ и въ теплотѣ, которой тожество съ свѣтомъ доказано (§ 52); онъ является силою средобѣжною, расширительною. Его символъ—лучезарная сфера, выступающая изъ центра множествомъ лучей.

Наоборотъ, сила сжимательная, выведенная изъ своего ничтожественнаго покоя, какъ точка, невольно увлеченная сама изъ себя, должна принять форму сжимающейся сферы, стремящейся придти въ естественное свое положеніе—быть центромъ. Изъ силъ физическаго міра это тяжесть. Всеобщее тяготѣніе знаменуетъ повсюдное усиліе составить одинъ центръ. Тяжесть ускользаетъ отъ чувствъ, не имѣеть такихъ ощутительныхъ признаковъ феноменальнаго бытія, какъ свѣтъ, но она протажима въ пространствѣ (*actio in distans*) и измѣрима во времени (увеличивающаяся скорость падающихъ тѣлъ ¹⁾).

Итакъ сила расширительная въ среднемъ состояніи есть *свѣтъ*, а сжимательная въ томъ же состояніи есть *тяжесть*. При взаимодействіи обѣихъ силъ, каждый лучъ свѣта долженъ сгущаться, и притомъ въ разной степени, сообразно разницѣ во взаимоограниченіи. Различіе въ сгущеніи лучей или напряженности свѣта опытность показываетъ на животныхъ (они видятъ только днемъ, другія—лишь ночью, третьи—и такъ, и сякъ). И ночная тьма есть свѣтъ, только изрѣженный: но тьма не есть отсутствіе свѣта: темнота бываетъ различная, а отсутствіе, какъ ничто, не можетъ имѣть степеней и, находясь внѣ пространства и времени, не подлежитъ чувствамъ; совершенной тьмы въ природѣ нѣтъ. Не видимъ же мы во тьмѣ потому, что по нашей организаціи намъ требуется свѣтъ болѣе напряженный, болѣе сгущенный, достаточно раздражающій нашъ органъ зрѣнія. Опытность показываетъ, что свѣтъ дѣйствительно сгущается. Лучъ, отвѣсно падающій въ воду, не

¹⁾ Стр. 300.

преломляется, а предметы на немъ кажутся выше; значить, лучъ сократился, т. е. сгустился. Разширяемость и сгущаемость свѣта видна еще на расходимости лучей и собираемости ихъ въ фокусъ. Видимый свѣтъ есть лучъ сгущенный; расширенный—тьма. Переходъ между ними постепенный, смѣсь того и другого, т. е. *цѣпть*. Цвѣтъ есть тотъ же свѣтъ, но видимый и невидимый вмѣстѣ, или темный, освѣщенный свѣтлымъ. Цвѣтные лучи должны быть подвержены тѣмъ же самымъ законамъ отраженія и преломленія, какъ и свѣтлые; вся разность лишь—въ степени сгущенія. Цвѣтъ есть лучъ свѣтлый и темный вмѣстѣ.

Что же такое теплота? ¹⁾

Единственное явленіе, коимъ теплота себя обнаруживаетъ, есть расширеніе. Значить, теплота есть сила расширительная, тотъ же свѣтъ. Эта сила дѣйствуетъ со всѣмъ своимъ могуществомъ, когда ее ничто не стѣсняетъ. Линія, въ которой расширительная сила является свѣтомъ, есть уже ограниченіе ея со стороны силы сжимательной. Если теплота есть свѣтъ, то, какъ расширительная сила, она можетъ дѣйствовать своимъ образомъ, только когда разрушится ея линейность. И дѣйствительно, свѣтъ грѣбеть, лишь теряя свою линейность (поглощеніе свѣта). Лучъ, преломленный и отраженный, не грѣбеть; грѣбеть только лучъ поглощаемый, т. е. теряющій свою линейность. Нагрѣваніе есть расширеніе, охлажденіе есть сжатіе. Нагрѣваніе тѣлъ имѣетъ мѣсто тогда, когда они поглощаютъ свѣтъ. Свѣтъ, теряя линейную форму, свергаетъ съ себя узы, наложенныя непріязненною силою, тяжестью, и является въ полвомъ могуществѣ. Подрывая связь вещества (произведеніе силы сжимательной), онъ выхищаетъ его изъ предѣловъ формы, отторгаетъ отъ центра, улетучиваетъ (ужасная сила паровъ, напр.).

¹⁾ Стр. 304.

Наоборотъ, охлажденіе происходитъ отъ разсѣянiя теплоты въ видѣ лучей (rayonnement). Расширительная сила, какъ средобѣжная, не можетъ оставаться въ нагрѣтомъ тѣлѣ безъ особенной причины. Слѣдуя своему стремленію отъ центра къ окружности, она оставляетъ тѣло, разсѣваясь въ видѣ лучей—въ линейной формѣ (лучистая теплота). Предметно, какъ нѣчто самостоятельное, теплота является въ видѣ луча. Лучистая теплота есть свѣтъ, иногда видимый, иногда невидимый. Эти лучи при отраженіи и преломленіи поворачиваются, какъ указываютъ опыты, тѣмъ же законамъ, каковымъ подлежатъ лучи свѣтлые. И наоборотъ, лучи свѣтлые, собранные въ фокусъ, производятъ то же, что и лучистая теплота. Силы расширительная и сжимательная, стремясь во взаимному ограниченію въ состояніи напряженности (какъ свѣтъ и тяжесть), должны были сближаться. Это сближеніе, новый шагъ возрождающейся вселенной къ дальнѣйшему развитію, ознаменовано особымъ состояніемъ, встрѣчею свѣта съ тяжестью; и свѣтъ, и тяжесть теряются, какъ въ точкѣ безразличiя, въ этомъ первомъ для міра физическаго синтезѣ противоположностей, т. е. въ *огнѣ*. Нѣтъ еще вещества, нѣтъ міра, нѣтъ порабоженiя одной силы другою. Это моментъ одной борьбы, слѣдствіе коей и результатъ—соединеніе свѣта и тяжести въ безразличное цѣлое, въ *вещество*. Огонь есть вещество въ производимости, вещество есть огонь въ произведеніи. Предѣлъ міра силъ и міра вещественнаго знаменуется огнемъ. Составляясь и разрушаясь, вещество горитъ. Горѣніе есть первообразъ всѣхъ процессовъ физическаго міра ¹⁾).

Сжимательная сила, будучи увлечена изъ центра въ окружность, должна постоянно стремиться притти въ естественное положеніе—обратиться въ центръ; расширительная же, на-

¹⁾ Стр. 308.

оборотъ, влекомая къ центру, стремится постоянно къ окружности. Поэтому вещество, какъ взаимное ограниченіе обѣихъ силъ, могло явиться только въ двухъ противоположныхъ точкахъ пространства, въ центрѣ и въ окружности, въ центрѣ—единственнымъ, въ окружности—многообразнымъ, какъ того требуетъ натура центра и окружности. Такова цѣлая вселенная, безчисленность солнечныхъ системъ, несмѣтное повтореніе одной и той же формы; такова наша солнечная система, гдѣ центръ—солнце, окружность—планеты ¹⁾.

Тяжесть, отраженіе силы сжимательной, начало тьмы, сближаясь съ свѣтомъ, не могла не возмутить его первоначальной чистоты. Огонь—первая степень потемненія свѣта; его сгущеніе до вещества довершаетъ и его потемненіе. Явленіе вещественнаго міра въ пространствѣ (при чемъ масса вещества раздѣлилась на центральную и периферическую) должно было сопровождаться мракомъ. „Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, земля же бѣ невидима и неустроена и тьма верьху бездны“.

Противоположное стремленіе основныхъ силъ (къ центру и къ окружности) не прекратилось и по раздѣленіи массы вещества. Поэтому вещество солнца есть сила расширительная, изъ окружности увлеченная въ центръ и тутъ задержанная силою сжимательною. Вещество планеты, наоборотъ, есть сила сжимательная, отторгнутая отъ центра къ окружности издѣсь задержанная расширительной силой. Каждая не на своемъ мѣстѣ: вещество солнца стремится развиться въ окружность, а вещество планеты—сомкнуться въ центръ, и эта противоположность, безъ сомнѣнія, современна творенію. Солнце и планета относятся между собою, какъ противоположные полюсы міра. Взаимное полярное дѣйствіе обнаруживается въ солнцѣ—постояннымъ сіяніемъ (проявленіемъ расширительной силы); въ планетѣ—тяготѣніемъ (проявленіемъ сжимательной).

¹⁾ Стр. 309.

Свѣтъ, разсѣявшій мракъ хаоса, развился посему изъ центрального тѣла: имѣя источникомъ вещество, онъ не могъ быть совершенно чистымъ. Свѣтъ, коимъ озаряется и животворится природа, также развивается единственно изъ вещества и тоже потемнѣлъ. Законы природы, какъ начертаніе Высочайшей премудрости, должны быть всесовершенны и непреложны отъ самой вѣчности.

Образованіе вещества и явленіе свѣта, немедленно за нимъ послѣдовавшее, принадлежать одной эпохѣ творенія. „И рече Богъ: да будетъ свѣтъ.—И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ!“

Итакъ вещество есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью при взаимномъ ихъ ограниченіи; самый же свѣтъ есть сила расширительная, а тяжесть—сила сжимательная ¹⁾.

Прим. На стр. 211—213 I-ой части (II изд.) Павловъ излагаетъ теорію свѣта „нашего физика“ *Ломоносова*—по его „Слову о происхожденіи свѣта“ (1756 г.) и заключаетъ: „замѣчательно, что при всей грубости взглядовъ Ломоносовъ стремился къ полному объему предмета, чувствовалъ потребность отереть въ свѣтѣ не только причину видимости, но также причину цвѣтности и тепла, чего нѣтъ даже и въ теоріи *Декарта*. вмѣстѣ съ симъ признаться надобно, что теорія Ломоносова по неосновательности своей и по связи съ Алхиміею не стоить опроверженія“ ²⁾.

¹⁾ Стр. 311.

²⁾ Стр. 214.

Введение (ко II части).

Кругъ дѣйствія силъ міровыхъ необъятенъ: цѣлая все-
ленная; кругъ дѣйствія силъ планетныхъ ограниченъ: планета—
капля въ океанѣ. Но перейти отъ общей физики къ частной
вовсе не значитъ перейти отъ труднѣйшаго къ легчайшему.
Тамъ, въ области общаго, дѣятельность природы еще на пер-
вой ступени развитія и обнаруживается во всей простотѣ.
Таинственная природа облека основныя свои силы (свѣтъ,
тяжесть и огонь, т. е. вещество на степени производимости)
еще тонкимъ покровомъ. Здѣсь, въ области частнаго, природа
обнаруживаетъ болѣе сложную дѣятельность—на ступени
дальнѣйшаго развитія. Правда, и здѣсь мы видимъ дѣйствіе
тѣхъ же силъ расширительной и сжимательной въ ихъ борьбѣ:
постоянное въ кругу планеты исчезаніе однихъ явленій и воз-
никновеніе другихъ, какъ *universalisatio*—расширеніе, стрем-
леніе слиться съ общимъ, и *individualisatio*—сжатіе, стрем-
леніе обособиться. Но ближайшими дѣятелями, приводящими
въ движеніе земное вещество, оказываются, съ одной стороны,
электричество, магнетизмъ и гальванизмъ (*силы планетныя
невещественныя*), съ другой (*силы планетныя
вещественныя*) воздухъ, материкъ и вода—и совокупное ихъ дѣйствіе: *пла-
нетный процессъ*. Притомъ же въ дѣйствіи планетныхъ силъ
участвуютъ и міровыя силы. Частная физика занимается
рѣшеніемъ вопросовъ, суть ли планетныя силы—новыя произ-
веденія или только видоизмѣненія основныхъ, міровыхъ силъ,
какія каждая имѣетъ свойства, и по какимъ законамъ дѣй-
ствуетъ. Сообразно троякому различію предмета, она подраз-
дѣляется на три отдѣленія ¹⁾.

¹⁾ Стр. 3—5.

Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ.

Ученое преніе есть горнило истины; подъ защитою этого положенія Павловъ „подаеть свой голосъ, подвергая его суду *благонамѣренныхъ* мыслителей“ ¹⁾.

Вещество есть субстратъ всѣхъ дѣйствій природы и общее вмѣстилище всѣхъ ея дѣятелей; посему теорія вещества должна быть общою, основною, а всѣ прочія (въ естественныхъ наукахъ) должны быть ея слѣдствіемъ. Если вещество ²⁾ есть свѣтъ, потемненный тяжестью, или погасшій огонь, свѣтъ же—расширительная, тяжесть—сжимательная сила, огонь—совокупное дѣйствіе обѣихъ,—тогда все, что есть въ веществѣ, и что изъ него развивается, должно быть либо свѣтъ, либо тяжесть, либо огонь, видоизмѣненные, или въ настоящемъ видѣ своемъ; но видоизмѣненіе неотмѣнно носить печать первообраза. Вещество есть источникъ электричества, магнетизма и гальванизма. Слѣдовательно, одна изъ этихъ силъ должна быть видоизмѣненіемъ свѣта, другая—тяжести, третья—огня. Основные силы могутъ быть узнаны въ видоизмѣненіяхъ по отличительнымъ свойствамъ ³⁾.

¹⁾ Стр. 285, § 216. Ленцъ (ср. ниже, стр. 191 и слѣд.), вѣроятно, исключенъ изъ ихъ числа.

²⁾ См. выше, стр. 178.

³⁾ Стр. 286.

Первый синтезъ противоположностей (расширительной и сжимательной силъ въ видѣ свѣта и тяжести) въ мірѣ физическомъ есть огонь. Здѣсь нѣтъ еще полного порабощенія. Свойство расширительной силы, когда она является свѣтомъ,—средобѣжность, расширяемость, расторгаемость, общность; свойство силы сжимательной, являющейся тяжестью,—средостремительность, сжимательность, ограниченность, особность; свойство огня—расторгаемость и ограниченность, вмѣстѣ и общность, и особность. Руководствуясь этими указателями, нельзя не признать въ электричествѣ свѣта, или силы расширительной, въ магнитизмѣ тяжести, или силы сжимательной, въ гальванизмѣ—огня, или силы расширительной и сжимательной въ совокупности, т. е. вмѣстѣ силы разрушительной и образовательной ¹⁾).

Свѣтъ есть проявленіе силы расширительной, еще неограниченной; электричество есть тотъ же свѣтъ, стѣсненный въ предѣлахъ сильнѣйшаго ограниченія; отъ усилія расторгнуть узъ дѣйствія его бурны и порывисты, какъ показываютъ опыты. Электричество свѣтитъ. Въ электричествѣ свѣтъ не содержится, и электричество не есть свѣтъ въ настоящемъ видѣ; но оно разрѣшается, переходитъ въ свѣтъ. Не явное ли это указаніе на его происхожденіе отъ свѣта? ²⁾).

Всѣ свойства тяжести ³⁾ отражаются и на магнитизмѣ. Опыты надъ магнитизмомъ въ большихъ высотахъ (на аэростатѣ) показываютъ, что раздѣленіе электричества и магнитизма въ кругу нашей планеты противоположно: первое возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, второй, напротивъ,—по мѣрѣ удаленія отъ окружности; тамъ развитіе (evolutio), здѣсь сожнутость (involutio); тамъ средобѣжность, здѣсь средостремительность. Электричество и магнитизмъ противоположны, какъ

¹⁾ Стр. 288.

²⁾ Стр. 289.

³⁾ Ср. выше, стр. 176.

свѣтъ и тяжесть, какъ силы расширительная и сжимательная. А физики-механики воображаютъ себѣ, что они дѣлаютъ важный шагъ въ наукѣ, допуская тожество электричества и магнетизма ¹⁾.

Галванизмъ, обнаруживаясь электричествомъ и магнетизмомъ (§ 206), какъ электро-магнетизмъ, есть видимое повтореніе первоначальнаго синтеза противоположностей: Дѣйствія сомкнутой галванической цѣпи показываютъ постоянное горѣніе, непрерывный химизмъ, видоизмѣненіе огня съ осязательными признаками своего первообраза ²⁾.

Итакъ—силами планетными невещественными проявляются силы міровыя на второй ступени своего ограниченія, а именно: электричествомъ—свѣтъ, магнетизмомъ—тяжесть, галванизмомъ—огонь или вещество въ производимости.

¹⁾ Стр. 290.

²⁾ Стр. 291.

Теорія силъ планетныхъ вещественныхъ.

Вещество есть свѣтъ, сгущенный тяжестью,—при взаимномъ ихъ ограниченіи. Ограниченіе возможно лишь тройкое: 1) равное или 2) и 3) съ преобладаніемъ одного изъ обоихъ началъ. Въ одной изъ земныхъ стихій свѣтъ и тяжесть должны быть въ равновѣсіи, въ другой должно быть преобладаніе свѣта, въ третьей—преобладаніе тяжести. Обратимся къ дѣйствительности для повѣрки вывода съ самою природою. ¹⁾

Планета, обитаемая нами, тройственна: ея составныя части—воздухъ, земля и вода. Тройственность ограниченія находится въ дѣйствительности. Съ перваго взгляда выводъ оправдывается. Пойдемъ далѣе.

Земныя стихіи вслѣдствіе основного начала должны быть видоизмѣненіями свѣта и тяжести въ сферѣ дѣйствительнаго ихъ ограниченія. Видоизмѣненія неотмѣнно носятъ на себѣ печать своихъ первообразовъ (ср. выше, стр. 182). Слѣдовательно, есть и ариаднина нить для выхода изъ предстоящаго лабиринта.

Отличительное свойство воздуха — саморасширяемость (§ 220), дѣйствіе—эксцентрическое давленіе (§ 226). Это—явные признаки господства силы расширительной. Отличительное свой-

¹⁾ Стр. 353, § 247

ство земли—самосжимаемость (§ 236), дѣйствіе—всасываніе веществъ постороннихъ (§ 240) съ уплотненіемъ и даже иногда съ отвердѣніемъ ихъ. Здѣсь видно преобладаніе силы сжимательной. Въ водѣ расширеніе и сжатіе уравновѣшены, какъ показываютъ ея капельность (§ 242), удободвижимость и способность растворять въ себѣ постороннія вещества (§ 246); здѣсь силы расширительная и сжимательная—въ равномъ ограниченіи ¹⁾.

Земныя стихіи должны быть отпечатками своихъ первообразовъ. Воздухъ прозраченъ, земля темна, вода полупрозрачна: вотъ отношеніе стихій земныхъ къ свѣту. Воздухъ легче воды и земли, земля тяжелѣ воды и воздуха, вода по удѣльному вѣсу занимаетъ средину между воздухомъ и землей. Вотъ отношеніе ихъ къ тяжести! Прозрачность и легкость воздуха не служатъ ли указателями преобладанія въ немъ свѣта надъ тяжестью, непрозрачность и отгѣнная вѣсомость земли не обнаруживаетъ ли преобладанія въ ней тяжести надъ свѣтомъ? А вода при своей полупрозрачности и среднемъ удѣльномъ вѣсѣ не представляетъ ли равенства ограниченія въ ней свѣта и тяжести?

Такъ — земныя стихіи въ сущности своей подобны; ими проявляются тѣ же самыя міровыя силы: свѣтъ и тяжесть, только въ каждой особымъ образомъ ограниченныя. Воздухъ есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью съ перевѣсомъ на сторонѣ перваго, такъ что сгущеніе его не перешло за предѣлы летучести, а потемненіе остановилось на прозрачности. Земля есть тяжесть, поработившая себѣ свѣтъ совершенно, такъ что сгущеніе его доведено въ ней до звонкости, а потемненіе до непрозрачности. Вода есть свѣтъ и тяжесть въ равномъ ограниченіи: это — погасшій огонь. Вода по отноше-

¹⁾ Стр. 354, 355.

нію къ плотности и прозрачности между воздухомъ и землею представляетъ средину. Вода и въ нашихъ лабораторіяхъ есть синтезъ началъ горѣнія: сожигающаго и сожигаемаго, кислорода и водорода. Пропустите сквозь смѣсь этихъ двухъ газовъ электрическую искру: смѣсь вспыхнетъ; и вы получите воду ¹⁾).

Свѣтъ и тяжесть, будучи всегда вѣрны своей натурѣ, необходимо должны порываться перейти изъ столь принужденнаго состоянія (когда они проявляются земными стихіями) въ первобытное, свободное, — изъ области потемненія, отпаденія возвыситься до первообразовъ. Опытность и указываетъ намъ на такія попытки: порывъ воздуха перейти въ свѣтъ (воздушное электричество), порывъ земли перейти въ тяжесть (земной магнетизмъ), порывъ воды перейти въ огонь — гальанизмъ; океанъ есть всегдашняя сцена естественнаго гальанизма (самоусловное образованіе солей въ моряхъ, самые ихъ приливы и отливы) ²⁾).

Здѣсь можно досказать о силахъ планетныхъ невещественныхъ то, что было бы непонятно въ ихъ теоріи. Потемненіе свѣта образованіемъ стихій земныхъ, и преимущественно, земли доведено до крайности. Въ дальнѣйшемъ развитіи природы видно ея усиліе отвлечься отъ вещества. Электричество, магнетизмъ и гальанизмъ не составляютъ ступени при переходѣ свѣта, тяжести и огня въ вещество, но суть первая ступень отвлеченія. Явленіе ихъ въ составѣ планеты знаменуетъ возвратный шагъ природы, порывъ изъ глубины паденія проторгнуться къ свѣту. Остальное о природѣ отвлекающейся должна была сказать *органическая физика*, которая не вышла въ свѣтъ (см. выше, стр. 170).

¹⁾ Стр. 356.

²⁾ Стр. 357

Теорія планетнаго процесса.

Воздухъ и земля во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, и въ дѣйствіяхъ—противоположны. Два противоположныя дѣйствія обыкновенно теряются въ среднемъ. При взаимномъ дѣйствіи воздуха и земли сценою ихъ средняго дѣйствія должна быть вода, занимающая между ними средину ¹⁾).

Что дѣйствуетъ, то имѣетъ способность дѣйствовать. Способность дѣйствовать называется дѣятельностью. Показатель напряженной дѣятельности воздуха—воздушное электричество, земли—земной магнетизмъ. Показатели также въ противоположности: когда одинъ возрастаетъ, другой слабѣетъ, и наоборотъ. Периодичность (§ 233) барометра совпадаетъ съ периодичностью воздушнаго электричества и магнетизма, съ первой согласуясь, послѣдней противопоставляясь. Въ то время, какъ измѣняется дѣятельность воздуха и земли, измѣняется и состояніе атмосферы; когда возрастаетъ напряженность воздуха, должно увеличиться и его давленіе, зависящее отъ саморасширимости. Барометръ и воздушный электрометръ должны находиться въ отношеніи. Вотъ динамическое объясненіе перемѣнъ барометра:

¹⁾ Стр. 364, §249.

онѣ знаменуютъ измѣненія въ напряженности воздуха, а не въ тяжести ¹⁾).

Среднее, въ чемъ электричество и магнетизмъ теряются, есть гальанизмъ. Посему среднее дѣйствіе противоположныхъ стихій земныхъ, воздуха и земли, должно ознаменоваться гальванизмомъ, и сценою его должна быть вода (ср. выше, стр. 187).

Вольта, составляя гальваническую цѣпь, не сотворилъ гальванизма. Гальанизмъ открытъ, не изобрѣтенъ, и какъ открытіе, а не изобрѣтеніе, долженъ быть въ природѣ. Гдѣ соединяются два возбудителя и одинъ проводникъ, тамъ долженъ имѣть мѣсто и гальваническій процессъ. Планета, какъ совокупность воздуха, земли и воды, есть такое цѣлое: воздухъ и земля (какъ разнороднѣйшія тѣла)—возбудители, а вода—проводникъ. Слѣдовательно, планета есть гальваническая цѣпь, устроенная самою природою, а цѣпь, составленная Вольтою,—случайная съ нею копія. При семъ и естественный гальанизмъ необходимъ въ планетѣ. Другими словами, процессъ планетный есть процессъ гальваническій ²⁾).

Образованіемъ планеты потемненіе свѣта доведено до крайности (§ 247). Тутъ только установилась взаимная напряженность между воздухомъ и землею, и произошло начало отвлеченія отъ вещества, т. е. начало гальванизма планетнаго. Какъ порывъ земныхъ стихій перейти въ первообразы основанъ на самой натурѣ своей и долженъ быть постояннъ, такъ и гальанизмъ планетный непрерывнъ. Дѣйствія сомкнутой гальванической цѣпи: постоянное явленіе электричества и магнетизма, непрерывное окисленіе и раскисленіе, всегдашнее разрушеніе вещества стараго и образованіе новаго при развитіи теплоты, иногда теплоты и свѣта вмѣстѣ. Планета въ цѣлости такова:

¹⁾ Стр. 365.

²⁾ Стр. 366.

совокупность ея явленій есть непрерывный химизмъ, постоянное горѣніе.

Горѣніе бываетъ двухъ родовъ: съ разрушеніемъ формы горящаго, и съ удержаніемъ ея. Послѣднее горѣніе есть жизненное. Таково горѣніе планеты. Производимость воздуха (§ 223), земли (§ 224) и воды (§ 243) суть признаки жизни ¹⁾.

Итакъ гальанизмъ планетный есть явленіе жизни стихій земныхъ ²⁾.

Вотъ настоящая точка зрѣнія для разсматриванія явленій планетныхъ! Отсюда видно, почему механическія понятія о природѣ неорганической противорѣчатъ опытности.

¹⁾ Стр. 301. «Воздухъ при всегдашней измѣняемости его вещества остается постоянно одинаковымъ, разрушается и составляется. Свойство постоянно измѣняться и оставаться всегда тѣмъ же называю *производимостью*, свойство не только быть (*esse*), но и производиться (*fieri*)....

²⁾ Стр. 367.

Мы изложили теоретическія главы „Физики“ Павлова, — его же словами, не опустивши ни одной сколько-нибудь важной его натурфилософской мысли. Остается лишь отдать полную дань признанія блестящему стилю, выразительности языка, строгости и послѣдовательности проведенія. Словомъ, детальное изложене сочиненій Павлова какъ нельзя болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что похвалы, столь обильно расточаемыя ему, были вполне заслужены. Съ логической и философской стороны сочиненіе Павлова безукоризненно, оставляя въ сторонѣ, разумѣется, общую точку зрѣнія, шеллингово направленіе, надъ которымъ исторія уже произнесла свой судъ.

Но здѣсь естественно нарождается другой вопросъ. Блестящая по замыслу и выполненію съ формально-логической стороны, удовлетворяла ли „Физика“ Павлова всѣмъ требованіямъ современнаго ей знанія? Передавалъ ли Павловъ своимъ слушателямъ „послѣднее слово науки“, и стоялъ ли онъ самъ въ изложеніи физическихъ явленій (независимо отъ объясняющей ихъ теоріи) на высотѣ тогдашнихъ знаній, выработанныхъ къ тому времени точною, экспериментальною наукою? Знакомъ ли былъ онъ съ результатами современной ему „опытности“ (эмпири) и не погрѣшалъ ли онъ противъ нея?

Благопріятный случай для рѣшенія этого вопроса представляетъ полемика Павлова (изъ-за „Физики“) съ *Ленцемъ*, однимъ изъ свѣтилъ экспериментальной науки. І томъ „Физики“ подвергся со стороны Ленца безпощадно-жестокій критикѣ. Принимая въ расчетъ разницу общаго міровоззрѣнія

(Ленць — не шеллинговецъ, а механистъ), всетаки нельзя не признать, что Ленць разоблачилъ слабую сторону произведенія Павлова и недостаточность научной (физической) подготовки самого автора ¹⁾. Мы подробно изложимъ эту любопытную полемику, хорошо рисующую какъ научное мировоззрѣніе, такъ и личности обоихъ противниковъ: Ленца, холодно-юмористическаго, спокойно-дѣловитаго и серьезнаго, Павлова, изворотливаго діалектика, знающаго слабыя стороны и свои, и чужія, раздражительнаго, смѣлаго, неумолимо-последовательнаго и желчно-саркастическаго. За обнаруженные недочеты Павловъ съ лихвою заплатилъ Ленцу указаніемъ на ничтожность механическаго мірообъясненія, на философскую неподготовленность Ленца для рѣшенія общихъ вопросовъ, — поприща, гдѣ Павловъ, безспорно, очень силенъ.

Замѣтимъ, что Ленць помѣстилъ свою рецензію на „Физику“ Павлова въ *Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands*. Riga und Dorpat, II. Band, Zweites Heft, за 1834 г. отъ 26 янв. (ценз. разр. Дерптъ), XVIII, Physik (III. Selbstständige Kritiken und Anzeigen). Рецензія занимаетъ стр. 144—154 и посвящена еще „Физикѣ“ Перевощикова, кромѣ „Физики“ Павлова. Павлову собственно отведены стр. 144—150. О Перевощикově отзывъ Ленца — снисходительный. Не таковъ отзывъ о Павловѣ. Считаемъ лишнимъ предпослать изложенію — краткій біографическій очеркъ Ленца и перечислить его важнѣйшіе труды.

Павловъ отвѣчалъ въ „Телескопѣ“ за 1834 г., часть XX, отъ 2 марта 1834 г. „I. Письмо профессора Павлова къ издателю Телескопа по поводу рецензіи на его физику, помѣщенной въ дерптскихъ ученыхъ запискахъ,“ стр. 3—14. Датировано 25 февраля, Москва.

¹⁾ Повидимому, Герценъ (ср. выше, стр. 145) не былъ неправъ, полагая, что на лекціяхъ Павлова научиться *физикѣ* было «мудрено».

Полемика Павлова съ Ленцемъ.

Dr. phil. Heinrich Friedrich-Emil (Эмилий Христиановичъ) *Lenz* род. въ Дерптѣ 12 февр. 1804 г., умеръ въ Римѣ 29 янв. (10 февр.) 1865 г. Отъ 1823 до 1826 г. принималъ участіе въ качествѣ физика въ кругосвѣтномъ путешествіи Коцебу. Результаты научныхъ изслѣдованій этой экспедиціи напечатаны имъ въ Мемуарахъ Спб. акад. наукъ (1831). Въ 1828 г. избранъ адъюнктомъ академіи, а въ 1834 г. академикомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ профессоромъ, а въ послѣдніе годы и ректоромъ С.-Пб. унив. Онъ преподавалъ также въ Главномъ педагогическомъ институтѣ и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Лекціи его по физикѣ и физической географіи отличались замѣчательною ясностью и строгою систематичностью. Такими же качествами обладали его извѣстныя руководства физики (для гимназій) и физической географіи; оба учебника выдержали нѣсколько изданій; но первый изъ нихъ былъ особенно распространенъ. Блестяща и плодотворна была его научная дѣятельность. Въ исторіи физики научнымъ трудамъ его, по мнѣнію физика *H. Гезеуса*, всегда будетъ отводиться почетное мѣсто. Многія его изслѣдованія относятся къ физической географіи (о температурѣ и солености моря, объ измѣнчивости уровня Каспійскаго моря, о барометрическомъ измѣреніи высотъ, объ измѣреніи земного магнетизма и др.). Но главныя его работы относятся въ обла-

сть электро- магнетизма. Важное значеніе этихъ работъ выяснено, между прочимъ, въ сочиненіяхъ *А. Савельева*: 0 трудахъ академика Ленца въ магнито-электричествѣ (С.-Пб., 1854) и *В. Лебединскаго*: Ленць, какъ одинъ изъ основателей науки объ электро-магнетизмѣ (журн. „Электричество“, 1895).

Главнѣйшіе результаты общепризнаны и вошли во всѣ учебники физики, а именно: 1) Законъ индукціи (законъ Ленца), по которому направленіе индукціоннаго тока всегда таково, что онъ препятствуетъ тому дѣйствию (напр., движенію), которымъ онъ вызывается (1833). 2) Законъ *Джоуля* и Ленца: Количество теплоты, выдѣляемое токомъ въ проводникѣ, пропорціонально квадрату силы тока и сопротивленію проводника (1844). 3) Опыты, подтверждающіе явленіе *Пельтье*: если пропускать гальванической токъ чрезъ висмутовый и сурьмяной стержни, спаянные концами и охлажденные до 0°, то можно заморозить воду, налитую въ яму около спая (1838). 4) Опыты подъ поляризацией электродовъ (1847) и т. д. Нѣкоторыя свои изслѣдованія Ленць производилъ вмѣстѣ съ *Парротомъ* (о сжатіи тѣла), *Савельевымъ* (о гальванической поляризаціи), *Л. Шренкомъ*, *К. Мейеромъ* и академикомъ *Якоби* (объ электромагнитахъ).

Важнѣйшими научными трудами его считаются:

Physikal. Beobachtungen, angestellt auf einer Reise um die Welt unter dem Commando des Capt. Kotzebu in den J. 1823—26 (Mém. acad. St.-Pétersb. Sér. VI, Vol. I, 1831).

Über d. veränderl. Höhe d. Casp. Meers bis 1830 (Ib. II, 1833).

Über d. Gesetze, nach welchen ein bewegter Magnet auf eine Spirale wirkt, wenn usw. (Ib. id.).

Über d. Leitungsfähigk. d. Metalle für Elektr. bei verschiedener Temperatur (Ib. id.).

Expériences de forte compression sur divers corps; съ Parrot (Ib. id.).

Über d. opt. Verhalt. d. weissen Naphtha von Baku (Ib. III, 1838).

Beobb. d. magnet. Inclinat. u. Intensit. auf einer Reise um d. Welt von Capt. Lütke (Ib. id.).

Über d. Gesetze d. Elektrizitätsleit. in Drähten von verschiedn. Länge u. Dicke (Ib. id.).

Barometrische Höhenmessungen im Kaukasus; mit C. Meyer (Bullet. scientif. de l'Acad. de St.-Pétersb. I, 1836).

Über d. sogenannte Stationen-Nivellement mittelst d. Barometers (Ib. id.).

Über einige Punkte aus d. Lehre d. Galvanismus (Ib. id.).

Über d. Verhalten d. Kupfervitriollösung in d. galvan. Kette (Ib. II, 1837).

Über einige Versuche im Gebiete d. Galvanismus (Ib. III, 1838).

Über d. Gesetze d. Electromagnete; mit M. H. Jacobi (Ib. IV, 1838 u V, 1839).

Über eine Erscheinung, beobachtet an einer grossen Wollaston'schen Batterie (Ib. V. 1839).

Über d. Anziehung d. Electromagnete; mit M. H. Jacobi (Ib. id.).

Über d. Eigenschaft d. magnetoelektrischen Ströme (Ib. VI, 1840).

Beitrag zur Theorie d. magnetischen Maschinen (Ib. IX, 1842).

Beschreib. eines sich selbst registirenden Fluthmessers usw. (Bull. physico-math. de l'acad. de St.-Pétersb. I, 1843).

Über d. Gesetze d. Wärme-Entwicklung durch d. galvan. Strom (Ib. id. u. II, 1844).

Über d. Gesetze d. Electromagnete; mit M. H. Jacobi (Ib. II, 1844).

Über d. Stärke d. Ströme in einem Systeme neben einander verbundener galvanischer Ketten (Ib. III, 1845).

Über d. galvanische Polarisation u. elektromotorische Kraft in Hydroketten, mit Saweljew (Ib. V, 1847).

Über d. Temperatur d. Weltmeers (Ib. id).

Über d. Einfluss d. Geschwindigkeit d. Drehens auf den durch magneto-elekt. Maschinen erzeugten Inductionsstrom (Ib. VII, 1849; XII, 1854 ꝛ XVI, 1858).

Beitrag z. Bestimm. d. in St.-Petersburg verdunsteten Wassermenge (Ib. IX, 1851).

Über d. Leitung d. galvan. Stroms durch Flüssigkeiten, wenn d. Querschnitt derselben verschieden ist von dem der in sie getauchten Electroden (Ib. X, 1852).

Über d. Gebrauch d. Fahrenheit'schen Aräometers zur Bestimm. d. Salzgehalts vom Meerwasser (Ib. XV, 1857).

Über d. Bewegungen d. Balkens einer Drehwaage, wenn ihm andere Körper von verschiedn. Temp. genähert werden (Pogg. Ann. XXV, 1832).

Über d. Bestimm. d. Richtung d. durch electrodyna-mische Vertheilung erregt. galvan. Ströme (Ib. XXXI, 1834).

Über d. Gesetze, nach welchen der Magnet auf eine Spi-rale einwirkt, wenn er ihr plötzlich genähert oder von ihr entfernt wird usw. (Ib. XXXIV, 1835).

Эмилий Ленцъ сотрудничалъ еще въ:

Erman, Arch. Russ. Resultate d. Expedition nach Khorassan, 6 p. (18, 1859).

Pogg. Ann. Phys.: Temperat. u. Salzgehalt d. Wassers in verschied. Tiefen des Weltmeeres, 57 p. (20, 1830).

Elektr. Leitungsfähigkeit v. Au, Pb, Sn bei verschied. Temper., 15 p. (45, 1838).

D^o d. menschl Körpers, 11 p. (56, 1842).

St-Pétersb. Ac. sc. Bull.: Stündl. Temperaturänder. d. Luft et d. Oberfl. d. Meeres in d. Tropen, 16 p. (1, 1860).

Die magnet. Expedit. zur Insel Jussary. 3 p. (2, id.).

Meteorol. Beob. 1853—54 auf d. Atlantischen u. Grossen Ocean (mit L. v. Schrenck), 22 p. (4, 1862).

D^o, angestellt 1847—49 v. Ed. Lenz, 26 p. (5, 1863).

Neues Anemometer, 7 p. (6, id.).

Mem.: Ueber Ventilation in unsern Klimaten (6, 1863)¹⁾.

¹⁾ Cp. Biographisch-literärisches Handwörterbuch der exacten Wissenschaften von J. C. Poggendorff, I. Band. Lpz., 1863, pp. 1424 u 1425 u Новыя сепю, III. Band, I. Abtheilung, Lpz., 1898, p. 795.

Переходимъ къ изложенію рецензіи Ленца на „Физику“ Павлова и Перевощикова.

Оба сочиненія принадлежатъ профессорамъ Московскаго Университета, начинается Ленцъ, по совершенно различнымъ плану и по тенденціи. „Физика“ Павлова должна представить собою *новую систему*, изъясляющую притязанія во что бы то ни стало на оригинальность. Задача „Физику“ Перевощикова скромнѣе: она желаетъ сопоставить важнѣйшіе феномены и теоріи, не исключая новѣйшихъ,—въ видѣ *хорошей* компіляціи. Сообразно этимъ назначеніямъ и нужно оцѣнивать каждую книгу. И тѣмъ добросовѣстнѣе надобно приступить къ дѣлу, что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ еще университетскаго учебника, который удовлетворялъ бы современнымъ требованіямъ науки, нѣтъ даже перевода хорошаго заграничнаго подходящаго сочиненія ¹⁾.

Павловъ желаетъ опредѣлить, что собственно относится къ физикѣ въ строгомъ смыслѣ, и что надобно исключить изъ этой области. Признавая за такимъ очищеніемъ учебниковъ физики нѣкоторую долю истины, нужно, однако, различать двѣ точки зрѣнія: имѣтъ ли въ виду учебникъ физики самъ по себѣ, или же руководство при преподаваніи физическихъ лекцій въ университетахъ ²⁾? Последнему приходится приспособляться къ существующимъ учебнымъ планамъ и принимать въ себя

¹⁾ Стр. 145.

²⁾ Стр. 146.

простѣйшія положенія статики, механики и даже химіи. По-рицаніе Павлова относится, значить, къ первой категоріи учебниковъ физики, и нельзя не присоединиться къ нему въ желаніи удалить оттуда чистую динамику и химію, но только не акустику. Если бы онъ былъ правъ, то приверженцы вибраціонной теоріи свѣта оказались бы въ ужасной альтернативѣ. ¹⁾

Имъ пришлось бы либо промѣнять свое убѣжденіе на другое, менѣе ихъ удовлетворяющее, либо выбросить изъ физики одинъ изъ прекраснѣйшихъ отдѣловъ. Вѣдь если (по Павлову) физикѣ чужды вибраціи воздуха, то же самое относится и къ вибраціямъ эфира; а если бы удалось свести и теорію теплоты на вибраціонную гипотезу, то ее также пришлось бы удалить изъ физики: въ концѣ концовъ мы оказались бы при физикѣ безъ вещества (*ohne Stoff*); а что всего хуже, ²⁾ наши первые физики работаютъ надъ тѣмъ, чтобы опустошить свою науку (*auszuleeren*). Очевидно, что высшею ступенью физической теоріи было бы вывести по математико-механическимъ законамъ изъ одного общаго закона всѣ явленія. Но вмѣстѣ съ этимъ такая теорія (по Павлову) перестала бы принадлежать физикѣ и попала бы въ механику.

Подобное противорѣчіе возникаетъ только благодаря ошибочному воззрѣнію нашего автора на сущность физики.

Въ *неорганической* природѣ все *einmal* свершается по *механическимъ* законамъ: значить, механика, какъ чистое ученіе о движеніи и равновѣсіи, содержитъ и законы для каждаго особеннаго случая. Такъ она содержитъ общіе законы вибрацій эластической жидкости; но примѣненіе ихъ къ вибраціямъ воздуха и особымъ явленіямъ, при этомъ возникающимъ, и *сравненіе теоріи съ опытомъ*, все это относится въ физику, и даже есть ея настоящее дѣло (*ihr eigentliches Wesen*). Итакъ, по нашему

¹⁾ Стр. 144.

²⁾ Иронія Ленца.

мнѣнію, физика, подобно астрономіи, есть прикладная механика и должна рѣшать 3 задачи: 1) Исслѣдованіе явленія, 2) Комбинированіе его въ общій законъ, и 3) какбы провѣрка задачи (Probe des Exempels), построеніе отдѣльныхъ явленій изъ общаго закона.

Что касается, наконецъ, оптики, то я вовсе не знаю, чтобы она въ учебникахъ физики разсматривалась, какъ ученіе о зрѣніи (Lehre vom Sehen); она бываетъ здѣсь всегда лишь ученіемъ о свѣтѣ. ¹⁾ Глазъ вплоть до сѣтчатки можно считать оптическимъ инструментомъ. Физика съ основаніемъ прослѣживаетъ свѣтовой лучъ до сѣтчатки, а тамъ передаетъ его—физиологіи. Нападки Павлова относятся лишь къ употребленію слова „оптика“ въ несобственномъ смыслѣ.

О причинахъ раздѣленія Павловымъ своей физики на три части мы ничего не знаемъ. Что касается подраздѣленій первой части (космическихъ явленій), о свѣтѣ, тяжести и веществѣ, то, слѣдуя обычаю, Павловъ сначала описываетъ феномены, а потомъ уже переходитъ къ теоріямъ. Не нарушается ли тѣмъ сдѣланное авторомъ различеніе физики отъ феноменологіи? Но останавливаясь на описаніи явленій, мы должны признаться, что мы не можемъ припомнить, видѣли ли мы гдѣ бы то ни было это основаніе физики обработаннымъ поверхностнѣе, даже столь по ученически, чѣмъ здѣсь. Здѣсь все кишитъ ошибками, которыя черезчуръ ясно показываютъ, что авторъ въ высшей степени неосвѣдомленъ (unbewandert) въ двухъ существенныхъ пунктахъ, въ экспериментированіи и въ математикѣ. Не стоить слѣдить за авторомъ шагъ за шагомъ: достаточно привести лишь нѣсколько положеній, которыя совершенно (pur zu sehr) оправдываютъ наше сужденіе, важащееся суровымъ (hart):

¹⁾ Стр. 147.

На стр. 88 дается ложное понятіе о дивергенціи ¹⁾: „лучи расходящіеся, сближаясь въ преломляющей средѣ, напр., въ стеклѣ, выдутъ изъ онаго *менѣе расходящимися*“ (weniger divergirend). Дивергенція, опредѣляемая лишь угломъ между лучами, остается тою же самой, только лучи дивергируютъ изъ точки, ближе лежащей къ стеклу, чѣмъ прежде.

На стр. 91 относительно преломленія свѣта въ сферическихъ выпуклыхъ линзахъ ²⁾: „Очевидно, что параллельные къ оси лучи, и въ ней ближайшіе, пресѣкутъ ее ближе F, удаленнѣйшіе далѣе, такъ что фокусъ не можетъ быть въ одной точкѣ, но по мѣрѣ большей или меньшей поверхности SS, то далѣе, то ближе“. То, что совсѣмъ невѣрно (grundfalsch), то называется очевиднымъ! при этомъ нигдѣ не сказано, что же такое ось линзы; да и преломленіе разсматривается только вѣдь на одной первой поверхности.

На стр. 94 и 97 рѣчь идетъ о двойномъ преломленіи. Правильно сказано, что оптическая ось въ исландскомъ шпатѣ (Doppelspath) есть линія, соединяющая вершины обоихъ тупыхъ угловъ ромбоида ³⁾. Но тутъ же на фигурѣ (17-ой) оптическая ось изображается, какъ соединительная линія между тупыми углами *основаній*; отсюда видно, что и прежде Павловъ имѣлъ въ виду не *тѣлесные* тупые углы, а углы на

¹⁾ § 18. Преломленіе свѣта въ стеклахъ плоскихъ, 3-е. Лучи расходящіеся. Во второмъ изданіи это стр. 90; «менѣе расходящимися» замѣнено «менѣе удаленными одинъ отъ другого». Также измѣненъ конецъ. Въмѣсто: «При переходѣ изъ среды менѣе преломляющей въ среду болѣе преломляющую явленіе будетъ-обратное» стоитъ: «При переходѣ изъ среды болѣе преломляющей въ среду менѣе преломляющую» etc.

²⁾ § 19—Преломленіе свѣта въ стеклахъ сферическихъ. Во II-мъ изд. стр. 92 это мѣсто измѣнено: «Очевидно, что параллельные къ оси лучи, и къ ней ближайшіе, пресѣкутъ ее *далѣе* F, удаленнѣйшіе—*ближе* etc.

³⁾ Стр. 93. § 21. Оптическая ось Во II изд. стр. 95—96. Чертежъ 17-й на II таблицѣ (при I части) оставленъ безъ измѣненія.

поверхности одного изъ боковъ (Seitenfläche).— „Подъ именемъ главнаго сѣченія разумѣется плоскость, проведенная въ направленіи оси кристалла перпендикулярно къ какому либо изъ его боковъ.... Само собою разумѣется, что въ исландскомъ шпатѣ и въ другихъ кристаллахъ можетъ быть не одно такое сѣченіе, а два и болѣе, смотря по числу боковъ“ ¹⁾ (т. е. *шесть*)! Можно ли въ виду столь смутныхъ понятій предположить, чтобы авторъ когда-либо произвелъ этотъ опытъ съ сознательнымъ пониманіемъ (mit Bedacht)?

На стр. 132 описаніе ньютоновыхъ колець начинается такъ: „Въ тонкихъ пластинкахъ, коихъ поверхности не параллельны, свѣтъ также представляется цвѣтнымъ, напр.. въ слюдѣ“: (Licht erzeuge Farben... z. B. in Glimmerplättchen) ²⁾. Заключеніе очень коротко: „Очевидно, что одвѣченіе въ семь случаевъ (Farbenringe) зависитъ отъ преломленія свѣта въ стеклѣ выпукломъ“ (im obenliegenden Convexglase) ³⁾. Когда авторъ утверждаетъ что-либо очень ошибочное, то, повидимому, всегда пользуется словомъ „очевидно“ или т. п.

На стр. 135 однообразная окраска тонкихъ кристаллованныхъ пластинокъ между зеркалами поляризаціоннаго инструмента происходитъ, по мнѣнію Павлова, когда ихъ параллельныя плоскости обрѣзаны (geschnitten) перпендикулярно къ оптической оси ⁴⁾. Но за этимъ указывается пра-

¹⁾ Стр. 97, § 22. Направленіе преломленныхъ лучей въ кристаллахъ съ одною и двумя оптическими осями. Во II изд. стр. 98 и 99 мѣсто оставлено безъ измѣненія.

²⁾ Стр. 131, 132. § 33. Преломленіе въ тонкихъ пластинкахъ. Во II-мъ изд.—стр. 134—безъ измѣненія.

³⁾ Стр. 134—тотъ же §. Во II изд.—стр. 136, 137—безъ измѣненія.

⁴⁾ Стр. 135. § 34. «Въ отверстіе діафрагмы вставляется тонкая кристаллованная пластинка, прозрачная и безцвѣтная, къ оси перпендикулярная. Если будемъ на нее смотрѣть сквозь упомянутую удваивающую призму, то она

вильно, что тогда возникают цвѣтныя кольца. Если авторъ не зналъ, какъ обстоитъ дѣло, то, по крайней мѣрѣ, онъ могъ бы догадаться, что этого не можетъ быть на два ма-нера (auf zweierlei Weise) сразу.

Еще одинъ примѣръ, болѣе, чѣмъ достаточный, чтобы отказать автору въ какихъ бы то ни было математическихъ познаніяхъ.

На стр. 220 приводится, какъ данное изъ опыта, извѣст-ное положеніе, что пройденныя разстоянія при свободномъ паденіи отъ начала движенія отпосятся, какъ квадраты вре-мени; далѣе авторъ прибавляетъ: „Изъ сего открывается само собою, что тяжесть, какъ причина паденія, есть сила центро-стремительная, постоянно возрастающая по мѣрѣ приближенія къ центру земли, а именно: въ содержаніи (im Verhältniss) квадратовъ уменьшающихся разстояній (должно бы: въ обрат-ной пропорціи квадратовъ разстояній), или въ содержаніи пространствъ, пробѣгаемыхъ падающимъ тѣломъ“¹⁾! Еще одно „открывается“ въ смыслѣ автора! Какъ извѣстно, законъ пропорціональности пространствъ и квадратовъ времени полу-чается по механикѣ изъ допустимаго здѣсь предположенія о *равномѣрно-ускоренномъ движеніи*, авторъ же, наоборотъ, изъ него выводитъ условіе для *неравномѣрно-ускореннаго*!

Я не хочу продолжать изложенія этихъ фантазій и по-ставляю автору лишь одинъ вопросъ. Онъ отвергаетъ эмиссіон-ную и ундулационную теоріи свѣта,—потому что первая не объ-ясняетъ *одного* феномена интерференціи, а вторая—опять-таки

будучи освѣщена (стр. 136) лучемъ поляризованнымъ, представится вся цвѣт-ною».... Стр. 137. «Въ удвояющихъ кристаллахъ съ одною и съ двумя осями поляризованные лучи превращаются въ *цвѣтныя кольца особаго рода*». II изд. стр. 138 и 139—безъ измѣненія.

¹⁾ § 66. Законъ тяжести. Во II изд. стр. 227 конецъ фразы, со словъ: «а именно» совсѣмъ опущенъ, какъ и начальное слово «Понятно» слѣдующей фразы:.... «къ центру земли. Въ противномъ случаѣ».... etc.

одного: произведенія теплоты. Съ какимъ же правомъ онъ самъ можетъ требовать отъ насъ, своихъ читателей, чтобы мы присоединились къ его теоріи, которая не объясняетъ ни *одною* изъ всѣхъ явленій и даже не заботится о томъ! Въ такомъ случаѣ къ чему же вообще авторъ излагалъ явленія преломленія, отраженія, поляризаціи и т. д.?

Итакъ нельзя не признать сочиненія г. Павлова совершенно востоящимъ вниманія. Если бы оно имѣло цѣлю только изобразить новую систему автора, то ничего нельзя бы и возразить противъ его появленія, потому что всякій воленъ писать и полагать о научныхъ предметахъ, что ему угодно. Но если это твореніе должно служить руководствомъ, то можно лишь пожалѣть слушателей, которыхъ въ тѣ годы, когда надобно обогащать свой умъ, преимущественно, солидными знаніями, а не фантастическими теоріями, принуждаютъ довольствоваться несовершенными опытами и невѣрными объясненіями и даже наконецъ оставить и это небольшое положительное, чтобы окончательно потеряться въ безосновательныхъ (bodenlosen) фантазіяхъ автора ¹⁾.

Павловъ начинаетъ свое письмо заявленіемъ, что онъ не можетъ удовлетворить вызову издателя „Телескопа“ (Н. Надежина) отвѣчать на рецензію Ленца ²⁾—по нѣкоторымъ причинамъ. Главнѣйшая изъ нихъ—та, что рецензія написана противъ всѣхъ правилъ ученой критики. „Представлю доказательства“.

¹⁾ Стр. 150.

²⁾ Стр. 3.

Самое неприятное для Павлова было, разумеется, слѣдующее: Если бы кто приватно спросилъ Ленца, онъ могъ бы отвѣчать, что ему угодно, но „въ рецензіи, помѣщаемой въ ученомъ *нѣмецкомъ* журналѣ для передачи *Европѣ* ученыхъ о *Россіи* извѣстій, поступить надлежало основательнѣе, если уже не изъ уваженія къ *чести Русскаго имени*, то изъ вниманія къ иностранцамъ: на что имъ превратныя о *Россіи* понятія? Въ дѣлѣ науѣ цѣль—истина; средства—мышленіе; правила—законы мышленія; здѣсь произволъ есть *преступленіе*“. Такъ Павловъ связываетъ свою „Физику“ съ честью Россіи и обвиняетъ Ленца въ недостатокѣ русскаго патріотизма ¹⁾).

Павловъ апеллируетъ къ публикѣ. „Пристрастный судъ, какъ *ложь*, не въ состояніи ни унижить, ни возвысить сочиненія; настоящая цѣна его опредѣляется *общимъ мнѣніемъ, независимо* отъ рецензій“. Гдѣ Ленцу судить о „Физикѣ“! „Г. Ленцъ, имѣя понятія о природѣ, діаметрально противоположныя моимъ, *въ состояніи ли* даже *понять* настоящимъ образомъ *мои* виды въ физикѣ и особенно при такой *не логической* настроенности ума, какая открыта въ немъ выше“ ²⁾).

„Прибавьте къ сказанному неприличный тонъ, въ какомъ написана рецензія, и вы согласитесь сами, что на нее отвѣчать не должно“. Если же *другіе, какихъ не мало*, могутъ мое молчаніе счесть за подобострастное сознаніе, то это письмо можетъ служить нѣкоторымъ образомъ вмѣсто отвѣта.

Что касается существа дѣла, то Павловъ старается разбить Ленца на общей натурфилософской теоріи, не переходя на явленія. Ленцъ, не опровергая посылокъ, изъ которыхъ выведено опредѣленіе физики, называетъ взглядъ Павлова ошибочнымъ (S. 146) ³⁾. Такъ ли пишутся ученые рецензіи?

¹⁾ Стр. 12.

²⁾ Стр. 14.

³⁾ Стр. 4.

Зато Павловъ разбираетъ сорить Ленца относительно задачъ физики (ср. выше, стр. 200).

Ложно начало Ленца, будто бы все въ неорганической природѣ происходитъ по механическимъ законамъ. „Надѣюсь, что Ленць *силою воли своей* не въ состояніи исключить изъ неорганической природы ¹⁾ химическій процессъ, лежащій въ основѣ растительнаго (какъ и растительный лежитъ въ основѣ животнаго) Ктожь скажетъ, что химическій процессъ происходитъ по механическимъ законамъ? А если онъ есть механический, то такимъ же будетъ и растительный,—и животное тѣло есть машина; тогда.... Но довольно и указанныхъ нелѣпостей“.

Изъ этого положенія ни мало не слѣдуетъ (also), что механика содержитъ законы сотрясеній эластической жидкости. Если и сказать, что все въ неорганической природѣ происходитъ по химическимъ законамъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чѣмъ должна быть химія. Выводъ Ленца можно приравнять *baculus stat in angulo; ergo pluit*. Союзъ *also*, равно какъ и *ergo* не въ состояніи связать то, что не соединимо. Кто бы могъ подумать, что рѣшившись разгромить сочиненіе Павлова, Ленць въ нѣсколькихъ строкахъ выскажетъ столько разительной непоследовательности! Что, если онъ рѣшится самъ написать цѣлую физику? ²⁾ Ленць ничѣмъ не рѣшаетъ вопроса о содержаніи физики. Изъ сего то нерѣшеннаго вопроса онъ заключаетъ (also), что физика есть прикладная механика. „Очевидно“ ³⁾, что между частями сорита Ленца нѣтъ силлогистической

¹⁾ Стр. 5.

²⁾ Стр. 6. Здѣсь Павловъ не то грозитъ Ленцу своею критикою на его будущее руководство, не то кидаетъ намекъ, что Ленць громитъ его «Физику» ради устраненія возможной конкуренціи.

³⁾ Павловъ вмѣетъ въ виду насмѣшку Ленца надъ его пристрастіемъ къ этому слову (ср. выше, стр. 202).

связи. Чтожъ послѣ этого значить also г. Ленца? Частица, которую онъ имѣетъ привычку начинать свою рѣчь¹⁾.

Разбирая задачи физики (по Ленцу), Павловъ замѣчаетъ, что за первую (исслѣдованіе явленій) Ленцъ утвердилъ мѣсто въ физикѣ только своимъ произволомъ. Что касается второй (приведеніе явленій къ одному общему закону), то какія же явленія намѣренъ г. Ленцъ въ *своей* физикѣ приводить къ общему закону? Всѣ безъ исключенія? Но если физика—механика, то какъ же подводить къ одному общему механическому закону явленія и механическія, и жизненныя? „Жизнь подводитъ подъ законъ мертваго механизма“! въ справедливомъ негодованіи восклицаетъ Павловъ. Чтожъ тогда мы, сознающіе въ себѣ жизнь? Машины? И Ленцъ, позволяющій себѣ такія начала съ нелѣпыми слѣдствіями, ни съ того, ни съ другого называетъ фантазіями противоположныя имъ мысли? Нѣтъ! Такой способъ *рѣшать участь сочиненій* слишкомъ далеко отъ способа ученаго. Слова о фантазіяхъ²⁾ лучше примѣнить къ его же механическимъ понятіямъ о природѣ. Третья задача (проба примѣра) есть обратный случай второй. Посему объ ней то же сказать должно, что сказано о той, только обратно: какъ изъ закона механическаго вывести явленіе жизни? Мысль смущается при вопросахъ, возникающихъ изъ началъ Ленца. Итакъ всѣ три задачи, какъ доказано, изъ физики исключаются. Чтожъ безъ нихъ будетъ механика, возведенная во вторую степень, т. е. физика Ленца? Пустота, образъ безъ содержанія! Тутъ у мѣста повторить слова Ленца объ опустошеніи физики³⁾. Предпріятіе важно и увѣнчано блистательнымъ успѣхомъ⁴⁾.

¹⁾ Стр. 7.

²⁾ Ср. выше, стр. 203, 204.

³⁾ См. выше, стр. 198, 199.

⁴⁾ Стр. 7—9.

Я утверждаю, говоритъ Павловъ, что теорія вещества должна быть началомъ для всѣхъ физическихъ теорій, которыя должны быть слѣдствіями первой. Недостатокъ физики (даже Пулье, которую Ленцъ называетъ классическою)—смѣсь разнородныхъ гипотезъ. Я стремлюсь къ единству теоріи. Физиковъ раздѣляютъ двѣ системы: 1) атомическая или механическая и 2) динамическая. Вотъ распутіе, на которомъ Ленцъ никакъ не можетъ со мною сойтись. Но если новѣйшія времена, какъ просвѣщеннѣйшія, съ гордостью приписываютъ себѣ честь терпимости вѣрѣ, то можетъ ли быть опорочена въ наукахъ терпимость системъ? Ленцъ, будучи поборникомъ механической системы, динамическую безъ всякихъ доказательствъ просто называетъ фантазією. Въ такомъ случаѣ эфиръ есть фантазія высшей степени: ибо существованіе его не доказано, а теорія его сотрясеній (играющихъ такую роль въ механическихъ физикахъ) развита со всею математическою роскошью. Между тѣмъ дѣйствія силъ расширительной и сжимательной до того всюду ощутительны, что самые физики-механики ихъ нерѣдко повторяютъ ¹⁾.

Вопросъ о превосходствѣ той или другой системы есть вопросъ академическій. Но Ленцъ и приступить къ нему не сдѣлалъ попытки. „Общія свойства тѣлъ“ во всѣхъ Физикахъ есть статья, похожая на рецензію Ленца, гдѣ безсвязица, укоръ ученыхъ, выказывается въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Я привелъ ихъ въ единству начала. Ленцъ не упомянулъ даже объ этой статьѣ (которая одна должна бы обратить вниманіе *ученаго* критика). Почему же такъ, если бы онъ хотѣлъ дать о моей Физикѣ настоящее понятіе? Общая физика моя есть одно цѣлое, связанное одною мыслию. Чтобы все испровергнуть однимъ ударомъ, надобно было бы либо опровергнуть начала,

¹⁾ Стр. 11.

либо доказать неправильность выводовъ, а не обзывать фантазіями. Прежде чѣмъ хотѣть ¹⁾ или не хотѣть заниматься фантазіями, слѣдовало доказать, что это точно фантазіи въ его смыслѣ, а не дѣло. Въ ученѣмъ мірѣ нѣтъ еще пока закона признавать за фантазіи то, что противно механическимъ понятіямъ г. Ленца. Если наоборотъ понятія Ленца о природѣ—фантазія, а моя теорія дѣло, тогда чѣмъ можетъ оправдаться Ленць, произнесшій столь рѣшительный приговоръ?.. Видите, какъ устроенъ оптический уголь, подъ которымъ Ленць заблагодарасудилъ показать мою Физику, стремясь неуловно въ своей цѣли, показать, что мое сочиненіе „не заслуживаетъ никакого вниманія“ ²⁾.

На поприщѣ логики и философіи не Ленцу, конечно, было справиться съ мощнымъ діалектикомъ Павловымъ. Поэтому Павловъ и ведетъ всю полемику на почвѣ общихъ разсужденій. Но какъ же дѣло обстоитъ съ изложеніемъ физическихъ явленій, гдѣ опытное око Ленца замѣтило крупныя ошибки, которыя самъ Павловъ, какъ мы видѣли (стр. 200—203, прим.), исправилъ въ перепечаткѣ перваго тома? Вѣдь онъ самъ говоритъ: „свѣденія, составляющія содержаніе физики, остаются тѣ же; но взглядъ на факты, представленные въ содержаніи науки, я сдѣлалъ другой, а именно, динамической“ ³⁾. Вѣдь и для динамиста обязательно излагать факты явленій точно.

Но даже здѣсь, гдѣ Павлову приходилось безусловно сложить оружіе передъ своимъ противникомъ, знаменитымъ экспериментаторомъ, и признавъ свои ошибки, покаяться, Павловъ не сдается, а говоритъ слѣдующимъ тономъ:

„Что же касается до указаній **будто бы** на ошибки, то онѣ не стоятъ опроверженій, ибо состоятъ частію изъ мелочныхъ придиоровъ въ выраженіямъ, которымъ Ленць даетъ

¹⁾ См выше, стр. 203.

²⁾ Стр. 11—13.

³⁾ Стр. 10.

произвольно свое значеніе (напр., расходимости свѣта), несообразное общепринятому, частію изъ несправедливыхъ упрековъ въ пропускахъ того, что дѣйствительно есть, только не въ томъ мѣстѣ: или страницю выше (стр. 89), или нѣсколькими строками ниже (стр. 211). Казалось бы Г. Ленцъ долженъ былъ (объ оси сферическихъ стеколъ) читать съ начала, (а касательно закона тяжести)—дочитать до конца“ ¹⁾. Свои ошибки Павловъ замалчиваетъ. Изъ 11 страницъ всего письма этому (самому важному пункту) отведено лишь $\frac{1}{2}$ страницы.

Нѣкоторое отношеніе къ этой полемикѣ имѣеть, несомнѣнно, предисловіе Павлова ко второй части его „Физики“.

¹⁾ Стр. 13.

Это предисловіе (отъ 28 іюня 1836 г., Москва) высказываетъ мысль автора, „осуществленія которой онъ всегда желалъ“: въ наукахъ естественныхъ, какъ спискахъ гармоническаго цѣлаго, природы, должно быть единство начала. „Въ моей физикѣ“ это осуществляется; въ обѣихъ частяхъ развивается одно начало. Согласіе выводовъ съ явленіями въ цѣлой природѣ неорганической ручается за успѣхъ и въ изслѣдованіи природы органической. Въ современныхъ физикахъ по *исподству въ нихъ понятій механическихъ* нѣтъ ни единства начала, ни даже плана науки ¹⁾). Посему „моя физика“, выставящая на видъ и то, и другое, сама развиваясь въ новой формѣ по началамъ динамическимъ, *не могла не оскорбить самолюбія нѣкоторыхъ ученыхъ* ²⁾). Но мелочное въ сторону!

Физика механическая и динамическая изучаютъ одинъ предметъ: причины естественныхъ явленій. Назвать ли эти причины свойствами тѣлъ или дѣятелями, силами природы,—слова не дѣлаютъ различія. Факты составляютъ общее достояніе обѣихъ физикъ ³⁾, а приложеніе математическаго анализа возможно въ динамической физикѣ не меньше, чѣмъ въ механической. Все различіе въ теоріяхъ, въ понятіяхъ о фактахъ.

Теоріи механическія на каждомъ шагѣ противорѣчатъ природѣ, а динамическія все болѣе и болѣе оправдываются явленіями. Чего же держаться физикѣ *мыслящему?*

¹⁾ Ср. выше, стр. 171 и 208.

²⁾ Повидимому, намекъ на Ленца.

³⁾ Ср. выше, стр. 209.

Произволъ тутъ не у мѣста; въ немъ ищетъ опоры одна *посредственность* ¹⁾. Истинная любознательность требуетъ убѣжденія. Докажите, что начала физики механической вѣрнѣе началъ динамической; послѣдняя падеть сама собою. А если динамическая физика основательнѣе, то ничто не воспрепятствуетъ ея торжеству! Средство между умомъ и истиною—не мечта!

Ленцъ въ своей критикѣ выразилъ сожалѣніе (см. выше, стр. 204), что слушатели Павлова принуждены довольствоваться неточными свѣденіями. Допустимъ, что въ лекціяхъ Павлова попадались фактическія ошибки. Разумѣется, для усвоенія своимъ слушателямъ преподаватель долженъ предлагать вполнѣ вѣрный матеріалъ, научную истину. Какъ смотрѣлъ на дѣло самъ Павловъ?

Выше мы уже изложили (стр. 171 и 172) относящіяся сюда взгляды Павлова. Обогащеніе ума свѣденіями, отдѣльными фактами не составляетъ всей пользы наукъ. Онъ понималъ, что на своихъ лекціяхъ онъ готовитъ не специалистовъ по физикѣ, и не только преподавателей этого предмета. Въ Россіи главный контингентъ образованныхъ людей поглощается различными правительственными учрежденіями, государственною службой. Вотъ почему ²⁾ Павловъ приводитъ въ примѣръ людей, съ успѣхомъ проходившихъ *службу*, которые и говорятъ ему, что „во все продолженіе службы не встрѣчалось *ни одного случая*, гдѣ бы мы могли сдѣлать прямое приложеніе нашихъ школьныхъ свѣденій; до нихъ никогда не дохо-

¹⁾ Опять, надо полагать Ленцъ. О произволѣ и «силѣ волѣ» Ленца см. выше, стр. 206 и 207.

²⁾ Стр. 43 I части «Физики».

дѣло дѣло“. Но эти люди всетаки обязаны наукамъ, ибо онѣ образовавъ умъ, *сдѣлали его на все способнымъ*; эти люди смѣтливостію, соображеніемъ и другими способностями превосходили всѣхъ, которые не имѣли счастья проходить курсовъ наукъ. *Образованіе есть главныйшая польза ученья...* Свѣденія забываются, образованіе остается навсегда. Итакъ главной цѣлью своего преподаванія Павловъ поставилъ общее образованіе, а не сообщеніе фактовъ (которое „имѣется въ виду“¹⁾), что не помѣшало, правда, Павлову, какъ мы замѣтили выше (стр. 111) подготовить цѣлую плеяду извѣстныхъ спеціалистовъ.

И въ сельскомъ хозяйствѣ Павловъ (см. выше, стр. 109 и 114) стремился къ приспособленію иноземныхъ теорій къ потребностямъ русской жизни и русскаго быта. Точно такъ же и въ вопросахъ высшаго образованія вообще Павловъ съ тонкимъ чутьемъ прирожденнаго педагога²⁾ угадываетъ, что болѣе всего было нужно и что полнѣе удовлетворяло потребности минуты. Научная спеціализація есть достояніе позднѣйшей степени культуры, когда достигнуть уже нѣкоторый болѣе или менѣе высокій уровень равномерной образованности въ цѣломъ обществѣ. Если же нѣтъ еще образованности, то надо употребить всѣ усилія для распространенія ея, хотя бы и цѣною сообщенія меньшей суммы фактовъ. Факты сами по себѣ ничего не значать, — безъ точки зрѣнія, безъ принципа, по которому они обсуждаются и дѣлаются достояніемъ науки и образованности. Начала и принципы нужнѣе грубой эмпиріи — вотъ мысль, которую неоднократно высказываетъ Павловъ.

Дать принципы и научить мыслить — это было цѣлью дѣятельности Павлова. Замѣчательная логическая выработка

¹⁾ Стр. 42.

²⁾ Педагогическія способности Павлова сказались въ устройствѣ его пансіона (выше, стр. 109—114) и въ его манерѣ читать лекціи (стр. 115—118).

изложенія, выдающееся изящество и стройность плана были средством для воспитанія и развитія мышленія у слушателей и читателей. Эта манера Павлова развивала „критическій взгляд на науку“ (ср. выше, стр. 117). Философскіе принципы, даваемые Павловымъ ¹⁾, состояли въ натурфилософійи шеллингова направленія, которую онъ первый вывезъ въ Москву. Объ этомъ, кромѣ Герцена (выше, стр. 115), рассказываетъ Ксенофонтъ *Полевой* въ своихъ „Запискахъ“:

„Въ Москвѣ узнали, что есть философія не только французская..... Вотъ какъ произошло это.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ, путешествовавшихъ за границую для усовершенствованія себя въ наукахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ занять профессорскую кафедру въ Московскомъ университетѣ, былъ нѣкто М. Г. Павловъ, человекъ съ умомъ необыкновеннымъ (замѣтимъ, что Павловъ былъ конзуррентомъ—по „Атенею“—съ „Московскимъ Телеграфомъ“, полемизировалъ съ Полевыми, и припомнимъ, что Ксенофонтъ Полевой въ общемъ чрезвычайно строгъ въ своихъ отзывахъ о людяхъ и скупъ на похвалы). Онъ готовился быть проф. сельскаго хозяйства, но, кажется, живши за границею, больше занимался естествознаніемъ, познакомился въ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Окена, вывезъ въ Москву нѣсколько ихъ сочиненій, нѣсколько тетрадокъ, гдѣ

¹⁾ Какое представленіе можно получить о Павловѣ изъ слѣдующаго изображенія? («Ист. новой фил.» *Ибергега-Гейнце*, стр. 536) «Внѣшняя сторона природы есть область эмпириі, внутренняя—область умозрѣнія. Вещество есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью при взаимномъ ограниченіи. Свѣтъ—сила расширительная, тяжесть—сжимательная». Здѣсь, напр., наудачу выхвачены два предложенія изъ послѣднихъ словъ I. части «Физики». Читатель сочтетъ Павлова какимъ-то чудакомъ, не имѣя объясненія и не видя предложенія этихъ принциповъ къ міровому процессу. Тамъ же (стр. 535) неправильное указаніе: «Основанія физики», М. 1833 (не сказано, сколько томовъ, когда они вышли, и были ли переизданы).

были записаны ихъ лекціи, и вскорѣ обратилъ на себя любознательное вниманіе молодыхъ людей, и *отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ*. Извѣстно, что философія Шеллинга даетъ взглядъ на міръ и всѣ отрасли знанія, совершенно противоположный взгляду опытнаго знанія, доведеннаго бездарными людьми до эмпиризма. Тетрадки и книги Павлова не только распространялись между молодежью, но и приняты были ею съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ. Многіе студенты университета принялись изучать Шеллинга, Овена и ихъ послѣдователей. Подъ вліяніемъ этого новаго ученія начали являться статьи даже въ самомъ „Вѣстникѣ Европы“ ¹⁾.

Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ критику ученія Шеллинга. Какова бы ни была эта философія, она была первая, которая въ Москвѣ, тогдашнемъ умственномъ центрѣ Россіи, получила большое распространеніе.

По самой натурѣ своей Павловъ былъ созданъ пропагандистомъ и популяризаторомъ. По своему популяризаторскому таланту онъ далеко оставляетъ за собою лучшихъ русскихъ писателей въ такомъ родѣ, какъ напр., *Д. И. Писарева*; Павловъ превосходитъ ихъ и по несравненной ясности мысли, и по неподобному языку. Энергія и смѣлость новатора какъ нельзя лучше служили цѣлямъ пропаганды.

Его старанія распространить философію и устнымъ, и письменнымъ путемъ, какъ посредствомъ журналовъ, книгъ, такъ и путемъ лекцій въ университетѣ, Благородномъ Пансіонѣ, среди учащейся молодежи, и среди цѣлаго общества не остались безотвѣтными. Съ одной стороны, Павловъ собралъ вокругъ себя почти всѣхъ шеллинговцевъ, своихъ коллегъ по университету, Давыдова, Надеждина, Максимовича и другихъ лицъ и, вмѣстѣ съ ними издавалъ свой „Атенеи“, на смѣну которому выступилъ „Телескопъ“ тоже шеллинговца

¹⁾ Стр. 85, 86. Статьи Давыдова и Надеждина.

Надеждина. Павловъ стремился привлечь къ дѣлу даже иногороднихъ послѣдователей Шеллинга, какъ *Д. М. Велланскаго*. Съ другой стороны, Павловъ воспиталъ цѣлое философское поколѣніе молодыхъ шеллинговцевъ и гегелевцевъ. Въ Павловѣ видѣли своего учителя члены кружка *Венеитинова* и вн. *В. Ѳ. Одоевскаго* („Общество Любомудрія“), изъ котораго выросъ Погодинскій кружокъ „Московского Вѣстника“ (ср. выше, стр. 1—16). Кромѣ этого кружка молодыхъ шеллинговцевъ, отъ Павлова же пошелъ и другой кружокъ — гегелевцевъ. Изъ гнѣзда Павлова вылетѣли юные орлы — *Н. В. Станкевичъ* и *М. Н. Катковъ*. Первый, по словамъ Герцена, довершилъ дѣло Павлова основаніемъ второй генераціи философскихъ кружковъ (ср. выше, стр. 116), Катковъ же (равно и другіе ученики Павлова, какъ напр., Герценъ) были ихъ важными членами и участниками. А изъ Станкевичева кружка уже образовались другіе (напр., кружки западниковъ и славянофиловъ), которымъ было суждено пересоздать русскую культуру второй половины нашего вѣка.

Но этотъ перечень заслугъ Павлова въ отношеніи Московскаго университета, русской журналистики и философскихъ кружковъ былъ бы не полонъ безъ указанія еще на одно обстоятельство. Павловъ породилъ (хотя и косвенно) еще одно весьма важное теченіе русской литературы и журналистики. Мы разумѣемъ „Московскій Телеграфъ“ *Н. А. Полевого*, журналъ, одно время первенствовавшій почти нераздѣльно и оказывавшій огромное вліяніе на умы и вкусы читателей.

„Въ домѣ Попова (Ивана Васильевича, книготорговца и унив. типографщика)“, рассказываетъ *Кс. Полевой*¹⁾, „помѣщалась земледѣльческая школа, гдѣ директоромъ былъ Павловъ (ср. выше, стр. 109), а однимъ изъ помощниковъ — незадолго передъ тѣмъ окончившій курсъ въ университетѣ Василій Андреевичъ *Андросовъ* (умершій въ 1841 г.). Онъ

¹⁾Стр. 89.

былъ человѣкъ, замѣчательный свѣтлымъ умомъ, любовью къ просвѣщенію и оригинальностью въ разговорѣ. Пылкость его была такова, что онъ занимался всѣмъ, что только можетъ занимать умъ и благородную душу; но пылкость же дѣлалась причиной, что онъ былъ вспыльчивъ, увлекался, легко приходилъ въ гнѣвъ, не договаривалъ словъ, бормоталъ, прыскалъ слюною, когда говорилъ, и иногда защищалъ несообразности. *Отъ сообщества съ Павловымъ* онъ вскорѣ сдѣлался отчаяннымъ шеллингистомъ, и встрѣтившись у Попова съ Ник. Алексѣевичемъ, чрезвычайно заинтересовалъ его новыми тогда у насъ идеями нѣмецкой философіи (ср. выше, стр. 112, прим. 1). Цѣлые вечера проходили въ сужденіяхъ и спорахъ о ней, и этого было достаточно для воспримчиваго моего брата. Онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя идеи трансцендентальной философіи, сталъ читать книги, написанныя въ духъ ея, и былъ уже приверженцемъ новыхъ взглядовъ, когда судьба сблизила его со многими молодыми людьми, изучавшими нѣмецкую философію. Разумѣется, эти молодые люди были тоже ученики Павлова (ср. выше, стр. 215), и съ ними то встрѣчался Розановъ въ домѣ Полевого, (ср. выше, стр. 118).

„Новый взглядъ ¹⁾, бывшій слѣдствіемъ знакомства Н. А-ча' съ философіею Шеллинга,“ свидѣтельствуетъ тотъ же Кс. Полевой, главный сотрудникъ своего знаменитаго брата, „выражался въ „Московскомъ Телеграфѣ“ съ самаго начала этого журнала. Въ слѣдующій годъ тамъ было довольно статей, можетъ быть, даже излишне проникнутыхъ новою тогда философіею; но журнальная смѣтливость издателя была такова, что онъ никогда не увлекался въ однообразное направленіе, всегда имѣя въ виду общность своихъ читателей... Послѣ описаннаго мною можно было бы подумать, что философія должна была преобладать въ „Московскомъ Телеграфѣ.“ Но тамъ

¹⁾ Стр. 157.

выражалась она только въ *направленіи* статей, во взглядѣ и никогда не вытѣсняла другихъ частей просвѣщенія. Замѣчу, какъ важное достоинство, дѣлающее особенную часть издателю, что, сдѣлавшись *ревностнымъ послѣдователемъ трансцендентальной философіи*, онъ не искажалъ языка терминами и выраженіями ея, темными для русскихъ читателей. Въ этомъ можно видѣть преимущество его надъ тѣми писателями русскими, которые, начиная говорить философскимъ языкомъ, превращаютъ русскій языкъ ¹⁾ въ варварское сдѣпленіе непонятныхъ словъ и русскія слова передѣлываютъ на нѣмецкій ладъ, такъ что въ нихъ остаются одни только русскіе звуки. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ *здравья, спрныя идеи* ²⁾ излагались языкомъ понятнымъ и незамѣтно усвоивались читающею публикою. Это можно признать великою услугою, оказанною Н. А. Полевымъ. До появленія „Московского Телеграфа“ было напечатано лишь нѣсколько статей, написанныхъ въ *духъ новой философіи*, но и тѣ были не всѣ удачны, именно потому, что изложеніе ихъ казалось непонятно. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ не говорили прямо о философіи, но *при всякомъ случаѣ* передавали понятія и выводы ея. Такимъ образомъ Н. А. Полевой способствовалъ не только распространенію *здравой* философіи, но и рѣшительной побѣдѣ ея надъ чувственною, матеріальною философіею, которая до тѣхъ поръ господствовала у насъ надъ всѣми умами. Еще за нѣсколько лѣтъ прежде, въ „Вѣстникѣ Европы“ писали о философіи Локка и предлагали выводы ея, какъ выводы самой мудрости; еще большинство образованныхъ людей почитало философами Гельвеція, Вейсса и даже отвратительнаго барона Гольбаха съ компаніею. Въ немного времени эти бумиры были ниспровергнуты, и ихъ стали назы-

¹⁾ Стр. 158.

²⁾ Очевидно, и Ксенофонтъ Полевой увлекался (черезъ брата?) философіею Шеллинга (ср. выше, стр. 215).

вать философами не иначе, какъ въ насмѣшку. Можно гордиться такою заслугою“.

И хотя впоследствии „Атеней“ Павлова вступалъ съ „Московскимъ Телеграфомъ“ въ полемику ¹⁾, хотя Павловъ издѣвался надъ увлеченіемъ Полевого, будто бы не понимавшаго сути философіи, а въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Павлова честили „Атрософистомъ“, но по вышеприведенному свидѣтельству оказывается, что вліятельный „Московскій Телеграфъ“ былъ одною изъ многихъ волнъ того мощнаго умственнаго движенія, которое исходило отъ Павлова, которое было обязано своимъ существованіемъ его огромнымъ и разнообразнымъ талантамъ, его оригинальному уму и крѣпкой энергіи.

О Павловѣ стали какъ будто забывать. Но его имя неизгладимыми чертами записано въ исторію Московскаго университета и въ исторію русской культуры 20-хъ и 30-хъ годовъ. Его историческая роль заключалась въ томъ, что онъ привилъ московской интеллигенціи шеллингову философію и въ силу особенностей своей природы, несмотря на „отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ“, которыхъ было „не мало“ (ср. стр. 205 и 215), сумѣлъ расширить это умственное вліяніе до общерусскаго направленія. Павлова, а не другого кого, надобно считать отцомъ того движенія, которое изшло изъ Москвы и совершенно обновило русскую мысль. Павловъ сдѣлалъ свое дѣло съ помощью той же философіи, которую въ Петербургѣ проповѣдывали два талантливые человѣка, *Д. М. Велланскій* и *А. И. Галичъ*. Но не они, а Павловъ сталъ родоначальникомъ шеллинговой философіи въ Россіи.

¹⁾ Этой любопытной полемикѣ мы посвятимъ особый этюдъ. О Павловѣ, какъ журналистѣ и литераторѣ, мы предполагаемъ говорить въ другомъ изъясненіи.

VII.

Прибавленія.

Письма Д. М. Велланскаго.

Напечатанныя письма Велланскаго были уже указаны на стр. 82—83 настоящей книги. Всѣ эти письма имѣютъ весьма важное значеніе, какъ для біографіи Велланскаго, такъ для исторіи его литературной дѣятельности и для исторіи шеллингова направленія на Руси. Въ письмахъ къ Павлову и кн. Одоевскому Велланскій рассказываетъ о судьбѣ своей философской дѣятельности. Эти же два письма, а равно и письмо къ Розанову рисуютъ отношенія Велланскаго къ другимъ шеллинговцамъ моложе его. Записка къ Розанову любопытна потому, что обрисовываетъ взгляды медика Велланскаго на леченіе болѣзней. Въ виду того, что эти письма разсѣяны по журналамъ, не всегда находящимся подъ рукою (каковъ, напр., очень рѣдкій „Телескопъ“ Надеждина), я и счелъ лишнимъ собрать ихъ во едино въ самыхъ точныхъ и буквальныхъ копіяхъ. № I. Письмо къ кн. Одоевскому, № II.—IV.—отрывки изъ писемъ къ Розанову, № V. тоже къ Розанову, № VI. Письмо къ Розанову, № VII. Письмо къ Павлову. Къ этому присоединяемъ подъ № VIII—сдѣланный Д. М. Велланскимъ вызовъ (открытое письмо) на споръ объ его „Физикъ“.

№ I.

(Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, отъ 17 іюля 1824 г.).

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь

Владиміръ Ѳедоровичъ!

Не рѣдко получалъ я, изъ разныхъ мѣстъ Россіи, лестные ко мнѣ отзывы отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ; но письмо вашего сіятельства восхитило меня наиболѣе! Почти за двадцать лѣтъ предъ симъ, я первый возвѣстилъ Россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на еѳософическомъ понятіи, которое, хотя зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ. Таковыя познанія относилъ я единственно къ физическимъ предметамъ, не принаравливая оныхъ ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однако же нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, не могши ни понять, ни опровергнуть моихъ положеній, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ и религіозномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, я не страшился пустыхъ нарѣканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ началъ управлять колесницею русскаго Ѳеба, ужаснулся я отъ тучъ, окружившихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи.

Афоризмы вашего сіятельства, помѣщенные въ Мнемозинѣ, читалъ я съ величайшимъ удовольствіемъ, и признаюсь, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ ученыхъ Россіянь вы одни поняли настоящее значеніе философіи. Наша публика въ образованіи своемъ слѣдуетъ преимущественно французской; и весьма трудно познакомить оную съ высокимъ духомъ натуральной философіи. Посему и я думаю, что вашъ способъ изданія Мнемозины есть самый лучший. Надобно дѣтей занимать прежде игрушками, чтобы послѣ показать имъ что нибудь важное. Весьма много матеріаловъ для вашего изданія можете вы найти въ нѣмецкомъ журналѣ, издаваемомъ Океномъ: Isis, oder Encyclopedische Zeitung, von Oken. Онъ начался съ 1817 года и продолжается по нынѣ. Изъ всѣхъ Европейскихъ ученыхъ журналовъ Isis есть совершеннѣйшій. Диссертациі моея на латинскомъ языкѣ не осталось у меня ни одного экземпляра, да и Пролюзіи давно уже нѣтъ. Я по случаю досталъ экземпляръ, въ которомъ кто-то переводилъ слова, и многія весьма неправильно. Въмѣсто диссертациі, посылаю вамъ Обзорѣніе Философическаго естествопознанія, переводъ О свѣтѣ и теплотѣ и Физиологическую программу, за которую при бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, князѣ Голицынѣ, чуть я не пострадалъ! И онъ не позволилъ мнѣ преподавать Галловой краніоскопіи, о которой насказали ему, что оная противна христіанской религіи!

Принося вашему сіятельству искреннѣйшую мою благодарность за ваше ко мнѣ благоволеніе, остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга Данило Велланскій, статскій совѣтникъ и академикъ императорской медико-хирургической Академіи въ Санктпетербургѣ.

(Подлинникъ въ 1864 г. хранился въ *Чертковской* библіотекѣ).

№ II.

(Изъ письма къ Н. Розанову въ Москву отъ 24 мая 1829 г.,
стр. 106).

Старайтесь не быть больнымъ. Жизнь грѣшниковъ только должна удручаться болѣзнями, а праведницы, живущіе сообразно представляемой ими идеѣ Бога, имѣютъ своимъ удѣломъ правоту духа и крѣпость тѣла.

№ III.

(Отрывокъ изъ письма отъ 4 апрѣля 1830 г. въ Москву къ
Н. Розанову, въ его статьѣ стр. 121).

Физику неорганическаго міра я не кончу еще въ нѣсколько мѣсяцевъ; чѣмъ далѣе въ ней подвигаюсь, тѣмъ болѣе она распространяется. А стараюсь представить науку подробно, основательно, понятно. Для сего требуется величайшая разборчивость и строгая точность во всѣхъ созидающихъ оную комбинаціяхъ; простой народъ не можетъ пользоваться моими сочиненіями; поверхностно ученымъ они не по вкусу. Однако надѣюсь, что въ Россіи многіе размышляющіе и остроумные люди не пренебрегутъ полюбопытствовать моею физикою.

№ IV.

(Отрывокъ изъ письма отъ 16 іюня 1831 г. къ Розанову,
тамъ же, стр. 121).

Въ Петербургѣ до сей поры еще не роздано и 50 билетовъ пренумерантамъ, а въ Харьковѣ, при всѣхъ усиліяхъ Масловича, едва нашлось шесть охотниковъ подписаться на сочиненіе. Но я объ этомъ не забочусь: книга будетъ раскуплена, когда выйдетъ въ свѣтъ, и узнаютъ мыслящіе люди на самомъ дѣлѣ о ея содержаніи.

№ V.

(Отъ 14-го января 1832 г. къ Розанову въ Москву, тамъ же, стр. 130).

Вы не такъ здоровы! Старайтесь избѣгать всѣхъ возможныхъ причинъ, вредныхъ вашему здоровью. Совѣтую вамъ вести жизнь какъ можно болѣе флегматическую, не напрягаться, не разгорячаться, не суетиться въ толкучемъ ряду міра сего; а жить тихо, подобно растенію. Тогда только можете избавиться отъ возмущеній въ кровеносной системѣ вашего тѣла, устремляющихъ кровь въ головѣ.

(изъ того же письма, стр. 122).

Хотя члены Академіи (Наукъ) всѣ почти Нѣмцы, но ни одинъ не понимаетъ ни Шеллинга, ни Стефенса. А потому Физика моя для нихъ не по вкусу (Подалъ свое сочиненіе на премію Демидова, Велланскій сомнѣвался въ справедливой оцѣнкѣ).

№ VI.

(Письмо къ Розанову въ Тифлисъ отъ 15 дек. 1833 г.).

Письмо ваше получилъ я за три дня до моихъ именинъ, которыя праздновались съ музыкою и танцами, въ передѣланной и увеличенной моей квартирѣ.

Вояжъ мой въ Малороссію былъ для меня очень веселъ и удаченъ. Я выѣхалъ изъ Петербурга 13-го іюля, и возвратился домой 20-го августа. Въ Кіевѣ ѣхалъ я черезъ Бѣлоруссію, а въ Петербургъ возвращался черезъ Москву. Въ Кіевѣ я пировалъ восемь дней, а въ родимомъ моемъ городѣ Борзнѣ пробылъ четыре дня, гдѣ соученики и товарищи дѣтства моего угощали и провожали меня со всевозможнымъ усердіемъ и радушіемъ. Въ Москвѣ прожилъ я также четыре дня, отъ 12 до 16-го августа. Московскіе профессеры оказали мнѣ самый лестный и дружественный пріемъ. Павловъ дѣлалъ для меня великолѣпный обѣдъ, гдѣ я познакомился со многими университетскими профессорами, особливо съ Давыдовымъ,

Надеждинымъ, Ювскимъ и Альфонскимъ. Послѣ обѣда, въ физическомъ кабинетѣ Павлова я бесѣдовалъ съ ними часовъ восемь. Московскіе ученые чувствуютъ всю важность философскаго естествознанія, хотя ни одинъ изъ нихъ не понялъ моей Физики. Они приглашали меня дать имъ нѣсколько лекцій изъ натуральной философіи, но я не могъ оставаться у нихъ и на пять дней. Теперь предлагаютъ мнѣ пріѣхать въ Москву на цѣлый январь или февраль и прочитать тамъ, для многихъ собравшихъ ими слушателей, двадцать лекцій, за которыя даютъ мнѣ двадцать тысячъ (ассигнаціями) рублей. Но въ это время я не могу отлучиться и на два дня изъ Петербурга. Мнѣ можно уѣзжать только на августъ мѣсяць, когда въ вашей академіи вакація. Можетъ-быть въ будущемъ августѣя и поѣду въ Москву для преподаванія тамъ лекцій, хотя въ то время мало сыщется слушателей, такъ какъ знаменитые и богатые ученые уѣзжаютъ тогда изъ Москвы домой.

„Физика моя пошла въ продажу живѣе. Черезъ годъ можетъ быть выйдетъ изъ рукъ моихъ и другая, органическая физика, или физиологія, за которою должна будетъ послѣдовать антропологія. Книгу вашу я получилъ отъ г. Францена. Она переведена превосходно на русскій языкъ, и весьма полезна занимающимся статистикою. Каково она расходуется? Я думаю, не такъ шибко“.

№ VII.

Письмо г. профессора Велланскаго къ г. профессору *Павлову*.

СПБургъ, мая 29, 1834.

Прошлаго Марта 17 дня, послалъ я къ вамъ, чрезъ Г. С..., курсъ физиологическихъ моихъ лекцій. Намѣреаясь из-

дать въ свѣтъ мою Физиологію, я хотѣлъ показать оную предварительно такимъ лицамъ ученой Россійской публики, которыя могутъ понимать и цѣнить сочиненія сего рода. Это плодъ многолѣтнихъ моихъ занятій и постоянныхъ усилій въ воздѣланію той науки, о которой въ Россіи, до моего возвращенія изъ чужихъ краевъ, т. е. до 1806 года, не было ни малѣйшаго понятія.

Органическая природа содержится въ неорганической таѣ, какъ душа въ тѣлу, или идеальное существо въ реальной формѣ. Посему одной безъ другой понять не можно: также какъ не зная анатомическаго строенія органовъ, не можно изъяснить ихъ дѣйствій; и напротивъ того, не понимая идеально живыхъ происшествій въ организмѣ, не можно имѣть существеннаго свѣдѣнія о строеніи органовъ, показываемомъ трупоразсѣченіемъ. Физиологія, излагающая органической міръ, не должна быть раздѣлена отъ Физики, показывающей неорганическую природу; ибо первая разсматриваетъ внутреннее, а вторая изслѣдываетъ внѣшнее содержаніе одного и того же универса, который только въ его цѣлости понятнымъ быть можетъ.

Идеаль мой Физиологіи есть универсъ, который представленъ въ ней съ наружной и внутренней его стороны, и котораго начальный внѣшній видъ есть *огонь*, а внутреннее окончательное образованіе составляетъ *человѣкъ*. Абсолютная идея природы, въ объективной ея формѣ, показывается *огнемъ*, а въ субъективномъ видѣ, является *человѣкомъ*. Посему и Физиологія моя съ начала показываетъ *огонь*, а при концѣ излагаетъ *человѣка*. Если бы не было образцевъ раціональной Архитектоники, произведенныхъ Шеллингомъ, Стеффенсомъ и Оженомъ; то бы я не могъ соорудить умственнаго сего зданія. Но слѣдовать великимъ оригиналамъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ собственную способность.

Оригинальные примѣры весьма полезны для ученаго образованія; и безъ оныхъ врожденный геній остается навсегда въ состояніи зародыша. Таковыхъ геніевъ, какъ вездѣ, такъ

и у насъ находится множество; но положеніе ихъ достойно сожалѣнія! Они суетятся и беспокоятся, какъ рѣзвыя, несмышленные дѣти, оставленные на ихъ произволь, безъ всякаго за ними присмотра. Вся наша литература наполнена дѣтскими игрушками, которыя однако выдаются за важныя и поучительныя произведенія просвѣщеннаго времени! Не довольствуясь своими фарсами, они берутъ матеріалы изъ сцены чуждаго имъ міра, шутятъ и смѣются надъ тѣмъ, чего вовсе не понимаютъ, а именно надъ Философіею Шеллинга. Такъ въ БИБЛИОТЕКѢ ДЛЯ ЧТЕНІЯ (т. III. ч. II. о. VI. с. 113), Германскій философъ представленъ въ каррикатурномъ видѣ, будто измѣнилъ онъ свою Философію и всѣми силами старается возстановить упавшую свою славу!! Таковой сарказмъ подтверждается ссылкой на письмо Шеллинга, писанное къ кому-то въ Москву, хотя изъ приведенныхъ извлеченій письма явствуетъ противное сказанному въ сарказмѣ.

Чрезъ три или четыре мѣсяца, выдетъ мой переводъ небольшого сочиненія: *Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben ganzer Völker und einzelner Menschen, von Joseph Goltschowskij* (*Философія въ отношеніи къ жизни цѣлыхъ народовъ и частныхъ лицъ*). Это не Философія, а справедливая оцѣнка и полемическая панегрика Философіи—сочиненная на чистѣйшемъ Нѣмецкомъ языкѣ, сообразно идеямъ Шеллинга, которому авторъ посвятилъ оную, какъ другу и наставнику своему въ Философіи. Я старался сдѣлать мой переводъ достойнымъ важности оригинала; и надѣюсь, что онъ послужитъ къ пользѣ умныхъ и благомыслящихъ моихъ соотечественниковъ!

Прежде нежели выдетъ моя Физіологія, намѣренъ я сочинить Натуральную Философію, въ основныхъ ея начертаніяхъ; слѣдовательно, какъ можно, въ меньшемъ объемѣ и тѣснѣйшемъ содержаніи. Это будетъ ключъ къ уразумѣнію физическихъ сочиненій, писанныхъ по основаніямъ Философіи, которая въ Россіи извѣстна по неосновательнымъ слухамъ.

Словесное изъясненіе весьма много споспѣшествуетъ къ понятію философическихъ положеній; и ежели въ Москвѣ сыщутся охотники къ слушанію моихъ лекцій; то я будущую зиму могу пріѣхать къ вамъ на цѣлый мѣсяць.

Покорно прошу увѣдомить меня: каковымъ показался вамъ курсъ физиологическихъ моихъ лекцій? Любовь ваша къ истинному познанію и благородное усиліе къ распространенію тѣснаго круга Физическихъ Наукъ въ нашемъ отечествѣ, для меня восхитительны! Я самъ большой энтузіастъ къ возвышеннѣйшей истинѣ; и никакія противности не могли отвратить меня отъ оной. Мнѣ крайне желательно имѣть либо противниковъ, либо сотрудниковъ на поприщѣ Физическихъ Знаній. Но вотъ проходитъ тридцать лѣтъ, какъ я въ Россійскомъ ученомъ мірѣ вопію, *аки гласъ въ пустынь!* Съ начала ученые старики злились на меня, говоря съ презрѣніемъ: что за молокососъ явился къ намъ съ Нѣмецкими бреднями? Теперь новая генерація ученыхъ. Птенцы, вылущившіеся подъ старыми насѣдками драхлой учености, не оперились еще, не вылетѣли изъ своего гнѣзда, и уже пищатъ на орловъ, парящихъ выше сферы ихъ зрѣнія!

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и нелицемѣрной любовью, остаюсь покорнѣйшій вашъ слуга Д. Велланскій.

№ VIII.

Вызовъ, отданный Академикомъ Д. М. Велланскимъ.

Въ № 133-мъ Сѣверной Пчелы напечатано слѣдующее объявленіе, достойное любопытства и вниманія всѣхъ любителей Наукъ:

„*Опытная, наблюдательная и умозрительная Физика*, сочиненная Академикомъ и Профессоромъ Д. Велланскимъ, вышла въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ Октября 1831 года. Со стороны ученой публики не воспослѣдовало еще никакого отзыва о семъ сочиненіи, которое опровергаетъ рѣшительно всю систему обыкновеннаго Физическаго ученія, въ теоретическомъ его смыслѣ, и представляетъ Науку въ другой формѣ, сообразно прочнѣйшему основанію идеальнаго ея устройства“. Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литтературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатокѣвъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

„Надъ симъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготавлился къ оному 20 лѣтъ; а посему и точный разборъ онаго долженъ быть не малотруденъ. Движимый любовію къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ истолковательную *полемику*, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ теоретическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной соизждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *преміи*, и съ благодарностію признаетъ его теорію. Когда-же противное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой имъ *преміи*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

Предметы, о которых Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ, тяжесть, теплота, магнетизмъ, электризмъ, химизмъ и гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превратными гипотезами.

Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ краткое извлеченіе изъ онаго, которое имѣетъ быть напечатано въ Сынѣ Отечества.

Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физиологіи, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла быть представлена въ собственномъ ея значеніи, и которой основное начертаніе можетъ быть кончено въ теченіе нынѣшняго года⁴.

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литературный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что ... но до времени удержимся отъ этого. ¹⁾

¹⁾ М. Телеграфъ за 1832. г., ч. 44, № 6, Мартъ, Смѣсь, стр. 303—305.

Къ страницамъ 84—87.

Отзывъ о Велланскомъ имѣется еще въ нѣмецкомъ сочиненіи Theodor v. *Stürmer*, бывшаго преподавателемъ исторіи, литературы и энциклопедіи медицины при Медико-Хирургической Академіи: *Zur Vermittlung der Extreme in der Heilkunde*, Leipzig bei Eduard Kummer, въ 5 томахъ. Это сочиненіе состоитъ, главнымъ образомъ, изъ писемъ, писанныхъ авторомъ къ различнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, а также знаменитымъ или вліятельнымъ медикамъ. Письма, перепечатанныя потомно, посвящались государямъ и властителямъ. *Штюрмеръ* велъ жестокую полемику съ русскими журналистами, напр., съ *Гречемъ*¹⁾ и особенно съ *Сенковскимъ*. Въ III томѣ (1843 г.) означеннаго сочиненія имѣется письмо *Штюрмера* къ лейб-медику *Маркусу* о *Сенковскомъ*, гдѣ авторъ пытается побудить *Маркуса* ходатайствовать о мѣрахъ зажать ротъ критикѣ (стр. 226—231) и письмо къ самому *Сенковскому* (стр. 231—232), гдѣ *Штюрмеръ* упрекаетъ его за восьмилѣтнюю войну противъ „врачей Россіи“ и въ томъ, что изъ-за *Сенковскаго* онъ потерялъ (Высочайше) обѣщанное ему мѣсто ректора Академіи.

¹⁾ См. Сынъ Отечества за 1830 г., т. XIV (С. От.—ч. 136, Сѣв. Арх.—50), № XXXIV, стр. 40—52, III. Антикритика, Отвѣтъ г. *Штюрмеру*, доктору медицины и хирургіи—*Николая Греча*. Ср. статью *Сенковскаго*, Собр. соч., т. VIII, Естествознаніе. Медицина, медицинская полемика, II, 3, стр. 487—546, особенно, стр. 542 и слѣд.

Свѣдѣнія о Велланскомъ помѣщены въ томъ же III томѣ, посвященномъ Прусскому Королю *Фридриху-Вильгельму IV*: стр. 299—303. Biographische Notizen russischer Aerzte der Gegenwart. Dr. *Wellansky* и стр. 203—219—въ письмѣ къ Dr. *Johannes Müller*, профессору физиологіи въ Берлинѣ: Ueber physiologische Studien; russische Litteratur. Auszug aus dem Handbuche der allgemeinen Physiologie des Professors Wellansky in St. Petersburg. (Изложены статьи: Speculatives Erkennen der anorganischen Natur (203), Theorie der organischen Welt (204), Pflanzen-Organismus (204), Thier-Organismen (205), Vom Bau des thierischen Organismus (205), Die Thätigkeit des thierischen Organismus (206), Die Verrichtungen des Geschlechtssystems (208), Form und Lebensthätigkeit der Frucht (208), Anthropologie. Die Gefühlsseite der somatischen Sphaere des menschlichen Organismus (209), Die psychische Sphaere des Menschen (209). Ueber die Bildung der psychischen Sphaere von ihrem Anbeginne bis zur höchsten Entwicklungsstufe in Raum und in Zeit (210), Vom Willen (210), Gemüth, Geist und Wille (211), Fähigkeit, Talent, Genie, auf die Aussenwelt und Societät angewandt. Anlagen zur Wissenschaft (211), Anlagen zu Künsten (211), Die Physiognomik als Mittel, verschiedene Anlagen zu erkennen (212), Lehre von den Temperamenten (212), Die Identität der Seele mit dem Sein der Natur und ihr Abfall (213), Unterschied der Geschlechter (215), Sprachen (216). Lebensepochen, Tod, Unsterblichkeit (217). Удостоилось у Штюрмера такого изложенія изъ русскихъ книгъ одно только сочиненіе Велланскаго.

Что касается біографическаго очерка, то оказывается, что *Каллисенъ* (см. выше, стр. 84—86) заимствовалъ свои свѣдѣнія (въ томъ числѣ и невѣрныя) именно у *Штюрмера*, о чемъ однако не упомянулъ. Невѣрны у Штюрмера упоминанія о дворянскомъ происхожденіи и заботливомъ домашнемъ воспитаніи

Велланскаго (стр. 300). Большую заслугу видитъ Штюмеръ въ переводѣ Велланскимъ многихъ иностранныхъ руководствъ (стр. 301). Путаница въ трудахъ Велланскаго внесена Каллисеномъ отъ себя. Въ 1806 г. Велланскій уже будто бы Professor ordinarius. Заслуги Велланскаго, посланнаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ въ г. Псковъ на эпидемію, были засвидѣтельствованы не только мѣстнымъ управленіемъ, но и правительствомъ. Послѣ четырехлѣтней службы при сухопутномъ госпиталѣ, за прекрасное управленіе которымъ онъ удостоился Высочайшей благодарности, Велланскій просилъ объ увольненіи, какое и дано черезъ годъ. Черезъ 2 года Велланскій опять поступилъ туда же, но безъ жалованья. Московское Общество естествоиспытателей избрало его въ члены.

Общую характеристику Велланскаго Штюмеръ даетъ такого рода:

Д. ст. сов. и кавалеръ Даниилъ Велланскій—одинъ изъ достойнѣйшихъ ветерановъ нашей русской медицины. Онъ выказалъ себя отличнымъ врачомъ не только на службѣ въ различныхъ госпиталяхъ и въ счастливомъ исполненіи порученій правительства, но и въ обширной практикѣ; ¹⁾ какъ преподаватель онъ воспиталъ массу благодарныхъ учениковъ. Преданный почитатель Окена, онъ совершенно воспринялъ въ себя его натурфилософію и былъ какъ разъ настоящимъ человекомъ, чтобы передавать ее вѣрно, обогативъ собственными идеями. Кто изъ его бывшихъ учениковъ не вспоминаетъ ²⁾ съ совершенно особеннымъ удовольствіемъ объ его лекціяхъ, на которыхъ воодушевленный старецъ съ почти волшебною силою умѣлъ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи и столь удобопонятно (fasslich) и пріятно (anmuthig) представлять возвышеннѣйшія

¹⁾ Стр. 300.

²⁾ Ср. выше, стр. 67 и 68.

идеи въ многозначительной (sinnreich) оболочкѣ! Кромѣ студентовъ, появлялись и другіе слушатели и слушательницы, даже изъ высшихъ классовъ; это хоть разъ слышала Велланскаго, тотъ навсегда становился его поклонникомъ (für ihn gewonnen). Итакъ онъ много сдѣлалъ добра и вполне заслужилъ, чтобы всѣ знали исторію его жизни и службы.

Биографическій очеркъ заключается словами: „Свѣтъ погасъ въ очахъ одушевленнаго учителя, но чистый огонь продолжаетъ пылать въ его душѣ. Неустанно диктуетъ Велланскій день и ночь (ср. свидѣтельство Розанова, выше, стр. 83) и съ вѣрующимъ духомъ трудится надъ натурфилософскими сочиненіями, съ одушевленіемъ говоритъ о своемъ ученіи, счастливъ побесѣдовать съ какимъ-нибудь ученикомъ Шеллинга. Это—счастливящее его настроеніе, эта вѣра, быть можетъ, и сладкая иллюзія настоящей натурфилософіи“ ¹⁾.

¹⁾ Стр. 303.

Къ страницамъ 126—129.

Относительно Кастора Никифоровича *Лебедева* и его любимой брошюры можно привести еще нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній *Буслаева* ¹⁾ и *Гончарова* ²⁾. Буслаевъ разсказываетъ:

„Я отправился съ письмомъ отъ матушки къ *К. Н. Лебедеву* ... Надобно знать, что онъ былъ сынъ самой близкой пріятельницы моей матушки и давалъ мнѣ уроки, будучи ученикомъ гимназіи, когда я мальчикомъ лѣтъ 9 былъ въ приготовительномъ пансіонѣ его матери, Маріи Алексѣевны Лебедевой, собственно предназначенномъ только для дѣвочекъ, между которыхъ я составлялъ привилегированное исключеніе. Когда я поступалъ къ нему въ Дурновскомъ переулкѣ, онъ уже былъ кандидатъ московскаго университета и магистрантъ по исторіи, любимецъ проф. *Погодина*, который пользовался тогда извѣстностью, какъ ученый и литераторъ. Рекомендуя меня *Погодину*, Лебедевъ могъ обезпечить и облегчить мое вступленіе въ университетъ вліяніемъ такого авторитетнаго профессора. Но мои волненія и ожиданія были напрасны. Лебедевъ уѣхалъ въ де-

¹⁾ Мои воспоминанія. Академика *Θ. И. Буслаева*. Изданіе *В. Г. Фомъ Бооля*. М 1897.

²⁾ *И. А. Гончаровъ*. Изъ университетскихъ воспоминаній. Какъ насъ учили, 50 лѣтъ назадъ. «Вѣстникъ Европы» за 1887 г., 124-й томъ, апрѣль, стр. 489—517.

ревню, вернется въ Москву, но не раньше сентября, т. е. когда уже будутъ покончены вступительные экзамены въ университетъ, и когда рѣшится моя судьба. Однако, мой талисманъ, какъ увидите, оказалъ себе спасительное дѣйствіе, и вліяніе Лебедева, хотя и заочное и безъ его вѣдома, и совершенно случайно, дало самый благопріятный исходъ всѣмъ моимъ заботамъ и тревоженіямъ“ ¹⁾.

„Во время экзамена подходитъ къ *П. М. Терновскому* молодой человѣкъ лѣтъ 30 въ форменномъ фракѣ, остановился, посмотрѣлъ на меня и сталъ слушать, что я говорю. Его добрый, снисходительный взглядъ точно приласкалъ меня, воодушевилъ, и я продолжалъ рассказывать съ такой искренностью, съ такимъ убѣжденіемъ, которыми я будто хотѣлъ отвѣтить на дружеское привѣтствіе стараго знакомаго. Когда я кончилъ, молодой человѣкъ спросилъ меня, откуда я родомъ, и гдѣ учился. Отвѣчая ему, я назвалъ своихъ учителей и между прочими упомянулъ о *К. Н. Лебедевѣ*. Мнѣ показалось, что его взглядъ вдругъ просвѣтлѣлъ, и легкая улыбка мелькнула по чертамъ лица. Онъ отвѣчалъ, что *Кастора Никифоровича* хорошо знаетъ, и своимъ душевнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: „если что Вамъ понадобится, приходите ко мнѣ“. Когда я съ радостію возвратился на скамейку къ товарищамъ, мнѣ сказали, что я говорилъ съ *М. П. Погодинымъ*. Да, это былъ первый лучъ радости, освѣтившій меня по пріѣздѣ моемъ въ Москву“ ²⁾.

„Поведу васъ сначала опять на Собачью площадку, въ Дурновскій переулочекъ, гдѣ, помните, я постучался къ *Кастору Никифоровичу Лебедеву*. Когда онъ возвратился въ Москву, то принималъ во мнѣ живѣйшее участіе, которымъ, впрочемъ, я не могъ долго пользоваться, потому что онъ черезъ нѣсколько вре-

¹⁾ Стр. 3.

²⁾ Стр. 6.

мни перебрался въ Петербургъ. Ему не удалось пристроиться къ университету. Онъ раздражилъ противъ себя нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, представивъ научныя ихъ взгляды и убѣжденія въ карикатурномъ видѣ, въ написанной имъ сказкѣ о царѣ Горохѣ... Въ Петербургѣ онъ прѣмѣнялъ ученую карьеру на юридическую, успѣшно и съ отличіемъ служилъ чиновникомъ министерства юстиціи и скоро вошелъ въ милость у министра, графа *Панина*; былъ командированъ за границу, именно, въ Пруссію для нагляднаго и практическаго ознакомленія съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ и по возвращеніи напечаталъ подробный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ занималъ должность оберъ-прокурора Правительствующаго сената въ Москвѣ, а потомъ должность сенатора въ Петербургѣ¹⁾.

У Гончарова: „Забавно намъ было видѣть, какъ *И. М. Снегиревъ* однажды попался въ просакъ, и какъ на нашихъ глазахъ во время экзамена старался выпутаться изъ петли. Нѣкто студентъ *З. (?)* написалъ какую то брошюру о царѣ Горохѣ; я ее читалъ, но теперь забылъ даже точное заглавіе; помню только, что тамъ изображались въ карикатурѣ нѣкоторые профессора Университета, и между прочимъ чопорный и важный *И. И. Давыдовъ*. Описывалась ихъ наружность (?), манера читать²⁾. Снегиревъ былъ цензоромъ и пропустилъ брошюру, зная, конечно, очень хорошо, въ чемъ дѣло, и 자랑ѣе наслаждаясь про себя эффектомъ брошюры. Брошюра дѣйствительно произвела эффектъ и смѣхъ. Она ходила по рукамъ. Профессоры вознегодовали, больше всѣхъ, — онъ, *le superbe Иванъ Ивановичъ*: какъ могло его коснуться дерзкое перо!

¹⁾ Стр. 42.

²⁾ Здѣсь память измѣняетъ Гончарову. Въ брошюру Лебедева нѣтъ описанія внѣшности выведенныхъ лицъ; но всѣхъ можно узнать безошибочно — по слогу и излюбленнымъ словечкамъ.

Потерпѣль не авторъ-шалунъ ¹⁾, а цензоръ. Съ нимъ не говорили, отворачивались отъ него: Иванъ Ивановичъ положительно не глядѣль на него, а тотъ залѣзалъ въ глаза, старался замести хвостомъ свою штуку, льстиль, изгибался—и напрасно! Мы видѣли все это и наслаждались профессорскою комедіею ²⁾.

У Александра *Бурцева*, Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ, ч. IV, СПБ, 1897, № 692 (стр. 60) перепечатанъ весь „Подарокъ ученымъ“; титулъ и текстъ стр. 63—80. Рѣчь Павлова: стр. 73—74. На стр. 60—61 собрана литература съ указаніями, не совсѣмъ точными. У *Остроглазова* „Книжныя Рѣдкости“, № 276, *Березинъ-Ширяевъ*, 1884 г., стр. 204, „Русская Старина“, 1887 г. № 4, стр. 132.

Непонятное выраженіе: „какъ басня сбила философа“, въ статьѣ Лебедева (см. выше, стр. 128) относится къ статьѣ въ „Атенеѣ“ Павлова за 1828 г., ч. III, № 9, стр. 53—65, Словесность, „Философъ и басня“, разговоръ: Истина подъ видомъ „басни“ является къ философу и въ рядѣ апологовъ уличаетъ его: „ты педантъ, ты завистливъ, ты эгоистъ, ты тщеславенъ, ты честолюбивъ, ты мстителевъ“ (стр. 65).

¹⁾ Потерпѣль и авторъ.

²⁾ Стр. 152.

Равловіана.

I.

Забытое теперъ крупное значеніе Павлова, основателя шеллингова направленія на Руси, было признаваемо его современниками. Объ этомъ свидѣтельствуесть, напр., „Сынъ Отечества“ и („Сѣверный Архивъ“) за 1829 г., т. III (С. О. ч. 125 и С. А. ч. 39), № XVII, Отд. IV. Журнальная критика, діалогъ „Духъ русскихъ журналовъ“, стр. 172—174. Отзывъ о Павловѣ обвиняесть его въ измѣнѣ Шеллингу—несправедливо; имѣется въ виду его полемика со своимъ ученикомъ *Н. А. Полевымъ* („Московскимъ Телеграфомъ“) ¹⁾. Нападки на романтику въ „Атенеѣ“—помѣщенные тамъ отрывки изъ докторской диссертациі Надеждина; статьи по астрономіи—проф. *Первошикова*. „Журналъ Благонамѣренный“—каламбуръ и сближеніе съ журналомъ *Измайлова*.

Пожилой человекъ. И читателямъ Вѣстника Европы въ пору бы запѣть: о горе намъ! Жаль, право жаль, что Издатель Атенея видно по сочувствію съ Издателемъ Вѣстника Европы, также провозгласилъ себя врагомъ всякой новизны въ Литературѣ. Издатель Атенея *первый привезъ въ Россію тетрадки*,

¹⁾ См. выше, стр. 219.

или компендіи курса Шеллинговой Философіи, первый распространилъ ея правила, и первый же вооружился противъ нея! Не вхожу въ разборъ причинъ, но—думаю, что не Издателю Атенея надлежало бы насмѣхаться надъ тѣмъ, что онъ передалъ другимъ, какъ вещь священную. Нападки на романтическую школу въ Атенеѣ—смѣшны; но добрые люди смѣются не надъ романтиками, а надъ тѣми теоретиками, которые хотятъ истребить то, что принято всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Вообще литературная часть Атенея тяжела, и доселѣ не было въ немъ ни одной дѣльной, справедливой литературной критики ¹⁾. Въ прошломъ году Атенеѣ былъ просто дурень; нынѣ онъ значительно улучшился, и въ отношеніи къ Наукамъ, особенно Астрономіи, имѣетъ свое достоинство. Еслибъ онъ распрощался съ теоріями Вѣстника Европы, такъ какъ легко отрекся отъ Философіи Шеллинговой, то занялъ бы почетное мѣсто между журналами.

Молодой человекъ. Скажите! еслибъ отбросилъ вовсе критику, въ которой Гг. Издатели весьма неискусны и слишкомъ жертвуютъ личностямъ, отношеніямъ, мѣстностямъ....

Пожилый человекъ. Все однакожъ нельзя сравнивать Атенея съ Вѣстникомъ Европы. По крайней мѣрѣ Атенеѣ похожъ на журналъ *Благонамѣренный*, а Вѣстникъ Европы—ему давно уже пора переименоваться въ Вѣстникъ Африканскій.

¹⁾ Авторъ сей статьи долженствовалъ бы исключить статью М. А. Дмитриева о критикахъ на Карамзина. Изд. («Сына Отечества»).

II.

Вылазки противъ Павлова не прекращались въ „Сынѣ Отечества“. Въ томъ же III томѣ за 1829 г., № XV, стр. 64: *Новое открытіе*. Издатель Атеней читаетъ статьи альманачныя „съ полезнымъ удовольствіемъ“ (см. № 9 „Атеней“, стр. 639) Поздравляемъ!“.

Въ т. IV за 1829 г. (С. О. ч. 126, С. А. ч. 40), № XXII, стр. 87—101 (сообщено), III. Сельское хозяйство. Возраженіе на статью о *парѣ* въ Россіи, помѣщенную въ № 3 „Атеней“ на 1829 г.).

Въ т. XI за 1830 г., № 15, V. Словесность. Альдебаранъ. 1830. Проза. II, стр. 117—121 помѣщена цѣлая пародія: „Я“. Лекція Шеллинговой философіи. Это якобы II-я статья изъ предполагаемаго *Ив. Пятуховымъ* къ изданію альманаха „Альдебаранъ“¹⁾.

Есть и цѣлая стихотворная эпиграмма: въ т. IV за 1829 г., № XXV, стр. 314. V. Стихотворенія: „Эпиграмма“, якобы переведенная „съ Англ.“—не подписана.

Эпиграмма.

Вотъ великій нашъ Писатель
И безсмертный Агрономъ,
Классиковъ законодатель
И тупымъ своимъ перомъ
Земледѣля реформаторъ.
Онъ во всемъ равно великъ:
Онъ на пашнѣ литераторъ,
А въ словесности мужикъ.

Съ Англ.

¹⁾ *Альдебаранъ*—звѣзда первой величины въ созвѣздіи Быка (α Tauri) и принадлежитъ къ группѣ Гіадъ.

III.

На одну изъ лучшихъ статей Павлова „Общій чертежъ наукъ“ (см. выше, стр. 133—137) появилась дѣльная рецензія *Θ. Мещова* въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1840 г., ч. XXV, Отдѣленіе VI. Обзорѣніе книгъ и журналовъ. Обзорѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за послѣднее трехмѣсячіе 1839 года, II. Философія, стр. 70—75. Рецензентъ останавливаетъ вниманіе читателей на статьѣ Павлова и излагаетъ его воззрѣнія на стр. 71—73, „оказывая тѣмъ уваженіе къ почтенному ея автору“, а потомъ предлагаетъ нѣкоторыя собственныя замѣчанія, которыя сводятся къ слѣдующему.

Статья Павлова представляетъ не совсѣмъ вѣрный взглядъ на науки вообще (стр. 70). Сожалѣемъ, что почтенный авторъ не посвятилъ еще одной или двухъ страницъ на вычисленіе видовыхъ наукъ, составляющихъ подраздѣленія главныхъ, родовыхъ; тогда бы положенія его сдѣлались яснѣе, а эта ясность дала бы средства къ опредѣленію степени вѣрности его взгляда на науки (стр. 71).

Рецензентъ не согласенъ съ авторомъ:

I) Касательно происхожденія богословія (признаваемого имъ также за особый отдѣлъ). Въ частныхъ случаяхъ могла появляться вѣра послѣ безплодныхъ усилій постигнуть Творца умомъ, но въ общемъ ходѣ человѣчества—напротивъ. Вѣра не могла получить начала въ человѣкѣ: происхожденіе ея отъ Бога, Который по Своей Благости не могъ не освѣтить ея даже первые опыты человѣческаго разума. Человѣкъ, обольщенный страстями, и болѣе всего гордостію своего разума, самъ оставилъ вѣру, но испыталъ совершенную невозможность постигнуть Бога, высочайшее добро, необходимое для его счастья, снова повергается въ объятія утѣшительной вѣры ¹⁾.

¹⁾ Стр. 74.

II) Недостаточно различіе наукъ психическихъ и философическихкихъ, по опредѣленію Павлова. Не очевидно ли, что первыя (см. выше, стр. 135 и 137) составляютъ только видъ вторыхъ, потому что и самъ познающій человѣкъ есть также предметъ познанія, являющійся въ пространствѣ и времени, и можетъ быть также разсматриваемъ со стороны возможности.

III) Куда отнести Исторію (послѣ *Боссюета* и *Вико*)— къ психическимъ, къ словеснымъ или къ философическимъ наукамъ? Куда отнести географію? Неужели ее раздробить на три части и отнести одну (математическую) къ философіи (см. выше, стр. 137), другую—къ физическимъ, третью—къ политическимъ наукамъ? Но и раздробивъ географію, гдѣ положить границы между второю и третьею ея частями? Города, крѣпости, каналы—произведенія рукъ человѣческихъ для цѣли политической—не должны будутъ (по раздѣленію Павлова) стоять на ряду съ горами, рѣками, озерами,—произведеніями самой природы. Если бы почтенный авторъ болѣе развилъ свои мысли объ избранномъ имъ предметѣ, то, можетъ быть, многое теперь непонятное въ нихъ совершенно бы объяснилось (стр. 75).

Н. И. Розановъ.

Въ настоящемъ томѣ было неоднократно упоминаемо имя *Н. И. Розанова*, послѣдователя и друга мѣдика-философа *Д. М. Велланскаго*, и сотрудника братьевъ Полевыхъ. „Въ лучшую пору моей жизни я былъ близокъ къ Велланскому, когда онъ еще находился на службѣ въ Медико-хирургической Академіи; и со слѣпцомъ съ нимъ я провелъ немалое время въ бесѣдахъ“¹⁾. Приведемъ о Н. И. нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, имѣющіяся въ той же статьѣ о Велланскомъ, дополняя ихъ „Записками“ Ксенофонта Полевого.

Николай Ивановичъ Розановъ, москвичъ, учился въ Московскомъ университетѣ, слушалъ лекціи *Н. Н. Сандунова* и философа *А. М. Брянцева*. Кончилъ курсъ кандидатомъ въ іюль 1819 г. „Въ жизни моей былъ я не болѣе, какъ чиновникъ въ администраціи, служилъ около 30 лѣтъ“²⁾. Сначала служилъ въ Москвѣ (до 1822 г.) при князѣ *Цициановѣ* по строительной части, когда столица отстраивалась заново послѣ наполеонскаго разгрома. Потомъ перешелъ въ Одессу на службу къ градоначальнику, графу Гурьеву. Съ воцареніемъ Николая I

¹⁾ Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 130 («Русскій Вѣстникъ» за 1867 г., т. 72).

²⁾ Тамъ же, стр. 132.

Розановъ былъ зачисленъ на службу по министерству финансовъ въ Петербургѣ и продолжалъ ее тамъ же, причемъ съ 1826—1829 г. занимался при графѣ Гурьевѣ дѣлами по слѣдствіямъ въ губерніяхъ, возлагавшимся на него государемъ. Въ 1826 г. состоялъ производителемъ дѣлъ при графѣ Гурьевѣ, котораго Николай I послалъ въ низовыя губерніи для провѣрки доноса Магницкаго, сосланнаго по разслѣдованію генерала-лейтенанта Желтухина въ Ревель, причемъ слѣдствіе Гурьева касалось и профессоровъ Казанскаго Университета ¹⁾).

Въ маѣ 1829 г. Розановъ былъ назначенъ на службу въ Москву секретаремъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, учрежденнаго въ 1828 г. по мысли графа *Канкрин*. Здѣсь онъ возобновилъ сношенія съ давнишнимъ своимъ знакомымъ ²⁾ редакторомъ-издателемъ „Московскаго Телеграфа“, *Н. А. Полевымъ*, который былъ членомъ отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Въ домѣ Полевого онъ познакомился и сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми, кончившими курсъ въ университетѣ съ степенью кандидата, которые, не имѣя понятія объ естественныхъ наукахъ, бредили нѣмецкою философіей: то были ученики *М. Г. Павлова* ³⁾. Вмѣстѣ съ дѣлами отдѣленія мануфактурнаго совѣта Розановъ управлялъ и дѣлами комитета по снабженію войскъ сукнами ⁴⁾. Съ 1833 г. по распоряженію графа Канкринна находился при генералѣ баронѣ *Розенѣ*, главноуправляющемъ Закавказскимъ краемъ, гдѣ по порученію министра и подъ руководствомъ Розена образовалъ „Общество поощренія промышленности и торговли“ ⁵⁾. Армяне снабжали

¹⁾ Стр. 129, примѣчаніе (см. тамъ же о проф. *Сертеевѣ* и *Бороблиновѣ*).

²⁾ Стр. 124, прим.

³⁾ Стр. 125.

⁴⁾ Стр. 132.

⁵⁾ Стр. 133.

Грузію и Персію бумажными набивными тканями, приготовляемыми за границею, и провозили ихъ съ Лейпцигской ярмарки транзитомъ чрезъ Закавказье. Розановъ собралъ образцы и представилъ коллекцію ихъ графу Канкрину, проектируя предложить чрезъ Мануфактурный совѣтъ Московскимъ фабрикантамъ приготовлять такія же издѣлія. На фабрикахъ въ Москвѣ стали работать бумажную термаламу, шали, кушави въ азіатскомъ вкусѣ, которые сбывались въ большомъ количествѣ по Россіи и Азіи. Не вынося кавказскаго климата, Розановъ попалъ въ тифлисскій военный госпиталь въ 1836 г. ¹⁾ Для готовившейся тогда экспедиціи съ моря—требовался парходамъ уголь, котораго изъ Англіи не подвезли. Розановъ представилъ Розену, что въ Россіи можно достать своего каменнаго угля. Командированный въ августѣ 1836 г. въ Новороссійскій край, Розановъ заготовилъ 75000 пудовъ угля изъ лисичанскихъ каменоломень и сдѣлалъ сбереженія противъ цѣнъ англійскаго угля. При этомъ была восстановлена репутація русскаго угля, вопреки мнѣнія новороссійскаго генераль-губернатора, графа *Воронцова*, и черноморскихъ моряковъ, признававшихъ годнымъ для флота одинъ лишь англійскій уголь. Въ 1838 г. Розановъ былъ назначенъ членомъ мануфактурнаго совѣта и по порученіямъ его осматривалъ фабрики и промышленныя заведенія въ Петербургѣ. Въ 1843 г. ревизовалъ при сенаторѣ Толстомъ въ Восточной Сибири многія части мѣстнаго управленія. Последнія три года службы управлялъ отдѣленіемъ въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ и вышелъ въ отставку въ 1847 г. ²⁾.

Низъ. Ал. *Полевой* въ письмѣ къ брату Ксенофонту ³⁾ (изъ Петербурга, отъ 12 (20) ноября 1841 г.) сообщаетъ, что

¹⁾ Стр. 134.

²⁾ Стр. 135.

³⁾ Записки, стр. 540.

Розановъ собирается жениться на Софіи *Познанской*, мужъ которой умираетъ. „Съ нимъ какъ то я встрѣтился, и онъ показался мнѣ по прежнему помѣшаннымъ“. Примѣчаніе называетъ Н. И. Розанова стариннымъ пріателемъ семейства *Полевыхъ*; „онъ, дѣйствительно, страдалъ временно умопомѣшательствомъ“.

Съ *Велланскимъ* Розановъ сошелся вскорѣ по приѣздѣ своемъ на службу въ Петербургъ, т. е. въ 1825 г. ¹⁾. „Велланскаго я всегда считалъ и теперь въ старости не перестаю считать, какъ регулятора всего, что было приобрѣтено мною въ школѣ“ ²⁾. О немъ онъ ранѣе много слышалъ отъ директора департамента внутренней торговли и мануфактуръ и предсѣдателя коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ *А. А. Дружинина* ³⁾. Н. И. Розановъ заслуживаетъ благодарности за свое „Воспоминаніе о *Даніилѣ Михайловичѣ Велланскомъ*“, написанное тепло и любовно, и сохранившее для насъ біографію этого мыслителя. Особенную цѣну имѣетъ оно, ибо основано на автобіографическихъ разсказахъ самого слѣпца и на собственноручной запискѣ, равно подлинныхъ письмахъ его ⁴⁾.

Другая заслуга Розанова: онъ обработалъ для печати, а потомъ спасъ и сохранилъ рукопись неизданнаго труда *Велланскаго* о животномъ магнетизмѣ; имъ же она была подарена въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Розановъ въ продолженіе службы и въ отставкѣ по временамъ участвовалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ *Полевого* и въ „Сынѣ Отечества“ *Греча* ⁵⁾. Будучи въ Москвѣ, онъ во-

¹⁾ Стр. 99. «Вечеръ 9 февраля 1840 г. провелъ я съ слѣпцемъ *Велланскимъ*: въ пятнадцать лѣтъ близкаго знакомства я тогда въ первый разъ слышалъ отъ него слѣдующее о его происхожденіи».

²⁾ Стр. 130.

³⁾ О немъ см. прим. стр. 131—133.

⁴⁾ Стр. 99, прим.

⁵⁾ Стр. 135.

дился съ литературнымъ брѣвкомъ Полевыхъ, къ которому принадлежали: проф. *М. А. Максимовичъ*, *М. П. Розбергъ* (позднѣе проф. дерптскаго унив.), Павелъ Михайловичъ *Строевъ* (археологъ), *И. Н. Средній-Комашевъ*, *М. Н. Дихонинъ*, *Селивановскій* (сынъ), *И. В. Поповъ* (книгопродавецъ и университетскій типографщикъ) и др. ¹⁾.

Кромѣ „Воспоминанія“, Розановъ выпустилъ въ свѣтъ еще переводъ книги *Дюпена*, о которой рѣчь въ письмѣ Велланскаго (см. выше, № VI, стр. 225).

О производительныхъ и торговыхъ силахъ Франціи. Соч. Барона Карла Дюпена, члена института, Королевской Академіи Наукъ и многихъ ученыхъ обществъ. Съ французскаго. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1831. Цензурное разрѣшеніе 30 декабря 1830 года цензора Сергѣя Аксакова. Посвящается пользамъ россійской промышленности и сподвижниковъ ея. Титулъ + посвященіе + Отъ Переводчика V стр.—XXXV (подп. *Н. Р.*) съ пустымъ оборотомъ + Введеніе (о возрастающемъ состояніи силъ Франціи, съ 1814 года) съ эпиграфомъ: *Et Mundum regunt numeri*. И Вселенная числами управляется. Платонъ,—стр. I—XC + второй титулъ и текстъ съ 3—251 стр. (пустой об. + нен. 2 (сравн. мѣръ, вѣсовъ и звонкой монеты Французскихъ съ Русскими). + Оглавленіе содержаній I—XII стр. съ новымъ ценз. разрѣшеніемъ 22 іюля 1830 г. того же цензора + листокъ (шириною въ 4 стр.) къ топографической картѣ народнаго просвѣщенія Франціи. Книга первая. Опредѣленіе и изчисленіе силъ. Глава I. Недостаточность употребляемыхъ до нынѣ средствъ для опредѣленія могущества народовъ (3—13). Глава II. Изчисленіе народа (14—25). Глава III. Изчисленіе силъ людей и животныхъ, употребительныхъ на общепо-

¹⁾ Стр. 124, прим.

лезныя работы (26—34). Глава IV. Изчисленіе силъ Промышленности (35—52). Книга вторая. Усовершенствованіе силъ. Глава I. Возможное улучшеніе физической силы людей во Франціи (53—66). Глава II. Объ усовершенствованіяхъ умственной силы народа, разсматриваемой въ отношеніяхъ ея къ Производимости и Торговлѣ (67—105). Глава III. Улучшеніе человѣческихъ силъ посредствомъ образованія сельскихъ жителей (106—120). Глава IV. Усовершенствованіе силъ и состоянія женскаго пола (121—145). Глава V. Улучшеніе и размноженіе крупныхъ животныхъ (146—178). Глава VI. Заключеніе относительно улучшеній по земледѣлію (179—190). Глава VII. Улучшеніе Производительныхъ силъ, относительно мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній (191—197). Книга третья. Сравненіе Сѣверной и Южной Франціи съ цѣлымъ Государствомъ (198).

Предисловіе Розанова хорошо рисуеъ его общественныя воззрѣнія. Требованіе системы во всѣхъ свѣдѣніяхъ показываетъ въ немъ человѣка, привыкшаго къ общенію съ философами. (см. ниже, стр. 250).

Въ своемъ предисловіи Розановъ замѣчаетъ, что книга Дюпена есть Новая Теорія Сравнительной Статистики Государствъ, въ коей разсматривается сила и могущество оныхъ по нравственному и вещественному богатству народа (V стр.). Государственное хозяйство въ XVIII в. трудами писателей образовало особую науку (VI). Удивительное возрастаніе Франціи послѣ долгихъ годовъ раздоровъ и войнъ породило мысль объ изслѣдованіи причинъ этого явленія и открытіи вѣрнѣйшихъ правилъ измѣренія и изчисленія народной силы (VII). Статистика была описаніемъ вещественнаго состоянія владѣній относительно мѣстности и народа и потомъ производимости. При этомъ оставался нерѣшеннымъ вопросъ объувеличенія силы и богатства народа; многіе мнили создать благосостояніе обществъ на одностороннихъ системахъ фізіокра-

тизма или меркантизма. Еще Древніе полагали, что вселенная управляется числами (IX); но существенное значеніе ихъ было многимъ непонятно. Остроумные люди, пользуясь настоящими успѣхами человѣческаго ума, развили эту истину въ новой теоріи ср. статистики, отъ совершенства коей зависитъ совершенство Политики. Имя автора поставляетъ его сочиненіе „выше суда моего“. (IX).

Подъ именемъ „производительныхъ и торговыхъ силъ“ разумѣются силы человѣка, животныхъ и неодушевленныхъ дѣятелей: воды, паровъ, вѣтра въ приложеніи ихъ въ земледѣльческой, ремесленной и торговой промышленности. Соображая слѣдствія 12-лѣтней гражданской дѣятельности, авторъ представляетъ математическія доказательства, что вещественныя силы и богатство народа не только нераздѣльны съ нравственнымъ его положеніемъ, но суть слѣдствіе онаго, что всякое положительное знаніе обращается въ пользу промышленности и торговли (XII). Услуга Дюпена та, что онъ изложилъ всѣ эти истины въ общемъ, обширномъ обзорѣ и доказалъ каждую математически, цифрами. Каждая вѣтвь общественнаго состоянія обработана въ сравнительномъ видѣ. Вообще система есть необходимое условіе яснаго изложенія и вѣрнаго понятія о предметѣ (XVI). Если допустить необходимость опредѣленія и изчисленія силъ, то можно ли отвергать (XVII), что соображенія и вѣрность расчетовъ будутъ тѣмъ ближе къ цѣли, чѣмъ основательнѣе система. Самые изыскательные выводы о промышленности будутъ ложны въ основаніи, если поставятъ въ одномъ ряду произведенія различныхъ царствъ природы или отдѣльныхъ вѣтвей промышленности (XVIII). Въ семъ состоитъ предметъ издаваемого сочиненія и польза его.

Названія должностей, административныхъ раздѣленій государства и т. п. оставлены въ переводѣ—французскія, а не замѣнены соотвѣтствующими русскими (хотя бы это могло содѣйствовать полезнымъ соображеніямъ), дабы не измѣнять оригинальности подлинника (XIX).

Съ измѣненіемъ общественнаго состоянія и развитіемъ понятій мѣняется и языкъ. Не касаясь общихъ измѣненій въ нашемъ языкѣ (XX), скажу, что *civilisation* переведено *гражданственность*, а не *образованность* или *просвѣщеніе*.

Образованность представляетъ внѣшнія стороны насъ и общества: обычаи, искусства, поступки—все изящное въ произведеніяхъ и нашихъ отношеніяхъ къ другимъ (XXI). Просвѣщеніе, напротивъ, выражаетъ внутреннія качества человѣческаго ума, озареннаго свѣтильникомъ знаний: нравы, понятія, науки, все истинное. Гражданственность представляетъ полноту всего, что дѣлаетъ насъ и наружно, и внутренно истинными гражданами, т. е. объемлетъ вмѣстѣ обыченвенія и нравы, понятія и знанія, искусства и науки, производимость и богатство. Чѣмъ Государство образованнѣе и просвѣщеннѣе, тѣмъ и народъ промышленнѣе, нравственнѣе, религіознѣе, избилнѣе, миролюбивѣе (XXII).

Посвящая пользамъ Россійской промышленности и сподвижниковъ ея сочиненіе, проникнутое духомъ высокой покорности къ предержавшей власти и любовью къ человѣку, и основанное на истинной нравственности, «я почту себя счастливымъ», если его удостоятъ вниманія люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ за просвѣщенную опытность въ правительственныхъ дѣлахъ, почтенные мои соотечественники, шествующіе столь блистательно на достославномъ поприщѣ Россійской промышленности, и люди образованные, любящіе истину и человѣчество для нихъ самихъ. Если исторія (по словамъ *Карамзина*) приноситъ пользу тѣмъ, что примиряетъ каждаго съ видимымъ несовершенствомъ событій (XXIII), то и чтеніе книги Дюпена, сравнивающей положеніе Франціи въ 1824 г. съ тѣмъ, въ какомъ она была за 40 лѣтъ, естественно порождаетъ мысль о многихъ нашихъ преимуществахъ, невольное уваженіе къ тѣмъ обширнымъ способамъ, коими обладаетъ Россія, и умноженіе коихъ упреждаетъ ходъ вещей,

съ какимъ совершенствовалось состояніе иностранныхъ государствъ.

Желательно было бы сочиненіе (по руководству Дюпена) о производительныхъ и торговыхъ силахъ Россіи; оно представило бы торжественное зрѣлище исполнской Россіи съ ея несмѣтными и разнообразными богатствами (звѣроловства, рыбныхъ промысловъ, скотоводства, земледѣлія, лѣсоводства, ископаемыхъ сокровищъ, предоставленныхъ Россіи исключительно—самою природою. Потомъ изумительныя издѣлія (по количеству, дешевизнѣ и быстрому усовершенствованію) представила бы наша промышленность (XXV). А въ той же картинѣ—богатства внутреннія: умѣренность и перемчивость, душевная бодрость и мягкосердіе Русскаго, презрѣніе къ мелкому и ничтожному, самоотверженіе, терпимость вѣрѣ, преданность Верховной Власти, общезительность, отсутствіе политическихъ предразсудковъ. Въ той же статистикѣ пусть явится и Правительство, пріосѣненное Августѣйшею Порфирію, съ своею силою, могуществомъ, заботою о народномъ благосостояніи, съ его мудрыми начинаніями и вниманіемъ къ дѣлу, не къ лицамъ.

Быть можетъ, и отечественному писателю удастся собрать матеріалы для подобнаго труда. Заботливость о распространеніи полезныхъ свѣдѣній сказалась изданіемъ журналовъ и газетъ по разнымъ частямъ управленія (както: Журналъ мануфактуръ и торговли, Коммерческая газета и Виды вѣшной торговли), покровительствомъ отечественной промышленности и всѣми дѣйствіями Правительства за послѣднее шестилѣтіе. Таковы, напр., распоряженія въ Грузіи (сложеніе податей, льготы въ пошлинахъ, открытіе новыхъ пристаней, учрежденіе новой Тифлисской ярмонки, суконныхъ фабрикъ), и совершенствованія въ тонкошерстномъ овцеводствѣ, въ печатаніи ситцевъ, шелковыхъ и бумажныхъ набивныхъ матерій (XXIX), сахаровареніи, открытіе *Строгоновской* шwoлы. Затѣмъ послѣдовало избавленіе отъ по-

датеи иностранных овчаровъ, устройство въ *Остъ-Зюйдскихъ* (sic) губерніяхъ 4 овчарныхъ заводовъ. Положено начало шелковому производству въ Закавказьи. Въ Москвѣ открыта совѣщательная контора для улучшения овцеводства, въ Таврической губ.—колонія ангальтинскихъ овчаровъ. Учреждены училище торговаго мореплаванія, мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіемъ, комитетами, корреспондентами и выставкой, Практическій технологическій институтъ въ Петербургѣ. Можно ли не воснуться охранительной системы тарифа, сей вѣрной защиты противъ иностраннаго досужества, не упомянуть о неусыпной бдительности начальства на незаконныхъ путяхъ тайныхъ провозовъ? Розановъ заключаетъ свое любопытное предисловіе новымъ желаніемъ скорѣйшаго наступленія времени, когда нравственная и вещественная Россія явится въ сравнительной статистикѣ на ряду съ европейскими государствами, и исторія торговли и промышленности озаритъ новымъ свѣтомъ явленія жизненной силы и быстрый возрастъ нашего отечества къ славѣ и знаменитости.

Книга барона *Дюпена*, члена Парижскихъ института и академіи, извѣстнаго своими курсами механики и прикладной геометріи, была переведена по мысли *Н. А. Полевою*, сожалѣвшаго, что ему самому некогда взяться за эту работу, а его сотрудникамъ она не по силамъ. Розановъ, не говоря Полевому, принялся за переводъ, и окончивши обширное Введеніе, прочиталъ его Николаю Алексѣевичу. Полевой одобрилъ и поздравилъ Розанова съ успѣхомъ, а въ награду за то, что указалъ сочиненіе, потребовалъ, чтобы Введеніе было прочитано передъ ихъ литературнымъ кружкомъ, который и былъ собранъ у Розанова. Черезъ полгода рукопись перевода была черезъ предсѣдателя мануфактурнаго совѣта *Я. А. Дружинина* поднесена министру. Трудъ былъ напечатанъ на казенный счетъ съ предоставленіемъ экземпляровъ автору, который получилъ еще денежную награду и брилліантовый

перстень отъ Государя. Книга Дюпена въ продолженіе многихъ лѣтъ была въ мануфактурномъ совѣтѣ настольною книгой; проектируя общія мѣры по части промышленности и торговли, сперва заглядывали, нѣтъ ли объ этомъ предметѣ какихъ-либо сужденій у Дюпена ¹⁾.

Розановъ слушалъ лекціи Велланскаго по общей физиологіи (въ 1828—29 гг.). Велланскій настолько довѣрялъ его литературной опытности и былъ настолько убѣжденъ въ его пониманіи философскихъ идей, что поручилъ ему стилистическую переработку своего послѣдняго труда, которому такъ и не суждено было явиться въ свѣтъ ²⁾. Розановъ же былъ посредникомъ сближенія Велланскаго съ Полевымъ (на почвѣ шеллинговой философіи): ему Розановъ передалъ въ Москвѣ 18 напечатанныхъ листовъ „Физики“, о которой Полевой далъ лестный отзывъ. Н. А. Полевой, сидя въ Петербургѣ подъ арестомъ на квартирѣ у *Л. В. Дуббельта* (по Розанову, у дежурнаго генерала *А. Н. Потанова* ³⁾), просилъ только послать купить для него книгу, незадолго вышедшую въ свѣтъ. Эта книга была толстѣйшая „Физика“ Велланскаго. „Братъ мой“, говоритъ *Кс. Полевой* ⁴⁾, „еще въ Москвѣ хотѣлъ купить ее, хотя не могъ бы тамъ скоро избрать время одолѣть такую книгу; вдругъ очутившись посреди полного досуга, онъ вздумалъ занять его трудною работою читать Велланскаго. Тяжелыя, трудныя для чтенія, но дѣльныя книги—истинное благодѣяніе для того, кому надобно занять досугъ, иногда болѣе тягостный, нежели самая трудная работа“.

¹⁾ Стр. 124, прим.

²⁾ Стр. 115.

³⁾ Стр. 122.

⁴⁾ Записки, стр. 337.

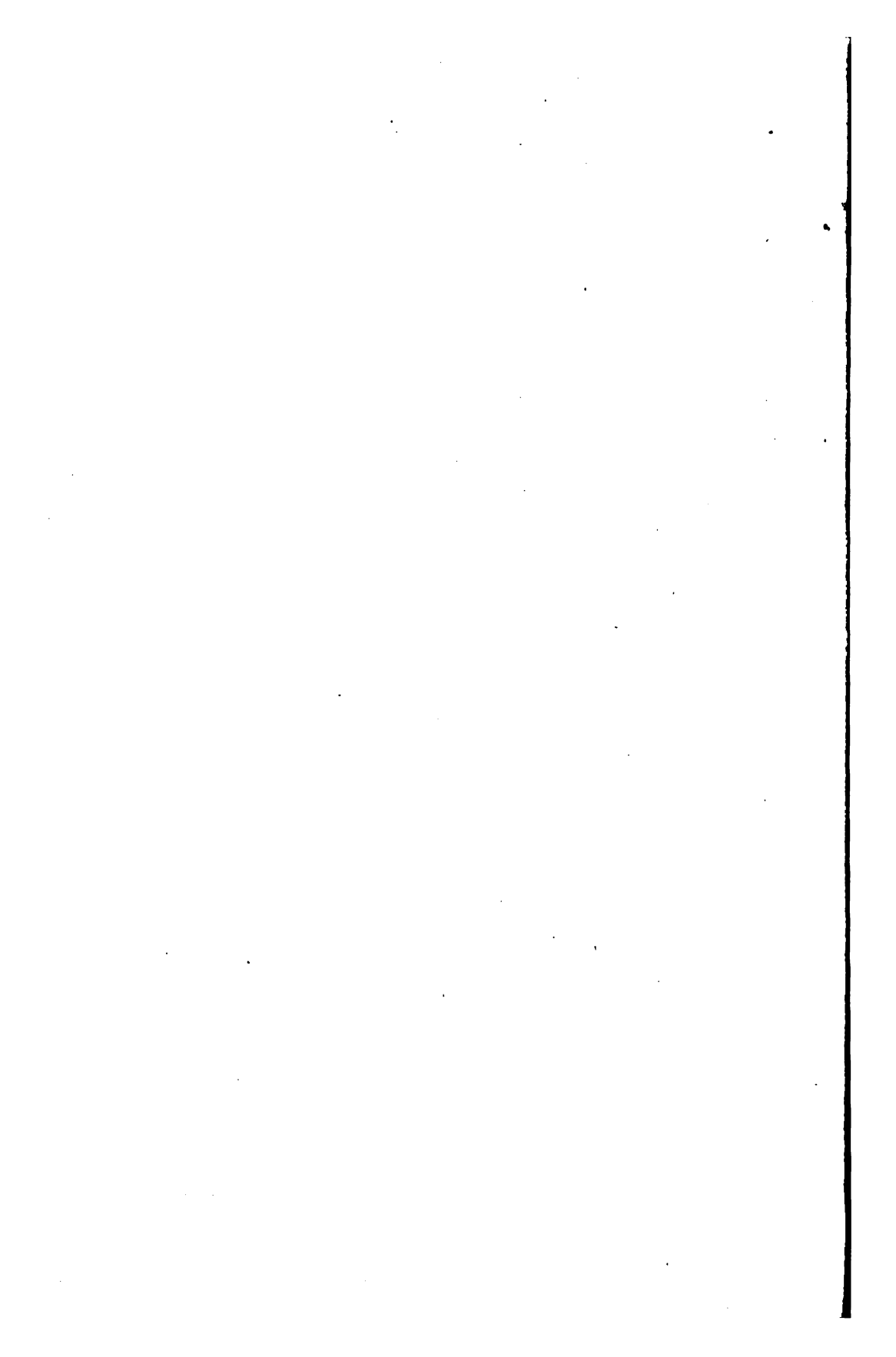
Розановъ подтверждаетъ: „Полевой (Н. А.) отзывался съ восторгомъ объ „Умозрительной Физикѣ“ и говорилъ, что единственно чтеніе этого творенія способствовало ему легко перенести нежданную опалу за смѣлую критику въ „Телеграфѣ“ на драму *Кукольника*: „Рука Всевышняго отечество спасла“¹⁾.

По поводу шеллинговскихъ увлеченій Полевого *Колюпановъ*²⁾ замѣчаетъ: „Характеристично для того времени, что и кружокъ Полевого съ жаромъ изучалъ Шеллинга.... Такимъ образомъ Полевой, какъ и Бѣлинскій, познакомился съ нѣмецкою философіею въ живой рѣчи, а не изучалъ ее самъ, и потому онъ только схватилъ на лету общее направленіе, не знакомясь съ самою сущностью, и не будучи поэтому въ состояніи дать ей какое-либо серьезное приложеніе“. Это строгое, хотя и врядли справедливое сужденіе Колюпанова вполне согласуется съ мнѣніемъ *М. Г. Павлова*.

¹⁾ Стр. 122.

²⁾ Біографія А. И. Кошелева, 1, 2, стр. 65.

Проф. Евгений Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВЫПУСКЪ III.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1900.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

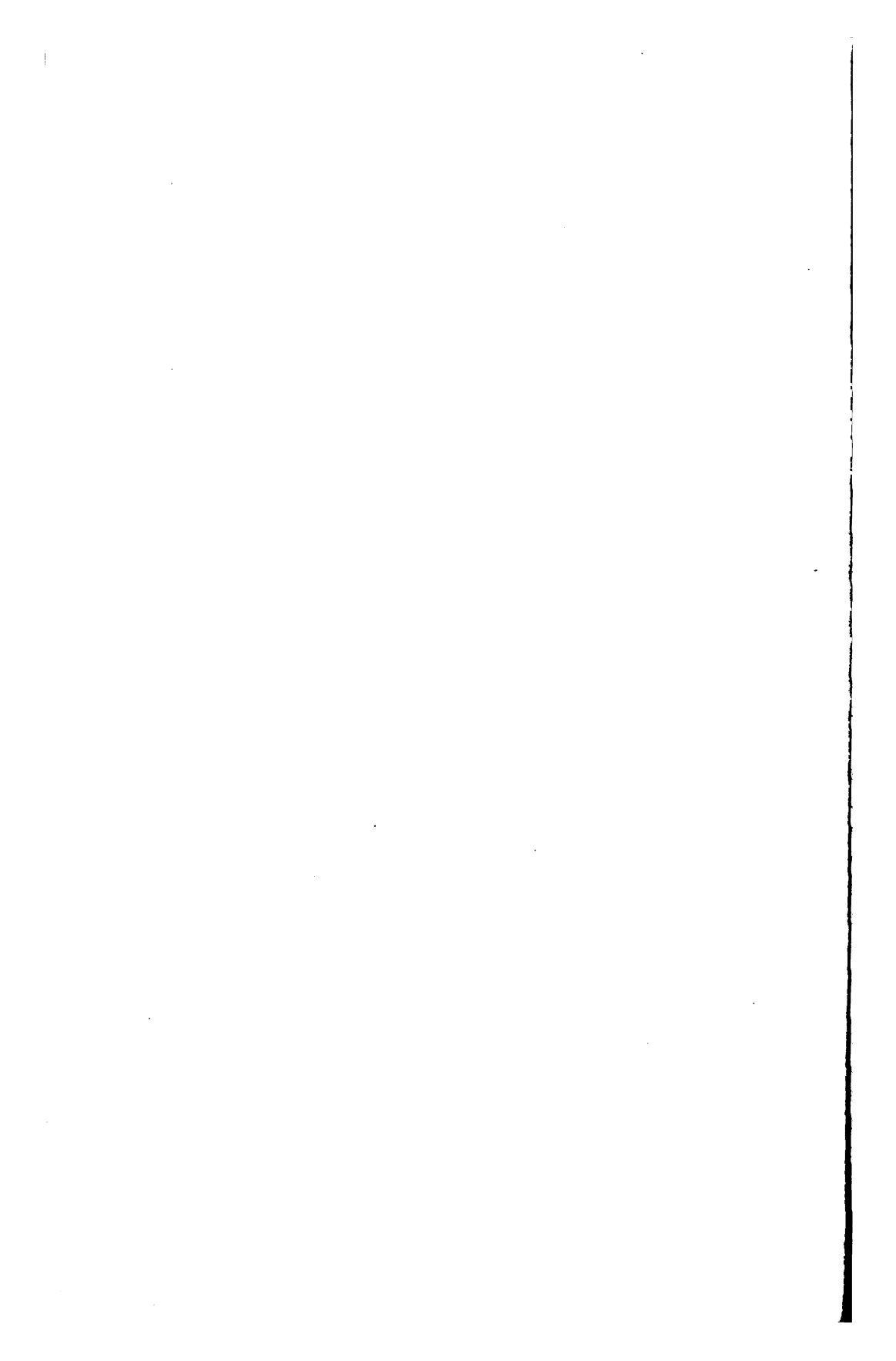
ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА

ГРОТА

посвящаетъ авторъ.

Отъ автора.

Предлежащій третій выпускъ продолжаетъ серію „Матеріаловъ“ въ томъ же духѣ монографической и детальной разработки первоисточниковъ по исторіи философіи въ Россіи. Если не пришло еще время написать цѣльную и связную исторію этой науки за все время произрастанія ея на русской почвѣ, то отдѣльные этюды этой исторіи не останутся, быть можетъ, совсѣмъ безъ всякаго значенія, подготавливая камни для будущаго обширнаго зданія.

Первый изъ этюдовъ, входящихъ въ эту книгу, посвященъ разсмотрѣнію одной стороны дѣятельности Д. М. Велланскаго, которой и онъ самъ, и компетентные современники его придавали немаловажное значеніе. Матеріаломъ для обработки монографіи о трудахъ нашего славнаго философа-медика по животному магнитизму служила, кромѣ печатныхъ данныхъ, еще и розысканная мною рукопись труда его, неизданнаго въ свое время по цензурнымъ затрудненіямъ, и до сихъ поръ не разсмотрѣннаго.

Второй этюдъ посвященъ философской дѣятельности писателя весьма извѣстнаго (впрочемъ, не на этомъ поприщѣ), а именно, А. Н. Радицева. Хотя его большое философское сочиненіе уже давно напечатано, но оно еще не привлекало вниманія изслѣдователей въ той степени, въ какой оно этого, по нашему мнѣнію, заслуживало бы. Результаты, къ которымъ

II

мы принли послѣ внимательнаго изученія трактата „О чело-
вѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“ нѣсколько разнятся отъ
общепринятыхъ и ходячихъ мнѣній относительно направленія
и умственныхъ интересовъ Радищева.

Опытный глазъ, конечно, сразу откроетъ тотъ высокій
образецъ, которому по мѣрѣ силъ пытался въ этихъ изслѣдова-
ніяхъ подражать авторъ въ отношеніи точности методы и об-
щаго историческаго безпристрастія. Это вліяніе отчасти ска-
залось и въ самомъ заглавіи нашей книги. Образецъ нашъ—
маститый изслѣдователь, академикъ М. И. Сухомлиновъ.

Во время печатанія книги автору суждено было пере-
нести большую потерю: умеръ Н. Я. Гротъ. Тѣ, кто знали
его сердце, чувствуютъ, что они потеряли. А нашъ трудъ
въ частности утратилъ въ Н. Я. Гротѣ челоѣка, слѣдившаго
за его судьбой съ живымъ (хотя, быть можетъ, и съ незаслу-
женнымъ) вниманіемъ... Рокъ не судилъ мнѣ представить ему
это „продолженіе“. Единственною пока возможностью для меня
почтить его память является украсить его именемъ мою кни-
гу—и это съ тѣмъ бѣльшимъ правомъ, что Н. Я. Гротъ не только
былъ самъ однимъ изъ видныхъ въ наши дни представителей
русской философской мысли и оставилъ по себѣ замѣтный
слѣдъ въ „исторіи философіи въ Россіи“, но и чуть ли
не первый заговорилъ о необходимости изучать „исторію
русской философіи“ и, какъ извѣстно, даже задавалъ эту тему
для разработки ея въ сочиненіи на медаль.... И здѣсь онъ
явился инициаторомъ. *Θνήσκειν μὴ λέγε τοὺς ἀγαθοὺς...*

Юрьевъ,
12. VII. 99.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
I. Труды Д. М. Велланскаго по животному магниту	1.
II. А. Н. Радищевъ, какъ философъ	55.

Поправки.

На стр. 2, прим. 1, 3 строка снизу нужно: *A. D. B—ie.*

На стр. 17, строка 8 сверху надобно; Faulfiebergri-
demien.

I.

Труды Д. М. Велланскаго

по животному магнетизму.

Dr. *М. Гейне* ¹⁾ въ некрологѣ Велланскаго счелъ нужнымъ выдвинуть на видъ то обстоятельство, что Велланскій первый въ Россіи посвятилъ научное вниманіе животному магнетизму. Дѣйствительно, медикъ-философъ никогда не былъ узкимъ поклонникомъ какой-либо одной школы въ терапіи, не былъ также приверженцемъ одной латинской кухни или фармацевтическаго лѣченія, но съ изумительною для того времени проникательностію слѣдилъ за нарожденіемъ новыхъ методовъ, съ которыми и знакомилъ русскую медицинскую публику—путемъ переводовъ, напр., сочиненій *Гуфеланда* (о минеральныхъ водахъ), *Кленке* (о лѣченіи водою по Присницу) ²⁾. Неудивительно, что онъ обратилъ свое вниманіе и на модный тогда вопросъ о приложеніи къ терапіи т. наз. животнаго магнетизма, причемъ лично, сообразно своему всегдашнему философскому характеру, всего болѣе заинтересовался его теоріею, объясненіемъ его съ точки зрѣнія общей біологіи. Такимъ образомъ онъ въ 1818 г. издалъ сочиненіе ³⁾ о животномъ магнетизмѣ,

¹⁾ Философія въ Россіи, т. II, стр. 87.

²⁾ Тамъ же, стр. 76, 78, 79. Ср. ниже, стр. 13—мнѣніе доктора *Я. Говорова* о «неутомимой ревности Велланскаго по введенію въ сферу врачебныхъ наукъ важнѣйшихъ открытій въ пользу своихъ соотечественниковъ».

³⁾ Тамъ же, стр. 79.

куда внесъ историческія и практическія свѣдѣнія о немъ, заимствуя ихъ изъ сочиненія одного изъ лучшихъ врачей того времени *Клуге* ¹⁾; отъ себя же Велланскій прибавилъ общую философско-физиологическую теорію животнаго магнетизма.

Карль Александръ Фердинандъ *Клуге*, тайный медицинальный совѣтникъ и профессоръ хирургіи и акушерства при Берлинскомъ Университетѣ, директоръ больницы Charité, родился 9 сент. 1782 г. въ Straussberg (Mittelmark), былъ сынъ тамошняго городского хирурга. 1 мая 1800 г. былъ принятъ въ медицинско-хирургическую школу, а въ 1804 г. выпущенъ и назначенъ подхирургомъ при вадетскомъ корпусѣ въ Берлинѣ, 13 сентября 1806 г. Клуге получилъ при Эрфуртскомъ университетѣ степень доктора медицины и хирургіи за диссертацию *De iridis motu*. Дальнѣйшую службу проходилъ уже обер-хирургомъ при разныхъ учрежденіяхъ, а въ 1811—12 гг. сдалъ государственный экзаменъ при медико-хирургической академіи, гдѣ выступилъ конкурентомъ на хирургическую кафедру, которую и получилъ 27 апр. 1814 г. Потомъ онъ сталъ директоромъ хирургическаго и гинекологическаго отдѣленій въ Charité. Въ 1811 г. Клуге издалъ интересующую насъ книгу о магнетизмѣ ²⁾, которая имѣла еще два изданія (1815, 1819), и кромѣ русскаго, была переведена на голландскій, шведскій и датскій языки (1812—1818). Свой предметъ сочиненіе Клуге излагало весьма точно и на основаніи очень большой литературы. Въ 1820 г. онъ отказался отъ приглашенія въ Грейфсвальдъ профессоромъ хирургіи и акушерства. Въ 1821 г. онъ получилъ профессуру при Берлинскомъ Университетѣ, а въ 1828 г. ему поручена дирекція Charité (въ какомъ званіи онъ

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Клуге взяты нами изъ очерка E. Gurtl (извѣстнаго историка медицины); этотъ очеркъ составленъ по указаніямъ сына профессора Клуге—О. Клуге (раньше въ Берлинѣ) и помѣщенъ въ А. д. В—е, т. 16, стр. 250 и слѣд.

²⁾ Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel.

состоялъ до смерти). Въ слѣдующемъ 1829 году онъ сталъ членомъ высшаго медицинскаго учрежденія въ государствѣ: научной депутаціи по медицинской части при Министерствѣ дѣлъ духовныхъ, медицинскихъ и народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ 26 мая 1844 г.

Его литературныя произведенія по хирургіи и акушерству немногочисленны и не объемисты, помѣщены, по большой части, въ журналахъ, какъ напр., „Berichte über die Vorgänge in der Berliner Charité-Gebäranstalt (1824—1827). Отдѣльно—вышли: *Apparatus deligationis*, Edit. II, 1831, in folio и *Regulativ für die Anfertigung der einfachen chirurgischen Verbände*, 2 Aufl. 1831. Нѣсколько чужихъ сочиненій написаны на основаніи собраннаго имъ матеріала, его рукописей, лекцій и совѣтовъ.

Товарищи Клуге характеризовали его такъ: Клуге, шесть одинъ, обладалъ совершенно математической головою; таковымъ онъ является во всѣхъ своихъ изобрѣтеніяхъ, въ размѣренности своей дѣятельности по времени. Какъ въ геометрической жизни, въ пространствѣ, онъ былъ олицетворенной кристаллизаціею, такъ и въ арифметической жизни, во времени, онъ былъ олицетвореннымъ ритмомъ. Въ качествѣ писателя онъ былъ болѣе репродуктивенъ, чѣмъ продуктивенъ. То, что другіе мыслили въ беспорядкѣ, онъ раскладывалъ по линіямъ горизонтальнымъ, вертикальнымъ, и рѣже,—по круглымъ. Но Клуге умѣлъ и быть производительнымъ, правда, подъ скромнымъ инкогнито: ибо нестяжательность была главною чертою его прекрасной души; его внутренняя шкатулка открыта была для младшихъ представителей науки. Какъ только онъ имѣлъ собственную мысль, онъ охотно дѣлился ею съ другими, а тѣ закрѣпляли ее на бумагѣ и представляли издателю (*brachten zu Papiere und zum Verleger*). Скромный авторъ еще благодарилъ и даже радовался, потому что ему было безразлично, кто сказалъ это напередъ, лишь бы

было хорошо. Клуге былъ воплощеніе логики анализа, анатоміи мысли,—по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже „педаггъ“, а поэтому несравненный учитель. Если бы сердце его было менѣе прекрасно, то онъ былъ бы и несравненнымъ администраторомъ. Порокъ Клуге былъ тотъ, что онъ былъ чересчуръ хорошъ; другихъ пороковъ у него не было“... и т. д.

Не безынтересно, что Клуге занималъ высокое положеніе среди масоновъ, и также былъ большимъ знаткомъ и любителемъ музыки ¹⁾.

Подлинное сочиненіе Клуге въ двухъ томахъ (описано по экземпляру второго изданія, хранящемуся въ библиотекѣ Казанскаго Университета). Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus, als Heilmittel, von Karl Alex. Ferd. Kluge, der Heilkunde Doctor und Professor an der königlich preuss. medicinisch - chirurgischen Pepinière. Prüfet Alles, und das Gute behaltet. Erster, oder theoretischer Theil. Wien, 1815. Im Verlage der Franz Haas'schen Buchhandlung. Этотъ же листокъ (съ гравированною виньеткою) повторенъ и при второмъ томѣ, который имѣетъ второй титулъ, повторяющій все, кромѣ виньетки: Zweyter oder practischer Theil. На оборотѣ перваго титула: Erklärung der Vignette. Die Nacht, als die Erzeugerin alles Schönen und Furchtbaren, Dunkeln und Geheimnissvollen, und daher die Mutter der Brüder Schlaf und Tod, weilt mit diesen ihren Söhnen auf dem öden Gipfel eines wolkenumhangenen Berges, welchen Aesculap unter Leitung des am südlichen Himmel glänzenden Sternbildes, des Compasses aufgefunden hat, und nun bemüht ist, den dem Schoosse der Mutter schon entrückten Schlaf aus seiner dunkeln Hülle hervorzuziehen, und ihn mit sich fortzuführen ²⁾.

¹⁾ См о немъ статью его преемника *Jos. Herm. Schmidt* въ *Med. Zeit des Ver. f. Heilk. in Preussen*, 1848, p. 201.

²⁾ Въ этой виньеткѣ, очевидно, сказались масонскіе вкусы Клуге.—*Сопровою* изданія именно и сдѣлана переработка Велланскаго.

Первый томъ посвященъ Dem Hochwohlgebornen Herrn Johann Goercke (длинный перечень титуловъ), Dem Freunde und Verehrer der Natur und Wahrheit im Hochgeföhle etc. Онъ содержитъ XII стр. (титуль, посвященіе, Vorbericht V—XII), и 13—312 стр. Второй томъ: два титула, текстъ съ 315—511 стр. (сочиненіе до 442 стр., далѣ Register: I. Nahmen-Register 445—354 опеч. вм. 454 и II. Sach-Register 455—511). Текстъ и заголовки украшены различными эпиграфами изъ стихотвореній Шиллера и другихъ поэтовъ.

Въ I томѣ Einleitung 15—21 (10 §§), I. Abschnitt. Entdeckungsgeschichte des an. M. 26—91 (§§ 13—63); II Abschnitt: Uebersicht der magnetischen Erscheinungen—92—211 (§§ 64—166) и III Abschnitt. Beleuchtung der magn. Erscheinungen 212—312 (§ 167—229). Во II томѣ: Practische Ansicht 315—316 (§ 230, 231). I Abschnitt. Eigenschaften des Magnitiseurs 317—323 (§ 232—240), II Abschnitt. Magnetische Behandlung 324—424 (§ 241—337) и III Abschnitt. Bestimmung der Fälle, in welchen die Anwendung des animalischen Magnetismus angezeigt ist 425—442 (§§ 338—356). Сочиненіе изобилуетъ ссылками на разнообразныя древніе и современныя ученые труды и представляетъ результатъ обработки громадной литературы. Трудъ Клуге лучше всякихъ свидѣтельствъ показываетъ въ немъ великаго ученаго и въ высшей степени образованнаго и развитога челоуѣка.

Взгляд Белланскаго на значеніе и смыслъ животнаго магнетизма всего лучше обрисовывается въ его предисловіи въ означенному сочиненію.

Между физическими открытіями, говоритъ Белланскій, въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія животный магнетизмъ есть самое важнѣйшее. Но по вліянію господствовашаго духа времени, долго оставался онъ въ общей неизвѣстности; немногіе занимались имъ въ тайнѣ. Чудеснѣйшія явленія животнаго магнетизма не исторгаются по волѣ легкомысленнаго намѣренія, а идутъ только на встрѣчу искреннему желанію произвестъ оныя и твердой увѣренности въ истинномъ ихъ источникѣ. Поборовъ грубые предрассудки и кичливое самолюбіе,—безпристрастіе критическаго духа признало животный магнетизмъ *важнѣйшимъ* предметомъ чувственнаго и умственнаго познанія (стр. II).

Теперь въ Германіи практическіе врачи, не считая его ни обманомъ, ни сверхестественнымъ *мистицизмомъ*, открыто занимаются магнитнымъ лѣченіемъ болѣзней, а послѣдствія ихъ опытовъ возвѣщаются въ періодическихъ изданіяхъ и особенныхъ медицинскихъ сочиненіяхъ. Многіе изъ прежнихъ противниковъ учинились ревностными послѣдователями Месмера. И здѣсь въ Россіи магнетизмъ сталъ употребляться нѣмецкими врачами (стр. III).

Но Россійскіе врачи и физики, не знающіе нѣмецкаго

языка, не имѣютъ подробнаго свѣдѣнія о немъ, поелику доннѣ не было еще обстоятельнаго изложенія объ ономъ на російскомъ языкѣ.

Месмеръ распространялъ свое лѣченіе сначала во Франціи, и вся относящаяся къ нему литература была на французскомъ языкѣ. Но теперь магнитизмъ систематически описанъ учеными Нѣмцами *Гмелиномъ*, *Гейнекеномъ*, *Винголомъ* и другими. Берлинскій же профессоръ *Клуге* на основаніи французскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, провѣривъ ихъ собственными опытами, издалъ полное сочиненіе касательно исторической и практической части. Но теоретическая часть, составленная имъ изъ *Рейловыхъ* и другихъ положеній, нисколько не соответствуетъ нынѣшнимъ физиологическимъ понятіямъ въ Германіи и недостаточна. Имѣя ревность къ споспѣшествованію физическихъ понятій въ нашемъ отечествѣ и желая оказать услугу російскимъ врачамъ, любезнымъ моимъ соотечественникамъ, рѣшился я издать на Російскомъ языкѣ двѣ части изъ сочиненія г. *Клуге*, которое считается наилучшимъ (стр. V).

Явленія въ магнитномъ состояніи и способы магнитизированія, будучи весьма удивительны, тѣмъ болѣе возбуждаютъ всякаго размышляющаго къ узнанію причины оныхъ. А посему теорія животнаго магнитизма столько же есть важная, сколько и нужная часть сего сочиненія. Во всѣхъ сочиненіяхъ теоретическое понятіе представлено весьма темнымъ. Магнитная жидкость, сама по себѣ неизвѣстная, принимается вездѣ для физическаго изъясненія всѣхъ магнитныхъ явленій. А проникательныя способности въ магнитномъ состояніи приписываются особливому измѣненію души, хотя таковое несвойственно безсмертному ея существу.

Магнитный сонъ и необыкновенныя въ немъ чувствованія столь же трудны для изъясненія, сколько и натуральный сонъ, и чувственныя дѣйствія въ бдѣніи. Тѣ и другія составляютъ одну задачу органическаго изслѣдованія; но которую по обык-

новенному способу физических и психических разсматриваній рѣшить не можно. Для познанія магнитнаго сна, какъ болѣзненнаго состоянія въ человѣкѣ, нужно имѣть понятіе о сущности его организма въ здоровомъ, естественномъ положеніи; и я, руководствуясь умозрѣніемъ натуральной Философіи, сочинилъ теорію животнаго магнетизма въ фізіологическомъ и патологическомъ отношеніи, которая составляетъ третію часть сей книги (стр. VII).

Не всякъ можетъ быть магнитизеромъ; ибо для сего требуется особенное физическое качество, нравственное расположеніе, благопріятныя обстоятельства и выгодныя случаи. Но имѣть настоящее понятіе о животномъ магнетизмѣ полезно и необходимо имѣть каждому Естествоиспытателю, ибо онъ есть сильнѣйшее и скрытнѣйшее дѣйствіе въ органической природѣ: если онъ занимаетъ всякаго любопытнаго, то колыми паче заслуживаетъ онъ особенное вниманіе врачей и физиковъ (стр. VIII).

Полное заглавіе сочиненія Клуге-Велланскаго таково:

Животный магнетизмъ. Представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи. Первая двѣ части переведены изъ нѣмецкаго сочиненія профессора *Клуге*, а третію сочинилъ Данило Велланскій... (званія его) СПб., 1818, 8°. Стр. тит + посв. + VIII + 404 + 6 ненум. (оглавленіе содержаній—5¹/₂ и печати 1¹/₂ стр.). Оригинальный трудъ Велланскаго, III часть „Теорія животнаго магнетизма“ ¹⁾ въ 4 отдѣлахъ занимаетъ стр. 291—404.

Сочиненіе посвящено памяти Антона Месмера.

О содержаніи труда можетъ дать понятіе слѣдующій краткій очеркъ.

¹⁾ У *Колубовскаго* (Ист. нов. фил. Ибервега—Гейнце, стр. 534), *Векерова* (Словарь, V, стр. 221) и у *Колупанова* (Биографія А. И. Кошелева, I 2, стр. 298) ошибочно: магнетизма.

Часть первая (стр. 1—160).

Исторія животнаго магнитизма.

Отдѣленіе *первое* показываетъ слѣды животнаго магнитизма въ древнія еще времена, когда Жрецы хранили оный въ тайнѣ, и употребляли для предвозвѣщаній въ храмахъ оракуловъ. Въ Азій и Европѣ лѣчили издревле болѣзни прикосновеніемъ въ страждущей части и потираніемъ всего тѣла больныхъ. Въ наши времена животный магнитизмъ открытъ докторомъ Месмеромъ. Гонимъ будучи въ Германіи, Месмеръ съ животнымъ своимъ магнитизмомъ переселяется во Францію, излагаетъ главныя основанія своей системы, показываетъ удивительные успѣхи магнитнаго лѣченія, оставляетъ Парижъ, учреждаетъ общество *гармоніи*, гдѣ открываетъ способъ онаго лѣченія. По Королевскому повелѣнію назначается коммиссія для изслѣдованія животнаго магнитизма. Недоразумѣніе и пристрастіе комиссаровъ дѣлаютъ несправедливый доносъ о животномъ магнитизмѣ. Упадокъ онаго во время Французской революціи. Потомъ является онъ въ Германіи, гдѣ изслѣдываютъ и опредѣляютъ его лучшимъ образомъ.

Отдѣленіе *второе* трактуетъ о явленіяхъ животнаго магнитизма, относительно къ магнитизеру и магнитизируемому больному. Магнитное состояніе у больныхъ оказывается различными явленіями, которыя касательно измѣненія чувствъ и душевныхъ способностей раздѣлены на *шесть* степеней:

Въ *первой* степени внѣшнія чувства, будучи помрачены, остаются еще дѣйствительными; и таковое состояніе называется *магнитнымъ бдѣніемъ*.

Во *второй* степени чувственность отчасти затворяется, такъ что человѣкъ чувствуетъ только ближайшіе предметы, и

зрѣніе дѣлается непроизвольнымъ. Сію степень называютъ *магнитнымъ полусномъ*.

Въ *третьей* степени всѣ внѣшнія чувства закрыты, и человѣкъ не имѣетъ связи съ внѣшнимъ міромъ. Сія степень называется *магнитнымъ сномъ*.

Въ *четвертой* степени человѣкъ спитъ и не чувствуетъ внѣшнихъ предметовъ: но при томъ бодрствуетъ въ себѣ, зависитъ отъ своего магнетизера, посредствомъ котораго извѣстнымъ образомъ онъ чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ. Сія степень именуется *снобдтіемъ* (sompambulismus).

Въ *пятой* степени больной видитъ явственно внутреннее состояніе своего тѣла, познаетъ качество и теченіе своей болѣзни, и опредѣляетъ дѣйствительнѣйшія средства противъ оной. Сія степень называется *магнитнымъ провоззрѣніемъ* (clairvoyance).

Въ *шестой* степени больной вступаетъ въ высшее соединеніе со всеобщю природою, гдѣ онъ видитъ ясно всѣ происшествія, какъ вблизи, такъ и вдали; и понятіе его не ограничивается ни въ пространствѣ, ни во времени. Таковое состояніе называется *магнитнымъ просвѣтлѣніемъ*, также возступленіемъ или выхожденіемъ изъ тѣлесной сферы (exstasis vel desorganisatio).

Часть вторая (стр. 161—290).

Практическое показаніе животнаго магнетизма.

Отдѣленіе I трактуетъ о качествахъ магнетизера, отдѣленіе II—о магнитныхъ дѣйствованияхъ, которыя бываютъ простыя и сложныя. 1. Простое дѣйствование безъ ручныхъ

приемовъ есть дуновение, пристальный взглядъ, и мысленное устремленіе на больного. Затѣмъ разсматриваются разные ручные приемы, касательно положенія рукъ магнетизера, и прикосновенія оными къ больному, способы употребленія манипуляціи и другихъ дѣйствованій при магнитномъ лѣченіи, и предлагаются практическія правила и осторожности при магнитномъ лѣченіи манипуляціями. 2. Сложное дѣйствованіе состоитъ изъ средствъ, усиливающихъ только животный магнетизмъ, и каковыя суть: проводникъ, уединитель, электричество, зеркало и музыка. Вещи, замѣняющія магнетизированіе, суть: магнетизированное стекло, магнитная батарея и магнетизированное дерево.

Отдѣленіе III сообщаетъ о случаяхъ и болѣзняхъ, въ которыхъ животный магнетизмъ употребляется съ пользою.

Часть третья, принадлежащая самому Велланскому, есть

Теорія животнаго магнетизма (стр. 291—404).

Она трактуетъ во I) о существенномъ единствѣ природы во всѣхъ различныхъ видахъ ея образованія, затѣмъ во II) о внѣшнихъ чувствахъ, которыя суть извѣстныя качества общаго міра, представленныя въ органическомъ видѣ. Внѣшнихъ чувствъ находится столько, сколько главныхъ элементовъ въ общемъ мірѣ. Землѣ, какъ твердой матеріи, соответствуетъ осязаніе; къ водѣ относится собственно вкусъ; а къ воздуху обоняніе. Зрѣніе и слухъ суть высшаго значенія, и равнокачественны еѳиру, какъ общему элементу Вселенныя. Въ заключеніе говорится о дѣйствіи чувствъ.

III отдѣленіе заключаетъ въ себѣ изложеніе нервной системы, имѣющей высочайшее значеніе въ организмѣ, котораго всѣ части суть не что иное, какъ нервная система въ различномъ ея преобразованіи. IV-е трактуетъ о магнитныхъ

явленіяхъ, которыя всё происходятъ отъ измѣненія нервной системы въ различныхъ ея областяхъ. Бдѣніе и сонъ суть натуральныя состоянія животнаго организма, зависящія отъ очереднаго перевѣса головы и брюха. Магнитный сонъ зависитъ отъ такого измѣненія нервной системы, когда собственная дѣятельность одной ея области переходитъ въ другую, противную ¹⁾). Затѣмъ дается изъясненіе животнаго магнетизма, по сравненію онаго съ магнитными явленіями въ желѣзѣ. Различныя степени и виды животнаго магнетизма основываются на меньшемъ или большемъ измѣненіи нервной системы въ собственномъ качествѣ каждой ея области.

Сравнивая „переводъ“ Велланскаго съ подлинникомъ Клуге, мы находимъ, что Велланскій дѣлалъ весьма значительныя сокращенія, благодаря чему 511 стр. мелкаго нѣмецкаго шрифта умѣстились на 290 стр. разгонистой и крупной русской печати. Чрезвычайная добросовѣстность Велланскаго побудила его выставить на титулѣ книги, что 2 части „переведены“, тогда какъ это скорѣе самостоятельное изложеніе *на основаніи* сочиненія Клуге. Такъ прежде всего опущена ненужная для русскаго читателя громадная литература, занимающая по $\frac{1}{2}$ стр. послѣ каждаго § подлинника. не оставлено самое раздѣленіе на §§, выброшены частыя и большія цитаты изъ Шиллера, Шекспира и другихъ поэтовъ и т. п.; самый „переводъ“ начинается съ 13 § подлинника. 312 стр. I части занимаютъ по русски 160 стр., а II ч. 315—511 соотвѣтствуютъ стр. 161—290, т. е. 196 стр.—129 стр. Выброшенъ обширный указатель именъ и предметовъ. Самые §§ излагаются частью сокращенно.

¹⁾ Животный магнетизмъ со всѣми его явленіями заключается въ *полярномъ* содержаніи нервной системы, которая какъ въ центральной, такъ и въ окружной ея области находится положительною, отрицательною и среднею. Посему теоретическое понятіе животнаго магнетизма зависитъ отъ познанія сущности нервной системы и полярнаго содержанія оной въ натуральномъ и болѣзненномъ ея состояніи (стр. 348).

Книга Велланскаго удостоилась сочувственныхъ отзывовъ и въ Россіи, и за границей. Такъ въ журналѣ „Благонамѣренный“, издаваемомъ *А. Измайловымъ*, за 1818 г. ч. IV, октябрь, X, стр. 116—118, Извѣстія о новыхъ русскихъ книгахъ, появилась рецензія, подписанная: Дръ Яввъ Гврвь (Я. Говоровымъ), въ которой сказано:

Животный магнитизмъ по всей справедливости занимаетъ теперь первое мѣсто среди открытій на пользу страждущаго человечества. Можно признать *чудеснымъ*, даже *божественнымъ* то средство, помощію котораго облегчаются и врачуются упорныя и жестокія *хроническія*, особливо *нервныя* болѣзни. Весь ученый міръ преисполненъ славы о немъ! Страдальцы, испытавъ безъ всякой пользы неисчерпаемый запасъ дѣйствительнѣйшихъ врачебныхъ средствъ, спѣшатъ найти конецъ своимъ мукамъ въ семъ непостижимомъ явленіи природы! Дѣйствія магнитизма черезъ неоспоримые опыты, можно сказать, исподволь раскрываютъ тайныя пружины нашей духовной природы.

Переводчикъ и купно Авторъ сей книги Г. Велланскій, имѣя неутомимую ревность по введенію въ сферу врачебныхъ наукъ важнѣйшихъ открытій для пользы своихъ соотечественниковъ, принялъ на себя трудъ перевести лучшее сочиненіе между многими о семъ предметѣ и пополнить оное собственнымъ своимъ глубокомысленнымъ теоретическимъ ис-

толкованіемъ. Это даетъ Автору неоспоримое право на полную благодарность какъ врачей, такъ и всякаго любопытнаго ¹⁾

Въ спеціальному журналѣ „Archiv für den thierischen Magnetismus“, Halle, за 1819 годъ, Band V, Drittes Stück, стр. 129—135, появилась рецензія J. F. Weisse, о которой была уже у насъ рѣчь (т. II, стр. 86). Вейссе сообщаетъ здѣсь на стр. 130—131 біографическія свѣдѣнія о Велланскомъ (добытыя отъ одного изъ учениковъ его, Dr. Spasski—Спасскаго); стр. 131—133 знакомятъ читателя съ содержаніемъ сочиненія, главнымъ образомъ, теоретической (оригинальной) части, а стр. 133—135 содержатъ даже переводъ начала той же теоретической части. Вейссе отмѣчаетъ тѣсную связь научныхъ убѣжденій Велланскаго съ ученіями различныхъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Такъ, трактуя объ *единствѣ* природы (соотвѣтствіе тройственности растений, животныхъ и человѣка: въ особенномъ организмѣ,—репродукціи, ирритабельности и сенсильности; то, что въ органической природѣ обособлено, въ микрокосмѣ находится вмѣстѣ, но въ своихъ особенныхъ областяхъ—въ полости брюха, груди и головы; та же тройственность въ физическихъ процессахъ—магнетизмѣ, электричествѣ и химизмѣ—и въ трехъ элементахъ планеты—землѣ, воздухѣ и водѣ), Велланскій слѣдуетъ идеямъ *Окена*; при изслѣдованіи ганглиевой системы приняты мнѣнія *Рейля*; сравненіе явленій животнаго магнетизма съ явленіями въ желѣзѣ проведено по *Eschenmauer*'у; о душѣ Велланскій высказываетъ взгляды *Stahl*'я, а также придерживается и психологическихъ воззрѣній *Эшенмайера*. На стр. 121 Вейссе замѣчаетъ: „Достаточно удивительно (auffallend), что въ Россіи могутъ послѣдовать (*nachdenken*) нѣмецкой философіи новѣй-

¹⁾ Стр. 117.

шаго времени, тогда какъ англичане и французы, даже сами нѣмцы ея не понимаютъ“.

Трудъ Велланскаго былъ оцѣненъ и русскою публикою, которая раскупила его.

Но занятія Велланскаго въ области животнаго магнетизма этимъ не окончились. Черезъ много лѣтъ, когда онъ уже былъ слѣпъ и въ отставку, ему еще разъ пришлось поработать надъ тѣмъ же предметомъ и притомъ даже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Вотъ какъ это было, по разсказу біографа Велланскаго, *Н. И. Розанова* ¹⁾:

Однажды утромъ при мнѣ говорятъ Велланскому, что кто то незнакомый, называющій себя книгопродавцемъ, пришелъ и желаетъ его видѣть. То былъ торговецъ книгами, *Жебелевъ*, имѣвшій лавку на Большой Садовой улицѣ. Войдя, онъ спросилъ Данила Михайловича, не продастъ ли онъ ему навсегда въ собственность свой переводъ сочиненія *Клуге*, изданія 1817 г.: Животный магнетизмъ. Онъ, Жебелевъ, готовъ заплатить ему 6000 руб. асс. Этою книгой многіе интересуются, спрашиваютъ, желая купить ее; а экземпляровъ болѣе нѣтъ въ продажѣ. Не давъ Жебелеву окончательнаго отвѣта, Велланскій сказалъ, что подумаетъ и дастъ потомъ ему знать. И вотъ думая долго, онъ остановился на слѣдующемъ соображеніи, что ученіе о животномъ магнетизмѣ со времени изданія книги Клуге сдѣлало успѣхи; съ тѣхъ поръ замѣчено много явленій совершенно новыхъ. Не лучше ли, думалъ слѣпецъ, на свободѣ отъ службы пересмотрѣть и дополнить переводъ; а можетъ быть, придется измѣнить и теорію. Дѣло, такъ обсужденное, началось. Жена прочла мужу въ слухъ весь переводъ книги Клуге. Сочиненіе оказалось слишкомъ уже отста-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ за 1867 г. т. 72-й, стр. 114. О Розановѣ см. II т. нашего сочиненія, стр. 243—255.

лымъ отъ современной науки. Что дѣлать! Велланскій избралъ себѣ, для руководства въ занимавшемъ его предпріятіи, сочиненіе профессора Іенскаго университета *Кизера*, О теллуризмѣ, и посовѣтовавшись съ женой, въ силахъ ли она писать подъ его диктовку, приступилъ къ работѣ ¹⁾.

Kieser Дитрихъ Георгъ родился въ Harburg (Ганноверъ) 24 авг. 1779 г. По окончаніи курса въ гимназій въ Lüneburg онъ изучалъ медицину въ Гёттингенѣ и Бюрцбургѣ, гдѣ въ 1804 г. получилъ степень доктора по защитѣ диссертациі De anamorphosi oculi ²⁾. Потомъ былъ врачомъ въ ганноверскомъ городѣ Winsen a. d. Luhe, а въ 1806 переехалъ въ Northeim, гдѣ и пробылъ до 1812 г., исполняя обязанности городского физика. Въ 1812 г. онъ получилъ экстраординатуру въ Іенѣ. За это время онъ опубликовалъ Aphorismen aus der Physiologie der Pflanzen, 1808, Über die Natur, Ursachen, Kennzeichen und Heilung des schwarzen Staars 1810 (награжденную обществомъ амстердамскихъ врачей), Ursprung des Darmcanals aus der vesicula umbilicalis, dargestellt im menschlichen Embryo 1810, Entwurf einer Geschichte und Beschreibung der Badeanstalt bei Northeim, 1810, и Über die Metamorphose des Auges etc, Elemente der Phytonomie, I, Jena, 1815. Еще были издаваемы имъ вмѣстѣ съ Овеномъ Beiträge zur vergleichenden Zoologie, Anatomie и Physiologie, которыхъ появилось 2 тетради. Въ 1812 г. появились его Grundzüge der Pathologie und Therapie des Menschen и Mémoire sur l'organisation des plantes, увѣнчанный Teyler'овымъ обществомъ въ Гарлемѣ. Это же сочиненіе вышло по нѣмецки въ 1815 г. подъ заглавіемъ Grundzüge zur Anatomie der

¹⁾ Стр. 115.

²⁾ На нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ Über die Metamorphose des Thierauges въ Офтальмологической библіотекѣ Himly и Шмидта за 1804 г. т. II, стр. 73.

Pflanzen. На основаніи этихъ трудовъ ему предлагали кафедры въ Гейсенѣ и въ *Харьковѣ*; но отклонивъ эти предложенія, Кизеръ поступилъ въ Йену экстраординарнымъ проф. общей и частной патологіи, приче́мъ преподавалъ еще исторію медицины, и анатомію съ физиологіею растений. Здѣсь онъ издалъ *Über das Wesen und die Bedeutung der Exantheme* 1813 и *Vorbauungs—und Verhaltungsmassregeln bei ansteckenden Faul-tieber-epidemien* (по поводу распространявшагося тифа). Въ 1814 г. Кизеръ примкнулъ къ веймарскимъ войскамъ въ составѣ коннаго отряда студентовъ въ качествѣ вахмистра и врача, а послѣ битвы при Бель-Альянсѣ перешелъ на прусскую службу, принявъ на себя завѣдываніе военными госпиталями въ Люттихѣ и Версалѣ, за что и получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Возвратившись въ Йену, онъ съ новымъ жаромъ принялся за работу; онъ выпустилъ тогда *System der Medicin* 1817—1819 г. въ 2 т., *System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus* 1821, 1822 въ 2 т., и вмѣстѣ съ Эшенмейеромъ и Нассе сталъ издавать *Archiv für den thierischen Magnetismus*, котораго съ 1817—1824 г. вышло 12 томовъ; потомъ въ 1825—1826 одинъ уже Кизеръ издалъ 2 тетради *Sphinx. Neues Archiv für den thierischen Magnetismus*. Въ 1824 г. онъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ, а въ 1828 г. тайнымъ надворнымъ совѣтникомъ и членомъ сената; съ 1831—1848 гг. былъ депутатомъ отъ Университета на ландтагѣ, а въ 1848 г., какъ вице-президентъ послѣдняго, участвовалъ въ знаменитомъ франкфуртскомъ парламентѣ. И теперь ему приходилось отклонять приглашенія въ Эрлангенъ, Лёвенъ, *Дерптъ*.

Наряду съ казенною службою Кизеръ велъ (съ 1831) частную медицинско-хирургическую и офтальміатрическую клинику. Въ 1847 г. онъ завелъ себѣ вмѣсто нея частную психіатрическую клинику и получилъ въ завѣдываніе большое великогерцогское заведеніе для умалишенныхъ; за это время онъ написалъ

7 программъ; *De febris puerperarum indole varia forma et medicatione*, 1825—1829 и дѣлалъ клиническія сообщенія въ различныхъ медицинскихъ журналахъ, затѣмъ въ изданныхъ имъ *Klinische Beiträge*, 1834 г. и въ *Diss. med.-pract. exhibens decennium clinicum in Acad. Jenensi inde ab anno 1831 ad annum 1841 auspiciis Dr. Kieseri habitum*, 1842, подъ предсѣдательствомъ Кизера. Въ Леопольдинской академіи, въ *Acta* которой онъ принималъ участіе, онъ былъ сдѣланъ адъюнктомъ, потомъ *Director Ephemeridum*. Последнее его произведение *Elemente der Psychiatrik* 1855, и отчеты о дѣятельности руководимыхъ имъ домовъ для умалишенныхъ—двѣ статьи въ *Zeitschrift für Psychiatrie* за 1855 и 1856 г. Въ 1858 г. онъ сталъ самъ президентомъ академіи на мѣсто умершаго *Nees von Esenbeck*, котораго онъ защитилъ отъ грозившаго ему судебного слѣдствія въ сочиненіи: *Zur Geschichte der K. K. Leop.—Kar. Acad. d. Naturforscher*. 8 іюня 1862 г. Кизеръ отпраздновалъ 50-ти лѣтній юбилей своей профессуры; онъ былъ тогда сеніоромъ университета; 11 октября того же года онъ умеръ.

По характеру онъ былъ строгій человѣкъ съ повадками военнаго; на восьмидесятомъ году отъ роду онъ былъ еще вполне здоровъ и физически, и умственно. Вѣрный своему девизу *Semper idem, tenax propositi*, онъ неотступно преслѣдовалъ поставленные себѣ цѣли и въ наукѣ, и въ жизни.

Изъ его сочиненій можно еще указать: *Analecta ex medicina militari*, Jena, 1828, *Oratio de fructibus atque emolumentis in historia tum universali tum speciali ex physiologia capessendis*, Jena, 1829.

О немъ писали *Martius*, *Acad. Denkrede*, Leipzig, 1866, стр. 500, *Carus* въ *Verhandlungen der Leopoldinischen Akademie*, томъ XXX, *Leopoldina*, Heft III и IV, *Hirsch*, *Gesch. d. Augenheilk.*, стр. 486 и *d.*, *Allg. Med. Centr.—Zeit.*, 1862, № 86.

Послѣ Окена, говоритъ Августъ *Гирш* въ своей исторіи медицины ¹⁾, самымъ замѣчательнымъ среди крайнихъ представителей натурфилософіи является Кизеръ. Отъ многихъ своихъ товарищей по увлеченію онъ отличался дѣйствительною ученостію и научнымъ духомъ. Это сказывается въ его трудахъ по исторіи развитія и анатоміи растений, а также и по психіатріи. Его „Афорисмы изъ физиологіи растений“ (1808) были въ свое время въ большомъ почетѣ и послужили основаніемъ для позднѣйшихъ изслѣдованій по этой наукѣ, а въ глубокой старости сочиненныя имъ „Элементы психіатрики“ (1855), не смотря на свою эксцентричность и несвоевременность формы (для эпохи самыхъ трезвыхъ изслѣдованій) были замѣчательнымъ явленіемъ. Менѣе благопріятное впечатлѣніе производятъ его работы по практической медицинѣ, напримѣръ, его *System der Medicin* въ 2 томахъ 1817, 1819. Въ ней, исходя изъ общихъ положеній натурфилософіи, онъ хотѣлъ вывести изъ послѣднихъ общіе законы жизни и показать эти законы въ болѣзняхъ и въ отдѣльныхъ проявленіяхъ ихъ; но ученіе о болѣзняхъ и ихъ цѣленіе стало подъ его руками мистификаціею общей патологіи. Его теорія обосновывается на той мысли, что болѣзнь есть жизненный ретроградный процессъ, развивающійся въ здоровомъ организмѣ; болѣзнь есть организмъ низшій, низшій потому, что онъ стоитъ на низшей ступени животнаго развитія. Это пониманіе болѣзни, напоминающее собою философію Парацельса и его школы, было, впрочемъ, выраженіемъ общаго духа Шеллинговой школы. Юмористическое сужденіе объ этой Кизеровой системѣ произнесъ *Döllinger*: „Эта система никуда не годится и ничего не стѣдитъ; но она самая лучшая изъ существующихъ, потому что другой у насъ нѣтъ“ ¹⁾.

¹⁾ Стр. 415.

¹⁾ Стр. 416.

Выборъ сочиненія Кизера для перевода и обработки нельзя не признать весьма удачнымъ. Велланскій и здѣсь проявилъ свой обычный тактъ въ выборѣ подходящихъ книгъ, удовлетворяющихъ потребности и нуждамъ русской публики. Вообще эта сторона дѣятельности Велланскаго, — работа научно-переводческая, совершенно не изслѣдована; иностранные біографы и критики еще при жизни его указывали на одно это уже обстоятельство съ большою похвалою ¹⁾—помимо его философскихъ оригинальныхъ трудовъ. Кизеръ стоялъ въ курсѣ и центрѣ дѣла изученія животнаго магнетизма: его трудъ обнималъ собою всѣ новости послѣ сочиненія Клуге, всѣ извѣстныя тогда явленія магнетизма и терапевтическое примѣненіе ихъ.

Теоретическую часть Велланскій отчасти уже продумалъ ранѣе, да она и менѣе затрудняла его. Касательно его труда и дальнѣйшей судьбы его рукописи предоставимъ слово опять Н. Розанову.

Прошло въ этомъ трудѣ около 1½ г. Тетрадки, перечитанныя въ слухъ, были исправлены тоже по диктовкѣ слѣдща и переписаны. Рукопись вышла немаленькая. Авторъ называлъ сочиненіе, какъ у Кизера, Теллуризмъ. Теоретическую часть (Кизера) Велланскій совершенно измѣнилъ, но слогъ новаго сочиненія показался ему тяжелъ, не такой, какимъ въ 1840 году писали по русски для печати, и Давидъ Михайловичъ предложилъ мнѣ, *такъ какъ я слушалъ его лекціи общей физиологии въ 1828—1829 году, понималъ систему натуръ-философовъ и зналъ терминологию этой школы, заняться съ нимъ: перечитать и исправить, гдѣ нужно, текстъ. Это я охотно на себя принялъ и исполнилъ, работая около 5-ти*

¹⁾ См. II томъ сего сочиненія, стр. 233. Мы готовимъ особый этюдъ объ этомъ предметѣ.

мѣсяцѣ. вмѣстѣ съ авторомъ¹⁾). Очищенная въ слогъ рукопись была представлена въ цензурный комитетъ. Долго ее разсматривали тамъ, но печатать не дозволили, потому, какъ заключилъ комитетъ, что сокровенный смыслъ сочиненія можетъ подать поводъ къ превратному толкованію основаній христіанской религіи. Отказъ въ пропускѣ сочиненія возмутилъ Велланскаго. Зналъ онъ, что я встрѣчаюсь иногда въ одномъ знакомомъ домѣ съ Николаемъ Ѳедоровичемъ *Арендтомъ*, лейбъ-медикомъ императора. Арендтъ, учась въ С.-Петербур. академіи, былъ всегда особенно внимателенъ къ нему. Слѣпецъ просилъ меня передать Арендту, почему цензура отказала въ одобреніи къ напечатанію сочиненія, и спросить, что посоветывалъ бы онъ предпринять, чтобы получить разрѣшеніе на печатаніе книги. Въ непродолжительномъ времени представился случай это исполнить. Въ первое же воскресенье у Ивана Васильевича *Маркова* я вижу Николая Ѳедоровича, и за обѣдомъ, сидя возлѣ него, передаю ему, о чемъ просилъ слѣпецъ. „Скажите отъ меня Даниилу Михайловичу“, отвѣтилъ мнѣ Арендтъ, „чтобъ онъ представилъ рукопись при письмѣ графу *Бенкендорфу* (тогда шефу корп. жандармовъ), и просилъ распорядиться, чтобъ ее разсмотрѣли безпристрастно. Позволятъ, прикажутъ напечатать. Теперь, послѣ излѣченія животнымъ магнетизмомъ долго болѣвшихъ женъ *Ч--на*, князя *Д--ва* и *П--ва* на это явленіе измѣнился взглядъ: въ магнетизмѣ не видятъ болѣе шарлатанскихъ спекуляцій и обмана, а дѣйствительно врачебное, сильное средство во многихъ случаяхъ нервныхъ припадковъ; даже австрійское правительство,—вѣроятно, читали вы въ газетахъ,—разрѣшило лѣчить больныхъ животныхъ магнетизмомъ, лишь

¹⁾ См. ниже, стр. 44 свидѣтельство самого Велланскаго: «нѣкоторые изъ бывшихъ слушателей фізіологическихъ моихъ лекцій въ Академіи разсматривали составленныя мною статьи и пособляли мнѣ исправлять и приводить оныя въ надлежащій порядокъ».

бы магнетизированіе было производимо съ вѣдома и въ присутствіи окружного врача“ ¹⁾).

Велланскій поступилъ по совѣту Арендта и написалъ къ графу Бенкендорфу письмо, сказавъ въ немъ, между прочимъ, что сочиненіе „Теллюризмъ“ не только не ослабляетъ основаній христіанства, но скорѣе утверждаетъ священную истину религіи. Письмо и рукопись переданы мною начальнику штаба корп. жандармовъ *Дубельту*, и отъ него доложены графу Бенкендорфу, который всѣ эти бумаги препроводилъ къ министру народнаго просвѣщенія Сергѣю Семеновичу *Уварову*. Рукопись разсматривали въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ, ибо ни тѣ, ни другія, отдѣльно одни безъ другихъ, не принимали на себя рѣшать дѣло, да и Велланскій въ письмѣ къ графу Бенкендорфу просилъ подвергнуть сочиненіе разсмотрѣнію духовныхъ особъ, кого святѣйшій синодъ назначить. Въ комитетѣ участвовали 3 протоіерея Петербургскихъ церквей, и тамъ было постановлено предложить автору, не согласится ли онъ замѣченныя въ рукописи мѣста, профанирующія, по ихъ мнѣнію, святость чудеснаго врачеванія, одни измѣнить, другія исключить. Велланскій согласился исполнить требованіе, исправилъ замѣченныя мѣста, и рукопись представилъ въ цензурный комитетъ. Однако, сочиненіе и послѣ сего не было пропущено въ печать по неизвѣстнымъ причинамъ.

Въ 1837 г. Велланскій былъ уволенъ отъ профессуры; Вилъе, по случаю новыхъ штатовъ для академіи, распорядился замѣнить на всѣхъ каеэдрахъ заслуженныхъ преподавателей молодыми, чтобъ дать ходъ послѣднимъ. Кафедру Велланскаго занялъ А. П. Загорскій; но бібліотекаремъ Даниилъ Михайловичъ еще оставался, даже бывъ слѣпымъ: вы-

¹⁾ Стр. 116.

жидали, не возстановится ли зрѣніе послѣ операціи; 1847 года марта 15-го Велланскій умеръ. Смерть ближайше послѣдовала отъ аорoplexia plexus solari¹⁾, какъ полагаетъ лично сказывавшій мнѣ это *П. Д. Штуплинскій*, наблюдавшій въ послѣдній періодъ жизни больного Велланскаго. Въ это время я былъ боленъ и узналъ о кончинѣ Даниила Михайловича отъ врача, который пользовалъ меня, Павла Пареевича *Заблоцкаго*, профессора въ академіи. Онъ сказалъ мнѣ о томъ осторожно, зная, сколь привязанъ я былъ чувствомъ искренняго душевнаго уваженія къ Даниилу Михайловичу. 1847, 1848 и 1849 й годы провель я за границей. Возвратившись оттуда, я жилъ въ Москвѣ, и до 1855 года бывалъ въ Петербургѣ наѣздами. Въ 1856 или 1857 году встрѣтился я въ Петербургѣ съ дочерью покойною, Екатериной Даниловною *Рялицкою*. Она сказала мнѣ, что меньшая сестра ея, Анна Даниловна *Соколова*, съ мужемъ своимъ въ Петербургѣ и пригласила меня, если я желаю видѣться съ Анной Даниловною. Въ назначенное время былъ я у Екатерины Даниловны. Пріѣхала и сестра ея. Отъ послѣдней узналъ я, что ни ея, ни мужа не было въ Петербургѣ, когда отецъ и мать Велланскіе умерли. Соколовы жили тогда въ Курскѣ, гдѣ Андрей Филипповичъ служилъ корпуснымъ штабъ-докторомъ. Спрашивалъ я Анну Даниловну о бумагахъ послѣ отца и о рукописи Теллуризмъ. Она сказала, что сколько ни домогалась узнать о рукописи отъ сестры и отъ мужа ея, не получила яснаго, опредѣленнаго свѣдѣнія, но увѣрена, что рукопись цѣла и гдѣ-нибудь хранится.

Прошло послѣ этого свиданія нѣсколько лѣтъ. Уже умерли оба зятя Велланскаго, Соколовъ и Рялицкій; умерла и младшая его дочь, жена Соколова. Въ живыхъ (въ 1867 г.) пока оста-

¹⁾ Стр. 117.

ются дочь старшая, вдова Екатерина Даниловна Релицкая, и сынъ ея, служащій въ Петербургѣ въ Сенатѣ. Въ 1865 году мнѣ надобно было видѣться съ Екатериной Даниловной. Я отыскалъ ее и отъ нея слышалъ, что экземпляръ рукописи Теллуризмъ, перемаранный отцомъ, по замѣчаніямъ духовныхъ лицъ, разсматривавшихъ сочиненіе,—цѣль, и она хранитъ оный; а экземпляръ, переписанный съ переправленнаго на чисто и представленный въ цензуру, вѣроятно, остался въ комитетѣ. Что касается ученыхъ записокъ отца, то многія изъ нихъ покойная сестра ея, Соколова, передала лѣкарю *Никитину*, бібліотекарю Московской медико-хирургической академіи“.

Когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ начиналъ спеціально заниматься Велланскимъ, то, естественно, заинтересовался этою неизданною его рукописью. Прежде всего надлежало опредѣлить ея мѣстовахожденіе. Можно было, пожалуй, опасаться, не пропала ли она, какъ пропадаетъ у насъ на Руси многое достопримѣчательное—за отсутствіемъ присмотра, за недостаткомъ интереса и бережливой заботливости въ старинѣ. Одно изъ новѣйшихъ извѣстій, біографическій очеркъ Велланскаго, помѣщенный въ Энциклопедическомъ словарѣ *Брокгауза*, и подписанный Н. Егоровымъ ¹⁾, полагаетъ мѣстомъ храненія этого труда бібліотеку Военно-медицинской Академіи. Ту же басню повторяетъ и *В. К.* въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ, выходящемъ подъ редакціею *С. А. Венерова*“ ²⁾. Принимаясь за розыски рукописи, я между прочимъ обратился черезъ управленіе Юрьевской Университетской бібліотеки въ бібліотеку Военно-медицинской Академіи съ просьбою прислать въ

¹⁾ Стр. 352. X-го полутома.

²⁾ Т. V, стр. 215—221, см. стр. 220.

цѣляхъ ознакомленія какъ эту, такъ и всѣ рукописи Велланскаго, какія тамъ окажутся, мнѣ для пользованія ими въ помѣщеніи библіотеки. Осенью 1896 г. послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія былъ полученъ оффиціальныи отвѣтъ, увѣдомляющій, что при Академіи никакихъ рукописей Велланскаго не имѣется. Занимаясь лѣтомъ слѣдующаго 1897 года (во время ученой командировки) въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, я, между прочимъ, полюбопытствовалъ, нѣтъ-ли какихъ-либо рукописей Велланскаго тутъ. Таковыя оказались по списку—и къ моей радости то былъ именно розыскиваемый мною неизданныи трудъ Велланскаго о животномъ магнитизмѣ. О своей находкѣ я повѣстилъ весною 1898 г. въ своемъ „Краткомъ отчетѣ о занятіяхъ во время ученой командировки 1897 г.“, стр. 2—3 (вошло въ „Ученныя Записки Казанскаго Университета“ за 1898, июль—августъ, VII—VIII, Университетская лѣтопись, стр. 18—19) ¹⁾.

Представлю теперь внѣшнее описаніе рукописи, а затѣмъ приведу нѣсколько отрывковъ изъ нея.

¹⁾ Ср. II томъ сего сочиненія, стр. 83.

Описаніе рукописи.

Рукопись неизданнаго произведенія Д. М. Велланскаго хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки подъ F. VI № 14, томы I и II in folio и обозначена, какъ подарокъ *Н. И. Розанова*. Оба тома переплетены; переплеты нѣсколько поистлѣли. Заглавіе рукописи таково:

Животный магнетизмъ или Теллуризмъ, какъ общая магнитная сила земли (Tellus), дѣйствующая въ организмѣ человѣческомъ и во всѣхъ живыхъ существахъ и бездушныхъ веществахъ.

Физиологическое и врачебное сочиненіе, воздѣланное по вѣрнѣйшимъ практическимъ наблюденіямъ и основательнѣйшему теоретическому познанію физическаго и психическаго міра,

Данииломъ Велланскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, Докторомъ медицины и хирургіи, Академикомъ и почетнымъ членомъ Императорской Медико-Хирургической Академіи въ Санктпетербургѣ. Двѣ части, въ 2 томахъ. Томъ I. (др. рукой) 1840.

Первый томъ содержитъ XVI стр. предисловія, 4 нenum. оглавленія и текста 456 стр. Второй томъ содержитъ 842 стр. Эпиграфъ оставленъ тотъ же, что и на прежнемъ сочиненіи Клуге-Велланскаго: *Il n'y a donc qu'un profane, indigne d'approcher jamais du sanctuaire des sciences, qui puisse avoir d'autre motif d'adoption ou de rejet, que la vérité ou la fausseté. Demangeon*—dans la physiologie intellectuelle.

Посвящается Любителямъ физическаго и психическаго знанія, отрывающаго таинственную сущность душевной и

тѣлесной жизни чловѣка, дѣйствующей въ бдѣніи, равно-
качественномъ дневному свѣту, и покоющейся во снѣ, сооб-
разномъ ночной тьмѣ.

Переписано сочиненіе на толстой пожелтѣвшей бумагѣ
крупнымъ писарскимъ почеркомъ; есть исключенія (по тре-
бованію цензуры?) и поправки другою рукою по перечеркну-
тому и по скобленному (разурѣ); стилистическія поправки
всего чаще оказываются простымъ подновленіемъ реченій,
както: *такою* вм. *таковаго*, *здоровье* вмѣсто *здравіе*, *эти* вм.
сіи и т. д.; но и это проведено не вездѣ.

Въ рукописи, предназначавшейся для набора и печати,
оглавленіе не имѣетъ указанія на страницы самой рукописи.
Приводимое оглавленіе рукописи составлено мною самимъ при
просмотрѣ ея по страницамъ.

Оглавление содержанія.

Часть первая.

Отдѣленіе первое.

Исторія животнаго магнитизма, начертанная въ трехъ эпохахъ его произшествій.

Введеніе.

§ 1—стр. 1. § 2—5.

Первая эпоха.

Животный магнитизмъ древнихъ временъ.

§ 3—7. § 4—12.

Вторая эпоха.

Животный магнитизмъ среднихъ вѣковъ.

§ 5—17. § 6—22.

Третья эпоха.

Животный магнитизмъ новѣйшаго времени.

§ 7—25. § 8—26. § 9—53. § 10—66. § 11—72.

Отдѣленіе второе.

Главныя положенія о содержаніи общаго міра, послѣдствіе изъ оныхъ и опредѣленіе животнаго магнетизма въ собственномъ его значеніи.

§ 12—76. § 13—79. § 14—82. § 15—84. § 16—85.
§ 17—86. § 18—87. § 19—89. § 20—91. § 21—93.
§ 22—94.

Отдѣленіе третье.

Общія дѣйствія животно-магнитной силы и производимый ею сомнамбулизмъ въ различныхъ его видахъ.

§ 23—97. § 24—99. § 25—103. § 26—115. § 27—117.
§ 28—120. § 29—127. § 30—144. § 31—148.

Отдѣленіе четвертое.

О различныхъ магнитныхъ вліяніяхъ на человѣчскій организмъ.

§ 32—157. § 33—160. § 34—163. § 35—165. § 36—167. § 37—168.

Глава первая.

Общія теллюрическія силы.

§ 32—157. etc. § 37.

Глава вторая.

Особыя теллюрическія силы.

§ 38—170.

А. Магнитныя потенціи минеральной дѣятельности, или минеральный магнетизеръ.

§ 39—171, § 40—174. § 41—177. § 42—180. § 43—195. § 44—197. § 45—200.

Сидерическія орудія, сидерическій бакетъ, рабдомантія.

§ 46—211. § 47—219. § 48—224. § 49—225. § 50—230. § 51—233. § 52—236.

В. Магнитныя потенціи растительныхъ веществъ, или растительный магнетизеръ.

§ 53—240. § 54—246.

С. Магнитная сила животнаго организма или животный магнетизеръ.

§ 55—248. § 56—251. § 57—252. § 58—258.

Психическія потенціи.

§ 59—263. § 60—267. § 61—270. § 62—274. § 63—281.

Динамическія потенціи.

§ 64—283. § 65—288, § 66—293.

Механическія потенціи и количественная сила животнаго дѣйствія.

§ 67—298. § 68—300.

Отдѣленіе пятое.

Свойства теллюрической или магнитной силы.

§ 69—302. § 70—307. § 71—311. § 72—314. § 73—322. § 74—325. § 75—329. § 76.—332. § 77—335.

Отдѣленіе шестое.

Техницизмъ магнитнаго лѣченія.

Глава первая.

Магнитизированіе человѣкомъ.

Статья первая.

Общія правила магнитизированія.

§ 78—341. § 79—342. § 80—351. § 81—354. § 82—358. § 83—361.

Статья вторая.

Особливыя принадлежности магнитнаго лѣченія, производимаго человѣкомъ.

А. Психическое лѣченіе.

§ 84—363. § 85—366.

В. Органическое лѣченіе.

Способъ манипулированія или натиранія руками.

§ 86—369. § 87—375. § 88—376.

Статья третья.

А. Практическія правила при общемъ человѣческомъ магнитизированіи.

§ 89—380.

В. Практическія правила при частномъ человѣческомъ магнитизированіи.

§ 90—393.

Статья четвертая.

Пробужденіе сомнамбула.

§ 91—398.

Статья пятая.

Особенныя манипуляціи, производящія особое состояніе въ больномъ.

§ 92—401. § 93—411.

Глава вторая.

Магнитное лѣченіе посредствомъ минераловъ.

Лѣченіе сидерическимъ бакетомъ.

§ 94—415.

Практическія правила при магнитномъ лѣченіи сидерическимъ бакетомъ.

§ 95—421. § 96—424.

Глава третья.

Вспомогательныя средства къ магнитному лѣченію.

§ 97—430. § 98—436. § 99—442. § 100—446.
§ 101—451. § 102—452.

Часть вторая.

Отдѣленіе седьмое.

Особыя явленія теллюрической жизни и сомнамбулизма вообще.

Введеніе.

Глава первая.

Натуральный сонъ и явленія онаго.

§ 103—Стр. 1 (второго тома). § 104—2. § 105—5.
§ 106—8. § 107—12.

Глава вторая.

Идиосомнамбулизмъ съ его явленіями.

§ 108—15. § 109—18. § 110—20. § 111—24. § 112—
30. § 113—34. § 114—38. § 115—40. § 116—42. § 117—47.
§ 118—51. § 119—54. § 120—57. § 121—61. § 122—64.
§ 123—70 § 124—80. § 125—81. § 126—82. § 127—84.

Глава третья.

Сомнамбулизмъ, произведенный искусственно во всѣхъ его степеняхъ и различныхъ формахъ.

§ 128—85.

Статья первая.

Общее теченіе сомнамбулизма и стадіи онаго.

§ 129—86. § 130—90. § 131—93. § 132—97. § 133—
99. § 134—103.

Статья вторая.

Явление сомнамбулизма въ различныхъ его стадіяхъ.

Стадія первая.

§ 135—104, 105.

Стадія вторая.

§ 136—114. § 137—120. § 138—123. § 139—128.
§ 140-аго вовсе нѣтъ. § 141—133. § 142—137. § 143—140.
§ 144—142.

Стадія третья.

§ 145—145. § 146—148. § 147—157. § 148—159.
§ 149—161. § 150—165. § 151—168. § 152—177. § 153—
183. § 154—186. § 155—187. § 156—207. § 157—208.
§ 158—210. § 159—212. § 160—216. § 161—219. § 162—
225. § 163—228. § 164—233. § 165—235. § 166—239.
§ 167—242. § 168—245. § 169—252. § 170—254. § 171—
257. § 172—260. § 173—262. § 174—264. § 175—269.

Статья третья.

Совмѣстное обозрѣніе главныхъ явленій сомнамбулизма
во всѣхъ стадіяхъ и разныхъ его формахъ.

§ 176—271. § 177—277. § 178—279. § 179—286.

Отдѣленіе восьмое.

Теорія общаго и сенсильнаго сомнамбулизма.

§ 180—291.

Статья первая.

Физиологическое изъясненіе бдящей и спящей жизни въ
человѣкѣ.

§ 181—295. § 182—297. § 183—302. § 184—305.
§ 185—308. § 186—314.

Статья вторая.

Изложеніе сомнамбулизма въ настоящемъ его значеніи.

§ 187—317. § 188—320. § 189—323. § 190—326.
§ 191—333. § 192—341. § 193—343. § 194—344, § 195—
346. § 196—349. § 197—351. § 198—353.

Статья третья.

Необыкновенное тѣлесное движеніе, чувственная дѣятель-
ность и мысленная способность въ сомнамбулическомъ со-
стояніи человѣка.

§ 199—355. § 200—361. § 201—370. § 202—376.
§ 203—381. § 204—383. § 205—390. § 206—397. § 207—
401. § 208—406. § 209—409. § 210—413.

Статья четвертая.

Магнитное усыпленіе и пробужденіе, судороги, галлюци-
націи, сомнамбулическое изступленіе, каталептическое омерт-
веніе и вампиризмъ.

§ 211—419. § 212—423. § 213—427. § 214—431.
§ 215—437. § 216—441. § 217—446. § 218—450. § 219—
453. § 220—457. § 221—459. § 222—463. § 223—471.
§ 224—474.

Статья пятая.

Общее физиологическое понятие о животномъ магнитизмѣ.
§ 225—477. § 226—481. § 227—489. § 228—508.

Отдѣленіе девятое.

Рациональное лѣченіе болѣзней животнымъ магнитизмомъ.
§ 229—527. § 230—530.

Лѣченіе, производимое съ совѣдѣніемъ врачающаго.

§ 231—533. § 232—536. § 233—538. § 234—545.
§ 235—548. § 236—549. § 237—556. § 238—559. § 239—
560. § 240—564. § 241—570. § 242—574. § 243—582.
§ 244—587. § 245—589.

Отдѣленіе десятое.

Правила, относящіяся къ употребленію животнаго магнитизма при лѣченіи болѣзней.

§ 246—594. § 247—596. § 248—600. § 249—603.
§ 250—605. § 251—606. § 252—609. § 253—611. § 254—
613. § 255—617. § 256—622. § 257—626. § 258—628.
§ 259—631.

Отдѣленіе одиннадцатое.

Опыты и вѣрныя наблюденія надъ врачевнымъ дѣйствіемъ животнаго магнитизма при лѣченіи болѣзней въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

I

Дѣйствіе животнаго магнитизма надъ четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ И. Я., страдавшимъ 10 лѣтъ золотушными язвами.

II

Исторія болѣзни, не уступавшей обыкновеннымъ фармацевтическимъ средствамъ, а излѣченной животнымъ магнетизмомъ.

III

Дѣйствіе животнаго магнетизма надъ больною Д. въ Архангельскѣ.

IV

Исторія идіосомнамбулизма, какъ болѣзни, основанной на врожденномъ въ ней расположеніи и уничтоженной теллюрическою силою.

Для того, чтобы ознакомить читателя съ этимъ неизданнымъ произведеніемъ славнаго медика-философа, приведемъ нѣкоторыя изъ него отрывки, и прежде всего—предисловіе.

Предисловіе.

Внѣшнія явленія неорганической природы и органическаго міра каждому простому человѣку ощутительны, но внутреннія происшествія оныхъ весьма не многимъ изъ образованныхъ и ученыхъ людей извѣстны. Причина сего невѣдѣнія находится въ самомъ образованіи и ученіи, основанномъ на общественныхъ предубѣжденіяхъ и закоренѣлыхъ обычаяхъ народа, живущаго въ низшей области тѣлесныхъ чувствъ, и не восходящаго въ высшую сферу умственныхъ понятій. Безпредѣльное и вѣчное Начало всего, дѣйствующаго во времени и пребывающаго въ пространствѣ, не подлежитъ чувственнымъ изысканіямъ, а является только умственному созерцанію, какъ идеальная возможность и реальная дѣйствительность, которыя будучи между собою противоположны, одна безъ другой состоять не могутъ; ибо возможное является только въ дѣйствительномъ, а дѣйствительное пребываетъ по силѣ возможнаго. Въ идеальной сферѣ образуется безпредѣльная возможность, а въ реальной области представляется ограниченная дѣйствительность, какъ духъ и тѣло, коихъ одинакая сущность составляетъ жизнь, оказывающуюся дѣйствіемъ и бытіемъ вещей.

Природа есть произведеніе всеобщей жизни, дѣйствующей въ качествѣ творящаго духа и пребывающей въ свойствѣ зиждимой матеріи. Всѣ живыя существа и бездушныя вещества произведены одною и тою-же абсолютною жизнью; только пер-

выя образовались по преимущественной силѣ идеальнаго дѣйствія, а послѣднія произошли въ перевѣсномъ значеніи реальнаго бытія. По идеальному и реальному значенію всеобщей жизни, всѣ ея произведенія существуютъ въ двоякомъ видѣ: какъ безпредѣльная идеальная сущность, являющаяся въ ограниченной реальной формѣ, и преходящая форма, образуемая по идеѣ вѣчной сущности. На семъ основана полярность всѣхъ динамическихъ, органическихъ и психическихъ дѣйствій и качественное содержаніе вещественныхъ предметовъ.

Въ универсальномъ мірѣ солнечный свѣтъ представляетъ идеальную внутреннюю сущность, а планетная тяжесть показываетъ реальную внѣшнюю форму; и Солнце, занимающее центръ, противоположно планетѣ, находящейся въ периферіи Всемірной Сферы.

По центральному и периферическому содержанію, общій неорганическій міръ состоитъ изъ Солнца, планеты и элементовъ: воздуха, воды и земли. Органическій міръ, противоположный неорганическому, образовался въ параллельномъ съ нимъ содержаніи.—Растенія сходствуютъ съ элементами, животныя сообразны планетѣ, а человѣкъ равнозначителенъ Солнцу; и какъ планета съ элементами относится къ Солнцу, такъ животныя съ растеніями содержатся къ человѣку.

Вещественное качество и дѣятельное свойство общаго неорганическаго міра зависятъ отъ формальной противоположности и существеннаго единства, въ сферическомъ его содержаніи. Солнце, занимающее центръ Всемірной Сферы, освѣщаетъ и согрѣваетъ планету, пробѣгающую круговой периферическій ея путь и обращающуюся на своей оси, отъ чего происходятъ времена года и суточная перемѣна дня и ночи. Человѣческій организмъ, равный универсальному міру, дѣйствуетъ и пребываетъ по противоположнымъ свойствамъ душевной его сферы и тѣлесной области, на коихъ основывается бдѣніе и сонъ, продолжающіеся попеременно во всю жизнь организма.

Бдѣніе, принадлежащее душевной сферѣ, составляетъ день, а сонъ, относящійся къ тѣлесной области, есть ночь органическаго міра. Свѣтъ есть образованіе внутренней, *центральной* сущности во внѣшней, периферической формѣ, а тьма представляетъ *периферическую* форму въ центральной сущности; и бдѣніе организма равнозначительно дневному свѣту, а сонъ подобенъ ночной тьмѣ. При бдѣніи центръ органическаго существа образуется въ периферію, какъ *внутреннее субъективное* въ *наружное объективное*, а во свѣ периферія представляется центромъ, какъ *внѣшній объектъ* во *внутреннемъ субъектѣ*.

Бдѣніе принадлежитъ душевной, идеальной сферѣ, а сонъ относится къ тѣлесной, реальной области органической жизни человѣка, переходящей въ бдѣніи и во снѣ, какъ въ противоположныхъ періодахъ ея теченія, равнаго суточному обороту планеты, гдѣ день и ночь смѣняются взаимно, и на одной ея гемисферѣ господствуетъ день, а на другой, противоположной, обладаетъ ночь. Бдящее состояніе человѣка противоположно спящему. Въ бдѣніи чувства дѣйствуютъ съ совѣдѣніемъ, понятіе образуется сужденіемъ, а дѣянія располагаются волею; но во снѣ наружныя чувства бездѣйственны, а изъ внутреннихъ психическое ощущеніе занимается одними произведеніями своей фантазій, безъ познавательнаго размышленія и дѣятельной воли. По сему бдящая жизнь содержится къ спящей такъ, какъ дневной свѣтъ къ ночной тьмѣ, или положительное къ отрицательному, гдѣ онѣ, будучи противоположными, не уничтожаютъ себя взаимно, но одна безъ другой также не дѣйствительны, какъ центръ безъ периферіи, а периферія безъ центра не составляютъ математическаго круга. Центръ животнаго организма составленъ изъ нервовъ, а периферія устроена изъ сосудовъ; и въ нервахъ происходитъ животная организація, сродная солнечному свѣту, а въ сосудахъ—растительная, свойственная земной тяжести.

Свѣтъ представляетъ идеальный принципъ центра, тяжесть показываетъ реальное начало периферіи, а живое тѣло изъясняетъ существенную одинаковость идеальнаго съ реальнымъ. По сему жизнь организма состоитъ въ нераздѣльномъ единствѣ свѣта съ тяжестью, и живое существо различается отъ бездушнаго вещества тѣмъ, что въ первомъ бытіе съ дѣйствіемъ нераздѣльно, но въ послѣднемъ бытіе показывается матеріею, а дѣйствіе обнаруживается свѣтомъ, какъ раздѣльными видами существованія. Живое существо есть организмъ, какъ универсальный міръ въ индивидуальномъ образованіи, гдѣ центральное, периферическое и радіональное содержаніе находится совместно. Человѣческій организмъ, какъ внутренній индивидуальный міръ, равенъ внѣшнему универсальному, состоящему изъ Солнца, планеты и элементовъ. Нервная его система однозначительна съ Солнцемъ, кровеносные сосуды равнокачественны Земной Планетѣ, а клѣтчатый составъ сообразенъ элементамъ, и три системы организма: сенсильная, ирритабельная и репродуктивная образовались по значенію трехъ областей внѣшняго неорганическаго міра: солнечной, планетной и элементной.

Общая сфера Солнечной Системы устроена органическимъ образомъ, по которому периферическія планеты находятся въ опредѣленномъ содержаніи къ центральному Солнцу. Животный организмъ, устроенный изъ центра и периферіи его состава, равенъ цѣлой сферѣ общаго міра. Неорганическое вещество твердое, жидкое и газоупругое остается каждое при своемъ качествѣ, какъ въ большой массѣ, такъ и въ малѣйшихъ доляхъ; но органическое тѣло можетъ только пребывать въ его цѣлости, устроенной изъ твердаго, жидкаго и газоупругаго состава. Органическій міръ содержится къ неорганическому, какъ внѣшняя периферія къ внутреннему центру круга, и одинъ другому противоположенъ въ ихъ строеніи и дѣйствіи, хотя оба произведены одною и тою-же жизненною силою природы.

Неорганическое вещество производится магнитнымъ, электрическимъ и химическимъ процессомъ, а органическое тѣло живетъ сенсильнымъ, ирритабельнымъ и репродуктивнымъ дѣйствіемъ. Гальванизмъ, составленный изъ магнетизма, электризма и химизма, есть тоже самое, что и организмъ, состоящій изъ сенсильной, ирритабельной и репродуктивной системы; но гальваническое дѣйствіе, производящее бездушныя вещества, устремлено наружу, а органический процессъ, творящій живое существо, направленъ внутрь. Мертвое произведеніе гальванизма противоположно живому составу организма, какъ наружное внутреннему. Всѣ качества бездушной матеріи суть наружныя, испытываемыя внѣшними чувствами; но внутреннее свойство живаго тѣла не подлежитъ никакому чувственному изслѣдованію.

Атомистическая Физика и эмпирическая Физиологія, изслѣдывающія органической и неорганической міръ въ однѣхъ наружныхъ формахъ, не подаютъ истиннаго понятія о внутренней ихъ сущности, которая въ обыкновенномъ физическомъ ученіи остается совершенно неизвѣстною. Безъ умозрительнаго понятія, открываемаго въ *трансцендентальной Философїи*, никакое происшествіе въ физической и психической жизни человѣка, въ идеальномъ его значеніи изъяснено быть не можетъ. Посему животный магнетизмъ, какъ болѣзненное состояніе натурального сна, привадежащаго ночной жизни человѣка, при столь частыхъ и чудныхъ его явленіяхъ, остается непостижимъ для эмпирическихъ физиологовъ и патологовъ, которые, довольствуясь поверхностнымъ ихъ знаніемъ, либо вовсе не признаютъ очевидныхъ явленій сомнамбулизма, либо понимаютъ оныя только въ суевѣрномъ смыслѣ простыхъ людей. Въ душѣ человеческой, какъ идеальномъ универсѣ, исключается (?) вся система общаго міра. Свѣтлая Солнечная Сфера принадлежитъ духу, а темная Земная Область свойственна тѣлу человѣка, который во всю свою жизнь пребываетъ попеременно то въ ясной обители духа, то въ мрачной юдоли тѣла. Соляр-

вая жизнь человѣка проходитъ въ бдѣніи, а теллюрическая протекаетъ во снѣ, кои столько же между собою различны, сколько день не сходствуетъ съ ночью. Причина бдѣнія и сна въ организмѣ также неизвѣстна, какъ дневное и ночное состояніе Земного Міра непонятно, ибо хотя попеременное теченіе дня и ночи зависитъ отъ суточного оборота земли на ея оси, однако, самый оборотъ никакими гипотезами изъяснитьъ быть не можетъ. Въ бдѣніи всѣ дѣянія человѣка совершаются по его волѣ и съ сознаниемъ, но во снѣ происходятъ произвольно и безъ всякаго о нихъ соствѣдія.

Сомнамбулизмъ, какъ опредѣленный видъ животнаго магнетизма, есть измѣненный натуральный сонъ, въ которомъ всѣ дѣйствія сомнамбула зависятъ отъ воли его магнетизера. Животный магнетизмъ извѣстенъ былъ уже съ древнѣйшихъ временъ, и магическая его сила употреблялась и нынѣ употребляется какъ въ добрую, такъ и въ худую сторону человѣческихъ дѣйствій. Лѣченіе болѣзней у древнихъ народовъ производимо было животнымъ магнетизмомъ, по которому также возвѣщали оракулы будущія произшествія. И теперь оказываетъ онъ чудное дѣйствіе въ излѣченіи болѣзней, не уступающихъ никакимъ фармацевтическимъ средствамъ. Но шарлатаны, фигляры и чародѣи употребляютъ оный во зло и къ произведенію обманчивыхъ и вредныхъ своихъ дѣйствій.

Со времени Месмера, отъ половины прошлаго столѣтія, во Франціи и Германіи лѣченіемъ посредствомъ животнаго магнетизма занимались многіе врачи и другія лица, имѣвшія особливую къ тому способность. Различныя опыты и вѣрныя наблюденія надъ животнымъ магнетизмомъ описаны во многихъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ, однако, не излагается теоретически чудное сіе произшествіе органической природы. Всѣ магнитныя дѣйствія производимы были по однимъ народнымъ преданіямъ и чувственнымъ побужденіямъ. Самые сильные магнетизёры были простые люди, особливо

чувствительные и благонравные; но сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности животнаго магнетизма не могли дѣйствовать онымъ успѣшно.

Изъ многихъ новѣйшихъ писаній о животномъ магнетизмѣ, *Кизерова Система Теллуризма* (System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus, Jena, 1822.) имѣеть значительное преимущество. Профессоръ *Кизеръ*, издатель *Журнала о животномъ магнетизмѣ* (Archiv für den thierischen Magnetismus), собравъ вѣрныя показанія опытовъ и наблюденій надъ магнитнымъ лѣченіемъ, произведеннымъ знаменитѣйшими магнетизерами въ Европѣ, сличилъ оныя съ древними и новыми о томъ преданіями, и составилъ свою *Систему Теллуризма*, основанную на извѣстныхъ нынѣ физиологическихъ понятіяхъ. Этою системою руководствовался я наиболѣе при составленіи моего сочиненія, для котораго взяты также матерьялы и изъ разныхъ достовѣрныхъ повѣствованій о животномъ магнетизмѣ. Кромѣ того, помѣщены здѣсь опыты и наблюденія надъ магнитнымъ лѣченіемъ болѣзней, произведеннымъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Занятіе сіе было для меня весьма затруднительно! Въ немощномъ состояніи поврежденнаго моего зрѣнія, принужденъ я былъ пользоваться глазами другихъ лицъ. Жена моя читала мнѣ нѣмецкія и французскія повѣствованія о семъ предметѣ и писала диктованное мною изъ оныхъ, а нѣкоторые изъ бывшихъ слушателей физиологическихъ моихъ лекцій въ Академіи разсматривали составленныя мною статьи, и пособляли мнѣ исправлять и приводить оныя въ надлежащій порядокъ.

Важность и польза сего сочиненія должны быть извѣстны любознательнымъ естествоиспытателямъ и врачамъ, понимающимъ сущность человѣческаго организма, коего тѣлесная и душевная сфера измѣняется столь часто по вліянію животнаго магнетизма.

Человѣкъ существуетъ въ четырехъ видахъ его образо-

ванія: въ механическомъ, динамическомъ, органическомъ и психическомъ, которые подвержены особливимъ измѣненіямъ и поврежденіямъ нормальнаго ихъ состоянія, свойственнымъ каждому виду и требующимъ особыхъ способовъ къ ихъ исправленію. Механическое разстройство исправляется хирургическимъ способомъ, динамическое врачуется фармацевтическими средствами, органическое испѣляется животнымъ магнитизмомъ, а психическое поврежденіе требуетъ соотвѣтственнаго ему духовнаго лѣченія. Посему всё содержаніе медицинскаго ученія раздѣляется на *хирургію*, *фармацевтическую терапію*, *магнитное врачеваніе* и *психиатрію*. Изъ всѣхъ частей врачебной науки, одна *хирургія* воздѣлана до потребнаго совершенства, а въ другихъ нѣтъ еще и начальнаго основанія къ раціональному познанію. Фармацевтическая терапія находится въ мрачномъ хаосѣ, гдѣ ничего опредѣлительнаго видѣть не можно, и внутреннія болѣзни врачуются только по припадкамъ больныхъ и названіямъ лѣкарствъ. Лѣченіе животнымъ магнитизмомъ, столь употребительное съ давнихъ временъ у простаго народа, практическимъ врачамъ вовсе неизвѣстно потому, что въ систематической врачебной наукѣ, животный магнитизмъ не удостоивался быть помѣщеннымъ между ея предметами. Но теперь начали понимать значеніе онаго, и въ лучшихъ практическихъ сочиненіяхъ, животный магнитизмъ предлагается какъ послѣднее, надежнѣйшее средство къ излѣченію упорнѣйшихъ болѣзней.

Сила, дѣйствующая въ магнитѣ и желѣзѣ, есть та самая, которою производится спѣвленіе въ твердыхъ неорганическихъ веществахъ и плотный составъ органическихъ тѣлъ. Магнитное дѣйствіе въ животномъ организмѣ названо животнымъ магнитизмомъ по его сходству съ дѣйствіемъ минеральнаго магнита. Оно происходитъ въ каждомъ бездушномъ веществѣ и живомъ существѣ, но по качественному различію тѣлъ, оказывается различнымъ, хотя во всякомъ особомъ тѣлѣ дѣйст-

вуетъ одна и та-же общая сила цѣлой Земной Планеты. Магнитный процессъ въ минеральномъ веществѣ и животный магнитизмъ въ человѣческомъ организмѣ для атомистическихкихъ физиковъ и эмпирическихкихъ физиологовъ непостижимы, и современное значеніе оныхъ открывается только умозрительному понятію, которое столько-же споспѣшествовало изслѣдованію тѣлесной области, сколько послужило и къ объясненію душевной сферы существа человѣческаго.

За тридцать лѣтъ предъ симъ, животный магнитизмъ въ русской медицинской литературѣ вовсе почти не былъ извѣстенъ. Сочиненіе Берлинскаго профессора *Клуге* о животномъ магнитизмѣ, гзданное мною въ 1818 году, было первое, и одно только на русскомъ языкѣ, но оно, по нынѣшнему свѣдѣнію о семъ предметѣ, весьма недостаточно и не содержитъ въ себѣ пятой доли того, представленнаго здѣсь сочиненія, которое по своей полнотѣ и точности можетъ удовлетворить самому строгому требованію. Немногіе сомнѣваются теперь въ животномъ магнитизмѣ, и только закоренѣлый педантизмъ эмпирическихкихъ врачей и атомистическихкихъ физиковъ, не понимающихихъ значенія магнитизма, не признаетъ дѣйствительности онаго. Познаніемъ животнаго магнитизма изясняются многія физическія и психическія свойства человѣка, зависящія отъ его темперамента и тѣлосложенія, въ которыхъ болѣе или менѣе участвуетъ и животный магнитизмъ, составляющій теллурическую или ночную жизнь человѣческаго организма, измѣняемаго по оному какъ въ здоровомъ, такъ и болѣзненномъ его состояніи. Посему основательное физиологическое изложеніе животнаго магнитизма можетъ принести существенную пользу врачамъ, психологамъ и педагогамъ, какъ блюстителямъ тѣлеснаго здравія и назидателямъ душевнаго образованія людей.

Къ этому присоединяемъ еще 3 § изъ I-го тома рукописи.

Отдѣленіе второе.

Главныя положенія о содержаніи общаго міра, послѣдствіе изъ оныхъ и опредѣленіе животнаго магнетизма въ собственномъ его значеніи.—

§ 12.

Физиологическіе законы, на которыхъ основанъ животный магнетизмъ, суть слѣдующіе:

1). Всѣ вещи въ цѣломъ содержаніи общаго міра суть живыя и органическія; онѣ движутся во времени, образуются въ пространствѣ и составляютъ главныя части высшаго цѣлаго, какъ его органы; но однѣ по себѣ суть живые организмы болѣе или менѣе самостоятельны и недѣлимы. Посему онѣ съ одной стороны относятся къ общему цѣлому, а съ другой къ самимъ себѣ, и первое отношеніе оказываетъ стремленіемъ ихъ въ общему содержанію міра, а второе усиліемъ въ сохраненію своей индивидуальности.

2). Двѣ особыя вещи, соприкасаясь между собою, дѣйствуютъ взаимно, по усилію каждой удержатъ свою самостоятельность. Здѣсь одна вещь, сохраняя себя, усиливается уничтожить другую, или превратить ее въ свое качество. Изъ двухъ оныхъ дѣйствій происходитъ третье, какъ жизненный

процессъ, въ которомъ одно дѣйствіе оказывается начальствующимъ или положительнымъ, а другое подчиненнымъ или отрицательнымъ. Таковое взаимное содержаніе двухъ вещей называется полярнымъ, а совмѣстная цѣлостъ двухъ оныхъ дѣйствій именуется органическимъ жизненнымъ процессомъ.

3). Поелику никакая вещь не состоитъ одна по себѣ, но каждая находится въ совмѣстїи съ другою, то особыя вещи содержатся вездѣ между собою полярными, какъ въ величайшей, такъ и въ малѣйшей сферѣ всеобщей жизни міра, и взаимное дѣйствіе оныхъ составляетъ особый жизненный процессъ.

4). Какъ всякая вещь пребываетъ только во взаимномъ дѣйствїи съ другою, то всѣ вещи образуются въ пространствѣ и происходятъ во времени жизненнымъ процессомъ, подобнымъ органическому полярному. Въ солнечной системѣ міра, солнце и земля содержатся между собою противоположными, и первое дѣйствуетъ положительно, а вторая—отрицательно. По таковому содержанію небесныхъ тѣлъ, земля оборачивается на своей оси и протекаетъ вокругъ солнца.

5). Всякое дѣйствіе совершается движеніемъ въ пространствѣ и образованіемъ во времени, но движеніе усиливается и ослабляется попеременно, отъ чего и происходитъ періодическое различіе въ дѣйствїи вещей. При взаимномъ дѣйствїи солнца и земли, *солярная* и *теллурическая ихъ сила* возвышается и упадаетъ попеременно. Отъ сего при обращенїи земли вокругъ солнца, зависитъ ея приближеніе (*perihelium*) и отдаленіе (*aphelium*), а при оборотѣ на ея оси происходитъ день и ночь.

6). Содержаніе между особыми вещами равно содержанію между солнцемъ и землею, ибо всякое частное бытіе основано на законѣ общаго существованія. Каждый организмъ, какъ цѣлый жизненный процессъ, заключаетъ въ себѣ содержаніе всего общаго міра и всѣ произведенія полярной дѣятельности

между солнцемъ и землею, являющіяся подъ видомъ лѣта и зимы, дня и ночи, происходятъ въ каждомъ особомъ организмѣ.

Каждый жизненный процессъ во времени имѣетъ определенное содержаніе положительной и отрицательной дѣятельности и происходитъ періодически съ преимущественною силою той, либо другой. Посему органическая жизнь чловѣка и животныхъ протекаетъ въ двустороннемъ направленіи: съ одной стороны восходитъ она отъ начала до конца ея развитія, а съ другой нисходитъ отъ совершеннаго образованія до послѣдняго разрушенія организма.

Но особенность органической жизни въ пространствѣ оказывается полярнымъ содержаніемъ органовъ тѣла, развивающихся въ противоположномъ направленіи, и которыхъ взаимное дѣйствіе производитъ жизненную перемѣну во времени.

7). Всѣ существа и вещества земного міра представляютъ начальную полярность жизни, и одніе произошли въ свойствѣ *солярной*, а другія образовались въ качествѣ *теллурической стороны* общаго міра. Посему каждый особый организмъ устроенъ изъ противоположныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи.

§ 13.

На сказанныхъ положеніяхъ основано понятіе о сущности животнаго магнетизма, который состоитъ въ дѣйствіи, проведенномъ взаимнымъ напряженіемъ двухъ организмовъ, слиящихся въ преобладанію одного надъ другимъ. Здѣсь *теллурическая сила* господствуетъ надъ *солярною* и, представляя все содержаніе земли, дѣйствуетъ положительно.

Въ магнитномъ дѣйствіи между двумя тѣлами, дѣйствующая сила имѣетъ *теллурическое качество* съ положительнымъ

вліяніемъ. Всѣ жизненные процессы, происходящіе по закону полярности, сходятся между собою; но животно-магнитный процессъ совершается противнымъ образомъ; ибо сила онаго, будучи *теллорической*, дѣйствуетъ въ качествѣ *солярной*. Магнитное дѣйствіе есть жизненный процессъ, произведенный въ магнитизируемомъ организмѣ для возбужденія въ немъ сомнамбулизма.

Вліяніе солнца на землю противоположно магнитному процессу, и при взаимномъ дѣйствіи всѣхъ земныхъ тѣлъ, *солярная сила* уничтожаетъ *теллорическую*. Но *теллорическая сила*, въ ея перевѣсѣ надъ *солярной*, равна магнитной и однородна съ нею. Ночь дѣйствуетъ магнитнымъ образомъ, а день противоположнымъ оному способомъ. Но дѣйствіе другихъ планетъ на землю должно сходствовать съ теллорическимъ, ибо планеты однородны съ землею. Луна, какъ часть земли, дѣйствуетъ также магнитнымъ образомъ и производитъ *сомнамбулизмъ лунатиковъ*.

Животно-магнитный процессъ относительно въ другимъ дѣйствіямъ на землѣ есть универсальная дѣятельность, заключающая въ себѣ всё содержаніе земного процесса. Другой общій процессъ на землѣ, въ которомъ *солярная сила* преимуществуетъ надъ *теллорической*, противоположенъ магнитному. Дѣйствіе, производящее свѣтъ и теплоту, сходствуетъ наиболѣе съ оными процессами. Но свѣтъ, какъ эфирное напряженіе, между солнцемъ и землею, имѣетъ положительное свойство, а теплота, произведенная на землѣ, есть отрицательнаго качества. Посему дѣйствіе свѣта противоположно магнитному, а теплота дѣйствуетъ въ качествѣ послѣдняго.

Въ дѣтородномъ актѣ мужескій полъ имѣетъ производящую, *солярную силу*, а женскій—рождающую, *теллорическую способность*, и мужчина содержится къ женщинѣ такъ, какъ солнце къ планетѣ. Женщина по *теллорическому* ея качеству

дѣйствуетъ сильнѣе въ магнитномъ процессѣ, нежели мужчина, имѣющій *соллярное* свойство.

Сонъ однозначителенъ съ магнетизмомъ, и спящій человекъ магнетизируетъ сильнѣе, нежели бдящій. Въ сферѣ психической жизни, познаніе противоположно чувствованію, какъ *соллярная* область *теллорической*, посему чувствующій мечтатель имѣетъ большую магнитную силу, нежели понимающій мыслитель.

§ 14.

Животно-магнитное дѣйствіе называютъ еще магнитнымъ кругомъ; поелику два организма, дѣйствующіе между собою взаимно, какъ положительный и отрицательный, составляютъ цѣлый органическій процессъ. Въ семъ кругѣ дѣйствія, магнетизирующій имѣетъ положительную, начальствующую силу, а отрицательная, подчиненная принадлежитъ магнетизируемому организму, и жизненный процессъ послѣдняго дѣйствуетъ въ качествѣ перваго, которое отъ одного организма переходитъ къ другому. Таковая взаимность между магнетизирующимъ и магнетизируемымъ организмомъ составляетъ *магнитное сношеніе* (гаррот).

Дѣйствіе магнетизера по его количеству есть положительное, начальствующее, а по качеству отрицательное, подчиненное; но сомнамбулъ какъ по количеству, такъ и по качеству своего дѣйствія имѣетъ *отрицательную, теллорическую силу*.

По количеству дѣйствующихъ силъ, солнце и земля находятся въ магнитномъ отношеніи; гдѣ солнце, какъ магнетизеръ, дѣйствуетъ положительно, а земля, какъ сомнамбулъ, имѣетъ отрицательное дѣйствіе. Въ магнитномъ кругѣ земли и луны первая дѣйствуетъ положительно, а вторая—отрицательно. При магнитномъ сношеніи человекъ съ землею и луною,

человѣка, а подавно магнитизмъ (стр. 42). Умозрительное понятіе, какъ указываетъ Велланскій, столько же споспѣствовало изслѣдованію тѣлесной области, сколько послужило къ объясненію душевной сферы существа человѣческаго. Наконецъ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что познаніемъ животнаго магнитизма (какъ оккультной природы человѣка вообще) изясняются многія свойства человѣка (стр. 46), такъ что основательное изложеніе его весьма полезно не только для врачей, но и для психологовъ, и для педагоговъ.

II.

А. Н. Радищевъ, какъ философъ.

О если то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить!..

....Кончины узримъ всѣ чертогъ,
Объять кровавыми струями:
Предъ вѣкомъ смерть сулилъ намъ Богъ;
Ея вершится все устами
Въ мѣрѣ семъ..

....Я, если прегрѣшилъ,
Законъ я Твой искалъ, въ душѣ
Тебя любилъ:
Не колебаяся, на вѣчность я взираю.
(Изъ стихотвореній Радищева).

„Литературная извѣстность Радищева создана его „Путешествіемъ“. „Всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, опередившемъ свой вѣкъ, основываются, главнымъ образомъ, на „Путешествіи“ (и на трудахъ въ законодательной комиссіи)“, справедливо замѣчаетъ его біографъ, *М. И. Сухомлиновъ* ¹⁾.

¹⁾ Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, СПб, 1889, стр. 541 и 616.

Имя Радищева такъ тѣсно связано съ его „Путешествіемъ“, что почти всѣ пишущіе и писавшіе о немъ (исключая Пушкина) какбы позабываютъ о существованіи его другихъ, довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній и основываютъ свою характеристику, преимущественно, лишь на одной этой знаменитой книгѣ. 6 томиковъ другихъ его сочиненій представляютъ собою еще совсѣмъ неразработанный историко-литературный матеріалъ.

Ни общественное, ни историко-литературное значеніе Радищева еще не установлено. Историки литературы либо забываютъ его, либо отдѣляются нароку строчекъ. А между тѣмъ и въ русской, да, пожалуй, и во всей европейской литературѣ трудно указать много такихъ типическихъ и крупныхъ представителей сентиментализма, какъ именно Радищевъ.

Оставляя въ сторонѣ „Путешествіе“, надъ которымъ тяготѣетъ до сихъ поръ такая неблагоприятная судьба, мы найдемъ много интереснаго и поучительнаго въ его прочихъ сочиненіяхъ, какъ справедливо указывалъ *Пушкинъ*, впервые пытавшійся сказать о Радищевѣ нѣсколько словъ, и негодовавшій на пропускъ Радищева въ обзорахъ литературы, *Пушкинъ*, видѣвшій (въ началѣ) свои права на безсмертіе въ томъ, что „вслѣдъ Радищеву возславилъ свободу“.

Мы не станемъ излагать біографію А. Н. Радищева,— и за подробностями его внѣшней жизни отсылаемъ къ монографіи *М. И. Сухомлинова* „А. Н. Радищевъ“¹⁾, являющейся до сихъ поръ самою полною и самою лучшею.

Въ настоящемъ этюдѣ мы намѣрены заняться философскимъ произведеніемъ Радищева. Какъ извѣстно, многосторонній Радищевъ написалъ большой и почтенный философскій трудъ,—одно изъ первыхъ оригинальныхъ философскихъ про-

¹⁾ Тамъ же, стр. 541—671.

изведеній на русскомъ языкѣ въ XVIII вѣкѣ. Этой стороны дѣятельности Радищева, сколько я знаю, никто еще не касался.

Упомянутый трудъ есть разсужденіе „*O человекѣ, о его смертности и безсмертіи*“, занимающее II и III томики въ „Собраніи оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева“: часть вторая и часть третья, М. въ типографіи Платона Бекетова, издженіемъ издателей. 1809. „Друзьямъ моимъ“. Эпитаграфъ *Le tems present est gros de Ravenir. Leibnitz*. Книга первая. Начато 1792 года, января 15. Илимскъ. Ч. II—2 титула + текстъ 5—108 + титулъ о человекѣ etc. книга вторая + стр. 111—194. Ч. III. 2 титула (книга третья) + 5—94 + титулъ (книга четвертая) + 97—151. Печатано: „Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета“. Форматъ: 12.

Въ виду того, что сочиненіе издано послѣ смерти наследниками Радищева, и самъ авторъ, повидимому, не придавъ своему произведенію окончательной формы (попадаютъ даже конспекты мыслей вмѣсто изложенія, какъ увидимъ ниже, напр., стр. 99—100, 132 и др.), то нѣкоторые мѣста редакцированы дурно и неправильно.

Прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію съ трудомъ Радищева, необходимо рассмотретьъ ходъ его философскаго образованія. Радищевъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей въ Европѣ конца XVIII в. Онъ зналъ съ одинаковою шириною и глубиною взгляда социальныя, юридическія, какъ и естественныя науки; къ этому надобно присоединить еще отличное знаніе литературъ европейскихъ и литературы отечественной. Своими знаніями Радищевъ былъ обязанъ какъ заграничнымъ занятіямъ въ Лейпцигѣ, такъ и неустанному собственному труду. Интересно, какъ, гдѣ и подъ чьимъ руководствомъ онъ изучалъ философію.

Первоначальное образованіе Радищевъ получилъ въ Россіи. Дома онъ учился по Часослову и Псалтири, потомъ у француза (бѣглаго солдата). Зато, когда онъ перешелъ въ домъ своего родственника Мих. Фед. *Арамакова*, А. Н. воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми подъ руководствомъ эмигранта, образованнаго француза, а также пользовался уроками профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Арамаковъ же записалъ его при коронаціи Еккатерины II въ пажи и отправилъ его для продолженія образованія въ Пажескій корпусъ ¹⁾.

Къ тому времени, когда Радищевъ состоялъ пажемъ, от-

¹⁾ Воспоминанія его сына *Николая Александровича Радищева*, въ «Русской Старинѣ» за 1872 г., т. VI, стр. 574.

носятся планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Герардомъ Фридрихомъ *Миллеромъ*—1765 г. Пунетъ 2-й этого плана упоминаетъ, что для обученія пажей потребенъ „учитель *философiи*, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ“¹⁾. „И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проектахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это—другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла мало утѣшительнаго“, заключаетъ Сухомлиновъ.

Второй періодъ образованія Радищева начинается съ послыки его, въ числѣ 12 другихъ молодыхъ людей для образованія въ Лейпцигскій университетъ.

Молодымъ людямъ приходилось учиться при очень сѣверныхъ условіяхъ, о чемъ подробно рассказываетъ самъ Радищевъ въ „Житіи“ своего товарища *Ушакова*, и что подтверждено официальными документами. Но русскіе студенты жили, повидимому, дружною семьей, и несмотря на различныя увлеченія, въ общемъ занимались дѣломъ. Среди нихъ особеннымъ авторитетомъ пользовался по лѣтамъ старшій *Ф. В. Ушаковъ*, служившій еще до послыки за границу чиновникомъ. Онъ бросилъ выгодную карьеру ради науки и своимъ неослабнымъ научнымъ рвеніемъ служилъ для прочихъ (особенно, для Радищева) примѣромъ. Ушаковъ интересовался философіею и въ этомъ направленіи вліялъ въ числѣ прочихъ и на Радищева.

Въ первые годы, 1767 по 1769 г. русскіе студенты обучались: *логикѣ* и т. д.²⁾

Въ 1769 г. знаменитости Лейпцигскаго университета,

¹⁾ Сухомлиновъ, стр. 543—544. Государственный Архивъ XIV, № 216.

²⁾ Тамъ же, стр. 546.

профессора *Гоммель*, *Бем* и др. составили планъ обученія русскихъ студентовъ, распредѣленный на 4 семестра, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество ¹⁾: 1) по первому и второму пункту инструкціи нужно истолковать всю *практическую философію*.

Черезъ 1½ года по прїѣздѣ нашихъ студентовъ въ Лейпцигъ отзывались объ ихъ успѣхахъ такимъ образомъ: „Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во первыхъ—старшаго *Ушакова*, а по немъ *Янова* и *Радищева*, которые превзошли чаяніе своихъ учителей“ ²⁾.

„Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ.... И такъ, когда по общему школьному обыкновенію начали насъ учить прежде всего логикѣ, то *Θ. В. (Ушаковъ)* читалъ *Арново* искусство мыслить и основаніе философіи *С' Гравезанда* и, соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истину въ средѣ различія оныхъ“ ³⁾.

¹⁾ Стр. 547.

²⁾ Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена, 29 апрѣля (10 мая) 1768 г. (Сухомлиновъ, стр. 547).

³⁾ Стр. 64,65 въ «Житіи Ушакова» (V т. ост. соч. Радищева). *Arno—L'art de penser* и *Graevenda Institutiones* (см. ниже, стр. 64).

Антуанъ Арно (1612—1694), авторъ четвертыхъ возраженій на Декартовы „Медитаціи“, составилъ (вмѣстѣ съ Николемъ) компендіи логики, служившіи учебникомъ въ *Port-Royal*.

Antoine Arnauld род. 6 февр. 1612 г. въ Парижѣ и былъ сынъ адвоката, защищавшаго въ 1594 г. въ парламентѣ Университетъ противъ іезуитовъ. Подъ вліяніемъ аббата Saint-Cyran, директора аббатства Port-Royal, Антуанъ пошелъ не по юридической, а по церковной каррьерѣ. Послѣ богословскихъ штудій Антуанъ въ 1643 г. былъ причисленъ къ докторамъ Сорбонны. Но въ томъ же году его книга *Fréquente Communion*, своею суровостью противоположавшаяся послабляющей морали іезуитовъ, навлекла на него такую ненависть, что несмотря на поддержку Университета, парламента и части духовенства, Арно принужденъ былъ скрыться бѣгствомъ. Съ этого момента жизнь Арно протекаетъ въ борьбѣ, въ преслѣдованіи, въ изгнаніи. Въ 1656 г. Сорбонна въ противность всякимъ законнымъ формамъ вычеркнула его имя изъ своихъ списковъ за поддержаніе янсенистскихъ положеній. Перемиріе между партіями въ 1668 г. доставило Арно нѣсколько лѣтъ покоя. Но уже въ 1679 г. преслѣдованія со стороны Парижскаго архіепископа Francois de Harlay, личныя опасенія Луи XIV и строгости противъ Порройяля принудили Арно покинуть родину. Онъ напрасно искалъ себѣ убѣжища въ Гентѣ, въ Брюсселѣ, въ Антверпенѣ, но, несмотря на преклонный возрастъ, болѣзни и опасность, продолжалъ писать

и бороться. Онъ умеръ въ Люттихѣ 8 августа 1694 г.— на 83 году отъ роду. По числу сочиненій, по глубинѣ богословскихъ познаній, по твердости характера и чистотѣ нравовъ Арно—одна изъ звѣздъ галликанской церкви; герой яansenisma, безстрашный противникъ иезуитовъ, точный и строгій мыслитель, онъ не отсталъ бы отъ своихъ соперниковъ и учителей— и въ философіи, если бы другія заботы, занятія и иная борьба не наполняли его жизнь и не поглотили этотъ мужественный разумъ (стр. III).

Полное собраніе сочиненій Арно вышло въ Лозаннѣ, 1775—1781 въ 42 томахъ in 4°; въ немъ нужно присоединить еще 2 тома *Traité de la Perpétuité de la Foi* и 1 томъ жизнеописанія автора.

„Логика“ Арно, появившаяся въ 1662 г., возникла вслѣдствіе взятаго Арно на себя обязательства представить учебный курсъ логики въ 3 раза меньшее время, чѣмъ 2 недѣли, въ теченіе которыхъ какой-то преподаватель научилъ логику одного изъ собесѣдниковъ Арно. вмѣстѣ съ *Nicole*’мъ Арно принялся за работу и менѣе, чѣмъ въ недѣлю, успѣло „Искусство мыслить“ для молодого герцога *H. de Chevreuse*. По свидѣтельству Расина (стр. XI, прим.), *les (2) discours* и прибавленія принадлежатъ Николю, участвовавшему и въ составленіи первыхъ частей: IV часть—о методѣ принадлежитъ одному Арно.

Французскіе ученые такъ характеризуютъ „Логикѣ“ Арно и Николая.

Логикѣ Порройяля возобновили логику Аристотеля и схоластики съ картезіанской точки зрѣнія. Ихъ славное произведеніе вышло совершенно *французскимъ*—по ясности мысли, стилю и желанію быть пріятнымъ. Книга Арно и Николая не изъята отъ предразсудковъ; она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть полемическое произведеніе. Но ихъ трудъ остается образцомъ практическаго руководства и принесъ свою долю для

освобожденія духа новаго времени. „Логика“ Порройяля распро-
странила въ публикѣ доктрины Бэкона и Декарта. „Логика
есть искусство хорошо руководить своимъ разумомъ въ по-
знаніи вещей, одинаково и чтобы самому научиться, и чтобы
научить другихъ“. Она раздѣляется на столько же частей,
сколько есть операций духа: мы можемъ понимать (*concevoir*),
судить (*juger*), разсуждать (*raisonner*) и располагать (*or-
donner*). Поэтому въ логикѣ и 4 части: 1) о идеѣ, 2) о суж-
деніи, 3) объ умозаключеніи (*raisonnement*) и 4) о методѣ ¹⁾.

Oeuvres philosophiques d'Arnauld были изданы съ введе-
ніемъ и примѣчаніями С. Jourdain'емъ, Par., 1843, и заклю-
чаютъ въ себѣ: *Objections contre les Méditations métaphysi-
ques de René Descartes* 1—18, *La logique ou l'art de penser*,
21—339 и *Des vraies et des fausses idées* 347—531.

¹⁾ *Paul Janet et Gabriel Séailles, Histoire de la philosophie. Les problé-
mes et les écoles, ч. I, III, глава III, стр. 527—528.*

Что касается другого автора, то Guillaume-Jacob S' *Graevsande*, голландскій математикъ и философъ; родивъ Воisle-Ducъ въ 1668 г., умеръ въ Лейденѣ въ 1742 г. Еще 19 лѣтъ онъ издалъ: *Essai sur la perspective*; его отчеты о современныхъ научныхъ открытияхъ и философскія диссертаціи въ *Journal de la république des lettres* обратили на него вниманіе. Въ качествѣ профессора при Лейденскомъ университетѣ онъ распространялъ идеи Галилея и Ньютона. Развивая новые методы, и пропагандируя ихъ своими ясными и удобопонятными лекціями, онъ много способствовалъ успѣхамъ физическихъ наукъ. Оптика и физика обязаны Сен-Гравезанду большимъ числомъ остроумныхъ аппаратовъ; есть, напр., кольцо (носящее его имя и), доказывающее расширеніе твердыхъ тѣлъ подъ вліяніемъ теплоты; по его идеѣ устроенъ былъ первый гелиостатъ; точно также замѣчательны его соображенія о гномоникѣ въ связи съ перспективой.

Главнѣйшіе труды Гравезанда: *Physices elementa mathematica experimentis confirmata, sive introductio ad philosophiam newtonianam* (La Haye, 1720, 2 тома in 4°); есть франц. переводъ *Joncourt*'а 1737 г. Сокращеніе этого труда: *Philosophiae newtonianae institutiones* (Лейденъ, 1723). *Introductio ad philosophiam, metaphysicam et logicam* (Лейденъ, 1736); франц. пер. Жонкура, тамъ же, 1737.

Его труды были собраны и изданы въ 2 томахъ in 4° въ Амстердамѣ въ 1774 г.: *Oeuvres philosophiques et mathé-*

matiques. Философскія воззрѣнія Гравезанда были заимствованы у Декарта, Лейбница, Локка и носили эклектическій характеръ.

„Самымъ популярнымъ профессоромъ въ Лейпцигѣ былъ Платнеръ, читавшій *философію* и физиологію. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями и въ лекціяхъ своихъ затрагивалъ соціальныя вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, сытыми и голодными и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не приучало слушателей къ строго-систематическому мышленію“¹⁾. Такъво сужденіе Сухомлинова, вѣроятно, откуда-либо заимствованное и не совсемъ справедливое. Личность Платнера настолько замѣчательна, и его преподаваніе произвело такое впечатлѣніе на Радищева (несомнѣнно, что именно Платнеру, а не кому другому обязанъ Радищевъ превосходнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, какое онъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ „О человѣкѣ“, какъ и Платнеру же обязанъ привычкой къ философскому анализу), что на немъ стоитъ остановиться.

Биографію Платнера, говоритъ историкъ нѣмецкой психологіи Max Dessoir (Dessauer), можно изобразить короче, нежели его положеніе въ исторіи психологіи²⁾. Платнеръ происходилъ изъ старой лейпцигской профессорской семьи. *Ernst Platner*, младшій сынъ *Johann Zacharias Platner'a*, родился 11 іюня 1744 въ Лейпцигѣ, учился тамъ же медицинѣ

¹⁾ Стр. 549.

²⁾ Стр. 321 въ *Geschichte der neueren deutschen Psychologie*, II Anfl. 1897, I Halbband.

съ 1762 г.; въ 1766 сталъ магистромъ, въ 1767 г. Dr. med. и доцентомъ, а въ 1770 послѣ долгаго научнаго путешествія по Франціи и Германіи экстраорд. проф. медицины при Лейпцигскомъ университетѣ. Въ 1780 г. получилъ орд. проф. физиологіи, и въ 1790 г. сталъ постояннымъ деканомъ медицинскаго факультета и оставался въ этомъ званіи до 1810 г., когда онъ сложилъ съ себя деканатъ, соединявшійся тогда со званіемъ старѣйшаго члена факультета. Деканатъ сталъ переходить между другими членами, Платнеръ же удержалъ за собою званіе prof. primarius, (какого никто не имѣлъ ни до, ни послѣ него)—до самой смерти 27 декабря 1818 г. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ учителей своего времени. Къ сожалѣнію, онъ умеръ сумасшедшимъ.

Его естественнонаучныя работы въ области медицины касались, преимущественно, антропологіи, физиологіи, судебной медицины; эти труды, по большей, части, академическія программы, собраны въ *Opuscula academica edidit C. G. Neumann*, Brln, 1824 (къ нему прил. полный указатель сочиненій Платнера, включая его переводы съ французскаго), *Quaestiones medicinae forensis* (стр. I—XLIII, Lpz. 1797—1817, нѣмецкій перев. *K. E. Hedrich*, тамъ же 1820, переиздано *Ludw. Choulant*, тамъ же, 1824, подъ заглавіемъ *Quaestiones medico-forenses et medicinae studium octo semestribus descriptum, Quaestionum physiologicarum libri duo, praeced. prooemium tripartit. de constituenda physiologiae disciplina*, ib, 1794—*Vermischte Aufsätze über med. Gegenstände*, ib, 1796, —*Vindiciarum sententiarum probabilium per systematis condendi festinationem de physiologia resectorum* (I, Fermenta, II, Calidum innatum, III, Parenchyma, IV, Appetitus naturalis—ib, 1791, 1792). и *Supplementa in Ioh. Zach. Platneri Institutiones chirurgiae* (P. I, Lpz, 1773, нѣм. пер. 1776).

О Платнерѣ писали *Wenck*, *Oratio secularis*, Lpz, 1810, стр. 71, *Denkmäler verdienstvoller Deutscher des 18. и 19.*

Jahrhunderts, 3 Bändchen, Lpz, 1829, p. 57 (съ портретомъ), *Meusel*, VI, p. 117. *Biogr. méd.*, VI, p. 434. *Dict. hist.* III, p. 725.

Читая наряду съ физиологією и философію, Платнеръ официально сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ философіи въ 1801 г., и скоро получилъ по философіи также ординатуру. Но его силы стали слабѣть, такъ что уже въ 1809 г. саксонское правительство вынуждено было пригласить въ Лейпцигъ другого профессора философіи.

Главнымъ философскимъ трудомъ Платнера являются его *Philosophische Aphorismen*, состоящія изъ двухъ частей: I.—логика и метафизика, II.—нравственная философія.

„Афорисмовъ“ вышло въ свѣтъ 3 очень отличающихся другъ отъ друга изданія: I изд., I ч.—1776, II ч.—1782; II изд., I ч. 1784, II части не выходило; III изд., ч. I.—1793, 2. II—1800. Затѣмъ интересна и важна его *Anthropologie für Aertzte und Weltweise*, I изд. 1772—1774. Переработка: *Neue A. f. Ae. u. W. Mit besonderer Rücksicht auf Physiologie, Pathologie, Moralphilosophie und Aesthetik* (только) *Erster Band*. 1790. Въ 1783 г. появился *Gespräch über den Atheismus*, въ 1795—*Lehrbuch der Logik und Metaphysik*. Послѣ его смерти были изданы *Mor. Erdmann Engel*'емъ *Vorlesungen über Aesthetik*, Zittau, 1836 Изъ психологическихъ работъ извѣстны: *Progr. II de vi corporis in memoria*, 1767, *Progr. anima quo sensu crescere dicitur*, Lips., 1768, *Progr. de natura animi quoad physiologiam etc*, 1790, *Progr., an ridiculum sit, animi sedem inquirere*, 1795 и т. п.

О философіи Платнера писалъ специально *Arthur Wreschner*, *Ernst Platners und Kants Erkenntnisstheorie mit besonderer Berücksichtigung von Tetens und Aenesidemus*, Halle, 1891 (его же статьи въ *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*), также извѣстный *Heinze*, *Ernst Platner als Gegner Kants*, Lpz, 1880 и уже упомянутый *Дессауеръ*. Эти

труды довольно хорошо освѣтили значеніе дѣятельности Платнера, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ и критиковъ Канта.

Философское направленіе Платнера ¹⁾ есть скептицизмъ, находившій себѣ точки соприкосновенія сначала (до 1781 г.) съ воззрѣніями *Лейбница*, а позднѣе *Канта*. Въ области этики онъ, какъ и большинство электиковъ-моралистовъ въ періодъ „просвѣщенія“, держался эвдемонизма, потомъ подвергся вліянію кантовыхъ воззрѣній. Этические взгляды Платнера таковы. Человѣкъ обладаетъ нравственными способностями: онѣ даютъ ему не только предписывать себѣ нравственный законъ, но и удовлетворять ему, разрешая споръ между чувственностью и требованіями нравственности въ пользу послѣднихъ. Объективнымъ назначеніемъ человѣка служить: помогать благополучію (*Glückseligkeit*) міра; человѣкъ вполне можетъ достигнуть этого, если останется вѣрнымъ своему субъективному назначенію: стать истинно добродѣтельнымъ.

Изъ наукъ теоретической философіи Платнеръ считаетъ ²⁾ самую важною—*метафизику*; но прежде всего надобно заниматься *логикою*, подъ которою онъ понимаетъ точное психологическое и критическое изслѣдованіе всей человѣческой способности познанія: сюда же входятъ всѣ изслѣдованія объ ощущеніи, представленіи, вниманіи и т. д. Здѣсь мы часто встрѣчаемся съ преобразованиемъ доктринъ Вольфа. Апперцепція объясняется 4 факторами, каковы: впечатлѣніе въ органѣ души (т. е. въ мозгу), восприниманіе (*das Auffassen*) его и превращеніе въ образъ (*Bild*), признаніе (*Anerkennen*) черезъ отнесеніе воспринятаго къ какому-либо понятію и сознаніе предмета и представляющаго субъекта. Понятіе созна-

¹⁾ Dessoir, стр. 224.

²⁾ Тамъ же, стр. 225.

нія нигдѣ не изслѣдуется. Внѣшній предметъ какбы даетъ толчокъ концу нерва („внѣшнее впечатлѣніе“) и приводитъ тѣмъ въ движеніе den *Nervengeist* (тонкую нервную матерію); послѣдняя, достигая мозга, и сообщая движеніе его нервной матеріи („второе движеніе“), производитъ „внутреннее впечатлѣніе“ (*Eindruck*), которое воспринимается душою при помощи вниманія. Разсудокъ (*Verstand*) признаётъ представленія по ихъ признакамъ, а разумъ (*Verunft*) выдѣляетъ (*auskennt*) понятія, судитъ и умозаключаетъ, убѣждаетъ и сомнѣвается. Платнеръ часто и подробно изображалъ раздраженіе чувствъ предметами, но всякій разъ измѣнялъ свои мнѣнія. Сначала *simulacra*, настоящія копии внѣшнихъ предметовъ, помѣщаются имъ въ *centrum ovale*. Потомъ онъ уже самъ считалъ физически невозможнымъ, чтобы „матеріальныя идеи памяти были фигурами и образами въ субстанціи мозга“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всетаки говоритъ объ ихъ „направленіяхъ“: если направленія противоположны, то это де обозначаетъ въ душѣ (*seelisch*) противорѣчіе.

Въ области психологіи Платнеръ вообще придавалъ большое значеніе помощи медицины и физиологіи; въ психологіи онъ причислялъ также логику, эстетику и даже большую часть этики ¹⁾.

Перемѣнчивость въ философскихъ воззрѣніяхъ Платнера объясняется могучимъ на него воздѣйствіемъ Канта, сочиненія коего были для него, какъ онъ говоритъ *Stoff zum Nachdenken und Reiz zum Widerspruch*. Но Платнера нельзя считать кантовцемъ ²⁾: онъ всегда относился къ Канту съ критикою и старался сохранить самостоятельное по отношенію къ нему положеніе. Кромѣ „Критики чистаго разума“, на

¹⁾ Dessoir, 226—227.

²⁾ Wreschner, 6.

Платнера повліяли *Philosophische Versuche Tetens'a* и *Aenesidemus G. E. Schulze* ¹⁾.

Въ похвалѣ Платнеру сходятся критики и историки различныхъ эпохъ и направлений. Знаменитый *Буле* называетъ Платнера остроумнѣйшимъ (*geistvollsten*) и ученѣйшимъ изъ новѣйшихъ философовъ и приписываетъ ему заслугу усовершенствованія психологіи и антропологіи путемъ примѣненія анатоміи и антропологіи. *Круцъ* выставляетъ на видъ громадное вліяніе его философскихъ лекцій и сочиненій, которыми онъ принесъ больше пользы для изученія философіи, чѣмъ кто-либо другой изъ философовъ. *Reinhold* очень часто имѣетъ въ виду его сочиненія. Современные рецензенты считали „Афорисмы“ классическимъ произведеніемъ „великаго и многообъемлющаго гения Платнера“ ²⁾. Наконецъ, *Гейнцъ* выхваляетъ Платнера за его глубокія познанія въ естествовѣдѣніи и за самостоятельное изученіе древности, древней и новой философіи и мѣткую психологическую наблюдательность.

Какова была личность Платнера, и какое онъ производилъ впечатлѣніе, можемъ мы судить по драгоценному свидѣтельству нашего „русскаго путешественника“ *Н. М. Карамзина*, который сохранилъ въ своихъ „Письмахъ“ воспоминаніе о Платнерѣ. Будучи въ Лейпцигѣ, онъ не преминулъ посѣтить главную тамошнюю ученую знаменитость. Платнеръ принялъ его очень любезно и ввелъ его въ свой кругъ знакомыхъ. Карамзинъ, читавшій его труды, прослушалъ его лекцію. Платнеръ хорошо помнилъ своихъ способныхъ русскихъ учениковъ, особливо, *Ридищевъ* и *Кутузовъ*; онъ старался и Карамзина убѣдить послѣдовать ихъ примѣру и основаться на нѣкоторое время въ Лейпцигѣ

¹⁾ Тамъ же, 4.

²⁾ Wreschner, 1—2.

для научныхъ штудій. Проведемъ любопытные рассказы Карамзина, цитируя ихъ по маленькому изданію *Суворина* въ „Дешевой Библиотекѣ“.

Никто изъ Лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, какъ докторъ Платнеръ, Электической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который, напр., въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ обоимъ. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. „Афоризмы“ Платнеровы весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ они служить Ариадниной нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему (15 іюля 1789 г.) Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ аллеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ—высокій, сухощавый человекъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста“ сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперъ занятъ“, продолжалъ онъ: „мнѣ надобно писать письма, завтра, въ этотъ часъ, прощу васъ къ себѣ“ и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ.

„Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?“ спросилъ онъ.

„Изящнымъ“, отвѣчалъ я, и покраснѣлъ,—знаю, отъ чего,—можетъ быть и вы, друзья мои, знаете (стр. 115).

Нынѣ (іюля 16) поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть наука вкуса. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая—

оставляя Логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка—занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться въ залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи.

Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго, кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ особливую способность находить соврєенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молю въсточенныхъ бумагахъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи—Брауншвейгскаго Дому! Но проникательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще.—

Навонецъ во всѣхъ дѣлахъ таковаго человѣка виденъ особливый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франелина, не какъ ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое

частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества!—Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Если-бы можно было извлечь его, на прим., изъ Менделѣевыхъ Философическихъ Писемъ, или Иерусалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но одушевляемая симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя.—

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ-бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.—Когда онъ сошелъ съ кафедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей, „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть“—сказалъ онъ мнѣ—„а если-бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ-бы приготовить для васъ мѣсто“. Онъ пригласилъ меня въ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей (стр. 117—120).

Іюля 16-го Карамзинъ въ назначенный часъ пришелъ къ Платнеру. „Вы, конечно, поживете съ нами“, сказалъ онъ, посадивъ меня.—„Нѣсколько дней“, отвѣчалъ я.—„Только? А я думалъ, что Вы пріѣхали пользоваться Лейпцигомъ. Здѣшніе ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Въмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ Вашихъ единосемцевъ искали просвѣщенія, и надѣюсь, не тщетно“.—„Я почелъ бы за особенное щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ, но обстоятельства, обстоятельства“... „И такъ мнѣ остается жалѣть, если они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами“.

Онъ помнитъ И(утузова), Р(адищева) и другихъ русскихъ которые здѣсь учились. „Всѣ они были моими учениками“, сказалъ онъ, „только я былъ тогда еще не то, что теперь“.— „По крайней мѣрѣ ваши „Афоризмы“ еще не были изданы“...

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ „Афоризмахъ“, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора ¹⁾.—У меня немного свободного времени“, сказалъ онъ, „однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубого Ангела*“ (стр. 121—122).

Въ этомъ трактирѣ „избранные Лейпцигскіе ученые ужинали вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю и проводили вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ“ (стр. 124).

Въ 8 часовъ вечера Карамзинъ явился на ужинъ, гдѣ Платнеръ представилъ его ученой братіи (стр. 122). „Платнеръ за ужиномъ игралъ первую роль, то есть онъ управлялъ разговоромъ. Если вообще справедливо укоряютъ нѣмецкихъ ученыхъ нѣкоторою неловкостью обращенія, то, по крайней мѣрѣ, докторъ Платнеръ (и, конечно, вмѣстѣ съ многими другими) долженъ былъ исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любить и умѣетъ говорить; говорить смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну (стр. 123).

Юля 19 передъ отъѣздомъ изъ Лейпцига Карамзинъ получилъ отъ Платнера записку, „въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда-нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе и подалъ ему случай *заслужить мою благодарность*“ (стр. 132).

¹⁾ Декана медицинскаго факультета (см. выше, стр. 66).

Кромѣ Платнера, обогащавшаго умъ историко-филологическими и естественнонаучными свѣдѣніями, и дававшаго логическую выправку, у русскихъ студентовъ завелся еще одинъ „властитель думъ“—*Гельвецій*. О сочиненіи Гельвеція De l'esprit и объ его отношеніи къ труду Радищева (который въ значительной степени является его опроверженіемъ) будетъ у насъ рѣчь ниже. Съ Гельвечиємъ познакомилъ нашихъ студентовъ проѣзжій русскій вельможа. Насколько Гельвецій былъ въ модѣ среди русской знати, доказываетъ статья *А. Рачинскаго*: „Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣкѣ“ (по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ) ¹⁾. Оказывается, что самый рѣзкій (посмертный) трудъ Гельвеція De l'Homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation появился въ свѣтъ, благодаря стараніямъ двухъ знатныхъ русскихъ, князей Голицыныхъ: вице-канцлера Императрицы Екатерины II и посланника ея въ Гаагѣ, Дм. Александровича ²⁾. Сочиненіе даже предполагали посвятить Императрицѣ.

Радищевъ рассказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Гельвечиємъ такъ:

„Нѣкто (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, за 1876 г., т. 123, май, стр. 285—302.

²⁾ Стр. 296.

краски стыда, или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе къ Ѳеодору Васильевичу (*Ушакову*) и хотѣлъ снискать его дружбу¹⁾. Признаться надлежитъ, что Ѳ... присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ своимъ съ нами возбудилъ какъ въ Ѳ. Вас-чѣ, такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву* о *Разумѣ*. Ѳ.. толикое пристрастіе имѣлъ въ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ; да другихъ, можетъ быть, и не зналъ. По его совѣту Ѳ. В. и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научамся. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гельвецій*, конечно, равнодушно ее не принималъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіи мыслить училося²⁾. Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу».

¹⁾ Житіе Ушакова, ч. I, стр. 58 (Собр. ост. соч. Радищева, ч. V).

²⁾ Г. Г р и м ъ, въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали Гельвеціеву книгу о Разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ Гельвецію (Прим. Радищева, стр. 60—61).

Переходимъ въ изложенію содержанія труда Радищева, которое сдѣлано у насъ довольно подробнымъ въ виду того, что это сочиненіе почти совершенно неизвѣстно въ литературѣ, а самое изданіе чрезвычайно рѣдко. Хотя языкъ Радищева нельзя не признать устарѣлымъ, но мы умышленно старались, по возможности, сохранить особенности стиля, дабы дать образчикъ философскаго слога русскихъ книгъ XVIII в. и въ частности стиля самого Радищева, о которомъ господствуютъ разнообразныя мнѣнія ¹⁾. Кромѣ того, мы попутно старались отмѣчать (для историковъ литературы) все достопримѣчательное въ его сочиненіи по части сентиментальнаго направленія, современныхъ ему литературныхъ вкусовъ и т. д.

¹⁾ Сухомлиновъ, стр. 659, 660.

Книга I.

Главнымъ мотивомъ къ написанію сочиненія послужило „нечаянное переселеніе“ (т. е. попросту—ссылка) въ страну отдаленную, разлучившее Радищева съ его „возлюбленными“ и даже почти отнявшее надежду когда-либо видѣться съ ними. Это обратила его мысль на то состояніе, въ которомъ человѣкъ будетъ или можетъ находится по смерти, когда разрушится его составъ, прервется жизнь и чувствованіе. Неся свою мысль въ невѣдомую страну, авторъ хочетъ уловить, пускай неясность и неочевидность, но хотя токмо единую возможность, что нѣкогда паки облобызаетъ своихъ друзей и скажетъ имъ: *люблю васъ по прежнему*. Если бы волшебной силою перенестись въ обитаемую ими храмину, „я бы прижалъ васъ къ моему сердцу. Тогда все будущее и самая вѣчность исчезли бы, какъ сонъ“¹⁾.

Обратимъ нашъ взоръ на человѣка, на самихъ себя: изъ того, что мы есть, потщимся опредѣлить или угадать, что мы будемъ или быть можетъ. Если наше бытіе или наша *единственность* (сіе столь чувственное я) хоть на одно мгновеніе продлится за предѣлъ нашихъ дней, то воселькинемъ въ радованіи: „мы будемъ паки совокупны и можемъ быть блаженны“! Но помедлимъ заключеніемъ, любезные мои! сердце въ восторгѣ нерѣдко ввергало разумъ въ заблужденіе.

¹⁾ Стр. 5—6.

Затѣмъ Радищевъ излагаетъ часть своего плана, „дерзновенные вопросы“, подлежащія его слову. Прежде, нежели прорекать будущее, скажемъ, что человѣкъ былъ до его рожденія. „Изведши его на свѣтъ, я провлеку его полегоньку черезъ терніе житейское, и дыханіе потомъ исторгнувъ, ввергну въ вѣчность“¹⁾. Гдѣ былъ человѣкъ до образованія тѣла? Что онъ былъ? Измѣрялъ ли онъ до воплощенія небесные круги? Или пылинкою носился и терялся въ безднѣ вещества?

Что касается метода изслѣдованія, то надобно удалить отъ себя всѣ предразсудки и предубѣжденія и на стезѣ истины собрать нѣсколько фактовъ для познанія *естественности*—при свѣтильникѣ опытности.

Созерцать внутренность природы и понимать связь ея дѣяній могутъ лишь существа, превышающія человѣка. Но причину вещи или дѣйствія надобно искать не въ воображеніи; нельзя и основывать ее на вымыслѣ. Розыскивая, какъ вещь, дѣяніе или дѣйствіе суть, мы обнаружимъ тѣсныя и неавственныя ихъ сопряженія съ другими, сблизимъ однородные и сходственные факты, раздробимъ ихъ, рассмотримъ ихъ сходственности, паки раздробимъ ихъ слѣдствія: поступаая отъ одного слѣдствія къ другому, мы вознесемъ до общаго начала, средоточія истины, которое озаритъ всѣ ведущія къ ней стези²⁾.

Поищемъ такихъ фактовъ касательно предрождественнаго существованія человѣка.

Человѣкъ зачинается во чревѣ жены, въ немъ растетъ, и дозрѣвъ, исходитъ на свѣтъ. Но дѣяніе пророжденія доселѣ пребываетъ таинствомъ: какимъ образомъ происходитъ зачатіе

¹⁾ Стр. 7.

²⁾ Стр. 9.

и питаніе или приращеніе? Но и здѣсь можемъ провидѣть нѣчто поучительное. Сѣмя, отъ котораго зачинается зародышъ, существуетъ въ матери до плододѣянія, но для разверженія, для роженія безсильно; это ясно, напр., въ животныхъ пернатыхъ (яйцо есть то же сѣмя). И у земной нашей собратіи, растеній, отличающейся отъ животныхъ лишеніемъ мѣсто-мѣняющейся способности и чувствованія, нужно зерно или сѣмя для произведенія.

Итакъ, сѣмя существуетъ не токмо до зачатія, но и до плододѣянія. Сіе одинаково и для тѣхъ, и для другихъ (для растеній доказано *Линнеемъ*) ¹⁾ необходимо. По правилу сходственности то же можно сказать и о самомъ человѣкѣ: человѣкъ преджилъ до своего зачатія; сѣмя, содержащее будущаго человѣка, существовало, но лишено жизни, т. е. способности расти и образоваться. Человѣкъ существуетъ ²⁾ въ женѣ до зачатія, но въ полуничтожномъ своемъ видѣ; ибо бытіе безъ жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество, менѣе почти смерти. Нужна причина (плододѣятельная влажность мужская), чтобы воззвать сѣмя къ жизни—отъ бездѣятельности къ дѣянію, къ дѣйствительному бытію.

Сѣмя мужское даетъ жизнь; оно есть средство, коимъ сѣмя жены становится зародышъ. Если нужно, чтобы бездѣйственная вещественность для полученія движенія имѣла начальное удареніе, то для данія жизни нужно также удареніе плододѣятельнаго сока. Это удареніе не можетъ почестъся простымъ или единственно механическимъ. Сокъ сей проникаетъ, кормитъ и образуетъ сѣмя женское. Но воззри, до какой степени возвышенна бываетъ раздраженность и чувственность (Радищевъ ссылается на раздѣленіе чувственныхъ и раздра-

¹⁾ Стр. 12, прим.

²⁾ Стр. 13.

жительныхъ частей по *Галлеру*, стр. 15, прим.) во время плотскаго соитія! Воззри, колико живоноснымъ веселиемъ оно сопутствуемо! Или любовь (и притяжаніе плотское) также естественна и въ естественности имѣеть свое начало? Кусокъ хлѣба, тобою поглощенный, превратится въ нервную жидкость и въ органъ твоей мысли. Такъ любовь, пріавъ начало въ тѣлесности, въ дѣйствіи своемъ столь же далеко отстоитъ отъ начала своего, какъ кусокъ снѣдаемый—отъ дѣйствія мозга въ мысленной силѣ. О ты, вкушавшій въ объятіяхъ возлюбленныхъ супруги кратчайшее, но величайшее веселіе на земли, на тебя ссылаюся: вѣщай, не казалось ли тебѣ, что се конецъ бываетъ твоя жизни! Я не сладострастную здѣсь картину начертать намѣренъ, но дѣйствіе. И дѣйствительно были примѣры (*Рафаэль*), что люди въ соитія жизни лишались. Раздраженность и чувственность крайне возвышаются въ сію минуту. Иначе быть тому нельзя: се настоить прохожденіе отъ ничтожества къ бытію, се жизнь сообщается! Послѣ соитія слабость примѣтна, ибо удѣляется жизнь своя.

Но можетъ ли сѣмя или зерно (еще не зародышъ) почесться человѣкомъ? За этимъ, повидимому, пустымъ вопросомъ слѣдуетъ другой болѣе казистой: если сѣмя предсуществуетъ въ самѣхъ извѣстной до зачатія, то гдѣ оно было, доколѣ въ ней не образовалось въ видѣ сѣмени? ¹⁾).

Дерзновенный, ты хочешь взойти до безконечности! Но воззри на свое сложеніе! Вооружай свое зрѣніе телескопами и микроскопами, и ты узришь, что ты ни на единую черту не можешь отдѣлиться отъ даннаго тебѣ пребыванія. И узришь хотя часть органа, мысль тебѣ дающаго (безъ которой ты не отличался бы отъ пресмыкающихся), но какое стекло дастъ узрѣть тебѣ твое существованіе? Безумный, оно ему не под-

¹⁾ Стр. 16.

лежитъ. Ты мыслишь органомъ тѣлеснымъ, какъ можешь ты представить собѣ что-либо, опричь тѣлесности ¹⁾? Обнажи умствованіе твое отъ словъ и звуковъ, тѣлесность явится предъ тобою всецѣла; ибо ты—она, все прочее догадка.

Вѣроятнѣйшимъ предположеніемъ будетъ, что сѣмя въ женѣ начиналося. Но суть еще двѣ возможности, гдѣ существовало сіе сѣмя. Или сѣмя содержалоса одно въ другомъ, изъ разверзшихся прежде его въ бытіе, и содержитъ въ себѣ всѣ сѣмена, сколько ихъ быть можетъ одно въ другомъ до безконечности. Или сѣмя сіе есть часть прежняго, которое было часть другого, прежде его къ жизни возваннаго, и можетъ дѣлиться паки на столько частей или новыхъ сѣмянъ, сколько то быть должно и можетъ; равномерно и отдѣленные отъ него части паки дѣлимы быть имѣють до безконечности ²⁾. Безконечность..... все, чего измѣрить не можемъ, для насъ есть безконечно. Сѣмя образуется въ женѣ. Если всѣ свойства человѣка образуются постепенно, то для чего не сказать, что и жизнь образуется въ органахъ человѣка, сохраняясь дотоѣ въ сѣмени. Вѣдь силу (не только въ человѣкѣ, но во вселенной вообще) мы можемъ постигнуть только, когда она дѣйствуетъ органомъ, какъ и солнце есть чувственный органъ Всесильнаго. Не возможно ли душу уподобить минерализованному металлу? Огонь жизни, проткнувъ сѣмя, являетъ душу, какъ огонь, проникая руду, отдѣляетъ металлы во всемъ ихъ блескѣ.

Перейдемъ къ другому вопросу: сѣмя до зачатія (или человѣкъ въ предрождественномъ состояніи) могъ ли почестъся разумною тварью, т. е. сопряжена ли была душа съ сѣменемъ, доколѣ не прешло сѣмя въ зародышъ. Признать за сѣменемъ

¹⁾ Стр. 17.

²⁾ Стр. 18.

душу—слабое удовлетвореніе нашему высокому. Но что такое душа?—чувствованіе (орудіе ея нервы) и мысль (органъ—мозгъ, источникъ нервъ). Безъ мозга или даже съ его поврежденіемъ исчезаютъ понятіе, воображеніе, память и т. д. Если же по общему закону природы сила дѣйствуетъ не иначе, какъ органомъ или орудіемъ, то человѣкъ до рожденія, а паче до зачатія своего есть только сѣмя¹⁾—и ничего болѣе. И хотя бы душа жила въ сѣмени до зачатія вѣковъ, но вѣдь она не вспоминаетъ потомъ и ничего объ этомъ не знаетъ; значитъ, „я“ настоящее, „я“, отличающееся отъ всѣхъ другихъ обратныхъ существъ, не помня ничего о предрождественномъ своемъ состояніи, не есть то „я“, что было. А хотя бы и было то же, то что въ томъ пользы? Нѣтъ тождественности²⁾ души въ этихъ двухъ состояніяхъ: не все ли равно, что она не существовала до зачатія или рожденія? Нельзя ли сказать (примѣчаніе), что нѣтъ тождественности души въ рожденномъ состояніи и по смерти? Душа (сила, органъ которой разрушается), лишенная воспоминанія о воплощенномъ ея состояніи, будетъ особенна и даже будетъ высшимъ существомъ,—потому что лишится вмѣстѣ съ воспоминаніемъ всего, что ея терзаетъ.

Поелику всякая сила дѣйствуетъ свойственнымъ ей органомъ, и сѣмя есть органъ для дѣйствія души (но не разверженный), то можно сказать, что сила живетъ въ органѣ,—и душа въ сѣмени. Смерть есть разрушеніе, или вѣрнѣе смерти нѣтъ въ природѣ, а есть лишь разрушеніе и преобразование. Если органъ—сѣмя еще не устроенъ, и не разверженъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ мертвъ.

¹⁾ Стр. 21.

²⁾ На стр. 21 и въ прим. на стр. 22—очевидная опечатка: «торжественности души».

Сила жизни по разрушеніи можетъ, подобно другимъ, отходить къ своему началу или стихіи; такъ какъ каждая стихія одинакова, то частица оной можетъ пребывать сѣмени совокупна ¹⁾).

Вотъ что можно сказать о предрождественномъ состояніи человѣка: много тутъ догадокъ и предположеній. Но вѣдь удостоверить можно лишь о томъ, что предлежитъ чувствамъ. А чего не ощущаемъ, то заключаемъ по сходствію. Свѣденіе о вещахъ внутрезрительное нѣсть свойство нашего разума. И о прошедшемъ, и о будущемъ своемъ мы заключаемъ по сходствію. Блаженъ человѣкъ, если жребій его не есть блужденіе.

Затѣмъ Радищевъ переходитъ къ рожденію человѣка и по склонности, общей сентименталистамъ его вѣка, рисуетъ такую картину:

„Се насталь часъ бытія и жизни!... Представимъ себѣ мужа и жену въ цвѣтущихъ силою лѣтахъ, горящихъ взаимною любовію; представимъ себѣ невинныя ихъ лобзанія, преддверіе веселія. Представимъ ихъ на непорочномъ ложѣ, вступающихъ его пріятности; ужели думаешь, что восторгъ, изступленіе, забвеніе самого себя (во время соитія) суть напрасны и должны существовать безъ намѣренія? Когда есть цѣль малѣйшему микроскопическому звѣрьку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселіе не имѣетъ оной? И можно ли въ ней ошибиться! Намѣреніе есть чувствованіе, цѣль—жизнь ²⁾).

Далѣе (стр. 25—27) Радищевъ съ большимъ знаніемъ дѣла передаетъ тогдашнія гистологическія и эмбриологическія свѣденія о томъ, что бываетъ, когда уже жена зачала во-

¹⁾ Стр. 23.

²⁾ Стр. 24—25.

чревѣ“—сердце бьется въ зародышѣ даже съ перваго дня соитія и т. д., человѣкъ кормится пуповиною, какъ растеніе корнемъ. Наконецъ органъ разумныхъ силъ уже готовъ, какъ *мадкая таблица* готова на воспріятіе впечатлѣній. И се рождается дитя—человѣкъ да будетъ!

Итакъ изшелъ на свѣтъ вѣнецъ сложеній вещественныхъ, царь земли, но единоутробный сродственникъ, братъ всему живущему на землѣ, не тольо звѣрю, но растенію, даже металлу.... *земль* ¹⁾.

Разбираются черты сходства человѣка съ минералами, растеніями и животными.

Если кристаллы, металлъ или другой камень образуется по закону смежности, то и части человѣка, несмотря на свою искусственность, слѣдуютъ тому же правилу. Съ другой стороны, прилежное розысканіе показываетъ (*хотя еще вниманія на то не обращено*), что и въ царствѣ ископаемомъ для образованія нужна *матка*, и что она бесплодна (вѣроятно) безъ мужскаго сообщенія. Металлическая жила, земли купоросная, селитренная—развѣ не матки? а пары металлическіе, купоросный и селитренный газъ—не мужскій соеъ? Образованіе есть цѣль и кристаллизаціи, и рудѣненія и зачатія. Образованіе есть видимое дѣйствіе, а причина? то же начало и даетъ тебѣ жизнь, и дѣйствуетъ въ началѣ смежности ²⁾.

Эти сходственности человѣка съ другими тварями и подчиненность его тѣмъ же самымъ законамъ ничуть не унижаютъ человѣка. Онъ вещественъ, значитъ, быть иначе не можетъ. Но потомъ авторъ обѣщается показать его „отличеніе“ ³⁾ и сопричастность высшему порядку существъ, бытіе которыхъ можно лишь угадывать, но нѣльзя ни ощущать, ни понимать.

¹⁾ Стр. 27.

²⁾ Стр. 28. Здѣсь аналогіи Радищева, хотя и оригинальныя, ничуть не уступаютъ позднѣйшимъ измышленіямъ шеллинговцевъ.

³⁾ См. ниже, со стр. 88.

Человѣкъ, сходствуя съ подземными (то есть съ металлами и минералами), наипаче сходствуетъ съ растеніями. Мы не скажемъ, какъ *нѣкоторые умствователи* (т. е. какъ *Ламетри*): „человѣкъ есть растеніе“; велики сходства, но и разность неизмѣрима. Мы находимъ въ растеніи питательный сокъ, различіе половъ и т. д.; растеніе есть существо живое, а можетъ быть, и чувствительное (его чувствительность, быть можетъ, — одна раздражительность). Вертикальное положеніе растеній сходствуетъ единому человѣку. Нельзя согласиться также, чтобы обращеніе соковъ дѣйствовало въ нихъ по простымъ гидростатическимъ правиламъ. Въ растеніяхъ существуетъ истинная жизнь ¹⁾. Они на земли не токмо для обновленія родовъ своихъ, но служатъ въ пищу высшей степени существамъ. Органическое тѣло сохраниться можетъ только пищею; каждый родъ органическихъ веществъ питается органическими же, сходствующими съ его органами веществами и принимаетъ въ пищу жизнь, почерпаемую изъ нижняго рода веществъ, и единообразную той, которая движетъ его органы ²⁾.

Паче всего сходствуетъ человѣкъ съ животными; вмѣстѣ съ ними онъ отличается отъ растеній тѣмъ, что имѣетъ уста, тогда какъ растеніе все—уста, сося и корнями, и листвѣмъ. Насѣкомыя же, какъ и гниды, суть токмо ротъ, желудокъ и его продолженіе. Всѣ органы и чувства человѣка имѣются и у животныхъ—въ назначенной ихъ постепенности. Побужденіе къ пищѣ равно терзательно и усладительно для всѣхъ живущихъ на лицѣ земли, не исключая и растеній. Растеніе гибнетъ, если вырвать его изъ земли или замѣнуть токмо источники небесные. Въ животномъ, какъ въ человѣкѣ, то же самое:—улетаетъ жизнь, сей безвещественный огонь.

¹⁾ Стр. 30.

²⁾ Стр. 31.

На стр. 32—33 Радичевъ весьма подробно и художественно рисуетъ картину постепеннаго обмиранія и смерти отъ истощенія голодомъ, обнаруживая опять-таки хорошее знаніе медицинскихъ наукъ.

Кромѣ побужденія къ питанію, человѣкъ сходствуетъ съ животными и растеніями въ плодородіи, даже уды дѣтородные имѣетъ сходственные со многими животными. Эти уды удалены отъ главы и лежатъ въ нижней половинѣ человѣка въ силу возникшеннаго его положенія. У растеній они, напротивъ, суть главы и ихъ краса. «О ты, возмогшій проникательностію твоею узрѣть сіе таинство природы, безсмертный *Линней*, не возгнушайся жертвоприношеніемъ желающаго тебя постигнуть! цвѣтовъ есть одръ любовный, ложе брачное, на коемъ совершается таинство порожденія“ ¹⁾.—Есть разница съ человѣкомъ (напр., у всѣхъ птицъ) въ порожденіи; но сходны съ нимъ всѣ живорождающія: напр., многія самки носятъ 9 мѣс., родятъ одного и вскармливаютъ его сосцами. Равномѣрно и внутренность человѣка сходствуетъ со внутренностью животныхъ, какъ мы наблюдаемъ при разсмотрѣніи костей, мышцъ, нервъ, легкихъ, желудка, обращенія крови (изъ сердца съ его 4 отдѣл.), движенія лимфы, строенія желѣзъ и всѣхъ отдѣлительныхъ каналовъ, чашечной ткани и наполняющаго ее жира, наконецъ, мозга и зависящихъ отъ него дѣяній, понятія, памяти, разсудка. Не унижить человѣка—сказать, что звѣри имѣютъ способность размышлять. «Тотъ, кто ихъ одарилъ чувствительностію, далъ имъ мысль, склонности и страсти; и нѣтъ въ человѣкѣ, можетъ быть, ни единныя склонности, ни единныя добродѣтели, коихъ бы сходственности въ животныхъ не находилося» ²⁾.

¹⁾ Стр. 34.

²⁾ Стр. 35. Очевидно, мысль о «сравнительной психологіи» не была чужда и XVIII вѣку.

Нашедъ многочисленныя сходственности, нужно видѣть и отличія человѣка отъ другихъ животныхъ. Ему одному прямо ходить должно—не такъ, какъ медвѣди и обезьяны иногда дѣлаютъ, а въ слѣдствіе самого сложенія (широкая ступня, большой у ноги палецъ, положеніе другихъ съ движущими ступню мышцами). Сложеніе человѣка доказываетъ, что человѣкъ не пресмыкаться долженъ по землѣ, а смотрѣть за ея предѣлы (хотя прямое хожденіе есть слѣдствіе искусственнѣйшаго ученія). Паче же всего отличаетъ человѣка отсутствіе предѣловъ въ совершенствованіи и въ развращеніи: ни одно животное не успѣваетъ толико въ худомъ и добромъ. Звѣрство человѣка неограниченное: *убивая братію свою хладнокровно*, онъ повируется власти, которую самъ создалъ¹⁾... И какой звѣрь, кромѣ его, лакомится себѣ подобнымъ? Напротивъ, какое великодушіе, отриновеніе самого себя (т. е. въ другихъ случаяхъ и личностяхъ?)!

Несмотря на то, что сложеніе человѣка беззащитнѣйшее, а составъ его нѣжнѣйшій, онъ имѣетъ твердѣйшее здоровье, разсѣянъ во всѣхъ климатахъ (не то, что животныя) и противостоитъ всѣмъ непогодамъ. Самая беззащитность родила вымыселъ, и человѣкъ облекся въ одежду. Происхожденіе ея Радищевъ относитъ, впрочемъ, не на счетъ единныя нагости, ибо въ жаркихъ странахъ тягостенъ и малѣйшій на тѣлѣ покровъ, а тамъ всетаки носятъ опоясье. Стыдливость есть корень сего обыкновенія. „Когда многихъ родовъ самки звѣрей дубравныхъ ждуть прислуги самца и обуздываютъ свою похотливость, то ужели самкѣ человѣческой—стыдь будетъ чуждъ?²⁾ Возниченное положеніе, открывая дѣтородныя части въ чело-

¹⁾ Стр. 37.

²⁾ Стр. 38.

вѣкъ, влечетъ, кажется, „за собою неминуемое слѣдствіе, опояску“.

Паче всего кажется человѣкъ къ силамъ умственнымъ образованъ. Онъ долѣ всѣхъ учиться долженъ, ибо нуждается въ большемъ знаніи. Горизонтальное положеніе звѣрей обращаетъ ихъ чувства книзу и опредѣляетъ ихъ блаженство въ насыщеніи желудка: вѣдь и другое чувственное блаженство — сонтіе всѣмъ имъ временно, тогда какъ человѣку одному не поставлено въ немъ мѣры. Изъ числа звѣрей нельзя исключать и обезьянъ (даже орангъ-утанга), коихъ руки и ноги, вообще внѣшность не похожа на человѣческія. А эскимы и др., сколь они ни уродливы (если можно называть уродствомъ разнообразіе природы), но члены ихъ соразмѣрнѣе членовъ обезьяны.

Бюффонъ назвалъ обезьянъ четверорукими; но по ихъ сложенію надо причестъ ихъ къ четвероногимъ, ибо у нихъ вѣтъ той точки равновѣсія, которая, воздымая человѣка отъ земли, дѣлаетъ его шествіе возникновеннымъ и видъ пріятнымъ.

Хотя человѣкъ наиболѣе опредѣленъ къ мысленнымъ дѣйствіямъ, но не удалось найти важныхъ отмѣнъ (противу животныхъ) въ образованіи головного мозга, въ которомъ, какъ то *всякому чувствительно*, обитаетъ мозгъ. Также не дознано анатомією (несмотря на многочисленные опыты *Галлера*), отъ чего зависятъ въ мозгу память, воображеніе, разсудокъ и др. силы умственные. Пролить на это свѣтъ, быть можетъ, *совсѣмъ невозможно*, если разсудить, что дѣйствіе разума есть *неразрѣшимо*¹⁾. Рѣшаютъ дѣло какимъ-то вымышленнымъ движеніемъ малѣйшихъ мозговыхъ фибръ, но гдѣ находится среда, въ которую стекаются всѣ сіи движенія, никто не видалъ, ибо пинеальная желѣза, мозольное тѣло *суть ли* (?) истин-

¹⁾ Стр. 41.

ное пребываніе души, о томъ только прежде гадали, а нынѣ молчать. Опыты суть основаніе всего *естественнаго познанія* (т. е. естествознанія); это показали распространеніе просвѣщенія и общій разумъ. Отличіями человѣческаго мозга можно развѣ лишь считать соразмѣрное его сложеніе и изящнѣйшее положеніе.

Нѣкоторые писатели (какъ *Лафатеръ, Камперъ, Гердеръ*, коихъ теоріи излагаются Радищевымъ на стр. 42—44), представивъ себѣ мысленныя линіи, проведенныя по человѣческому образу, искали различія человѣка отъ животныхъ, даже различія между народами и между отдѣльными людьми въ различныхъ углахъ, происходящихъ отъ пересѣченія этихъ линій. „Вотъ какъ человѣкъ пресмыкается въ стезѣ“, замѣчаетъ Радищевъ ¹⁾, „когда онъ хочетъ уловить природу въ ея дѣйствіяхъ“. Онъ воображаетъ себѣ точки и линіи, подражая ея образамъ,—движеніе, тяжесть, притяженіе—при истолкованіи ея силъ, онъ дѣлитъ время часами, днями и т. д. и свой шагъ ставитъ мѣрою ея пространству. Но не шагъ и не милліоны милліоновъ шаговъ, а безпредѣльность—ея мѣра, а силы и образы ея—всеобщая жизнь.

Геттеций не безъ вѣроятности утверждалъ, что руки были человѣку путеводительницы къ разуму: имъ онъ обязанъ изобрѣтеніемъ художествъ, руководѣлій и научныхъ пособій. Но изящнѣйшее чувство осязанія неограничено на единые персты рукъ: удивительно, что возможно для человѣка и лишенный ихъ.

Осязаніе человѣка уступаетъ тому же чувству у паука, но такая степень была бы ему бесполезна, ибо была бы несоразмѣрна съ другими чувствами и понятіемъ его. Въ силу отдаленія отъ лица земли притупѣли чувства обонянія и вкуса, ибо пер-

¹⁾ Стр. 44.

вою цѣлью перестало быть проворменіе. А поскольку они необходимы, рука, вооруженная искусствомъ, стократно замѣняетъ недостатокъ.

И всетаки даже эти чувства въ человѣкѣ изящнѣе. Сравни дѣйствіе ихъ въ сладострастномъ Сибаритѣ или въ жителѣ пышныхъ столицъ съ дѣйствіемъ ихъ же въ животныхъ, и скажи, гдѣ перевѣсъ. Песъ превосходитъ человѣка въ угадываніи слѣдовъ звѣря, а человѣкъ изыскательнѣе въ благовопіи слѣдовъ ¹⁾.

Человѣкъ равно преимуществуетъ предъ другими животными въ чувствахъ зрѣнія и слуха. У нихъ слухъ служитъ на отдаленіе опасности, на открытіе удовлетворительнаго въ пищу. Въ человѣкѣ (да развѣ лишь въ пѣвчихъ птицахъ отчасти) ухо ощущаетъ благогласіе, и звукъ тайно сопряженъ съ внутренностію. Но и птица ощущаетъ ли всѣ страсти, какія удобенъ при равномерномъ сложеніи звуковъ ощущать человѣкъ? О вы, душу въ изступленіе приводящіе, *Глюкъ, Паизелло, Моцартъ, Гайденъ*, о вы, орудіе сихъ изящныхъ слугателей звуковъ, *Маркеси, Мара*, неужели вы не разнствуете съ чижемъ или соловьемъ? Не отъ птицъ учился человѣкъ музыкѣ: его собственное ухо, коего положеніе въ головѣ передъ другими животными вглубленное, несетъ прямо въ душу звукъ, сопряженный съ мыслию. Уши звѣрей—заостренныя и всѣ лежація. Разсмотрѣніе уха пѣвчихъ птицъ, полагаетъ Радичевъ, *будетъ когда-либо* сему яснымъ доказательствомъ ²⁾.

Человѣкъ не столь имѣетъ зрѣніе дальновидно, какъ орелъ; но кто паче его возмогъ вооружить свое зрѣніе и расширить его до безпредѣльности? кто сравнится съ *Левенгукомъ*, съ

¹⁾ Стр. 46.

²⁾ Стр. 47, прим.

Гершелемъ? Человѣкъ досязаетъ туда, куда достигалъ прежде единою мыслию, и почти превышаетъ самое воображеніе. Но изящность зрѣнія его состоитъ въ созерцаніи соразмѣрностей въ образахъ естественныхъ. Не изящность ли зрѣнія, изощреннаго искусствомъ, произвела всѣ памятники живописи, ваянія и архитектуры?

Одинъ человѣкъ одаренъ рѣчью, безъ которой теряли бы свое значеніе другія его преимущества. Онъ единъ въ природѣ велерѣчивъ,—всѣ его живыя собратія нѣмы. Онъ только имѣетъ нужные для рѣчи органы.

Сорока, севорецъ или попугай могутъ подражать человѣку въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, снѣгирь или канарейка—въ пѣніи; но человѣкъ въ подражаніи всѣхъ звуковъ пѣнія превосходитъ всѣхъ животныхъ, почему одинъ англійскій писатель справедливо назвалъ его *насмѣшникомъ* ¹⁾.

Рѣчь есть средство къ собранію мыслей во едино. Столь малѣйшее орудіе, языкъ, есть творецъ всего, что въ человѣкѣ есть изящно. Правда, есть языкъ тѣлодвиженій. Но шествіе разума безъ звучнаго рѣчи было бы томно и пресмыкающееся. Аббе де *Л'ене*, возмогшій рѣчию одарить нѣмого, содѣлавшій чудо, ничего не содѣлалъ бы, если бы самъ былъ безгласенъ, и рѣчь не изощрила бы силы его разума. Но нѣмой, наставленный имъ, не можетъ воспарить разумомъ до изобрѣтеній одареннаго рѣчию; онъ причастенъ въ нашихъ размышленіяхъ, но его разумъ изощряется болѣе подражаніемъ, чѣмъ своею силой; онъ лишенъ многихъ внутреннихъ чувствованій и не понимаетъ изъявленій оныхъ. Рѣчь, расширяя мысленныя силы, становится почти изъявленіемъ все-силія.

Осмотрѣвъ человѣка въ его внѣшности и внутренности,

¹⁾ Стр. 49.

Радищевъ хочетъ поискать въ „дѣйствіяхъ его сложенія“ чего-либо, что можетъ дать вѣроятность безсмертія, или же что; обнаруживъ какое-либо противорѣчіе, покажетъ идею вторя жизни—нелѣпностію. „Если заблужденіе предлежитъ намъ въ стезѣ нашей, источникъ истины, Всеотче! прости лучъ на разумѣніе наше! Желаніе наше въ познаніи велицемѣрно и не тщеславіемъ вождается, но любовію“ ¹⁾.

Внѣшнее сложеніе человѣка показываетъ, что онъ менѣе всѣхъ животныхъ способенъ къ хищности: у него нѣтъ ни когтей, ни клыковъ. Зубы его, кажется, доказываютъ, что пища овощная сходственнѣе его сложенію, чѣмъ мясная ²⁾; да когда онъ и ѣстъ мясо, то измѣняетъ его существованность вареніемъ. Съ другой стороны, сложеніе рукъ препятствуетъ ему укрываться тамъ, гдѣ могутъ животныя, имѣющія когти, а стоящее положеніе препятствуетъ избѣгать опасности бѣгствомъ; искусныя же персты даютъ ему оборону изъ дали. Итакъ, человѣкъ по тѣлесному сложенію, кажется, рожденъ къ тишинѣ и миролюбію. О какъ онъ удаляется отъ своей цѣли! Желѣзомъ и огнемъ вооруживъ руки, онъ возсвирѣпѣлъ паче льва и тигра и убиваетъ не съ голоду, не въ снѣдъ себѣ, но на увеселеніе, но хладнокровно. „О, тварь, чувствительнѣйшая изъ всѣхъ земнородныхъ! на то ли тебѣ даны нервы?“

Болѣе всѣхъ животныхъ человѣкъ любитъ соблюденіе своего образа, стремленіе къ которому (въ видѣ опрятности) замѣчается и у нѣкоторыхъ звѣрей, и птицъ. Прейдемъ молчаніемъ охоту къ украшенію своего тѣла, примѣчаемую во всѣхъ народахъ, и дивныхъ, и ученѣйшихъ; умолчимъ, сколь всѣ украшенія уродуютъ тѣло вмѣсто усугубленія его красоты. Когда же изящнѣйшія ³⁾ черты изобразить хочетъ человѣкъ, то онъ

¹⁾ Стр. 51.

²⁾ Стр. 52. Доводъ нѣнѣшнихъ вегетаріевъ.

³⁾ «Изящныя» — любимое слово Радищева.

изображаетъ нагость. Облеки въ одежду Медицейскую Венеру, она ничто иное будетъ, какъ *развратная жеманка* европейскихъ столицъ: лѣвая рука ея цѣломудреннѣе всѣхъ вообразимыхъ одеждъ. Съ другой стороны: власы растерзанные, лице, испещренное жженіемъ, колоніемъ и краскою, уши или носъ дырявые, губы разрѣзанныя и т. п. Привычка заставляеть находить украшеніемъ то, что мы сами съ нѣкоторою отпѣною почитаемъ безобразностью. И такъ опрятность и благопристойность, свойственныя человѣку, учили бы его сохраненію своего образа въ природномъ видѣ, если бы превратность не учила другому. Здѣсь при удобномъ случаѣ Радичевъ раздражается страстною тирадой противъ обычнаго въ его время юридико-криминалистическаго членовредительства: „А ты, о превратнѣйшій изъ всѣхъ, ибо употребляешь насиліе власти, о законодатель—тиръ! Почто дерзашь уродовать благообразіе человѣка? Онъ, хотя преступникъ, но тотъ же человѣкъ. Вникни въ его естественность, увидишь, что благообразіе ему дано Тѣмъ, Кто жизнь ему далъ. Ты уничтожилъ его паче всякія твари, отъемля у него образованіе. И какая въ томъ польза?“ ¹⁾

Слѣдствіемъ нѣжности въ нервномъ сложеніи и раздражительности въ сложеніи фибровъ человѣкъ паче всѣхъ есть существо соучаствующее (соучаствованіе и въ звѣряхъ примѣчается). Жаль видѣть обезображеніе даже неодушевленнаго (развалины, слѣды опустошенія отъ огня и стали, слѣды гнѣва стихій, напр., зыбленія земли). Глубокопроницающая печаль обойдетъ твое сердце, и ты, если ты не камень, потрясешься и заплачешь ²⁾!

¹⁾ Стр. 55.

²⁾ Признаки литературнаго направленія сентиментализма (Стернь и др.).

Стрѣла болѣзни проходитъ душу, особенно, когда мы присутствуемъ при терзаніяхъ животнаго. Обыкнувъ себя привыкать ко всему, человѣкъ въ страждущемъ зрѣтъ себя. Уже чувствіе посредствомъ органовъ глазныхъ производитъ ужасъ. А слыша визгъ, хриплѣніе и томящееся журчаніе, мы приходимъ въ изступленіе. Чувствованіе предваряетъ разсудку: онъ молчитъ, и страдаетъ естественность. Человѣкъ сопечалится человѣку и совеселится ему. Войди въ храмину, гдѣ веселіе распростерло жизнедательную масть свою въ сердца, гдѣ руки пещуть, и ноги сопутствуютъ восторгу, а паче грудь, исполненная утѣхи, образуетъ гласъ въ радованіе, и гортань поетъ: и если ты не Альцестъ или не Тимонъ,—ты не воспоешь ли съ поющими, не умножишь ли хоровода плящущихъ?—Развѣ лишь по дряхлости.... Ты не токмо сочувствующее существо, но и подражательное: тамъ, гдѣ Өирсъ Вакховъ вооруженъ блистаетъ, какъ не быть Ваххантомъ?

Сіе соучаствованіе человѣку толико сосущественно, что на немъ основалъ онъ свое (эстетическое) увеселеніе, къ немалой чести изобрѣтенію разума человѣческаго служащее. Поэтому такъ и дѣйствуютъ на насъ изваяніе Лаокоона, произведенія *Корреджія*, *Альбана*, *Ателики Кауфманъ*, а „на позорищѣ“ безсмертныя произведенія *Вольтера*, *Расина*, *Шекспира*, *Метастазія*, *Мольера* и многихъ другихъ, не исключая и нашего *Сумарокова* ¹⁾. Меропа, Зопиръ, Ричардъ, Мавбетъ—вотъ типы, особенно потрясающіе Радищева. „О чувствительность, о сладкое и волющее души свойство! тобою я блаженъ, тобою страдаю! Представьте себѣ театральное позорище и всѣ его утѣхи для ока и уха: кто сказать можетъ,

¹⁾ Стр. 58. Любопытное для насъ сопоставленіе именъ драматурговъ (по юззрѣнію Радищева).

что человекъ не превыше всего на землѣ поставленъ“. Здѣсь Радищевъ дѣлаетъ автобіографическое признаніе: „Увеселеніе юныхъ дней моихъ! въ которому сердце мое столь было прилѣплено, въ коемъ никогда не почерпалъ развратности, отъ коего отходилъ всегда паче и паче удобренный, будь моимъ чадамъ истиннымъ упражненіемъ, а не тратою драгоценнаго времени!“

Человекъ есть существо подражательное; подражаніе есть послѣдованіе предъидущаго и отрасль соучаствованія. Воздержимся изслѣдовать, какой механизмъ существуетъ въ подражаніи и соучаствованіи, какъ внѣшній образъ или звукъ образуютъ нашу внутренность. Всетаки авторъ приводитъ двѣ гипотезы касательно этого великаго гносеологическаго вопроса. Происходить ли то, въ I случаѣ, какими-либо лучами, отражающимися отъ внѣшнихъ тѣлъ (какъ будто электрическое вещество, исходящее заострѣніями) и несущими образъ на сѣть глазную посредствомъ свѣтительнаго вещества; производитъ ли, въ другомъ случаѣ, звукъ, раздающійся въ ухѣ нашемъ, и тимпанъ онаго ударяющій,—въ нервахъ дрожаніе, подобное струнному орудію (что вѣроятно);—или нервный сокъ, пріавъ въ себя внѣшніе образы, содѣлываетъ внутреннюю чувственную имъ сходственность? Это все догадки. Мы не скажемъ, какъ это происходитъ (не вѣдаемъ причинъ), а просто: *оно есть*. Давно всѣмъ извѣстно, что, живучи съ другими, человекъ пріемлетъ ихъ привычки (какъ дѣти обладаютъ не только привычками родителей или наставниковъ, но даже ихъ страстями). Неудивительно, что частое, долгое повтореніе можетъ обратиться въ привычку; но подражательность такъ свойственна человекъ, что единое мгновеніе приводитъ ее въ дѣйствительность.

Примѣръ: *Cincinnatus* въ отвѣтъ на обвиненіе повелъ толпу благодарить боговъ за побѣду, одержанную подъ его вожденіемъ. И десятая доля не слышала его изреченія, но онъ по-

шелъ, друзья за нимъ,—и всё машинально послѣдовали имъ. *Месмеръ*, новаго рода врачъ, основавъ свое искусство на естественномъ подражаніи, казалось, приводилъ въ движеніе силу неизвѣстную. Но если бы подумали, что всё зѣваютъ, если одинъ зѣвнетъ въ скучномъ собраніи,—то месмерово чудо не казалось бы таковымъ ¹⁾). Сидящіе около чана содрогались, едва видя одного въ содроганіи. Воображеніе ли, или другое что дѣйствовали надъ ними, но потрясеніе нервной системы истинно всё чувствовали. Въ магнетизмъ—явное доказательство подражательности непреоборимой.

Различіе половъ есть повсемѣстное постановленіе природы: на немъ основано сохраненіе родовъ животныхъ и растений, а можетъ быть, ископаемыхъ ²⁾). Столь же общій законъ природы—побужденіе одного пола къ другому; сила притяженія (въ химическихъ смежностяхъ) не дѣйствуетъ ли и въ органическихъ тѣлахъ? Чѣмъ болѣе вникаютъ въ дѣянія природы, тѣмъ видима наиболѣе простота законовъ ея. На различіи половъ основана склонность къ общежитію, изъ коей проистекаютъ различныя человѣческія склонности и страсти. Изъ различія половъ слѣдуетъ ихъ взаимная склонность, столь сладостная въ сердцѣ добродѣтельномъ, столь звѣрская—въ развратномъ. Корень ея положенъ природою такъ глубоко, что единственное движеніе растений, кажущееся произвольнымъ, относится къ ней. „Я говорю здѣсь о т. наз. *силѣ растений*“.

Въ животныхъ эта склонность имѣетъ временное дѣйствіе. Въ человѣкѣ она—всегдашняя, почти столь же необходимая, но она подчинена въ немъ очарованіямъ пріятности и оставлена его управленію, выбору, произволу и умѣренности. Она разверзается въ младости, но позже, чѣмъ у.

¹⁾ Стр. 62—63.

²⁾ Ср. выше, стр 85.

другихъ животныхъ и (потому?) она продолжительнѣе. Она сопрягаетъ во взаимный союзъ непринужденно и свободно, нерѣдко на цѣлый вѣкъ. Кто, кромѣ человѣческихъ супруговъ, можетъ сказать: мы два плоть едина, мы душа едина! „О сладостный союзъ природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродованъ?“ ¹⁾).

Отъ любви супружной проистекаетъ любовь матерная. Мать родить и питаетъ дитя (причемъ замѣчательно, что зубы совершаются изъ видимыхъ въ человѣкѣ членовъ послѣ всѣхъ). Союзъ ихъ есть почти механическій; такое изреченіе ихъ не унижитъ, ибо этотъ союзъ есть органическій, будетъ нравственнымъ и духовнымъ, когда разверзнутся всѣ силы новорожденнаго. О чувствованія преизящныя! въ васъ лежитъ корень всякія добродѣтели. Наилютѣйшее чудовище смягчится семейственною любовью. Ею природа преторгла скитаніе звѣрообразнаго человѣка. Первое общество возникло въ домѣ отеческомъ. Продолжительное младенчество и юность приучаютъ къ общежитію незамѣтно. Привычка, благодарность, уваженіе дѣлаютъ сей союзъ наитвердѣйшимъ. Человѣкъ созданъ для общежитія, и поздое совершеннолѣтіе его воспретить, да человѣки не разыдутся, какъ звѣри. О Руссо! Куда тебя завлекла *чувствительность* необъятная ²⁾!

Человѣку (и м. б. животному вообще), кажется, свойственно внутреннее ощущеніе праваго и неправаго: не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ тебѣ случилось. Это правило, если не проистекаетъ изъ чувствительнаго сложенія человѣка, то развѣ начертано въ насъ перстомъ Всевѣчнаго. Всѣ лжи, злобы, убивства не въ силахъ опровергнуть сего

¹⁾ Стр. 65

²⁾ Стр. 67. Авторъ указываетъ на разсужденіе Руссо о неравенствѣ.

чувствованія. Возникшая страсть запираетъ гласъ чувствительности,—но неужели нѣтъ ея, когда лежитъ поприща?

Единому человѣку удалось познать, что существуетъ Всеотець, всему Начало, Источникъ всѣхъ силъ. Не разыщемъ, доходитъ ли человѣкъ до познанія Бога разумомъ (возносяся отъ дѣйствій къ причинамъ и къ Высшей причинѣ наконецъ), или проистекло оно отъ ужаса, либо радости и благодарности. Самъ ли онъ его себѣ сложилъ, или получилъ откуда, но въ человѣкѣ есть понятіе о Всевышнемъ Существовѣ. Когда разумъ и сердце не затмѣваются страстями, вся плоть наша ощущаетъ вышнюю власть, какъ бы ее ни назвать. И *Гоббесъ*, и *Спиноза* ощущали ее. Если ты не извергъ, о человѣкѣ, то Отца своего ты чувствовать долженъ, ибо Онъ повсюду: Онъ въ тебѣ живетъ, и что ты чувствуешь, есть даръ Вселюбцаго.

Итакъ, познаніе Бога можетъ проистекать изъ единия нашей чувствительности: сіе познаніе есть упражненіе, ведущее къ вершинѣ земного блаженства, внутренняго удовольствія, добродѣтели. О смертный, познавай Бога! Онъ живъ,—и ты дышешь. Онъ живъ будетъ во вѣки,—въ тебѣ живетъ надежда, что и ты причастенъ будешь безсмертію. Отверзи очи твои, и узришь Всеотца во свѣтѣ!

Далѣе сочинитель хотѣлъ-было разсуждать о слѣд. предметахъ: О различіи людей въ ихъ чувствованіяхъ и страстяхъ и о степени ончыхъ въ каждомъ человѣкѣ; отчего зависть, темпераменты? Откуда различія въ представленіяхъ Божества? Что оно часто похоже на человѣка, то неудивительно: человѣкъ его изображаетъ, и поелику онъ человѣкъ, за человѣка зрѣть не можетъ. Различіе правовъ, правленій и проч. ¹⁾.

¹⁾ Стр. 69, прим.

Этихъ разсужденій Радищевъ не выполнилъ („начерталь только“) а переходитъ къ общимъ заключеніямъ.

Обозрѣвъ челоуѣка въ его чувствованіяхъ и проистекающихъ изъ нихъ дѣйствіяхъ, авторъ хотѣлъ бы показать его во всей его славѣ, возносящагося превыше всего творенія. Для этого нужно бы токмо возрѣть на всѣ его изобрѣтенія, вымыслы и творенія (науки, художества, общественная связь, законы). Но при этомъ же мы увидимъ, что сіе существо, сопричащающееся Творцу вселенныя, нерѣдко уродствуешь, заблуждаетъ и, прежде чѣмъ досягаетъ истины, бродитъ въ тьмѣ, рождая нелѣпости. Чѣмъ наипаче возносишья, тѣмъ паче являешья смѣшонъ. Но и заблужденія челоуѣка доказываютъ мыслящее его существо; мысль есть его наисвойственнѣйшее качество.

Во *вторыхъ* мы замѣчаемъ; многія умственные силы челоуѣка слѣдуютъ законамъ естественности: сила воображенія зависитъ отъ климата; правленіе, законы, нравы и обычаи, даже теплая храмина измѣняютъ прирожденныя свойства. Не оттого ли проистекаютъ и несообразности, примѣтныя часто въ людскихъ нравахъ и законоположеніяхъ?

Въ *третьихъ* замѣтно различіе умственныхъ силъ у разныхъ народовъ и у отдѣльныхъ лицъ. Но совершенствуясь (какъ индѣйцы, древніе греки, европейцы), народы могутъ быть равны между собою. Разверженіе народнаго разума зависитъ отъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ. Но иначе надо судить о различіи разума у отдѣльныхъ людей: остроумныя доказательства *Гельвеція* о единосиліи разумовъ слабы ¹⁾.

Въ *четвертыхъ*: умственные силы—ничто при рожденіи, разверзаются, совершенствуютъ, потомъ тупѣютъ, ослабѣваютъ

¹⁾ Стр. 72.

и исчезаютъ; сія постепенность слѣдуетъ постепенности въ разверженіи и уничтоженіи силъ тѣлесныхъ; есть тѣсное сопряженіе между умственными силами и плододѣятельнымъ сокомъ. Свидѣтельствуютъ тому брада, или безуміе, дѣйствіе нещастнаго самораствлѣнія ¹⁾.

Затѣмъ Радищевъ сообщаетъ „нѣчто о умственныхъ силахъ, о дѣйствованіи умственныхъ силъ и о ихъ чудесности“.

Человѣкъ имѣетъ силу быть о вещахъ свѣдому. *Сила познанія*, слѣдуетъ, можетъ существовать и тогда, когда человѣкъ не познаетъ. Слѣдуетъ (?), что бытіе вещей независимо отъ силы познанія о нихъ и существуетъ по себѣ.

Вещи мы познаемъ двояко: 1) познавая переменны, которыя вещи производятъ въ силѣ познанія, 2) познавая союзъ вещей съ законами силы познанія и съ законами вещей. Первое—*опытъ*, второе—*разсужденіе*. Опытъ бываетъ двоякій: 1) *чувственность*, поелику сила понятія познаетъ вещи чувствованіемъ ²⁾,—а переменна, въ оной происходима, —чувственный опытъ; 2) Познаніе отношенія вещей между собою—*разумъ*, а свѣденіе о переменнахъ нашего разума—опытъ разумный.—*Посредствомъ памяти мы вспоминаемъ* о испытанныхъ переменнахъ нашей чувственности. Свѣденіе о испытанномъ чувствованіи называемъ *представленіе*.

Переменны нашего понятія, производимыя отношеніями вещей между собою, называемъ *мысли*. Какъ чувственность отличается отъ разума, такъ отличается представленіе отъ мысли. Иногда бытіе вещей мы познаемъ, не испытывая отъ нихъ переменны въ силѣ понятія нашего. Сіе есть *разсужденіе*:

¹⁾ Стр. 73.

²⁾ Радищевъ не отличаетъ въ психологической комеклатурѣ—чувствованія отъ *внѣшнихъ чувствъ*.

силу познанія въ отношеніи сей способности мы называемъ *умомъ* или *разсудкомъ*. Итакъ разсужденіе есть употребленіе ума или разсудка. Разсужденіе есть прибавленіе къ опытамъ: въ *бытіи* вещей иначе нельзя удостовѣриться, какъ чрезъ *опытъ*. Впрочемъ, всѣ сіи виды силы познанія не различны: она есть едина и нераздѣлима ¹⁾).

Раздробляя ее, или прилагая къ разнымъ предметамъ, человекъ воздвигъ пространное зданіе науки: устремился въ отдаленнѣйшія края вселенныя, проникъ въ сокровеннѣйшія нѣдра природы, далъ мѣру безпредѣльному и вѣчному, дернулъ объять мыслию самого Творца. Человекъ, даже на косвенной стезѣ, ниспадая и животворя мечтанія, великъ и Богу подражающъ. О смертный, воспрями отъ лица земли и дерзай, куда несетъ тебя мысль, ибо она есть искра Божества!

Сколько есть способовъ познанія, столько же путей и къ заблужденію, т. е. два. Въ первомъ случаѣ мы познаемъ перемѣны въ собственной чувственности; заблужденіе этого рода зависитъ не отъ вещи и ея дѣйствія на наши чувства, но отъ расположенія нашей чувственности: внѣшнія вещи дѣйствуютъ на насъ соразмѣрно отношенію, въ какомъ съ нами находятся. Болящему желтухой все кажется желтѣе, хотя раздробленіе солнечнаго луча, какъ и прежде, седмично, и различіе цвѣтовъ отъ рожденія у болящаго одинаково со всѣми. Но судить можетъ о семъ лишь тотъ, кто видѣлъ предметы въ другомъ свѣтѣ. Колоколь бьетъ, и слышашій идетъ на соборище, а глухого чувства обмануть, и онъ скажетъ: меня не повѣщали. Таковыя заблужденія и слѣдствія оныхъ (новыя заблужденія) многочисленны и неудобно-опредѣляемы.

Еще заблуждаемся мы, если знаемъ ложно отношеніе

¹⁾ Стр. 75.

вещей между собой. Оно есть непременно, но ложность—въ нашемъ познаніи. Напр., по законамъ перспективы изъ двухъ предметовъ ближайшій кажется бѣльшимъ. Если необычнымъ очамъ они покажутся равны, то сравненіе будетъ ложно. Ибо величина не есть сама по себѣ, но относительное понятіе, проистекающее отъ сравненія. Число подобныхъ заблужденій происходитъ отъ разсужденія. Дѣйствіе ихъ сильнѣе и продолжительнѣе, преодолѣніе тѣмъ труднѣе, чѣмъ далѣе они отстоятъ отъ начала ¹⁾).

Къ разсужденію требуются двѣ вещи, кои достовѣрными предполагаются: 1) *союзъ*, въ слѣдствіе коего мы судимъ и 2) вещь, изъ союза коея познать должно вещи, не подлежащія опыту. Предположенія называются *посылками*, а познаніе, возникающее изъ нихъ,—*заключеніе*. Такъ какъ послылки суть предложенія опытовъ и извлеченія изъ нихъ, то заключенія изъ посылокъ или разсужденіе есть только прибавленіе опыта. Значить, и такимъ образомъ мы познаемъ вещи, коихъ бытіе познано опытомъ.

Заблужденія чрезвычайно часты, но нигдѣ такъ, какъ въ разсужденіи. Сверхъ того, что и чувственность можетъ насъ обмануть, и что мы можемъ худо познать союзы вещей (или ихъ отношеніе), ничего нѣтъ легче, какъ извлечь превратное заключеніе изъ посылокъ. Тысячи тысячей вещей преторгають шествіе разсудка. Склонности, страсти и даже случайныя внѣшности часто рождаютъ нелѣпости, вмѣщая въ среду разсужденія посторонніе предметы. Повидимому, весьма легко опредѣлить правила, каковымъ слѣдуетъ разсужденіе. Но предубѣжденія и страсти увлекаютъ кормило разума. Единая лѣпность и нерадѣніе производятъ множество ложныхъ разсужденій, слѣдствія коихъ исторгають слезы.

¹⁾ Стр. 78

Кромѣ этого разсужденія (прямо изъ опыта), есть еще два рода его, которыя возводятъ человѣка къ свѣтлѣйшимъ истинамъ, но и причиняютъ смѣшнѣйшія заблужденія: это—уравненіе и сходственность. Они основаны на двухъ непреложныхъ правилахъ: 1) равныя и одинаковыя вещи состоятъ въ равномъ или одинаковомъ союзѣ (отношеніи), 2) сходственные вещи имѣютъ сходственное отношеніе (союзъ). Наши обыкновеннѣйшія сужденія основаны на сходственности; да и о важнѣйшихъ вещахъ мы иначе судить не можемъ. Разсматривая и чувствуя только себя, кто бы могъ сказать: составъ мой долженъ разрушиться, и я буду мертвъ. Наоборотъ, мы не имѣемъ мѣры продолженія жизни, и могли бы заключить, что наше сложеніе безсмертно. Но видя смерть себѣ подобныхъ и всеобщее разрушеніе, мы заключаемъ по сходственности, что и мы умереть должны. Итакъ заблужденіе стоитъ воскрай истинѣ! Если бы наше познаніе было нутрозрительное, то и разсужденіе наше имѣло бы не *достоверность*, а *ясность*, ибо противоположеніе было бы невозможно; тогда человѣкъ никогда бы не заблуждалъ и былъ бы Богомъ ¹⁾.

Заблужденія человѣка суть почти неизбѣжны: они протекаютъ не только изъ чувственности, но, какъ мы покажемъ, и разумныя наши силы опредѣляются внѣшностью. Это послужить намъ побужденіемъ снисходительно взирать не только на заблужденія человѣчества, но и на самыя дурачества его. Радищевъ, вѣрный своему всегдашнему призванію—адвоката гуманности, добавляетъ: „Блаженны, если можемъ за словомъ нашимъ на *мстѣ строгости сужденія* возродить соболѣзнованіе и человѣколюбіе“ ²⁾.

Все дѣйствуетъ на человѣка: пища, питіе, внѣшняя стужа

¹⁾ Стр. 82.

²⁾ Стр. 83.

и теплота, воздухъ, электрическая и магнитная силы, свѣтъ. Вліяніе звѣздъ, прежде глупо понимаемое, неоспоримо. Негры и ескимы доказываютъ вліяніе солнечныхъ лучей и отсутствія ихъ. Луна выказываетъ свое дѣйствіе надъ многими умалишенными и въ періодическомъ женскомъ истеченіи. Мѣстоположеніе жилища (хотя и не одно только, но) много способствуетъ образованію: все образуетъ чувства человѣка, все, чтó ударяетъ взоры, колеблетъ слухъ, колетъ языкъ и т. п. Съ чувственностью и мысленность подвержена превращеніямъ, иногда, примѣтнымъ образомъ; примѣры дѣйствія вѣшной причины: въ Каирѣ, даже въ Марсели при нѣкоторыхъ вѣтрахъ силы тѣлесныя изнемогаютъ,—и душа разслабѣваетъ, и мыслить тягостно.

Примѣры дѣйствія внутреннихъ причинъ. *Вольтеръ*, сочиняя, пилъ великое множество кофію. „Живя многіе годы съ нѣмцами, я примѣтилъ, что многіе изъ ученыхъ мужей не могли владаться упражненіямъ безъ трубки табаку; отними ее у нихъ изъ рта, разумъ ихъ стойтъ, какъ часы, отъ коихъ маетникъ отъязь. Кто не знаетъ, что *Ломоносовъ нашъ не могъ писать стиховъ, не напиваясь почти въ полъяна водкою виноградною?*“¹⁾ Разумъ иногда дѣйствуетъ живѣе, иногда слабѣе—отъ худаго варенія желудка. Въ исторіи мы съ ужасомъ могли усмотрѣть, что бѣдствія цѣлыхъ земель и народовъ часто зависѣли отъ худаго дѣйствія внутренности и желудка.

Физическія причины, дѣйствующія на умъ, можно раздѣлить на два рода: однѣ дѣйствуютъ повременно, примѣтно, и на отдѣльныхъ людей, другія—непримѣтно и сказываются на цѣлыхъ народахъ. Надъ *Монтескье* смѣялись, что свое мнѣніе о дѣйствіи климата онъ основывалъ на замороженномъ

¹⁾ Стр. 84

телячьемъ языкѣ. Но дѣйствіе климата (на всѣ тѣла безъ различія), если не мгновенно, то чрезвычайно и *погубляетъ* человѣка безъ явнаго принужденія. Ужасная перемѣна наблюдается въ европейцахъ, переселяющихся въ Индію, Африку и Америку. Англичанинъ въ Бенгалѣ забылъ великую хартію и *habeas corpus*: онъ паче всякаго индѣйскаго набоба ¹⁾.

Дѣйствіе естественности становится явнымъ и въ чело-
вѣческомъ воображеніи, которое всегда слѣдуетъ внѣшнимъ
вліяніямъ и образуется лежащею окрестъ поэта природою. Это
можно бы доказать выписками изъ европейскихъ и арабскихъ
стихотворцевъ, *Саади, Омира, Оссіана*. „Воображеніе Саадіево
гуляетъ, летаетъ въ цвѣтящемся саду, Оссіаново несется на
угломъ древѣ поверхъ валовъ“. Никто не усумнится въ такомъ
вліяніи природы на воображеніе, если сравнить исповѣданія и
миѳологіи разныхъ народовъ: индѣйскіе боги купаются въ
водахъ млечныхъ и сахарныхъ, *Одинъ* пьетъ вино изъ черепа
низложеннаго врага.

Кромѣ климата и природы вообще, на умственность че-
ловѣка дѣйствуютъ обычаи и нравы, а первый учитель въ
изобрѣтеніяхъ былъ недостатокъ. Исполнительный разумъ за-
висѣлъ всегда отъ жизненныхъ потребностей и опредѣлялся
мѣстомъ жительства: ладья и сѣти изобрѣтены живущимъ при
водахъ, лукъ и стрѣлы—бродящимъ по лѣсамъ и по горамъ,—
первымъ воиномъ; обитатель луговъ удомовилъ миролюбивыхъ
звѣрей и сталъ скотоводитель. Какой былъ случай къ изобрѣ-
тенію земледѣлія, неизвѣстно (не скотоводитель ли, согнанный
съ пажити, сталъ подражать природѣ сѣяніемъ злаковъ для
питанія скота?). Земледѣліе произвело раздѣлъ земли на об-
ласти и государства, построило деревни и города, изобрѣло

¹⁾ Стр. 87. Намекъ на притѣсненія туземцевъ. *Рейналь*, авторъ исторіи
Индіи, принадлежалъ къ числу любимыхъ образцовъ Радищева.

ремесла, рукодѣлія, торговлю, устройство, законы, правленія. Какъ скоро сказалъ человѣкъ: „сія пядень земли моя!“ онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному *самовластію*, когда человѣкъ повелѣваетъ *человѣкомъ*“ ¹⁾. Онъ сталъ кланяться воздвигнутому имъ самимъ богу въ багряницѣ, но наскучивъ своею мечтою, попраля обоготвореннаго и преторгъ его дыханіе. Вотъ шествіе разума человѣческаго. Законы и правленіе содѣлываютъ его блаженнымъ или ввергаютъ въ бездну бѣдствій.

Въ нагбенномъ къ землѣ животномъ слабый лучъ разсудка ограничивается двумя побужденіями: къ насыщенію себя и къ продолженію своего рода; въ удовлетвореніи ихъ состоитъ его блаженство, если такъ можно называть тупое услажденіе. Животное исполняетъ это по непреборимому стремленію. Но человѣкъ, слабый въ своемъ сложеніи и при всѣхъ своихъ недостаткахъ, свободенъ въ дѣйствіи и подчиняетъ слонности—разсудку: онъ можетъ возвѣсить свои побужденія и избирать. Онъ одинъ на землѣ вѣдаетъ худое и злое, способенъ къ добродѣтели и къ пороку, къ бѣдствію и блаженству. Свободное дѣяніе сопрягло его *неразрывнымъ* союзомъ съ женою; съ семейственною жизнью онъ перешелъ въ общественную, подчинилъ себя закону, власти, ибо способенъ пріять награду и наказаніе. Ставъ на пути просвѣщенія, и сдѣлывая дѣйствія съ причинами за предѣлы зримаго и незримаго міра, позналъ онъ умомъ то, что прежде только чувствовалъ: что есть Богъ.

Различіе въ умственныхъ силахъ становится тѣмъ явственнѣе, чѣмъ долѣе отстоитъ одно поколѣніе отъ другого. Общественный разумъ единственно зависитъ отъ воспитанія.

¹⁾ Стр. 89 (въ одномъ экземплярѣ опечатка: 98, которой въ другомъ нѣтъ).

Оно производитъ розницу умственныхъ силъ между людьми, кажущуюся природною. „Въ семь случаѣ мысль наша развѣствуетъ отъ *Гельвеціевой*“. „Изящнѣйшій учитель о воспитаніи *Ж. Ж. Руссо*“¹⁾. Гельвецій старался доказать, что человѣкъ никогда не обязанъ своимъ разумомъ природѣ. Но съ нимъ не можетъ согласиться никто, кому только приходилось наблюдать развитіе разумныхъ силъ, и кто вообще обращался съ дѣтьми. Не токмо разверженіе этихъ силъ будетъ въ каждомъ человѣкѣ особо, но и самыя силы должны имѣть разныя степени. Напр., одинъ человѣкъ превосходитъ другого памятью. Какъ ни увѣрай, что память можетъ быть приобрѣтенная, но нельзя опровергнуть, что она есть даръ природы. Въ первомъ классѣ начальнаго училища, гдѣ побужденія къ ученію весьма ограничены, мы послѣ одного вопроса можемъ убѣдиться въ томъ, что природа для одного—мать, а для другого—мачиха. Но нѣтъ, да отдалимся хуленія! Природа всегда едина, и дѣйствія ея всегда одинаковы.—Неоспоримо, что различія умственныхъ силъ явны отъ младенчества, но тотъ, кто отстоитъ отъ товарища въ ученіи, не долженъ бы ему сотовариществовать. Человѣкъ доходитъ къ совершенствованію не однимъ поколѣніемъ, но многими,—и это не парадоксъ. Шествіе природы тихо, непримѣтно и постепенно²⁾; но и притомъ еще бывають остановки въ разверженіи (т. е. по теперешнему—въ *развитіи*)—на счетъ разсудка. Если бы *Ньютона* препять въ его образованіи и переселять въ Новую Зеландію, чтò бы онъ изобрѣлъ? Развѣ лучшую ладію на преплытіе арящихся валовъ. И въ Новой Зеландіи онъ былъ бы Ньютонъ. Но сравни сферу его мыслей съ по-

¹⁾ Стр. 92. Излагается его теорія «о воспитаніи природы, человѣка, вещей».

²⁾ Стр. 95. Нѣчто вродѣ современной теоріи эволюціи.

явившимъ путь небесныхъ тѣлесъ и доказавшимъ ихъ взаимное притяженіе,—и вѣщай! Особенно выясняется это, при сравненіи разныхъ народовъ или когда мы изучаемъ исторію умообразія одного народа чрезъ нѣсколько вѣковъ. Случалось довольно часто, что европейцы давали взятымъ младенцами дикарямъ сходственное со своимъ воспитаніе.

„Я здѣсь многихъ видалъ Тунгузовъ, воспитанныхъ въ русскихъ домахъ: но на возрастѣ Тунгузъ всегда почти далеко отстоялъ отъ русскаго въ силахъ умственныхъ“. Природѣ, повидимому, нужно нѣсколько поколѣній, чтобы уравнять въ людяхъ умственныя силы. Всеобщая постепенность природы и въ этомъ случаѣ вѣроятна. Органы потомковъ будутъ нѣжнѣе и тончѣе; кровь, лимфа, особливо, нервная, перейдутъ отъ отца въ зародышъ лучше переработанными.

Въ таковой постепенности могутъ отстоять, какъ народъ отъ народа, такъ и человекъ отъ человека; отецъ можетъ дать сыну лучшее воспитаніе, чѣмъ самъ имѣлъ, а потомки будутъ изощреннѣе. Но воспитаніе въ поколѣніяхъ можетъ остановиться, если одинъ произойдетъ непрерывно, а другой не закончитъ воспитанія; они не могутъ уже быть равны. Природа въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ человеку. Возьмемъ примѣръ животныхъ, переселяемыхъ въ другой климатъ. Перемѣщенное едва ли привыкаетъ, родившееся отъ него будетъ согласнѣе съ климатомъ, а третье будетъ уже истиннымъ уроженцемъ страны.

Признавая силу воспитанія, мы не отъемлемъ силу природы. Воспитаніе со стороны природы, т. е. разверженіе силъ остается; но отъ человека зависитъ ученіе употребленію силъ, чему содѣйствуютъ окружающія обстоятельства.

Затѣмъ Радищевъ хочетъ прослѣдить исторію постепеннаго развитія умственныхъ силъ въ человекѣ въ теченіе всей жизни. „Будемъ воспріемниками въ жизни, не оставимъ его

ни на единое мгновение его жизни... и пребудемъ ему неотступны до послѣдняго его воздыханія“ ¹⁾).

Черезъ 4 или 5 мѣсяцовъ послѣ зачатія зародышъ движется; въ немъ образовались и функционируютъ сердце и голова. До самаго рожденія на свѣтъ члены его совершенствуются и разверзаются. Въ моментъ рожденія дитя едва ли можетъ равняться съ растеніемъ: хотя всѣ жизненные соки обращаются въ немъ, чувства увѣряемы внѣшними предметами, но мозгъ его еще только источникъ чувственности, а не органъ мысленный; дитя не мыслить. Болѣзнь, а потомъ голодъ учатъ его, что онъ существуетъ, и нудятъ его изъяслять ихъ кривомъ. Помалу потребности его величаютъ, и члены укрѣпляются; въ немъ замѣтны побужденія. Первая страсть его сердца—*ярость*, возникающая, если не удовольствовать его желаній и послѣ болѣе сильнаго крика. Дѣйствіе предметовъ на его органы неотступно, и замѣчается въ немъ начальное образованіе умственныхъ силъ: ребенокъ знаетъ, что его вкусу льстятъ, и что противно, глазъ его учится размѣру и т. п.; онъ начинаетъ распознавать вещи по однимъ наименованіямъ, помнитъ свое имя (это указываетъ на развитіе памяти). Но его умственность еще слаба и хуже звѣринаго стремленія; вѣдь ребенокъ еще пресмыкается, четвероноженъ есть. Вотъ онъ возстаетъ отъ земли и зрѣть на выпренность. Если изъясленіе скорби было его первымъ движеніемъ, то нынѣ онъ научился радоваться, и его улыбка переходитъ въ смѣхъ; всѣ побужденія его стремительнѣе, ярость нетерпѣливѣе, память расширяется, но сужденіе весьма недостаточно. Съ того времени, какъ языкъ началъ произносить слова, развитіе ума идетъ быстрѣе. Ребенокъ можетъ изъяслять все, чего желаетъ, и что чувствуетъ, все, что раньше обнаруживалъ

¹⁾ Стр. 98.

крикомъ, да слезами. Слезы проливаются рѣже. *Младенецъ* становится *дитя*. Теперь онъ во многомъ превышаетъ другихъ животныхъ, но точности въ сужденіяхъ еще нѣтъ. Понатія становятся отвлеченными, хотя слѣдуютъ, преимущественно, чувственности и примѣрамъ изъ видѣннаго или слышаннаго. Страсти разверзаются, и дитя становится отрокомъ. *Силы тѣлесныя укрѣпились, а съ ними и умственныя*; одно развитіе идетъ параллельно другому. Человѣкъ испыталъ уже свободу и дерзаетъ разсуждать, но опытность его еще мала, сужденія превратны и косвенны. Блаженъ, какъ то вѣщаетъ *Руссо*, если отрокъ ничего еще не мыслилъ, не зналъ ничего, былъ чуждъ разсудку: онъ удаленъ отъ предразсужденій и превратности мнѣній. Вотъ уже всѣ члены его достигли совершенства, всѣ сосуды исполнены влажностей и начинаютъ преизбыточествовать. Въ юношѣ возникаетъ нѣкое новое чувствованіе; грудь вздымается чаще и сильнѣе, весь составъ ощущаетъ необычайное движеніе, чувственность потеряла плавность, разумъ, начинавшій дѣйствовать, затмѣвается, нижняя половина лица покрывается власами; у женщинъ же является временное истеченіе. Человѣкъ уже готовъ для пророжденія. „О любовь! о чувствованіе паче всѣхъ сладчайшее! Кто возможетъ стремленію твоему противиться? Не безумно ли бы было таковое сопротивленіе? Природа вліяла тебя во всю нашу чувственность на наше *услажденіе* и на соблюденіе рода человѣческаго“ ¹⁾.

Человѣкъ, едва познаетъ свою чувственность, старается прилѣпнть ее къ достойному предмету, и доколѣ не сыщеть его, не успокоится;—тогда эта самая чувственность и родившаяся страсть напрягаютъ силы умственныя, которыя отъ нихъ получаютъ новую упругость. Вотъ возмужалость, время страстей и возвышеніе до возможной степени умственныхъ

¹⁾ Стр. 103. Весьма характерное мѣсто для сентименталиста Радищева: «услажденіе»—на первомъ планѣ.

силъ, время достиженія величайшихъ истинъ и заблужденій: въ это время человѣкъ уподобляется Всевышнему, или ниспадаетъ ниже низайшей степени животныхъ.

Какъ треніе стончеваетъ пружины, такъ употребленіемъ притупляются силы тѣлесныя,—а за ними и душевныя: исчезаютъ страсти и рвеніе къ познаніямъ, разсудокъ еще не ослабѣлъ, но возвращается надъ постигнутыми истинами, а онѣ уже не для него и стоятъ на высшемъ мѣстѣ. Настаетъ *старость*, сія истинная зима тѣла и разума, безнадежная зима обвеснованія: простирая мразь свой во весь составъ человѣка, она полагаетъ предѣлъ всѣмъ его силамъ. Гибкіе члены цѣпенѣютъ, око померкло, ухо не слышитъ и т. д., осязательность увала, раздражительность фибровъ онѣмѣла, чувствительность притупѣла, жизненные соки изсыкли въ источникѣ, сердце слабѣетъ, мозгъ твердѣетъ, умственные силы угасаютъ, понятіе померкло, память исчезла, разсудокъ пресмыкается и наконецъ совершенно истлѣвается. Разумъ низшелъ до младенчества,—но и нить жизни преторглася! Грудь перестаетъ дышать, сердце не бьетъ, и свѣтильникъ умственный потухъ.

„Безумные! почто слышу вопль вашъ, почто стenanія“? Или вы хотите превратить предвѣчный законъ природы? Рыданія ваши и молитвы суть хуленіе. Жизнь погасшая не есть уничтоженіе. Смерть есть разрушеніе, превращеніе, возрожденіе. Ликуйте, о други! болѣзнь исчезла, терзаніе миновалось, здосчастію, гоненію нѣтъ уже мѣста, тягостная старость увала, составъ рушился, но (?) возобновился ¹⁾. Но тутъ же Радищевъ вспоминаетъ, что поспѣшилъ: „въ восторгѣ алчныя души васъ видѣть, едва не впалъ въ погрѣшность, и заключеніе извлечь, не давъ ничего въ доказательство.

Блаженъ, о человѣкъ, если смерть твоя была естественная, и силы тѣлесныя и умственные изнемогли отъ одной ста-

¹⁾ Стр. 106.

рости. Житіе твое было мудрственно, и кончина—легкій сонъ. Но это бываетъ рѣдко. Человѣкъ, восхищенный страстями, носится по остріямъ. Неумѣренность раздраетъ его тѣло и лишаетъ разсудка. Не ветхость дней, а болѣзни, вѣдрившіяся въ тѣло, преторгають его дыханіе безвременно и расклевывающагося на одрѣ смертномъ подавляютъ отчаянна.

Во младости особенно расслабляетъ неумѣренность любовныя страсти—въ различныхъ ея видахъ. О юноша! читай *Тиссо* ¹⁾ объ онанизмѣ и ужаснися! О юноша, войди въ бѣдственное жилище скорбящихъ отъ неумѣренности любострастія (въ венерическую больницу?); возри на черты лицъ страдающихъ—се смерть летаетъ окрестъ ихъ!—Когда терзается чувственность, разумъ возникаетъ, но мгновенно и едва блещетъ въ простершемся мракѣ. Или думаешь, что органъ умственный цѣлъ пребудетъ, когда органы жизни нарушены?

Но не одна болѣзнь неумѣренности снѣдаетъ силы чело-вѣка. Посмотри на болящаго огневицею, на того, у коего повредился органъ умственный! Гдѣ ты, о даръ Божественный? О разсудокъ, гдѣ ты? ²⁾.....

¹⁾ Стр. 107.

²⁾ Стр. 108.

Книга II.

Странствуя чрезъ житіе человѣческое, мы достигли до того часа, когда прекращаются время и продолженіе, когда настаётъ вѣчность. Но заградимъ врата ея надеждою и остановимъ отходящаго. Да не улыбнется кто-либо, что мы хотимъ возрѣть на вѣчность окомъ безпристрастнымъ! Сколько возможно имѣть пристрастія къ вещественности,—столько же и къ единой мысленности (хотя бы она была мечта). Смотри на описаніе рая (жилища душъ) во *всѣхъ* религіяхъ, на страдавшихъ за исповѣданіе, на веселящагося при смерти *Катона*, видимъ, что желаніе вѣчности одинаково со всѣми другими желаніями человѣка.

Надежда, неотступная при жизни, не оставляетъ занесшаго въ гробъ ногу; и вотъ заключеніе ободреннаго разсудка: „я живъ, не можно мнѣ умереть, я живъ и вѣчно жить буду!“ ¹⁾ Се гласъ чувствованія внутренняго вопреки всѣхъ доводовъ. Оставаясь съ нимъ единственно, не убѣдишься, что мертвъ будешь. Чувствовать и безчувственну быть, жизнь и смерть—противорѣчія: безъ сходственности невозможно сдѣлать заключенія о нашей смертности, ибо *познанія не суть нутрозрительны*. Но я зрю, что все, окрестъ меня существующее, измѣняется, тѣлесность животныхъ, растеній и подобныхъ мнѣ разрушается; я зрю вездѣ смерть, т. е. разрушеніе: изъ сего я

¹⁾ Стр. 112.

заключаю, что и я существовать престану. Кажется, если бы отъ мысленности было удалено понятіе о смерти, то живній бы ея не понималъ.

Если же человѣкъ увѣрится, что онъ долженъ умереть, то разрушеніе его состава кажется ему ужаснымъ. Приблизившись къ отверстию гроба, онъ стонетъ и мятется. Ты есть! часъ бѣетъ, нить твоихъ дней прервется—и ты будешь бездыханецъ, безчувственъ, ты будешь ничто... Ужасное превращеніе! Трепещуща отъ страха и неизвѣстности, мысль ислѣвающая носится во всѣхъ концахъ возможнаго, ловитъ тѣнь; если ухватить какое-либо волокну, не размышляя (вещественность то или воображеніе), прицѣпляется и виснетъ. Передъ первымъ шагомъ въ вѣчность, взоры обращаю вспять: возможетъ ли человѣкъ быть ненавистникомъ своего житія? Я умираю, оставляю жену, дѣтей. Се гласъ ихъ разительнѣе грома: „помедли на одну минуту“! Се гласъ любви, дружбы! Свершайся жестокое рѣшеніе! Я лишаюся друга! Не малодушіе заставитъ меня вздохнуть при смерти. Если я равнодушно не терплю отсутствія твоего, возлюбленнѣйшій мой, то каково будетъ мое лишеніе, если то будетъ на вѣчность.

Гонимый съ лица земли, но имѣя побужденія къ продолженію жизни и не находя для того способовъ, человѣкъ обращаетъ взоры отъ тлѣнія за предѣлы своихъ дней,—и паки возникаетъ въ изнемогающемъ сердцѣ надежда. Онъ вопрошаетъ внутреннее чувствованіе, и таинственный лучъ проникаетъ его разумокъ. Имѣя въ немъ (а можетъ быть, и въ воображеніи) опору, человѣкъ съ надеждою перелетаетъ непримѣтную черту, отдѣляющую жизнь отъ смерти. Едва онъ вообразилъ, что смерть и разрушеніе тѣла—не кончина его, что онъ воскреснетъ въ жизнь новую,—онъ восторжествовалъ, и попирая тлѣніе, презрѣлъ болѣзни, неволю, пытки, казнь: всѣ огорченія исчезли, какъ дымъ, и отлетѣли отъ его духа, ощутившаго вѣчность.

Вотъ по какимъ побужденіямъ возникло понятіе будущія жизни. Многіе слѣдуютъ въ томъ единственно изступленію, иные—предубѣжденію и наслѣдованному мнѣнію, многіе основываются на доводахъ,—и всѣ вообразительныя возможности не ускользнули отъ ловственнаго проніцанія. Но многіе, отмѣтая чувственное увѣреніе и надежду, находили доводы, что смерть есть послѣдняя и совершенная кончина, что человѣкъ умретъ навсегда и не возможетъ возстать. Доводы ихъ блестящи, и можетъ быть, убѣдительно. „Возвѣсь по силѣ нашей объ противоположности, я вамъ оставлю избирать, любезныя мои, тѣ, кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, буде не очевидности. „А я, мнѣшннй васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, утѣшеніе вливающему въ душу скорбящую“¹⁾.

Доселѣ полагали въ природѣ два рода существъ. Первый родъ—это *тѣла*; отвлеченное о нихъ понятіе назвали *вещество* (матерія). Вещество само въ себѣ неизвѣстно: все мудрованіе о немъ лежитъ на познаніи чувствами нѣкоторыхъ его свойствъ. Другой родъ—существа, не подлежація чувствамъ; нѣкоторые феномены были поводомъ признать ихъ (не дѣйствіями вещественности, а) существами, коихъ качества противоположны качествамъ вещества); это—*духи*. При первомъ же шагѣ въ область не осязательную, мы находимъ *произвольное сужденіе*²⁾. Если познанія наши не нутрозрительныя, и если духъ не подлежитъ чувствамъ, то заключеніе о бытіи его—только вѣроятное, а не достовѣрное. Вѣдь природа дѣйствуетъ всегда одновременно или вдругъ, а въ ея сложеніяхъ мы не находимъ отличительныхъ чертъ для каждой части, но всегда совокупность. Мы называемъ противорѣчащими тепло и стужу, но природа и то, что производитъ тепло, и то, что—

¹⁾ Стр. 117.

²⁾ Стр. 118.

стужу, вмѣстила въ единое смѣшеніе и положила непремѣняющійся законъ ихъ дѣйствованію. Въ природѣ меньше противоположностей, чѣмъ въ нашемъ воображеніи, и чѣмъ думали прежде.

Различіе духа и вещественности произошло, м. б., оттого, что мысль свойственна одной главѣ, а не ногѣ или рукѣ; это различіе самоизвольно. Не вѣдая, ни что есть духъ, ни что—вещественность, не надо бы ихъ поставлять существами настолько различными: пожалуй, сказали бы, что духъ не можетъ быть тамъ, гдѣ тѣло, и наоборотъ,—если бы сложеніе человѣка не убѣждало очевидно, что качества и духа, и вещества въ немъ совокупны. Сказали поэтому, что въ человѣкѣ находятся два разнородныя существа (т. е. субстанции), вмѣсто того, чтобы выразиться такъ: существо человеческое имѣетъ слѣд. качества—мыслить, перемѣнять мѣсто, чувствовать, пророждать и т. д. Вмѣсто того, чтобы сказать, что то, изъ чего сложенъ міръ (а кто исчислилъ всѣ составляющія его существа?), имѣетъ тѣ и тѣ свойства, сказали, что въ немъ имѣются разнородныя существа. О умствователи! неужели не видите, что всѣ разнородности въ единъ гнѣздятся составъ. Ты вѣдаешь, что мысль находится въ твоей главѣ; но вѣдаешь ли, съ чѣмъ она еще можетъ быть сопряжена? Тотъ, кто силою своего слова могъ вселить ее въ мозгъ твой, ужели былъ безсиленъ вмѣстить ее въ другое что-либо, oprичъ тебя. О надменность! ¹⁾

Но обозримъ быстротечно свойства и вещественности, и мысленности. Что въ нихъ противорѣчнаго? Или нѣтъ ли слѣда, что они могутъ принадлежать одинаковородному существу?

Свойства вещественности: непроницательность, протяжен-

¹⁾ Стр. 121.

ность, образъ, раздѣлимость, твердость, бездѣйствіе. Свойства духовныхъ существъ: мысль, чувственность, жизнь. Такъ какъ эти свойства являются только посредствомъ вещественности, то они считаются видимыми дѣйствіями духовнаго существа, которое чувствамъ не подлежитъ. Отсюда настоятъ вопросъ: можетъ ли вещественность имѣть жизнь, чувствовать и мыслить, или можетъ ли духъ имѣть свойства вещества? Въ обоихъ случаяхъ произведеніе будетъ одинаково. Если это можно доказать, то исчезнетъ раздѣленіе существъ (на вещественныя и духовныя); а если найдутся противные доводы, то необходимо поставятъ бытіе двухъ разнородныхъ существъ, вещественности и духа (разумѣя подъ нимъ одну, такъ называемую душу человѣческую).

Вещественностью называется то существо, которое есть или можетъ быть предметомъ нашихъ чувствъ. Если же оно имъ теперь не подлежитъ, то это—не въ силу своего естества, а отъ малости или тонкости своей. Затѣмъ Радищевъ переходитъ къ изясненію свойствъ вещества.

Непроницательность: нераздѣлимая частица вещественности (атомъ), встрѣтившаяся на пути другой такой же частицы,—сія послѣдняя не можетъ продолжать пути, доколѣ первая не уступитъ мѣста. Или: два тѣла не могутъ быть въ одно время въ одномъ мѣстѣ. Сіе есть *аксіома*, ибо противное предложеніе есть противорѣчіе.

Протяженность есть то свойство вещественности, вслѣдствіе котораго она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ. Такъ какъ протяженность имѣетъ предѣлы, то *всякую ограниченную протяженность* называютъ *образомъ*. Образъ даетъ вещественности *опредѣленность* (протяженность имѣетъ образъ), протяженность—*мѣсто*, непроницательность—*отдѣленность*. Всѣ три свойства нераздѣльны со всякимъ существомъ, подлежащимъ чувствамъ.

Раздѣлимость вещества доказывается химическими опытами. Но воображая вещество протяженнымъ, разумъ можетъ представить себѣ, какъ бы частица ни была мала,—еще меньшую, до безконечности, если есть на раздѣленіе достаточная сила. Но какъ это раздѣленіе существуетъ лишь въ возможности, и нѣтъ естественной силы на раздѣленіе началъ матеріи, то ей приписываютъ *твердость*.

Бездѣйствіе матеріи двояко: 1) Она можетъ вѣчно пребывать въ состояніи покоя, доволѣ какая-либо причина не дастъ ей дѣйствія. Это не есть существенное свойство матеріи, но относительное, поскольку ее можно считать лишенною движенія. 2) Частица вещественности, приведенная въ движеніе, продолжаетъ его съ той же скоростью и въ томъ же направленіи, пока что-либо не воспретитъ сему продолженію, либо не преобразуетъ оное ¹⁾).

Движеніе есть свойство премѣнять мѣсто. Относительно его мнѣнія естествослововъ различны: одни полагаютъ его существеннымъ для матеріи, другіе,—что причины движенія нѣтъ въ самой матеріи, а нѣкоторые—что причина движенія для продолженія онаго должна быть присносущна, что ея не можетъ быть въ матеріи, и что она происходитъ отъ существъ, не обладающихъ свойствами вещественности.

Тяжесть есть свойство, вслѣдствіе котораго тѣло падаетъ къ срединѣ земли, а частицы матеріи стремятся къ средоточію. Послѣдственностями тяжести считаются притяженіе и отраженіе. *Притяженіе* есть свойство, вслѣдствіе котораго

¹⁾ Стр. 125. Начало фразы дурно редактировано: «2-е, Понятіе о вещественности есть частица вещественности, въ движеніе приведенная, которая продолжаетъ» и т. д.

тѣла или частицы вещественности сближаются одна съ другою. *Отраженіе*—наоборотъ, свойство вслѣдствіе котораго тѣла или частицы одна отъ другой отдаляются.

Тѣ, кто считаетъ движеніе сосущественнымъ матеріи, не отрицають за нею ни тяжести, ни притяженія, ни отраженія. Другіе же считаютъ эти свойства не свойствами, а явленіями, дѣйствіями причинъ, не находящихся въ вещественности.

Разсмотримъ по одиначѣ эти свойства вещественности. Остатки древняго ученія, разсужденія объ общихъ свойствахъ тѣлъ, вѣроятно, поростутъ мхомъ забвенія и презрѣнія, какъ нынѣ *аристотелевы категоріи* и *сокровенныя качества алхимистовъ*¹⁾: распространившіеся опыты и лучшее познаніе естественности неминуемо опровергнутъ ихъ. Вопросы каждаго безпристрастнаго: „что есть вещественность?“—Отвѣтъ будетъ „не вѣдаю!“ Химія доказываетъ, что начала первенственныхъ веществъ обладаютъ весьма различными свойствами; хотя она и придерживается древнихъ стихій, но наши стихіи—сложности. Надежда видѣть стихійную землю въ алмазѣ исчезла, какъ доказали, что и алмазъ сгараеть. Кто возжигаль стихійный огонь? Солнечный лучъ, раздробленный призмою, не одинакороденъ. Въ немъ, кромѣ свѣта, есть и теплота, которая отличается отъ свѣта тѣмъ, что вещество свѣта мгновенно, а теплота пребывающа.

Но флогистонъ есть основаніе цвѣтовъ: онъ въ летучемъ состояніи долженъ быть и въ солнечномъ лучѣ. Вѣроятно, что удачныя опыты когда-либо отдѣлятъ свѣтъ отъ теплоты. Сѣрный запахъ и переменна цвѣтовъ не доказываютъ ли сложности электрической искры? Опыты *Пристлея* доказали, что вдыхаемое нами вещество сложно. Есть ли упругость свойство

¹⁾ Стр. 127.

собственно воздуха, а не другого какого воздухообразнаго вещества? Въ воздухѣ—и водяныя частицы, и обонятельныя вещества, испаренія отъ истлѣнія и алкалическія, кислотность (твердый воздухъ), селитра (что доказывается ея зарожде-ніемъ). Все это существенныя части! отдѣли ихъ—и воздухъ измѣнится. А что такое вода? Отсутствіе изъ нея огня дѣла-етъ ее твердою. Нельзя ли считать ее по существу—твердымъ тѣломъ? Отрѣши давящія ее столпы воздуха: вода растянется, увеличится, воспарится, сама представится въ видѣ воздуха. Вообрази себѣ пустоту вмѣсто атмосферы окрестъ земного шара: водимый опытами, ты землю узришь безводну и изся-шую; все на ней живущее исчезнетъ, растущее увянетъ и сторитъ, распадется самая кристаллизація, и всѣ явленія, идущія въ слѣдъ дѣйствіямъ воды, минуютъ. О ты, основаніе земли, гранитъ, громада необъятная! ты разсядешься, и шаръ земный воспылится ¹⁾.

Разсмотримъ теперь, столь ли нужны для вещественности приписываемыя ей непроницательность и твердость, необхо-димо ли онѣ истекають изъ ея понятія. Если въ понятіи не-проницательности лишь то заключается, что два тѣла, атома или частицы вещественности не могутъ быть въ одно время въ одномъ мѣстѣ, то это относится не только къ веществен-ности, но и *ко всякому существу, какого бы рода оно ни было*. Чувственностью мы имѣемъ представленія о вещахъ, а разумомъ понятія, т. е. познанія ихъ отношеній. *Общее всѣхъ представленийъ есть пространство,—всѣхъ понятій— время. Общее сихъ общихъ—бытіе*. Какое бы существо себѣ ни представлять, *первое*, что ему нужно, есть *бытіе* (безъ того не можетъ быть и мысли о немъ), *второе—время* (всѣ вещи въ союзѣ своемъ понимаются или *единовременны*, или въ *послѣ-*

¹⁾ Стр. 130.

дованіи одна за другою), *третье*—пространство, ибо существенность *всѣхъ являющихся* намъ *существъ* состоитъ въ томъ, что своимъ дѣйствіемъ на насъ они возбуждаютъ понятіе о пространствѣ и непроницательности ¹⁾. Все, что дѣйствуетъ на чувства, имѣетъ мѣсто и своимъ образомъ производитъ представленіе о протяженіи и о непроницательности: дѣйствуя на насъ изъ мѣста, вещь даетъ намъ чувствовать, что она не есть другая (непроницательность). Общее же понятіе и непроницательности, и протяженія, есть *пространство*. Итакъ, все, что имѣетъ *бытіе во времени* и *пространствѣ*, заключаетъ понятіе непроницательности, ибо и познанія наши состоятъ только въ свѣденіи бытія вещей въ пространствѣ и времени. Изъ этого есть только одно изъятіе: первая Причина всѣхъ вещей. Такъ какъ опредѣленныя и конечныя существа не имѣютъ въ себѣ достаточной причины своего бытія, то должно быть Существу неопредѣленному и безконечному. Такъ какъ являющіяся существа своею сущностью имѣютъ вызывать въ насъ дѣйствіями понятіе о пространствѣ, существуя въ которомъ они и опредѣленны, и конечны, то безконечное Существо не можетъ быть постигнуто чувственностью и необходимо отличается отъ существъ, познаваемыхъ въ пространствѣ и времени. Поелику познаніе первыя причины основано на разсужденіи отвлеченіемъ отъ испытаннаго и доказывается правиломъ достаточности, а конечное не одно есть съ безконечнымъ и отъ него отдѣлено, то конечнымъ существамъ *невозможно* имѣть удостовѣреніе о *безусловной необ-*

¹⁾ Радищевъ доказываетъ здѣсь то, противъ чего никто и спорить не станетъ послѣ Канта. Все, что является, разумѣется, заключается въ пространствѣ и времени. Ошибочно было только говорить о «всѣхъ другихъ существахъ», кромѣ вещественности. Кромѣ ея, и нѣтъ ничего въ чувственномъ опытѣ.

ходимости Высшаго Существа, и свѣденіе о необходимости бытія Божія можетъ имѣть *единъ Богъ*. Увы! мы должны *ходить оцупью*, какъ скоро вознесемъ *превыше чувственности* ¹⁾.

Изъ понятія непроницательности слѣдуетъ еще, что одно тѣло не можетъ *проходить* чрезъ другое. Но опыты физическіе доказываютъ, что наитвердѣйшія тѣла проникаются воздухомъ и водою, а для огня нѣтъ ничего непроницаемаго. Очень трудно привести одно тѣло съ другимъ въ совершенное соприкосновеніе. Во всякомъ тѣлѣ больше пустоты, чѣмъ согрудженія, особенно въ жидкихъ тѣлахъ, кои удивительно могутъ растягиваться и сжиматься. Поэтому то и утверждали, будто все твердое вещество въ солнечной системѣ можно со-вмѣстить въ орѣховую скорлупу. Если же разсудимъ, что посредствомъ химическихъ смежностей вещества могутъ смѣшиваться и производить совсѣмъ новыя, то окажется, что непроницательность въ послѣднемъ смыслѣ есть вымышленное свойство вещественности ²⁾.

То же самое можно сказать о *протяженности* и *образѣ*, который есть опредѣленность протяженія. Ибо, занимая мѣсто въ пространствѣ, вещество имѣетъ его опредѣленно, т. е. имѣетъ образъ, т. е. протяженно. Это понятіе столь свойственно нашему разуму, который наотвлеченнѣйшія понятія почерпаетъ изъ подлежащихъ чувствамъ веществъ, что противоположное представляется ему отрицательно.

Да и *безконечная дълимость* вещественности есть свойство воображенное. Въ этомъ признаются и тѣ, кто приписываетъ его, какъ существенное, матеріи, потому де, что оно

¹⁾ Стр. 133.

²⁾ Стр. 135.

возможно, и оно бы дѣйствительно произошло, если бы найти достаточную силу. „Я“, говоритъ Радищевъ, „не возьмусь опровергать *возможности*“. Ибо несуществующее есть мечта и не заслуживаетъ опроверженія. Если бы кто захотѣлъ сію раздѣлимость распространить на самого Бога, то стоилъ ли бы онъ единого на опроверженіе слова? Улыбнемся безумію и замолчимъ.—Впрочемъ можно ее распространить и на умственное вещество. Хотя дѣйствіе его нераздѣлимо, но оно заключено въ протяженномъ, которое можно раздѣлить не только мыслию, но и дѣйствительно. Для чего же почитать нераздѣлимымъ мыслящее вещество ¹⁾? Прейдемъ *замысловатыя бредни*: сколь онѣ ни замысловаты, но все—бредъ.

Твердость есть свойство, препятствующее безконечной дѣлимости матеріи. Опыты дѣлаютъ аксіомою то мнѣніе естествослововъ, что ни одна сила въ вещественномъ мірѣ не можетъ раздѣлить стихійныя начала. Значить, твердость противорѣчитъ раздѣлимости: онѣ не могутъ быть въ одномъ существѣ совокупны. Съ одной стороны раздѣлимость требуетъ разрушенія малѣйшихъ частицъ до безконечности (возможно ли такъ заблуждать и дѣлать пустое воображеніе бытіемъ!), съ другой стороны твердость, содержа стихійныя начала плотными, представляетъ разрушенію оплоту непреоборимую (и здѣсь явно дѣйствіе воображенія). Скажите ваше о семъ рѣшеніе, о вы, у коихъ разсудокъ не затмился предубѣжденіями учебными и предразсудками школы!

Но посмотримъ, твердость тѣлъ ²⁾ столь ли имъ свойственна и необходима, какъ то увѣряютъ учителя. Образъ,

¹⁾ Стр. 136—137. Мыслящее вещество здѣсь—мыслящая субстанція—*res cogitans*, а не «мыслящее вещество мозга» нашихъ современниковъ.

²⁾ Стр. 138. Въ оригиналѣ опечатка «тѣхъ».

какъ опредѣленіе протяженности, не можетъ существовать иначе, какъ вслѣдствіе сдѣпленія или взаимнаго притяженія частицъ (какъ скажутъ физики), или законовъ смежности (по мнѣнію химиковъ). Слѣдственно, сила сдѣпленія нужна, ибо безъ нея не было бы самой твердости, и все развалится. Но не довольно того, что разрушатся тѣла и перейдутъ въ хаосъ: гдѣ никакая сила не дѣйствуетъ, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль, уродливое воображеніе!

Итакъ, гдѣ бы эта сила ни находилась—въ самомъ ли веществѣ или наружи, она своимъ дѣйствіемъ производитъ, что частицы находятся во взаимной проникательности, или хотя просто одна близъ другой; она даетъ образъ, который безъ нея не можетъ быть. Уничтожьте сдѣпленіе,—и вещество исчезнетъ. Слѣдовательно, эта сила сосущественна веществу; одного нельзя вообразить безъ другой. Итакъ твердость есть слѣдствіе какія-либо силы, какъ причины, а существо есть отъ нея происходящее дѣйствіе.

Столь же свойственно вещественности и *отраженіе*. Очень трудно привести (какъ показываютъ опыты) два вещества въ истинное привосновеніе. Отраженность дѣйствуетъ иногда даже въ отдаленности отъ тѣла, которому она принадлежитъ. Отчего наплотнѣйшія тѣла столь проникательны? Что производитъ упругость, сжиманіе и растяженіе? Отчего одно вещество въ стѣсненіи становится упругѣе, а другое—въ растяженіи? Отраженіе, какъ и притяженіе, существуетъ вездѣ ¹⁾; вещества въ соразмѣрности дѣйствія одной силы ощущаютъ дѣйствіе и другой. На самомъ дѣлѣ въ вещественности существуютъ токмо притяженія и отраженія безъ всякой твердости: для чего предполагать твердое, если его части никогда не могутъ сплотиться? Заключимъ, что есть мѣсто въ пространствѣ, гдѣ существуетъ каждая сила,

¹⁾ Стр. 141.

и откуда она дѣйствуетъ въ соразмѣрной ея могучеству округѣ. *Локкъ* или его истолкователь употребили стихотворную и метафизическую картину всемогущества, вращающагося надъ пустымъ пространствомъ, и повелѣвшаго ему раздѣлиться и отвердѣть. вмѣсто слова явимъ мысль всемогущую: О дерзновеніе! изрекать словомъ, звукомъ, зыбленіемъ воздуха мысль предвѣчную! Да будетъ сила въ каждой точкѣ пространства— и се дѣйствіе началось! Притяженіе и отраженіе простерлися изъ среды своей дѣйствіемъ, явился образъ и протяженность, вещественность пріяла существо. Твердость столь мало имѣетъ мѣста въ сей системѣ, что удивительно, какъ мудрствовавшіе давно не разсудили, что она и совсѣмъ не встаети ¹⁾.

Друзья мои, оговаривается Радичевъ: раздробляя свойства вещественности, да не исчезнетъ она совсѣмъ, и да не будемъ сами тѣнь и мечта!

Бездѣйствіе есть то состояніе существа, изъ коего оно изступить не можетъ, доколѣ что-либо *ее*(?) изъ онаго не извлечетъ. Но утверждать, что бездѣйствіе есть свойство природы кажется нелѣпостью. Безразсудный! Когда зришь въ превыспренняя и видишь обращеніе тѣлъ лучезарныхъ, когда видишь жизнь, разсѣянную въ тысячи тысящей образахъ повсюду окрестъ себя,—ужели можешь сказать, что бездѣйствіе вещественности свойственно, и движеніе ей несродно. Все въ природѣ движется, и все живетъ. Если ты ничего не знаешь бездѣйствующаго, если все видишь въ движеніи, то не сумудріе ли говорить о томъ, что не существуетъ? На что намъ знать, что до сложенія міра было, и можно ли намъ знать, какъ то было? Вещественность движется и живетъ. Заключимъ, что движеніе ему сродно, а бездѣйствіе есть веще-

¹⁾ Стр. 143. Радичевъ указываетъ, что въ «сихъ сужденіяхъ путеводительствовалъ» ему *Пристлей* (стр. 142).

ство твоего воспаленнаго мозга, есть мгла и тѣнь. Мы имѣемъ право неоспоримое утверждать, что движеніе въ мірѣ существуетъ, и оно есть свойство вещественности ¹⁾. Показавъ неосновательность мнѣнія о бездѣйствіи вещественности, мы самымъ тѣмъ показали, что движеніе отъ нея неотступно и неотдѣлимо.

Послѣ всего сказаннаго о движеніи, притяженіи и отраженіи, ненужно еще показывать, что и *тяжесть* сосущественна вещественности. Эта всеобщая сила, въ понятіи которой заключается притяженіе и отраженіе, предугнана *Кеплеромъ* и доказана *Ньютономъ*. Правда, причина ея сокрывается отъ пронизанія нашего. Сія сила да будетъ дѣйствіе нѣкоего упругаго вещества, которое *эфиромъ* назвалъ Ньютонъ. Да и самый эфиръ—не вещественность ли онъ самъ? Ньютонъ, дѣлая его причиною, кажется, его къ веществу не причелъ, ибо будучи причиною, онъ не можетъ имѣть свойства того, что производитъ: нелѣпо сказать, что причина тяжести или притяженія сама имѣетъ тяжесть и притяжательна. Но бытіе эфира есть только предположенное, а не доказанное, изобрѣтенное для объясненія ипотезы, хотя и блестящія, но предположенныя безъ опытности. Есть тѣла (вѣдь и жидкости суть тѣла), подверженныя осязанію, коихъ свойство есть не тяжесть, а *сила средодоляющаяся*, както: огонь, газы и самая вода; закону тяжести они иногда слѣдуютъ, но токмо въ совокупленіи и отвердѣніи. Ихъ свойство не тяжесть, не сцѣпленіе, но растяженіе и возлетаніе, или лучше сказать, и то, и другое вслѣдствіе законовъ смежности. „Я съ трепетомъ возражаю что-либо изобрѣтенію остроумія, и дерзая противорѣчить Ньютону, покажусь несмысленнымъ; но какъ сказать можно, что огонь имѣ-

¹⁾ Стр. 143.

еть тяжесть, и гдѣ притяженіе воспаряющей воды, лишенной воздуха и безъ давленія атмосферы“¹⁾).

Вотъ предлогъ общаго естествословія, или она (?) метафизическая часть²⁾. Мы видимъ на изъясненіи общихъ свойствъ вещественности, какъ противорѣчивы и ненадежны чловѣческія сужденія: все въ оныхъ зависитъ отъ перваго изъясненія. Часто спорящіеся, имѣя разныя понятія о вещи, не понимаютъ другъ друга; желаніе заслужить имя остроумнаго ввергаетъ въ область воображенія, а потому и блужденія. Очень часто къ одному новому факту привязываютъ всѣ прежніе и составляютъ систему (а такъ какъ это названіе стало нѣсколько смѣшно), либо теорію, или умозрѣніе. Здѣсь Радищевъ справедливо указываетъ естествоиспытателямъ: „О умствователи, *держитесь опытности*... Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, къ чему стремитесь, есть мысль всевышняя, а вы что?“. Ньютонъ, сопрягая *изобрѣтенную* имъ тяжесть съ измѣреніемъ и исчисленіемъ, далъ ей блестящее правдоподобіе, и никто не смѣетъ ему противорѣчить. Притяженіе неоспоримо; но притяженіе тѣлъ небесныхъ, движущихся въ направленіи прямой линіи, едва ли не рушится, когда столь же дерзновенный разумъ сопряжетъ новыя откровенія (т. е. открытія) во едино и тяжесть оспорить захочетъ. Если можно истину предчувствовать, то сіе предчувствіе вѣроятно³⁾.

Обращаясь къ главному предмету разсужденія—безсмертію и свойствамъ души, Радищевъ задается вопросомъ: могутъ ли свойства вещественности быть и свойствами разумнаго

¹⁾ Стр. 147. Любопытно, что эти самостоятельныя разсужденія Радищева, основанныя на «опытности», сильно напоминаютъ позднѣйшія доктрины шеллинговцевъ (напр., Павлова, см. II томъ нашего сочиненія, стр. 172) о двухъ основныхъ силахъ.

²⁾ Недосмотръ редакціи текста.

³⁾ Стр. 149.

вещества, т. е. человѣческой души? Нелѣпо сказать, будто чувствованіе, мысль то же, что и движеніе, притяженіе и т. п. Но если показать, что послѣднія суть или могутъ быть также свойствами чувствующаго и мыслящаго вещества, то можно будетъ умозаключить, что и оно, и вещественность суть едино вещество. Чувственность и мысль окажутся тогда свойствами матеріи, но поскольку она образуется (т. е. получаетъ образъ) въ органическихъ тѣлахъ. Есть силы въ природѣ, подлежащія нашимъ чувствамъ только въ ихъ сопряженіи съ тѣлами; жизнь, какъ дѣйствіе неизвѣстнаго вещества, вездѣ разсѣяна, но становится тамъ явственнѣе, гдѣ сопряжено наиболѣе разныхъ силъ во едино: а это бываетъ тамъ, гдѣ начинается чувствованіе, которое, совершенствуясь, достигаетъ мысленности. Всѣ эти силы и самая жизнь являются совокупными съ вещественностью. Переменны въ мысленности соотвѣтствуютъ переменамъ вещественности. Мы заключаемъ, что въ видимомъ мірѣ живетъ одинакородное вещество, одаренное различными свойствами и искони существенно присвоенными ему силами. Намъ неизвѣстно, какъ произведенъ сей союзъ. И прежде всего, непроницательность свойственна вещественности, равномѣрно и мысленности. „Уже я зрю заранѣе толпы, на насъ возстающія; улыбки презрѣнія, осмѣяніе,—о если бы было одно опроверженіе доводовъ! Препобудемъ въ стезѣ нашей, и да молва не отвратитъ насъ отъ нашей цѣли!“ ¹⁾

Непроницательность есть то свойство какого-либо вещества, вслѣдствіе коего оно съ другимъ не можетъ находиться на одномъ мѣстѣ въ одно время. Все, что существуетъ, не можетъ иначе имѣть бытіе, какъ находясь гдѣ-либо. Пространство, хотя и есть отвлеченное понятіе, но въ самомъ дѣлѣ существуетъ, не яко вещество, но какъ отбытіе онаго. Если

¹⁾ Стр. 151.

необходима пустота для движенія, то мѣсто или точка, гдѣ она находится, можетъ дать понятіе о пространствѣ, т. е. о вмѣстилищѣ бытія. Слѣдуетъ, что и мысленное вещество должно гдѣ-либо находиться. А поелику каждое изъ нихъ(?) есть вещество особенное, снабженное особымъ бытіемъ, то два таковыхъ вещества (т. е. души) не могутъ быть на одномъ мѣстѣ въ одно время. „Смѣйся, если лучше разумѣешь, но воззри на себя и убѣдись!“¹⁾ Гдѣ мысль твоя живетъ? Гдѣ ея источникъ?—Въ главѣ твоей, въ мозгу, какъ учить ежемгновенный опытъ. Но мысль стоящаго близъ тебя неужели въ тебѣ, въ мозгу твоёмъ, для опроверженія моихъ доводовъ? Всякъ имѣетъ свою главу, свою мысль: мысль одного не есть мысль другого—и наоборотъ. Вы оба, или мысленности ваши—не въ одномъ мѣстѣ существуютъ, слѣдовательно, суть непроницательны онѣ, а не только ихъ органы, мозги. Если и признать, что мысленность отвлекаетъ насъ отъ тѣлесности, и двѣ особы мысленности относительно мысленію(?) могутъ быть совокупны,—то осмотримъ: пусть твое воображеніе влопочетъ и носится легчаѣ звука и быстрѣ свѣта, о тварь, се точка—и ты на ней!

Ступимъ шагъ еще въ изъясненіи „площадныхъ“ нашихъ доводовъ²⁾.

Мыслительность—протяженна, имѣетъ образъ. „Вижу, вижу, смѣешься, хочешь, влечешь за собою мѣру и вопрошаешь: которой геометрической фигурѣ она подобна?“

Протяженность есть то свойство вещества, вслѣдствіе котораго оно занимаетъ мѣсто въ пространствѣ. Дадимъ еще оружіе противъ себя. Протяженность есть то, что подлежитъ измѣренію; все подлежащее измѣренію имѣетъ предѣлъ; опре-

¹⁾ Стр. 132.

²⁾ Стр. 133.

дѣленная протяженность или измѣримость есть образъ. Мысленность заключена въ мозгу и не дѣйствуетъ на него извнѣ. Во всемъ ли она мозгу или въ одной его части—неизвѣстно. Положимъ, что кубическое содержаніе мозга есть 100 дюймовъ, то мысленность твоя, сколь бы мала ни была, хотя бы математическая точка, содержится во сто; ибо мозгъ измѣрить, свѣсить можно. Кто знаетъ, не отъ тяжести ли или легости происходитъ различіе умовъ? Если цѣлое велико кажется, ставь дроби $\frac{1}{100000}$ и т. д.—все будетъ измѣримая дробь.

Дадимъ мысленности и образъ ¹⁾: мозгъ протяженъ, а потому и все въ немъ содержащееся. Да и самъ по себѣ мозгъ имѣетъ опредѣленный образъ; слѣдуетъ, что и содержащееся въ немъ образованно. Ваятель дѣлаетъ сперва глиняную форму, да образуетъ своего Аполлона. Но каковъ именно образъ мысленности, опредѣлить того не могу. Всякое жидкое тѣло образуется по сосуду, въ коемъ содержится. Воздухъ, содержащійся въ куб. дюймѣ, можетъ растянуться на 100 куб. сажень. Но если онъ неудобоизмѣримъ, то его можно взвѣсить. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмѣнъ не положу. Сила электрическая въ лейденской склянницѣ взвѣшена. Не взвѣшена сила магнитная, но кто станетъ отрицать, что она невещественна(?).

Нѣтъ нужды говорить о другихъ свойствахъ вещественности, поскольку они приложимы къ мысленности: 1) *раздѣлимость*—свойство воображенное (не существующее), 2) *твердость*—свойство, не утвержденное ясно, 3) *бездѣйствіе*—мечта, 4) *движеніе*: мысленность одинъ изъ его разнородныхъ источниковъ, 5) *тяжесть*, или паче притяженіе и отраженіе: имѣетъ ли мысленность стремленіе къ центру земли, того не вѣдаю; во питаніе, пророжденіе, жизнь, любовь и ненависть, что суть?

¹⁾ Стр 153.

Не нужна ли сила притяженія на какое бы то сложеніе ни было? Ничто не можетъ быть средою ея дѣйствія, паче мысленности, если сила эта имѣетъ точку, откуда дѣйствуетъ. Онотакъ въ самомъ дѣлѣ (точки—пропускъ въ оригиналѣ ¹⁾); далѣе безъ связи цѣлый *passus*).

Разобранныя свойства вещественности, такъ сказать, метафизическія, заключались въ отвлеченнѣйшихъ понятіяхъ. Но есть свойства веществъ, кои, проистекая отъ коренного сложенія, заимствуютъ свойства начальныхъ частей вещества. Для познанія ихъ надо говорить о *стихіяхъ*, какъ началахъ веществъ.

Показавъ, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажемъ, *поколикую впрямую*, что и мысленность есть вещественности свойство. Прежде всего какія суть свойства вещества мыслящаго? Таковы: жизнь, чувствованіе, мысленіе. Эти свойства суть нѣчто болѣе, нежели просто движеніе и пр., хотя, *впрямую*, и эти силы участвуютъ въ ихъ произведеніи. Здѣсь Радищевъ желаетъ ввести экскурсъ „о составленіи тѣлъ вообще“, потому что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, движеніе не есть свойство подлежащихъ чувствамъ веществъ. Стихій всѣхъ тѣлъ суть: земля, вода, воздухъ, огонь. Мы знаемъ ихъ не въ чистомъ видѣ, а только въ сопряженіи. Если бы прочія стихіи не имѣли земляныхъ частицъ, то онѣ (кромѣ земли) ускользали бы отъ чувствъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенныя свойства: твердѣйшая—земля есть движимое, а остальные (огонь, а можетъ быть, воздухъ и вода)—суть начала движущія; онѣ производятъ движеніе въ тѣлахъ; безъ нихъ нѣтъ ни сложенія, ни разрушенія; онѣ занимаютъ болѣе мѣста, чѣмъ земля, которая одна изъ всѣхъ подлежитъ чувствамъ ²⁾.

¹⁾ Стр. 157.

²⁾ Стр. 160.

Опыты являютъ намъ, *что движеніе производятъ и не стихійныя вещества, какъ свѣтъ (совокупный огню), сила электрическая (имѣющая свойство огня), магнитная, *стихія соли*, которая есть всеобщій раздѣлитель, особливо, соединяясь съ воздухомъ, водою и т. д. Они имѣютъ истинную *энергію*. Но что она есть? То, можетъ быть, ей одной извѣстно, или Давшему ее стихіямъ. Далѣе—опять пропускъ ¹⁾, гдѣ должны были быть изложены „подробности о стихіяхъ“, дабы показать истинность и основанность на опытахъ сдѣланнаго „нами“ раздѣленія веществъ на движущія и движимыя.

Стихія, соединяясь одна съ другою, измѣняютъ свое вещество до неузнаваемости: вода уподобляется землѣ, огонь твердѣетъ, не жжетъ и не свѣтитъ, воздухъ обнаруживаетъ себя одною тяжестью. Средства, употребляемая природою для сложенія стихій, разнообразны, но слѣдуютъ одинаковымъ законамъ. Естественныиспытатели, уобщая понятія и восходя отъ одной отвлеченности къ другой, а паче сдѣлавъ себѣ систему, и возгнѣждая въ нее всѣ извѣстные факты, сказали, что общій законъ всѣхъ сложеній есть притяженіе. Но кристаллизація или стеклованіе суть ли одно (хотя, по мнѣнію *Бюффона*, образъ производитъ великую разность)?

Для доказательства сцѣпленія приводятъ опытъ двухъ гладкихъ поверхностей; это — одинъ изъ слабѣйшихъ случаевъ. Если сцѣпленіе производитъ сложеніе тѣлъ, то ужели сцѣпленіе въ стеклѣ сильнѣе золота? если бы не была другая сила, то что удержало бы золото подъ молотомъ, дало бы ему столь ужасное растяженіе?

Одно изъ главныхъ средствъ природы для сложенія и измѣненія стихій—*организация*; анализисъ частей животнаго указываетъ всѣ стихіи ²⁾. Органическое тѣло есть какбы химическая ла-

¹⁾ Стр. 161.

²⁾ Стр. 164.

бораторія, гдѣ происходятъ различныя амальгамы, раздѣленія и сложенія даже почти новыхъ веществъ, напр., нервной влажности. Последняя сходственна развѣ только съ электричествомъ и магнетизмомъ (которыя оба, можетъ быть, всосаны будучи въ тѣло, въ немъ амальгамируются, передвоятся и вмѣстѣ съ другими производятъ нервную жидкость?). Таковая имѣется и въ организаціи животныхъ. Въ организаціи дѣйствуютъ всѣ стихіи.

Жизнь ¹⁾ есть то дѣйствіе явленія, чрезъ которое сѣмя разверзается, растетъ, получаетъ совершенное дополненіе всѣхъ своихъ силъ, производитъ паки сѣмя, подобное тому, изъ коего зачалось, потомъ теряетъ силы и приближается къ разрушенію. Происходитъ ли жизнь просто изъ сложенія стихій, можно будетъ утверждать лишь тогда, когда искусственно произведутъ органическія тѣла. Сила, дающая жизнь, одинакова въ животныхъ, растеніяхъ (вѣроятно, и въ ископаемыхъ), но является различною въ разныхъ сложеніяхъ. Не безразсудно заключать, что огонь есть одно изъ необходимыхъ началъ жизни (если не самая жизнь?) По удаленіи солнца вся природа (кромѣ животныхъ, въ которыхъ больше огня) мертвѣетъ.

Раздраженность, примѣчательная уже въ растеніяхъ (особенно, въ чувственницѣ), и въ раздѣленіи, въ воспипѣніи тѣлъ, есть, вѣроятно, произведеніе силы электрической: чувственница увядаетъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Квасъ и всякая ферментація не есть начало раздраженности.

Чувственность есть свойство ощущать; она есть свойство нервовъ, какъ доказываютъ опыты, и приписывается фізіологами присутствію нервной жидкости. Безъ жизни не были бы намъ извѣстны ни чувственность, ни мысленность,

¹⁾ Стр. 165.

съ которыми она совокупна. Если мысленность мы находимъ только вмѣстѣ съ чувственностью, а она неразлучна съ жизнью, то не суть ли сіи три явленія тѣль—дѣйствія единого вещества? Или чувственность и мысль суть дѣйствіе отличнаго вещества, куда входитъ и электричество? Встрѣчается жизнь безъ чувственности, и чувственность безъ мысли. Но жизни сопутствуетъ всегда раздраженность (нижайшая степень чувственности). Да и не всегда бываютъ потребныя органы, нервы, для чувственности и мысли: есть вещества—на смежности единыя жизни и чувственности, что не имѣютъ и мозга.

Итакъ, въ существо жизни входитъ огонь; въ чувственности замѣтны явленія, подобныя силѣ электрической (и дѣйствуетъ она на наши нервы, подобно магнитной силѣ); чувственность, повидимому, есть продолженіе мысленности, ибо и понятія, и мысли всѣ происходятъ отъ чувственности, да и органы послѣдней—продолженіе органа мысленнаго. Не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательнаго, протяженнаго, образованнаго (т. е. имѣющаго форму), твердаго и проч. Ибо огонь, электричество и магнетизмъ суть свойства того же вещества, или оное само.

Къ этимъ общимъ разсужденіямъ Радищевъ присоединяетъ еще нѣкоторыя подробности, но уже не отъ себя, а въ видѣ большого монолога (стр. 169—192) воображаемаго собесѣдника, отчаяннаго противника безсмертія души, заклятаго матеріалиста, который и дѣлаетъ выводъ.

Излишне приписывать дѣйствію особаго вещества то, что можетъ принадлежать матеріи, неосновательно давать человѣческому тѣлу душу, отмѣнную отъ тѣла и непонятную. Жизнь, чувственность и мысль (ихъ называютъ душою) суть производеніе единого вещества, составительныя части коего имѣютъ различныя (и еще не всѣ испытанныя) качества. Успѣхи наукъ, особенно физики и химіи доказываютъ, что не невозможно

когда-либо уловить природу счастливыми опытами въ ея творительномъ стану. Хотя бы чувственность и мысль были особенныя силы, но нельзя торопиться отрицать ихъ принадлежность матеріи, будто онѣ даже и не могутъ быть ея свойствами.

Не удивительно, что возмечтали себя безсмертными тѣ, кому чужда природа, кто не обращаетъ на нее внимательнаго оза; не удивительно, что ищутъ прибѣжища превыше жизни гонимые бѣдствіемъ, скорбію, болѣзнію. Но всегда будетъ страннымъ то, что люди, наипаче проникшіе въ сокровенности природы и всегда упражнявшіеся въ разысканіи ихъ, примѣняются къ возрожденію, когда дойдетъ до рѣшенія этого вопроса о конечной смерти. Столь слабость наша велика, столь человекъ боится разрушенія! Такъ и быть должно, ибо съ младости мы окружены предубѣжденіями, твердящими о будущей жизни, и предметами, къ жизни привязывающими. Въ возмужалыхъ лѣтахъ или отвлекаютъ мысли отъ разрушенія, или представляютъ себѣ его невѣроятнымъ. Прислѣвъ къ гробу, и чувствуя необычайное, мы вдругъ обращаемся къ мыслямъ безразсудной юности. Кто былъ блаженъ, тому жаль умирать, и онъ мнитъ продолжать жизнь безсмертіемъ ¹⁾. Изнемогающій подъ тяжестью превратнаго счастья зрѣтъ въ кончинѣ конецъ несчастій и мнитъ возрожденія утѣхъ.

Какъ отыскатели дѣяній природы могутъ ошибаться въ ея дѣйствіяхъ! чувственность и мысль слѣдуютъ тѣлесности отъ рожденія до кончины; когда отмираетъ одна, престають дѣйствовать и другія. Родившійся совѣмъ непрічастенъ мысли, чувственность его весьма слабая. Тѣло укрѣпляется, купно съ нимъ мысль и чувственность. Лучшее для нихъ время, когда тѣло получило приращеніе и укрѣпилось всѣми силами. А какая степень осталась чувственности и мысли въ старикѣ: одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто ры-

¹⁾ Стр. 172.

даешь? Се одръ твой, се покой тѣла твоего! Всѣ начала става твоего притупилися, и рушиться имъ должно. Почто же плачешь о неизбѣжномъ? Когда жизнь прервется, увянетъ и чувственность, изсякнетъ мысль, и всякое напоминовеніе прелетитъ, яко легкій дымъ. Жалѣешь о блаженствѣ, ужели жалѣешь и о бѣдствіи? Возвѣсь ¹⁾ всѣ минуты печали, болѣзни и превратностей, и противоположи имъ минуты радости, здравіе и благоденствіе, увидишь, что чаша злосчастія всегда претянетъ чашу блаженства. О чемъ же сѣтуешь? Воскликни: се часъ мой! скажи: прости! и отыди!

Защитники души безвещественной, несложной и потому безсмертной утверждаютъ, что въ противоположность внѣшнимъ чувствамъ, внутреннее чувствованіе, происходящее отъ разныхъ чувствъ, и мысль, отъ чувствъ рождающаяся, есть нераздѣлима, какъ нераздѣлимо, всегда едино и просто *свидѣніе самого себя* (т. е. самосознаніе); значить, и вещество души также простое и неразрѣшимое, каковое разрушиться не можетъ: душа въ разрушеніи тѣла пребудетъ безсмертна.

Но скажи и истолкуй: какъ вещество простое можетъ дѣйствовать на сложное, какъ дѣйствуетъ непротяженное на протяженное? И еще того непонятнѣе: какъ непротяженное заключается въ протяженности? вѣдь понятіе протяженности противорѣчитъ нераздѣлимому ²⁾. Ты не знаешь, мечтающій вѣчность, какъ заключена душа безвещественная въ протяженное влагалище. Желая отличить душу отъ тѣла, ты сдѣлалъ ее уже не веществомъ, а отвлеченіемъ: она—точка математическая, слѣдовательно, воображеніе, сонъ. Душа твоя есть безсуществованность, ничтожество, небытіе: кто ощущалъ (если не въ мечтаніи) что-либо нераздѣлимое, несложное? И какъ себѣ это представить? Если точка есть конецъ линіи, то чему же

¹⁾ Мысль, на которой основана и Байронова Euthanasia.

²⁾ Стр. 173.

душа окончаніе? Тебѣ, кажется, наскучило житіе и услажденіе—оставь же насъ, отыди въ своя превыспренняя и веселися!

Но отчего невозможно согласное дѣйствіе всѣхъ чувствъ и органовъ? Все имѣетъ свою цѣль, и къ ней обращены всѣ части и силы. Ты существуешь въ мысленности; для чего же думаешь, что чувства и органы твои не для нея суть, и она не отъ нихъ? Если единственная частица воздуха не можетъ произвести звука, неужели заключать, что звукъ не есть произведеніе воздуха? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь въ человѣкѣ есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрелъ! Кто рыщетъ въ мечтаніи, недостойнъ, чтобы онаго былъ отлученъ. Чувственность местію не замедлитъ. Воцанья твои крылія растають отъ ея жаркости, и новый *Икаръ*, ты падешь ¹⁾!

Какъ могли войти въ твой мозгъ сія чрезъестественная простота и нераздѣлимость души? Возьми часы и ударь ихъ о камень: гдѣ будетъ сей почти разумный указатель времени? Или въ каждой части? Металль не возможетъ того безъ соразмѣрности въ колесахъ и пружинахъ. Душа нераздѣлима! Но звукъ, благогласіе раздѣлимы ли? Сложны и раздѣлимы производящія орудія, но не произведеніе ихъ! Не отъ чувствъ ли мысль свою получаешь? Нераздѣлимы ли ухо, око, носъ? Мысль, произведеніе чувствъ, душа (по твоему) нераздѣлима. Изъ одной души нельзя сдѣлать двухъ душъ. *Пристлей* говоритъ: разрѣжь олинъ шаръ на двое—выдутъ 2 половины, но не будетъ шара. Слѣдуетъ ли, что съ разрушеніемъ органовъ не можетъ разрушиться и душа? ²⁾

Ужели трудно вообразить т. наз. душу единственною и

¹⁾ Стр. 178.

²⁾ Стр. 179.

нераздѣлимою, яко дѣйствіе твоихъ органовъ и сложенія? Вообрази себѣ общество, сіе нравственное, соборное вещество (напр., римскій сенатъ, или аѳинскую площадь). Много частей в дѣйствій, но всѣ одного желаютъ. Это уподобленіе, а не сравненіе. Но всѣ усилія отдѣлить душу отъ тѣла напрасны.

Душа растетъ съ тѣломъ. Понятія и мысли мы получаемъ отъ чувствъ. Если не вѣришь ты мнѣ, прочти *Локка*. Онъ удивитъ тебя, что всѣ мысли твои, и самыя отвлеченнѣйшія, въ чувствахъ твоихъ имѣютъ свое начало. Это не противорѣчитъ тому, что отвлеченіе есть дѣйствіе разсудка. Въ чувствахъ корень отвлеченныхъ понятій. Зачѣмъ дѣлать душу веществомъ, особымъ отъ чувственности? Это похоже на то, какбы даешь душу носу, душу уху, а въ осязаніи—душу на каждую точку поверхности тѣла. Неужели на всякое дѣяніе тѣла дадимъ особую душу (вещество поющее, говорящее и т. д.)? Получая познанія отъ чувствъ, ты, странникъ, хочешь, чтобы мысленность была имъ чужда и противорѣчуща? Но откуда ты возмечталъ, что твоя душа безтѣнна и не есть дѣйствіе органовъ? Сколько тѣлесностей на нее дѣйствуетъ! Все измѣняетъ ее—пища, питье, болѣзни, страсти, холодъ, жаръ. Она страдаетъ, а не тѣло. Можетъ ли знать душа, какая мысль въ ней пробудится чрезъ мгновеніе, чего она возжелаетъ, какія движенія сдѣлаетъ тѣло и т. п.? Душа, окруженная предметами, есть то, что они ей быть опредѣляютъ ¹⁾. Если бы они не извѣщали твои чувства, если бы ты былъ лишенъ чувствъ, ты не былъ бы извѣстенъ, что ты существуешь, ибо никакая мысль не могла бы въ тебѣ возродиться.

Не токмо внѣшность, но и вся внутренность (страсти) царствуетъ надъ твоею душой. Когда, презирая жизнь, ты те чешь во слѣдъ возделѣнному предмету страсти,—гдѣ душа,

¹⁾ Стр. 182.

устроитель твоей тѣлесности, судія твоихъ дѣяній? Иногда, иногда возвысить гласъ, но непокорливые подданники влекутъ тебя.

Не токмо страсти умерщвляютъ твою душу,—всѣ потребности твои и недостатки произвольно властвуютъ надъ нею (терзаніе глада, напр.). Вѣдаешь ли всю власть желудка надъ мысленностью? Когда онъ тощъ, тѣло изнеможетъ, и душа разслабѣтъ. Когда обильный хиль вліется въ твои жилы (ты скорѣе знаешь дѣйствіе пресыщенія, ехидно замѣчаетъ Радищевъ ¹⁾), и естественность въ тебѣ обновляется, сколь слаба тогда твоя мысль! О вещество безтѣлесное, если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары конечно сильно на тебя дѣйствуютъ. Когда ты, о *любитель духовныхъ веществъ*, усумнишься въ своей вещественности, то войдя въ сонмъ пьяныхъ,—скоро убѣдишься, что съ тѣломъ и душа пьянѣтъ!

Скучно собирать еще доводы на то, что столь ясно. Душевныя силы возрастаемы съ тѣлесными; онѣ стали расширены удобреннымъ воспитаніемъ; воображеніе есть плодъ страны, гдѣ жительствоешь; память единственно зависитъ отъ мозга: когда онъ старится и твердѣтъ, тогда и память теряетъ свою способность; есть способы тѣлесныя на ея расширеніе; вниманіе утомляется напряженіемъ ²⁾. Если все сіе не есть тебѣ доказательствомъ, войдемъ за мною въ храмину, уготовленную человеколюбіемъ для страждущаго человечества, въ хранилище болѣзней: не содрогнешься ли? Нетрепетно восходивши на стѣны градскія и презиравъ тысячи смертей, ты зришь здѣсь твое разрушеніе, неминуемую смертность: весь составъ твой сотрется. Не тужи о воспаленномъ огневидею и умалишенномъ! Вѣрь, они нерѣдко насъ блаженнѣе: они

¹⁾ Стр.183.

²⁾ Стр. 184—185.

не вѣдаютъ своей болѣзни, теряясь въ мечтаніяхъ. Но содрогнись на бѣснующагося, на имѣющаго въ мозгу чирей. О душа, что ты и гдѣ ты? Если слабы доводы *Эпикура*, *Лукреція* и всѣхъ новыхъ ихъ послѣдователей, то великое множество примѣровъ найдется въ первой больницѣ ¹⁾.

Если и этого мало, то возри на сонъ, и разсмотри, что онъ есть: познаешь, каково состояніе души будетъ по смерти. Первое: сновидѣнія твои столь же мало отъ тебя зависятъ, какъ и отъ твоего понятія. Если можно тому вѣрить, что сновидѣніе есть начало пробужденія и производится чѣмъ-либо внѣшнимъ, то, значить, сновидѣніе нельзя отнести къ дѣйствованію твоей души. Когда же пары, подьземлющіяся отъ желудка, не тревожатъ мозга, и сонъ покоенъ и крѣпокъ, ты не только не чувствуешь, но и мысль твоя недѣйствительна. Посмотри на тѣхъ, кому болѣзни даютъ сонъ долговременный: спроси: мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что въ рѣшенія задачъ математическихъ упражнялися? Возри на объятаго обморокомъ и чувствъ лишеннаго! Если излишне испущенная кровь повергала тебя въ такое положеніе, то знаешь ты, что смерть есть. Какъ почтеть душу существованіемъ, отдѣленною отъ тѣла, когда сонъ и обморокъ лишаютъ ея того, что ея существо составляетъ!

Жить послѣ смерти не только невѣроятно, но и невозможно. Вообрази, что тѣло твое разрушилось, и ты уже мертвъ ²⁾. Хотя бы душа и была жива, но она лишена чувствъ, орудій мысли, и состояніе ея измѣнилось, нето, что при жизни: можетъ ли она ощущать и мыслить? Ты по душѣ своей будешь не тотъ человѣкъ, что былъ до смерти. Отъ чего зависятъ твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? По-

¹⁾ Стр. 186 (опеч. 189 въ одномъ экз.).

²⁾ Стр. 188.

средствомъ чувствъ ты сіе мгновение получаешь извѣщеніе о бытіи твоёмъ, и въ слѣдующее мгновение то же чувствуешь. Чтобы быть увѣреннымъ, что прежде чувствованіе происходило въ томъ же человѣкѣ, въ какомъ теперь, надлежитъ быть *напоминовенію*. Если бы человѣкъ не былъ одаренъ памятью, то онъ не могъ бы имѣть никакихъ знаній, и не вѣдалъ бы, что онъ былъ не далѣе, какъ въ прошедшее мгновение. Если по смерти память не будетъ свойствомъ твоей души, то можно ли назвать тебя тѣмъ же человѣкомъ, который былъ въ жизни? Всѣ дѣянія твои будутъ новы и не будутъ относиться къ прежнимъ. Жить вновь и не знать о томъ, что былъ, есть то же, что не быть. Забвенное—для насъ не существовало¹⁾. А что нельзя душѣ сохранить памяти, читай во врачебныхъ книгахъ многочисленные и убѣдительные примѣры. Престолъ памяти есть мозгъ; а онъ есть вещественность, тѣло, гніеть, разрушается. Память зависитъ отъ него единственно: гдѣ же она будетъ? Гдѣ будетъ прежній ты, гдѣ личность? Вѣрь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнетъ.

По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, гдѣ
Будешь по кончинѣ?
Тамъ будешь ты, гдѣ
Былъ ты до рожденья.

Сенека, въ трагедіи „Троады“ (т. е. „Троянѣи“²⁾).

¹⁾ Стр. 189.

²⁾ Стр. 190.

Troades, Act. II.

заключительный

Chorus Troadum.

398. Post mortem nihil est, ipsaque mors nihil,
Velocis spatii meta novissima.

Итакъ, если мозгъ и глава нужны для мысленія, а нервы для чувствованія, то безразсудно мечтать, что душа можетъ дѣйствовать безъ нихъ. Она ихъ произведеніе, а они осуждены къ разрушенію. Нельзя вообразить себѣ, что есть такое вещество, простое, нераздѣлимое, духъ, и чтобы онъ былъ по разрушеніи тѣла (въ подл. „они были“ (?).

Всякое состояніе вещества естественно предопредѣляется его предшедшимъ состояніемъ, безъ котораго послѣдующее не имѣло бы причины къ своему бытію. Предрожденное состояніе человѣка опредѣляло его состояніе въ жизни, а жизненное его состояніе опредѣляетъ, что онъ будетъ по смерти. До зачатія человѣкъ—сѣмя, коего опредѣленіе—разверженіе; а жизнь приготавливала распложеніе и разрушеніе. Когда жизнь преѣдетъ, почто мечтать, что она можетъ продлиться ¹⁾? Человѣкъ вышелъ изъ сѣмени, и составъ его разсѣменится по сложенію составляющихъ его стихій. По справедливости можемъ заключить изъ состоянія человѣка до начатія жизни о состояніи по скончаніи ея. Человѣкъ не имѣетъ воспоминанія о томъ, что онъ же существовалъ въ сѣмени; онъ не можетъ имѣть по смерти воспоминанія о томъ, что былъ въ живыхъ.

Конечный выводъ и заключеніе этого длиннаго монолога:

400. Spem ponant avidi; solliciti metum.

Quaeris quo jaceas post obitum loco?

Quo non nata jacent.

Это соотвѣтствуетъ у *Еврипида*: τὸ μὴ γενέσθαι τῷ θανάτῳ ἴσον λέγω (Андромаха въ «Троянкахъ», v. 63. 1). У *Цицерона*, De Finibus, I, 15, Torquatus: qua (morte) qui affecti sunt, in eadem causa sunt, qua antequam nati.

Bibliotheca classica latina, sive Collectio auctorum classicorum latinorum cum notis et indicibus (*N. E. Lemaire*), Omnia opera quae vulgo exstant sub nomine *L. A. Senecae*, pars. III sive opera tragica, volumen II, Parisiis, 1832, p. 273 и 274.

¹⁾ Стр. 191.

„Итакъ, о смертный! оставь пустую мечту, что ты есть *удѣль(?)* Божества.

Ты былъ нужное для земли явленіе вслѣдствіе законовъ предвѣчныхъ. Кончина твоя приспѣла, нить дней прервалась, скончался для тебя время и настала вѣчность!“.....

Радищевъ обрушивается на своего воображаемаго совопросника всею силой своей „чувствительности“: „О ты, доселѣ гласомъ *моимъ* вѣщавшій, тиранъ лютѣйшій, варваръ неистовый, хладнокровный человѣконенавидецъ, изыскательнѣе паче всѣхъ мучителей на терзаніе“. Жестокостью и звѣрствомъ онъ превышаетъ *Тиверіа, Нерона, Калигулу*, всѣхъ древнихъ и новыхъ терзателей человѣчества ¹⁾). Могущество тѣхъ простиралось на мгновеніе и не заgrabляло за жизнь. Всему, терзанію, болѣзнямъ, изгнанію, заточенію есть предѣлъ: едва духъ жизненный излетитъ изъ уязвленнаго и изможденнаго тѣла, какъ утщется вся власть и сила тиранновъ. Конецъ дней несчастнаго есть предѣлъ злобѣ мучителей и варварству осмѣяніе. Но ты (т. е. философъ, отрицающій безсмертіе), простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину моихъ дней, лишаешь меня не мгновеннаго блаженства, не скоропретѣающаго и брэннаго радованія. Подавляющая меня твоя рука тяжелѣе гнететъ увядающее сердце, нежели свинець, золото и чугуны. Жестокосердый, ты погашаешь единственный лучъ надежды для злосчастной души. Ты ограбляешь лишеннаго утѣхъ на землѣ—надѣянія возродиться на радость и на воздаяніе добродѣтели. Ужели *Сократъ* и его гонители осуждены на равную участь? „Ужели ничтожество есть жребій всѣхъ добродѣтельныхъ и злосчастныхъ!“ восклицаетъ Радищевъ, очевидно, имѣя въ виду и самого себя. Откуда твое дерзновеніе, твоя власть, веселіе, разрушающее *покой мой*. „Или не вѣда-

¹⁾ Стр. 192.

ешь, что может отчаяніе человѣка, лишеннаго семейства, друзей и всякія утѣхи“ (какъ самъ изгнанный авторъ трактата)¹⁾. Онъ угрожаетъ своему противнику страшнымъ мщеніемъ: „Не скроютъ тебя отъ карающія руки ни вертепы, ни лѣса дремучіе, ни пустыни!“ Мщеніе преслѣдуетъ тебя, настигнетъ, изторгнетъ изъ сердца твоего болѣе самая жизни. „Я мысль даже въ тебѣ претру надежды будущаго, и вѣчность отлетитъ —но что успѣю я? О тигръ, ты ея нечаешь!“ Самая страшная угроза съ точки зрѣнія Радищева—не имѣеть смысла для матеріалиста, не вѣщаго въ безсмертіе души.

¹⁾ Стр. 194.

К н и г а Ш.

Доселѣ, возлюбленные мои, я собиралъ, говорить Радищевъ, всѣ возможные и употребительные доводы, утверждающіе смертность души и старался имъ дать возможную ясность, поставить ихъ во всей блистательности и прелестности, дабы явнѣе была ихъ слабая сторона, если она есть. Теперь возвратимся и соберемъ все, что можно найти на подкрѣпленіе противнаго мнѣнія. О истина, непреложный органъ Всевышняго, спусти на блуждающаго во мнѣніяхъ хотя единый лучъ предвѣчнаго твоего свѣта, да отлетитъ отъ меня блужденіе, и тебя да узрю! ¹⁾

Желающему размышлять о смертности и безсмертіи можно посовѣтовать бывать часто при одрѣ умирающихъ: онъ могъ бы познавать, что есть смерть. А кто самъ находился въ преддверіи вѣчности, имѣя полный разсудокъ, тотъ можетъ сопровождать свои разсужденія внутреннимъ чувствованіемъ, которое въ касающемся до жизни и смерти безобманчивѣе разума. Тотъ же, кто ее не предчувствовалъ никогда, будетъ только изыскивать доказательства для убѣжденія другихъ въ томъ, въ чемъ самъ былъ убѣжденъ только наслышкою. Я всегда съ величайшимъ удовольствіемъ ²⁾ читалъ размышленія

¹⁾ Стр. 6.

²⁾ Стр. 7.

стоящихъ на воскраиіи гроба, на порогѣ вѣчности, и почерпалъ многое, чего въ другомъ мѣстѣ не находилъ, конечно, не въ воображенныхъ ситуаціяхъ, а въ истинныхъ таковыхъ положеніяхъ. Единословія *Гамлета Шекспирова* и *Катона у Аддисона* прекрасны, но одинъ въ нихъ порокъ,—вымышлены.

Посторонній (а не вы) можетъ спросить, вслѣдствіе моего собственнаго положенія: какое право имѣю я говорить о смерти человѣка? Вопросъ не лишній! и я ему скажу.... Но, друзья мои, вы дадите за меня отвѣтъ постороннему ¹⁾.

Что есть смерть? Естественная перемѣна состоянія, которой причастны не одни люди: смерть на землѣ объемлетъ всю жизненную и нежизненную естественность. Знаменіе ея есть разрушеніе. Но видъ ея угрюмый теряется предъ видомъ жизни.

Мы назвали смерть перемѣною. Разсмотримъ, что есть перемѣна вообще.

Вещь перемѣняется, когда изъ двухъ противоположныхъ опредѣленій одно въ ней перестаетъ, другое начинаетъ быть дѣйствительнымъ (темно, свѣтло). Перемѣна вообще есть переходеніе отъ одного противоположнаго опредѣленія вещи къ другому. Изъ шестія природы явствуетъ, что во всѣхъ перемѣнахъ между противоположностями есть всегда посредство, состояніе среды ²⁾, продолженіе перваго состоянія и постепенное измѣненіе вещи; противоположное же есть продолженіе средняго состоянія. Будущее состояніе вещи уже начинаетъ существовать въ настоящемъ. Противоположныя состоянія суть неминуемыя слѣдствія одно другого. Чувственно можно себѣ представить это подъ видомъ колообразнаго движенія, которое останавливается на мѣстѣ своего начала. Между точ-

¹⁾ Стр. 8. Здѣсь Радищевъ имѣетъ въ виду смерть своей первой жены.

²⁾ Стр. 10.

кою начала и точкою остановки (противоположнымъ состояніемъ) есть столько состояній, сколько въ окружности точекъ. Когда движеніе началось, то безъ препятствія особой силы движеніе продолжится до послѣдней точки; слѣдовательно, послѣдняя есть произведеніе первой. Другой примѣръ. Яйцо посредствомъ насиженія можетъ оживотвориться и быть птицею. Мы не сомнѣваемся, что въ яйцѣ цыпленокъ, хоть онъ и не виденъ. Если преслѣдовать прехожденіе и ежедневно наблюдать, то увидимъ постепенное приращеніе, пока чрезъ 21 день созрѣвъ на исшествіе, онъ не провлунетъ скорлупу и не воскликнетъ, являя предъ Создавшимъ, аки бы: „се азъ на прославленіе Твое!“ Сколько состояній прошло яйцо! и всѣ они непрерывны, выходятъ другъ изъ друга естественно; таково есть теченіе силъ естественныхъ, что единожды пріавъ начало, онѣ дѣйствуютъ непрестанно и производятъ перемѣны постепенныя, которыя становятся видимы только по времени. Ничто не происходитъ скопомъ, говоритъ *Лейбницъ* ¹⁾.

Все перемѣняющееся должно имѣть силу дѣйствовать или способность страдать; дѣйствуя или страдая, оно становится не то, что было, и непремѣннымъ (т. е. неизмѣняющимся) не можетъ быть ни на мгновеніе. И что или кто можетъ воспятить стремленію перемѣны? Развѣ Тотъ, Кто далъ природѣ силу, движеніе, жизнь. Катится время непрерывно, усталости не знаетъ, шлетъ грядущее во слѣдъ претекшему, и все перемѣняющееся является намъ въ новый образъ облеченно. „О мѣра теченія, шествія премѣнъ и жизни! о время, помедли, помедли!“ Се безразсудное желаніе многихъ, внимающихъ гласу страстей. Но время, не внемля глаголу безумія, течетъ. Нельзя себѣ представить ни единого мгновенія отдѣленно, и нѣтъ двухъ мгновеній, коихъ предѣлъ можно бы ознаменовать. Не

¹⁾ Стр. 12.

въ слѣдъ текутъ они одно другому, но другъ изъ друга рождаются, и всѣ имѣютъ единый общій предѣлъ. Наималѣйшее мгновеніе можно раздѣлить на части, которыя всѣ будутъ причастны свойству времени, и нѣтъ двухъ мгновеній, гдѣ бы третіе нельзя было вознѣздить. Время есть мѣра дѣянію; значить, нѣтъ двухъ состояній вещи, между которыми нельзя было бы вообразить третье, или назначить предѣлъ, ибо едва одно состояніе скончалось, другое уже существуетъ. Сіе шествіе столь стѣсненно, столь неразрывно, что мысль наша можетъ только идти во слѣдъ за нимъ, а не одинаковою высотой. Вообразимъ себѣ мгновеніе и состояніе вещи въ немъ: какъ оно уже претекло, — и мы уже въ другомъ мгновеніи, и вещь уже не въ томъ состояніи ¹⁾.

Приложимъ это понятіе перемѣны къ смертности человѣка. Жизнь и смерть—состоянія противоположныя, а умираніе—средовое, чрезъ которое жизнь скончается, и бываетъ смерть. Во времени нѣтъ и не бываетъ отдѣленія; а въ состояніяхъ вещи нѣтъ существеннаго раздѣленія: когда движеніе началось, то непрерывно есть, доколѣ не скончается. Если перемѣна есть прохожденіе изъ одного состоянія въ противоположное чрезъ среднее, то жизнь и смерть, какъ противоположности, суть слѣдствія одна другой: можно сказать, что, когда природа человѣка производитъ, она ему уже готовитъ смерть. Смерть есть слѣдствіе неминуемое—жизни. Если бы мы имѣли овещаяхъ нутрозрительныя познанія, то эта великая перемѣна жизни и смерти въ одушевленномъ казалась бы намъ менѣе отдѣляющеюся, нежели отдѣленія дня отъ ночи, которыя существуютъ лишь потому, что не можемъ имъ преслѣдовать. Но пойдѣмъ по поверхности земли къ западу со скоростью, равной вра-

¹⁾ Стр. 15.

щенію земли, мы сугки будемъ въ полднѣ и возвратимся на старое мѣсто опять въ полдень. Изъ этого примѣра мы видимъ, что перемѣны только для насъ столь отдѣлены въ своихъ прохожденіяхъ, а не по существу вещи.

Итакъ, не безразсудны ли наши стenanія и вопль при умираиіи чelовѣка, если мы знаемъ, и если увѣрены, что родившись единожды, умереть ему должно ¹⁾? Сколь справедливѣе было нѣкогда обыкновеніе рыдать при рожденіи младенца, по смерти же радоваться и разстаніе съ умершими препровождать въ пиршествахъ. Когда неумолимая смерть простретъ на чело мое мразное свое покрывало, и узрите меня бездыханна, не плачьте, о возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована при рождествѣ; бдѣніе уготовляетъ сонъ, а сонъ—бдѣніе: почто не мыслить, что смерть, уготованная жизнью, уготовляетъ паки жизнь? Столь въ мірѣ все непрерывно! О возлюбленные мои, смерть будетъ вонецъ скорби и терзанію: исторгнутый (?) отъ ига предрассудковъ, помните, что бѣдствіе не есть уже жребій умершаго.

Душа и тѣло тѣсно связаны другъ съ другомъ; вѣроятно, смерть (скончаніе жизни) равно касается того и другого: смертью измѣняется тѣло, да, надо думать, и душа. А такъ какъ душа, отторженная отъ тѣла, не будетъ подлежать нашимъ чувствамъ, то единственнымъ разсудкомъ постигать можно, что ей послѣдуетъ по отдѣленіи отъ тѣла.

Опыты показываютъ во всѣхъ органическихъ тѣлахъ три состоянія бытія: 1) *рожденіе* и *жизнь*,—когда тѣло начинаетъ подлежать чувствамъ, 2) *смерть*, когда чувства не ощущаютъ въ тѣлѣ органическихъ движеній, и 3) *разрушеніе*, согнатиe, когда измѣняются видъ и образъ и исчезаютъ отъ понятія чувства. Но эти состоянія только для чувствъ отдѣлены, а

¹⁾ Стр. 17.

въ естественности каждое есть лишь звено непрерывной цѣпи перемѣнъ, т. е. постепенныя разверженія одной и той же вещи и облеченія ея въ несчетные виды и явленія. Жизнь, и смерть, и разрушеніе суть только сужденія нашихъ чувствъ о перемѣнахъ вещественныхъ, а не состоянія сами по себѣ. Се первый лучъ надежды, о возлюбленные ¹⁾! По разрушеніи тѣла его составныя части отходятъ къ своимъ началамъ, не переставая дѣйствовать и страдать, ибо не исчезнуть. Вслѣдствіе вышесказаннаго (стр. 147), мы должны признать между бытія и небытія посредство. Итакъ, послѣ бытія небытіе существовать не можетъ, и природа не можетъ ни дать бытія, ни обратить вещь въ небытіе ²⁾. Душа, находящаяся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ тѣломъ, слѣдуетъ всѣмъ перемѣнамъ, случающимся съ тѣломъ; умереть ли она съ тѣломъ, и есть ли на сіе возможность? Буде она должна умереть, то 1) или вдругъ перестанутъ всѣ ея дѣйствія и страданія, и она исчезнетъ въ одно мгновеніе, или 2) она, какъ тѣло, подверженное тысячѣ перемѣнъ, испытаетъ разныя образованія,—и будетъ эпоха, когда душа въ силу измѣненій будетъ болѣе уже не душа, и подобно тѣлу, раздѣляясь на части, перейдетъ въ другія сложенія. Третіе, по видимому, невозможно, ибо природа ничего не уничтожаетъ: небытіе или уничтоженіе есть напрасное слово и пустая мысль.

Обезпеченные въ невозможности небытія, мы рассмотримъ вѣроятность разрушенія души.

Если душа бываетъ подвержена всѣмъ перемѣнамъ, которымъ подвержено тѣло, то теряя помалу всѣ силы, она упадетъ. Но когда имѣетъ быть это мгновеніе? Развѣ тогда

¹⁾ Стр. 19.

²⁾ Стр. 20.

душа исчезнетъ, когда она не нужна болѣе тѣлу съ его испортившимися органами? Но тѣло не исчезаетъ: оно умираетъ и распадается на части. Что же будетъ съ душою? Орудія ея чувствованія и мысли разрушились и ей не принадлежатъ; но неужели все въ ней опустѣетъ, и не останется слѣда отъ всѣхъ мыслей, воображеній, страстей и т. д.? Неможно сего думать: ибо это было бы ея уничтоженіемъ ¹⁾. Но такъ какъ силы природныя (ср. стр. 151) не возмoгаютъ на уничтоженіе, то душа пребудетъ навсегда неразрушима. И постигнѣ какъ себѣ представить преобразование частей души (*полагая*, что онѣ суть)? Части тѣла раздѣляются на стихіи, по чредѣ могутъ быть земля, растеніе (во снѣдъ животному, которое—во снѣдъ человѣку). Человѣкъ можетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ частію существовать въ другомъ человѣкѣ. Но каковы стихіи въ частяхъ души, и куда перейдутъ сіи стихіи? Итаетъ душа во вѣки не разрушится и будетъ существовать во вѣки. Такое прехожденіе не можетъ основываться ни въ существѣ единыя вещи, ни въ существѣ сложенныхъ. А будетъ ли она страдать и дѣйствовать, т. е. мыслить, желать и чувствовать? Но какъ ей, отдѣленной отъ тѣла и лишенной потребныхъ орудій, чувствовать и мыслить? Если же душа непричастна уничтоженію, то мысль останется съ нею, какъ и бытіе: всякое вещество дѣйствуетъ вслѣдствіе своихъ силъ; неужели одна душа будетъ силъ лишена и „яко первобытная вещественность (матерія) недвижима и недѣйствуай“?

Опытъ учить насъ, что мы безъ чувственности не могли бы имѣть понятій. Но какіе же опыты имѣемъ мы для заключенія ²⁾, что душа безъ тѣла будетъ лишена чувствованія и мысли? Никакихъ! Мы станемъ неправильно отрицать силу въ

¹⁾ Стр. 22.

²⁾ Стр. 25.

природѣ потому только, что она намъ неизвѣстна, какъ житель Египта, видя Нилъ, заключилъ бы, что невозможно поверхности воды твердѣть. О безмыслии души безъ тѣла мы заключимъ сходственно понятій нашихъ, почерпнутыхъ въ опытности; но истинность заключенія та же, что и у египтянина.

Если изъ вышесказаннаго нельзя еще съ увѣреніемъ заключить, что душа безсмертна, то для любящихъ добродѣтель могло въ доводахъ найтись что-либо убѣдительное. Но возраженія, родившіяся изъ самихъ доводовъ, могутъ быть сочтены доказательствами противнаго мнѣнія, если ихъ оставить безъ отвѣта. Если бы была одна возможность, что душа есть вещество само по себѣ, то убѣжденіе послѣдовало бы очевидное. Но осязательнымъ быть зрится и столь же вѣроятнымъ, что душа (или мысленное существо) есть свойство искусно сложеннаго тѣла, подобно здравію или жизни. Это возраженіе требуетъ прилежнѣйшаго разсмотрѣнія ¹⁾.

Въ сложенномъ мы обрѣтаемъ, 1) что вещи, находившіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи, сближаются, и 2) что вещи, прежде раздѣленныя, сообщаются и составляютъ союзъ, нѣкое цѣлое. Изъ этого сопряженія рождается: 1) нѣкоторый порядокъ въ образѣ сложенія составительныхъ частей, 2) силы ²⁾ и дѣйствительныхъ частей чрезъ то измѣняются—то препинаемы, то споспѣшествуемы, или перемѣняемы въ направленіи своемъ. Но невозможно, чтобы въ цѣлости сложеннаго явилась *новая сила*, которой начало не находилось бы въ составныхъ частяхъ. Если бы всѣ начала и части были бездѣйствующи—въ смертномъ покоѣ, то какъ бы ихъ сложеніе ни было искусно и изящно,—онѣ бы навсегда пребыли мертвы и не произвели бы движенія, отраженія или какой-либо силы. Сіе положеніе хуже было

¹⁾ Стр. 27.

²⁾ Недосмотръ ред.: «составительность частей».... «силы».

бы хаоса древняго, если было бы быть ему возможно; ночь вѣчная была бы ея сопутница, и смерть свойство первое ¹⁾).

Однако же въ сложеніи цѣлаго примѣчается благогласіе или согласіе, соразмѣрность, хотя въ частяхъ нѣтъ ни того, ни другого. Напр., одинаковый звукъ не имѣетъ благогласія, а сложеніе многихъ нерѣдко—наивелелѣпнѣйшее. Какая соразмѣрность или правильность въ кирпичѣ, камнѣ, кускѣ мрамора и мѣди? Но взгляни на храмъ св. Петра въ Римѣ, на Пантеонъ. Благогласіе, соразмѣрность и все т. п. значать ничто иное, какъ отношеніе разныхъ чувствованій между собою въ томъ порядкѣ, какъ они намъ предлежали: къ симъ понятіямъ принадлежитъ сравненіе разныхъ чувствованій, которыя вообще составляютъ цѣлое, частямъ особенно не принадлежа. Могло ли бы родиться благогласіе, если бы каждый звукъ не представлялъ по себѣ впечатлѣнія? Дѣйствительность въ цѣломъ не можетъ возродиться, если начало ея не въ частяхъ находится. Итакъ во всякомъ сложенномъ замѣчать нужно: 1) послѣдованіе и порядокъ частей составительныхъ въ пространствѣ и времени, 2) сопряженіе начальныхъ силъ и порядокъ, въ которомъ онѣ являются въ ихъ сложеніи ²⁾. Но никогда изъ сложенія, какое бы оно ни было, сила возродиться не можетъ, какъ, смѣшивая синюю краску съ желтою, можно лишь получить зеленую (которой присущи синія и желтыя частицы), но не красную, частицы коей совсѣмъ другого существованія.

Заключеніе изъ предъидущаго: если наша душа (или мыслящая сила) не есть вещество по себѣ, но свойственность сложенія, то 1) она происходитъ (подобно благогласію) изъ особаго положенія и порядка частей, или 2) какъ сила сло-

¹⁾ Стр. 28.

²⁾ Стр. 30.

жизнаго, имѣющая начало въ дѣйствительности частей цѣлаго. Третьяго, кажется, нельзя мыслить.

Благогласіе и соразмѣрность основаніе свое имѣютъ въ сравненіи (звуковъ и разныхъ неправильныхъ частей), ибо не имѣютъ ни одинаковые звуки—благогласія, ни отдѣленныя части—соразмѣрности. Но гдѣ въ природѣ оно можетъ существовать, какъ не въ душѣ? Что есть оно, развѣ не дѣйствіе мысленныя силы, и можетъ ли оно быть дѣйствіе чего другого? Нигдѣ всемѣрно. Звуки слѣдуютъ одинъ за другимъ; камни въ строеніи, имѣя бытіе отдѣленное, только лежатъ одинъ возлѣ другого. Благогласіе и соразмѣрность суть принадлежности мысли, понятія отвлеченныя и безъ мысли не были бы причастны бытію ¹⁾). Пантеонъ былъ бы равенъ Ивану Великому, если бы не было разумнаго существа. Въ сравненіи почерпаютъ свое вещество и въ мысли живутъ красота, изящность всякая, и самая добродѣтель.

Причина, производшая вещь, не можетъ быть понимаема изъ дѣйствія вещи, или въ немъ существовать: протяженная тѣнь непрозрачнаго тѣла не есть вина существованію тѣла. Такъ все, чтѣ есть дѣйствіе сравненія, не есть причина, оное производящая. Если насвистъ снегиря или пѣсня канарейки родили канарейку и снегиря, то и соразмѣрность, порядокъ, красота суть сами по себѣ, а не произведенія сравненія. Если же сравненіе предполагаетъ сужденіе, а послѣднее—разсудокъ и мысль, то все, чтѣ есть произведеніе сравненія, можетъ быть только въ одной мыслящей силѣ. Итакъ все сложное, поколику въ сравненію относится, свое начало имѣетъ въ мысленной силѣ. Засимъ возможно ли, чтобы мысленная сила, источникъ сравненія, была дѣйствіе самой

¹⁾ Стр. 32.

себя, чтобы ея цѣлость, какъ въ благогласіи, состояла изъ частей, лежащихъ одна внѣ другой ¹⁾)?

Все сіе предполагаетъ дѣйствіе мысли и не можетъ приять дѣйствительность иначе, чѣмъ чрезъ нее. Такъ какъ всякое цѣлое, состоящее изъ частей, предполагаетъ сравненіе этихъ частей, а сравненіе есть дѣйствіе мысленной силы, то *эту силу и нельзя приписывать цѣлому, состоящему изъ частей*, ибо это было бы все равно, какъ сказать, что вещь происходитъ отъ своего собственнаго дѣйствія. „Недѣльность сія столь велика, что дальнѣйшее о семъ распложеніе не иное что, какъ свуку навлечь можетъ“ ²⁾.

Вторая и послѣдняя возможность, что душа (или мыслящее существо) простирается отъ сложенія тѣлесныхъ органовъ, состоитъ (ср. выше, стр. 154—155) въ томъ, что она есть сила или дѣйствительность сложеннаго. Таковая имѣетъ свое основаніе въ силахъ составляющихъ частей, какъ шаръ *Мотомъфьеровъ* не могъ бы вознестися и сдѣлать дѣйствительнымъ то, что едва ли возможнымъ почитали, если бы не былъ наполненъ легчайшимъ веществомъ, сдѣланъ изъ непроницаемой ткани и т. д. Сила цѣлаго или сложеннаго простирается изъ дѣйствительности частей его. Силы же частей или сходствуютъ съ силою цѣлаго, или съ оною несходственны. Примѣръ силы частей, сходствующихъ съ силою цѣлаго: свѣтильникъ, сплетенный изъ 10 свѣщей, изъ коихъ каждая имѣетъ особую свѣтильню. Каждая свѣща даетъ свѣтъ; въ совокупности свѣтильникъ даетъ свѣтъ сильнѣйшій, но свѣтъ происходитъ оттого, что каждая свѣтильня горитъ. Въ *Кумбинскомъ реверберъ* одна лампада горитъ, и вдавленная за нимъ поверхность отражаетъ ея свѣтъ; одно стекло изъ ревербера по себѣ от-

¹⁾ Стр. 33.

²⁾ Стр. 34.

ражаетъ, но всѣ вмѣстѣ также даютъ свѣтъ, и ярче. Но мы разсуждаемъ о сходственности силъ, а не о великости ихъ ¹⁾. Слышали ли роговую егерскую музыку, изобрѣтенную оберъ-егермейстеромъ *Нарышкинымъ* (сходную съ церковными органами)? Каждый рогъ производитъ одинъ звукъ и нерѣдко— весьма грубый; но хоръ можетъ играть разныя музыкальныя сочиненія. Очень близко находясь, слышишь вмѣсто благогласія нестройные звуки. Но при удаленіи явно благогласіе. Это служитъ примѣромъ, поволику сила цѣлаго можетъ несходствовать съ силами частей. Сіе правило можетъ имѣть соотчныя приложенія.

Вслѣдствіе этого: силы частей, изъ коихъ происходитъ сила мыслящая, 1) суть съ нею сходственныя (т. е., какъ и она—силы мысленныя), или 2) онѣ съ нею несходствуютъ, (т. е. суть другого существа и немысленны) ²⁾. Третіе посредство кажется быть невозможно. Но вѣдь всякое цѣлое происходитъ отъ сравненія, отъ соображенія мыслящаго существа, и можетъ быть лишь въ немъ; части сами по себѣ, силы частей—сами по себѣ, существуя и дѣйствуя въ своей особености, но въ сложеніи измѣняются и ограничиваются, сохраняя и начальную свою свойственность. Такъ (въ химіи) дѣйствіе соли средней не есть дѣйствіе ни соли кислой, ни соли алкалической, изъ коихъ она составлена; но соль заимствуетъ свойства обѣихъ солей, отмѣнныхъ другъ отъ друга. Невозможно, чтобы сила новая въ цѣломъ произошла единственно лишь отъ дѣйствія взаимнаго силъ частныхъ. Но если новая сила, отличная отъ частныхъ силъ, должна быть понимаема въ цѣломъ, то должно существовать мыслящее существо, которое составило оную изъ соображенія частныхъ силъ. Увеличитель-

¹⁾ Стр. 36.

²⁾ Стр. 38.

ное стекло показываетъ особенными синюю и желтую краску въ самомъ ихъ смѣшеніи, но глазъ зрѣть зеленость ¹⁾).

Итакъ; поелику происхожденіе силы цѣлаго, несходствующей съ силами частей, предполагаетъ сравненіе, предполагающее опять-таки мыслящее существо, то слѣдуетъ, что мысленная сила не можетъ простекать изъ частей, не имѣющихъ такой же силы. Сила мыслящая въ цѣломъ (сложенномъ) должна простекать изъ частей, одаренныхъ равными силами, т. е. изъ мыслящихъ же силъ.

Это мнѣніе, что мысленная (а потому и чувственная) сила есть произведеніе сходныхъ съ нею частей, на первый взглядъ вѣроятно. Ибо 1) различны пребыванія нашихъ чувствъ (очи видятъ, уши слышать и т. д., осязаніе распространено по всей поверхности тѣла). 2) Въ рукѣ чувствую боль отъ уязвляющаго руку враждебнаго орудія; при вкушеніи яствъ пріятность ихъ чувствую въ гортани; любовное услажденіе чувствуемо наипаче въ органахъ, на даяніе жизни устроенныхъ ²⁾). 3) Мы чувствуемъ, что мысль наша пребываніе имѣетъ въ головѣ; опыты показываютъ, что разстроенный мозгъ рождаетъ разстроенный рассудокъ. Мозгъ же есть сложное тѣло, имѣющее части: слѣдовательно, и мысли могутъ находиться въ немъ частно. Опытъ учитъ, что чувствіе распространено по всѣмъ членамъ, а умствованіе скажетъ, что и мысль также. Но что чувствуютъ отъятые рука, носъ? Были примѣры, что и безъ руки—рука была чувствуема. Мы часто обоняемъ даже то, что отдаленно. Зажмуривъ глаза, мы видимъ предъ собою „предстоящій предметъ“ (т. е. предметъ). „Отдѣленный отъ васъ, о возлюбленные мои, на цѣлую $\frac{1}{4}$ окружности земного шара, когда захоу васъ видѣть, воззову изъ внутренности мысленнаго

¹⁾ Стр. 40. Ср. выше, стр. 154.

²⁾ Стр. 41.

хранилища образы ваши; я зрю васъ предъ собою, бесѣдную съ вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мнѣ насаждена, и отдаленный я живу съ вами¹⁾.

Разсудимъ еще и сіе. Въ душѣ нашей имѣется несчетное количество понятій, склонностей, страстей: гдѣ онѣ разсѣяны? Или находятся раздѣленны, инныя тамъ, инныя индѣ, воспринувъ единожды и никогда не повторяемы? Или же всѣ онѣ въ единую часть собираются, сопрягаются и составляютъ связь? Итакъ, одно изъ двухъ: 1) или каждый членъ тѣла имѣетъ силу мыслящую, слѣдственно,—въ человѣкѣ столько же мыслящихъ силъ, сколько частей (или паче стихійныхъ началъ), или 2) она есть едина. Если эти силы многочисленны, и каждая изъ нихъ есть совершенная душа, то всѣ эти разсѣяныя души необходимо должны относить свои понятія и чувствованія въ единую среду, дабы цѣлое составлялося²⁾. Иначе мысль не будетъ слѣдовать мысли, ни заключеніе изъ посылокъ: мы не можемъ ни воспоминать, ни сравнивать, ни разсуждать. Отдѣльныя могутъ быть понятія, но не входя ни въ какую связь. Человѣкъ сего мгновенія не будетъ вѣдать, тотъ ли онъ, что былъ за одно мгновеніе. Онъ нынѣ не будетъ тотъ, что вчера. Итакъ, для составленія нашей единственности³⁾, нужно, чтобы въ насъ была единая мысленная сила, притомъ нераздѣлимая, непротяженная, неизмѣющая частей. Ибо, если хотя заподозрить въ ней части, то паки выйдетъ разгласіе частей, требующихъ единую среду,—и опять придется прибѣгнуть къ соображающему (соединяющему во едино)—то, что части дѣйствуютъ, мыслятъ, чувствуютъ. И что претитъ намъ назвать *душею* это существо, составляющее

¹⁾ Стр. 42.

²⁾ Стр. 43.

³⁾ Стр. 44.

нашу особенность, сіе могущество, соединяющее во едино, сіе существо, простое, несложное, извѣстное намъ токмо жизнию, чувствованіемъ, мыслию?

Теперь болѣе уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что душа—существо само по себѣ, отличается отъ тѣлесности, даетъ движеніе, жизнь, чувствованіе, мысль. Она проста, непротяженна, нераздѣлима, словомъ—душа, отмѣнная отъ вещественности. Хотя ихъ взаимное дѣйствіе доказываетъ сходствія между ними, но силы одной (извѣстныя намъ) отличаются отъ силъ другой. Называть же душу вещественностью — напрасное слово ¹⁾: вещь сама въ себѣ, то, что составляетъ мысль и особенность каждаго изъ насъ, наше внутреннее „Я“ пребудетъ ни магнитная, ни электрическая, ни притяженія сила, а ничто другое. А хотя бы въ источникѣ она и была съ ними одинакова, но проходя чрезъ столь искусственные органы человѣческаго тѣла, она является силою лучше всѣхъ силъ. Какова же она можетъ быть, усовершенствовавшись въ тѣлесности нашей, то едва намъ понимать возможно. Во всякомъ случаѣ, чтобы было понимаемо протяженное и образованное, всегда нужно мыслящее существо: понимающее предшествуетъ понимаемому, мысленное идетъ во слѣдъ мыслящему. Безъ мыслящаго существа не было бы ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго, ни постепенности, ни продолженія: „исчезло бы время, пресѣклося бы движеніе, хаосъ возродился бы ветхій, и паки бы настала вѣчность.“ ²⁾

Для ищущаго истину нелицемѣрно, заключаетъ Радичевъ, доказательства о безсмертіи души могутъ распложаться по мѣрѣ желанія его познать сіе таинство: они разсѣяны вездѣ, вся природа свидѣтельствуетъ о безсмертіи человѣка. Но не

¹⁾ Стр. 45.

²⁾ Стр. 46.

одни доводы—человѣкъ носить въ себѣ и столь сильное убѣжденіе въ сей истинѣ, что за слабостію умственныхъ доказательствъ, оно одно становится увѣреніемъ. Нѣтъ о безсмертіи—математической ясности, но гласъ внутренняго чувствованія, но столь явная личность, столь единственное его „Я“, отъ всего отдѣленное и все въ себя собирающее, едва ли не рождаетъ очевидность ¹⁾).

Доселѣ доводы были просто метафизическіе, умозрительные, основанные на общемъ разсмотрѣніи веществъ; эти доказательства инымъ, пожалуй, покажутся слабыми. Для убѣжденія въ истинѣ нужно нѣчто болѣе: *касающееся до чувствованія должно быть подкрѣпляемо чувствованіемъ* ²⁾. Убѣжденіе рѣдко въ головѣ,—всегда въ сердцѣ. Здѣсь нужны чувственные, сердечные доводы: тогда увѣримъ и разумъ, и сердце. Обозрیمъ любопытнымъ окомъ всю природу и соберемъ виды ея, увѣряющіе въ безсмертіи человѣка. Потомъ сошедъ во внутренность нашу, положимъ вѣнецъ разсужденію.

Отъ камня, гдѣ, кажется, явственна одна лишь сила сцѣпленія, и части какбы только положена одна близъ другой,—до человѣка, составъ коего столь искусственъ, въ коемъ всѣ дѣйствители, извѣстные въ природѣ, являютъ высшую организацію, и видны силы, превышающія вещественность,—повсюду очевидна постепенность, лѣствица веществъ, на коей всѣ роды столь мало отличаются другъ отъ друга, что могутъ почестъся обратными: гранить, рубинъ и адамантъ, желѣзо, ртуть и золото однородны алою, тюльпану, ведру, дубу и—по чредѣ, сіи суть братія мотыльку, зміѣ, орлу, жаворонку, овцѣ, слону, человѣку. На этой лѣствицѣ кристаллизація и минерализація заимствуютъ уже растительной силы, коралль,

¹⁾ Стр. 47.

²⁾ Стр. 48.

губа, мохъ различествуютъ токмо утробою, въ ней же заграждаются; сила растительная переходитъ въ другомъ сложении въ раздраженность, а изъ сея—въ чувствительность; она же, распложаяся въ чувственности, совокупляется съ умственною силою. Всѣ сіи силы, тѣсяся во едино, и расширивъ свою энергію, отверзають уста въ человѣкѣ на глаголаніе, и влеча его насильственно на общественное сожитіе, дѣлають его способнымъ постигать даже Зиждителя вселенной.

О смертный, ты еси земля, прахъ! Трупъ твой, лишенный жизненной искры, есть снѣдь червію и участокъ согнѣтія и разрушенія. Но воззри на разумъ свой всеобъемлющій—олтарь тебѣ готовлю: ты Богъ еси! ¹⁾ Вознесися превыше всея твари, но не мечтай на земли быти болѣе, нежели еси. Но ты человѣкъ, есть въ тебѣ надежда—и се степень къ восхожденію: совершенствуешь паче и паче, и что тебѣ быть опредѣлено, гадай!

Если сія лѣствица восхожденія—не пустой вымыселъ, то необходимо предполагать вещества, превыше человѣка, и силы невидимыя. Образы организациі возрастають, и человѣкъ на земли кажется вѣнцомъ сложений. Но эти сложения при всемъ кажущемся различіи имѣють удивительную сходственность ²⁾. Во всѣхъ трехъ царствахъ ростеніе и соблюденіе твари, да и самое питаніе въ животныхъ есть усвоеніе. Различіе половъ кажется необходимымъ для распложенія во всѣхъ царствахъ (въ ископаемомъ,—зарожденіе селитры и металловъ: ср. выше, стр. 85 и 97). Сіи сходственности вообще возрастають постепенно къ совершенствованію: напр., усвоеніе—въ ископаемыхъ производит охрусталеніе (не говоря о другихъ дѣйствіяхъ), въ растеніяхъ—цвѣты и плодъ, въ животныхъ—

¹⁾ Стр. 51.

²⁾ Стр. 52.

органы чувственные и органъ мысли — мозгъ. „Вообрази же разстояніе кристалла отъ органа разума, и помысли, что можетъ единой (?) изъ силъ естества“¹⁾.

Восхожденіе явно во всѣхъ сложеніяхъ. И сложеніе тѣмъ искуснѣе, чѣмъ составныя части его различнѣе и болѣе заимствуютъ отъ нижнихъ сложеній. Всѣ возможныя силы (сколько онѣ намъ извѣстны) соединены въ человѣкѣ и дѣйствуютъ совокупно: въ камени примѣчается простое усвоеніе; въ растеніяхъ—сила растущая и плодящаяся; въ животныхъ и то, и другое, но паче чувствительность, мысль; а человѣкъ познаетъ уже первую всему причину—Бога. Но неужели человѣкъ есть конецъ творенія? Неужели постепенность на немъ прерывается? Невозможно:—уже по тому одному, что въ человѣкѣ умственность чрезчуръ много различествуетъ отъ тѣлесности: одна половина его—въ сходственности нисходящей, и другая половина требуетъ восходящей сходственности.

Итакъ, человѣкъ, существо двуестественное, не есть въ настоящемъ своемъ видѣ окончаніе организаціи. Это увѣреніе, почерпнутое изъ постепенности видовъ организаціи и изъ постепенности въ сложеніи естественныхъ силъ, поддѣрпывается прилежными природы наблюденіями: 1) никакая сила въ природѣ не дѣйствуетъ безъ свойственнаго ей орудія, органа; 2) никакая сила въ природѣ не можетъ исчезнуть, пропасть. А если мы убѣдимся и въ томъ, и въ другомъ, то явственно будетъ: 1) въ человѣкѣ есть сила, которая тѣла его есть токмо орудіе(?); 2) и по разрушеніи тѣла эта сила не уничтожается, можетъ всегда существовать и жить отъ тѣла отдѣленно: слѣдовательно, она есть безсмертна²⁾.

Опытъ доказываетъ: 1) что сила не есть органъ;

¹⁾ Стр. 53.

²⁾ Стр. 55. Нужно: «которой тѣло его есть» etc. Редакція придала мѣсту совсѣмъ обратный—матеріалистическій смыслъ.

2) сила не есть дѣйствіе органа; 3) безъ орудія сила не можетъ быть намъ извѣстна; напр., магнитная сила отлична отъ куска стали, черезъ какой явны ея дѣйствія. Изъ опытовъ надъ магнитомъ явствуетъ: 1) сила магнитная существуетъ невидимо, и въ желѣзѣ, 2) явна бываетъ она только, когда приходитъ въ желѣзо, 3) слѣдуетъ, что желѣзо есть органъ силы магнитной, а не дѣйствіе его (?), 4) слѣдуетъ, что сила магнитная есть сама по себѣ. То же можно сказать и объ электричествѣ и проч. И кажется, что 1) всѣ естественныя силы невидимы и становятся явственными, только дѣйствуя черезъ свое орудіе, 2) нашедъ оное, онѣ къ нему прилѣпляются ¹⁾.

Въ организаціяхъ же необходимость органа для проявленія силъ еще болѣе явственна: онѣ оныя устрояютъ и прилѣпляются къ нему. Когда зерно отъ теплоты проростаетъ, яйцо отъ насиженія образуется въ птицу, и животное въ утробѣ зачинается, не можно ли сказать, что имъ сообщается теплота жизненная, какъ желѣзу магнитная сила? Но вотъ и различіе. Едва жизненная сила нашла свойственный органъ, то она усваиваетъ всѣ стихіи и подчиненныя силы; посредствомъ усвоенія она разверзаетъ или творитъ свой органъ, совершенствуетъ его и сама съ нимъ достигаетъ совершенства, какое можетъ органъ ей дать. Что же это за сила? Едва ли угадаемъ, если скажемъ, что она есть свѣтъ, эфиръ и т. п. Она ли есть посредство между тѣла и души, она ли вожатый души на образованіе тѣла? Какъ бы то ни было, этой силѣ надобенъ органъ для проявленія; слѣдовательно, тѣло есть органъ души для ея разнообразныхъ дѣйствій ²⁾. Положимъ, что душа вещественна, что она дѣйствуетъ не иначе, чѣмъ другія силы, что они

¹⁾ Стр. 56.

²⁾ Стр. 58.

(?) (и сіе вѣроятно) въ тѣлѣ посредствомъ нервовъ чувствовать изучилия и посредствомъ мозга мыслить; положимъ, что душа есть та же сила, которая является намъ въ другихъ образахъ: движеніи, протяженіи, раздражительности. Но можетъ ли какая то ни было сила пропасть, уничтожиться? Что такое уничтоженіе силы? Какъ себѣ вообразить это? Сложенное только можетъ разрушиться;—но остаются части. Понятіе уничтоженія силы заключаетъ въ себѣ большее противорѣчіе, нежели сказать, что нѣчто обратится въ ничто. *Гердеръ* говоритъ: что Всеоживляющій воззвалъ къ жизни,—живетъ; что единожды дѣйствуетъ, дѣйствуетъ вѣчно ¹⁾.

Итакъ, нелѣпо предполагать, что можетъ уничтожиться душа, мыслящее существо, эта сила, благолѣпнѣйшая изъ всѣхъ на земли, себя самою познающая, собою управляющая, въ дѣяніяхъ своихъ уподобляющаяся силѣ Творчей. „Она ли можетъ уничтожиться, когда ни единая пылинка, атомъ единый не могутъ изыти изъ предѣловъ творенія!“ Ибо уничтоженіе есть изъятіе изъ вселенной, претвореніе въ ничто. И то, и другое—пустыя слова: опровергать ихъ—безплодная и невозвратная потеря времени! Нѣтъ, сила, чувствующая и мыслящая въ человѣкѣ, не исчезнетъ, но въ слѣдствіе явнаго въ природѣ шествія перейдетъ въ другой порядокъ вещей. Нижняя организація въ природѣ служитъ для высшей. Грубые земныя части претворяются въ растенія, которые суть снѣдь животнымъ,—а всѣ служатъ человѣку (по изреченію одного автора), величайшему убійцѣ на землѣ. Если въ животныхъ нисшія и простыя силы претворяются въ сложнѣйшія и тончайшія, неужто эта элаборація остановится на человѣкѣ? Къ чему же нуженъ его мозгъ, нервная влажность и то, что

¹⁾ Стр. 59.

дѣлаеть раздраженность мышцъ? Всѣ силы стремятся выше, чтобы соединиться въ человѣкъ: неужели наилучшая организація опредѣлена разрушиться безслѣдно, и силы, тѣснившіяся въ сложеніи человѣка, напрасно разойдутся? Нѣтъ! Столь безразсудно Божество не опредѣляло; тутъ не было бы ни цѣли, ни намѣренія! Мысль всемогущая, всесовершенная и предвѣчная была бы не нацѣлена! Се хуленіе ¹⁾!

Найдя въ общемъ шестви естественности нѣкоторое увѣреніе, что душа наша, какъ одна изъ естественныхъ силъ, не можетъ исчезнуть, поищемъ въ себѣ чувственныхъ доводовъ для убѣжденія въ нетлѣнности души, чтобы усмотрѣть, угадать или только предощутить, хотя несовершенно, каково будетъ состояніе души по отдѣленіи ея отъ тѣла.

1. Искусственны доводы *Гельвеція*, будто всѣдѣнія разума (способность понимать, судить и заключать) суть ничто иное, какъ способность чувствовать, простое чувствованіе. Изъ этого вѣдь могло бы лишь слѣдовать, что чувственность есть только орудіе разумныя силы ²⁾, что чувствовать (т. е. получать на наши чувства ударенія предметовъ) есть самая сила, дающая дѣйствительность чувствованіямъ и мысли. Наблюденія чувствованій нашихъ учатъ ³⁾ насъ, что мысль отъ чувствъ совсѣмъ есть нѣчто отдѣленное. Напр., каждое ово получаетъ особенное и цѣлое впечатлѣніе отъ предстоящаго предмета; когда взираю обоими глазами, то чувствованіе въ душѣ одно; слѣдовательно, чувствованіе очей не есть чувствованіе души: ибо въ глазахъ два,—въ душѣ одно. Или: вижу колоколъ, слышу звонъ, осязаю твердость вѣлокола и протяженность его тѣла. Три чувствованія совсѣмъ разныя имѣю вдругъ.

¹⁾ Стр. 61.

²⁾ Стр. 62; прибавлено «но не дѣйствуетъ»? Недосмотръ редакціи.

³⁾ Тамъ же «учить».

Но я себѣ изъ трехъ чувствованій составляю единое понятіе; три чувствованія различны, но я вдругъ ихъ понимаю, и совокупно они въ душѣ существуютъ ¹⁾. Итакъ чувствованіе или удареніе предметовъ на наши чувства отличны отъ понятій мысленныя силы.

Еще болѣе, чѣмъ дѣянія силы отъ ея чувственныхъ органовъ, и понятія отъ ощущеній, отличаются отъ чувственныхъ впечатлѣній — сужденія, а паче того — заключенія. Сужденіе есть сравненіе двухъ понятій, или познаніе отношеній, существующихъ между вещей. Но вещи существуютъ сами по себѣ, каждая въ своей особенноти, а познаніе ихъ отношеній, сравненіе предполагаетъ *сравнителя*. Вещи производятъ на чувства токмо простыя ударенія; значить, сужденія отличны отъ чувствованій (т. е. *ощущеній*). О заключеніяхъ и рассужденіяхъ, какъ извлеченіяхъ изъ сужденій, и говорить нечего. Хотя всѣ понятія, сужденія и умозаключенія (даже и отвлеченнѣйшія идеи) влекутъ свой корень отъ чувственныхъ предметовъ, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственна ²⁾! Все это — истинныя произведенія мысленной силы. Если бы ея не было, если бы она была только слѣдствіе чувственности, то не только не могла бы возродиться математика (наука числъ и измѣренія), но исчезла бы вся нравственность, добродѣтель, честность, великодушіе (какъ слова безъ мысли)... и, О Всесильный, погубилося бы Твое Всемогущество! Отрицательные примѣры (отроковица изъ лѣсовъ Шампаніи) ничего не доказываютъ: изъ того, что я сплю, не слѣдуетъ, что руки перестали осязать, и ноги не ходять. Когда бы умственная сила не была бы сила по себѣ, *Нютонъ* былъ бы не лучше само-

¹⁾ Стр. 64.

²⁾ Стр. 65.

ѣда,—и падшее на него яблоко *разшибло бы* ему токмо носъ, а притяженіе небесныхъ тѣлъ осталось бы неугаданнымъ.

2. Душа не токмо творить понятія, но и есть ихъ истинный повелитель ¹⁾. Когда чувства отнесли ей собранные образы предметовъ, а память соблюла ихъ, то у насъ есть сила воздавать соблюденную мысль въ дѣйствительность: мысль—вѣлѣніемъ души—какбы воспрянувъ отъ сна, облекается пави въ свой образъ и выходитъ на зрѣлище. Но этого мало. Душа, протекая всѣ хранилища памяти, исполненныя образовъ, можетъ, аки новая *Медея*, разсѣкая образы на части, изъ смѣшенія сотворить новый образъ, прекраснѣйшій. *Энеида*, *Генриада*, законоположеніе *Ликурга* (согласнѣйшее во всѣхъ своихъ частяхъ паче всѣхъ земныхъ законодательствъ) суть ли произведенія чувствъ, простыя изреченія чувствованій? Или ухо, или глазъ, или носъ были ихъ творители? Картина лобзанія перваго мужа и жены въ *Эдемѣ*, или изображеніе „*Страшнаго суда*“ могли быть сотворены единою токмо силою. „Что сила ихъ образовала во *главъ Мильтона* и *Михаила Анжела*, то я и на то согласенъ: отрицаю во главахъ твоей быть силѣ; ты вукла *Вокансонова* ²⁾“.

3. Ничто, „по моему мнѣнію“, толико не утверждаетъ, что душа есть сила, и сила сама по себѣ, какъ *вниманіе*, т. е. могущество прилѣпляться въ одной идеѣ по своему про-

¹⁾ Стр. 66.

²⁾ Стр. 67. Jacques de Vaucanson (1709—1782)—французскій механикъ, прославившійся изобрѣтенными имъ автоматами. Радищевъ, вѣроятно, разумѣетъ показанную имъ въ Парижѣ въ 1738 г. фигуру «Флейтиста» (въ натуральную величину). Механизмъ ея описанъ въ брошюрѣ *Le mécanisme du flûteur automate*, Par. 1738. Пружины и мѣха проводили воздухъ такъ, что губы и пальцы автомата правильно работали на флейтѣ.

изволенію ¹⁾). Душа обозрѣваетъ идею, вызванную ея велѣніемъ отъ покоя на дѣйствительность, раздробляетъ ее, обозрѣваетъ всѣ ея стороны, отношенія и слѣдствія. Всѣ другія идеи воззываются только для того, чтобы идея, на которую устремлено вниманіе, становилась лучезарнѣе, яснѣе. Сравни устремляющаго на идею все свое вниманіе (напр., *Эйлера*) съ тѣмъ, коего вниманіе расторжено; то—большого свѣта стрекоза, расчесанный въ кудри и умащенный ароматами щеголь.— Душа можетъ повелѣвать своими мыслями въ состояніи сна, болѣзней, даже самаго безумія.

4. *Сонъ* ²⁾ есть ежедневно возобновляющееся (*худо* еще познанное) состояніе животнаго, въ которомъ ему бываетъ неизвѣстно дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ на (всѣ или нѣкоторыя) его чувства. Чувства покоятся,—и мысленность въ семъ положеніи неспособна на пріобрѣтеніе новыхъ понятій; но творительная сила души не коснѣетъ. Душа отвлекаетъ отъ сохраненныхъ понятій свойства—по произволенію, сопрягаетъ ихъ по совсѣмъ новымъ правиламъ и производитъ образы, коихъ единая возможность есть неистощимая загадка для бдящаго. Для души тогда нѣтъ невозможнаго: сходственными являются свойства, которыя, повидимому, противорѣчатъ другъ другу, изъ неправильнаго творится правильное,—возвышается въ дѣйствительность то, чтò въ бдѣніи едва ли возможетъ она подозревать. Происшествія цѣлыхъ столѣтій вмѣщаются въ одну минуту, предѣлы пространства почти уничтожаются; преторгнувъ теченіе времени, душа объемлетъ вѣчность.

„О сонъ, братъ смерти, и смежность вѣчности, простри мрачный покровъ твой на томящееся сердце! Да возникнутъ

¹⁾ Стр. 67.

²⁾ Стр. 68.

образы возлюбленныхъ моихъ предъ мною! Да лобжу ихъ и блаженствую!¹⁾

Б. Мысли сновидящаго кажутся разстроенными (по той причинѣ, что чрезъ мѣру живы?). Но съ удивленіемъ нужно взирать на *лунатиковъ* или ночныхъ бродягъ²⁾. Они въ своемъ сонномъ хожденіи не только слѣдуютъ правильному расположенію мыслей, но и употребленіе членовъ имѣютъ подобно бдящимъ; значить, власть мысленности надъ тѣлесностію у нихъ не исчезаетъ. Они безъ устрашенія восходятъ на высоты, на которыя во бдѣніи взираютъ съ ужасомъ. Ихъ отважность одинъ нѣмецкій писатель объясняетъ незнаніемъ опасности. Конечно, лунатикъ, идущій по кровлѣ, не знаетъ опасности,—но опасность существуетъ ли для него, или кто его отъ нея блюдетъ? Изученному ходить по веревкѣ даютъ лучшее шестіе опытность и искусство; онъ не знаетъ опасности, которая не прекращается для другого. Лунатикъ, у котораго внѣшнія чувства въ бездѣйствіи, воздается источникомъ чувствованія и мысли—душею.

В. Въ состояніи сна простая идея столь же жива и явственна, какъ најивѣйшее чувствованіе. То же—и въ нѣкоторыхъ *болѣзняхъ*. Душа, насильственно отторженная болѣзнію отъ союза съ тѣломъ, вращается сама въ себѣ съ вѣщною дѣйствительностію, причемъ бывають удивительныя явленія, коими изобилуютъ врачебныя лѣтописи. Радищевъ приводитъ собственный примѣръ: когда онъ болѣлъ жестокою лихорадкой, то бывали мгновенія, въ которыя онъ говорилъ съ пользовавшимъ его врачомъ по латини столь плавно и правильно, что самъ дивился, когда ему по простествіи болѣзни сказывали о томъ.

¹⁾ Стр. 69.

²⁾ Стр. 70. «Ночной бродяга»—*Nachtwandler*.

„Хотя я разумѣлъ языкъ древняго Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяснялъ на ономъ моихъ мыслей, и всегда мнѣ стоило великаго труда сложить періодъ единый“ ¹⁾. Душа въ какомъ бы ни было положеніи (хотя и посредствомъ мозга, но) внутреннею своею силою творить, не можетъ отчудиться своей дѣятельности въ твореніи мысли, творить, создаетъ, зиждетъ, если не что-либо правильное, то хотя уroda.

7. Смотря на бѣснующагося, лишеннаго разсудка, скажемъ, пожалуй, что нѣтъ души: разстроенный органъ мысли равняетъ ихъ скоту, звѣрю. Но въ чемъ его бѣснованіе? Пораженный единою идеею, онъ все къ ней прилѣпляетъ и относитъ. Онъ не такъ судитъ о вещахъ, послѣдованіе его мыслей не сходствуетъ съ родившимися ихъ чувствованіями, онъ все сочетаетъ новымъ порядкомъ, все наклоняетъ подъ властвующую надъ нимъ мысль. Но онъ *самъ судитъ*. Се вышняя токмо степень вниманія. „И для того различныя ради хотя причины, по просторѣчию речемъ: „юроде! ты еси человѣкъ Божій“! ²⁾

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направленію слѣдуетъ сочетаніе нашихъ идей, и какъ съ дѣтства душа училась сравнивать, измѣрять, училась совершенно и посредствомъ чувствъ? Не чувства наши чувствовать училися, но душа.

Образъ въ глазу былъ съ перваго дня таковой же, какъ днесь,—но вѣдало ли дитя, что есть самый образъ? Чувствуетъ ли оно уродливую соразмѣрность *Ивана Великаго*, взирая на

¹⁾ Стр. 71—72.

²⁾ Стр. 73.

него, понимаетъ ли дитя, разсматривая *Баженовы* образцы зданій, что въ семь зодчемъ присутственъ духъ *Браманта*. Стоитъ только (чтобъ убѣдиться въ отличности разума отъ тѣлесности) вообразить *Фридриха II*, взирающаго въ дѣтствѣ на устроеніе войскъ *Принцемъ Амальтскимъ*, и потомъ взглянуть на его размѣреніе долины при *Молвицѣ*. Тамъ взоръ веселящагося кулами, здѣсь око орлиное, одушевленное алчбою славы, тамъ простое чувствованіе, здѣсь мысль героя, переходящая въ дѣйствительность. Какъ всегда, *Радищевъ* взываетъ къ гуманности, обязательной и для героя: „О если бы, великій мужъ! слава твоя не стояла толикихъ слезъ челоуѣчеству, толикихъ стенаній!“—¹⁾.

(П о я с н е н і я),

Василій Ивановичъ Баженовъ (1737 — 1799), вице-президентъ академіи художествъ, знаменитый архитекторъ и переводчикъ *Витрувіа* на русскій языкъ (Петербургъ, 1790—1797). Построилъ въ СПБ.-гѣ Арсеналь, въ Москвѣ Арсеналь, Румянцевскій музей, дворецъ въ Царицинѣ и т. д. Грандіозные проекты его (замѣна Кремлевскихъ стѣнъ дворцами и т. д.) остались безъ выполненія, за немѣніемъ требовавшихся на то десятковъ милліоновъ. *Баженовъ* стоялъ въ сношеніяхъ съ *Новиковымъ* и московскими массонами. Вошелъ послѣ смерти *Екатерины* въ милость *Павла I*.

¹⁾ Стр. 74.

Донатто Лаццари Браманте (1444—1514), знаменитый архитекторъ и живописецъ, наивысшій представитель архитектурнаго стиля Возрожденія, современникъ Микеля Анджело и Рафаэля. Постройки его: соединеніе Ватиканскаго дворца съ садами Бельведера, сооруженіе храма св. Петра (не оконченнаго) и т. д.

Molwitz—деревня въ Силезіи подъ Бреславлемъ. 10 апрѣля 1741 г. Фридрихъ одержалъ здѣсь побѣду надъ австрійскими войсками подъ командой графа фонъ *Нейпфера*. „Мольвицъ“, говоритъ самъ Фридрихъ, „былъ школою для короля и его войскъ“. Эта побѣда обезпечила Пруссіи обладаніе Силезіею. Фридрихъ уѣхалъ было съ поля битвы съ кавалерійскою дивизіею, но выигралъ сраженіе, благодаря распоряженіямъ своего фельдмаршала *Шверина*. Австрійцы потеряли 7000 чел. убитыми и 1200 плѣнными, пруссаки—4600.

9. *Речь* даетъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ безтѣлесности души. Безъ рѣчи, наилучшаго и, можетъ быть, единственнаго устроителя нашея мысленности, мы ничѣмъ не отличались бы отъ животныхъ. Это доказываютъ жившіе нечаянно въ совершенномъ отдаленіи отъ людей. Кто скажетъ, что рѣчь есть нѣчто тѣлесное ¹⁾?—развѣ кто сочтетъ за одно и звукъ, и слово. Какъ различаются они, такъ различествуетъ и душа отъ тѣла. Звукъ ознаменуетъ слово, слово возбуждаетъ идею. Слово, нѣчто живое, не касающееся тѣла, идетъ въ душу, а звукъ, движеніе воздуха, въ ухѣ исчезаетъ.

10. Чувственное расположеніе тѣла всякаго животнаго увѣдомляетъ, что оно живетъ. Но сіе познаніе своего бытія столь тупо, столь мрачно, что не можетъ войти въ сравненіе съ самопознаніемъ человѣка. Онъ одинъ живо и ясно ощущаетъ, что существуетъ, что мыслить, и что его мысль принадлежитъ ему. Когда его душа возносится къ познанію истинны, тогда наипаче возрождается въ немъ яснѣйшее познаніе своего бытія, и это знаменуетъ силу въ немъ живую, внутреннее могущество ²⁾.

Противъ безтѣлесности и безсмертія души возражаютъ, что тѣло дѣйствуетъ на душу всемогущественно. Но koliko

¹⁾ Стр. 75.

²⁾ Стр. 76.

превышаетъ власть души надъ тѣломъ! Душа рождаетъ мысли и повелѣваетъ ими, властвуетъ не только надъ желаніями, но и надъ самою болѣзною тѣлесною; яко сонъ, она невольнымъ образомъ производитъ то;—человѣкъ можетъ самопроизвольно сложить съ себя чувственность и жить безтѣлесно въ самомъ тѣлѣ. Радищевъ хочетъ рассмотреть все это порознь и потомъ перейти къ *способностямъ совершенствованія* въ человѣкѣ, въ которой мы обращемъ *корень будущія нашей жизни* ¹⁾.

1. Власть мысли надъ тѣлесностію стала намъ обычною вслѣдствіе ежемгновеннаго испытыванія, и мы приравниваемъ ее—механизму. Въ главѣ родятся мысль—и члены ей повинуются. Производитъ ли то раздражительность въ мышцахъ или элетръ протекаетъ члены? Какъ (неясная) мысль движетъ членъ? Не вѣдаю. Но въ томъ согласиться надобно, что ничего подобнаго не произвела бы самая искусная машина—вещественными силами, опричь мысли.

Машина не можетъ себѣ велѣть: ей нуженъ источникъ движенія, который живетъ въ тебѣ. Толки машину; а безъ того стоять. Ты же самъ движешься. Мысль, слово безмолвное: „хочу!“—и будетъ. Какъ Богъ повелѣлъ: „Да будетъ свѣтъ!“—и бысть, такъ ты речешь себѣ: „Иди“—и шествуешь. „О человѣкъ! въ округѣ своей ты всесиленъ; ты еси сынъ мысли! ты—сынъ Божій!“ ²⁾

2. Колико человѣкъ владыка своихъ мыслей, толико же онъ властенъ и надъ своими желаніями и страстями ³⁾. Правда, большинство людей имъ предается; но бывають люди, кои со-

¹⁾ Стр. 77.

²⁾ Стр. 78.

³⁾ Стр. 79.

всѣмъ попрали свои страсти: это власть души надъ тѣломъ самодержавная. Примѣры воздержанія—въ житіяхъ древнихъ пустынножителей. Радищевъ высказывается противъ аскетизма. *Умерщвленіе страстей—совершенное уродство* ¹⁾, *ибо противорѣчитъ цѣли естественной*. Если бы душа была произведение организаціи и дѣйствіе тѣлесности, то не могло бы быть и примѣровъ *толикаго безумія*. И въ самомъ *отчужденіи разсудка* душа дѣйствуетъ вслѣдствіе особыхъ правилъ и нетѣлесно.

З. И самыя страсти суть дѣйствія души, а не тѣлесности. Все, что тѣло дѣлаетъ, вяло и тяжело. Хотя корень и цѣль страстей иногда вещественны, но что даетъ энергію, силы на преодоленіе препятствій? Неужели одна тѣлесность воздаетъ влюбленнаго, сребролюбца, алчущаго славы. На примѣрѣ наитѣлеснѣйшей изъ страстей, *любви*, убѣдимся, что душа даетъ страстямъ дѣйствительность. Радищевъ откровенно сознается, что *любовь платоническая на землѣ есть бредъ*, что источникъ и цѣль любви суть тѣлесны ²⁾. Но иногда любовь, отдѣляясь отъ своего начала и теряя цѣль изъ виду, даетъ душѣ энергію божественную и плоти отчужденную, такъ что любовь становится мысленною. Страсть исчезаетъ, коль скоро тѣло становится причастнымъ. Чѣмъ предметъ страсти менѣе вещественъ, а удовлетвореніе безтѣлеснѣе, тѣмъ страсть можетъ быть продолжительнѣе. „О дружба! О страсть души усладительная! Если ты на землѣ бываешь надежнѣйшая отрада сердца, то что будешь ты, когда душа, отрѣшенная отъ чувствъ внѣшнихъ, сосредѣлая сама въ себѣ, вознесетъ дѣйствительность свою на превыспреннѣйшую возможность? Какое будетъ наше

¹⁾ Стр. 79. Въ подлинникѣ „уродство“. Недосмотръ

²⁾ Стр. 81. Сентиментализмъ въ этомъ отношеніи противоположенъ романтизму.

чувствованіе, когда встрѣтимся за предѣлами міра сего?“ Пускай я брежу; но бредъ мой—мое блаженство. Развѣ зависть, „развѣ мучительство захочетъ прервать мое сновидѣніе“!

4. Душа (или мысленность) двояко властвуетъ надъ болѣзнями тѣла: и дать возмозетъ болѣзнь, и отъяти ¹⁾). Нелѣпо и противорѣчить опытамъ полагать, что *есть* болѣзни отъ мысленности, и что на всѣ болѣзни въ душѣ лекарство существуетъ. Но во множествѣ болѣзней суть нѣсколько, кои—непосредственное дѣйствіе души, и есть многіе примѣры исцѣленія единственно простымъ души дѣйствіемъ. Сіи духовныя лекарства достойны заслуживать равное мѣсто въ диспенсоріяхъ, какъ хина, меркурій и пр. аптекарскій припасъ. Какъ душа даетъ болѣзнь тѣлу и лечитъ его? Лечитъ, не щупая пульса, и не смотря на языкъ. Болѣзнь же даетъ, не отравляя. Болѣе не скажу, ибо не вѣдаю; но мой доводъ основанъ на общеизвѣстныхъ фактахъ.

О вы, на коихъ печаль простирала свое жало, васъ въ изнеможеніи тѣлесномъ, безчувственными зрѣлъ я при разящей вѣсти. Единое слово угрожаетъ жизни, зыбленіе воздуха! ужели онъ мгновенно исполняется ядомъ и отравою? Какая зараза разсѣетъ въ немъ? Какое химическое дѣйствіе превращаетъ жизненный воздухъ въ горючій и смертоносный? Другой примѣръ. Се листь, се хартія дается тебѣ въ руку; черты изображенія на ней произвольныя. И се чело твое блѣднѣетъ, мутятся взоры, нѣмъ языкъ, мразъ обтекаетъ твою внутренность, и трупъ твой валится долу. Чѣмъ отравлена хартія и черты? Упитаны ли зеліемъ мышьяка и сулемы? Не манвательное ли се древо, мертвящее всѣхъ? Или хартія паче ядовитаго взора баснословнаго василиска? Но почто же ты *одинокъ* страдаешь?

¹⁾ Стр. 82.

Слово, изреченное или начертанное), возбуждает волнение мысленности, а разстроенность произведет болѣзнь. Душа болитъ, душа страдаетъ; отъ того страдаетъ и тѣло: когда источникъ отравленъ, возможетъ ли быть здраво истечение? Примѣры дѣйствія души на тѣло съ послѣдующею болѣзнью неисчетны. Дабы временно хотя улыбаться, говоря о страданіяхъ человечества, помнится (гдѣ то Радищевъ читалъ), женатый мужъ ощущалъ всегда страданіе, когда женѣ его время приспѣвало разрѣшаться отъ беременности. Одни полагаютъ это вымысломъ, другіе находятъ отиѣнно сходственное сложеніе нервовъ (у мужа и жены); но я, говоритъ Радищевъ, *сею истолкованія не понимаю.*

Бываютъ и благотворныя, существительныя дѣйствія души надъ тѣломъ. Такъ больные получаютъ облегченіе при посѣщеніи возлюбленныхъ ими. Древность сохранила намъ примѣръ заболѣванія и исцѣленія отъ мысленности.

Одинъ юноша умиралъ отъ изнеможенія силъ, и врачи были безсильны подать ему помощь. Одинъ только изъ врачей, *совокупляя со своимъ искусствомъ духъ лобомудрственный, столь рѣдкій въ семъ соединеніи*, замѣтилъ, что юноша оживалъ при посѣщеніи своей мачихи, а по ея уходѣ опять обмиралъ. Отецъ по совѣту врача, добившагося признанія отъ больного, уступилъ сыну жену. И сынъ сталъ здоровъ и блаженъ. Если этотъ примѣръ—изобрѣтеніе стихотворческое, то и тогда онъ истиненъ, ибо лежитъ въ предѣлахъ естественности ¹⁾.

По поводу исцѣленія болѣзней безъ врачевательнаго посредства Радищевъ вооружается противъ суевѣрія, выдающаго въ такихъ случаяхъ *чудо*. Тѣ, кои *разсудить* не хотятъ или не умѣютъ, находятъ въ нихъ всегда чудесность, и *члмз ме-*

¹⁾ Стр. 85.

²⁾ Стр. 86—88.

иже прощениа, тѣмъ чудеса больше, восклицаетъ авторъ, какъ истый сынъ XVIII в. Многія повѣсти о таковыхъ чудесахъ суть лжи, но многія могутъ быть вѣроятны. Мысль можетъ лишать человѣка чувственности; отчего же надежда излеченія не можетъ излечить? Отложи все баснословное изъ происшествія излечившейся дѣвки въ Москвѣ послѣ сновидѣнія, что она выздоровѣла безъ лекаря, тс правда. Приписываютъ то *непосредственному содѣйствію Божества*, т. е. *противоестественному дѣйствованію* Его могущества. О Всевышній! уста мои заграждены на таковое существа Твоего уничтоженіе! Непосредственно это или свершается чрезъ посредство, не вѣдаю. Оно чудесно, ибо необыкновенно,—но какъ быть ему чрезъестественну? Всюгдѣ, почто ищю Тебя, скитаяся? Ты во мнѣ живешь! Чудеса твои ежечасно возобновляются, но *не исходи за предѣлы естественности*: въ ней Ты намъ являешь,—въ непреложныхъ и непремѣнныхъ, положенныхъ Тобой законамъ! „Естественность Твоя есть чувственность; что Ты безъ нея, какъ вѣдать намъ?“ ¹⁾

Б. Всякъ ощущаетъ и знаетъ, что мысленность и тѣлесность находятся въ тѣсномъ сопряженіи, и дѣйствія ихъ взаимны. Но не всѣ вѣрятъ тому, что человѣкъ можетъ забывать про свою тѣлесность и жить почти въ одной душѣ ²⁾. Да и не всякъ столь силенъ надъ собою, чтобы производить такую отдѣленность. Примѣры, въ коихъ мысленность блестяща, и пренебрежена тѣлесность: *Курцій* низвергается въ хлѣбъ разверзстую, *Ондамъ*, *Сакенъ* возлетаютъ съ кораблями, *сплинъ* въ Англій, и всѣ, отъявши у себя жизнь изъ пресыщенія ею,—вездѣ явна власть души надъ тѣломъ. Чтобы лишитъ себя

¹⁾ Стр. 90.

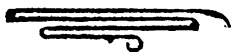
²⁾ Стр. 90. Въ заголовкѣ по ошибкѣ ред. 4 вм. 5.

жизни, не имѣя иногда причинъ ее ненавидѣть,—неужели и тутъ дѣйствуетъ одна тѣлесность? Никто не понимаетъ, какъ сгущеніе созовъ или другая погрѣшность въ жизненномъ строительствѣ могутъ привести къ самоубійству. Но когда душа вѣщаетъ тѣлу: Ты—узъ, темница моя, терзаніе, ты воспылаешь мнѣ, хочу дѣйствовать, да рухнетъ союзъ нашъ, прости на вѣкъ!—смерть со своимъ жаломъ становится увеселительнѣе всѣхъ утѣхъ ¹⁾. Если самоубійство, какъ мигъ единъ, (покажется кому-либо), не требуетъ много твердости духа, то власть души доказывается тѣми, кто не только пренебрегалъ смертью, но нечувствительно и легко сносилъ мученія и терзанія. Такъ *Амеросій (Зертисъ-Каменскій)* умиралъ подъ повторяемыми ударами разъяренной Московской черни; глаголь праведнаго былъ: „Господи, отпусти имъ: не вѣдаютъ бо, чтó творять!“ ²⁾ *Корнелій де Виттъ* пѣлъ Гораціеву пѣснь среди бунтующей Амстердамской черни. Мученики и дикіе, смѣющіеся среди терзаній—если не власть души тутъ явна, то гдѣ же она быть можетъ? *Руссо* среди болѣзней непрестанныхъ написалъ многія изъ своихъ *безсмертныхъ* сочиненій. *Менделсонъ*, страдавшій отъ несказаннаго слабости нервовъ, напряженіемъ мысли еще въ старости вознесся на высоту своей юности. *Гарве*, не могшій долгое время ни читать, ни писать (даже мысленіе было ему тягостно), составилъ свои изящныя примѣчанія на Цицерона; вотъ его слова: „благословенна буди и самая немощь болѣзнующаго духа, толико часто меня научавшая, сколь духъ надъ тѣломъ возмощаетъ!“ Напряженіе духовной силы можетъ подерѣпить разслабленное тѣло и дать ему новую жизнь; самая болѣзнь, если не превышаетъ мѣры,

¹⁾ Стр. 92.

²⁾ Стр. 92—93.

бѣжить отъ продолжающагося отпорствующія ей души терпѣнія. Мысль, всю душу исполнявшая, отторгаетъ мысленность отъ тѣлесности. Человѣкъ, забывая все зримое и чувствуемое, забывая самъ себя, несется въ страну мысленную: время и пространство исчезаютъ, онъ сокрушаетъ всѣ предѣлы,—и занесшему ногу въ вѣчность вселенная уже тѣсна ¹⁾!

¹⁾ Стр. 94.

Христіанъ Гарве (Garve) род. въ Бреславлѣ 7 янв. 1742 г., умеръ въ ночь на 1 декабря 1798 г. Бывъ профессоромъ философіи при Лейпцигскомъ университетѣ и однимъ изъ представителей „популярной“ философіи въ Германіи, Гарве славился, какъ моралистъ, психологъ и историкъ философіи. На смертномъ одрѣ онъ написалъ „Трактатъ о терпѣніи“, считающійся его лучшимъ произведеніемъ. По порученію Фридриха I-го перевелъ съ примѣчаніями—Цицерона De officiis. Переводъ вышелъ въ Бреславлѣ въ 1781 г. подъ заглавіемъ *Abhandlung über die Pflichten in drei Büchern, aus dem Lateinischen des M. T. Cicero übersetzt von Christian Garve*; V-е изданіе—тамъ же, 1801. Примѣчанія имѣютъ частью пояснительный, частью дополнительный характеръ. Перечень его трудовъ и статей имѣется у *M u s e l*, IV т., изд. 1804 г. (1750—1800) стр. 22 и далѣе—27. Гарве выступалъ, какъ критикъ Канта, и упрекалъ его въ недостаточной ясности при развитіи идей, что, по его мнѣнію, было не только несовершенствомъ вѣшной формы, но и существеннымъ недостаткомъ самого мышленія. Писалъ Гарве очень много и въ различныхъ областяхъ. Прекрасная біографія его, составленная *Heinrich Döring*'омъ, находится въ *Allg. Enc. von Ersch u. Gruber*, I. S., 54 т., стр. 90—121 (1852 г.). Шиллеръ посвятилъ Гарве эпиграмму (156 весня въ *Musen Almanach* 1797 г.).

Hör'ich „über Geduld“ dich, edler Leidender, reden,
O, wie wird mir das Volk frömmelnder Schwätzer verhasst!

Радищевъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу слушателей Гарве, который былъ назначенъ (по защитѣ диссертациі De ratione scribendi historiam philosophiae) въ 1768 г. экстраординарнымъ профессоромъ философіи на мѣсто Геллерта (читавшаго поэзію и риторику, и оказавшаго громадное вліяніе на Радищева) ¹⁾. Гарве оставался на своемъ посту недолго. Уже въ 1770 г. онъ вышелъ въ отставку по болѣзни, которая преслѣдовала его вплоть до смерти; преподавалъ Гарве логику—по Ernesti, Instit. doctrinae solid., математику, реторику, этику и разбиралъ сочиненія Цицерона.

До послѣднихъ дней Гарве работалъ надъ сочиненіемъ „Объ одиночествѣ“; смерть прервала его на главѣ „Объ одиночествѣ больного“.

Въ философіи Гарве былъ послѣдователемъ Локка. До появленія Канта онъ считался вмѣстѣ съ Мендельсономъ самымъ извѣстнымъ философомъ. Въ противоположность кантовцамъ онъ называетъ себя „популярнымъ философомъ“, „проповѣдникомъ общечеловѣческаго смысла“. Гарве, какъ эссеистъ, хотѣлъ быть нѣмецкимъ Юмомъ. Онъ выдавался и какъ критикъ изящныхъ произведеній, не чуждался политической экономіи (перевелъ Адама Смита), трактовалъ объ общественныхъ вопросахъ, и какъ „философъ для свѣта“, имѣлъ значеніе въ дѣлѣ освѣдомленія „большой публики“ съ отвлеченными вопросами.

¹⁾ Сухомлиновъ, стр. 548, 549.

Книга IV.

Въ предшествующихъ книгахъ Радищевъ привелъ, по его мнѣнію, „все, что вѣроятнымъ образомъ въ защищеніи безсмертія души сказать можно“. Свои доводы онъ раздѣляетъ на 3 группы ¹⁾.

Доводы *перваго* рода были единственно *метафизическіе*, почерпнутые изъ существа вещей: непрерывнымъ послѣдствіемъ посылокъ, рождающихся одна изъ другой, они показали, что *въ насъ существо мыслящее есть простое и не сложное, а потому неразрушимое, слѣдовательно, безсмертное, и что оно не можетъ быть дѣйствіемъ сложена нашего тѣла, сколь бы оно ни было искусственно* ²⁾.

Вторые доводы основывались на явственной *восходящей постепенности* *всѣхъ* извѣстныхъ намъ *существовъ*. *Возмаше сей лѣтвицы*, зримой въ твореніи, *человѣкъ совершаете* *всѣхъ* земныхъ сложений и организацій: въ немъ явно *тѣсняются во едино всѣ естественныя силы, но есть и еще одна сила, отличная отъ всѣхъ естественныхъ силъ* ³⁾. Отсюда дѣлали вѣроятное заключеніе, что *человѣкъ по разрушеніи тѣла*

¹⁾ Стр. 97.

²⁾ См. выше, стр. 147—161.

³⁾ См. выше, стр. 161—166.

своего, не может ничтожествовать: ибо, если невозможно и само въ себѣ противурѣчущее, чтобы *какая-либо сила въ природѣ исчезала*, то *мысленность, которая превосходитъ и совершаетъ всѣхъ естественныхъ силъ*, не можетъ исчезнуть.

Третьяго рода доводы, заимствованные изъ нашей чувственности, изъ насъ самихъ, таковы, что *мысленная сила отлична отъ чувственности*, и хотя она получаетъ всѣ свои понятія отъ чувствъ, но *возмогаетъ творить новыя—сложныя, отвлеченныя*, что она *властвуетъ надъ понятіями* (возвывая ихъ на дѣйствительность, или устремляясь къ единой (?), что въ случайномъ отвлеченіи отъ тѣла мысленность *не забываетъ творительную* свою силу (во снѣ и нѣкоторыхъ болѣзняхъ), что *сочетаніе идей съ дѣтства, рѣчь наша и (паче всего) явственнае наше о себѣ познаніе* суть убѣдительныя доказательства, что мысленность не есть явленіе тѣлесности или ¹⁾ дѣйствіе нашего сложенія).

Наконецъ, дабы отразить хотя зыблящееся, но казистое доказательство о всевластвованіи тѣла надъ душой, мы показали, что *власть души надъ тѣломъ* оную гораздо превышать ²⁾. Примѣрами изъ ежедневныхъ опытовъ неоспоримо утвердили, что мысленность есть корень и вина всѣхъ движеній тѣлесныхъ, ибо въ ней источникъ движенія (не можно ли сказать, источникъ жизни?); въ *человѣкѣ* мысленность властвуетъ надъ желаніями и страстями, возмогаетъ дать тѣлу болѣзнь, здравіе и самую смерть. Напряженіе мысленности отвлекаетъ ее отъ тѣлесности, даетъ тѣлу преодолевать трудъ и болѣзни.

Утвердивъ неразрушимость души, дерзнемъ подъяти на самую малѣйшую дробь тяжелую завѣсу будущаго, постара-

¹⁾ Въ подлинникѣ ошибка: на (ня?) дѣйствіе. Стр. 99. См. выше, стр. 166—172 и 174.

²⁾ См. выше, стр. 175—181.

емся предузнать (хотя бы предчувствовать), что может быть за предѣлами жизни ¹⁾. Хотя это разсужденіе и смежно воображенію, но авторъ хочетъ уловить его и потечь во слѣдъ въ радованіи—мечта ли то будетъ, или истинность; „сблизиться съ вами когда-либо мнѣ есть рай. Лети душа, жаждущая видѣти друзей моихъ, лети во срѣтеніе и самому сновидѣнію: въ немъ блаженство твое, въ немъ жизнь“!

Есть три возможности человѣческаго бытія по смерти:

1) Или я буду *такое же* существо, какое есмь, т. е. моя душа, отдѣлившись отъ тѣла, пави преидеть и оживить *другое тѣло*,

2) или состояніе моей души будетъ *хуже*, т. е. она оживить существо *нижняго* рода: звѣря, птицу, насекомое,

3) или моя душа, отдѣленная смертью отъ тѣла, преидеть въ *лучшее*, совершеннѣйшее состояніе ²⁾.

Одно изъ трехъ быть долженствуетъ, если мы удостовѣримся, что мыслящая и чувствующая въ насъ сила не исчезнетъ.

Четвертой возможности вообразить невозможно, чего бы ни настроило воображеніе.

Всѣ 3 возможности подерѣпляемы доводами, онѣ имѣли и имѣютъ послѣдователей. Разсмотримъ ихъ основательность и поищемъ если не очевидности, то хотя вѣроятности, убѣжденія. Если заблудились, мы будемъ достойны сожалѣнія, но не наказанія, ибо ищемъ истины со рвеніемъ и нелицемѣрно.

Для удостовѣренія въ томъ, что кто-либо изъ людей бывалъ уже человѣкомъ (подъ другимъ образомъ) или звѣремъ

¹⁾ Стр. 100.

²⁾ Стр. 101.

и т. п., нужно было бы ясное о томъ воспоминаніе, часто повторяемое, такъ сказать, ощутительное. Въ виду того, что свидѣтельства могли бы быть основаны на предубѣжденіяхъ или выгодахъ, то и сотня ихъ не можетъ служить доказательствомъ.

Всѣ сіи мнѣнія не заслуживаютъ опроверженія: ихъ можно только разсматривать ради любопытства.

Древніе Гимнософисты, Брааманы и нынѣшніе Брамины говорятъ, что за добрыя дѣла душа по смерти переселяется въ овцу, въ корову или слона бѣлаго, а въ возмездіе за зло— въ свинью, тигра и т. д. Древніе египтяне въ силу того же вѣрованія боялись убивать животныхъ, дабы не убить своего отца или мать, или не *сгнѣть ишъ въ торъ*.

Столь же рѣзко отзывается Радищевъ и о „другихъ вымышленіяхъ“, „бредняхъ одного свойства“, Тартарѣ, поляхъ Елисейскихъ, Гуріяхъ, раѣ Кельтовъ, гдѣ они чаяли *итъ тиво* изъ череповъ своихъ непріателей и т. п. *Спроси русскаго простомудина*: „каковъ будетъ адъ?“— „Языкъ нѣмѣеть“, скажетъ онъ въ отвѣтъ, „будемъ сидѣть въ кипячей въ котлѣ смолѣ“¹⁾.

Разница только та, что одно другого нелѣпѣе. Посмотрите картину страшнаго суда—не *Михаила Анжела*,—но продаваемую въ Москвѣ на *Спаскомъ мосту*: не ошибетесь въ своемъ заключеніи; распространяйте его на всѣ изображенія худшаго положенія души по смерти.

Правдоподобіе тому, что рождающіеся люди уже бывали человѣками, находятъ въ томъ обстоятельстве, будто великіе мужи (вообще рѣдкіе) рождаются не по одиночкѣ, а какъ бы воскресаютъ отъ сна и мрака—во множествѣ²⁾.

¹⁾ Стр. 103.

²⁾ Стр. 104.

Если бы произведеііе великаго мужа было для природы обыкновеннымъ дѣломъ, то моментъ его появленія былъ бы безразличенъ. Но шествіе ея не таково: великій родится не одинъ, а имѣетъ многихъ сопутниковъ. И какъ же иначе? Они рождаются на возобновленіе ослабѣвающихъ пружинъ нравственнаго міра, на пробужденіе разума, на оживленіе добродѣтели. Такъ землетрясеніе считаютъ нужнымъ дѣйствіемъ ¹⁾).

Великіе люди, могущественные рычаги нравственности, приводятъ душу въ благое сотрасеніе. Ни прилежаніе, ни стараніе, ни воспитаніе не дѣлаютъ великимъ, но природа—врожденнымъ чувствованіемъ или виѣшнимъ будто вдохновеніемъ. На произведеііе великаго мужа (если вспомнить, какъ тихо подвигается ученіе), пожалуй, не хватитъ одинаго житія, а нужны многія; вѣроятно заключить, что великій мужъ не есть новое произведеііе природы, но паки бытіе, прежняя мысленность, облеченная въ новыя покровы. Примѣры и историческія воспоминанія о прежнемъ бытіи: *Пивагоръ, Архій, Аполлоній Тианейскій*. Если бы *нашему вѣку* это не было *посмѣялицемъ*, то многіе и теперь о томъ же заявили бы. Да не имѣли ли многіе изъ насъ напоминовенія, которое не знаемъ гдѣ велить въ теченіе своей жизни? Не встрѣчали ли въ начальныя дни житія мы людей и мѣстъ, какбы уже извѣстныхъ намъ, хотя мы ихъ не знаемъ? Откуда это? Не изъ прежнія ли жизни? Не оттого ли они столь радостны? Прилѣпленному чрезъ мѣру къ тѣлесности трудно де отторгнуться отъ нея, но упражняющимся въ смиренномудрїи и мысленности такія воспоминанія могутъ быть легче. Вотъ какъ стараются дать видъ правдоподобія нелѣпости и смѣхотворному—важность ²⁾). Подобныя надутыя доказательства едва ли нуждаются въ опроверженіи.

¹⁾ Стр. 105. Ошибка редакціи—фраза разбита: «землетрясеніе с. в. д. (точка и новая строка). Естественнаго строительства на возобновленіе усыпляющихся силъ природы». Смысль получается лишь при воссоединеніи фразы.

²⁾ Стр. 107.

Пиолиору, утверждавшему переселеніе душъ, надобно было признать въ себѣ *Евфорбія*. Но *нынѣ устыхи разсудка* мыслить заставляютъ, что *всякое чудо есть осмѣяніе Всевышняго могущества*, и что *всякій чудодѣатель есть болохульникъ* ¹⁾. Вотъ для чего *Шведейборъ* почитается *вралемъ*, а *Сенъ-Жерменъ*, утверждавшій безсмертность въ тѣлѣ своемъ, есть *обманщикъ*. Въ чемъ состоитъ необходимость прерожденія великаго мужа? Тотъ, кто можетъ произвести великаго мужа, можетъ произвести его и сразу, и въ 2 раза. По свидѣтельству исторіи, обстоятельства бывають случаемъ на разверженіе великихъ дарованій, но природа никогда не воснѣтъ на произведеніе ихъ. *Александръ*, не будь онъ царь въ Греціи, былъ бы м. б. *Картуизъ*. *Чинисъ*, *Стенька Разинъ* въ другихъ положеніяхъ были бы не то, чѣмъ были. *Кромвелъ* въ тѣсной округѣ монашескія жизни прослылъ бы безповойнымъ затѣйникомъ и часто былъ бы битъ шелепами. *Фридрихъ II* не на престолѣ остался бы въ толпѣ посредственныхъ стихоплетчиковъ. Обстоятельства дѣлають великаго мужа.

Что родится много великихъ вдругъ,—естественно, хотя есть и рѣдкія изыятія. Рѣдко возмозаеть кто-либо вознестися превыше своего времени и своихъ окружностей. Уготовленія да будетъ мѣсто на разверженіе, восклицаетъ Радищевъ! Великія души влекутся издалека, и да явится *Нютонъ*, надлежало, да предшествуетъ *Кеплеръ*. Разумъ человѣческій подобенъ электричеству—или искрѣ, падшей на горячее вещество и производящей пожаръ велій. Едва одинъ возмозъ, *осмѣлился*, *дерзнулъ изытися* изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается, и яво желѣзныя пылинки летять прилѣпится къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе,—а безъ того: *Иоганъ Гусъ* издыхаетъ во пламени, *Галилей* влечется въ темницу, *другъ вашъ въ Илимскъ заточается* ²⁾. Но время, мѣсто,

¹⁾ Стр. 108.

²⁾ Стр. 110. Мѣсто характерное для личности Радищева. Онъ хорошо сознавалъ значеніе сдѣланнаго имъ поступка и послѣдующей участи.

уготовленіе отъемлетъ всѣ препоны. *Лутеръ, Декартъ* становятся преобразователи. Електръ души, возродясь, изливается во всѣ окрестности и стремится, подобно жидкостямъ, къ уравниности и равновѣсію.

Тоще и пусто доказательство отъ видѣннаго якобы въ прежнемъ бытіи. Напоминовеніе происходитъ отъ видѣнныхъ, но подобныхъ вещей, а не отъ тѣхъ же самыхъ,—поскольку всѣ понятія происходятъ отъ чувствъ. Сочетаніе мыслей такъ же идетъ на яву, какъ и во снѣ, только разсудокъ останавливаетъ уродливое сочетаніе. А если вдатся воображенію, то всѣ чудесности небывалаго *Елдороды* будутъ скоро дѣйствительны. Та же сила (будто бы напоминающая), сочетая во едино, по частямъ—могла произвести *Армиду*, солнышеина рыцаря и въ потерянной рай ¹⁾ вмѣстить всѣ изящности и всѣ нелѣпности. Кто на яву ссылается на воображеніе, тотъ въ опасности, что скоро забредитъ.

Итакъ, эти два представленія о посмертномъ нашемъ бытіи суть произведенія дѣтства (или дряхлости) человѣческаго разсужденія: одинако нелѣпо думать, что по кончинѣ я буду *большой слонъ*, какъ новый *Чингисъ*, Европы завоеватель (?).

Третья возможность, что состояніе наше по смерти должно удобриться, уже имѣла многіе доводы; чтобы утвердить ее, войдемъ еще въ подробности. Если это—блужденіе, то и оно утѣшаетъ автора, подавая надежду соединиться съ возлюбленными. Это, какъ бы привлекательное повѣствованіе, отгоняетъ даже тѣнь печальнаго, влечетъ воображеніе и сердце въ царство (мечтаній, но) веселій и утѣхъ.

Мы почитаемъ доказаннымъ для насъ, что въ природѣ существуетъ явная постепенность, т. е. одно существо другого совершеннѣе, искусственинѣе въ сложеніи, а человекъ всѣхъ превышаетъ своею организаціею, въ которой соединены многія

¹⁾ Стр. 112. Имѣются въ виду произведенія *Тасса* и *Мильтона*, чего редакция не отмѣтила.

силы, а наипаче—умственная; воспитаніе угобжаетъ и ширитъ способности, а исторія учитъ, колико народы въ общемъ своемъ разумѣ совершенствуютъ.

Природа, люди и вещи—воспитатели человѣка; климатъ, мѣстное положеніе, правленіе, обстоятельства—воспитатели народовъ ¹⁾. Но начальный способствователь усовершенствованія есть *рѣчь*. Дана ли она намъ, или самими нами изобрѣтена? все равно сказать: Богъ научилъ насъ говорить—или: давъ органы рѣчи, Онъ же далъ и способность говорить.

Ничто не кажется намъ столь просто и обыкновенно, какъ рѣчь,—а на самомъ дѣлѣ—нѣтъ ничего столь чудеснаго. Радость и печаль, терзаніе имѣють звуки для изьявленія, но подражаніе имъ привело къ изобрѣтенію не рѣчи,—а музыки. Произвольный звукъ (движеніе воздуха) изображаетъ и то, что глазъ видитъ, и то, что слышитъ ухо, что вкушаетъ языкъ, обоняетъ носъ, всѣ осязанія тѣла, всѣ наши чувствованія, страсти, всякую мысль; звукъ, самъ въ себѣ ничего не значущій, можетъ возбуждать мысли и картины. Время, пространство, твердость, образъ, цвѣтъ, всѣ качества тѣлъ, движеніе, жизнь, всѣ дѣянія, словомъ все... и ты, о Всещедрый, Всесильный Дарователь, не изъемаемъ!—все преобразуемъ въ малое движеніе воздуха; какъ нѣкимъ волхвованіемъ, звукъ ²⁾ поставленъ на мѣсто всего сущаго, всего возможнаго: весь міръ заключенъ въ малой частицѣ воздуха, на устахъ нашихъ зыблующагося. О любители чудесъ, внимлите произнесенному слову—ваше удивленіе не будетъ чрезмѣрнымъ! чудесно: кто воззвалъ человѣка изъ дебрей въ общежитію, кто устроилъ ихъ союзъ правленіе, законы, кто научилъ гнущаться порока и сотворилъ любезную добродѣтель?—Рѣчь, Слово!

¹⁾ Стр. 114.

²⁾ Стр. 116.

Безъ рѣчи онѣмѣлая чувствительность и остановившаяся мысленность пребыли бы недѣйствующи, полумертвы. Едва человѣкъ изрекъ слово единое и образъ вещи превратилъ въ звукъ, звукъ сдѣлалъ мыслию, или мысль преобразилъ въ чертоносное лепетаніе,—какъ будто среди густѣйшей мглы ниспадаетъ темнота, очи зрятъ ясность, уши слышать благогласіе, чувственность дрожить, мысль дѣйствуетъ—и се онъ можетъ уже постигать, что истинно, что ложно. Вотъ слабое изображеніе чудесъ, произведенныхъ рѣчію. Радищеву кажутся весьма глубокомысленными аллегоріи тѣхъ народовъ, кои представляютъ первую причину всяческаго бытія—произведшее Слово, которое раздѣлило стихіи и міръ устроило. Если слово въ человѣкѣ чудесно, то что возможно рѣчь Предвѣчнаго, какой ея органъ, какое знаменіе? ¹⁾

Но рѣчь, эта наша божественность, столь легуча, что несовершеннѣе, брениѣе союза между людьми нельзя себѣ представить. Правда, лучшее средство было бы выше человѣчества, тяготило бы его. Рѣчь изражаетъ только имена, а не вещи, а потому человѣческій разумъ не познаетъ вещей, а имѣетъ о нихъ только знаменія, которыя начертываетъ словами. Вся человѣческая наука есть изображеніе знаменій вещей, роспись словъ. Вѣдь мы не знаемъ (да и чувствъ на достиженіе сего не имѣемъ) ни внутренняго существа вещей, ни что—силы въ себѣ, ни какъ дѣйствіемъ (sic) слѣдуетъ изъ причины. О человѣкѣ, когда возгордишься паче мѣры, помысли, что наука, плодъ рѣчи, есть собраніе различныхъ звуковъ,—и усмирися! ²⁾

Если звуки произвольны, то, значить, нѣтъ существеннаго сопряженія между мыслию и словомъ: все равно было назвать

¹⁾ Стр. 118.

²⁾ Стр. 119.

дурака „дуракомъ“ или „вашимъ“; это ясно для всякаго, кто два языка разумѣть.

Здѣсь обильный источникъ нашихъ заблужденій. Доколѣ вещь не имѣетъ имени, она чужда разуму, и онъ надъ нею не трудится. Дабы усвоить ее разуму, нужно ее прежде всего ознаменовать. Во всѣхъ языкахъ каждая вещь имѣетъ уже названіе, и всѣ несложныя мысли—свои знаменія. Но вотъ возрождается *новая* мысль,—а ей даютъ знаменіе, сложенное изъ прежнихъ. Если ты разумѣешь подъ знаменіемъ то же, что и я, то мы другъ друга поймемъ; если иначе—выходить разгласіе, вздоръ: все равно, какъ одинъ говорилъ бы по еврейски, а другой по русски. Таковы большею частію всѣ философическія мнѣнія, всѣ исповѣданія. Случается, что отъ перваго изрекшаго знаменіе вещи, оно хотя переходитъ, въ томъ же звукѣ заключенное, чрезъ многія столѣтія, но мысль, съ нимъ сопряженная, отъ первой различествуетъ, какъ день отъ ночи. Таковы наипаче мнѣнія о высшей силѣ: люди назвали ее Богомъ, не имѣя о ней яснаго понятія ¹⁾). Разумъ человѣческій бродитъ, ищетъ истину, а вся мудрость его, глубокомысліе,—въ утломъ звукѣ, изъ гортани исходимомъ и ва устахъ умираемомъ.

Письмо есть произвольно начертанные знаки, кои означаютъ звукъ произносимый, слово. Звукъ, изражающій знаменіе вещи, есть нѣчто произвольное. На мѣсто внятнаго слуху звука поставь произвольное же израженіе, подлежащее другому чувству. Получишь рѣчь, не гласомъ произнесенную, но зримую, но внушаемую, но обоняемую, но осязаемую ²⁾). Такъ можемъ понять изобрѣтеніе письменъ, рѣчи для органа зрѣнія. Рѣчь или произвольное израженіе знаменій вещей

¹⁾ Стр. 121.

²⁾ Стр. 122. Въ оригиналѣ здѣсь ошибка: вмѣсто «но», вездѣ «на» и г. д. Ниже тамъ же «понятно возможность».

можетъ вмѣсто звучныхъ знаковъ вмѣщаться въ знаки для другихъ чувствъ. Глухіе (а потому) и нѣмые заключаютъ мысли въ зрительныхъ знакахъ. Аббатъ де л'Ене съ удивительнымъ остроуміемъ далъ имъ возможность разумѣть рѣчь писанную. Быть можетъ, изобрѣтатель письменъ, взирая на вѣмныхъ и ихъ зримые знаки, въ подражаніе имъ начерталъ азбуку. Онъ (по словамъ одного нѣм. писателя) дѣйствовалъ между человѣками, яко Богъ. Но заключая летящій умъ въ буквы, онъ былъ не первый, который изобрѣлъ рѣчь зримую: живописецъ прежде его бесѣдовалъ съ нашими взорами. Картина была первое зримое израженіе, живопись родила іероглифы, а сіи—гораздо уже позже—буквы.

Если бы другія чувства были столь же удобны на поминаніе рѣчи, то можно бы сдѣлать азбуку обоняемую, вкушаемую или *осязаемую*! Правда, слѣпые иногда могли различать цвѣты осязаніемъ¹⁾; м. б., возможно двухъ слѣпо-и нѣморюжденныхъ изучить сообщать другъ другу свои мысли;—но рѣчь обоняемая, вкушаемая и даже рѣчь осязаемая не могутъ быть столь совершенны, какъ рѣчь зримая, а паче того—рѣчь звучная. Послѣдняя одна есть разновиднѣйшая и соотвѣтствуетъ истинному органу слова. Но едва только соединилась рѣчь звучная съ рѣчью зримую, то дерзнулъ человѣкъ на изобрѣтенія и успѣлъ. Сколь ни брэнна наша рѣчь, какъ средство совершенствованія, но она была изъ сильнѣйшихъ средствъ.

Подражаніе, рѣчь, разумъ—руководители людей въ изобрѣтеніи и расширеніи наукъ и художествъ, не оставляющіе его и въ самомъ дикомъ состояніи. Если языкъ одного народа изглаженнѣе другого, а мысленная округа его обиль-

¹⁾ Для слѣпыхъ теперь уже изготовляютъ особыя книги.

нѣе, то не слѣдуетъ, что и всѣ особенники народа разумнѣе¹⁾. Изобрѣталъ мысль одинъ, а другіе, яко плѣнники при колесницѣ торжествователя, бредутъ: они говорятъ говоренное, мыслятъ въ мысли другого и нерѣдко не лучше младенца, лепечущаго въ слѣдъ няньки.

Человѣкъ во всякомъ состояніи удобряетъ свою чувственность, остритъ силы мысленныя, укрѣпляетъ понятіе, разсудокъ, умъ, воображеніе и память. Изъ сравненія рождаются понятія о красотѣ, порядкѣ, соразмѣрности, совершенствѣ. Побужденіе къ сожитію привело его въ общественному житію и новымъ совершенствамъ; права и обязанности общежитія возводятъ къ нравственности; рождается любовь къ отечеству, къ человѣчеству вообще и тысячи добродѣтелей; сожалительность претворилась въ великодушіе, щедроту, милосердіе. Такъ достигаетъ человѣкъ высшаго понятія о добродѣтели²⁾.

Различіе между людьми состоитъ только въ степени, а не въ существенности. Но все, что живетъ и мыслить, стремится къ расширенію своихъ качествъ, къ совершенствованію; сія есть мета мысленнаго существа. Человѣкъ исходитъ на свѣтъ беззащитнѣе и безпомощнѣе всѣхъ животныхъ; природное стремленіе (т. е. инстинктъ) не существуетъ въ немъ. Но едва онъ ощутилъ свои недостатки, едва возопилъ: „не моществую“!—уже вся природа стремится ему на вспомошествованіе. Рѣчь ведетъ его бесѣдовать съ Богомъ. Рожденный хуже всѣхъ тварей, человѣкъ вслѣдствіе способности совершенствоваться возвышается выше всѣхъ на земли и явнѣ становится ея властитель.

Стремленіе къ совершенствованію и приращеніе въ

¹⁾ Стр. 124. Въ оригиналѣ бессмыслица: «могущественнѣе на имѣніе (т.е. наименѣе) совершеннѣйшихъ народовъ».

²⁾ Стр. 126.

немъ—блаженство чловѣка ¹⁾). Конца и предѣла ему означить невозможно; чѣмъ выше восходитъ чловѣкъ въ познаніяхъ, тѣмъ пространнѣйшіе открываются ему виды. Мета его, шествіе безпрестанное—почти безконечно ²⁾); самая вѣчность недостаточна, ибо оно сосущественно мысленности. Желаніе наше объемлетъ безконечность. Склонности и страсти удовлетвореній не знаютъ. Всѣ благородныя стремленія и всѣ скарденности носятъ едину на себѣ печать. Чѣмъ онѣ болѣе углубляются, тѣмъ сильнѣе возрастаютъ.

Всякую мысль и мечту мы тщимся поставить мѣръ превыше; онѣ летятъ за предѣлы вселенныя въ царство неиспытаннаго. Даже тѣлесность наша тщится во слѣдъ мысли и жаждетъ безпредѣльно: едва коснется пресыщенія,—в наибольшее услажденіе мерзить.

Понятія о красотѣ, благогласіи, соразмѣрности, даже добродѣтели рождаются изъ сравненія, значить, *не суть* ³⁾ понятія сами по себѣ. Сравненіе же есть дѣяніе мыслящаго вещества. Дабы что-либо по истинѣ могло называться прекраснымъ, изящнымъ, нужно для сравненія умственное дѣяніе. А какъ безъ умственности невозможно сравненіе, то не должно ли заключить, чтобы и вся красота міра ничтожествовала, *не бы* были вещества разумныя? Слѣдовательно, таковыя необходимы въ *начертаніи* сложенія міра. Какъ же вообразить себѣ ихъ уничтоженіе, особливо, тогда, когда дѣятельною мысленностію они усовершенствовались и удобнѣе стали еще постигать все изящное, все превосходное, всю красоту?

Изъ сего почерпается еще новое доказательство безсмер-

¹⁾ Стр. 127.

²⁾ Стр. 128. Въ оригиналѣ: «Подстрѣкаемы всегдашнимъ стремленіемъ: мета его» etc!

³⁾ Стр. 129. Въ подлинникѣ: «*несуть* понятія» etc.

тія души ¹⁾. Цѣль человѣчества есть совершенствованіе и блаженство, которое есть слѣдствіе добродѣтели, единыя отъ совершенствъ. Неужели блаженство—мечта, обольщеніе? Ужели Всеблагій Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ насъ игралище куколокъ, какими оказались бы мы, если бы блаженство оканчивалось вмѣстѣ съ жизнью, ибо недостатки тѣлесности претятъ, да можетъ быть совершенно.

Удостоверясь, что душа наша безсмертна, т. е. не разрушится, посмотримъ, что останется съ душою, когда она отдѣлится отъ тѣла. Какъ скоро жизнь прервется, то послѣдуетъ безчувственность, забвеніе самого себя ²⁾. И въ жизни есть случаи, сходные съ первою степенію кончины: обморокъ, изступленіе, сонъ и т. п. Тогда человѣкъ теряетъ о себѣ свѣденіе и на время лишается чувственности. Можно бы заключить, что какъ во снѣ остается одна чувственность внутренняя, т. е. мысленность ³⁾, такъ и по смерти будемъ мы лишены внѣшней чувственности, но ⁴⁾ сохранимъ мысленность. Но будетъ ли она въ насъ по смерти, какъ въ состояніи сна?

Какъ это ни вѣроятно на первый взглядъ, но оно противорѣчитъ нашему существу и метѣ нашего бытія, слѣдственно, противорѣчитъ намѣренію Творца въ Его твореніи. Постараясь отразить сіе казистое доказательство и возвести мысленность въ достоинство, ей по отлученіи отъ тѣла опредѣленное.

Затѣмъ Радищевъ (стр. 132—134) подводитъ итоги всему

¹⁾ Стр. 130.

²⁾ Стр. 131.

³⁾ Въ подлинникѣ: «мысленность, подобно *ослу*, говорю»... Нелестное для себя сравненіе дѣлаетъ авторъ, по винѣ корректора. Нужно: «подобно *семи*».

⁴⁾ Въ ориг.—«не», что совершенно искажаетъ смыслъ.

сказанному выше. Мысленность сосущественна чловѣку (безъ этой своей особенности онъ равнялся бы скоту), а ея неотдѣлимое свойство—совершенствованіе; мета наша на землѣ относится къ устроенію и блаженству. Чловѣкъ во время житія даетъ всѣмъ силамъ возможную расширенность. Яко понятія, принятія чувственностію, претворяются въ мысли, тако и склонности въ душѣ становятся добродѣтели или пороки. Побужденія, сосреджаяся, родивъ волю, даютъ столь твердую подножность, что она казалась бы божественною, если бы не была въ чловѣкѣ. Печать безпредѣльности наложена всему, что чловѣкъ предпріемлетъ. Въ силахъ его видна такая энергія, что предѣлъ ей назначить отважно. *Скалмерз* выучилъ наизусть *Омира* въ 3 недѣли, и въ 4 мѣсяца всѣхъ греческихъ стихотворцевъ. *Валлисъ* извлекалъ въ головѣ коренное число 53 цифирей. Такіе примѣры часты, но теряются незамѣченны. Наша мысленность, какъ разумная сила, не можетъ разрушиться, ибо, не яко тѣло, она несложена, не исчезнетъ, пребудетъ, поживетъ во вѣки.

Не ясно ли слѣдуетъ отсюда:

1. Поелику мысленность наша (душа) не разрушится, то пребудетъ жива и по разрушеніи тѣла ¹⁾.

2. Поелику существенность ея состоитъ въ непрестанномъ совершенствованіи, то душа сохранить ея и по отдѣленіи отъ тѣла. Если бы эта существенная ей способность измѣнилась, то душа прешла бы въ худшее состояніе, т. е. не была бы душа (это было бы противно и намѣренію, явствующему въ сотвореніи чловѣка).

¹⁾ Стр. 134.

3. Поелику состояніе сна ¹⁾ лишаетъ насъ яснаго познанія о насъ самихъ и есть потому не столь совершенное состоявіе, какъ бдѣніе, то смерть уподобится сну (относительно человѣка) въ томъ только развѣ, что обновить его душевныя силы (какъ сонъ обновляетъ тѣлесныя), но не въ томъ, что лишить душу яснаго о себѣ познанія, въ чемъ состоитъ преимущество человѣка предъ другими животными.

4. Поелику въ душевныхъ силахъ является безпредѣльность, и ограниченность души происходитъ отъ тѣлесности, то отрѣшенная отъ нея, душа будетъ свободнѣе въ своей дѣятельности.

5. Поелику душа сохранить свою способность совершенствованія, то паче и паче будетъ совершенствоваться. А если захочешь имѣть мѣру этого совершенствованія, то помысли, каковъ человѣкъ родится, а что онъ—въ возмужалости, и каковъ онъ былъ бы—безъ препонъ, налагаемыхъ тѣлесностью (страстями, болѣзнями и т. д.), помысли, сколь отстоять теперь разумъ отъ грубаго и дикаго состоянія; измѣрай восхождение, но не тѣлеснымъ житіемъ—и отрѣшая мѣру времени; гдѣ есть предѣлъ совершенствованія души? „О человѣкъ, не ясно ли, ты есть сынъ Божества, не Его ли въ тебѣ живетъ сила безпредѣльная“!

Не слѣдуетъ думать, что человѣкъ по смерти будетъ какъбы во снѣ и въ непрестанномъ мечтаніи. Если согласно цѣли совершенствованія, мы въ посмертное состояніе перейдемъ совершеннѣе, чѣмъ родились, то оно не можетъ быть ниже или хуже теперешняго. Если настоящее предопредѣляетъ слѣдующее ²⁾ (которое иначе не имѣло бы достаточной причины въ

¹⁾ Стр. 135.

²⁾ Стр. 137.

существованію), а состояніе на земли есть совершенствованіе, то будущее будетъ совершеннѣе. Оказалось бы противорѣчіе въ метѣ бытія, если бы за земною жизнью слѣдовало забвеніе, сонъ. Послѣдуемъ (хотя косвенно) „умственному исполненію“ въ извѣстномъ уподобленіи, и да будетъ онъ намъ опорой!

Лейбницъ ¹⁾ сохраненіе животнаго по смерти и переходу чловѣка уподобляетъ прерожденію червяка въ бабочку и сохраненію будущаго строенія бабочки въ настоящемъ червякѣ. Зри скарднаго на чревѣ своемъ пресмыкающагося червяка ²⁾. Алча—его единственное побужденіе. Се лежитъ бездыханенъ, но сила внутри его не дремлетъ. Происходитъ его прерожденіе. Бабочка возносится и питается нѣжнѣйшею пищею, имѣетъ новое существо, другія побужденія. Кто бы могъ вообразить въ червякѣ бабочку, что они—единое животное, что это только другое время его жизни. „О умствователь! поставляй предѣлы природѣ; она, смѣясь безсилію твоему, въ житіе единое сощѣпляетъ многіе міры“ ³⁾.

Худшее состояніе по смерти чловѣка противорѣчитъ его метѣ, его сущности, и намѣренію Творца, да совершенствуемъ. Всемогущее Существо ни награждаетъ, ни наказываетъ, но учредило порядокъ вещамъ непремѣнный, отъ котораго онѣ не могутъ удалиться, развѣ измѣня свою сущность. Добродѣтель сама въ себѣ имѣетъ возмездіе, а пороки—наказаніе. Что сладостнѣе увѣренности, что мы пребыли въ назначенной стезѣ, и что намъ нечѣмъ себя упрекнуть? Напоминовеніе содѣланнаго добра разгонитъ мгновенно легкую мглу на зер-

¹⁾ Стр. 138.

²⁾ Это же уподобленіе развито кн. В. Ѳ. Одоевскимъ въ его превосходной сказочкѣ «Червячекъ» («Сказки и рассказы дѣдушки Иринея»—изд. «Дешевой Библиотеки», стр. 75—82).

³⁾ Стр. 139.

цалѣ совѣсти. А злодѣи принуждены казниться среди благоденствія и упрекать себя. Почто искать рая и исходить во ад? одинъ—въ сердцѣ добродѣтельнаго, другой въ душѣ злыхъ. „*Какъ ни умствуй*, другого себѣ вообразить неможно“¹⁾!

Въ силахъ и способностяхъ человѣки сходятся и въ различіяхъ восходятъ (или нисходятъ) постепенностію, но всѣ одного рода; значить, и цѣль ихъ одинакова. Если же кто, злоупотребляя данными ему способностями, устраняется своего предопредѣленія, то всѣ слѣдствія злыхъ дѣлъ налагаютъ на него, ѣдая совѣсть грызетъ его сердце, пока не истребитъ все злое. Совѣсть, яко врачебное зелье, есть лекарьство злыхъ дѣлъ (если не въ жизни, то, конечно, по смерти). Излеченныхъ совѣстію, восклицаетъ великій челоуѣколюбець Радищевъ, ужели *Всеотецъ* исключить изъ *Своихъ объятій*? Почто мы бываемъ толико жестокосерды? Преступникъ—не братъ ли нашъ? Кто можетъ передъ собою оправдаться и сказать, что въ немъ никогда не возникала ниже мысль злая²⁾!?

Легко установить принципъ совершенствованія, но трудно (если не невозможно) вообразить, какъ оно продолжится по смерти. Вѣдь на земли пособіемъ для этого была тѣлесность съ ея органами, а безъ нихъ чувства не могли бы дать понятій. Есть лишь два средства: 1) или вновь понятія уже пріобрѣтать душа не будетъ, а дѣйствовать будетъ надъ прежними, или 2) челоуѣкъ будетъ имѣть новую организацію.

Боннетъ доказываетъ, что душа всегда будетъ сопряжена съ тѣломъ; по смерти она будетъ съ сѣменемъ, и изъ этого сопряженія челоуѣкъ родится паки двусущественъ: какъ до зачатія душѣ было сосущественно сѣмя, такъ и навѣки. Но запутненіе не совсѣмъ развязано: вѣдь сѣмя, коему была душа предъ зачатіемъ союза, уже произвело новыя сѣмена, изъ

¹⁾ Стр. 141.

²⁾ Стр. 142.

воихъ произошли новыя существа. А прежде, отче сѣмя должно пребыть паки сѣмя; сѣмя разверженія вновь произведетъ само себя? Вотъ кругъ *сѣменного любомудрія*. Всѣ таковыя системы кажутся Радищеву болѣе плодомъ стихотворческаго воображенія, нежели остроумнаго размышленія ¹⁾.

За такое же изобрѣтеніе онъ выдаетъ слѣд. предположеніе.

Въ природѣ, явственно, есть вещество или сила, дающая всему жизнь: чувствительность наша, электръ, магнитная сила, м. б., только ея образованія (modification). Не это ли вещество и есть средство, которымъ душа дѣйствуетъ надъ тѣломъ? Отступая отъ тѣлосмертія (?), не будетъ ли имѣть душа для своего дѣйствованія то же средство? Для дѣйствія нужны органы; если душа въ сожитіи съ тѣломъ стала совершеннѣе, то совершеннѣйшіе нужны ей и органы. Вѣдь самая сила творчая явна лишь посредствомъ органовъ, вещественности. Какое противорѣчіе мыслить, что въ семь же мірѣ можетъ быть (на земли) другая организація, намъ невѣдомая—по той причинѣ, что она не подлежитъ нашимъ чувствамъ? Если бы они были изощреннѣе, то и эта организація была бы намъ извѣстна. А изощреннѣе они могутъ быть, какъ показываютъ примѣры чувствъ выведенныя (?) изъ соразмѣрности своей болѣзню. Дайъ глазу быть телескопомъ или микроскопомъ,—какіе новыя міры ему откроются! Тотъ, Кто далъ человѣку око (для красоты),—ухо (для благогласія),—сердце для любви и дружбы,—разумъ на постиженіе Дателя, Тотъ, Кто сплелъ во едино стихіи, претворяетъ летучесть огня въ твердость, и свѣтъ вмѣщаетъ въ части составительныхъ веществъ, Тотъ можетъ произвести ²⁾ новыя смѣшенія. Благодать и Любовь его не из-

¹⁾ Стр. 144.

²⁾ Стр. 146.

связнута. Если Слово Его единое рождает чудесность, то и паки ее родить можетъ.

Затѣмъ Радищевъ переходитъ къ представленію въ духѣ Лейбница. На что предполагать новое твореніе? Вся возможность прешла въ дѣйствительность предъ началомъ уже времени; *что будетъ*, то *уже было* въ неизблемомъ порядкѣ съ того мгновенія, какъ возблистало солнце, и время отдѣлилося отъ вѣчности.

Другія организациі (кромѣ чувствуемыхъ) нельзя отвергать по той причинѣ, что онѣ намъ нечувствительны. Множество веществъ ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ по малости, по прозрачности и т. д. Пресыщеніе одной вещи не исключаетъ вѣмлемость другой. Опытъ доказываетъ невѣроятное. Вода, насыщенная обыкновенною солью, не приѣмля ея болѣе, растворяетъ и приѣмлетъ другую.

Будущее состояніе человѣка отстоитъ отъ настоящаго не такъ далеко, не за тридевять земель и не на тридесатомъ царствѣ ¹⁾.

По аналогіи (на которой основана бѣльшая часть нашихъ познаній и заключеній) можно вѣрить, что будущая организациа человѣка произтечетъ изъ нынѣшней, какъ она произошла изъ прежнихъ ²⁾. Къ сложенію человѣка нужны были стихіи, движеніе и совокупное дѣйствіе силъ вещественности. По разрушеніи тѣла и выходѣ изъ него стихіи пребудутъ тѣ же стихіи, силы отойдутъ въ свое начало и будутъ дѣйствовать въ другихъ сложеніяхъ. Что же бываетъ со стихіею чувствующею и мыслящею, неизвѣстно. Не вступитъ ли она въ союзъ съ другими стихіями по свойству смежности, намъ еще невѣдомой, и не произведетъ ли новое сложеніе? „О возлюбленные

¹⁾ Стр. 147.

²⁾ Стр. 148.

мои, я чувствую, что несуся въ область догадокъ, и увы! догадка не есть дѣйствительность“.

Радищевъ „краткими словами“ резюмируетъ свое мнѣніе относительно предмета цѣлаго сочиненія о безсмертіи ¹⁾; вотъ его положенія:

Человѣкъ по смерти своей пребудеть живъ. Тѣло его разрушится, но душа разрушиться не можетъ, ибо несложная есть. Цѣль его на земли есть совершенствованіе, та же пребудеть цѣлію и по смерти. А изъ того слѣдуетъ, какъ средство совершенствованія его была его организація, то должно заключать, что онъ имѣть будетъ другую—совершеннѣйшую и усовершенствованному его состоянію соразмѣрную.

Возвратный путь для него невозможенъ ²⁾, и состояніе по смерти не можетъ быть хуже настоящаго. Правдоподобно что человѣкъ сохранить свои мысли и склонности, поскольку ихъ можно отдѣлить отъ тѣлесности. Въ новой своей организаціи онъ исправитъ свои заблужденія и устремитъ склонности къ истинѣ. Сохраняя мысли, коихъ расширенность имѣла началомъ рѣчь, онъ будетъ одаренъ рѣчью. Если будущая организація будетъ сопричастна чувствительности, она будетъ глаголомъ одаренна, ибо рѣчь изъ произвольныхъ знаковъ внятна всякому чувству (см. выше, стр. 193—194).

Полагая „конецъ заключеніямъ, да не зрится ищущими единственно мечтаній“, Радищевъ обращается къ читателю: О человѣкъ, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя не опредѣлена разрушиться съ тѣломъ. Блаженство, совершенствованіе есть твоя цѣль (см. выше, стр. 195—196). Одаренный разными качествами, употребляй ихъ цѣли твоей соразмѣрно, но берегись ихъ употреблять во зло! Казнь живетъ сос-

¹⁾ Стр. 149.

²⁾ Стр. 149. Въ оригиналѣ «не невозможенъ», искажающее смыслъ.

межна злоупотребленіямъ. Ты въ себѣ заключаешь блаженство-
твое и злополучіе. Шествуй во стезѣ, природою начертанной, и
вѣрь, что (если поживешь за предѣлъ дней твоихъ, и разруше-
ніе мысленности не будетъ твой жребій) состояніе твое буду-
щее соразмѣрно будетъ твоему житію: Тотъ, Кто сотворилъ
тебя, далъ существу твоему законъ; зло, тобою содѣланное,
будетъ зло для тебя. Ты будущее твое опредѣляешь настоя-
щимъ: „и вѣрь, скажу паки, вѣрь, *вѣчность не есть*
мечта“¹⁾!

Къ стр. 198.

John Wallis, славный англійскій геометръ, родился въ
Ashford (въ графствѣ Essex) 23 ноября 1616 г., умеръ въ
Лондонѣ 28 окт. 1703 г.; онъ учился въ Кембриджѣ и сначала
служилъ церкви. Въ 1649 г. получилъ кафедру геометріи въ
Оксфордѣ. Послѣ реставраціи Карлъ II утвердилъ его въ
той самой должности и поручилъ ему же должность хранителя
университетскаго архива. В. былъ однимъ изъ основателей
Лондонскаго Королевскаго Общества въ 1663 г. Замѣчательны
его опыты по обученію глухонѣмыхъ.

Сочиненія его изданы въ 3 томахъ in folio — *Wallisii opera
mathematica*, 1695—1699; къ этому надо присоединить еще
одинъ томъ богословскихъ и этическихъ трактатовъ. Wallis съ
1654 г. имѣлъ степень Dr. theol. и былъ при Карлѣ II капланомъ.

Всѣ его мемуары перечислены въ *Biographisch-Literarä-
ches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften*
von *J. C. Poggendorff*, II. Band. M.—Z, Lpz, 1863, p. 1253—
1255.

¹⁾ Стр. 151.

Мы подробно ознакомились съ трактатомъ Радищева о безсмертіи.

Прежде всего нельзя не пожалѣть о томъ, что трактатъ не получилъ, повидимому, послѣдней обработки отъ самого автора, и притомъ былъ изданъ довольно небрежно—очевидно, лицомъ, не особенно хорошо знакомымъ съ философіею. Издатель не только не сумѣлъ исправить мелкихъ недочетовъ, какія, можетъ быть, имѣлись въ самой рукописи: онъ даже самъ, кажется, увеличилъ ихъ число. Мы отмѣтили далеко не всѣ погрѣшности, найденныя нами въ текстѣ, который приходится признать весьма неисправнымъ: у насъ указаны, преимущественно, лишь такіе промахи, которые искажаютъ смыслъ, и лишь тѣ мѣста, которыя подчасъ говорятъ обратное тезисамъ, защищаемымъ авторомъ. Намъ было бы пріятно, если бы наши замѣтки по критикѣ текста этого труда Радищева пригодились будущему редактору полнаго собранія сочиненій Радищева, если таковое возможно ожидать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ личнаго изученія текста—мы полагаемъ неудобнымъ ограничиться въ такомъ предполагаемомъ собраніи сочиненій простою перепечаткою труда о безсмертіи; необходима, по нашему мнѣнію, внимательная рецензія текста, и притомъ со стороны специалиста.

Пересказъ сочиненія былъ дѣлаемъ нами по возможности въ подлинныхъ выраженіяхъ автора и даже съ его орфографіею. Изученіе сочиненій Радищева со стороны лингвистической, думается

намъ, не осталось бы безъ пользы для опредѣленія свойствъ литературнаго русскаго языка въ XVIII в.

Книга о безсмертіи была начата еще въ Илимскѣ въ 1792 г., т. е. за 10 лѣтъ до смерти автора. Надо думать, что авторъ не переставалъ работать надъ этимъ своимъ сочиненіемъ вплоть до смерти. Идеи о смерти и безсмертіи занимали Радищева *всю жизнь*. Трактатъ, изложенный нами, долженъ былъ составить собою главный литературно-философскій трудъ автора за послѣдніе годы жизни. Но и десяти лѣтъ оказалось недостаточнымъ: онъ остался не оконченнымъ.

Попытаемся привести нѣсколько данныхъ въ исторіи возникновенія интересующаго насъ труда Радищева. Этимъ трактатомъ почти еще вовсе не занимались, а потому связь его съ жизнію и другими сочиненіями Радищева совсѣмъ не выяснена.

Первое обстоятельство въ жизни Радищева, натолкнувшее его на мысли о смерти, была, несомнѣнно, смерть его любимаго друга и руководителя Ѳ. В. Ушакова въ Лейпцигѣ. „Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбію, что въ послѣдствіи ни изступленіе радости и утѣхъ, ни величайшая печаль *потеряніемъ возлюбленной супруги* не истребило чувствованіе прежнія печали“ ¹⁾.

Федоръ Васильевичъ Ушаковъ, общавшій собою замѣчательнаго дѣятеля въ области наукъ и русской литературы, скончался отъ послѣдствій сифилиса. Еще служа секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ *Тепловъ* въ Петербургѣ и „не отъѣзжая въ Лейпцигъ, Ѳ. В. Ушаковъ почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбежное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій“ ²⁾. Захворавши, онъ потребовалъ къ себѣ искуснаго врача и просилъ его сказать истину. Человѣколюбивый врачъ долго колебался, но видя нетрепетность

¹⁾ Т. V, «Житіе», стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 19.

Ушакова, объявилъ ему, что „завтра онъ жизни не будетъ уже причастенъ“ ¹⁾.

Ушаковъ не струсилъ; онъ сталъ прощаться съ друзьями, и между прочимъ Радищеву передалъ свои бумаги (изъ которыхъ тотъ потомъ издалъ нѣкоторыя небольшія работы по философіи и уголовному праву, приобщивъ ихъ къ „Житію“).

За нѣсколько часовъ предъ кончиною *Θ. В.* почувствовалъ нестерпимую боль во внутренности и не могъ уже удержаться: „страждущій вскричалъ содрагающимся гласомъ“ ²⁾ и молилъ Кутузова быть его благодѣтелемъ и дать ему яду, „да скоро пресѣчется его терзаніе“ ³⁾. Но Кутузовъ, посоветовавшись съ Радищевымъ, не далъ ему яду, въ чемъ Радищевъ потомъ раскаивался. Поэтому онъ и просить Кутузова: „если еще услышишь гласъ стнящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая, и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о любезнѣйшій мой; ты *жизнь не-сносную скончаешь* и дашь отраду жизнию гнушающемуся и *ее возненавидѣвшему*“ ⁴⁾.

Вторымъ жестокимъ ударомъ судьбы была для Радищева смерть его первой жены, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ. Потрясенный этой смертью, онъ написалъ „Эпитафію“ ⁵⁾:

О! *если то не ложно,*
Что мы по смерти будемъ жить;
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно;
Коль будемъ чувствовать, нельзя и не любить.

¹⁾ Стр. 77.

²⁾ Стр. 82.

³⁾ Стр. 83.

⁴⁾ Стр. 84.

⁵⁾ Т. I, стр. 199.

Надеждой сей себя питаю,
И дни въ тоскѣ препровождаю,
Я смерти жду, какъ брачна дня:
Умру и горести забуду,
Въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду! ¹⁾.
Но если жъ то *мечта*, что сердцу льститъ, маня,
И ненавистный роѣ отъялъ тебя на вѣки,—
Тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки!...
Тронись, любезная, стенаніями друга!
Се предстоитъ тебѣ въ объятіяхъ твоихъ чадъ:
Не можешь коль прейти свирѣпыхъ смерти вратъ,
Явись хотя въ мечтѣ, утѣши тѣмъ супруга!

Эту эпитафію не позволили вырѣзать на надгробномъ памятникѣ жены Радищева, потому что въ ней, какъ находили, съ недостаточной увѣренностію выражена надежда на загробную жизнь.

Мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ трактатѣ, постоянно попадаютъ въ мелвихъ стихотвореніяхъ Радищева.

...Вѣрь, что всѣмъ бѣдамъ ужъ близокъ сталъ конецъ.
Законъ неизблемой поставилъ Всеотецъ,
Чтобъ обновленіе изъ нѣдръ премѣнъ рождалось,
Чтобъ все крушеніемъ въ природѣ обновлялось,
Чтобъ *смерть давала жизнь, и жизнь давала смерть;*
То шестіе судьбы возможно ли претерть ²⁾?

¹⁾ Ср. выше, стр. 81, 84, 89, 176. Радищевъ ясно высказываетъ здѣсь свой взглядъ на любовь. Величайшее, кратчайшее веселіе на земли для него въ объятіяхъ возлюбленной супруга.

²⁾ Т. I, стр. 174.

Эти мысли изъ стихотворенія „*Посланіе*“ развиваются и въ трактатѣ. См., напр., выше, стр. 149—150.

О вы, стѣнящіе подъ тяжкою рукою
Злощастія и бѣды:
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свѣтъ,
Любители добра, ужель надежды нѣтъ?
Мужайтесь, бодрствуйте и смѣло протѣкайте
Сей краткой жизни путь! *На оны моль* поспѣшайте:
Тамъ лучшая страна; тамъ миръ во вѣкъ живетъ,
Тамъ юность вѣчная, блаженство тамъ васъ ждетъ ¹⁾!

(*Журавли*, басня)

Мольбу напрасно мы возводимъ,
Да прелесть юныхъ добрыхъ лѣтъ
Калѣвна старость не женеть;
Нигдѣ отъ вѣдой не уходимъ
Смерти прочь ²⁾!

(Строфа 3).

Не мни, чтобъ смерть своею косою
Тебя въ полетѣ миновала:
Нѣтъ въ мірѣ тверди никакой,
Противъ ея чтобъ устояла,
Какъ придетъ.
Оставить домъ, друзей, супругу,
Богатства, чести, что стаялъ:

¹⁾ Стр. 177—178.

²⁾ Стр. 194.

Увы! послѣдній часъ насталь,
Тебя, который въ ночь упругу
Повлечеть!
(Строфа 5).

Кончины узримъ всѣ чертогъ,
Объять кровавыми струями;
Предъ вѣкомъ смерть судилъ намъ Богъ:
Ея вершится все устами
Въ мѣрѣ семъ ¹⁾!
(Строфа 6).

Отношеніе человѣка къ смерти представляетъ собою содержание цитированнаго сейчасъ стихотворенія „*Ода къ другу моему*“.

„Молитва“ ²⁾ высказываетъ убѣжденіе Радищева въ справедливости ученія: „*ἀποκατάταξις πάντων*“:

Тебя, о Боже мой, Тебя не признавають,
Тебя, что твари всѣ повсюду взвѣщаютъ.
Внемли послѣдній гласъ: я если прегрѣшилъ,
Законъ я твой искалъ, въ душѣ тебя любилъ;
Не колебаяся, на вѣчность я взираю!
Но ты, меня родилъ, и я не понимаю,
Чтобъ Богъ, вѣмъ въ дни мой блаженства лучъ сіялъ,
Когда прервется жизнь, на вѣкъ, меня терзалъ!

То же развито и въ трактатѣ, см. выше, стр. 201.

Стихотворенія эти, появившіяся въ посмертномъ собраніи сочиненій Радищева, несомнѣнно, писаны въ разное время (до и послѣ ссылки); но почти въ каждомъ изъ нихъ такъ или иначе затронута мысль о смерти, безсмертіи и загробной участи.

¹⁾ Стр. 195.

²⁾ Стр. 198.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, какъ подѣйствовалъ на Радищева тотъ „ужасный урокъ“, который „преподалъ ему на смертномъ одрѣ“ Ушаковъ, и точно ли,—„съ тѣхъ поръ *самоубійство* сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышлений“¹⁾. Но мы видѣли, что Радищева постоянно занимали мысли о смерти и безсмертіи, такъ что фатальный конецъ его въ 1802 г.—самоубійство (самоотравленіе вѣрною водкой и попытка зарѣзаться) не было моментальной, необдуманною вспышкой. Радищевъ цѣлымъ рядомъ долготѣнихъ размышлений достигъ того, что онъ „не колебался, взиралъ на вѣчность“.

Пушкинъ такъ рассказываетъ о концѣ Радищева:

„Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! Или мало тебѣ было Сибири?“ Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ (т. е. Ушаковѣ), подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ давно напророчилъ“²⁾.

Въ отношеніи исторіи возникновенія философскаго трактата Радищева играетъ важную роль его повѣсть „О Филаретѣ милостивомъ“, которую онъ написалъ, сидя въ крѣпости. Эту повѣстью Радищевъ хотѣлъ дать назиданіе своимъ дѣтямъ, „чтобы преподать имъ живой урокъ безкорыстнаго служенія человѣчеству“. Она напечатана у Сухомлинова въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“ по автографу Радищева, т. I, стр. 598—

¹⁾ *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. П. О. Морозова, т. V. (Александръ Радищевъ), стр. 350—351.

²⁾ Стр. 354.

611. Никто еще не обратилъ вниманія на то, что одно мѣсто въ этой повѣсти надобно признать какбы первымъ эскизомъ будущаго трактата (начатаго уже въ ссылке, въ Илимскѣ— съ тою же цѣлью назиданія возлюбленнымъ своимъ). Это мѣсто, которое мы приводимъ, является краткимъ конспектомъ трактата о безсмертіи (стр. 602—603):

„Филареть, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наконецъ прилѣпился къ ученію о душѣ или психологін, къ богословіи или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все ему преподаваемое было уже для него не новое; что все, чтò другіе называли *понятіе*, въ немъ было то—*чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навмъ оному отъ сосеца почти матерня.

— „Всѣ вещи“, говорилъ Филарету учитель его *Теофилъ*, „суть или вещи по себѣ или отъ другихъ. Однѣ суть причины, другія—дѣйствія. Но, восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайніа или высшіа всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ не сами собою, и что первая причина есть неограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ“.

— „Отче“, отвѣтствовалъ Филареть, „съ того времени, какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ, я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено перемѣнѣ, все родится, и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удалаться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраниются. Вопросилъ я самъ себя: „кто зиждетъ все? кто живить? кто разрушаетъ, дабы оживить паки? кто путь измѣрилъ тѣлесамъ

небеснымъ?" Потомъ спросилъ себя пави: „ты живъ, но гдѣмъ и какъ? Кто жизнь тебѣ далъ, и почто она скончается?“ Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ которой теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущалъ въ себѣ, и душа моя къ Нему прильпе“¹⁾.

— „Всѣ вещи“, говорилъ Θεοφιль, „суть сложны или единственны, т. е. несложны“²⁾. Всѣ сложныя суть протяженны; въ симъ принадлежатъ всѣ тѣlesa, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлать на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части; разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла; и какою бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя половину: слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣлиться; разрушиться, измѣнить свой видъ, умереть. Посему человекъ, яко вещество сложное, умираетъ.

Напротивъ того, если вообразу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться; слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ воихъ частей вообразать невозможно? Опрочь математической точки, въ умозрѣніи только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ—*мысль*. Напряги всѣ мышцы свои; устремися на разрушеніе мысли,—силы твои немощны, и тщетно стараніе. Мысль нераздѣлима; ибо несложна. Что же мысль или несложное производитъ? Конечно; несложное, ибо невозможно, чтобы сложное не сложность производило. Мысль производящее существо имеемъ мы *душою*. А поелику душа есть несложна; то и нераз-

¹⁾ Стр. 602.

²⁾ Стр. 603.

дѣлва—не можетъ разрушиться, не умереть. Познай, о чело-
вѣкъ, твое величество; ты сопричастенъ божеству; если тѣло
твое разрушится, но мысль твоя вѣчна, и душа безсмертна“.

Идеи, намѣченныя здѣсь, мы видѣли выше развитыми
болѣе подробно и обоснованно—въ разныхъ мѣстахъ трак-
тата.

Къ какому философскому лагерю примыкають воззрѣнія Радищева? Этотъ вопросъ и до послѣдняго времени остается невыясненнымъ, — какъ намъ кажется, именно потому, что вниманіе изслѣдователей до сихъ поръ не останавливалось на его большомъ философскомъ трактатѣ. Большинство пишущихъ о Радищевѣ повторяють въ этомъ случаѣ мнѣнія *Пушкина*. Но, разумѣется, гениальный поэтъ не можетъ служить непререкаемымъ авторитетомъ въ философіи. Вотъ что говоритъ А. С. Пушкинъ:

„Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ (Ушаковымъ) Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его *пошлой* и *безплодной* метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою „О разумѣ“ и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей, пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы по несчастію не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили

мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ *молвы* видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими“ ¹⁾).

Общее сужденіе поэта Пушкина о мыслителѣ Радищевѣ:

„Въ Радищевѣ отразилась вся *французская* философія его вѣка: скептицизмъ *Вольтера*, филантропія *Руссо*, политическій цинизмъ *Дидрота* и Ренала; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель *полупросвѣщенія*. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, *поверхностныя свѣдѣнія*, наобумъ приноровленныя ко всему,—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ“ ²⁾).

Пушкинъ читалъ и трактатъ о безсмертіи; сужденіе его также очень строго.

„Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе „О человѣкѣ и (о) его смертности и безсмертіи“. Умствованія его *пошлы* и не оживлены слогомъ. Радищевъ, хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма“ ³⁾).

Говоря о большей охотѣ Радищева излагать „атеизмъ“, Пушкинъ, очевидно, имѣетъ въ виду блестящій монологъ воображаемаго противника безсмертія души (см. выше, стр. 135—144)—въ концѣ II части сочиненія. Но тотъ же Радищевъ называетъ доводы противъ безсмертія души (выше, стр. 130) *площадными* и (выше, стр. 144—145) съ такой же горячностью выступаетъ противъ своего оппонента, „вѣщавшаго *его* гласомъ“,

¹⁾ Стр. 350.

²⁾ Стр. 355.

³⁾ Стр. 354.

приравниваетъ его въ *тигру* и къ жесточайшимъ тираннамъ. Какъ разъ эти художественно написанныя мѣста могутъ служить противовѣсомъ мнѣнію Пушкина о томъ, что сочиненіе „не оживлено стилемъ“, что оно пошло! Нужно принять въ соображеніе также и совершенное различіе стилей поэтическаго и философскаго. Да и самый философскій стиль XVIII вѣка въ лучшихъ его образцахъ совершенно не подходитъ подъ нынѣшніе вкусы. Пушкинъ, великій авторитетъ русскаго художественнаго стиля, самъ не далъ образцовъ русскаго стиля философскаго.

Кромѣ того, погрѣшности стиля, наблюдаемыя нами въ трактатѣ Радищева, объясняются незаконченностію его труда: авторъ не придавъ ему окончательной формы (оставилъ даже пропускъ въ текстѣ, см. выше, стр. 99—100), а наслѣдники его, издававшіе сочиненіе, не были въ состояніи съ пониманіемъ дополнить и проредактировать трактатъ. Въ мѣстахъ же болѣе обработанныхъ Радищевъ (какъ мы неоднократно выше отмѣчали) остался вѣренъ своему общему стилю и направленію сентиментализма. Но ни мысли и доводы его въ пользу безсмертія, ни чувства, одушевляющія его, никакъ не могутъ быть названы пошлыми.

Не забудемъ и того, что указанное Пушкинымъ мѣсто находится въ концѣ II части, за которою слѣдуютъ еще 2 части, посвященныя спеціально изложенію доводовъ въ защиту безсмертія индивидуальной души. Неизвѣстно, проштудировали ли Пушкинъ и эти двѣ послѣднія (спеціально философскія) части трактата, наиболѣе важныя для историка философіи, но не важныя для Пушкина, не необходимыя для цѣлей его статьи.

Надъ философскимъ произведеніемъ Радищева и надъ его философскимъ направленіемъ Пушкинъ поставилъ крестъ и ограничился только суммарнымъ приговоромъ о „пошлости“.

Одно уже пристрастіе Пушкина къ Радищеву (оставляя въ сторонѣ еще совершенно не выясненныя причины этого пристрастія) могло бы навести на мысль о необходимости пересмотра всего дѣла. Указанныя нами обстоятельства еще болѣе усиливаютъ эту мысль.

Итакъ, былъ ли Радищевъ *только* послѣдователемъ Гельвеція и французской философіи XVIII в. вообще?

Считать Радищева послѣдователемъ *французскихъ* теорій XVIII в. съ большимъ правомъ можно было бы, разбирая его взгляды соціально-политическіе; такъ извѣстно, что онъ увлекался книгами Рейналя, Монтескье и др. Но и въ этой области нельзя было бы не допустить нѣкоторыхъ ограниченій, особенно, что касается позднѣйшихъ лѣтъ Радищева. Вѣдь самъ же Пушкинъ цитируетъ ¹⁾ „въ стихахъ его *лучшее* произведеніе „Осмынадцатый вѣкъ“—лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь *замѣчательные* подлѣ его перомъ“. Радищевъ въ началѣ этой глубокомысленной пьесы ясно и отчетливо выражаетъ свой взглядъ на истекающее, ему современное столѣтіе ²⁾.

Урна времянъ часы изливаетъ, каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣки ручьи возрасли
И на дальнѣйшемъ берегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море,—а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни береговъ;
Не возвышался тамъ островъ, ни dna тамъ лотъ не находитъ;
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣды.
Но *знаменито* во *вѣки* своею *красавой* струею

¹⁾ Стр. 354—355. Радищевъ называетъ своё стихотвореніе «Осмынадцатое столѣтіе (а не Осмынадцатый вѣкъ».

²⁾ *Радищевъ*, Сочиненія, т. I, стр. 179—180.

Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда.
И сокрушилъ наконецъ корабль надежды несущей, ¹⁾
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Щастіе, и добродѣтель, и вольность пожралъ омутъ ярой:
Зри, всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ, ты не будешь забвенно, столѣтье *безумно и мудро!*
Будешь *проклято* во вѣкъ, въ вѣкъ *удивленіемъ* всѣхъ:
Крови въ твоей колыбели, припѣваніе—громы сраженьевъ...
Ахъ! омочено *въ крови* вѣкъ ты ниспадаешь во гробъ ²⁾.

Съ легкой руки Пушкина, статья котораго о Радищевѣ и доселѣ служить для многихъ руководствомъ, Радищева стали причислять къ послѣдователямъ французской философіи и въ области *метафизики*. Самъ Пушкинъ называетъ Радищева въ разбираемомъ нами трактатѣ „ученикомъ Гельвеція“ (стр. 354). Если припомнимъ, что Пушкинъ называетъ *метафизику* Гельвеція *пошлою* и бесплодною (стр. 350), то мы поймемъ, почему обвиненіе въ *пошлости* падаетъ и на (мнимаго) послѣдователя Гельвеція—Радищева.

¹⁾ У Пушкина (стр. 355) эти стихи переправлены и понапрасну:

И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,

Смыслъ получится лишь тогда, если «сокрушилъ» мы поймемъ какъ: «сокрушился» (подобно: совершенствуется вм. совершенствуется и т. д.); у Радищева примѣровъ употребленія дѣйствительной формы вмѣсто возвратной съ *ся* встрѣчается много—и въ трактатѣ.

²⁾ У Пушкина передѣлано:

Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь во гробъ!

По нашему, надобно пропустить не «ты», а «вѣкъ» и читать безъ нарушенія средняго рода (столѣтье) и безъ несогласія синтаксическаго съ цезурой на словѣ «вѣкъ», какъ у Пушкина.

Ахъ, омоченно въ крови, || ты ниспадаешь во гробъ!

Можно еще возстановить испорченный текстъ Радищева, ничего не выпуская, такъ:

Ахъ, омоченъ въ крови вѣкъ, ты ниспадаешь во гробъ!

Пушкинъ не придавалъ никакого значенія лейпцигскимъ годамъ ученія Радищева, и въ этомъ его большая ошибка. Нами теперъ даже странно и смѣшно слышать, что Пушкинъ бросаетъ Радищеву, одному изъ образованнѣйшихъ людей тогдашней Европы, упрекъ въ томъ, что „ученье не пошло въ прокъ“, что „университетская жизнь принесла ему мало пользы“, что Радищевъ не взялъ даже на себя труда выучиться *порядочно* латинскому и *нѣмецкому* языку, дабы, по крайней мѣрѣ, быть *въ состояннн* понимать своихъ *профессоровъ* ¹⁾, что онъ—*кривое* зеркало, истинный представитель *полупросвѣщенія*, что свѣдѣнн его поверхностны“ и т. д. ²⁾. Пушкинъ не могъ не знать фактовъ о Радищевѣ, свидѣтельствующихъ о противномъ, и самъ даже частью приводитъ ихъ, допуская тѣмъ противорѣчн въ своей статьѣ. Неужели всѣ эти пристрастныя и несправедливныя обвиненн должны были служить маскою для цензуры? Или Пушкинъ здѣсь сжигалъ то, „чему поклонялся“?

И если бы Радищевъ съ товарищами, дѣйствительно, не понимали своихъ профессоровъ за незваннемъ даже нѣмецкаго языка, то отчего же замѣчательнѣйшнй тогдашнй ученнй въ Лейпцигѣ—Платнеръ обратилъ на нихъ свое вниманн, отчего онъ помнилъ именно Радищева, Кутузова ³⁾ и только сожалѣлъ, что онъ самъ еще тогда былъ не тотъ, т. е. еще не достигъ высшей ступени совершенства? Если русскн студенты были такъ ничтожны, то отчего же Платнеръ просилъ Карамзина оставаться работать подъ его и его коллегъ руководствомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ его „единоземцы искали просвѣщенн и

¹⁾ Стр. 349—350 *passim*. Герценъ въ предисловіи къ своему изданн «Путешествнн Радищева» говоритъ о статьѣ Пушкина: «Статья недѣлающая особенной чести поэту. Онъ или перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ,—и тогда лучше было бы ее не печатать».

²⁾ Стр. 355.

³⁾ См. выше, стр. 74.

надѣюсь, не тщетно“ ¹⁾), а въ прощальной запискѣ надѣялся еще заслужить его благодарность? ²⁾ Наконецъ, слова Пущкина опровергаются официальнымъ документомъ ³⁾ о блестящихъ успѣхахъ русскихъ студентовъ, въ томъ числѣ и Радищева.

Какъ увидимъ ниже, Пушкинъ совсѣмъ не опредѣлялъ философскаго лагеря, куда слѣдуетъ по истинѣ отнести Радищева въ его трактатѣ о безсмертіи. Откуда же взялось у него мнѣніе, будто Радищевъ—ученикъ Гельвеція?

Очевидно, что онъ взялъ это изъ известнаго сообщенія самого Радищева: „Мы читали сію книгу (Гельвеція „О разумѣ“), читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научились.... Въ семъ отношеніи сочиненіе его немалую можетъ всегда приносить пользу“ ⁴⁾.

Что говорить здѣсь Радищевъ? Что онъ и „цѣлое общество юношей“ съ Ѳ. В. Ушаковымъ во главѣ училися мыслить по книгѣ Гельвеція, и что это, сочиненіе „О разумѣ“ можетъ всегда служить съ пользой для наученія, для приобрѣтенія навыка въ мышленіи. Всякому знакомому съ манерой писма Гельвеція памятна его „логическая *прямолинейность*“, которая, дѣйствительно, можетъ оказывать полезное дѣйствіе на развитіе логической *формальной* мысли.

Но слѣдуетъ ли изъ этого мѣста, что Радищевъ съ товарищами стали также и *последователями принциповъ*, самой системы Гельвеція? Нѣтъ!

Главарь кружка Ѳ. В. Ушаковъ оставилъ послѣ себя въ числѣ сочиненій „Письма, касающіяся до первой книги Гельвеція сочиненія о Разумѣ“, изданныя Радищевымъ вмѣстѣ съ его „Житіемъ“ ⁵⁾. Письма эти были адресованы въ тому же

¹⁾ Выше, стр. 73.

²⁾ Выше, стр. 74.

³⁾ Выше, стр. 60.

⁴⁾ Радищевъ, соч. V, стр. 61.

⁵⁾ Т. V, стр. 130—137.

пробавшему вельможѣ, который такъ подружился въ Лейпцигѣ съ Ушаковымъ и познакомилъ его, а черезъ него и всю братію—съ Гельвеціемъ ¹⁾. Этотъ Θ... былъ слѣпой поклонникъ Гельвеція, но, вѣроятно, по мнѣнію Радицева, и не зналъ другихъ мыслителей. Не таковъ былъ Ушаковъ, который не замедлилъ при всемъ восхищеніи Гельвеціемъ отнестись къ нему съ критикой.

Ушаковъ въ первомъ письмѣ (стр. 132) благодарить Θ... за внушенное имъ „отвращеніе-непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ, и мерзвѣніе къ путаницѣ высокопарныхъ и звонкихъ словъ, коими прежде сего“ Ушаковъ „отягощалъ память“ свою. Ушаковъ признателенъ вельможѣ и за то, что отъ него „позналъ удивленія достойнаго сочинителя“. Прочитавъ книгу Гельвеція разъ вмѣстѣ съ нимъ, Ушаковъ еще 3 раза читалъ ее со всевозможнымъ вниманіемъ. Онъ удивляется „проницательности“ Гельвеція, „ясности и изящности его слога“, но „нерѣдко сожалѣеть о его краткости“ ²⁾. Содержаніе писемъ (всего ихъ осталось 5) должно было заключать сокращеніе сочиненія „О разумѣ“, или, по крайней мѣрѣ, первой и третіей книги онаго“. Это изложеніе требуетъ „напряженія разума и довольнонаго времени“, вообще,—дѣло весьма трудное,—тѣмъ паче, что „*навсегда* я съ авторомъ *одного мнѣнія*, по крайней мѣрѣ, въ помянутыхъ 2 книгахъ. Для объясненія моихъ сомнѣній въ величіи нужно войти подробности“.

Содержаніе I discours'a „О разумѣ“ (De l'esprit) есть De l'esprit en lui-même; доказывается, что *чувствительность* (sensibilité) и физическая, и моральная, равно и память суть, производящія причины *всѣхъ нашихъ идей*, и что *всѣ наши дошвыя сужденія* суть слѣдствіе либо *нашихъ* страстей, либо нашего

¹⁾ Выше, стр. 75—76.

²⁾ Стр. 133.

незнанія. III разсужденіе (изъ 4) излагаетъ, разсматривать ли (духъ или) разумъ какъ даръ природы, или какъ слѣдствіе воспитанія.

Изъ всего этого мы можемъ только заключить, что сочиненіе Гельвеція, дѣйствительно, произвело очень сильное впечатлѣніе на нашихъ юныхъ философовъ и послужило, быть можетъ, предметомъ столь же ожесточенныхъ и горячихъ дебатовъ, какъ впоследствии ученія Шеллинга и Гегеля: но отъ этого еще далеко до того, чтобы Гельвецій¹⁾ сдѣлался для нихъ непререкаемымъ авторитетомъ. Мы полагаемъ даже, что Радищевъ и его компанія не могли сдѣлаться такъ легко матеріалистами, ибо уже были посвящены (черезъ Платнера) въ философскую діалектику.

Въ нашихъ трудахъ „Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого“ (глава IV) и „Философія и литература“ (статья II) мы установили общую схему возможныхъ философскихъ міровоззрѣній: 1) матеріализмъ—механизмъ (атомизмъ), 2) универсализмъ (идеализмъ) и 3) критическій индивидуализмъ (панпсихизмъ). *Материализмъ* признаетъ субстанціи индивидуальными, но не считаетъ душу субстанціею. *Универсализмъ* признаетъ духовное начало, но, видя субстанціи только въ общностяхъ (универсаліяхъ), отрицаетъ субстанціальность индивидуальной души. *Критическій индивидуализмъ*²⁾, наконецъ, признаетъ субстанціи только въ индивидуальныхъ душахъ. Отсюда мы видимъ, что защищать безсмертіе, т. е.

¹⁾ Мы пользовались изданіемъ сочиненій Гельвеція: *Oeuvres complètes de M. Helvétius*, Nouvelle édition, corrigée et augmentée sur les Manuscrits de l'Auteur... A Londres, 1780-81 въ 5 томахъ (I и II т.—De l'esprit, III и IV De l'homme, V—окончаніе этого соч. и мелкія произведенія. Въ I томѣ *Essai sur la vie et les ouvrages de M. Helvétius*—стр. V—CXV. О жизни, сочиненіяхъ и философіи Гельвеція см. у *Ph. Damiron*, *Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle*, t. I, mém. IV., стр. 356—528.

²⁾ Ср. нашу брошюру «Изъ исторіи критическаго индивидуализма».

неуничтожаемость отдѣльной (индивидуальной) души не можетъ, оставаясь послѣдовательнымъ себѣ, ни материалистъ, ни универсалистъ. Одни только приверженцы критическаго индивидуализма могутъ защищать „безсмертіе души“.

Итакъ, Радищевъ, представившій стройное и *последовательное* изложеніе доктрины о безсмертіи не могъ быть ни универсалистомъ, ни материалистомъ.

Если же Радищевъ, какъ мы видѣли выше изъ изложенія, *дѣйствительно не былъ* материалистомъ (да и не могъ имъ быть, защищая безсмертіе индивидуальной души), а наоборотъ, весьма энергично выступалъ противъ материализма, то надобно разъ навсегда *перестать* причислять его (подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина) къ послѣдователямъ французскихъ материалистовъ XVIII вѣка.

Не раздѣляя ученій материалистическихъ, Радищевъ могъ быть ученикомъ XVIII в. въ другомъ важномъ отношеніи, а именно, на поприщѣ идей общественныхъ, политическихъ, юридическихъ и т. д. Идеи индивидуальной свободы и равенства людей хорошо вяжутся съ метафизикою критическаго индивидуализма, которая провозгласила принципъ личности. Не принадлежа къ послѣдователямъ *материалистической метафизики* французской философской школы XVIII в., Радищевъ всю жизнь оставался поклонникомъ французскихъ *освободительныхъ* идей, какъ оставался вѣрнымъ въ литературѣ духу и тону *сентиментальнаго* направленія.

Что же касается въ частности Гельвеція, которымъ (съ его же собственныхъ словъ) попрекаетъ его Пушкинъ, то на философскомъ трактатѣ не оказывается почти никакихъ слѣдовъ вліянія Гельвеція. Онъ вовсе не авторитетъ для Радищева, который даже и не ссылается на него. Только одинъ разъ (выше, стр. 90) онъ по незначительному поводу упоминаетъ объ одномъ неважномъ мнѣніи Гельвеція, и то лишь „не безъ вѣроятности“, что руки были человѣку путеводительницы къ

разуму ¹⁾; затѣмъ Радищевъ упоминаетъ Гельвеція еще три раза, и во всѣхъ случаяхъ именно отвергая его мнѣнія, какъ противоположныя его собственнымъ.

Онъ (выше, стр. 166) прямо выступаетъ противъ наиболѣе существенной логической и психологической доктрины Гельвеція, будто всѣ дѣйствія разума (понятіе, сужденіе, умозаключеніе) суть лишь ощущение—*sentir*, съ чѣмъ не совсѣмъ соглашался еще Ушаковъ въ Лейпцигѣ (см. выше, стр. 223), и называетъ его доводы *искусственными*. *Слабыми* называетъ онъ доводы Гельвеція (выше, стр. 100) въ пользу тоже одной изъ основныхъ идей Гельвеція объ „единосліи разумовъ“. Наконецъ, и главная доктрина Гельвеція о воспитаніи, на которой построена имъ вся теорія общественнаго устройства, тоже отвергается Радищевымъ, потому что съ нею не можетъ согласиться, по его мнѣнію (выше, стр. 108) никто, кому приходилось наблюдать развитіе дѣтей и имѣть съ ними дѣло, или хоть побывать въ начальномъ училищѣ. „Изящнѣйшимъ“ учителемъ о воспитаніи Радищевъ называетъ Руссо, котораго Гельвецій опровергалъ и которому посвятилъ почти цѣлкомъ Section V своего труда *De l'Homme*. Несогласіе Радищева съ Гельвеціемъ можно бы указать еще и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ не называетъ его, напр., въ ученіи о *зablужденіяхъ* (выше, стр. 102—104) и о происхожденіи великихъ людей (выше, стр. 189),—какъ эти ученія изложены у Гельвеція: о *зablужденіяхъ* въ I Discours *De l'Esprit* и о великихъ людяхъ— въ Discours III, chap. XXIII.

¹⁾ *Гельвецій* въ самомъ началѣ сочиненія «О разумѣ», Disc. I, chap. I, стр. 2 и примѣч. стр. 2—4 развиваетъ это мнѣніе, но не въ положительной формѣ, а въ вопросительной: чѣмъ были бы люди даже при *sensibilité physique* и *mémoire* (двѣ нехическія способности) *безъ certaine organisation extérieure*, если бы напр. природа *eût terminé nos poignets par un pied de cheval?*.. Мы не имѣли бы идей—и безъ искусства, безъ поселеній, безъ защиты бродили бы по лѣсамъ..... Это мнѣніе опровергается Боннетомъ въ «Палингенесис», II partie, ch. IV.

Итакъ о какой-либо философской зависимости Радищева отъ Гельвеція въ этомъ трактатѣ о безсмертіи не можетъ быть и рѣчи.

Мы видѣли, что Радищева, какъ строгаго, основательнаго и *последовательнаго* защитника безсмертія *индивидуальной души*, надобно причислить къ представителямъ *критическаго индивидуализма* или панпсихизма (см. выше, стр. 225). Спрашивается, откуда же онъ могъ почерпать опору своимъ воззрѣніямъ, и къ кому онъ могъ примыкать? Здѣсь можно предположить два источника: или *религіозный*—христіанство, или *философско-научный*—монадологія Лейбница. Таковы два великихъ проявленія критическаго индивидуализма въ теченіи новой европейской исторіи. Какъ мыслитель, Радищевъ примынулъ къ философу Лейбницу, монадологія котораго до сихъ поръ остается единственною *завершённою* системою *философіи* критическаго индивидуализма.

Радищевъ въ метафизикѣ „последовалъ“ Лейбницу, „*уи- ственному исполнну*“, какъ онъ его называетъ (одного изъ всѣхъ цитированныхъ философовъ и ученыхъ): „да будетъ онъ намъ *опорою*“ (выше, стр. 200). Цитатою изъ Лейбница же украшенъ самый трактатъ: „настоящее чревато будущимъ“, —мысль, проходящая красною нитью чрезъ всю книгу. Какъ только Радищевъ заканчиваетъ введеніе, первыя двѣ части трактата (философскую антропологію и общее метафизическое ученіе о свойствахъ матеріи и духовнаго начала) и переходитъ въ III части къ положительному изложенію доктрины о безсмертіи, онъ излагаетъ воззрѣнія Лейбница, начиная съ закона непрерывности, и ссылается на него (выше, стр. 148).

Мы подробно изложили мнѣнія Радищева. Выше (стр. 184—185) онъ самъ группируетъ приведенные имъ доводы (*все, что можно сказать „вѣроятнымъ образомъ въ защищеніи безсмертія души“*).

Первая группа (стр. 184 выше) доводовъ излагала

ту мысль Лейбница, что душа—въ противность тѣлу, какъ сложному или агрегату—есть существо простое и не сложное, а потому не можетъ быть уничтожена („естественнымъ путемъ“, какъ добавляетъ Лейбницъ); душа не можетъ быть и продуктомъ тѣла.

Вторые доводы изображали лейбницеву мысль о восходящей постепенности всѣхъ существъ въ мірѣ. Въ человѣкѣ, какъ „микрокосмъ“, явны всѣ естественныя силы, но есть и одна *специфическая* сила: мысленность. Естественвѣденіе учитъ насъ неуничтожаемости силы. Мысленность, превосходнѣйшая изъ всѣхъ силъ, тѣмъ паче не можетъ исчезнуть.

Третья группа доводовъ, *психологическая*, выражаетъ собою реакцію противъ материалистическаго сенсуализма, который проглядываетъ уже у Локка (его мнѣнія ограничены возраженіями Лейбница въ Nouveaux Essais), и особенно раздвѣлъ въ системахъ Кондильяка, Гельвеція и другихъ французовъ XVIII столѣтія. Радищевъ доказываетъ, что мысленность отлична отъ чувственности, что она можетъ творить и такое, чего она не получаетъ отъ чувствъ, что мысленность дѣйствуетъ и въ отвлеченіи отъ тѣла, и что она не есть явленіе или дѣйствіе тѣлесной организаціи.

Доказавши безсмертіе души вообще, Радищевъ переходитъ въ IV-й книгѣ трактата къ вопросу о ближайшемъ будущемъ индивидуальной души, что можетъ быть за предѣлами сей жизни (стр. 186 выше). Отвергая двѣ возможности (стр. 190), что душа переселяется или въ такое же существо, или въ низшее, онъ высказывается за единственно остающуюся ему третью, а именно, что душа по смерти должна переходить въ болѣе совершенное состояніе—потому, что на основаніи лейбницева закона непрерывной постепенности совершенствованіе есть *мета* мысленнаго существа (выше, стр. 195), и это восхожденіе человѣка не имѣетъ предѣла: оно объемлетъ безконечность. Всеблагій Богъ не могъ едѣлатъ изъ насъ бу-

вологъ, и давая намъ понятъ блаженство (стр. 197) совершенства—еще на землѣ, гдѣ достигнутъ его мѣшаетъ тѣло, не желалъ же насъ обманывать надеждою на лучшее будущее за смертию. Душа, освободившись смертію отъ тѣла, станетъ свободнѣе и обновитъ свои силы, какъ послѣ сна, не лишаясь однако самосознанія (стр. 199 выше). Если не допускать противорѣчія въ созданіи бытія, и если настоящее (совершенствованіе) предпочдѣляетъ будущее, то послѣднее не можетъ быть хуже, быть забвеніемъ или сномъ. На землѣ средствомъ совершенствованія (стр. 204) была организація; по смерти оставаясь вѣрнымъ цѣли совершенствованія, человѣкъ будетъ имѣть другую организацію, еще лучшую. Свое будущее человѣкъ, какъ учитъ Лейбницъ, опредѣляетъ настоящимъ (этическое слѣдствіе метафизическаго закона): ты въ себѣ заключаешь и блаженство, и злополучіе: казнь живетъ сосмежна злоупотребленіямъ (стр. 205).

Отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что общій способъ доказывать безсмертіе души съ точки зрѣнія Лейбница у Радищева почти такой же самый, что и въ современныхъ намъ книгахъ этого направленія. И здѣсь мы найдемъ различіе индивидуальнаго безсмертія (т. е. безсмертія души, какъ индивидуальной субстанции) отъ безсмертія личности. Возьмемъ, напр., одну изъ новѣйшихъ книгъ этого рода: *Густава Тейхмюллера* „Безсмертіе души“ (вышло въ русскомъ переводѣ подъ моею редакціею, Юрьевъ, 1895). На стр. 129 мы находимъ, что „философскимъ путемъ можно доказать индивидуальное безсмертіе *аподиктически*“, а на стр. 131: „*личное* безсмертіе не можетъ быть доказано *аподиктически*“. Затѣмъ приводится „экономическое доказательство личнаго продленія жизни“ путемъ очень сложнаго, но изящнаго силлогисма: мы приведемъ его „заключеніе“, почти дословно повторяющее мысли Радищева (Б. д., стр. 154):

„Аподеиктически доказано было только то, что душа бессмертна, и притомъ бессмертна индивидуально; то же, что она также бессмертна, и какъ личность, т. е. что по смерти за нею сохранится личное сознание приобрѣтеннаго ею жизненнаго содержанія, должно считать наиболѣе вѣроятнымъ, если сообразить, что міръ вообще поступательно идетъ къ совершенству, а всякіе успѣхи возможны только посредствомъ присовокупленія новаго развитія къ предыдущему и достигаются индивидуальными субстанціями. Такъ какъ душа, повидимому, никогда не теряетъ своего приобрѣтеннаго жизненнаго содержанія и въ самой себѣ обладаетъ стремленіемъ и силою на дальнѣйшее развитіе, а этому стремленію въ исторіи чело-вѣчества вовсе не дано еще удовлетворенія, то не остается ничего иного, какъ признать, что наше до сихъ поръ приобрѣтенное образованіе и работа не пропадутъ безъ пользы, но что намъ предстоитъ теперь пока еще скрытое для насъ дальнѣйшее существованіе, въ которомъ мы съ нынѣшней ступени продолжимъ свое личное развитіе; намъ долженъ открыться новый міръ съ бѣльшимъ поприщемъ—съ видами на совершенство“.

Наконецъ, глава: „Можетъ ли душа существовать безъ тѣла?“ (стр. 176—183) и разсужденія Радищева о будущей организаціи (выше, стр. 200—203) служатъ другъ другу какъ бы дополненіемъ и взаимнымъ разъясненіемъ.

То, что Радищевъ былъ знакомъ съ Лейбницемъ не какъ-либо поверхностно, а изучалъ его основательно, что онъ вошелъ въ духъ этого любимаго своего мыслителя, доказывается самымъ способомъ его выраженія. Беремъ для образца нѣсколько примѣровъ. Уничтоженіе (выше, стр. 165) Радищевъ по лейбницевски понимаетъ, какъ „изгятіе изъ вселенной“, „вся возможность (выше, стр. 203) прешла въ действительность предъ началомъ уже времени“, то, что будетъ, уже было въ

неизблѣмомъ порядкѣ“ и т. д.—можно подобрать множество подобныхъ выраженій, чисто въ духѣ Лейбница. Выписывать ихъ всѣ—значило бы снова дѣлать пересказъ всего труда Радищева.

Въ противность господствующему мнѣнію—Радищева по его метафизическимъ и общефилософскимъ взглядамъ придется призвать—не послѣдователемъ философіи французовъ XVIII в., а—*лейбницецемъ*, приверженцемъ философіи Лейбница, и притомъ лейбницева направленія не въ уродливой переработкѣ Вольфа, а въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Трактатъ А. Н. „О человекѣ, о его смертности и безсмертіи“, одинъ изъ самыхъ раннихъ по времени плодовъ русской философской мысли, былъ и однимъ изъ первыхъ памятниковъ лейбницевой философіи на русскомъ языкѣ.

Итакъ, въ образованіи и убѣжденіяхъ Радищева, кромѣ уже указаннаго слоя—французскихъ вѣяній и вліяній, необходимо отчеркнуть и выдвинуть еще другой слой, не менѣе важный и столь же ранняго происхожденія, именно его симпатій къ Лейбницу и философіи „критическаго индивидуализма“. Этотъ родъ его убѣжденій неразрывно связывался у него съ весьма подходящею для того подпочвою—фактами и теоріями естественныхъ наукъ. Такая амальгама ничуть не удивительна. Вѣдь и самъ Лейбницъ былъ одинъ изъ величайшихъ естествовѣдцовъ, и его философскія убѣжденія выработывались рука объ руку съ построеніемъ физическихъ и механическихъ теорій, вмѣстѣ съ ознакомленіемъ съ новыми данными естествовѣдѣнія, зачастую даже подъ ихъ вліяніемъ (открытія въ области микроскопіи). Въ XVIII столѣтіи весьма многіе естествовѣды держались взглядовъ Лейбница и часто въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ спеціалисты-философы вольфовой школы.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, надобно окончательно по-
рвать съ тѣмъ взглядомъ на Радищева, который установился съ
Пушнина; нельзя представлять себѣ Радищева, только какъ
начетчика, нахватавшагося разныхъ свѣденій путемъ несисте-
матическаго чтенія французскихъ книгъ. Неправда, что Ради-
щевъ (какъ и другіе русскіе студенты) не былъ въ Лейпцигѣ
въ силахъ понимать лекціи профессоровъ за незнаніемъ нѣ-
мецкаго языка. Наоборотъ, русскихъ студентовъ можно бы,
пожалуй, упрекнуть тѣмъ, что они черевчуръ онѣмечились за-
границею, что они даже разучились по русски, переписыва-
лись по нѣмецки и пересыпали бесѣду иностранными словами.
Фактъ—то, что Радищеву по возвращеніи въ Россію при-
шлось *учиться* русскому языку, брать уроки (у *А. В. Храповицкаго*) и дѣлать упражненія въ русскомъ литературномъ
стилѣ.... Хотя посылка за границу имѣла главною цѣлью под-
готовленіе знающихъ юристовъ, но Радищевъ широко воспользо-
вался гостепрѣимствомъ Лейпцигскаго университета и почерп-
нулъ тамъ, кромѣ знанія права, еще многія свѣдѣнія, а глав-
ное—прошелъ основательный курсъ философіи и естествен-
ныхъ наукъ.

Необходимо отказаться отъ того ложнаго мнѣнія, что
А. Н. былъ нерадивымъ студентомъ. Онъ былъ хорошимъ уче-
никомъ очень хорошаго учителя, правда, въ ту пору еще не
развернувашагося во всей мощи своихъ умственныхъ силъ. Если
мы спросимъ, кто былъ въ Лейпцигѣ главнымъ учителемъ
Радищева, кто наложилъ на его убѣжденія неизгладимую пе-
чать философіи Лейбница и естествовѣденія, обработаннаго
въ томъ же духѣ, то мы принуждены вспомнить имя *Эрнста
Платнера* ¹⁾.

Если Руссо, Мабли, Рейналь и другіе мыслители опре-

¹⁾ См. выше, стр. 63—74.

дѣлили собою одну сторону убѣжденій Радищева, его взгляды социальна-политическіе, юридическіе и экономическіе, то Эрнстъ Платнеръ былъ духовнымъ отцемъ Радищева на поприщѣ чистой философіи, и отъ Платнера то Радищевъ и перенялъ философію критическаго индивидуализма, философію Лейбница.

Радищевъ (выше, стр. 178) говоритъ, какъ о большой рѣдкости, о соединеніи „врачебнаго искусства съ духомъ любознательнымъ“. Платнеръ былъ однимъ изъ представителей этого рѣдкаго типа медика-философа (какимъ въ XIX столѣтіе былъ замѣчательный мыслитель Рудольфъ Германъ Лотце, тоже склонявшійся въ Лейбницу). Платнеръ, по специальности медикъ-физиологъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ специалистъ-профессоръ философіи, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ философовъ XVIII в. и однимъ изъ виднѣйшихъ естествоислѣдовъ лейбницева направленія въ то время ¹⁾.

Метафизику Платнера (въ ея постоянномъ развитіи и измѣненіи) изобразилъ и сопоставилъ на основаніи мѣстъ изъ источниковъ *Врешиера* (т. 103, стр. 12—43). Въ теченіе своей долгой жизни Платнеръ неоднократно измѣнялъ свои положенія (но, преимущественно, въ частностяхъ) подъ вліяніемъ трудовъ Канта, Энезидема и Тетенса (выше, стр. 66—70). Но „скептицизмъ“ Платнера состоитъ въ томъ, что онъ все болѣе и болѣе осторожно начинаетъ—въ виду полемики съ „критицистами“—выражать свое отношеніе къ системѣ Лейбница, подыскивая для того формулы поточнѣе. Въ I изданіи

¹⁾ При ознакомленіи съ Платнеромъ мы руководствовались, кромѣ подлинныхъ его трудовъ («Афорисмовъ», «Антропологіи» и др.) и различныхъ общихъ сочиненій, работами, указанными выше (стр. 66—68), какъ напр., монографією *Врешиера* въ отдѣльномъ изданіи (сокращ.) и въ *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Neue Folge*, томъ 100, 1892 г. *Ernst Platners und Kants Erkenntnisstheorie mit besonderer Berücksichtigung von Tetens und Aenesidemus*, стр. 1—25, т. 101 (за 1893 г.), стр. 203—264 и т. 102 (за 1893 г.), стр. 1—43.

„Афорисмовъ“ 1776 г. онъ еще всецѣло и вполнѣ призналъ „Монадологию“ Лейбница; но еще и въ III онъ всетаки предпочитаетъ эту систему остальнымъ ¹⁾).

Душа, какъ субстанція, для Платнера есть *сила* ²⁾, и въ этомъ сила *нематеріальная* ³⁾. *Тождество и личностность* души (Identität und Persönlichkeit) суть для Платнера *объективные истины* ⁴⁾. Если Платнеръ въ старости становился все осторожнѣе и осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ, прировнявсь къ новымъ философскимъ приемамъ и новой философской рѣчи, становился все „скептичнѣе“, то въ эпоху перваго изданія своихъ „Афорисмовъ“, равно и нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—когда его слушалъ Радищевъ, былъ еще по убѣжденіямъ, и по языку—вполнѣ правовѣрный *лейбницеизъ*.

Платнеръ славился, какъ преподаватель, и привлекалъ массу студентовъ, оказывая на своихъ слушателей громадное вліяніе (выше, стр. 72—73). Неужели одинъ только Радищевъ, въ которомъ всѣ подчеркиваютъ его необычайную воспримчивость, впечатлительность, долженъ былъ остаться въ торопѣ отъ его вліянія, увлечься отъ него—и послѣ многолѣтнихъ занятій подъ руководствомъ Платнера, выйти отъ него, „какъ ни въ чемъ не бывало“, безъ всякихъ признаковъ вліянія (о которомъ говоритъ самъ Платнеръ Карамзину, выше, стр. 73)? Можно ли себѣ представить, чтобъ и по возвращеніи на родину Радищевъ, столь заботливо слѣдившій (даже и въ сибирской ссылкѣ) за всѣмъ, что появлялось въ Западной Европѣ замѣчательнаго въ области наукъ и литературы, оста-

¹⁾ Врешнеръ, т. 103, стр. 21—22.

²⁾ Тамъ же, стр. 31.

³⁾ Тамъ же, стр. 32.

⁴⁾ Стр. 38.

вался совершенно нечувствительнымъ къ славѣ своего учителя Платнера, все возраставшей, и не заглянулъ въ его знаменитыя „Афорисмы“ (съ которыми былъ знакомъ и Карамзинъ, выше стр. 74)—хотя бы изъ простаго любопытства, если бы и не былъ самъ занятъ философскими вопросами, на которые онъ могъ тамъ найти себѣ отвѣтъ въ подходящей и *привычной* для себя (послѣ устныхъ лекцій Платнера) формѣ? Вѣдь ознакомился же онъ съ позднѣйшими трудами другого своего лейпцигскаго учителя по философіи—*Гарве*.

Необходимо признать, изучая философскій трактатъ Радищева, что онъ почерпалъ свою долю пользы изъ лекцій Платнера, которыя, къ слову сказать, какъ это видно изъ „Афорисмовъ“, имѣли ту весьма полезную и „важную для студентовъ особенность“, что мнѣнія профессора снабжались постоянно обширными историко-философскими справками и экскурсами ¹⁾ (а это было рѣдкостью въ *неисторическій* XVIII в.). Радищевъ, несомнѣнно, былъ знакомъ и съ „Афорисмами“ (которые были украшены даже на заглавномъ листѣ портретомъ Лейбница). Эти „Афорисмы“ представляли собою какъ бы скелетъ или *конспектъ* философскихъ лекцій Платнера, были написаны въ очень *сжатой* формѣ—оттого и заглавіе. Но по этому заглавію вовсе не нужно заключать, что мысли Платнера не отличались (выше, стр. 65), какъ сказано у Сухомлинова, послѣдовательностью и не приучали къ серьезному мышленію. „Афорисмы“ очень послѣдовательныя

¹⁾ Самое заглавіе труда: «Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitungen zur *philosophischen* Geschichte. Ср. въ предисловіи: *Ich bin gewohnt mit der Untersuchung der philosophischen Begriffe die Geschichte derselben zu verbinden. Um das Wesentliche der ausführlichern historischen Erläuterungen dem Gedächtniss meiner Zuhörer zu erhalten, habe ich die litterarischen Anmerkungen aufgesetzt. Цѣлю замѣтокъ по исторіи служило das Bekannte der philosophischen Geschichte, was so vielen unbekannt bleibt, gemeiner zu machen.*

написаны, какъ водилось тогда, почти more geometrico, т. е. по образцу Вольфа и Спинозы.

Вліяніе Лейбница черезъ *Платнера* видно у Радищева именно въ пониманіи души, какъ нематеріальной, естественной *силы*, субстанціи, самой себѣ тождественной личности, обладающею самосознаніемъ и самопознаніемъ. На этомъ основаны понятія души, какъ субстанціи-силы, построены главные выводы Радищева о безсмертіи души.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство, косвенно или отрицательно доказывающее вліяніе лейпцигской школы на Радищева. Онъ не сдѣлался послѣдователемъ все болѣе и болѣе входившаго въ моду Канта. Несомнѣнно, что его застраховали отъ вліянія Канта лекціи лейпцигскихъ философовъ *Платнера* и *Гарве*, которые оба были строгими критиками Канта ¹⁾.

Спеціально по вопросу о безсмертіи Платнеръ высказывался неоднократно, какъ въ общихъ сочиненіяхъ, такъ и въ особой программѣ, гдѣ онъ пытается обосновать эту доктрину „физиологически“. Мы разумѣемъ его весьма рѣдкую брошюру:

Ernestus *Platnerus* universitatis litterarum Lipsiensis h. c. procancellarius panegyrii medicam a. d. III. Januarii MDCCCXCI in auditorio majori concelebrandam indicit. Spes immortalitatis animorum per rationes physiologicas confirmata. Стр. XII, малая 4. Самое разсужденіе занимаетъ р. III—X. Платнеръ (IV) общается: argumentis e media physiologia petitis confirmem. Онъ принимаетъ *πρώτον αἰσθητήριον*, in quo et animi sedem et perceptionis atque memoriae officinam, tum voluntariae actionis philosophi col-

¹⁾ См. выше, стр. 69—70 и 182. Радищевъ продолжалъ слѣдить и изъ Россіи за литературною дѣятельностью Гарве. Замѣтимъ, что Гарве, подобно Платнеру, былъ сторонникомъ историческаго изученія философіи и написалъ объ исторіи философіи трактатъ (стр. 183).

locarunt (V). Отъ него надобно отличать *anima vitalis vigen* in nervis, quasi secundarium instrumentum. Желая держать (VI) только того, что *experientia constant*, мы находимъ, что вторичный органъ гибнетъ съ тѣломъ, *primarium autem si militer interire: illud nequaquam*. Но какъ обходиться безъ чувствъ? Нельзя видѣть безъ глазъ ¹⁾. *Non vereor, ne sublat hoc videndi et audiendi modo, cum ad alium mundum devenimus, rerum ante nos positarum perceptione destituamus* Мозгъ, *receptaculum domicilii mentis*, разрушается по смерти. Но Платнеръ (X) въ утѣшеніе тѣмъ, кто *vel cerebrum, vel universum corpus ad animi functiones necessarium esse putant* полагаетъ, что *illius formidinis et curae caussas omnino nulla per argumenta physica declarari*. *Siquidem instrumento aliquo utatur mens nostra, id nulla earum partium corporis contineretur quarum post mortem futura destructio fit...* *Posse autem non destrui, tot exempla suadent corporum aliorum, quae ne in hoc mundo quidem, in quo omnia fluxa et caduca sunt, solent interire... scilicet quia non destruuntur germina, imo vero in rebus, in quibus vis inesse creditur ad corruptionem, explicantur magis et adolescent: aliquid tamen expers corruptioni in rerum natura manifestum est inveniri*. Впрочемъ, Платнеръ тутъ же опровергаетъ Боннета.

Въ „Афорисмахъ“ Платнеръ посвящаетъ безсмертію души особую главу, руководящія мысли которой таковы:

Душа есть простая субстанція (§ 803); значитъ, она не можетъ быть разрушена (§ 1079). Если и возможно уничтоженіе существа (*eines Wesens*), то не иначе, какъ черезъ волю Безконечнаго Существа (§ 1088). Отъ бытія нѣтъ въ природѣ никакого перехода къ небытію. Но для безсмертія души тре-

¹⁾ Любопытная выходка: *excipio tamen Mesmerianos, qui ita oculis negere norunt, ut eorum medici cerebro carere!*

буется *не только* продолженіе ея существованія (§ 1077), но и продолженіе такихъ отношеній (Verhältnisse), съ которыми соединены сознаніе, умственная работа (die Ideenbeschäftigung) и духовная жизнь (§ 1089). Если безсмертіе души покоится на одномъ только продолженіи отношеній, необходимыхъ для духовной жизни, а эти отношенія могутъ вѣчно имѣть мѣсто, благодаря неисощимой возможности положеній и соединеній вещей (§ 1044), то безсмертіе души настолько же достоверно, какъ и всякая другая истина, выведенная изъ доказуемыхъ (beweisfähigen) свойствъ Бога и изъ послѣдней цѣли и сущности міра (§ 1091). Самые сильныя доказательства безсмертія души, безъ сомнѣнія, покоятся на мудрости и благодати Бога, при которыхъ мы почти можемъ обходиться безъ другихъ доказательствъ. Но именно потому и опасень скептицизмъ относительно мудрости и благодати Бога. Доказательство безсмертія подерѣпляется: 1) аналогіею сна и другихъ физическихъ перемѣнъ, благодаря которымъ силы—изъ периодовъ ограниченія выносятся въ широкій кругъ ихъ живой дѣйствительности; 2) разсмотрѣніемъ недостаточности (Unzulänglichkeit) этого мірового тѣла для послѣднихъ цѣлей разумныхъ духовъ по отношенію къ послѣднимъ цѣлямъ Бога; 3) предчувствіями съ тоскою и надеждою, стремленіемъ къ безконечности, совершенству, истинѣ и т. д. (§ 1092). Такъ какъ всѣ міровыя тѣла стоятъ въ связи другъ съ другомъ, то можно усматривать возможность рано или поздно послѣ смерти—въ теченіи природы, чтобы душа переходила на другое міровое тѣло и снова попадала въ отношенія, необходимыя для духовной жизни и для продолженія своей индивидуальности (§ 1093) ¹⁾.

¹⁾ Philosophische Aphorismen, I изд., I ч., стр. 416—418. (IV Hauptstück, XII) Мы пользовались I изданіемъ какъ *ближайшимъ* ко времени лейпцигскаго пребыванія Радичева. Впрочемъ, Радичевъ къ 1792 г., когда онъ началъ свой трактатъ, могъ, уже находясь въ отечествѣ, ознакомиться и съ другими изданіями «Афорисмовъ».

Этимъ мнѣніямъ Платнеръ остался вѣренъ и позднѣе. Онъ, по замѣчанію Врешнера ¹⁾, считалъ правильнымъ доказательство *Мендельсона*: простая субстанція не можетъ умаляться (*verringert werden*), а значить, и не можетъ исчезнуть. Опроверженіе Канта, будто возможно, если и не раздѣленіе, то постепенное ослабленіе (*Nachlassen*) до 0 въ силу интенсивности величины душевной субстанціи, Платнеръ считалъ недостаточнымъ—потому, что Кантъ принимаетъ неразрывную послѣдовательность (*Kontinuirlichkeit*) степеней или интенсивныхъ величинъ, слѣдовательно, не можетъ утверждать полного исчезанія (*Entschwinden*) субстанціи души. Впрочемъ, по мнѣнію Платнера, главное доказательство безсмертія души всетаки заключается въ благодати и мудрости Бога,—при чемъ всё умозрительныя доказательства становятся излишними.

Оставляя въ сторонѣ спеціально лейбницевскую окраску, мы найдемъ у Радищева отзвуки спеціальныхъ воззрѣній Платнера на безсмертіе души. Укажемъ, напр., на мысли о позднѣйшей высшей организаціи и о „новомъ доказательствѣ безсмертія“—изъ „благодати Бога (стр. 196—197 и далѣе)“.

При спеціальныхъ занятіяхъ вопросомъ о безсмертіи души, Радищевъ имѣлъ случай ознакомиться съ работами знаменитаго въ то время *Шарля Боннета*, тоже одного изъ самыхъ видныхъ представителей лейбницава направленія въ философіи и естествовѣденіи, придавшаго, правда, своему лейбниціанству особый специфическій характеръ. Радищевъ, подобно своему учителю Платнеру, часто имѣвшему въ виду теоріи Боннета, отвергаетъ точку зрѣнія Боннета и его „сѣмменнаго любомудрія“. Но онъ выказываетъ хорошее знакомство съ его *La palingénésie philosophique* ²⁾. Въ началѣ сочиненія онъ разбираетъ

¹⁾ Т. 103, стр. 39—40.

²⁾ Мы пользовались ею по *Collection complete des oeuvres de Charles Bonnet*, т. 15 и 16 (*oeuvres d'histoire naturelle et de philosophie*), Neuchâtel, chez Fauche, 1783. 15 т. содержитъ parties 1—XI и т. 16—parties XII—XXII.

мнѣніе его предсуществованіи души и ея отношеніи къ сѣмени (выше, стр. 80—84); и въ концѣ (стр. 201—202) онъ поазываетъ „кругъ“, въ какомъ вращается, по его мнѣнію, система Боннета.—Но, какъ бы то ни было, эта система тоже принуждала Радищева вращаться въ кругу идей Лейбница и родственннхъ имъ.

Мы уже неоднократно указывали ту важную сторону вліянія Платнера на Радищева, что послѣдній почерпалъ изъ лекцій Платнера хорошее знаніе естественннхъ наукъ,—не одни только факты въ ихъ эмпирическихъ обобщеніяхъ и сопоставленіяхъ, но и философское ихъ освѣщеніе.

Это вынесенное изъ Лейпцига хорошее знаніе естественннхъ наукъ Радищевъ укрѣпилъ позднѣе собственными занятіями. Травтатъ о безсмертіи наглядно подтверждаетъ это. Всюду, гдѣ представляется надобность, онъ оказывается освѣдомленнымъ и знакомымъ съ теоріями величайшихъ научннхъ авторитетовъ своего времени даже въ деталяхъ.

Такъ по *физиологій* онъ цитируетъ *Галлера*, принимая его раздѣленіе чувственннхъ и раздражнтельныхъ частей организма (выше стр. 81); на работы Галлера по анатоміи мозга ссылается Радищевъ, говоря о безуспѣшности локализовать душевнныя способности (стр. 89).

По *ботаникѣ* Радищевъ цитируетъ „безсмертнаго“ *Линнея*—по вопросу о распложеніи растеній и ихъ плододѣяніи (стр. 80 и 87).

По *зоологій* и *естественной исторіи* вообще Радищевъ знакомъ съ *Бюффономъ*; онъ приводитъ его мнѣніе о четвероузости обезьянъ (стр. 89) и о важномъ значеніи образа, т. е. формы (стр. 133).

Радищевъ знакомъ и съ модными тогда антропологическими теоріями *Лафатера*, *Кампера* и *Гердера*, излагаетъ и отвергаетъ ихъ (стр. 90).

По вопросам общей *физики* и *механики* Радищевъ „держаетъ противорѣчить“ хорошо извѣстнымъ ему теоріямъ *Ньютона* и *Кеплера* (стр. 127—128) и разбираетъ гипотезы *Локка* и *Пристля* (стр. 126 и 138).

По *химіи* онъ цитируетъ опыты того же *Пристля* о сложности воздуха (стр. 120) и различные другіе опыты (напр. стр. 203 и другія ¹⁾).

Кромѣ того, онъ упоминаетъ о *Монгольфьеровомъ шарѣ* (стр. 156), о *Лавстукѣ* (стр. 91), *Гершелѣ* (стр. 92) и т. д.

Еще ранѣе было уже указываемо другими исследователями, что Радищевъ обладалъ хорошими свѣдѣніями по медицинѣ. И въ трактатѣ онъ обнаруживаетъ знакомство, напр., съ сочиненіями славнаго тогда *Тиссо* (выше стр. 113). Ср. еще выше, стр. 79—85, 87, 89, 91, 97, 110, 140, 146—147, 169—171 и многія др.

¹⁾ Его любимая теорія о самозараждаемости металловъ и ихъ происхожденіи (стр. 85, 97, 162 выше) не имѣетъ ли отношенія къ диссертациі отца Платнера—*Johann'a Zacharias'a Platner'a Dissertatio de generatione metallorum*, Lipsiae, 1717 г. ? I. З. Платнеръ былъ въ Лейпцигѣ профессоромъ медицины при университетѣ (эксграорд. съ 1721 г., и ординарнымъ съ 1724 г.) Къ сожалѣнію, диссертациа его о рожденіи металловъ не вошла въ бывшее у меня подъ руками собраніе его *Opusculorum*, Lipsiae, 1749 (I т.—*dissertationes*, II т. *prolusiones*).

Трактатъ Радищева „О человекѣ, о его смертности и безсмертіи“, мало распространенный и мало изученный доселѣ,— на нашъ взглядъ, представляется не только весьма важнымъ явленіемъ въ исторіи философіи на Руси въ частности, и въ исторіи русской науки—вообще, но кажется намъ также и однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ русской литературы XVIII в.

Объясненіе его съ точки зрѣнія историко-литературной на основаніи довольно большого собраннаго нами матеріала мы оставляемъ за собою, предполагая сдѣлать это въ особомъ этюдѣ, а теперь поспѣшимъ представить нѣсколько общихъ соображеній, явившихся у насъ въ качествѣ результатовъ и плодовъ личнаго и подробнаго изученія трактата Радищева:

1) Трактатъ о безсмертіи былъ въ послѣдніе годы, по-видимому, главнымъ литературнымъ занятіемъ Радищева.

2) Этотъ обширный трудъ самимъ Радищевымъ не былъ окончательно обработанъ; авторъ не придалъ ему послѣдней формы.

3) Изъ четырехъ частей трактата наименѣе обработанною оказывается вторая, гдѣ содержатся общія допачія изъ философіи естествовѣдѣнія (см. выше, стр. 128), „метафизическая часть общаго естествословія“. Она, кажется, въ большей своей части представляетъ черновой набросокъ.

4) Рукопись Радищева со всеми ее недочетами была въ добавокъ издана весьма небрежно, притомъ лицомъ, совершенно незнакомымъ съ философіею, увеличившимъ число ошибокъ своими передѣлками и вставками. Текстъ искаженъ; часто высказывается противное мысли автора.

5) Новое изданіе трактата требовало бы строгой рецензіи текста со стороны спеціалиста.

6) Въ трактатѣ Радищевъ остается вѣренъ своимъ прежнимъ гуманнымъ убѣжденіямъ и освободительнымъ идеямъ XVIII в.

7) Въ отношеніи стиля трактатъ написанъ въ духѣ сентиментализма, какъ и прежнія произведенія Радищева.

8) По философскому направленію трактатъ принадлежитъ къ школѣ Лейбница.

9) Трудъ Радищева есть первый опытъ насажденія въ Россіи идей Лейбница (не въ вольфовской обработкѣ) и притомъ въ самостоятельномъ ихъ развитіи.

10) По обилію заключающихся въ немъ свѣдѣній—трактатъ Радищева есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ въ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII в.

11) Мнѣніе о Радищевѣ, какъ самоучкѣ, набравшемся ума изъ чтенія трудовъ французскихъ энциклопедистовъ, совершенно невѣрно. Обширное знакомство съ всеми важнѣйшими литературными произведеніями западной Европы XVIII в. входило въ кругъ образованія Радищева, но французская философія не опредѣлила его убѣжденій.

12) Радищевъ находился, преимущественно, подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и науки.

13) Радищевъ по философскимъ убѣжденіямъ былъ лейбницевецъ. Это направленіе передалъ ему Платнеръ.

14) Годы ученія въ Лейпцигѣ играютъ въ исторіи умственнаго развитія Радищева несравненно бѣльшую роль, нежели думаютъ изслѣдователи.

15) Мнѣнія Пушкина объ образованіи Радищева и относительно изслѣдуемаго философскаго трактата не согласуются съ фактами и несправедливы.

Прибавленія.

Радищевъ (выше, стр. 197) упоминаетъ „единословіе Катона“ у Аддисона и находитъ его прекраснымъ. Такъ какъ теперь мало кто читаетъ Аддисона, и этотъ монологъ прямо касается темы Радищева „безсмертія“, то мы позволяемъ себѣ привести его:

Act. V. Scene I.

Cato solus.

Sitting in a thoughtful posture: in his hand Plato's book on the immortality of the soul. A drawn sword on the table by him.

It must be so—Plato, thou reason'st well!—
Else whence this pleasing hope, this fond desire,
This longing after immortality?
Or whence this secret dread, and inward horror,
Of falling into nought? Why shrinks the soul
Back on herself, and startles at destruction?
'Tis the divinity that stirs within us;
'Tis heaven itself, that points out an hereafter,
And intimates eternity to man.
Eternity! thou pleasing, dreadful thought!

Through what variety of untry'd being,
Through what new scenes and changes must we pass:
The wide, th'unbounded prospect, lies before me;
But shadows, clouds, and darkness, rest upon it.
Here will I hold. If there's a power above us,
(And that there is all nature cries aloud
Through all her works) he must delight in virtue;
And that which he delights in, must be happy.
But when! or where!—This world was made for Caesar.
I'm weary of conjectures—This must end them.

(Laying his hand upon his sword)

Thus am I doubly arm'd: my death and life,
My bane and antidote, are both before me:
This in a moment brings me to an end;
But this informs me I shall never die.
The soul, secur'd in her existence, smiles
At the drawn dagger, and defies its point.
The stars shall fade away, the sun himself
Grow dim with age; and nature sink in years;
But thou shalt flourish in immortal youth,
Unhurt amidst the war of elements,
The wrecks of matter, and the crush of worlds.

What means this heaviness that hangs upon me?
The lethargy that creeps through all my senses?
Nature, oppress'd, and harass'd out with care,
Sinks down to rest. This once I'll favour her,
That my awaken'd soul may take her flight,
Renew'd in all her strength, and fresh with life,
An offering fit for heaven. Let guilt or fear
Disturb man's rest: Cato knows neither of them,
Indifferent in his choice, to sleep or die.

The works of the english poets. By *Samuel Johnson*, volume 31. J. Addison, Cato, a tragedy, p. 335—336).

Переводъ 5 стиховъ изъ этого монолога (начиная со стиха: The stars shall fade etc.) Радищевъ приводитъ въ „Путешествіи“, заканчивая ими главу: „Бронницы“.

Съ теченіемъ время всѣ звѣзды помрачатся;
Померкнетъ солнца блескъ; природа, обетшавъ,
Лѣтъ дряхлостью падеть,—
Но ты во юности безсмертной процвѣтешь,
Незыблема среди сраженія стихіевъ,
Развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья ¹⁾.

¹⁾ Стр. 63 (лейпцигскаго изданія).

На стр. 105—106 (выше) Радищевъ, говоря о дѣйстви на душу физическихъ причинъ, упоминаетъ мнѣніе Монтескье касательно дѣйствія климата, основанное на замороженномъ *телячьемъ* языкѣ. Монтескье говоритъ не о телячьемъ, а о *бараньемъ* языкѣ, какъ мы можемъ убѣдиться изъ соответствующаго мѣста „Духа Законовъ“, II гл. XIV книги:

XIV книга трактуетъ: Des loix dans le rapport qu'elles ont avec la nature du climat. II глава: Combien les hommes sont différens dans les divers climats.

Les nerfs qui aboutissent de tous côtés au tissu de notre peau, font chacun un faisceau de nerfs; ordinairement ce n'est pas tout le nerf qui est remué, c'en est une partie infiniment petite. Dans les pays chauds, où le tissu de la peau est relâché, les bouts des nerfs sont épanouis et exposés à la plus petite action des objets les plus foibles. Dans les pays froids, le tissu de la peau est resserré, et les mammelons comprimés; les petites houpes sont en quelque façon paralytiques; la sensation ne passe guere au cerveau, que lorsqu'elle est extrêmement forte, et qu'elle est de tout le nerf ensemble. Mais c'est d'un nombre infini de petites sensations que dépendent l'imagination, le goût, la sensibilité, la vivacité.

J'ai observé le tissu extérieur d'une *langue de mouton*, dans l'endroit où elle paroît à la simple vûe couverte de mammelons. J'ai vû avec un microscope sur ces mammelons de petits poils, ou une espece de duvet; entre les mammelons étoient des pyramides, qui formoient par le bout comme de petits

pinçaux. Il y a grande apparence que ces pyramides sont le principal organe du goût.

J'ai fait *geler* la moitié de cette langue, et j'ai trouvé à la simple vûe, les mammelons considérablement diminués; quelques rangs même de mammelons s'étoient enfonçés dans leur gaine: j'en ai examiné le tissu avec le microscope, je n'ai plus vû de pyramides. A mesure que *la langue s'est dégelée*, les mammelons à la simple vue ont paru se relever, et au microscope les petites houpes ont commencé à reparoitre.

Cette observation confirme ce que j'ai dit, que dans les pays froids, les houpes nerveuses sont moins épanouïtes: elles s'enfoncent dans leurs gaines, où elles sont à couvert de l'action des objets extérieurs. Les sensations sont donc moins vives ¹⁾.

¹⁾ (*Montesquieu*) De l'esprit des loix, A Geneve, chez Barrillot et fils 1749, t. I, p. 226—227 (in 4°), liv. XIV, chap. II.

Къ стр. 113.

Радищевъ обладалъ хорошею начитанностью въ сочиненіяхъ современныхъ ему знаменитыхъ медиковъ, среди которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ принадлежитъ Тиссо.

Симонъ Андре *Tisso* (*Tissot*), знаменитый швейцарскій медикъ, родился въ Грансу (кантонъ *Vaud*) въ 1728 г.; онъ учился въ Монпелье и получилъ степень доктора медицины въ 1749 г. Потомъ онъ основался въ Лозаннѣ, гдѣ скоро снискалъ себѣ большую извѣстность. Его пытались переманить въ различные университеты и дѣлали блестящія предложенія. Въ 1780 г. онъ по приглашенію Іосифа II занялъ клиническую кафедру при университетѣ въ Павіи, но не имѣлъ большого успѣха, какъ профессоръ, такъ что черезъ 3 года предпочелъ возвратиться въ Лозанну и заняться опять частною практикою. Тиссо умеръ въ 1797 г. тамъ же.

Его сочиненія были изданы въ 11 томахъ in 8° de *Hallé*. Многочисленные труды дали ему европейскую извѣстность. Г. Бернъ выгравировалъ въ его честь медаль, Женева назначила ему пенсіонъ, Лозанна дала еще въ 1766 г. кафедру медицины. Короли: польскій (Станиславъ), англійскій и нѣкоторые нѣмецкіе владѣтели приглашали его въ первые придворные медики. Его ученики воздвигли ему доску съ надписью: *Immortalis praesertorū*, когда онъ изобрѣлъ особый способъ лѣченія лихорадки, свирѣпствовавшей въ Ломбардіи. Тотъ же способъ онъ примѣнилъ потомъ и въ Лозаннѣ.

Тиссо былъ горячимъ защитникомъ оспопрививанія, которому посвящено первое его сочиненіе *Inoculation justifiée*, Lausanne, 1754, in 12. Въ 1761 г. онъ издалъ свой знаменитый самолѣчебникъ: *Avis au peuple sur sa santé*, in 12; впервые медикъ давалъ совѣты, какъ обходиться безъ врача.

Интересующее насъ сочиненіе *Onanisme*, 1760 in 12; немедленно по появленіи было переведено на разные языки; оно до сихъ поръ еще перепечатывается и, по отзывамъ медиковъ, не потеряло цѣны. Изъ другихъ его работъ отмѣтимъ *Dissertatio de febris bilosis*, Laus. 1758, in 8, *De valetudine litteratorum*, L. 1766, in 8, *Essai sur les maladies des gens du monde*, L. 1770 и др.

У насъ было подъ руками изданіе: *L'onanisme. Dissertation sur les maladies produites par la masturbation. Par M. Tissot* (титулы его): *Troisième édition, considérablement augmentée.* Девизъ *Propriis extinctum vivere criminibus.* *Gall.* A Lausanne chez Marc Charpuz et Compagnie. 1764. Форматъ: 16. Preface V—XXII. Подписано A Lausanne le 5 mai 1764. Table des articles (2 нenum. стр.). Текстъ самого *Essai* 264 стр. Въ книгѣ 4 articles. I статья (изъ 5 sections) трактуетъ о *les symptômes*, II—*les causes* (6—8 sections), III (9—10 s.) —*la curation*, и IV (s. 11—12)—*maladies analogues.*

Къ стр. 208—209.

Радищевъ имѣлъ свои особенныя причины оплакивать смерть своей первой жены и внутренно считать себя виновнымъ передъ нею и передъ своими дѣтьми. На станціи „Яжелбицы“ въ „Путешествіи“ прислушиваясь къ стонамъ отца, погребавшаго сына, который умеръ отъ переданной ему отцомъ болѣзни, Радищевъ обращается къ себѣ и восклицаетъ:

„Я оцѣпенѣлъ; мнѣ казалось, что я слышу мое осужденіе; вспоманулъ дни распутной моей юности... Вспоманулъ, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь.... О друзья мои возлюбленные, о чада души моей, не знаете вы, koliko согрѣшилъ я предъ вами.... Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сей отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества; призовите на помощь врачебное искусство: и если можете, не ненавидьте меня.

Теперь открывается глазамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Я согрѣшилъ предо мною, навлекши себѣ безвременную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрешилъ передъ вами, отравивъ до рожденія вашего жизненные ваши соки и тѣмъ уготовалъ вамъ томное здравіе и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрешилъ—и *сіе да будетъ мнѣ въ казнь*,—согрѣшилъ, въ горячности моей взявъ въ супружество *мать вашу*. Кто мнѣ

порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины. Смертоносный ядъ, источаясь въ веселіи, переселился въ чистое ея тѣло и *отравилъ* непорочные ея члены. Онъ былъ тѣмъ смертоноснѣе, чѣмъ былъ сокровениѣе.

Ложная стыдливость воспретила мнѣ предостеречь ее въ томъ; она же въ горячности своей не остерегалась своего отравителя. *Приключившееся ей воспаление есть, можетъ быть, плодъ удъленной ей мною отравы.* О возлюбленные мои! колико должны вы меня ненавидѣть!¹⁾

1838

Насколько несамостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о Радищевѣ даже самыя видныя представители научной исторіи русской литературы, и насколько они слѣдуютъ разв установленной традиціи, покажетъ слѣдующее сопоставленіе. Мы приводимъ мнѣнія Галахова, Порфирьева, Тихонравова.

„Историкъ нравственной философіи откроетъ въ книгѣ Радищева *послѣдованіе материалистическому ученію Ламетри и Гельвеція*, которые фундаментомъ и цѣлью чело-вѣческихъ дѣйствій ставили эгоизмъ ... Радищевъ въ вѣчной своей раздражительности не пристроился ни къ *одной системѣ*, не остановился ни на одномъ твердомъ положеніи, *не развилъ основательно ни одной мысли (!)*... смѣшеніе доктринъ, или вѣрнѣе, *тамъ и сямъ вычитанныхъ мыслей* разнаго значенія, разнаго характера, разнаго калибра. Этого именно и должно было ожидать отъ чело-вѣка, получившаго, хотя заграничное, но *поверхностное образованіе*“

(Статья А. Д. Галахова „Историко-литературные вопросы“ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1864 г. № 122, стр. 491—492, подп. *Красовъ*; статья написана по поводу сочиненія Стоюнина „О преподаваніи русской литературы“; ср. стр. 273—276 I тома, 2 отд. „Исторіи“ Галахова, изд. 1880 г.) ¹⁾.

1) „Разсужденіе о чело-вѣкѣ, его смертности и безсмертіи“

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ, стр. 670—671.

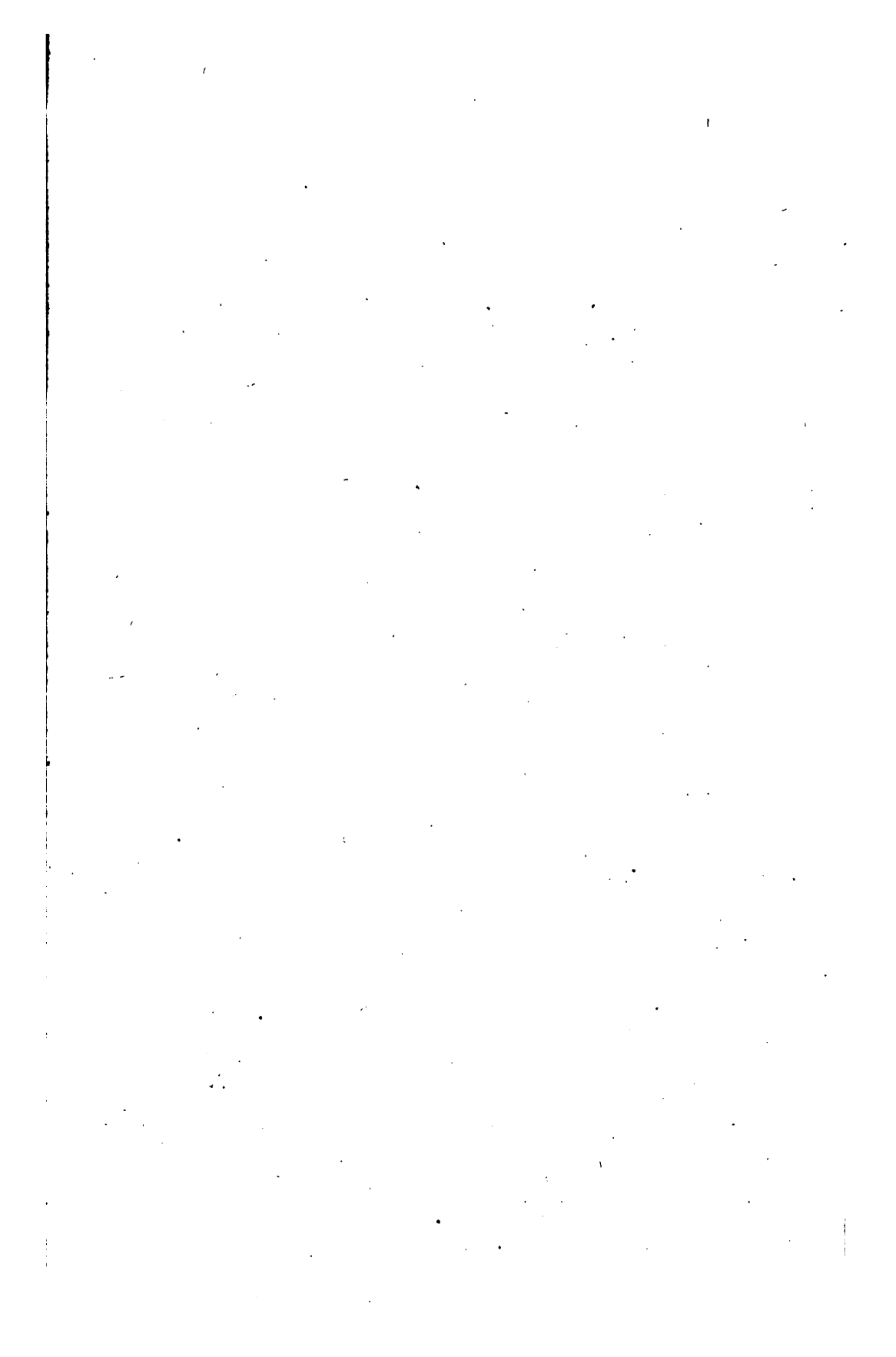
составлено на основаніи (?) разныхъ философскихъ сочиненій Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Гельвеція“ (слѣдуетъ цитата изъ Пушкина о Радищевѣ—*ученикъ* Гельвеція ¹⁾).

„Радищевъ и Ушаковъ бредили Гольбахомъ и Гельвеціемъ... Ушаковъ не только *раздѣлялъ* мнѣнія Гельвеція, но и на *практикѣ ихъ примѣнялъ*. Его организмъ разстроенъ былъ излишествомъ чувственныхъ наслажденій. Въ Лейпцигѣ онъ сильно занемогъ“... ²⁾).

Нужно замѣтить, что Ушаковъ вовсе не былъ безусловнымъ послѣдователемъ Гельвеція (выше, стр. 223), и что Гельвецій ничуть не повиненъ въ развратѣ Ушакова. Ушаковъ захворалъ своею пагубною болѣзнию еще до Лейпцига—въ Россіи (выше, стр. 207), когда онъ еще и не слышалъ о Гельвеціи, значитъ, не могъ примѣнять его ученія „на практикѣ“

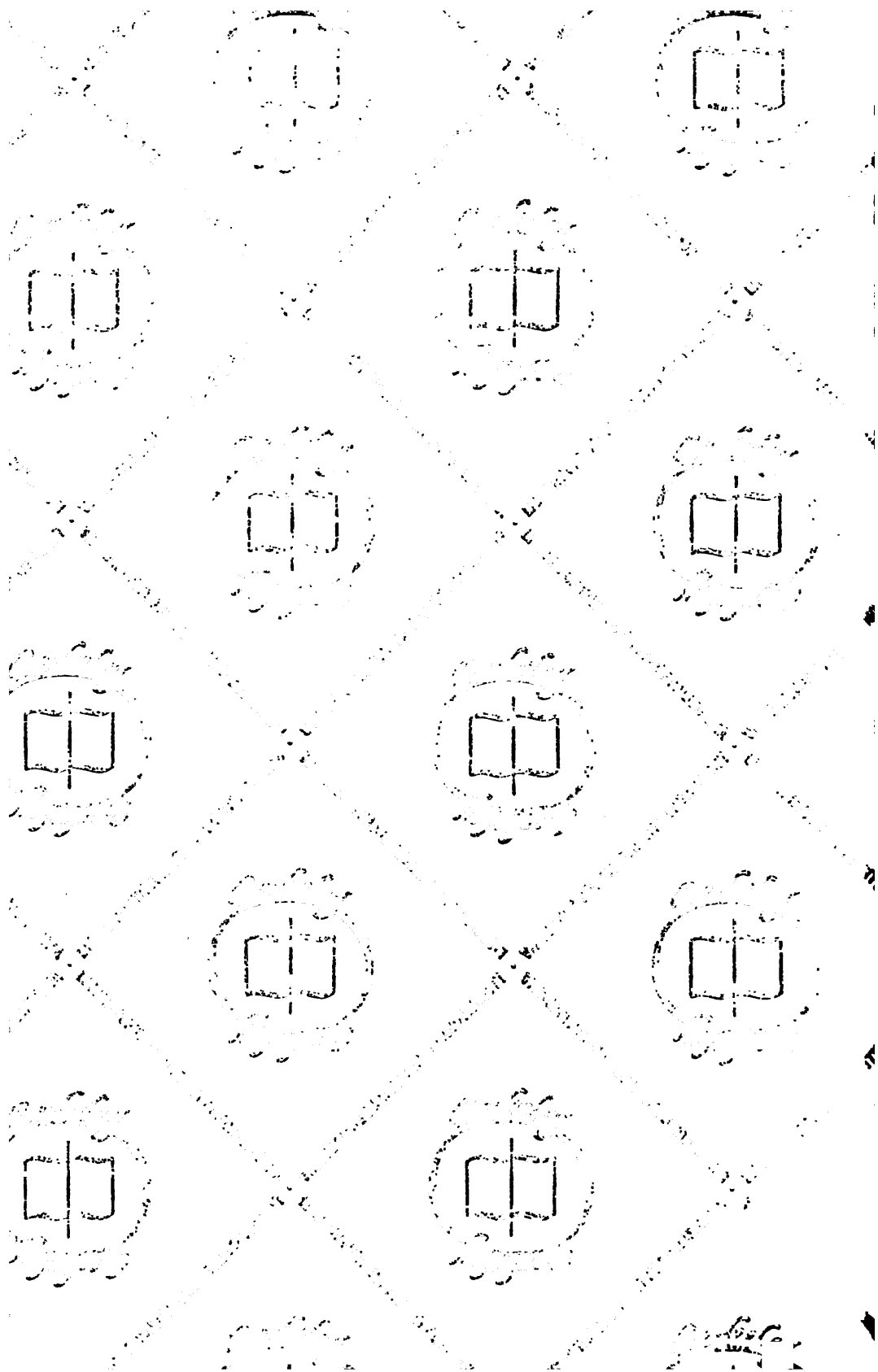
¹⁾ И. Порфирьевъ, Исторія русской словесности, ч. II, отдѣлъ II, Казань 1888 (2 изд.) стр. 264—265.

²⁾ Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, III, 1, стр. 273. («Четыре года изъ жизни Карамзина»).

256004

Handwritten signature or mark

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C038420466

